

Памяти Анатолия Анатолевича Поликарпова

Сборник статей

Под редакцией М.Л.Ремнёвой

Составитель — Е.В.Суровцева

Москва
2015

УДК 821(091); 008(091)
ББК 71(4РУС)
П50

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рецензенты:

д. п. н. Л. А. Дунаева (МГУ), д. ф. н. Е. С. Ярыгина (МГПУ)

П50   **Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова.** Электронное издание. — М.: Издательство Московского университета, 2015. — 596 с.

В сборник вошли научные статьи и воспоминания близких друзей и коллег Анатолия Анатольевича Поликарпова.

Все материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-19-011076-0

© Филологический факультет

МГУ имени М. В. Ломоносова, 2015

© Издательство Московского университета, 2015

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были.

(В.А.Жуковский, «Воспоминание», 1821)

Раздай всё что знаешь, умеешь и смеешь!...
В себе умираешь — в других уцелеешь.

(Научный фольклор)

«Жизненный цикл»
Анатолия Анатольевича Поликарпова

О. В. Кукушкина (Россия, Москва)

Анатолий Анатольевич совмещал в себе такие черты, которые обычно считаются несовместимыми — хотелось бы видеть их вместе, но они крайне редко достаются одному и тому же человеку.

С одной стороны — сын военного, чемпион Москвы среди юношей по тройному прыжку, человек, отслуживший три года в армии и ездивший на работу на велосипеде еще в 80-е годы... С другой стороны — поступление на филфак МГУ и возвращение сюда же после армии; постоянная и неиссякаемая вера в важность гуманитарных наук и прежде всего лингвистики...

С одной стороны, поступление на романо-германское отделение, хорошее владение английским языком, стажировка в Стенфордском университете (Калифорния), преподавание в Гейдельберге, Барселоне... С другой стороны — переход после армии на русское отделение, увлечение историей России и работа на кафедре русского языка...

С одной стороны — постоянная совместная работа с математиками (с Ю. К. Крыловым, Д. В. Хмелевым, В. В. Поддубным) и удивительная, по их признанию, математическая интуиция.; работа в Международном обществе по квантитативной лингвистике (общество было создано на 2-й Международной конференции по квантитативной лингвистике Qualico-94, председателем Организационного Комитета которой был А. А. Поликарпов)... С другой стороны — полная преданность проблематике системной лингвистики и социолингвистики, лексикографии и лексикологии...

С одной стороны — верность отечественным научным традициям и своим учителям — А. Г. Волкову, Л. В. Златоустовой, Г. П. Мельникову... С другой — отличное знание современной научной проблематики и литературы, в том числе англоязычной...

С одной стороны, высочайший уровень абстракции, построение общих моделей коммуникации, жизненного цикла слова, стремление к математическому описанию этих моделей, с другой стороны — осуществ-

вление этих задач на основе данных конкретных словарей и корпусов текстов, постоянное руководство хозяйственными работами и грантами.

С одной стороны — романтизм и постоянные планы, несбыточность которых не вызывала сомнения у окружающих... С другой стороны — умение воплощать эти планы в жизнь. Так, один из первых персональных компьютеров в Москве оказался именно у руководимой им группы; он организовал на факультете свою лабораторию; был бессменным организатором такого трудноосуществимого мероприятия, как Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»...

С одной стороны — невероятная увлеченность своими идеями и проектами, с другой — совершенно искренний интерес к тому, чем занимаются другие, готовность в любое время выслушать и обсудить чужие научные идеи...

Незаменимые люди есть. С их уходом перестают развиваться целые научные направления, остаются невысказанными новые перспективные идеи, наконец, теряется возможность просто зайти и пообщаться с тем, кто умеет тебе обрадоваться, выслушать тебя и поддержать... Но наш ТольТолич всегда был оптимистом. И даже в предложенном им термине «жизненный цикл слова» заложена надежда: ведь цикл — это повторение...

Может быть, мы все еще встретимся... в новой жизни. А если не в ней, так уж в нашей памяти наверняка.

Спасибо, что ты был с нами!!!

«Life cycle» of Anatoly Anatolyevich Polikarpov

O. V. Kukushkina (Russia, Moscow)

Корреляции разноуровневых признаков в главах «Евгения Онегина»

С. Н. Андреев (Россия, Смоленск), smol.an@mail.ru

Ключевые слова: корреляционный анализ, разноуровневые признаки, «Евгений Онегин».

Аннотация: Статья посвящена корреляционному анализу разноуровневых признаков в главах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Я хочу посвятить светлой памяти Анатолия Анатольевича, большого ученого и замечательного человека, статью по корреляционному анализу, возможности применения которого в лингвистике мы обсуждали с ним еще в далеких 80-х годах на конференции в Тарту, когда состоялось наше знакомство.

Конечная цель научного поиска, как не раз отмечалось в работах по философии науки, состоит в нахождении связей между объектами (классами объектов) либо их признаками. Любые новые интерпретации и понятия в конечном итоге основываются на соотношениях качественных либо количественных данных. По мнению Б. Г. Миркина, проанализировавшего большое количество задач в биологии, социологии и ряде других таксономических наук, все они могут быть сведены к двум основным типам: конструирование признаков и описание одних признаков значениями других [Миркин 1980: 6].

Важность реляционного аспекта отражается и в определении научной значимости классификационной схемы, ее адекватности описываемым явлениям. Считается, что классификация является успешной в том случае, если она позволяет выводить или предсказывать наличие у классифицируемого объекта определенных признаков, исходя из базовых характеристик, определяющих место этого объекта в системе [Любищев 1979; Шрейдер 1981: 3 — 4].

Наиболее прямым способом выявлять соотношения между признаками является корреляционный анализ. Стихотворный текст, обладающий повышенной степенью упорядоченности, что проявляется

в более тесном, чем в прозе уровнем взаимодействия его единиц, представляет важный объект для изучения зависимостей, существующих между его элементами.

Поскольку в различных эмпирических науках достаточно часто выделяются не количественные, а качественные признаки, возникает необходимость выявлять их соотношения при помощи коэффициента корреляции для качественных признаков. В этом случае наиболее часто используется коэффициент корреляции Пирсона для дихотомических (альтернативных) признаков.

Формула коэффициента Пирсона для двух альтернативных признаков x и y (r_{xy}) имеет следующий вид:

$$r_{xy} = \frac{d - b}{\sqrt{(a + b)(c + d)(a + c)(b + d)}},$$

где:

a – число случаев, когда оба признака x и y присутствуют в единице;

b – число случаев, когда присутствует x и отсутствует y ;

c – число случаев, когда присутствует y и отсутствует x ;

d – число случаев, когда оба признака x и y отсутствуют.

Несмотря на ряд положительных свойств указанного коэффициента, чем обусловлена его известность, указанная мера, тем не менее, обладает рядом существенных ограничений. Как указывает В.И. Василевич: «Он не может показывать в большинстве случаев ни совершенно положительной, ни совершенно отрицательной сопряженности. Для того чтобы этот коэффициент мог дать значения ± 1 , нужно, чтобы $(a + b) = (a + c)$. Это условие означает, что встречаемость y обоих сравниваемых видов должна быть одинаковой» [Василевич 1969: 82]. Такое свойство коэффициента затрудняет интерпретацию полученных значений, так как при исследовании связей признаков важна не столько абсолютная величина коэффициента, а «представление о том, насколько сопряженность близка максимуму» [Василевич 1969: 82].

Как отметил Ю.А. Тулдава, для сопоставления результатов вычисления коэффициентов из разных экспериментов требуется вычислить нормированное (корригированное) значение коэффициента по формулам: $\phi_{\text{норм}} = \phi / \phi_{\text{max}}$ или $\phi_{\text{норм}} = \phi / \phi_{\text{min}}$ [Тулдава 1988]:

если $j > 0$

$$\varphi_{\max} = \frac{n \min(b,c) + (b - b)}{(a+b)(c+d) + (a+c)(b+d)};$$

если $j < 0$

$$\varphi_{\max} = \frac{n \min(a,d) - (b - b)}{(a+b)(c+d) + (a+c)(b+d)},$$

где φ — коэффициент корреляции Пирсона.

Нормированное значение этого коэффициента можно вычислить непосредственно, используя формулу, предложенную Коулом [Cole 1949; Тулдава 1988; Тулдава 1988a]:

$$\tilde{N} = \frac{d - b}{(a+b)(b+d)}, \text{ если } ad \geq bc \text{ и } (a+b) \leq (a+c);$$

$$\tilde{N} = \frac{d - b}{(a+b)(a+c)}, \text{ если } ad < bc \text{ и } a \leq d;$$

$$\tilde{N} = \frac{d - b}{(b+d)(c+d)}, \text{ если } ad < bc \text{ и } a > d.$$

В отличие от меры Пирсона коэффициент корреляции Коула может достигать +1 и -1 при любом соотношении признаков x и y . Таким образом, этот показатель имеет бóльший диапазон дисперсии и, следовательно, лучше дифференцирует зависимости по их тесноте (силе).

При значениях коэффициента больше нуля говорят о положительной корреляции признаков. В этом случае оба признака обуславливают друг друга, т. е. наличие одного из них в данном объекте предполагает с некоторой вероятностью наличие другого. В случаях, когда значения коэффициента меньше нуля, зависимость является отрицательной, что означает определенный уровень несовместимости признаков в исследуемом материале. В дальнейшем мы также будем использовать выражения позитивной или негативной зависимости признаков.

При $C = +1$ имеет место полная взаимная сопряженность, когда наличие одного признака предсказывает обязательное наличие второго.

Соответственно, если $C = -1$, то это свидетельствует о полной несовместимости признаков (при наличии одного признака второй признак всегда отсутствует). Наконец, если коэффициент корреляции равен нулю, какая-либо связь между признаками полностью отсутствует. Из сказанного ясно, что чем больше абсолютное значение коэффициента корреляции (значение по модулю), тем сильнее взаимосвязь признаков.

Статистическая значимость результатов корреляционного анализа может быть оценена с помощью t -теста. Имеется ряд готовых формул расчета ошибки выборки для этого коэффициента [Cole 1949]:

$$\text{если } ad \geq bc \text{ и } (a+b) \leq (a+c) \quad \sigma_C = \pm \sqrt{\frac{(a+c)(c+d)}{n(a+b)(b+d)}} \quad ;$$

$$\text{если } ad < bc \text{ и } a \leq d \quad \sigma_N = \pm \sqrt{\frac{(b+d)(c+d)}{n(a+b)(a+c)}} \quad ;$$

$$\text{если } ad < bc \text{ и } a > d \quad \sigma_N = \pm \sqrt{\frac{(a+b)(a+c)}{n(b+d)(c+d)}} \quad ;$$

Здесь уровень значимости для качественных признаков принимается как $p = 0,01$. Тогда при достаточно большом числе наблюдений статистически значимыми являются те значения коэффициента корреляции, для которых $|C| \geq 2,58\sigma_r$.

Кроме статистической значимости требуется определить лингвистическую релевантность выявляемой связи в плане ее силы (тесноты). Поскольку здесь нет каких-либо точных измерений, приходится полагаться на опыт эмпирических исследований. Наши предварительные результаты на языковом и речевом материале показали, что для меры Коула можно принять достаточно распространенную точку зрения о пороге релевантности $|C| = 0,30$. Таким образом, все корреляции ниже этого порога являются слабыми, а корреляции $|C| < 0,1$ — сверхслабыми. С другой стороны, корреляции, равные или превышающие порог $|C| \geq 0,50$ следует рассматривать как достаточно сильные, говорящие о существенной зависимости признаков.

Следует уточнить используемые здесь понятия «влияние», «детерминация», «обусловленность» в отношении результатов корреляционного анализа. Как известно, корреляционная зависимость сама по себе

не отражает причинно-следственного механизма явлений. Коэффициент корреляции Коула (как и Пирсона) является ненаправленным. Это означает, что он учитывает взаимную «вариацию» признаков, их взаимный прогноз. Иными словами, выявляется вероятность появления или отсутствия признака *y*, исходя из признака *x*, и одновременно с этим вероятность появления или отсутствия признака *x*, исходя из признака *y*. Таким образом, с точки зрения причинно-следственных отношений признак *x* может быть фактором, определяющим изменения *y*, и наоборот, признак *y* – фактором вариации признака *x*. Однако в большинстве случаев некоторый неучтенный фактор (или комплекс факторов) влияет и на признак *x*, и на признак *y*, в результате чего происходит взаимное изменение этих признаков, что выявляется корреляционным анализом как некая взаимосвязь *x* и *y*. Поэтому выражение «*x* обуславливает *y*» в нашей работе означает лишь то, что «*y* встречается в условиях *x*».

Признаковая схема, используемая нами, отражает различные лингвистические уровни и аспекты стихотворного текста. Целесообразность выявления межуровневых соотношений показана со всей очевидностью в исследовании А. А. Поликарпова и В. Я. Курлова [Поликарпов, Курлов 2001]. К анализу привлекаются следующие формальные признаки, отражающие ритмику, синтаксис (включая в основном «стихотворный синтаксис»), морфологию (частеречные признаки).

Ритмические признаки

Пропуск ударения: на первом икте (ИКТ-1), на втором икте (ИКТ-2), на третьем икте (ИКТ-3); полноударная строка (ПОЛН).

Первые три признака являются «дискретными», т. е. наличие либо отсутствие ударения на данной метрически сильной позиции учитывается вне связи с тем, имеется ли ударение на других метрически сильных позициях этой же строки. Последний же из указанных ритмических признаков (полноударная строка) является «комплексным», так как при его выделении учитывается наличие ударения не на отдельно взятой, а на всех сильных позициях в строке.

Также к этой группе ритмических признаков относятся: наличие внесхемного ударения на анакрусе (АНКР), мужская (КЛЗ-м) и женская (КЛЗ-ж) клаузулы.

Синтаксические признаки

Данная группа признаков включает комплекс характеристик, относящихся к стихотворному синтаксису: различные виды синтаксического переноса — реже (РЖ), контр-реже (К-РЖ), дубль-реже (Д-РЖ), наличие разрыва строки синтаксической паузой (РЗВ), наличие инверсии (ИНВ).

Перенос понимается как несовпадение синтаксического членения текста на синтагмы и стихового членения текста на строки [Гаспаров 1974: 12]. При переносе синтаксическая пауза переходит с конца стиха на середину первой и /или второй из образующих перенос строк¹. Проиллюстрируем типы переноса и паузу примерами.

Реже (РЖ): Потом к супругу обратила / Усталый взгляд; скользнула вон... Контр-реже (К-РЖ): Преследовать любовь, и вдруг / Добиться тайного свиданья... Дубль-реже (Д-РЖ): А нынче! — что к моим ногам / Вас привело? какая малость!

Разрыв синтаксической паузой (РЗВ): Они смеются. Входят гости.

Морфологические признаки

Наличие в зачине и исходе стиха (в первой и последней метрически сильной позициях) следующих частей речи: существительного (СУЩ), глагола (ГЛ), прилагательного (ПЛГ), наречия (НАР), местоимения (МЕСТ). Соответственно, в зависимости от их позиции к кратким обозначениям добавляется «н» (в зачине) либо «к» (в исходе): СУЩ-н, СУЩ-к и т. д.

Таким образом, выделяются четыре основные группы: частеречные признаки зачина стиха (ЧР-н), его исхода (ЧР-к), синтаксические (СИНТ) и ритмические (РИТМ) признаки.

В результате анализа была составлена база данных, в которой для каждого стиха (строки текста) отмечалось наличие или отсутствие признаков из заданного выше списка. В результате была образована таблица «объект-признак», в которой строками являются стихи произведения, а в столбцах представлены признаки.

Для анализа были выбраны 1 и 8 главы «Евгения Онегина». В этих главах события происходят в Петербурге, одной из основных областей

¹ Несколько иной подход к определению переноса предлагает С. А. Матяш, которая определяет его на основании соотношения силы связей между словами в различных строках и в рамках одной строки. Согласно данному подходу перенос возникает, когда сила связей между словами, «разорванными» межстиховой паузой, превышает силу их связи с другими словами в одной строке [Матяш 2006].

художественного пространства романа. Причем Петербург, представленный в первой и последней главах, характеризуется не только значительной для фабулы романа разницей в художественном времени, но и существенными изменениями в жизни основных персонажей.

В результате проведенного корреляционного анализа были получены данные о соотношениях пар признаков, которые отражены в таблице, помещенной в приложении. Корреляционная таблица является симметричной, однако в нашем случае таблица в приложении включает данные сразу двух корреляционных таблиц. В верхней части таблицы приводятся корреляции 1 главы, в нижней части — главы 8. Статистически значимые показатели коэффициента корреляции выделены жирным шрифтом.

Следует отметить, что некоторые соотношения признаков полностью предсказуемы и, следовательно, рассматривать их не имеет смысла. К таким логически обусловленным соотношениям относятся соотношения между частеречными признаками зачина. Действительно, наличие существительного в зачине стиха исключает появление глагола в этой же позиции в той же строке и т. д. В связи с этим все корреляции между признаками морфологического уровня зачина имеют коэффициент корреляции $R = -1$. Это же относится к соотношениям между собой признаков частеречной принадлежности слов в исходе стиха, а также соотношения между признаками РЖ, К-РЖ и Д-РЖ.

Другой тип логически обусловленных связей представлен зависимостями между К-РЖ, Д-РЖ и разрывом строки ($C = 1$), РЖ также с признаком РЗВ, но с противоположным знаком ($C = -1$). С другой стороны, соотношения между собой других признаков стихотворного синтаксиса, ритмических признаков, а также частеречных характеристик различной локализации логически не имплицитуются. Все случаи логической имплицитации в таблице маркированы знаком «→».

Еще одно уточнение — на данном этапе анализа женская клаузула в таблицах не представлена, поскольку значения корреляции этого признака полностью совпадают по модулю (но с противоположным знаком) со значениями признака КЛЗ-м. Значения коэффициента корреляции $|C| < 1$, даются после запятой.

Как видно из таблицы между признаками наблюдается целый ряд статистически значимых корреляций.

Если учитывать только относительно тесные корреляции, то их общее количество относительно всех рассмотренных соотношений составляет примерно около одной трети: в первой главе 28,2%, во второй — 29,2%.

Количество отрицательных корреляций, указывающих на ограничение взаимного появления признаков в одной строке, значительно превышает количество положительных корреляций, предсказывающих такое сочетание признаков. В первой главе количество отрицательных корреляций составляет 22,1% и только 6,1% положительных. В восьмой главе отрицательных корреляций 21,5%, положительных — 7,7%.

В первой главе больше всего отрицательных корреляций наблюдается у следующих групп признаков: ЧР-к — РИТМ, ЧР-н — ЧР-к, ЧР-н — РИТМ. В восьмой главе наибольшее количество ограничений на сочетаемость признаков отмечено в случаях: ЧР-к — РИТМ, СИНТ — РИТМ.

В соотношениях групп признаков ЧР-н — ЧР-к в первой главе негативное воздействие признаков начала и конца строки друг на друга проявляется особенно сильно. Так из восьми относительно более сильных корреляций все восемь отрицательные. Все позитивные корреляции относятся к слабым и сверхслабым. В восьмой главе ситуация несколько изменяется, уменьшается количество отрицательных корреляций и появляется относительно тесная положительная корреляция между признаками ПЛГн — СУЩк.

Интересно отметить, что в двух главах «Евгения Онегина» отсутствует тенденция к асимметрии замещения крайних позиций, наблюдающаяся в лирике Пушкина. В лирике эта асимметрия в частеречном заполнении зачина и исхода стиха выражается в том, что между признаками зачина СУЩ-н, ПЛГ-н, ГЛ-н, МЕСТ-н и, соответственно, признаками СУЩ-к, ПЛГ-к, ГЛ-к, МЕСТ-к имеются сильные отрицательные корреляции. В «Евгении Онегине» эта тенденция фактически нейтрализуется. Так СУЩ-н не препятствует появлению существительного в исходе ни в первой, ни в последней главах. Это же относится и к соотношению местоимения в двух крайних позициях, между ними корреляции не являются статистически значимыми. Несколько другая картина наблюдается в отношении прилагательных и глаголов. В первой главе ПЛГ-н и ПЛГ-к не коррелированы друг с другом, зато в последней главе между ними появляется слабая отрицательная корреляция. Что касается глагола,

то противопоставление ГЛ-н — ГЛ-к имеется в обеих главах, однако теснота зависимости в 8 главе не очень велика.

В целом это говорит о более широкой палитре частеречного заполнения строки в крайних позициях.

Ритмические признаки подтверждают наблюдение, неоднократно делавшееся исследователями о соотношении признаков, отражающих пропуски ударений на иктах. Наши данные позволяют уточнить силу негативных связей, особенно у признаков ИКТ-2 и ИКТ-3.

ИКТ-1 по сравнению с ИКТ-2 и ИКТ-3 имеет максимальное количество отрицательных корреляций в обеих главах, причем на этот признак оказывают влияние как признаки зачина стиха, что является вполне естественным, так и исхода. То же относится к признаку ИКТ-3. Здесь также наблюдается его зависимость не только от контактных признаков (в этом случае признаков исхода стиха), но и от дистантных признаков зачина. Полноударная строка характеризуется относительно большим количеством позитивных факторов, предсказывающих ее образование. Это особенно относится к последней главе.

Корреляции морфологических признаков и типов синтаксического переноса в первой главе свидетельствует об очень слабой зависимости между ними. Здесь отмечены только две относительно тесные корреляции между признаками СУЩ-н — К-РЖ и ГЛ-к — РЖ (обе — отрицательные). В восьмой главе количество корреляций значительно увеличивается. Интересная картина наблюдается в отношении признака КЛЗ-м. Несмотря на достаточно большое количество статистически значимых корреляций, которые составляют около половины от всех соотношений этого признака с другими характеристиками, при сопоставлении двух глав сходными в них оказываются только три. Причем, две из них относятся к частеречным характеристикам исхода: ПЛГ-к и МЕСТ-к, что вполне объяснимо. Прилагательные имеют в своем морфемном составе суффиксы, что препятствует мужской рифме, формы личных местоимений за редким исключением односложны. Здесь интерес представляет не сам факт корреляции, а теснота этой корреляции. По абсолютной величине местоимение в 1,5 раз более тесно связано с КЛЗ-м, чем ПЛГ-к (в 1 главе) и в два раза — во второй.

На следующем этапе анализа была установлена степень стабильности корреляционной системы признаков при сопоставлении 1 и 8 глав.

Сопоставление проводилось для отдельных групп признаков и целых глав.

Существует достаточно большое количество коэффициентов, отражающих различные аспекты сходства двух выборок. В этом исследовании использовался коэффициент сопряженности, известный как мера Серенсена, авторами которой часто также называются Чекановский и Дайс:

$$K = \frac{2a}{(a+b) + (a+c)},$$

где K — коэффициент Серенсена, a — количество сходных (совпадающих) соотношений между одними и теми же характеристиками в корреляционных таблицах, $a+b$ — количество всех возможных соотношений для данной группы признаков в главе 1, $a+c$ — количество всех возможных соотношений для данной группы признаков в главе 8.

Коэффициент Серенсена может принимать значения от 0 до 1. Чем ближе значение коэффициента к 1, тем сходство сильнее.

Ошибка выборки определяется по следующей формуле, предложенной Ю. А. Тулдавой [Тулдава 1974]:

$$\sigma = \sqrt{\frac{K(1-K)}{S_1 + S_2}},$$

где $S_1 = a + b$, $S_2 = a + c$.

Соотношения между одними и теми же признаками в двух разных главах рассматриваются как сходные, если имеет место статистически значимая корреляция одного и того же вида, т. е. в обоих случаях положительная, либо в обоих случаях отрицательная. Степень силы зависимости в этом случае не играет роли. Так, например, в обеих главах наблюдается положительная корреляция между признаками ПЛН и МЕСТ-к, (0,29 в главе 1 и 0,26 в главе 8), ИКТ-3 и ПЛГ-н (0,37 и 0,23) и др.

С другой стороны, в 1 и 8 главах имеют место отрицательные корреляции между признаками СУЩ-н и НРЧ-к (-0,31 в 1 гл. и -0,30 в 8 гл.), НРЧ-н и РЗВ (-0,23 и -0,34), СУЩ-н и К-РЖ (-0,41 и -0,29) и др.

Отсутствие сходства может быть двух видов. Во-первых, это случаи, когда в одной главе зафиксирована положительная статистически значи-

мая корреляция, а в другой между этими же признаками — отрицательная. Так между признаками СУЩ-к и ИНВ в главе 1 наблюдается корреляция положительная, а в главе 8 — отрицательная. Это несовпадение можно условно обозначить как эквивалентную оппозицию.

Другой тип несовпадения имеет место в тех случаях, когда наличие статистически значимой корреляции в одной главе соответствует ее отсутствию в другой. Так, в главе 1 между признаками РЖ и ИКТ-1, НРЧ-к и РЖ, КЛЗ-м и МЕСТ-н наблюдается положительная корреляция, между признаками К-РЖ и ИКТ-1, ПЛГ-к и ИКТ-2 имеется корреляция отрицательная. В главе 8 во всех этих случаях статистически значимой корреляции не зафиксировано. Напротив, признаки МЕСТ-н и НРЧ-к, ИКТ-2 и КЛЗ-м, ПЛН и АНКР в главе 8 коррелированы, в то время как в главе 1 между ними корреляция отсутствует.

Этот тип несовпадения можно условно обозначить как привативная оппозиция.

Кроме рассмотренных выше случаев есть еще один вид, когда отсутствию статистически значимой корреляции соответствует также отсутствие корреляции в другой главе. Такие случаи можно либо исключить из рассмотрения, либо принять их как слабый вариант совпадения. Поскольку в этой работе ставится задача исследовать общую картину всех соотношений признаков, проводя систематический анализ для полной признакововой схемы, мы остановились на втором варианте, т. е. признаем их как совпадения.

В таблице 1 приводятся данные о количестве совпадений в соотношениях признаков 1 и 8 глав. Кроме того, в таблице приводятся значения ошибки выборки и показаны значения исходя из t-критерия Стьюдента для $p = 0,01$ для соответствующего числа степеней свободы. В нашем случае число степеней свободы может быть принято как бесконечно большое (ср. [Левицкий 2004: 170]).

Совпадения положительных и отрицательных корреляций неодинаково по группам признаков. Так для соотношений СИНТ–РИТМ зафиксировано 5 совпадений положительных корреляций и еще 5 — отрицательных. ЧР-н–РИТМ имеют совпадения 5 положительных и тоже 5 отрицательных корреляций.

В соотношениях ЧР-к — СИНТ на 3 совпадения положительных корреляций приходится только 2 — отрицательных. В последнем случае

можно говорить о позитивно обусловленном сходстве. Напротив, в соотношениях следующих групп преобладает негативная обусловленность сходства: ЧР-н–ЧР-к (4 положительные корреляции и 5 отрицательных), ЧР-к–РИТМ (4 и 5).

С другой стороны, случаев сильной (эквивалентной) оппозиции достаточно мало. В наибольшем количестве (3 таких несовпадения, когда «плюсу» в одной таблице соответствует «минус» в другой) отмечено для соотношений признаков СИНТ–РИТМ. В двух случаях для ЧР-н–РИТМ и РИТМ–РИТМ таких оппозиций не отмечено вовсе.

Таблица 1.

Коэффициент сходства Серенсена 1 и 8 глав «Евгения Онегина»

Группы признаков	<i>a</i>	<i>K</i>	σ	2,58 σ ($p=0,01$)
ЧР-н — ЧР-к	15	0,60	0,07	0,18
ЧР-н — СИНТ	16	0,64	0,07	0,18
ЧР-н — РИТМ	15	0,50	0,06	0,16
ЧР-к — СИНТ	12	0,48	0,07	0,17
ЧР-к — РИТМ	15	0,50	0,06	0,16
СИНТ — РИТМ	13	0,43	0,06	0,15

Общее значение сходства 1 глава — 8 глава составляет $K = 0,52$ ($Q = 0,02$).

Все значения меры Серенсена оказались статистически значимыми на уровне $p=0,01$.

Как видно из таблицы 1 относительно более стабильными оказались отношения синтаксических признаков между с частеречными характеристиками. Напротив, максимальная вариативность в системе соотношений коснулись ритмических признаков.

В целом, проведенный анализ показывает, что в романе Пушкина имеется ряд статистически значимых и лингвистически релевантных корреляций между разноуровневыми и разноаспектными признаками, что свидетельствует о достаточно сильном взаимодействии элементов текста.

Литература

- Василевич В. И. Статистические методы в геоботанике. Л.: Наука, 1969.
- Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974.
- Левицкий В. В. Квантитативные меры в лингвистике. Черновцы: Рута, 2004.
- Любищев А. А. О приложении математической статистики к практической систематике // Прикладная математика в биологии. М.: МГУ, 1979. С. 12–28.
- Матяш С. А. Переносы (enjambements) в лирике А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. №11. С. 57–63.
- Миркин Б. Г. Анализ качественных признаков и структур. М.: Статистика, 1980.
- Поликарпов А. А., Курлов В. Я. Стилистика, семантика, грамматика: опыт анализа системных взаимосвязей (на основе анализа данных толкового словаря) // Вопросы языкознания, 1994. № 1., С. 62–75.
- Тулдава Ю. А. Об измерении лексической связи текстов на уровне словаря // Вопросы статистической стилистики. Киев: Наукова думка, 1974. С. 35–42.
- Тулдава Ю. А. Об измерении связи качественных признаков в лингвистике (1): Сопряженность альтернативных признаков // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов: Ученые записки Тартуского ун-та, 1988. Вып. 827. С. 146–162.
- Тулдава Ю. А. О применении коэффициентов сопряженности в лингвистике // Прикладная лингвистика и автоматический анализ текста: Тезисы докладов научной конференции. Тарту 1988а. С. 82–83
- Шрейдер Ю. А. Типология как основа классификации // НТИ ВИНТИ. Сер.2. М., 1981. №11. С. 1–5.
- Cole L. C. The measurement of Interspecific Association // Ecology, 1949. Vol. 30. №4. P. 411–424.

Correlations of Different Level's Signs in Heads of «Eugene Onegin»

S. N. Andreyev (Russia, Smolensk), smol.an@mail.ru

Keywords: correlation analysis, different level's signs, «Eugene Onegin».

Summary: Article is devoted to the correlation analysis of different level's signs in chapters of the novel by A.S. Pushkin «Eugene Onegin».

**Корреляции признаков в двух главах
«Евгения Онегина»
(1 глава — верхняя часть, 8 глава — нижняя часть таблицы)**

	СУЩ-н	ПЛИ-н	НРЧ-н	МЕСТ-н	ГЛ-н	СУЩ-к	ПЛИ-к	НРЧ-к	МЕСТ-к	ГЛ-к
СУЩ-н	х	–	–	–	–	-,05	,18	-,31	-,09	,05
ПЛИ-н	–	х	–	–	–	,14	,00	-,78	-,55	-,03
НРЧ-н	–	–	х	–	–	-,25	-,54	,07	,04	,17
МЕСТ-н	–	–	–	х	–	-,41	,11	,04	-,43	,13
ГЛ-н	–	–	–	–	х	,16	-,36	,21	,03	-,48
СУЩ-к	-,06	,29	-,19	-,03	-,01	х	–	–	–	–
ПЛИ-к	,06	-,29	-,63	-,09	,10	–	х	–	–	–
НРЧ-к	-,30	-,26	,06	,13	-,07	–	–	х	–	–
МЕСТ-к	,02	-,84	,03	-,38	,04	–	–	–	х	–
ГЛ-к	,00	-,17	,09	,06	-,21	–	–	–	–	х
РЖ	-,30	-,26	,06	-,04	,02	,00	-,19	,01	-,57	,09
К-РЖ	-,29	-,42	-,37	-,25	,16	-,14	-,11	,12	,11	-,03
Д-РЖ	-,30	,11	-,46	-,61	,08	-,24	-1,0	,10	,12	,03
РЗВ	-,08	,01	-,34	,06	,08	-,10	-,14	,22	,28	,02
ИНВ	-,48	-,59	,06	,01	,24	-,20	-,40	,07	,18	-,35
АНКР	-,24	-,73	,03	-,30	-,12	-,24	-,12	-1,0	,10	,04
ИКТ-1	-,44	,08	-,43	-1,0	,13	,21	-,04	-,50	-,34	-,34
ИКТ-2	,20	-,19	,06	-1,0	,09	-,14	-,12	,02	,15	-,41
ИКТ-3	,14	,23	-,08	-,17	-,06	,06	-,02	-,22	-,59	,28
ПЛИ	-,15	-,26	,03	,33	-,16	-,08	-,03	,16	,26	-,15
КЛЗ-м	,04	,34	-,04	-,09	-,01	-,03	-,45	-,37	,96	-,04

**Корреляции признаков в двух главах
«Евгения Онегина»
(1 глава — верхняя часть, 8 глава — нижняя часть таблицы)**

	РЖ	К-РЖ	Д-РЖ	РЗВ	ИНВ	АНКР	ИКТ-1	ИКТ-2	ИКТ-3	ПЛН	КЛЗ-м
СУЩ-н	,05	-,41	,00	,01	-,66	-,56	-,40	,11	,02	-,06	-,03
ПЛГ-н	-,38	-,17	,08	-,06	-,58	-1,0	,11	,04	,37	-,45	,08
НРЧ-н	,00	-,17	,02	-,23	,11	,06	-,16	,00	-,08	,06	,27
МЕСТ-н	-1,0	-,16	,05	,03	-,15	,08	-,57	-,49	,07	,11	,24
ГЛ-н	-,34	,05	-,21	-,01	,26	,06	,07	,02	-,14	,00	-,06
СУЩ-к	,08	-,03	-,27	-,07	,13	-,03	,07	,07	-,04	-,03	-,08
ПЛГ-к	,07	-,16	-,05	,06	,04	-,05	,06	-,41	,07	,04	-,52
НРЧ-к	,13	,06	-1,0	,01	-,25	-,26	,11	,03	,27	-,57	-,02
МЕСТ-к	-1,0	-,49	,16	-,05	,28	-,24	-,83	,15	-,53	,29	,86
ГЛ-к	-1,0	-,19	,13	,02	-,71	,01	-,30	-,26	,19	,00	,22
РЖ	x	—	—	—	,06	-1,0	,19	,12	-,19	-,08	-,13
К-РЖ	—	x	—	—	-,62	,04	-,37	,01	-,10	,05	-,14
Д-РЖ	—	—	x	—	-,15	,06	-1,0	-1,0	-,42	,59	,07
РЗВ	—	—	—	x	-,42	,33	-,29	-,26	-,26	,21	-,13
ИНВ	-,27	,04	-,11	-,01	x	-,72	-,17	-,24	-,37	,26	-1,0
АНКР	-1,0	,14	,07	,54	,09	x	,39	-,77	-,22	,04	-,01
ИКТ-1	,07	-,21	-,39	-,30	-,16	,37	x	-1,0	,10	—	,12
ИКТ-2	,05	,04	,12	,12	-,04	-,53	-1,0	x	-,84	—	,06
ИКТ-3	,05	-,34	-,49	-,24	-,51	-,26	,05	-,86	x	—	,09
ПЛН	-,12	,15	,24	,24	,37	-,35	—	—	—	x	-,15
КЛЗ-м	-,22	-,29	,34	-,01	,28	,26	,05	,25	-,03	-,04	x

Латентно-семантический анализ в задачах автоматической группировки лексических единиц

*А. А. Антонова (Россия, Москва), antonova@team.ru
Е. А. Ильюшина (Россия, Москва), a.ilyushina@mail.ru
А. В. Прохоров (Россия, Москва), a.prokhorov@inbox.ru*

Ключевые слова: латентно-семантический анализ, агломеративная кластеризация слов, метод оценки близости слов.

Аннотация: В работе описывается применение латентно-семантического анализа для улучшения результатов агломеративной кластеризации слов; предлагается метод оценки близости слов с помощью сведений об их контекстах, позволяющий учитывать разреженные данные, не прибегая к процедуре сглаживания.

Введение

Предлагаемое исследование касается проблемы извлечения информации лексикографического характера из больших объемов естественно языковых текстов.

Многие современные технологии обработки текста в практических приложениях, таких как *информационный поиск, автоматическое аннотирование и рубрификация документов, машинный перевод и другие*, предусматривают использование данных о частотах слов или частотах сочетаний слов, так как адекватная вероятностная модель повышает качество работы программы [Jelinek 1998]. Построение вероятностной модели, в частности определение оценок ее параметров, осложнено чрезвычайно большим языковым разнообразием, при котором даже огромный объем статистических данных оказывается сильно разреженным [Dagan, Markus, Markovitch 1993].

Одним из способов борьбы с разреженностью данных является укрупнение лексических единиц или переход к классам слов, с тем, чтобы использовать статистику по классам и сочетаниям классов вместо отдельных слов. Это позволяет, с одной стороны, сократить количество элементарных событий, подлежащих отдельной оценке, а с другой стороны, компенсировать тот факт, что собранных статистических данных всегда недостаточно для того, чтобы правильно оценивать вероятности редких событий.

Разработано множество методов автоматической кластеризации, или формирования классов слов, которые выделяются на основании близости их контекстов [Kenneth, Gurewitz, Fox 1990], [Deerwester, Dumais, Furnas, Landauer, Harshman 1990], [Steinhart 1996]. Термин «кластеризация слов» в данной работе является эквивалентом англоязычного термина «word clustering», обозначая вид корпусных исследований, изучающих распределение слов по их контекстам. Контекстом слова в широком смысле является его окружение, включая весь текст. В узком смысле под контекстом подразумевается сильно ограниченная окрестность — соседние слова и/или слова, связанные с данным словом какой-либо грамматической связью. Информация о возможных контекстах для слов обычно автоматически извлекается из текстов при помощи специальных программных инструментов, которые в зависимости от сложности могут включать элементы морфологического и синтаксического анализа [Tokunaga, Iwayama, Tanaka 1993; Li, Abe 1995].

Однако уже на этапе автоматической кластеризации разреженность данных может осложнять получение адекватного результата в силу того, что даже при очень большом объеме выборки каждое слово представлено далеко не во всех возможных для него контекстах. Суммарная доля сочетаний, которые не были засвидетельствованы даже в очень больших выборках, может достигать более 25%. Среди них содержатся, как сочетания, появление которых можно ожидать в новом тексте, так и те, появление которых практически невозможно.

В работе предлагается до начала процедуры кластеризации подвергнуть имеющиеся данные некоторому преобразованию и последующей аппроксимации, что составляет суть латентно-семантического анализа. Результат этого преобразования позволяет определенным образом оценить предполагаемую частоту каждого слова для каждого контекста. На материале русского языка проведен эксперимент, результаты которого подтверждают первоначальное предположение о том, что эта дополнительная обработка значительно улучшает результаты кластеризации.

Кластеризация слов

Методы кластеризации слов отличаются большим разнообразием. Для целей проведенного эксперимента нами был выбран один из самых простых методов — иерархическая агломеративная кластеризация.

Его суть состоит в том, что ближайшие (согласно выбранной мере) единицы последовательно объединяются, формируя новые более крупные единицы, до тех пор, пока не образуется единственный класс.

Результатом подобной процедуры, примененной к лексическим единицам, станет древовидная структура (иерархия), в некотором смысле похожая на тезаурус [Pereira, Tishby, Lee 1993]. Исходя из задачи, иерархия должна по возможности отражать действительную близость слов в употреблении. Желаемым результатом была бы такая иерархия, чтобы на нижних уровнях иерархии объединялись синонимы и слова, принадлежащие к одному семантическому полю, а на более высоких уровнях возникали более обобщенные классы слов.

Один из основных приемов, которые используются для достижения большей результативности агломеративной кластеризации, заключается в том, что работа ведется параллельно с двумя пространствами: одно пространство — пространство контекстов, где точками являются слова, другое — пространство слов, где точками являются контексты. Если на каком-то шаге два близких контекста объединяются, то разница между словами, которые отличались этими контекстами, становится меньше и наоборот.

Исходные данные для кластеризации представляют собой набор статистических наблюдений, которые записываются в виде матрицы совместной встречаемости A , где каждая строка соответствует определенному слову, каждый столбец — определенному контексту. Элементы матрицы a_{ij} - частоты встречаемости i -го слова в j -ом контексте.

Латентно-семантический анализ (Latent Semantic Analysis)

Латентно-семантический анализ или индексирование (LSA/LSI) — это теория и метод извлечения «скрытых» контекстно-зависимых значений термов и смыслов и структуры семантических взаимосвязей между ними на основании статистической обработки больших наборов данных [Landauer, Foltz, Laham 1998; Ландэ 2006].

Метод латентно-семантического анализа эффективно применяется в исследованиях по биоинформатике (геном человека), психолингвистике (понимание метафор, оценка связности текста), компьютерной лингвистике (автоматическая рубрикация документов, поисковые механизмы и т. д.).

Математическим основанием латентно-семантического анализа является метод матричного анализа, основанный на разложении прямоугольной вещественной матрицы A размера (m,n) , $m > n$ на произведение трех матриц, известное как сингулярное разложение, или SVD- разложение

$$A=UDV^T$$

Матрицы U и V в этом произведении — ортогональные, а второй сомножитель D - прямоугольная матрица (m,n) , все элементы которой, за исключением диагональных элементов, пронумерованных в порядке убывания, равны нулю. Столбцы матриц U и V называют соответственно левыми и правыми сингулярными векторами матрицы A . Диагональные элементы D являются сингулярными значениями матрицы A .

Наименьшее сингулярное число матрицы A равняется измеренному во 2-й норме расстоянию от этой матрицы до множества всех матриц неполного ранга [Golub, Van Loan 1996]. Именно это свойство сингулярного разложения позволяет преодолевать вычислительные затруднения при работе с разреженными матрицами больших размеров. Существует целый ряд алгоритмов вычисления сингулярных значений и сингулярных векторов, например, подход, связанный с симметричной проблемой собственных значений, или вычисления по соответствующим матрицам в форме Голуба-Кахана [Годунов, Антонов, Кирилюк, Костин 1988; Матцех 2002; Berry, Dumais, O'Brien 1995]. Для прикладных задач важен также следующий результат, полученный в теории возмущения SVD: при добавлении столбцов к матрице A наибольшее сингулярное число возрастает, а наименьшее сингулярное число убывает.

Эквивалентной формой SVD- разложения, которая и используется в латентно-семантическом анализе, служит представление исходной матрицы A размера (m,n) в виде произведения прямоугольной с ортогональными столбцами, диагональной (с сингулярными числами на диагонали) и ортогональной квадратной матриц. Если оставить в диагональной матрице D только $s < n$ наибольших сингулярных значений, а в матрицах U и V сохранить только соответствующие им столбцы, то их произведение $L= U^1D^1(V^1)^T$ будет наилучшим приближением исходной матрицы матрицей, ранг которой не превышает s . Матрица L не является разреженной и содержит уже не частоты совместной встречаемости,

а оценки, полученные в результате анализа, позволяющего выявить связи «дальнего порядка» между словами.

Под матрицей A далее подразумевается матрица данных ($871*848$), проведенного в работе эксперимента с большой выборкой словосочетаний глагол-объект из коллекции русскоязычных текстов, предоставленных компанией Cognitive Technologies Ltd.

Ранг матрицы L , элементы которой определяются частотами встречаемости соответствующих пар, равен числу строк (объектов) таких, что их различие между собой по определенной мере гораздо больше, чем различие между всеми другими строками. Таким образом, переход от матрицы A к матрице L , содержащей только s линейно независимых строк, позволяет избавиться от шума, т. е. погрешностей измерения частот в силу конечности выборки и вычислительных погрешностей при определении ранга исходной разреженной матрицы большого размера.

В приближенной матрице L проявляется скрытая структура связей между словами, которая присутствует в исходной сильно разреженной матрице A . При этом строки матриц U^1 и V^1 интерпретируют как образы существительных и глаголов в s -мерном вещественном пространстве. Можно сказать, что для всех существительных исходного массива близость определяется на основании частот их совместной встречаемости только с s «базисными» глаголами, аналогичную роль для всех глаголов массива играют s «базисных» существительных. «Базисные» существительные и глаголы определяются по набору s наибольших сингулярных чисел, которым они соответствуют.

Эксперимент

По тексту, предварительно размеченному синтаксическим анализатором, были собраны все глаголы, причастия и деепричастия с их объектами (существительными в именительном и родительном падежах). Затем каждое такое словосочетание было представлено в виде «нормальная форма глагола + нормальная форма существительного». Для подтверждения эффективности метода как подготовительного этапа для кластеризации на основании полученной выборки объема 1657135 словосочетаний глагол-объект была построена матрица абсолютных частот встречаемости словосочетаний размера ($871*848$). Столбцы и строки матрицы

были упорядочены таким образом, чтобы самые частые словосочетания располагались в верхнем углу матрицы.

На данном этапе очевидна разреженность матрицы, возникающая из-за отсутствия многих примеров релевантных связей, и наличие шума в виде примеров нерелевантных связей, которые должны быть удалены из выборки.

Далее была проведена процедура кластеризации на основе исходной матрицы частот с тем, чтобы впоследствии сравнить ее результаты с результатами, полученными при кластеризации на основе приближенной матрицы L . Процедура кластеризации и в том и в другом случае была одинакова:

- 1) строки и столбцы не нормировались;
- 2) поочередно, на основании евклидова расстояния, производилось по парное сравнение всех строк и всех столбцов;
- 3) строки и столбцы, ближайšie друг к другу, объединялись (их содержимое складывалось).

На следующем этапе определялась матрица, которая аппроксимирует исходную матрицу частот словосочетаний. Значение параметра латентно-семантического анализа s было выбрано равным двадцати, т. е. все сингулярные значения, кроме двадцати наибольших, *были отброшены*. Выбор числа измерений s производится так, чтобы наилучшим образом выявить скрытые отношения между словами

На рисунках 1 и 2 приведены левый верхний угол исходной матрицы A и тот же фрагмент приближенной матрицы L .

	0 пошить	1 обратить	2 прогнуть	3 закрыть	4 открыть	5 обращать	6 иметь	7 положить	8 сделать	9 повернуть	10 опустить
0 голова	4321	1	0	58	2	0	48	599	5	1867	1850
1 внимание	0	3939	0	0	0	3182	6	0	0	0	0
2 рука	3579	0	3772	0	5	0	31	2360	8	31	864
3 глаз	2245	18	0	3618	2957	7	44	43	72	15	1180
4 дверь	8	0	0	1271	3484	0	14	0	6	0	2
5 значение	3	0	0	0	0	0	2628	0	0	0	1
6 шаг	0	0	1	0	0	0	6	0	2332	0	0
7 место	0	0	0	0	10	0	710	1	6	0	2
8 решение	0	0	0	0	0	0	12	1	3	2	0
9 вопрос	50	3	0	3	0	1	5	0	6	0	4
10 взгляд	260	39	0	0	0	10	16	0	3	3	125
11 трубка	553	0	48	10	0	0	7	1438	3	1	111
12 сознание	1	0	0	6	1	0	1	0	1	0	0
13 возможность	1	1	0	0	13	0	1398	0	0	0	0

Рис. 1

	0 поднять	1 обратить	2 прогнуть	3 закрыть	4 открыть	5 обращать	6 иметь	7 положить	8 сделать
0 голова	4348.9	0.9	-11.8	46.1	5.6	0	48	585.1	5.4
1 внимание	-0.2	3939.6	-0.3	0.2	-0.3	3181.3	5.9	-0.1	0.1
2 рука	3581.5	-0.1	3747.5	-3.9	6.2	-0.1	31.2	2369.7	7.8
3 глаз	2242.1	19.8	6.8	3640.5	2942.6	5.6	43.1	45.3	71.5
4 дверь	7.4	-1.1	-8.8	1213.3	3535.4	0.6	14.7	-3.9	7.7
5 значение	2.9	0.2	-1.7	-3.7	1	-0.5	2616.8	6.1	-30.5
6 шаг	1.3	-0.1	0.3	2	-1.4	-0.1	-10.7	2.2	2199.6
7 место	6.5	-0.6	-2.3	-5.9	12.5	0.5	711.2	-3.2	10.2
8 решение	-0.7	-0.6	-0.9	-3.2	2.1	-0.1	6.6	-1.4	-19.7
9 вопрос	51.6	2.7	-2.8	1.5	0.1	0.9	4.8	-2.2	6.6
10 взгляд	266.6	37.8	-8.1	-5.5	3.6	10.3	15.6	-1.9	2.9
11 трубка	538.1	-0.2	38.5	13.1	-2	-0.2	9.6	1430.6	4.2
12 сознание	-7	-0.5	-1	9.1	-0.2	-1	-4.8	-0.7	-5.3
13 возможность	-4.7	-0.7	-3	5.1	12.4	-0.6	1410.8	-8.6	-14.3

Рис. 2

Изменения в ассоциативной структуре зависимостей, прослеживаются в том, как меняется коэффициент корреляции Пирсона между отдельными словами (см. рис.3).

<i>Пары слов</i>	<i>Коэффициент корреляции Пирсона согласно исходным данным</i>	<i>Коэффициент корреляции Пирсона после LSA.</i>
<i>зуб губа</i>	-0.0050	0.8616
<i>удар поражение</i>	0.1180	0.9351
<i>вопрос проблема</i>	0.1826	0.9349
<i>песня история</i>	0.0871	0.8287
<i>чувство интерес</i>	0.1110	0.8148
<i>звук песня</i>	0.1057	0.7576
<i>имя номер</i>	0.1538	0.7933
<i>жизнь путь</i>	0.0438	0.6774
<i>голос песня</i>	0.1283	0.7580
<i>порог молчание</i>	-0.0026	0.8415
<i>конец шляпа</i>	0.0824	0.7999
<i>номер характер</i>	0.0381	0.6727
<i>мысль верх</i>	-0.0072	0.6000

Рис. 3

Следует заметить, что при указанном упорядочении матрицы *A* самые надежные данные, расположенные в верхнем левом углу, подверглись меньшим изменениям, чем остальная часть матрицы, и коэффициент корреляции между словами этого фрагмента также меняется не столь существенно.

Для иллюстрации преимуществ использования латентно-семантического анализа в сочетании с традиционной агломеративной кластеризацией построены иерархии глаголов и существительных по исходной матрице данных *A* и по приближенной матрице *L*. Примеры поддеревьев из получившихся иерархий приведены на рисунках 4 и 5.

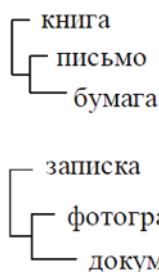

Рис.4

Рис.5

Заключение

Результаты эксперимента показали, что применение LSA приводит к большей структурированности иерархии (большей глубине поддеревьев) и к большей связанности слов внутри поддеревьев.

Между тем, при объединении слов на самых нижних уровнях иерархии (1-ый, 2-ой шаги кластеризации) латентно-семантический анализ не дает ощутимого улучшения.

На качество классификации существенно влияют следующие факторы:

- количество значений слова и то, насколько эти значения далеки друг от друга;
- не для всех слов семантика одинаково хорошо характеризуется набором действий, которые можно с ними производить (для существительных) или набором предметов, с которыми можно производить данное действие (для глаголов);
- слова в представлении человека могут быть тесно связаны какой-то ассоциативной связью, но употребляться в непересекающихся контекстах, например «пить» и «есть», очевидно, что в классификации с помощью контекстов такие связи не проявятся.

Для дальнейших исследований необходимы лингвистические критерии анализа построенных иерархий и сравнения их качества. В связи с этим, открытым остается вопрос о выборе оптимального значения свободного параметра s . По опыту исследователей, его значение может варьироваться от 3 до 300 в зависимости от размера исходной матрицы и типа задачи (14). Кроме того, при определении схожести

слов должны учитываться контексты различных типов (разные синтаксические связи).

Литература

- Годунов С. К., Антонов А. Г., Кирилук О. П., Костин В. И.. *Гарантированная точность решения систем линейных уравнений в евклидовых пространствах*. Наука, Новосибирск, 1988.
- Ландэ Д. В. Основы интеграции информационных потоков. *Киев*, 2006.
- Мацех А. М.. *Анализ алгоритмов вычисления сингулярных чисел и сингулярных векторов несимметричных матриц по соответствующим матрицам в форме Голуба-Кахана*. Международная конференция молодых ученых по математическому моделированию и информационным технологиям. Новосибирск, 2002.
- Berry M. W., S. T. Dumais, G.W. O'Brien, Using linear algebra for intelligent information retrieval. *SIAM: Review*, 37, 1995.
- Dagan I., Markus S., Markovitch S.. Contextual word similarity and estimation from sparse data. 1993.
- Deerwester S., Dumais S. T., Furnas G. W., Landauer T. K., Harshman R.. Indexing By Latent Semantic Analysis. *Journal of the American Society For Information Science*, 41, 1990.
- Golub Gene H., Van Loan Charles F. *Matrix Computation*. The Johns Hopkins University Press, 1996.
- Jelinek F. *Statistical Methods for Speech Recognition*. MIT Press, 1998.
- Kenneth Rose, Gurewitz Eitan, Fox Geoffrey C.. Statistical mechanics and phase transitions in clustering *Physical Review Letters*, 65(8), 1990.
- Landauer T. K., Foltz P. W., Laham D, D. Introduction to Latent Semantic Analysis. *Discourse Processes*, 25, 1998.
- Li H., Abe N. Generalizing case frames using a thesaurus and the MDL principle. *Comp. Ling*, 1995.
- Pereira F., Tishby N., Lee L.. Distributional clustering of English words. *Proc. of ACL'gg*, pp. 183–190, 1993.
- Steinhart D. J. Resolving Lexical ambiguity: Does context play a role? University of Colorado, Boulder, 1996.
- Tokunaga T., Iwayama M., Tanaka H.. Automatic thesaurus construction based-on grammatical relations. *Proc. of IJCAI'95*, pp. 1308–1313.
- <http://cs.isa.ru:10000/dwarf/>

The Latent And Semantic Analysis In Tasks Of Automatic Group Of Lexical Units

A. A. Antonova (Russia, Moscow), antonova@team.ru

E. A. Ilyushina (Russia, Moscow), a.ilyushina@mail.ru

A. V. Prokhorov (Russia, Moscow), a.prokhorov@inbox.ru

Keywords: latent and semantic analysis, agglomerative clustering of words, method of an assessment of proximity of words.

Summary: This paper is concerned with word clustering and Latent Semantic Analysis, methods that deal with a general problem of evaluating word similarity. Latent Semantic Analysis (LSA) is a statistical method based on a matrix decomposition technique for extracting the contextual meaning of words from a large corpus of data. We argue that applying LSA transformation to the data before a clustering procedure can improve the results impressively. Using that technique we conduct an experiment with clustering words according to their distribution in verb-object pairs.

**Анализ системных зависимостей стилистических,
полисемических и частеречных характеристик лексики
(на материале «Большого толкового словаря
русского языка»)**

Воробей С. И. (Россия, Москва), vorobeisofya@gmail.com

Ключевые слова: системная лингвистика, языковой знак, системные зависимости, полисемия, стилистические характеристики.

Аннотация: Эта статья — результат совместной с Анатолием Анатольевичем работы над словариком Большого толкового словаря русского языка под редакцией С. А. Кузнецова. В статье исследуется системная взаимосвязь стилистических характеристик лексики русского языка с характеристиками полисемическими и частеречными. Прогнозирование зависимостей осуществляется на базе модели жизненного цикла знака. Полученные результаты в целом согласуются с теоретическими прогнозами. Проведенное исследование позволило обнаружить важные системные тенденции в организации исследуемого словаря и, предположительно, лексической системы русского языка в целом.

1. Системный подход в исследовании лексики

Системный подход в лингвистике, в основе которого лежит идея языка как целостности — системы, состоящей из взаимообусловленных частей (подсистем), предполагает обязательное наличие зависимостей между различными характеристиками единиц лексической подсистемы языка. Эти зависимости обнаруживаются в результате объединения лексических единиц в разнообразные группировки. В качестве ключевых признаков, положенных в основу разбиения лексики на группы, могут выступать самые разные характеристики: грамматические, объемно-семантические, стилистические и т. д. Степень пересечения состава выделенных групп слов может свидетельствовать о степени системной корреляции признаков, которые легли в основу разбиения лексики на классы. Обнаружение же данных зависимостей позволяет углубить знания о системном устройстве словарного состава языка.

В данной статье мы анализируем взаимосвязи стилистических характеристик слов русского языка с их полисемическими и частеречными характеристиками. Конечно, набор системно значимых параметров лек-

стики ими не ограничивается. Тем не менее, рассмотрев даже эти характеристики, мы затрагиваем очень важный узел системных отношений в языке — взаимоотношений внешнефункционального и внутрисистемного аспектов в организации лексики.

2. Выбор «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова в качестве материала для исследования

Материалом для исследования послужил один из последних толковых словарей большого типа — «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (далее — БТС). Такой словарь должен отражать в том или ином отношении полный состав лексики современного русского языка, т. е. не только активный, но и пассивный нормативный словарный запас русскоязычного общества в данную языковую эпоху (о типологии толковых словарей см. [Ожегов, 1952; Поликарпов, 1987; Поликарпов, Крюкова, 1989; Поликарпов, Курлов, 1994; Поликарпов, Руис-Соррилья Крусате, 2013]). До настоящего момента исследование системных зависимостей русской лексики на столь представительном материале не проводилось.

3. Прогнозы, проверяемые в данной работе

Наше исследование опирается на теоретические положения, сформулированные в модели жизненного цикла знака [Polikarpov, 1993; Поликарпов, 2007; 2009; 2013; Поддубный, Поликарпов, 2011; 2011a]. Эта теоретическая модель позволяет выдвинуть и затем экспериментально проверить ряд прогнозов о микропроцессах в знаковых единицах, которые определяют и макродинамику языка, а также те синхронные закономерные соотношения, которые мы обнаруживаем в языковой системе и её подсистеме — лексике.

На основании положений модели жизненного цикла знака можно сформулировать следующие прогнозы, которые затем будут проверены в нашей работе на доступном нам материале:

1) Поскольку каждое из следующих значений знака в его истории, в среднем, оказывается все менее специфичным и менее привязанным к определенной сфере употребления, должна наблюдаться тенденция к последовательному снижению средней степени функционально-стилистической маркированности каждого из значений слов все более высокой полисемии.

2) Словообразовательный процесс, в тенденции, разворачивается по направлению от наиболее конкретных, предметных слов (существительных) к всё более абстрактным по своей категориальной и лексической семантике словам — прилагательным, глаголам и наречиям, и далее — к самым абстрактным (служебным) категориям слов [Поликарпов, Кукушкина, Токтонов, 2008]. Исходя из этого, должна наблюдаться тенденция к последовательному снижению средней степени функционально-стилистической маркированности значений слов признаков (прилагательных, глаголов, наречий) в сравнении со значениями предметных слов (существительных).

Далее мы проверим эти прогнозы на доступном нам материале.

4. Характеристика выборочного материала из БТС под ред.

С. А. Кузнецова

Заявленный авторами словаря объём словника — около 130 000 лексических единиц. В его состав, в том числе, входят префиксы, суффиксы, связанные начальные и конечные части сложных слов, а также устойчивые сочетания слов и фразеологизмы — эти элементы в нашу базу данных не вошли.

Еще одной особенностью исследуемого материала является то, что для ряда производных слов информация о наборе значений и их функционально-стилистической отнесённости не представлена. Это несколько затрудняет работу с материалом: характеристики производных слов приходится восстанавливать самостоятельно на основании эксплицитно охарактеризованных, так называемых «заголовочных» слов.

В данной статье мы приводим результаты анализа **28 127 слов**, которые вошли в алфавитный диапазон от Р до Я. Это составляет примерно одну четверть словника БТС. Количество проанализированных лексико-семантических вариантов слов — **44 913**, из них стилистически маркированных — **14 538 (32,3%** от всех ЛСВ). Несмотря на то, что исследование проводилось пока на неполном материале словника, данную выборку можно назвать репрезентативной: принцип отбора и представления лексики является единым для всего состава словаря, а значит, определенные тенденции всего словаря должны прослеживаться и на материале достаточно объемных его частей.

При анализе материала словника нас в данном случае интересовали следующие характеристики:

1. принадлежность слова к определенной части речи (и к определенной группе частей речи);
2. количество значений у слова;
3. стилистическая маркированность ЛСВ слова.

Все лексические единицы словаря мы разделили на несколько объемно-семантических групп: слова с 1, 2, 3–4, 5–8, 9–16 и 17–32 значениями. В основе подобного способа группировки слов лежит логарифмическая мера величины полисемии. Она используется для того, чтобы получить такие группы слов, каждая из которых заметно отличается по этой характеристике от предшествующих и последующих групп в этой последовательности [Поликарпов, Курлов, 1994: 68].

Для характеристики слов и их значений авторы исследуемого словаря используют 92 стилистические пометы (об особенностях отображения стилистически окрашенной лексики в толковых словарях см.: [Бабкин, 1983: 4–33; Беркович, 1988: 206–210; Емельянова, 2002: 71–75; Медникова, 1988: 145–150; Скляревская, 1988: 84–97; 1995: 90–103; Шмелева, 1975: 24–39]). На основании трех исходных объективных стилистических факторов, которые формируют стилистическое расслоение лексики и функционально-стилистическую окраску слов (социально-функциональный, временной и территориальный), эти пометы были сведены нами к трем основным категориям: книжно-специальной, разговорно-экспрессивной и устарелой. Наша позиция здесь близка той, которая развивается в работах Г. Н. Скляревской [Скляревская, 1978: 104–105].

Следует отметить, что в словаре отсутствуют пометы, указывающие на территориально-ограниченное употребление лексики. Это затрудняет использование БТС в качестве универсальной (многоаспектной) лексикографической базы, однако не является для нашего исследования критичным: доля подобной лексики в словарях любого типа невелика. Так, в МАСе маркированные пометой «местн.» ЛСВ составляют 0,8% всех ЛСВ словника [Поликарпов, Курлов, 1994: 68], а в «Новом словаре русского языка» под ред. Т. Ф. Ефремовой (по неопубликованным данным А. А. Поликарпова) — около 1,1% всех ЛСВ словника.

5. Результаты исследования

5.1. Общая стилистическая маркированность значений слов

Итак, из **44 913** проанализированных нами лексико-семантических вариантов слова маркированными оказались **14 538**, т. е. **32,36%**. Среди них 21,6% (9701 ЛСВ) — это значения, маркированные разговорно-экспрессивными пометами; 9,32% (4186 ЛСВ) — значения, маркированные книжно-специальными пометами; 1,44% (651 ЛСВ) — значения, маркированные пометой «устарелое» (см. рис. 1).

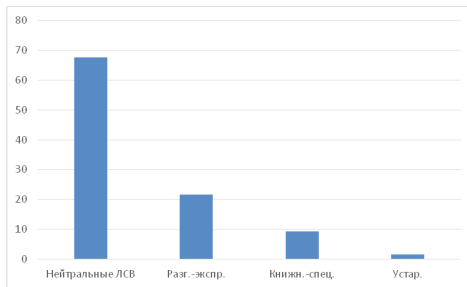

Рис. 1. Доля классов помет среди всех ЛСВ

Если рассматривать соотношение только внутри маркированных значений, то разговорно-экспрессивные пометы составляют **66,7%** всех маркированных ЛСВ. Доля книжно-специальных помет среди маркированных ЛСВ — **28,8%**, устарелых — **4,5%** (см. рис. 2).

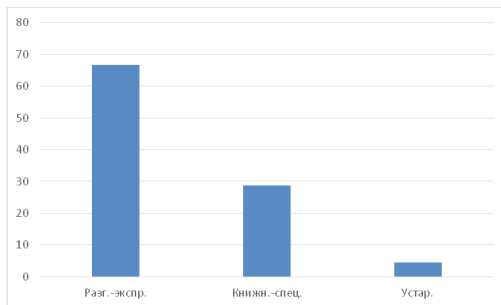

Рис. 2. Доля классов помет среди маркированных ЛСВ

Из этих данных следует, что ЛСВ, маркированные как разговорные, представляют собой абсолютное большинство среди всех маркированных ЛСВ. Подобный результат не соответствует нашим ожиданиям. Исходя из типологии толковых словарей [Ожегов, 1952; Поликарпов, 1987; Поликарпов А. А., Крюкова, 1989; Поликарпов, Курлов, 1994; Поликарпов, 2012; Поликарпов, Руиз-Соррилья, 2013], мы предполагали, что в БТС будут преобладать специальные пометы, которые представляют обширную культурную сферу большого словаря любого современного языкового общества. И действительно, по неопубликованным данным А. А. Поликарпова, в больших словарях английского, финского, эстонского и других языков словесные значения, маркированные специальными пометами, лидируют среди всех остальных.

Почему же не только для БТС, но и для других русских толковых словарей (например, для словарей среднего типа [Поликарпов, Курлов, 1994]) характерной является существенно более низкая степень маркированности именно этим классом функционально-стилистических помет, а не полярно им противопоставленными разговорными пометами? Это объясняется тем, что в отечественной лексикографической традиции (в отличие, например, от британской и американской) специальная и устаревшая периферия лексической системы (в первую очередь это термины-существительные) принципиально отображается в средних и больших словарях крайне неполно. Подобная избирательность лексикографов и ведет к искусственному занижению доли специальных помет в общей массе маркированных значений и, следовательно, к неоправданно заниженной оценке общей степени стилистической маркированности всех значений в этих словарях.

Небольшое процентное содержание ЛСВ, маркированных пометой «устар.» (4,5% от объема маркированных ЛСВ и 1,44% от объема всех ЛСВ), в большом по типу толковом словаре также настораживает. Для сравнения, в МАСе (словаре, который, по классификации Ожегова, относится к среднему типу) доля значений, маркированных как устаревшие, составляет 18% от всех маркированных ЛСВ [Поликарпов, Курлов, 1994, С. 68]. Типологическое же отличие словаря большого типа от словаря среднего типа должно состоять в существенно большем наличии в нем единиц пассивного запаса литературного языка, в том числе и устаревших единиц. У нас же наблюдается обратная картина

— удельный вес устаревшего материала в большом словаре почему-то падает, а не возрастает. Подобный «казус» можно объяснить не только тем, что составители МАСа (вслед за составителями «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова) уделили особое внимание отживавшему дореволюционному и быстро устаревавшему послереволюционному лексическому материалу, но и тем, что часть сведений о выходе слова из активного употребления в БТС запрятана в толкованиях слов (например, «в России до 1917 года», «в СССР» и т. п.), и вычленив их оттуда является отдельной задачей, которая в настоящем исследовании не ставится.

5.2. Стилистическая маркированность ЛСВ разных частей речи

Для исследования зависимости стилистических характеристик значений слов от их частеречной принадлежности нами были созданы таблицы распределения трех классов стилистических помет (разговорно-экспрессивных, книжно-специальных и устарелых), а также таблица общей стилистической помеченности для разных частей речи и для двух типизированных классов лексики: предметной (существительные) и признаковой (прилагательные, глаголы и наречия).

Следует отметить, что на данном этапе исследования служебные слова, числительные, местоимения и междометия из-за их малого объема в общем количестве ЛСВ мы рассматривали совместно — в категории «Остальные части речи».

Среди четырех знаменательных частей речи (существительное, глагол, прилагательное и наречие) в исследуемом словаре наиболее маркированными оказываются значения глагола — 37,13% от общего их числа (4407 ЛСВ из 11868 ЛСВ) (см. рис. 3). Степень общей стилистической маркированности значений существительного оказывается существенно ниже: 35,16% помеченных значений от общего числа всех значений этой части речи (в абсолютных цифрах — 7267 ЛСВ из 20665 ЛСВ). Далее по степени стилистической маркированности следуют значения прилагательных и наречий (24,34% и 18,88% соответственно).

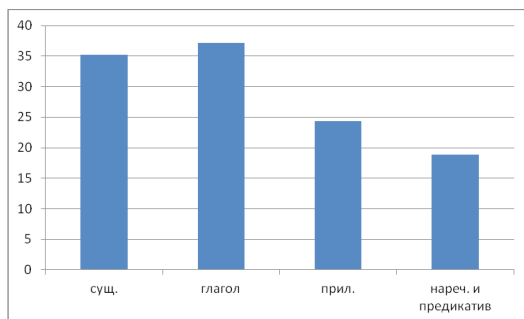

Рис. 3. Процент стилистической маркированности ЛСВ слов разных частей речи

Исходя из теоретических соображений, самая большая степень стилистической помеченности должна была бы быть свойственна существительным. Из всех частей речи существительные чаще, чем слова других частей речи, образуются и используются для обозначения конкретных предметов и специфических явлений действительности. Поэтому их и должно быть больше, чем слов любой другой части речи, и именно они должны обладать наименее абстрактными значениями, а следовательно, быть наиболее привязанными к той или иной функциональной сфере, быть наиболее функционально-стилистически маркированными. Но, как видно, данные, полученные по процентному содержанию всех помет, не соответствуют этим ожиданиям. Однако если мы посмотрим на процентное содержание стилистически маркированных значений среди ЛСВ по таким более крупным категориальным группировкам, как преимущественно предметные (существительные) и противопоставленные им признаковые части речи, то обнаружим, хоть и небольшой, но «перевес» в пользу первых, т. е. в пользу существительных (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Процент стилистической маркированности предметных и признаковых частей речи

Класс слов	% маркированности
предметные	35,16
признаковые	30,23

Как видно, за счёт прилагательных, наречий и «остальных частей речи» общая маркированность значений признаков слов оказалась не намного ниже в соотношении с существительными. Такое слабое отличие можно объяснить тем, что существительные-термины, в большинстве своем однозначные и специфичные, как уже говорилось выше, отображаются в толковых словарях неполно. Наблюдается это и в данном словаре. Потому эта часть речи теряет в БТС существенную долю специальных помет, а значит, снижается в сравнении с реальностью и общая маркированность значений существительного.

5.3 Полисемия и общая степень стилистической маркированности ЛСВ

Согласно логике модели жизненного цикла знака с увеличением полисемии слова должна уменьшаться средняя степень функционально-стилистической маркированности его значений. Для проверки этого прогноза нами было проанализировано распределение суммы всех стилистических помет по полисемическим зонам всех рассмотренных нами слов (см. табл. 2 и рис. 4).

Таблица 2.

Распределение всех помет для разных полисемических групп

полисемия	Общее число значений слов данной полисемии	Общее число стилистически помеченных слов данной полисемии	% помеченных значений
1	18851	6512	34,54
2	11590	3937	33,96
3...4	8546	2511	29,38
5...8	4342	1212	27,91
9...16	1424	336	23,59
17...32	160	30	18,75
Общий итог	44 913	14538	32,36

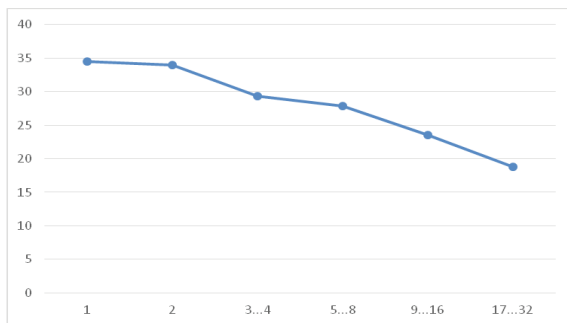

Рис. 4. Распределение всех помет для ЛСВ слов разных полисемических групп

Как видно, распределение маркированных значений по полисемическим группам действительно подчиняется закономерности, которая прогнозируется в модели жизненного цикла знака: с увеличением количества значений у слова степень их стилистической маркированности, в среднем, должна уменьшаться. В частности, видно, что однозначные слова в большей степени, чем все остальные, стилистически маркированы. Это связано с тем, что значения однозначных слов наиболее конкретны и потому сильнее, в среднем, оказываются закреплены за определенной функциональной сферой употребления.

5.4. Стилистическая маркированность значений слов разных частей речи разными классами стилистических помет в разных полисемических зонах

Графики, представленные на рисунках 5–7, наглядно демонстрируют более дифференцированную картину функционально-стилистической помеченности ЛСВ разных частей речи разными классами стилистических помет в различных полисемических зонах.

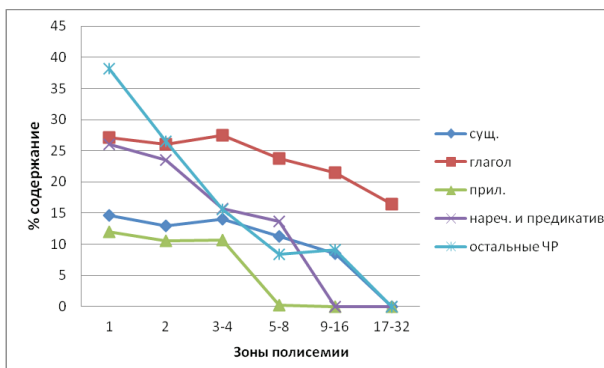

Рис. 5. Процентное содержание помет класса «разговорно-экспрессивные» в каждой полисемической зоне для значений слов разных частей речи

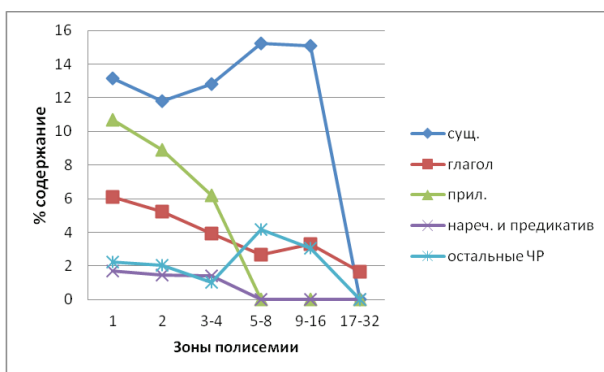

Рис. 6. Процентное содержание помет класса «книжно-специальные» в каждой полисемической зоне для значений слов разных частей речи

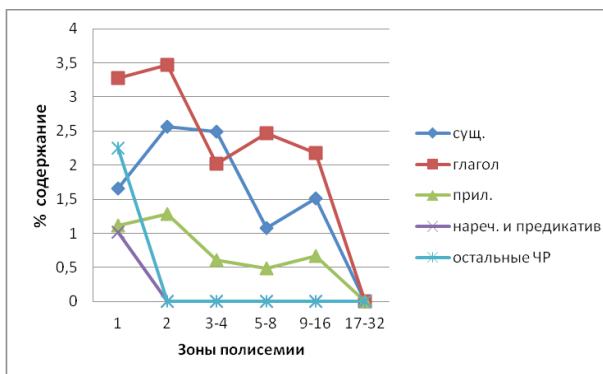

Рис. 7. Процентное содержание помет класса «устарелые» в каждой полисемической зоне для значений слов разных частей речи

Графики показывают, что несмотря на явно неполное отражение в исследуемом словаре наибольший вклад в общую книжно-специальную помеченность вносят значения существительных и прилагательных.

О неоправданном занижении в общей картине словаря доли специальной лексики позволяет говорить еще одно наблюдение: однозначные существительные оказываются менее маркированными, чем многозначные, а это противоречит и положениям модели жизненного цикла знака, и данным по стилистической маркированности других частей речи, а также данным ряда других исследований (см. подробнее: [Поликарпов, Курлов, 1994]). Одна из основных причин заключается в том, что существенная доля однозначных существительных, похоже, вообще не представлена в данном словаре (о чём говорилось выше в связи с ограничительными принципами отбора периферийной лексики в толковые словари, господствующие в отечественной лексикографической традиции).

Тем, что на временную характеристику слова указывали не только пометы, но и неформализованные комментарии непосредственно в толковании, объясняется и очень низкая доля однозначных существительных, маркированных пометой «устар.».

В целом, если признать, что в БТС достаточно слабо отражены периферийные, но реально существующие в языке книжно-специальные ЛСВ (в первую очередь ЛСВ существительных), то при более полном их отражении их вклад в общую стилистическую помеченность всего

лексического состава словаря мог бы существенно возрасти. В таком случае и системные тенденции, которые связаны с распределением степени помеченности ЛСВ слов по разным полисемическим зонам, должны были бы проявиться в более явном виде. Кроме того, возможно, изменилось бы и общее соотношение помеченности ЛСВ двумя полярными классами помет: разговорными и книжно-специальными.

6. Заключение

Проведенное исследование позволило обнаружить важные системные тенденции в организации БТС и (предположительно) лексической системы русского языка в целом. Были замечены и некоторые отклонения от первоначальных прогнозов. Все они могут быть объяснены определенными лексикографическими факторами (недостаточно ещё осознаваемыми лингвистами, а, самое главное, самими лексикографами).

В целом же результаты, которые были получены в ходе эксперимента, соответствуют теоретическим прогнозам, вытекающим из модели жизненного цикла знака. Это позволяет считать наше исследование полезным для проверки и развития теоретических представлений о механизмах, которые организуют язык как систему, постоянно находящуюся в процессе своего становления.

Кроме того, проведенное исследование позволяет увидеть, в чем анализируемый нами БТС неполон как словарь большого типа, предназначенный для покрытия полного активного и пассивного нормативного словаря современного русского языкового общества.

Литература

- Бабкин А.М. Устарелые слова в современном языке и словаре // Современная русская лексикография. Л., 1983.
- Беркович Т.Л. Содержание и функции помет для терминологической лексики в общих словарях разных типов // Словарные категории. М.: Наука, 1988.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: издательство «Норинт», 2003.
- Емельянова О.Н. Стилистическая помета как лексикографическое средство (на материале толковых словарей русского языка) // Филологические науки. 2002. № 1.
- МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

- Медникова Э. М. Адекватность лексикографических помет стилистическим характеристикам слова // Словарные категории. М.: Наука, 1988..
- Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952, №2.
- Поддубный В. В., А. А. Поликарпов. Вывод закона синхронного полисемического распределения языковых знаков на основе диссипативной стохастической динамической модели эволюции знаковых ансамблей // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании (под общей редакцией В. А. Кочергиной). М.: Добросвет, 2011.
- Поддубный В. В., Поликарпов А. А. Диссипативная стохастическая динамическая модель развития языковых знаков // Компьютерные исследования и моделирование. 2011, т. 3, № 2.
- Поликарпов А. А. Полисемия: системно-квантитативные аспекты // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1987.
- Поликарпов А. А. Системно-квантитативный подход в лингвистике // Филологические школы и их роль в систематизации научных исследований. Смоленск: Маджента, 2007.
- Поликарпов А. А.* Системно-квантитативный анализ многозначности лексики китайского языка в её взаимосвязи со структурными и стилистическими характеристиками // Известия Смоленского государственного университета, 2009, № 4 (8). Смоленск: Издательство Смоленского государственного университета, 2009.
- Поликарпов А. А. Теоретические основания и эксперименты для анализа соотношения индивидуальных словарей с лексической системой языка (http://www.philol.msu.ru/~lex/pdfs/polikarpov_2012_2.pdf).
- Поликарпов А. А. Модель жизненного цикла знака: к теоретическим основаниям исторической лексикологии и дериватологии // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М. И. Чернышева. М.: Азбуковник, 2013.
- Поликарпов А. А., Крюкова О. С. О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту: издательство Тартуского университета, 1989.
- Поликарпов А. А., Кукушкина О. В., Токтонов А. Г. Проверка теоретически предсказанных неодериватологических закономерностей данными русской корпусной неодериватографии // Теория и история славянской лексикографии / Отв. ред. М. И. Чернышёва. М., 2008.
- Поликарпов А. А., Курлов В. Я. Стилистика, семантика, грамматика: опыт анализа системных взаимосвязей (на основе данных толкового словаря) // Вопросы языкознания. 1994, №1.

- Поликарпов А. А., Руис-Соррилья Крусате М. Трехчастная типология толковых словарей С. И. Ожегова в системной перспективе // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013, № 5.
- Скляревская Г. Н. Заметки о лексикографической стилистике // Современность и словари. Л., 1978.
- Скляревская Г. Н. Еще раз о лексикографической стилистике // Вопросы языкознания. 1988, №3.
- Скляревская Г. Н. Функционально-стилистическая характеристика лексики в Новом Академическом Словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб.: Изд-во ИЛИ, 1995.
- Шмелева И. Н. Некоторые вопросы стилистики в общем словаре литературного языка // Современная русская лексикография. Л., 1975.
- Polikarpov A. A. A Model of the Word Life Cycle // Contributions to Quantitative Linguistics / Ed. by R. Koehler, B. B. Rieger. Dordrecht: Kluwer, 1993.

The Analysis of the System Interconnections of the Stylistic, Polysemy and Relation to the Parts of Speech Characteristics of Lexical Units (on the materials of Large Explanatory Dictionary of the Russian language)

Vorobei S. I. (Russia, Moscow), vorobeisofya@gmail.com

Keywords: system linguistics, language sign, system interconnections, polysemy, stylistic characteristics

Summary: This article is the result of team-work with A. A. Polikarpov. The system of interconnections of the stylistic characteristics of units from Russian vocabulary with its polysemy characteristics (relating to the certain parts of speech) is investigated. Forecasting is based on the model of the sign's life cycle. The results are generally consistent with the theoretical predictions. The research has revealed important trends in the system organization of the dictionary under study and, presumably, the lexical system of the Russian language on the whole.

Парадигматика как один из параметров грамматики. Некоторые наблюдения и комментарии

М. В. Всеволодова (Россия, Москва), mauya133@mail.ru

Ключевые слова: структурные единицы языка, парадигма, составляющие парадигмы, типы парадигм языковых единиц разного уровня, пересечение парадигм.

Аннотация: В статье рассматриваются парадигматические отношения языковых единиц разного уровня внутри грамматики славянских языков, в первую очередь, русского, то есть, наличие определенного множества единиц одного уровня, различающихся между собой некоторыми формальными или семантическими характеристиками, но составляющих один ряд, одну системную группу, выбор того или иного члена которой в речевых образованиях часто оказывается объективно определен условиями дискурса.

К вопросу о структуре языка и способах представления языковых единиц. В последние пять-шесть десятилетий понимание грамматики как структуры языка существенно изменилось по сравнению с традиционным, хотя и не нашло в этом отношении достойного представления в академических изданиях и, что, безусловно, гораздо труднее, в школьных и педагогических пособиях. Было введено понятие поля, как единицы систематизации лексики (лексические поля Трира), а затем и функционально-семантического поля (ФСП) как единства содержания и языковых средств его выражения разных уровней А. В. Бондарко, что позволило сформировать одну из главных моделей функциональной грамматики русского языка. Дальнейшие исследования показали, что помимо этих двух типов, мы вправе говорить о функционально-грамматических полях (ФГП), функционально-прагматических полях (ФПП) и функционально-коммуникативных полях (ФКП), выделенных в работах наших лингвистов [Безьева 2002, Изотов 2007, Всеволодова 2009]. Само наличие полей как системных для языка единиц его структуры, говорит о том, что Язык — система мироздания, элементами структуры которого являются поля и дискретные единицы, образующие пересекающиеся множества.

Но с другой стороны, Язык, который характеризуется, в первую очередь, как средство общения, что не подлежит сомнению, является в то же время и средством объективации нашего мышления, которое, в отличие от структуры мироздания, категориально. А категориальность предполагает обязательное выявление тех или иных множеств (например: стол, стул, шкаф, кровать — мебель), а в рамках отдельных множеств — упорядоченное соотношение выделяемых подмножеств (кухонная мебель, детская мебель, мягкая мебель; или столовый стол, письменный стол, кухонный стол, журнальный стол(ик), рабочий стол и т. п.).

Примечание. Как известно, А. В. Бондарко употребляет как синонимы термины «функционально-семантическое поле» и «функционально-семантическая категория» (ФСК). Но наш материал показал, что это не так. ФСП и ФСК – принципиально разные единицы. Однако для конца 60-х гг., когда это понятие было введено, а сами поля еще не подверглись разработке, такое употребление было и неизбежным, и даже необходимым, поскольку оно подчеркивает «двуединство» (термин А. В. Бондарко) поля и категории — структур принципиально различных по своей устроенности. Сейчас мы представляем себе, как все ФСП формируются некоторым числом ФСК, которые сами по себе тоже имеют полевой характер, хотя и несколько иного типа, нежели само поле [Всеволодова 2009, 2010]

Категоризовать, то есть, упорядочивать соотношение этих подмножеств мы пока умеем не очень адекватно, но можно назвать следующие. Выделим их как уровни.

Классификация, когда выделяются определенные группировки, перечисляемые через запятую (см. выше примеры о мебели). Классификации существуют, вероятно, с самого начала грамматики как науки о языке. У каждого исследователя или в разных подходах в качестве основания разделения могут выделяться разные характеристики, поэтому классификаций одного и того же множества может быть несколько. Так, в русской грамматике существует четыре классификации сложно-подчиненных предложений, построенные на разных основаниях. Вместе с тем, каждое из оснований имеет своё место в структуре множества, то есть, является релевантным для его категоризации и понимания его структуры, и их следовало бы объединить. Опыт такого объединения предложила нам структурная лингвистика в виде таблиц, или матриц.

Матрицы (таблицы) обычно выделяют два класса признаков, каждый из которых может включать разное число более конкретных разрядов, наличие/отсутствие которых в составе конкретного подмножества определяет место данного подмножества в целостной структуре. Соотношение горизонтальных и вертикальных признаков в той или иной единице определяет её место в общем множестве единиц данной категории. Примером такой матрицы может служить таблица 15 «Акцентные типы глаголов (спрягаемые формы.) [РГ-80, т.1, стр.682]¹ и мн. др. Но, как показал наш материал, эти матрицы тоже не всегда достаточны для адекватного представления и осмысления структуры практически всех ФСК и ФГК, хотя и необходимы в процессе описания языка.

Гораздо более результативным оказывается анализ многих языковых единиц этих и других рангов на основе бинарных (дихотомических) многоранговых оппозиций, которые дает нам математическая логика [Маркус 1963], и которые впервые в лингвистике были применены Н. С. Трубецким еще в 20-е гг. прошлого века в его «Фонологии» [Трубецкой 1961], разрабатывались в пражском лингвистическом кружке, затем для синтаксиса были разработаны и конкретизированы Т. П. Ломтевым [Ломтев 1972], а на практике многожды проверены в нашей прикладной функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка, возникшей в практике преподавания и описания русского языка как иностранного (РКИ) [Амиантова и др. 2001] в описании ряда систем значений, или ФСК [Всеволодова 1975, Всеволодова, Владимирский 1982/2009, Всеволодова, Яценко 1988/2012, Лебедева 2005 и мн. др.]. См. также не совсем последовательную в плане дихотомии, но, тем не менее, близкую к нашему подходу категоризацию структурных схем простого предложения в виде поранговой системы оппозиций в [РГ-80, т.2, стр.97]. Отмечу, что мы назвали нашу модель (преподавания РКИ) функциональной еще в 1951–1952 учебном году.

Объективности ради следует отметить и структуру треугольника, как единство трех важных для данной категории характеристик. Так Г. А. Золотова представляла структуру синтаксемы в виде треуголь-

¹ «Русская грамматика» 1980 г. под ред. Н. Ю. Шведовой, изд. «Наука», далее — одна из трех Академических грамматик, включая «Грамматику русского языка» под ред. В. В. Виноградова 1952–1954 г.; (ГРЯ-52) и «Граматику современного русского литературного языка» под ред. Н. Ю. Шведовой 1970 г (ГСРЛЯ-70)

ника с углами “форма” — “функция” — “значение”. Но в нашей модели мы этим способом категоризации не пользовались.

Введение А. В. Бондарко понятия ФСП подтвердило выведенные ранее, еще в начале 50-х годов, в нашей прикладной модели языка концепции, во-первых, о наличии в составе Грамматики (с большой буквы) не только формального, но и содержательного уровней, и во-вторых, о специфике национальной детерминированности этого содержательного уровня, что сейчас разрабатывается в концептологии и в рамках языковых картин мира разных языков. И хотя об отображении национальной специфики восприятия действительности в языке еще в 30-е гг. говорили Теньер, Уорф, Есперсен, думается, именно И. И. Мещанинов в своей статье 1945 года дал обоснованную концепцию национального отображения внеязыковой действительности и её категоризации именно в грамматике каждого языка. Достаточно сопоставить две таких работы, как [Есперсен 1961, примечание к 3-ей главе] и [Мещанинов 1945], — чтобы понять правомерность обращения к глубинным пластам именно самой грамматики. Методики категоризации, предложенные нашими мэтрами, позволили выйти на фундаментальный уровень грамматики, с одной стороны, а с другой — выявить определенные закономерности каждого языка, многие из которых в наших грамматиках пока не упоминаются. Выявленные закономерности, категории, единицы и мн. др. не только подтвердили наличие в языке такой категории как парадигма, в том числе и в языках, где нет словоизменения, но и показали, как необходимость значительного расширения самого класса парадигм, так и адекватность их выявления для понимания функционирования языковых единиц в нашей речи на всех уровнях. Парадигмы морфологические (словоизменение: склонение, спряжение, согласование) известны. Сейчас мы можем говорить не только о синтаксических парадигмах, но и о морфосинтаксических, морфонологических, поскольку уровни языка, как в свое время было показано В. А. Белошапковой, пересекаются. Наш совместный славянский проект по предлогам показал, что у славянского предлога тоже есть несколько парадигм. Представим несколько синтаксических парадигм.

Синтаксические парадигмы, выявленные к настоящему времени, актуальны для словосочетания и для предложения. Первыми (еще до появления ГРЯ-52) были осознаны и выявлены в практике

РКИ именно предложенческие парадигмы, которые долго не принимала наша русистика. В настоящее время можно говорить о собственно синтаксической парадигме (см. восьмичленная парадигма регулярных реализаций в РГ-80, синтаксическое поле предложения у Г. А. Золотовой [Золотова 1983]), трансформационной (интерпретационной у В. А. Белошапковой) и актуализационной парадигмах [Всеволодова 2000, Янко 2001, Всеволодова, Панков 2008, 2009], а также представление актуального членения для разных синтаксических моделей предложения в [РГ-80, т.2.]. Отметим, что выявление категории интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой имело место именно в период её работы на кафедре РКИ в МГУ и именно для использования в этой модели языка еще до введения в русистику понятия актуального членения (АЧ). Но, как оказалось, именно определенные типы ИК маркируют рему (Р) и тему (Т), то есть формируют категорию предикирования (не предикативности!), как обязательное оформление именно высказывания, а не просто модели предложения, и именно эти ИК определяют акцентуацию в разных высказываниях с одним и тем же содержанием.

Кратко представим их, оговорив, что в отличие от традиционной, формальной грамматики, мы работаем не с предложением — реализацией той или иной модели, а с предложением-высказыванием. Для традиционной грамматики предложения *Машиа читает книгу*, *Машиа книгу читает* и *Книгу читает Машиа*; — являют собой один синтаксический тип предложения (что верно в данном случае, но не всегда), пусть и с разным порядком словоформ. В нашей модели — это три разных предложения-высказывания с одним и тем же содержанием, но выражающие разные коммуникативные задачи говорящего и, соответственно, это – регулярные реализации, или разные члены актуализационной парадигмы исходного (первого) предложения, используемые в разных, но определенных конситуациях. В [РГ-80, т.2, стр.100] начальный вариант такой парадигмы (на уровне ИК Е. А. Брызгуновой, без выделения Т и Р) в виде таблицы уже представлен.

Коротко представим эти парадигмы (подробнее см. [Всеволодова 2000]) со своими дополнениями и комментариями; но оговорим, что мы выделяем в предложении не три уровня (по Данешу): семантический², формальный и актуализационный; а четыре.

² Как абсолютно точно отметила в своей словарной статье о семантическом уровне (семантической структуре) предложения Н. Д. Арутюнова, в общепринятой

- 1) Денотативный, отражающий объективное событие, описываемое в предложении, без введения каких-либо авторских отношений к нему (то есть, выражение типовой ситуации как единицы содержательного уровня языка, с добавлением или изъятием имён некоторых участников ситуации, что и отражается в денотативной структуре (ДС) предложения. Для нас важно, что типовая ситуация — это лингвистическая универсалия, и в принципе ДС по составу участников ситуации в разных языках в основном совпадают).
- 2) Актуализационный, или предикации с выделением темы и предикандума (по С. Д. Кацнельсону) или Т и Р, поскольку для русского (и, думается, для славянского вообще) языка — в отличие от языков с грамматикализованным порядком членов предложения — именно этот уровень является главным в представлении объективного содержания предложения в определенной конситуации. Так предложения: ***В России живет много национальностей;*** — ***Россию населяет много национальностей;*** — ***Россия — страна многонациональная;*** — ***Россия многонациональна;*** — ***Российское население многонационально;*** — передают одну ситуацию и могут быть высказаны в одном и том же дискурсе-1³, поскольку, независимо от членопредложенческой позиции и частеречной категории словоформ, Т во всех реализациях — **Россия**, а Р — **много национальностей**. И эти отношения заданы говорящему объективно.
- 3) На семантическом уровне — уровне нашего мышления — говорящий решает личные, субъективные коммуникативные задачи, в том числе и в плане объективного/субъективного порядка Т и Р (см. Белошапкова и др. 1989), ср. перенос Р в инициальную позицию: ***Мно² го на-***

концепции семантический уровень совмещает объективное содержание и субъективные аспекты, введенные говорящим с преимуществом последних [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 539]. Для нас принципиально важно разделить объективное содержание, отражаемое в ДС (денотативный уровень — содержательный инвариант всех членов парадигмы) и субъективные смыслы разного типа (семантический уровень), внесенные автором.

³ Смыслов больше, чем значений, значений больше, чем слов, поэтому всякое слово, в том числе, и термин, многозначно. Термин «дискурс» имеет два значения: дискурс-1 — текст и внеязыковые условия его реализации; дискурс-2 — все тексты данного функционального стиля (по Фуко).

циональностей живёт в России с ИК-2 на фокусе ремы⁴. А также и в плане выбора логического типа предложения [Арутюнова 1976] — очень важной для прикладных целей категоризации типов предложений, связанной не только с АЧ, но и с характером референтности субъекта, ср. собственно бытийное в первом случае и характеристическое разных подтипов в остальных вариантах, и модели предложения, определяющей тип трансформа, что реализуется уже на четвёртом, — формальном — уровне. Итак:

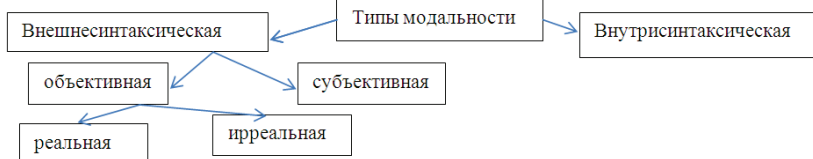
2.1. Синтаксическая парадигма предложения. Уже в РГ-80 для каждой модели предложения представлены её регулярные реализации, образующие восьмичленную парадигму предложения. Это фактически первое представление парадигматики предложения. Следующий важный шаг сделала Г. А. Золотова [Золотова 1973], введшая понятие изосемии и изосемической конструкции (понятия, принципиальные для синтаксиса, которые мы в рамках статьи не сможем обсудить, см. [Всеволодова 2000]), понятие синтаксического поля предложения и (в процессе его описания) предложившая систему составляющих категории модальности — понятия очень широкого и до сих пор до конца в лингвистике не категоризованного. В этой концепции выделяется оппозиция внешнесинтаксической и внутрисинтаксической модальностей, а в рамках первой — оппозиция объективной (отношение высказывания к действительности) и субъективной (отношение говорящего к высказыванию) модальностей. Субъективная модальность совмещает в себе авторизацию и модус, которые пересекаются в рамках персуазивности — степени уверенности говорящего в реальности сообщаемой информации, но не оценки события, ср.: *Он, говорят, придет* (авторизация); и: *Он, якобы, придет* (модус)⁵. Но авторизация выделяется в другом разряде данной парадигмы (см. ниже). Объективная модальность представлена оппозицией реальной (индикатив) vs. ирреальной (конъюнктив) модальностей. Внутрисинтаксическая модальность

⁴ Мы обозначаем тип ИК надстрочной цифрой в словоформе. Здесь это ИК-2 – перенесенная в начало рема.

⁵ В РГ-80 субъективная модальность представлена очень богатым материалом, но, в основном, модусными и другими субъективными оценками говорящим самого события, а не степенью уверенности в истинности высказывания. Вместе с тем, отношение говорящего к своему высказыванию и к самому событию — это принципиально разные вещи, очень важные в нашей модели языка.

выявляет отношение субъекта к предикату в рамках содержания предложения, В синтаксисе это принципиально разные категории. (схема 1).

Система типов модальности Схема 1.

Эти оппозиции очень важны, см. [Всеволодова 2000]. Все они (но не только они), так или иначе, входят в синтаксическое поле (в наших терминах — в синтаксическую парадигму⁶) предложения. Дадим общее представление об этой парадигме, акцентируя положения, выделенные в нашей модели.

2.1.1. Синтаксическая парадигма — это набор системных для любого предложения типов модификаций (регулярных реализаций в РГ-80), реализуемых, думается, тем или иным способом во всех языках. В парадигме (в отличие от синтаксического поля) мы ограничиваемся исходным (базовым, или ядерным предложением) и двумя группами модификаций: грамматическими и структурно-семантическими. Ядерным предложением (ЯП) — является (в отличие от концепции Г. А. Золотовой, необязательно изосемическое) исходное предложение с узуальным порядком слов в настоящем времени типа *Я читаю книгу; У меня — грипп; На улице моросит дождь. В комнате тепло. Работа идёт хорошо.*

2.1.1.1. Первая группа модификаций — это грамматические модификации, выделенные В. В. Виноградовым как составляющие категорию предикативности: (внешнесинтаксическая объективная) модальность, время и лицо.

Что касается объективной реальной модальности, то она реализуется, в первую очередь, в категории времени предло-

⁶ Наша синтаксическая парадигма построена на основе синтаксического поля предложения Г. А. Золотовой, но не совпадает с ним. Эти несовпадения обоснованы как некоторыми практическими потребностями нашей модели преподавания русского языка как иностранного, и несколько иным, нежели у Г. А. Золотовой, осмыслением ряда модификаций, так и конкретным языковым материалом, который был получен в ходе анализа языкового материала уже после выхода работы Г. А. Золотовой.

жения, но не обязательно глагола. Другими словами, мы имеем дело с пересечением двух категорий: реальной модальности и времени. И для индикатива необходимо учитывать прямое и переносное выражение времени, в частности, при наличии глагольных форм — прямое или переносное употребление форм времени как полнозначных глаголов, так и связок. Поэтому в предложении типа *Иду я вчера по нашей улице и вижу Ивана*; — налицо прош. вр. предложения; *Я представляю себе, как он завтра **приходит** ко мне, **садится** и **сидит** до вечера*; — в придаточной части будущее вр. предложения; или *Он, **бывало, придёт** ко мне, **сядет** и **сидит** до вечера*; — где **бывало**, будучи сказуемым главной части сложно-подчиненного предложения ***Бывало так, что он** ...*, перенесенным в коммуникативных целях, дабы поднять ранг придаточной части до самостоятельного предложения, в позицию вводного слова, по-прежнему определяет прош. вр. предложения и синонимичность трех форм времени глагола и обеих форм глагольного вида: *Он, **бывало, приходил** ко мне, **садился** и **сидел** до вечера*; — *Он, **бывало, приходит** ко мне, **садится** и **сидит** до вечера*; — *Он, **бывало, придёт** ко мне, **сядет** и **сидит** до вечера*. Ср.: *Он, **бывает, приходит/придёт** ко мне, **садится/сядет** и **сидит** до вечера*. И ср. при прямом употреблении времени и вида, где такие замены невозможны: *Он завтра **придёт** ко мне, **сядет** и **будет сидеть** до вечера*. Но в случае: *Он, **представляю себе, завтра **приходит/придёт** ко мне, **садится/сядет** и **будет сидеть/сидит** до вечера***; — парадигма синонимов налицо. Это и есть парадигматика форм выражения соответствующего времени предложения в рамках грамматических модификаций. Как видим, она не совпадает с морфологической парадигмой форм времени глагола. И в то же время здесь налицо парадигматика сложного предложения и простого предложения с вводными компонентами. Необходимость детального изучения этих реализаций очевидна, но пока в наших грамматиках дается богатейший реестр возможных для русского языка моделей без соотнесения их с исходной моделью и создания парадигматики — следующий этап необходимых исследований.

Примечание. Думается, что проблема вводных слов и предложений требует принципиального и очень детального анализа. Совершенно права Н. Ю. Шведова, объединившая вводные слова, вводные сочетания слов и вводные предложения в одном разделе [РГ-80. Т.2, §2220] и давшая богатейший перечень единиц, способных выступать в этой роли В каче-

стве вводных компонентов могут выступать как отдельные слова разных частей речи (ЧР), так словосочетания, и предложения. Но и отдельные слова, и словосочетания — это в подавляющем большинстве случаев (но, возможно, не всегда) компоненты другого предложения. Как показано в [Ионесян XXXX], вводные компоненты: *видимо/по-видимому* — *кажется* — *мне кажется*, — передают разную степень обоснованности оценки. Так, проходя мимо кинотеатра и наблюдая за выходящими из кинотеатра зрителями, активно обсуждающими фильм, человек может сказать: *Фильм, по-видимому, интересный*. Прочитав одну или несколько рецензий, или слушая высказывания людей, смотревших этот фильм, он построит высказывание *Фильм, кажется, интересный, нужно будет посмотреть*. И только, если он сам видел этот фильм, он скажет: *Мне кажется, что фильм интересный/Фильм, мне кажется, интересный*. А в определенной конситуации фокусом Т (ИК-6 по Брызгуновой) может стать местоимение, возможно, даже в позиции вводного предложения, которое обычно находится в парентезе (произносится без акцентуации более тихим голосом и немножко быстрее основного текста), но здесь берет на себя функции основной части высказывания, ср.: *Мне кажется, фильм интересный/Фильм, мне кажется, интересный*. Это тоже парадигма предложения, до сих пор в русистике своего описания не получившая.

2.1.1.2. Объективная ирреальная модальность (конъюнктив) — сослагательное наклонение — как категория наклонения получила еще в Академических грамматиках ранг предложенческой, а не просто глагольной категории. Как отмечается в РГ-80, эта модификация реализуется только в сложном предложении, в первую очередь, с придаточным условным: *Я бы пошел/Я пошел бы, если бы не дождь. Хорошо бы, если бы дождя завтра не было*. И, как представляется, она пока тоже исследована недостаточно. Думается, что здесь есть зоны пересечения с другими модификациями. Здесь интересен тот факт, что обычно средством реализации конъюктива считается форма глагола прош. вр., независимо от времени предложения с частицей **бы** как целостная форма. Но частица **бы** может стоять не только при глаголе: *С тобой бы я туда пошел* (= Я пошел бы туда, если бы ты пошел со мной); *Туда бы я с тобой пошел* (Туда я с тобой могу пойти, а в другое место — нет); *Я бы туда с тобой пошел* (= а некто не захотел с тобой идти). Как видим, частица

бы маркирует (обычно как фокус Т) имена разных участников ситуации, а не только глагол. Мы вернемся к вопросу категории наклонений ниже.

2.1.1.3. Категория лица, как доказано в процессе анализа употреблений и значений глагольных форм настоящего времени русского языка [Всеволодова Ким Тэ Чжин 2008], является полноправным и необходимым членом категории предикативности, что в своё время отрицала Н. Ю. Шведова, и с чем справедливо, на наш взгляд, не соглашались наши ведущие русисты. Рамки статьи не позволяют остановиться на парадигме этой категории подробнее, приведем только два примера: *Вы не представляете, как много я работаю и как устаю: придёшь с работы домой, сядешь на диван и вставать не хочется.* = я прихожу, сажусь и вставать не хочется. *Поставь стакан на место, кому говорят* (я говорю). Именно на модификации лица, когда сказуемое выражено только формой 3-го л. мн.ч., закреплена модель предложения (МПр) с типовым значением “другой участник ситуации и направленное на него действие неназванного субъекта (агенса, протагониста — всегда лица, человека)” типа *Мне об этом уже сказали; В комнате еще будут убираться;* — которой во многих языках соответствует страдательный оборот, ср. англ. *I am told about it* (дословно ‘Я сказан об этом’). Сам агенс может быть любым лицом: *Не волнуйся, ему уже сообщили. Я сам вчера всё ему сказал.* Это случай, когда при решении коммуникативных задач в отношении предикативности (предикации), то есть, в позицию Т и Р расставлены компоненты словосочетания, переставшего быть с/с, потому что грамматически главное слово закреплено за одной формой — 3 л.мн.ч., а сами компоненты поставлены в отношения предикации, которая уже сама по себе подразумевает, включает в себя категорию предикативности, не свойственную словосочетанию. Это один из механизмов перехода с/с в предложение, с одной стороны; пересечение и взаимодействие актуализационной и трансформационной парадигм, механизмом которой является член грамматической модификации, с другой, и категория словосочетания (с/с) в широком его понимании, с третьей.

2.1.2. Структурно-семантические модификации даны у Г.А.Золотовой фазисными, внутрисинтаксической модальности, отрицательными и авторизационными, что, кстати, показывает системное родство предложений типа *Вода есть — Воды нет*, которые в традиционной грамматике никогда не соседствуют. Мы дополнили и конкретизи-

ровали (хотя и не до конца) этот список, введя в него и вопросительные модификации. Представим его коротко с нашими комментариями.

2.1.2.1. Фазисные модификации представлены у Г.А. Золотовой с/с с глаголами **начинать/начать, продолжать/продолжить, кончать/кончить, переставать/ перестать, становиться/стать** и др. Полного списка таких глаголов еще нет. Это могут быть также сочетания типа **взяться** что делать: *Мои коллеги **взялись собирать** ролик в видеоуниверситетской видеостудии* и **взяться за**: «АвтоВАЗ» **взялся за сборку** нового поколения *Renault Logan*; **оставаться** кем-чем, **бросить** (пить, работать и пр.). Но системны и приставочные глаголы, в первую очередь, способы глагольного действия: **заходить, забегать, запеть, заговорить; отшуметь, отговорить**: *Отговорила роца золотая* (Есенин), **отвыкнуть, отработать** (свой срок) и т. д. Эта модификация может выражаться и синтаксически: *А царица — **хохота²ть** и плечами **пожима²ть*** (Пушкин); = неожиданно начала хохотать. *Я подошел к нему, а он — **бежа²ть***. Ср. также форму буд.вр.: *Ну он сначала **ковьялял**, **ковьялял**, потом **костыли отбро³сил** и **как побези⁶т***. = как побежал — с переносным употреблением формы буд.времени. *Подсел я как-то к девушке **познакомить³***. *Ве³жливо всё так, а она **как закричи⁶т***: — *Убирайтесь отсюда!* Это все члены парадигмы фазисной модификации, и возможно, далеко не все, но сама парадигма еще не выявлена и не проработана. В грамматике как таковой её нет, хотя модели в РГ-80 можно найти. Думается, сюда относятся и биноминативные предложения типа: *Эта программа — **продолжение** наших прежних исследований*; *Май — **конец** весны*; –системно входящие в трансформационную парадигму глагольных предложений: *В мае **кончается** весна*. Вполне возможно, можно говорить и о фазисном наклонении предложения.

2.1.2.2. Модификация внутрисинтаксической модальности представлена,

(опустим категории алетической и деонтической модальностей [Ломтев1973]) с одной стороны представлена у Г.А. Золотовой собственно модальными словами: **мочь, хотеть, должен, способен, обязан**, и др. Этот разряд модальности разработан в нашей грамматике, пожалуй, еще недостаточно. Во-первых, сам список слов, как представляется, должен быть значительно расширен. Это должны быть слова типа **в состоянии** (что делать/сделать), **любить, рад, готов, бояться** (что делать/

сделать), **требовать, требоваться, стремиться** (к чему) существительные **возможность, невозможность, долг, желание/нежелание, хотение, обязанность, необходимость, нужда** (в чём), **потребность, стремление, боязнь** и мн. др. Некоторые типы семантических видов внутрисинтаксической модальности выделены в РГ-80, как разряды регулярных реализаций, как, например, «желание».

Но вместе с тем, это, очевидно, одна из категорий внутрисинтаксических наклонений. Во-первых, потому, что есть реализации, внешне совпадающие с названным выше конъюнктивом (во многом, но не полностью, см. ниже). Во-вторых, потому, что есть случаи синонимии реализаций с модальными словами и с формантами внешнесинтаксических залогов и наклонений. В-третьих, чисто операциональные методы — синонимика разных способов выражения повеления, желания и т. п. говорит о необходимости включения ряда модификаций в разряд наклонений, или, наоборот, наклонений — в разряд модификаций; в частности, императива (но и не только): «Императив (повелительное наклонение) — это одно из трех наклонений русского языка, наряду с изъявительным и сослагательным», как совершенно точно определяется в наших грамматиках. Но он всегда относится к субъекту высказывания, и значит — это внутри-синтаксическая модальность, а не просто наклонение.

И, в-четвертых, модальность может быть выражена не лексически (представлена 0-формой глагола), а интонационно и представлять разные типы модальности. Так словоформа **Не скажу**, например, в ответ на вопрос, есть ли здесь поблизости метро, будет иметь значение ‘не могу сказать, потому что не знаю’, если произнесена с ИК-7 и с ИК-1с, и значение ‘не хочу тебе/Вам отвечать’ с ИК-2. Очень часто иностранцы жалуются: *У вас очень невежливые люди. Я спросил человека на улице, где здесь поблизости аптека, а он ответил «Не скажу»*. Вероятно, в славянских языках интонация в данном случае не релевантна, и отрицательная словоформа имеет значение типа ‘не хочу этого делать/не буду отвечать на ваш вопрос’. Представим некоторые случаи и наши аргументации.

2.1.2.2.1. Повелительное наклонение может быть выражено не только императивом типа *Уходи!*, но и предложениями типа *Ты должен уйти!*, или *Ты можешь уйти!* (с разной интонацией), что уже свидетельствует

о наличии определенной парадигмы. Сам императив прагматически достаточно многозначен. Он может выражать приказ, совет, просьбу, мольбу, пожелание, указание, призывы и пр. [Изотов 2007], где главным средством выражения может быть интонация, но, например, для выражения приказа, распоряжения может быть употреблен инфинитив: *Денег не выдают! Срочно **всем прийти и писать** заявления в понедельник!* Это тоже член парадигмы повелительного наклонения. В этой парадигме работает и категория глагольного вида (ГВ), ср.: *Улицу здесь **нельзя переходить*** (= запрещается) и *Улицу здесь **нельзя перейти*** (= невозможно).

Сама форма императива образуется, как известно, не только для 2-го л. ед. и мн. числа, но и для 1-го л. мн. ч. со значением совместного действия говорящего и адресата/ адресатов типа *пойдём/ пойдёмте: Хотите, я вас туда сведу? — Ах, **отправимтесь все туда!** — сказал Знайка. — Да, да, **отправимся** в лабораторию, — подхватили остальные.* (А. Б. Хвольсон); и для 3-го л. с частицей *пусть*: *«Пусть они говорят, а мы будем делать», — добавил спикер Госдумы. Он высказался против поддержки Госдумой данных законодательных предложений... (= согласие, допущение); И поэтому наши дети велят передать ему: **пусть он уходит** отсюда в свою неверную тьму, **пусть** вместе с ним **уходят** все эти чужие, все, кто верит ему неведомо почему. (= собственно требование); Воскресенье, **передай** понедельнику **пусть** не приходит!*

Важно, что это наклонение реализуется и для других, помимо глагольного, типов предложений. Формантом наклонения является в таких случаях императив связок **быть, стать**. Связка — компонент строевой, и не может быть самостоятельным смысловым компонентом. В неглагольных предложениях это формант, придающий неглагольной словоформе значение императива: *Будь моей силой. Будь моим Учителем, Которого я слушаю и за Которым иду. **Будьте наготове** — через 0.5–5 секунд загорится зелёный и включится секундомер.* Для 3-го л. формантом и здесь является частица *пусть* с индикативом связки **быть, стать**: *Пусть будут они ангелом хранимы, Соблазнов очень много на пути. Скажи им, **пусть** их будет четверо-пятеро.*

В некоторых предложениях, выражающих пожелание названного действия, употребляется 2-е л. ед. ч. и по отношению к 3-му л.: *Сохрани Господь тебя, сыночек, **Сохрани** от боли в сердце, злой. ... **Сохрани** Господь тебя, сыночек, От наветов лжи, молвы людской. Кричу:*

Чёрт тебя подери! *И в стену летит тарелка.* Но возможна и форма, заимствованная из болгарского языка, с частицей **да** и индикативом в 3-м л., в большинстве случаев буд. совершенного: **Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя! да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!** Но возможен и НСВ: **Да здоровствует Солнце, да скроется тьма!** Ср. тот же вариант в безглагольных предложениях со словоформой связки **быть**: *Феврония видит их и благословляет обручки со словами «Да будут они утром большими деревьями с ветвями и листвой»... Да будут счастливы все существа во всех мирах!!! Да будь он трижды параллелен этот мир! Хочу домой!*

2.1.1.2.2. Но есть и другие наклонения, в реализации которых участвует форма императива. Например, условное наклонение, парадигма которого формируется тремя членами: 1) придаточным предложением: *Опоздали! Всего на немного! Если бы мы пришли раньше, Том не успел бы высосать из нее душу.* 2) Сослагательным наклонением глагола с обязательной постпозицией имени субъекта: **Пришли бы мы раньше, Том не успел бы ....** (Ср. собственно сослагательное наклонение: **Мы бы пришли раньше, если бы ты нас позвал.**) 3) Формой императива 2-го л.ед.ч. независимо от формы лица субъекта тоже с обязательной постпозицией имени субъекта: **Приди мы раньше, Том не успел бы....** Форма императива 2-го л. мн.ч. возможна или по отношению ко мн.ч. адресата, или как вариант вежливости, но употребляется реже: **Придите Вы раньше, всё было бы в порядке.** Ср. в бытийном предложении: **Будь здесь кто-нибудь, мы бы его уже обнаружили.**

Обратим внимание, что условное придаточное предложение может стоять как в препозиции, так и в постпозиции: *Том не успел бы высосать из неё душу, если бы мы пришли раньше.* Форма типа *приди мы/вы, приди я/ты, приди он/они* по причине своей однозначности тоже могут выступать в постпозиции к главной части предложения и как собственно рема: *Всё было бы в поря³дке, приди они ра¹ньше;* и как тема при перенесенной в инициальную позицию реме: *Всё было бы в поря²дке, приди они раньше.* Но вариант с собственно сослагательным наклонением в значении условного обычно стоит в препозиции к главной части предложения: *Пришли бы они ра³ньше, всё было бы в порядке.* Ср. выражение другого направления зависимости при обратном порядке предложений:

Все было бы в поряд³дке — они пришли бы ра¹ньше = Если бы всё было в порядке, они пришли бы раньше.

Это наклонение, как и другие, реализуется не только для глагольных предложений, но и для других основных типов моделей: *Юбка мне тоже не очень нравится, но на 1 фотке и юбка выглядит хорошо, делаю вывод: **будь юбка покороче**, она бы тоже хорошо смотрелась; Да-а, **будь сейчас жив Годрик и парни, согласись они работать** на меня... Вот, кому я бы доверился, вот, чья выучка и порядочность проверена в деле. Что же здесь может со мной случиться? — **Будь здесь холодно и уныло** и **будь я плохим человеком**, я бы ничего и не заметил. Наверное, **будь их двое или трое**, получилось бы не так интересно. Самое грустное, что **не будь мы наготове**, меты имели бы реальные шансы нас полностью уничтожить. Другими словами, императив связки в данном случае — это служебная словоформа для образования соответствующих наклонений безглагольных предложений.*

2.1.2.3. Модификация авторизации — в высшей степени системный и частотный в употреблении член синтаксической парадигмы. В РГ-80, как и у Г. А. Золотовой, выделяются субъективная и объективная модальность, но в структурно-семантических модификациях Г. А. Золотовой и авторизация представлена дважды: как субъективная и объективная член внешнесинтаксической модальности, выражающий степень уверенности говорящего в истинности высказывания (категория персуазивности), что может быть выражено как собственно авторизацией, так и модусом, и как член структурно-семантических модификаций, где рассматриваются отношения участников ситуации самого предложения, то есть, своего рода, «внутрисинтаксическая» авторизация. Как сказано, персуазивность выражается и модусом и авторизацией.

В русистике понятие «модус» рассматривается широко, и в концепциях Н. Д. Арутюновой, самой Г. А. Золотовой, в концепции Новосибирской лингвистической школы и других лингвистов авторизация, наряду с оценкой, представляется как одна из категорий модуса, имеющая, в подавляющем большинстве случаев, лексическое выражение в виде знаменательных слов или словосочетаний [Арутюнова 1988, Золотова и др. 1998, Черемисина М. И. Колосова 2010, Шмелева 1983, 1994]. В нашей модели языка мы называем такой подход текстовым модусом. Его анализ и описание в принципе важны и должны быть представле-

ны в нашей грамматике. Но, думается, что лексические средства всех значений в разных языках, в основном, совпадают. При таком подходе тоже выявляются парадигматические отношения и синонимика разных языковых средств [Рябцева 93]. Вслед за С.А.Шуваловой [Шувалова 1990] мы считаем, что аксиологическая оценка типа *Плохо, что уехал Иван Иванович* (пример модусной категории в [Шмелева 1994]) — это не осложненное модусным смыслом выражение говорящим своей оценки данного события или объекта, составляющее собственно диктум высказывания.

Но в рамках такого подхода, во-первых, не выявляются смыслы, не выраженные, в подавляющем большинстве случаев, лексически, когда, в ряде случаев, высказывание имеет смысл, противоположный совокупности лексических значений словоформ самого высказывания, или противоречащий им, как, например, в предложении: *Придѣ^{2/7}т он, как же, жди^{2/7}!* = он не придет (Все инофоны-неславяне, на вопрос, «Что вы будете делать, услышав такое предложение?» отвечают: Будем ждать). Для определения смысла таких высказываний необходима “модальная рамка” (термин А.Вежбицкой), которая в высказывании, как правило, не получает лексического выражения или имеет смысл, не совпадающий со значением словоформы. Поэтому мы ввели понятие предложенческого модуса.

Предложенческий модус или вообще может быть не выражен лексически, ср. реакцию корейского аспиранта на выражение русской преподавательницей её согласия с мнением аспиранта: — *Как трудно в Московском университете с аудиториями!* — *И не говорите!* — *Почему я не должен об этом говорить?* Немецкий студент, еще в советские времена, встретив после летних каникул преподавательницу русского языка и у слышав в ответ на свой вопрос «*Как Ваши дела?*» ответ: «*Нельзя сказать, чтобы плохо, но и трудности есть*» (= нет оснований говорить, что дела идут плохо, не могу найти точного слова), поделился со своим земляком: «*Советские преподаватели не имеют права говорить, что дела у них идут плохо*». Но предложенческий модус может быть выражен служебными словами в нетипичном для них контексте: *Слава Богу, я не поехала в эту командировку, благо заболела, какой-то вирус напал, а то попала бы в эту аварию, и кто знает, чем бы кончилось, там два смертных случая.* (Устн.); — где союз **благо** вводит от-

рицательную по содержанию информацию (заболела), но дальнейшая информация объясняет это сочетание. Главное, что предложенческий модус никогда не может быть носителем предикативности. Авторизация в любых случаях — это самостоятельная пропозиция, которая может занять позиции от главной части изъяснительного придаточного предложения до вводного слова и отдельного предложения. Предложенческий модус и внутрисинтаксическая авторизация (то есть, авторизация, как структурно-семантическая модификация) принципиально различны. Авторизация может быть объективированной и субъективированной. Если это Я-/Мы авторизация, то она имеет несколько значений и полностью, как представляется еще не описана как категория. Поэтому перечислим, вероятно, далеко не все случаи, каждый из которых должен был бы быть представлен собственной парадигмой.

Перформативные предложения, где индикатив глагола, часто выражающего речевые действия, одновременно является действием. Обычно считается, что это только я-/мы- предложения, то есть, субъективированная авторизация: *Я назначаю Вас руководителем группы; Мы благодарим вас за внимание. Прошу тебя помочь мне.* Но, думается, что сюда же следует отнести и он-предложения, то есть, авторизацию объективированную, когда они реализуются в коммуникативном режиме речи и передают чужую речь адресату этой речи: — *Мама поздравляет Вас с наградой, благодарит Вас за приглашение и просит извинить её за то, что по болезни она не смогла прийти сама Вас поздравить. Директор назначает тебя ответственным за проведение субботника и велит сегодня же приняться за организацию.* Очевидно, что глагол в этой функции выступает в форме наст.вр., ср., просто сообщение: *Директор назначил тебя ответственным за субботник и велел сегодня же приступить к организации*

Вводные слова в нескольких функциях, которые тоже пока описаны не до конца. Представим разряд «фатические слова» типа **знаешь(ли)/знаете (ли), видишь (ли)/видишь ли, понимаешь (ли)/понимаете (ли)** и нек.др., которые тоже могут составить парадигму, во-первых, по месту вводного слова в основном предложении: *Он, знаешь, прошел конкурс успешно; — Знаешь, он прошел конкурс успешно; Работа у нас, понимаете ли, серьезная; — Понимаете ли, работа у нас серьезная;* во-вторых, имея членом парадигмы вводное предложение, которое, в за-

висимости от интонации, может иметь то же фатическое значение (интонация парентезы), но может и быть указанием на известную для адресата информацию: 1) *Он, ты знаешь, прошел конкурс успешно, и теперь будет играть в этом оркестре.* — 2) *Он, как ты знаешь/ведь, ты знаешь/ ты зна²ешь, прошел конкурс успешно, так что всё в порядке. Работа у нас, вы понимаете/ понимаете ли, серьезная, халтурить нельзя.* — *Работа у нас серьезная, и как вы понимаете/ и вы это понимаете/ и вы понима²ете, халтурить нельзя.* Предложения и первого, и второго типа могут составить вместе с вводным предложением, парадигмы со сложным предложением: *Ты знаешь, он успешно прошёл ко¹нкурс;* — *Ты зна¹ешь, (что) он успешно прошел конкурс. Вы понимаете, что работа у нас серьезная и халтурить нельзя — Вы понимаете: работа у нас серьезная и халтурить нельзя.*

Рамки статьи не позволяют представить остальные модификации.

2.2. Актуализационная парадигма как набор вариантов реализаций одного и того же содержания в речи естественного общения, выбор каждого из которых задан говорящему конситуацией (термин нашего польского коллеги Мееровича) или тем, что называется сейчас дискурсом-1, то есть, внеязыковыми условиями общения, была нами осмыслена еще до появления в русистике самого понятия «актуальное членение» [Ковтунова 1976], введенного в 40-е гг. нашим чешским коллегой В. Матезиусом.

2.2.1. Важность этой парадигмы объясняется тем, что, как показывают наблюдения и сопоставление языков, в славянских языках, в отличие от всех языков с грамматикализованным порядком членов предложения (ЧП), главной после категории предикативности, которая, как показал В.В.Виноградов, отличает предложение от словосочетания, является категория предикации, или предикцирования, то есть, соотношение компонентов «о чем говорим» и «что об этом говорим» [Кацнельсон 1971, Лекант 1974], то есть, в теперешних терминах тема (Т) и рема (Р), а не категория ЧП, которые не связаны так тесно с понятиями субъекта и предиката. Мы можем поставить в позицию подлежащего имя любого компонента предложения, если его можно преобразовать в существительное, ср.: *Олег бегло читает — У Олега беглость чтения — У Олега беглое чтение. Моя кошка питается, в основном, мясом — У моей кошки в питании основное приходится на мясо.* Предложения: *В России*

живет много национальностей, Россию населяет много национальностей, Россия — страна *многонациональная* и *Российское население многонационально*, — передают одну и ту же информацию независимо от членопредложенческой позиции слов в Т и в Р, которые (Т и Р) во всех вариантах одни и те же.

Даже опытные преподаватели русского языка-иностранцы, в том числе и этнические русские, выросшие в другой стране, на вопрос *Что лежит на столе?* — системно отвечают: *Книга лежит на столе*; и удивляются, что, оказывается, они отвечают на вопрос *Где лежит книга?*, а в данном случае должен быть вариант *На столе лежит книга*. Вопрос, который можно/нужно задать к конкретной реализации словопорядка в предложении (латентный — скрытый — вопрос, см. [Крылова 1992]) — один из аспектов, позволяющих провести сопоставительные исследования с другими языками для выяснения, как изменяется высказывание в другом языке в зависимости от коммуникативных установок, определяемых дискурсом.

2.2.2. В отличие от языков с грамматикализованным порядком ЧП, нам необходимо разделить понятия субъекта и подлежащего, сказуемого и предиката, поскольку это единицы разных уровней предложения: денотативного и формального. В предложении *У мамы — обморок* компонент ‘мама’ — субъект (экзисисиенс — субъект состояния), выраженный дополнением, а ‘обморок’ — предикат состояния в позиции подлежащего. Позиции ЧП можно поменять: *Мама — в обмороке*, — где налицо подлежащно-сказуемостная пара. Как показали наши материалы, парцелляция: *Он к нам вчера заходил. — Он к нам заходил. Вчера*; и так называемый именной темы, имеющий две реализации — в составе предложения и вне его, ср.: *В 1961 году Гагарин совершает первый в истории космический полет*; — *1961 год — Гагарин совершает первый в истории космический полет*; и: *1961 год. Гагарин совершает первый в истории космический полет*; — суть способы актуализационного выделения важного компонента, а не стилистический прием. Ср. типичные для русского языка реализации: *Где мы будем жить в Киеве?* — *Киев: где мы будем там жить?* *Куда я положила книгу?* — *Книга: куда я её положила?* *Наводнение на Дальнем Востоке продолжается. — Дальний Восток: наводнение продолжается.* И в этом отношении интонация, то есть, интонационные конструкции (ИК) Е. А. Брызгуновой, и ак-

центуация, как показала Т. М. Николаева [Николаева 2004], являются одним из основных инструментов синтаксиса. И работают не в последнюю очередь в рамках словосочетания. Мы к этой проблеме еще вернемся.

А ЧП выполняют в славянских языках принципиально иные функции, нежели в языках с грамматикализованным порядком ЧП. Наши ЧП – это иерархизованная система коммуникативно значимых позиций. И в предложении: *Наш профессор трижды упоминается в ректорском докладе;* — главное действующее лицо, агенс, переведен в позицию определения — одну из самых низких в коммуникативной иерархии ЧП, дабы повысить позицию объекта — пациентива социального действия, ср.: **Ректор трижды упомянул нашего профессора в своем докладе.** А это уже парадигма трансформационная.

2.3. Трансформационная парадигма предложения-высказывания.

Как показывает наша практика, в славянских языках, в том числе, в русском, трансформация предложений — это механизм решения коммуникативных задач говорящего в определенных условиях. Поэтому учить, например, студентов-иностранцев, пониманию и продуцированию в определенном типе дискурса того или иного трансформанта — просто необходимо. Славянские предложения обладают богатейшей трансформационной парадигмой. Наш многолетний опыт (одно из заданий в «Практикуме по функционально-коммуникативному синтаксису» [Всеволодова, Панков 2005] показал, что русские студенты для исходного предложения *Девушки на Украине поют удивительно мелодично* дают более ста трансформов, не привлекая лексических синонимов, а используя только трансформации и строевые слова типа: *Девушки на Украине/Украинские девушки отличаются удивительно мелодичным пением — Пение девушек на Украине/Пение украинских девушек удивляет своей мелодичностью — Украина — это удивительно мелодично поющие девушки/— это удивительно мелодичное пение девушек/— это удивительная мелодичность девичьего пения; — Пение девушек на Украине/украинских девушек отличается удивительной мелодичностью: — Пению украинских девушек свойственна удивительная мелодичность; — Украинских девушек характеризует удивительная мелодичность в пении; — Удивительно мелодичное пение — это характерная черта украинских девушек; — Мелодичность пения украинских девушек вызывает удивление;* и т. д. и т. п.

Важно, что при трансформации в конкретном тексте необходимо соблюдать тот актуализационный вариант, который задан нам конситуацией. Так для предложения: *Попов изобрел радио* (латентный вопрос «Что изобрел Попов?»); — трансформационную парадигму составят *Попов — изобретатель радио*; — *Попов является изобретателем радио*; *Попов — это изобретение радио*; *Попову принадлежит изобретение радио*; *Попов — это радио*; *Поповым изобретено радио*. Для предложения *Изобрёл Попов радио* (латентный вопрос «Что именно изобрел Попов?») — трансформационная парадигма состоит из: *Изобретение Попова — это радио*; *Изобретением Попова является радио*; *Изобретено Поповым радио*. Для предложения-высказывания *Радио изобрёл Попов* (латентный вопрос «Кто именно изобрел радио?») в парадигму войдут предложения: *Радио является изобретением Попова*; *Изобретение радио принадлежит Попову*; *Радио — это изобретение Попова*; *Изобретателем радио является Попов*. *Изобретение радио — это Попов*; и даже: *Радио — это Попов*.

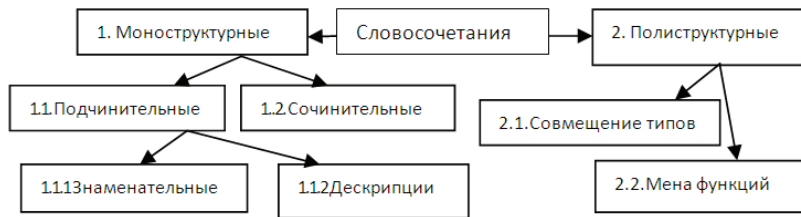
Сейчас мы знаем структуру самой трансформационной парадигмы и основные типы трансформов [Всеволодова 2000, гл.21]. Есть очень удачный опыт разработки системы парадигм конкретных семантических групп предложений [Ван Янчжен 1996] и предложений с определенными типами распространителей [Всеволодова, Дементьева 1997]. Мы позволим себе не рассматривать парадигматику других уровней предложения, чтобы иметь возможность представить читателю парадигматику словосочетаний (с/с).

Парадигматика словосочетаний. Анализ и осмысление функционирования русских предложений-высказываний заставил нас прийти к выводу о необходимости вернуться к широкому пониманию этой синтаксической единицы, признав, что, во-первых, категория предикативности позволяет развести собственно предложение и с/с; во-вторых, — определенный В. В. Виноградовым уровень собственно с/с представляет собой исходный член всех парадигм подчинительных с/с, каковых у с/с не одна, как это подается в грамматике, а три; и в третьих, что сам состав с/с как единиц, составленных из семантически и грамматически главного слова (в дальнейшем «слово») и зависимой словоформы («словоформа»), то есть, подчинительных, следует расширить, во-первых, как сказано выше, с/с-ми, где грамматически главное слово является семантиче-

ски ослабленным — дескрипциями, представленными разными типами, например: *посоветовать* — *дать совет*, *синий* — *синего цвета* и др., а во-вторых, вслед за В. А. Белошапковой, и сочинительными, что приняла и РГ-80. Учет словосочетаний числительных с существительными типа *два дома*, *сто двадцать пять домов* — квантитативов — привел к более полной системе словосочетаний. Рамки статьи не позволяют нам привести её полностью. Представим некоторые фрагменты.

3.1. Система основных типов словосочетаний. Как уже сказано выше, анализ функционирования языка показал рентабельность широкого понимания категории с/с, с учетом разделения словосочетания и предложения по отсутствию/наличию категории предикативности. Вместе с тем, выявились, с одной стороны типы с/с, в определенных условиях способные перейти в подлежащно-сказуемостную пару, что практически системно для с/с, где грамматически главным словом является семантически ослабленное слово — дескрипции, в частности, описательные предикаты (ОП, термин В. А. Белошапковой, или коллокаты в терминах Ю. Д. Апресяна), ср. исходное предложение *Земля **вращается** вокруг Солнца*; — ОП - сказуемостно-дополнительный вариант: *Земля **совершает вращение** вокруг Солнца*; и ОП- подлежащно-сказуемостная пара: ***Вращение** Земли **совершается** вокруг Солнца*. Представим первый, самый общий фрагмент системы с/с.

Дендрограмма морфосинтаксических типов с/с Схема 2.

3.2.1. Думается, что разряд моноструктурных словосочетаний, состоящий из подчинительных и сочинительных, понятен. Считается, что **подчинительные знаменательные с/с** имеют одну парадигму, совпадающую с морфологической парадигмой «слова», то есть, семантически и грамматически главного компонента. На самом деле, многие из таких

с/с имеют три парадигмы: 1) по «словоформе», 2) по «слову» и 3) актуализационную парадигму.

1) Некоторые с/с могут присоединять разные формы одного зависимого от них слова, ср.: **Олин брат пошел в школу** — **Брат Оли пошел в школу** — **Брат у Оли пошел в школу**. Две первых реализации, представляющие собой согласованное и несогласованное определения, имеют полную парадигму при всех реализациях «слова» брат: *Я подошел к Олиному брату/к брату Оли; Мы говорили с Олиным братом/с братом Оли; Я купила книгу для Олиного брата/для брата Оли* и т. д. В третьей реализации налицо не определение, а дополнение, у-локализатор (термин Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1976], специфический, в первую очередь для русского языка. Он выступает далеко не во всех случаях, где могут выступить определения, ср. *Я купил книгу брату Оли;* и: *Я купил книгу брату у Оли;* = своему брату; *Мы говорили с братом Оли – Мы говорили с братом у Оли;* = Я и мой брат разговаривали о чём-то, когда были у Оли. Но в принципе это один из самых системных и частотных способов выражения денотативного субъекта: **У мамы** — *ангина*; **У Анны** *все дети учатся в школе*; **У них** *недавно было наводнение*. И в нашем случае именно у-локализатор можно вынести в тему при необходимости построить высказывание об Оле, а не о её брате: **У Оли брат в школу пошел**; **У Оли брата** *приняли в спортивную школу*; **У Оли с братом** *случилось несчастье*. **У Оли брат** *строит дом*.

2) Парадигма по «слову» тоже может быть ущербной. Так с/с некоторых существительных с наречиями, определяющими их пространственное состояние, типа *шапка набекрень, пальто нараспашку, окно настежь* выступают в очень ограниченной падежной парадигме: *в шапке набекрень* (шел) но не *с шапкой набекрень*; *Он был в пальто нараспашку*; *У него пальто нараспашку*; но не: *пальто нараспашку висит в шкафу*. У нас наблюдения подобного типа пока единичны. Такой материал требует дальнейшего исследования.

3) Актуализационная парадигма любого типа с/с — один из основных акцентуационных механизмов актуального членения в предложении-высказывании. Рамки статьи не позволяют остановиться на всех или даже хотя бы на всех основных. Назовем некоторые .

1) Как известно, в нейтральном высказывании рема (Р – ИК-1) падает на ударный слог последнего слова. Но если это последнее слово нужно

поставить в фокус Р, порядок слов в с/с следует изменить, ср.: *Я читаю интересную кни¹ гу* — *Я читаю кни^{1с}гу интересную* — *Я кни² гу читаю интересную* — *Кни² гу я читаю интересную*; ср. в позиции Т: *Кни³ гу я читаю // интере^{1с}ную*. Во всех этих реализациях В. В. Виноградов видел разрушение с/с, мы предпочитаем видеть в этом свойства с/с. Но есть случаи, когда изменение актуализационной позиции ведет к разрыву грамматических связей и тем самым к разрушению с/с, хотя семантические связи между прежними «словом» и «словоформой» сохраняются, ср.: *Онегин — сосед Лариных*; — *Онегин Лариным — сосед*; *У Лариных сосед* — *Онегин*; *Онегин и Ларины — соседи*.

2) Подавляющее большинство словосочетаний в составе предложения обладает способностью ставить свои компоненты в отношения предицирования, что еще не превращает их в предложения, поскольку все остальные компоненты предложения сохраняются: *Кни³ гу я читаю интере^{1с}ную*; *Овоще⁶й мы купили мно² го. Продуктами все детские сады обеспечены*; *О собрании староста нам уже сказал*. О некоторых случаях перехода с/с в предложения скажем ниже.

3.2.2. О с/с со строевыми словами — дескрипциях — немного говорилось выше, где отмечалось, что для некоторых из них возможны трансформы в подлежащно-сказуемостные пары, то есть, в предложения, ср., например: *Юбка — синяя* ↔ *Юбка — синего цвета* ↔ *Юбка цветом — синяя* (с разрушением грамматических связей) ↔ *Цвета юбка синего* ↔ *Цвет юбки/у юбки — синий*. (Это, кстати, тоже парадигма.) Строевые слова, выделенные нами: реляторы — выразители логических пропозиций, отношений между предметами или явлениями: *Дожди — причина наводнения*. [Беленькая 1994] _Экспликаторы — развёртки одного слова: *Весь вечер мы говорили о музыке* ↔ *Весь вечер прошел в разговорах о музыке*; ↔ *Весь вечер мы провели в разговорах о музыке*; ↔ *Весь вечер мы вели разговоры о музыке*; ↔ *Весь вечер у нас или разговоры о музыке*; ↔ *Весь вечер темой разговоров была музыка*; (и это парадигма тоже) [Воробьева 2005, Всеволодова, Кузьменкова 2003]; классификаторы: *Его охватил гнев* — *Его охватило чувство гнева*; родовые слова: *Маша — красивая* ↔ *Маша — девушка красивая*; *Москва — большая*; ↔ *Москва — город большой*; — выполняют разные функции, имеют разные парадигмы, и мы их здесь описывать не будем (см. [Всеволодова 2012])

Схема 3 Система морфосинтаксических типов дескрипций

Более конкретную структуру этого фрагмента системы см. [Всеволодова 2012]

3.3. Сочинительные с/с объектом серьёзного и всестороннего изучения пока не были и мы оставим их в стороне. Представим полиструктурные с/с.

4.К полиструктурным мы относим два разряда, формируемых числительными. Первый — совмещение типов, то есть сочинительных и подчинительных, — формируют собственно составные числительные. Второй — мену функций «слова» и «словоформы» в с/с формируют квантитативы, то есть сочетания числительных с числительными типа *две руки, пять книг, двое друзей, пятеро телят*.

4.1. Как известно, РГ-80 отказалась признать дробные числительные собственно частью речи (ЧР), поскольку там системно может быть вставлен союз “и”: *две целых и три сотых*, и отнесла их к сочинительным словосочетаниям, в свое время введенным в число словосочетаний В. А. Белошапковой [Белошапкова и др. 1989] (что абсолютно правильно, но не заставляет их выбрасывать из категории ЧР), равно, как перенесла порядковые числительные в ЧР прилагательных — порядковые прилагательные (с чем мы согласиться не можем). Но отметим, что во всех южнославянских языках в составных числительных (равно, как и в немецком) единицы присоединяются к предшествующему числительному этим союзом: *двадесет и еден, einundzwanzig* (раздельное/слитное написание — вопрос конвенциональный. Предлог **впику** кому-чему в словаре Ушакова 1935–1938 гг. пишется слитно, в словаре Ожегова, Шведовой 1999 г. — раздельно **в пику**. Наречие **например** пишется слитно, а его абсолютный семантический и синтаксический синоним **к примеру** — раздельно.) Это не значит, что в южнославянских языках нет составных числительных, и что они перешли в разряд с/с. Это значит только,

что в составе ЧР могут быть и с/с, например, суперлятивы *самый высокий, выше всех* (прыгнул), или *буду читать, будем писать*, что не лишает их статуса словоформы. Что же касается составных числительных, то независимо от отсутствия/ наличия союза “и” мы должны признать их словосочетаниями. Вряд ли числительное *две тысячи сто тридцать пять*, которое по всем грамматикам относится к составным числительным, можно считать одним словом. Более того, одна его часть *две тысячи* — есть с/с подчинительное, а *сто тридцать пять* — сочинительное. Сама единица 2135 есть название одного и только одного числа, и выбросить хоть одно слово из этого названия нельзя. Сюда же относятся дробные, где части *семь целых две десятых* сами по себе суть подчинительные, а их соединение (с союзом или без союза “и”) есть сочинительная связь. И, следовательно, мы должны признать, что некоторые языковые единицы могут одновременно входить в категории разных уровней, а отдельные категории могут включать единицы разных уровней. И, значит, когда-то высказанное В. А. Белошапковой мнение о пересечении в языке разных уровней подтверждается. Именно составные числительные всех типов (в том числе и порядковые, и выделенный в процессе анализа предлогов разряд комплексных числительных, включающих: 1) указания степени типа *частица с энергией свыше десять в двадцатой (степени)*; 2) диапазон: *породы крепостью порядка один — шесть/от одного до шести по Боме*, 3) размер, величину: *площадка размером не менее десять на пять метров; ящик объёмом два на три и на четыре метра*; 4) пропорцию: *раствор крепостью порядка один к трем*; 5) уже названные дробные и нек. др. составят разряд совмещенных типов (подчинительных и сочинительных) [Судзуки 2008, Всеволодова 2010, 2013, 2013]. Второй разряд полиструктурных с/с — это словосочетания числительных с существительным типа *одна чашка, тридцать лет* — так называемые квантитативы. Отметим, что сочетания типа *две тысячи, пять миллионов, два метра на три метра, две целых (части) и пять сотых (частей)* и даже *пятьдесят, триста, семьсот* по своему происхождению суть уже сочетания с существительными, то есть квантитативы (ср. *несколько сот*), и, соответственно, уже сам разряд числительных есть во всех отношениях полиструктурная единица.

4.2. Квантитативы в славянских языках принципиально отличаются от квантитативов большинства других языков, где числительное являет-

ся просто количественным определением к существительному, а существительное при наличии категории числа может стоять при числительном от два и выше либо в форме мн.ч., как, например, в немецком, либо в форме ед.ч., как в иранских и тюркских языках.

Особенностью русского и других восточно-славянских языков является тот факт, что во всех квантитативах с составным числительным, оканчивающимся на **один**, существительное стоит в ед.ч. и является «словом» (кроме некоторых исключений с предлогом **по**). В с/с с числительным **два** и больше в прямых падежах: именительном и винительном «словом» в с/с является числительное, а «словоформой» существительное, которое воспринимается при этих числительных, в том числе и в составных, как форма Род.п. ед.ч.: *два/три/четыре дѣба — в сто тридцать два/три/четыре дѣба* — (ср. эти же падежи в падежной парадигме слова **дом**: *стоят домá — вижу домá*). Как известно, это результат распада категории двойственного числа, который дал разные результаты в разных славянских языках, ср. польск. *dwa/trzy|cztery domy*, укр. *два будинки*. У некоторых слов, в частности, муж. р. на согласный форма дв.ч. и форма Род.п. ед. оказались изоморфами, например, **стола́**, что заставило носителей, в частности, русского языка переосмыслить форму дв.ч. как форму Род.п. ед.ч., в том числе, и для названий парных предметов типа *глаза́, бокá, рогá, берега́, рукава́*, ср. современные *два глаза́, три рога́, оба берега́, оба бока́*, ср. мн.ч.: в поговорке *руки в бо́ки*. Но в с/с числительных **два, три, четыре** со словом **час** в Им. и Вин.пп. сохранилась форма дв.ч.: *два/три/четыре часа́ — за двадцать два/тридцать три/сорок четыре часа́*. Во всей падежной парадигме самого слова **час** словоформы с таким ударением нет.

В с/с со «словом»- числительным **пять** и выше (кроме составных, оканчивающихся на *один, два, три, четыре*) в прямых падежах существительное — «словоформа» стоит в Род.п. мн.ч., поскольку, как известно, еще до середины XVIII в. числительные **пять — двадцать, тридцать**, были существительными жен.р. ср. из рукописи 1731 г.: *купишь другую тридцать коровъ*; слово **сорок** — муж.р., слова **девяносто** и **сто** — ср.р.; слова **пятьдесят — восемьдесят** тоже склонялись по жен.р.

Но самое интересное, пожалуй, что при «словоформе» в Род.п. ед. и мн. ч. сказуемое при таком с/с в позиции подлежащего может стоять как в форме ед., так и мн.ч., а согласованное определение — при **два, три,**

четыре — в форме Им./Род.п.п. мн.ч.; ср. *стоит новый дом — стоят новые дома́*; и: *стоит (стояло)/стоят (стояли) двадцать два новые/новых дома, лежит (лежало)/лежат (лежали) сорок четыре новые/новых ручки*. *Одному человеку было направлено три заказных письма. Три заказные письма ушли назад, т. к. адресат выбыл* Но только: *стоит (стояло)/стоят (стояли) пять/сорок пять новых домов*.

В Вин.п. при словах муж.р. из нескольких сот примеров мы нашли только один с Им./Вин.п. прилагательного: *Снесли два старые дома*. Во всех остальных случаях— Род.п. мн.ч.: *В Уфе построят два новых дома для ветеранов; Крупнейшая строительная компания «Киевгорстрой» намерена построить 30 высотных домов в Гомельской области (Беларусь). Мы отправили два заказных письма. Я выполнял два или три больших задания*. Но и: *13 января я отправила три заказные письма от членов нашего клуба «Сотворение»: в редакции газет «Владимирские ведомости» и «Московский комсомолец», а также в передачу «Пусть говорят»*. Для слов ж.р. возможны обе формы.

В косвенных же падежах «словом» оказывается существительное, а числительное как определение может быть изъято из предложения без нарушения его грамматической правильности: *нет двух/пяти новых домов — нет двух/пяти домов; подъехали к трём/к десяти малышам — подъехали к малышам; поговорил с тремя/с пятью свидетелями — поговорил со свидетелями; говорили о двух/о семи кигах — говорили о книгах*. Таким образом, в падежной парадигме квантитатива меняется функция «слова» и «словоформы».

Интересна и парадигма сказуемого при подлежащем-квантитативе, поскольку если составное числительное оканчивается на **один**, то независимо от количества и сказуемое, и определение в нормативной грамматике выступают в форме ед.ч.: *поднялась сто сорок одна детская рука, взмыл вверх двадцать один воздушный шар, было разослано триста двадцать одно заказное письмо*.

Думается, что главный вывод, следующий из анализа квантитативов можно сформулировать так: В славянских языках категория существительного имеет не две формы числа: единственное и множественное, а три, что отмечено в болгарском языке: **единственное, множественное и счётное множество**, парадигма которого принципиально отличается от падежной парадигмы ед. и мн.

числа существительных, не говоря уже о том, что там есть и очень важные и интересные моменты, о которых мы не смогли сказать в рамках статьи.

Скажем только об актуализационной парадигме предложения с квантитативом –подлежащим. Так в предложении типа *На столе лежит одна книга* можно поставить компоненты с/с в отношения предикации: **Книга на столе лежит одна**. Но для «словоформы» возможен и Род. п. мн.ч.: **Книг на столе лежит одна**. Для всех других числительных в норме работает именно эта модель, специфическая для выражения типового значения “субъект и его количество” с формой глагола в ед.ч.: **Книг на столе лежало пять; Студентов в аудитории сидит человек двадцать; Зачётов у нас будет три или четыре. Медалей на соревнованиях будет разыграно двадцать одна**. Как видим, парадигма с/с может быть механизмом превращения с/с в модель предложения, которая, в свою очередь, является одним из членов актуализационной и трансформационной парадигм исходного предложения.

Литература

- Амиантова Э. И., Битехтина Г. А., Всеволоова М. В., Клобукова Л. П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный»)// Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001. № 6.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова Н. Д. Языковые значения. Оценка, событие, факт. М., 1988.
- Беленькая О. В. Модели простых предложений с глагольными причинными предикатами. Диссерт. ... кандид. филол. Наук. М., 1994.
- Белошапкина В. А. и др. Современный русский язык М.: Высшая школа, 1989.
- Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.
- Бухарин В. И. Коммуникативный синтаксис в преподавании русского языка как иностранного. М., 1986.
- Ван Янчжен Предложение: содержание, форма, парадигмы. Пекин, Шанхай, Зонгчжоу, Сиань, 1996
- Воробьева Г. К. Онтологическая теория несвободной глагольно-именной сочетаемости слов русского языка. Лингвокогнитивные и культурологические аспекты. М., 2005.
- Всеволодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1975.

- Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Учебник. М.: Изд-во МГУ, 2000.
- Всеволодова М. В. Поля, категории и концепты в грамматической системе Языка. // Вопросы языкознания. 2009. № 3.
- Всеволодова М. В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации. // Вопросы языкознания. 2010. № 4.
- Всеволодова М. В. Словосочетание в новой парадигме грамматики. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. № 1.
- Всеволодова М. В. Специфика категории количественности в славянских языках: числительные, квантитативы, счётное множество и изменения в парадигматике русских числительных. Функционально-коммуникативная грамматика. // Мультиязычный научный журнал «Stephanos» (2013. № 2). Электронный адрес: <http://www.stephanos.ru/index.php?entry=1>.
- Всеволодова М. В. Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 6.
- Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: URSS, 2009.
- Всеволодова М. В., Деметьева О. Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М.: Крон-пресс, 1997.
- Всеволодова М. В., Ким Тэ Чжин. Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка). М.: URSS, 2008
- Всеволодова М. В., Кузьменкова В. А. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003. № 5.
- Всеволодова М. В., Панков Ф. И. Практикум по курсу «Теория функционально-коммуникативной грамматики». М.: Издательство Московского университета, 2005
- Всеволодова М. В., Панков Ф. И. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья первая // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008. № 6.
- Всеволодова М. В., Панков Ф. И. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья вторая // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009. № 1.
- Всеволодова М. В., Ященко Т. А. Причинно-следственные конструкции в современном русском языке. М.: URSS, 2008.
- Грамматика русского языка. Ред. В. В. Виноградов. В 2 т. М., 1952 — 1954.

- Грамматика современного русского литературного языка. Ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970.
- Есперсен Йене Отто Харри. Философия грамматики. М., 1958.
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Изотов А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен. Автореф. ... докт. филол. наук. М., 2007.
- Иоанесян Е. Р. Классификация ментальных предикатов по типу вводимых ими суждений // Логический анализ языка. Ментальные действия. Ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1993.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1971.
- Ковтунова И. И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992.
- Лебедева Е. К. Принципы функционально-коммуникативной грамматики и проблемы категории причинных отношений в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2005. № 3.
- Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974.
- Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1973.
- Маркус С. Логический аспект лингвистических оппозиций // Проблемы структурной лингвистики. М., Наука. 1963.
- Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды военного института иностранных языков. 1945. № 1.
- Николаева Т. М., Семантика акцентного выделения. М., 2004
- Русская грамматика. Ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
- Рябцева Н. К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка. Ментальные действия. Ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1993.
- Судзуки Рина. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка). Диссерт. .... канд. филол. наук. М., 2008.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1961
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Изд. 2, испр. и доп. М.: URSS, 2010
- Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. М., 1983. №1.

Шмелева Т. В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск, 1994.

Шувалова С. А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М., 1990.

Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Paradigmatics as Grammar Parameter

M.V. Vsevolodova (Russia, Moscow), mayya133@mail.ru

Key words: structural language units, paradigm, paradigm components, types of different level language units paradigms, paradigm intersection

Summary: The article examines paradigms of language units belonging to different levels within Slavic languages grammar, mainly Russian grammar. Thus there exists a certain multiplicity of one level units which obtain some formal or semantic differences nevertheless form one series, one system group and the choice of a proper unit in speech is often unambiguously determined by the discourse.

Установление значений и денотатов языковых выражений как задача лингвистической экспертизы: *продовольствие и корм для собак*

И. В. Галактионова (Россия, Москва), givlad@mail.ru

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, общепотребительное слово, денотот.

Аннотация: Статья представляет собой текст составленного автором заключения специалиста, которое посвящено выяснению значения слова *продовольствие* как общепотребительного слова и как термина и ответу на вопрос о соотношении денотата этого слова и денотата словосочетания *корм для собак*.

Начну совсем не с продовольствия, и тем более не с корма для собак...

С Анатолием Анатольевичем Поликарповым я познакомилась, когда училась на втором курсе (то есть в 1979 году): я пришла к нему в спецсеминар, в котором прозанималась только год – изучала особенности разговорной речи, — а затем перешла к В. А. Белошапковой.

Вокруг Анатолия Анатольевича всегда существовала группа людей, занимавшихся таинственными хоздоговорными работами, внушавшими уважение: раз лингвисту платят, значит, его знания кому-то нужны. Я ездила в Ясенево, где в какой-то квартире сидели хоздоговорники и стояло несколько компьютеров, светя синими экранами мониторов. Кажется, тогда-то я и увидела компьютер вблизи и даже разок понабирала на нем какие-то тексты. Потом хоздоговорники превратились в Лабораторию компьютерной лексикологии и лексикографии и обосновались непосредственно на филфаке.

Когда я готовила в 1995 году автореферат диссертации, я, конечно, на всякий случай напечатала его на машинке, но потом решила сделать файл — пошла в компьютерный класс и набрала его в «Лексиконе» (был такой редактор в довордовские времена). Что делать дальше, было непонятно — и тут мне встретился Анатолий Анатольевич, который позвал меня в Лабораторию, забрал дискету и с помощью кого-то из своих сотрудников конвертировал, отформатировал и что-то там еще сделал.

В результате мой автореферат приобрел вполне презентабельный — даже передовой — вид, спасибо Толь Толичу!

Лаборатория всегда была тем местом, куда можно зайти, проходя по коридору, чтобы что-то обсудить или просто попить чаю. Пусть так и будет дальше, в память о ее создателе — Анатолии Анатольевиче Поликарпове!

А теперь о том, за что лингвистам платят сейчас.

В последние десятилетия все больше лингвистов, занимающихся наукой и преподаванием, обнаруживают, что их знания могут быть востребованы в таких областях, которые ни с наукой, ни с преподаванием не связаны. Одна из таких областей — юридическая: количество назначаемых судами лингвистических — и прежде всего семантических — экспертиз по разным категориям дел весьма велико, обращаются с запросами к лингвистам и адвокаты, и обычные граждане.

Почти каждая экспертиза по сути является небольшим — а иногда и очень большим — научным исследованием, для выполнения которого могут понадобиться самые разные лингвистические знания. По словам А. Н. Баранова, много работающего в этой области, «лингвистические экспертизы очень часто оказываются головоломными задачами, требующими от лингвиста владения самыми различными навыками» [Баранов 2007: 554].

В принципе лингвистическую экспертизу может сделать любой лингвист, в том числе не имеющей специальной подготовки, но сейчас специалистов этого профиля готовят целенаправленно. Один из способов обучения — разбор уже готовых экспертиз и заключений, выполненных разными лингвистами, в том числе опубликованных (см., например, известный сборник [Цена слова 2002]).

Имея это в виду, я решила опубликовать текст составленного мной заключения специалиста. Оно посвящено выяснению значения слова *продовольствие* как общеупотребительного слова и как термина и ответу на вопрос о соотношении денотата этого слова и денотата словосочетания *корм для собак*.

Основанием для подготовки публикуемого заключения послужил запрос адвокатов, представлявших интересы производителя мясного корма для собак. Другой стороной судебного спора была налоговая инспек-

ция, а предметом спора — ставка налога, который должен выплачивать производитель.

Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) устанавливает разные ставки налога на добавленную стоимость (НДС) в зависимости от типа реализуемого товара или услуги: некоторые товары и услуги налогом не облагаются (налоговая ставка — 0%, в основном это услуги), при реализации другой группы товаров, в которую входят продовольственные товары (за исключением отдельных их видов), ставка составляет 10%, ставка налога на реализацию остальных товаров больше, и в то время, когда проходило судебное разбирательство, она составляла 20%⁷.

Ставка налога, который должен был выплачивать производитель, зависела от того, относятся ли или не относятся корма для домашних животных вообще и мясной корм для собак в частности к продовольствию.

В приложении к своему запросу адвокаты сообщили, что аналогичные дела уже рассматривались и разные суды принимали по ним прямо противоположные решения, ссылаясь при этом в том числе на значение слова *продовольствие*, указанное в толковых словарях русского языка. Кроме того, адвокаты перечислили основные документы, в которых содержится информация о типах товаров и на которые также опирались судьи при принятии решений.

Лингвистическое исследование по аналогичным делам не проводилось, хотя вопрос о значении слова, несомненно, относится к компетенции лингвиста, и адвокаты, представлявшие интересы производителя корма, решили обратиться к специалистам, чтобы получить профессиональное заключение. Их выбор пал на филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, и заниматься составлением заключения было поручено мне.

Адвокаты поставили перед лингвистами два вопроса, которые приводятся именно в том виде, как они были сформулированы в запросе.

Вопрос 1. Как, с точки зрения принятых норм русского языка, определяется термин «продовольствие», «продовольственные товары»?

Вопрос 2. Относятся ли с позиции лингвистического толкования корма, предназначенные для употребления в пищу представителями животного мира, к продовольствию, продовольственным товарам?

⁷ Сейчас налогообложение этих товаров производится по налоговой ставке 18%. См. НК РФ, часть вторая, статья 164.

Ниже приводится почти полностью текст подготовленного в ответ на запрос заключения, а именно исследовательская часть, которая в большей степени интересна для специалистов, поскольку позволяет проследить логику рассуждений, и часть, содержащая выводы и ориентированная прежде всего на конечного пользователя — адвоката, судью, — больше заинтересованного, как представляется, в компактности и однозначности окончательных формулировок⁸. Вводная часть заключения не приводится ввиду ее технического характера.

Как можно будет увидеть, в заключении разъясняются довольно общие вещи, которые специалисту кажутся очевидными, — особенно в ответе на *Вопрос 1*. Однако адресат текста — не лингвист, что видно в том числе и по формулировкам, используемым в запросе, и без подобных разъяснений не обойтись.

Ход анализа излагается максимально подробно, что позволяет проследить логику рассуждений и — например, в случае повторной экспертизы — не только соглашаться или не соглашаться с представленными в заключении итоговыми выводами, но и подвергать критике конкретные утверждения и аргументы.

Источники, на которые опирается исследование, — это специальные тексты (ГОСТы, классификаторы и т. п.), а также известные и доступные не только специалистам лингвистические описания: толковые словари — четырехтомный «Словарь русского языка», Словарь Д. Н. Ушакова и Словарь С. И. Ожегова; лингвистические словари — Лингвистический энциклопедический словарь, энциклопедия «Русский язык», «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой; двухтомная «Русская грамматика»; справочник Д. Э. Розенталя⁹.

Хочется надеяться, что публикуемый текст заключения соответствует тем требованиям, о которых пишет А. Н. Баранов: «Очевидно, что текст экспертизы должен упрощаться <...>, для того чтобы он мог быть хотя бы потенциально понят теми, кто не имеет специального лингвистического образования. Это тем более существенно, что по большей части и суд, и спорящие стороны априори считают себя специалистами в род-
⁸ Эти части — исследование и выводы — предусмотрены стандартным форматом лингвистической экспертизы как достаточно четко регламентированного жанра.

⁹ Полные названия этих и некоторых других источников даны в самом тексте заключения и в список литературы в конце статьи не включены; это одна из причин, по которой большая их часть перечислена в данном абзаце.

ном языке — просто на основании того, что они являются его носителями. <...> Отсюда и необходимость полного воспроизведения техники анализа, подробной аргументации каждого шага исследования, что создает для лингвиста впечатление чрезмерной лапидарности изложения, объяснения очевидного» [Баранов 2007: 553–554].

Если читателю интересно, каков ответ на заданные адвокатами вопросы, его вниманию предлагается небольшое расследование.

ТЕКСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Результаты исследования

Вопрос 1. Как, с точки зрения принятых норм русского языка, определяется термин «продовольствие», «продовольственные товары»?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо соотнести понятие «**принятые нормы русского языка**» и понятие «**термин**». Необходимость такого соотнесения обусловлена тем, что, как сказано в запросе, «в некоторых судебных решениях суды при разрешении споров ссылаются на значение, в котором термин «продовольствие» употребляется в русском языке, и указывают на Словарь русского языка, издательство «Русский язык», Москва, 1984 г.» в качестве источника информации о значении этого слова.

Согласно общепринятым в современной лингвистике представлениям, слова русского языка (то есть его лексика) относятся к разным подсистемам. В частности, в современном русском языке существует подсистема **общеупотребительных слов**, то есть таких, которыми владеют все носители русского языка: они знают, что означают эти слова, и могут употреблять их в своей речи. Именно такая лексика прежде всего фиксируется толковыми словарями русского языка.

Помимо таких слов, в состав языка входят также **термины** и специальные слова, которыми пользуются не все носители русского языка, а преимущественно специалисты в той или иной области, например: *гипотенуза, апогей, оксид, систола, дискретный*. «Термин <...> — слово или словосочетание, являющееся названием специального понятия к.-л. сферы производства, науки или искусства» (Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 349). Термины каждой отрасли образуют особую терминосистему: термин «входит в общую лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы (тер-

минологии)» (Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 508).

Терминологическая лексика отличается от обычной по крайней мере одним весьма существенным свойством. Термин «не только обозначает то или иное понятие, но и обязательно основан на определении (дефиниции) понятия» [РЯ: 349]. Кроме того, термины функционируют преимущественно в специальных текстах, относящихся к той ли иной области деятельности.

Одни термины относятся к **узкоспециальным** (например, лингвистические термины *фонема*, *пресуппозиция*, *циркумфлекс*); такие слова неизвестны неспециалистам и отсутствуют в толковых словарях, для их лексикографической фиксации создаются словари терминов данной науки (например, «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой). Другие термины могут быть достаточно хорошо известны неспециалистам, что обычно связано с изучением основ соответствующей науки в школе (например, лингвистические термины *предлог*, *предложение*); такие слова, как правило, фиксируются в толковых словарях, где снабжаются специальной пометой, указывающей на ту сферу, к которой они относятся (например, слова *предлог* и *предложение* имеют помету *грамм.* (грамматическое)).

Если слово имеет как обычное, так и терминологическое значение или значения, то в толковом словаре могут быть зафиксированы значения обоих типов. Например, у слова *угол* фиксируется терминологическое значение: «*Мат.* Часть плоскости между двумя прямыми линиями, исходящими из одной точки» и несколько общеупотребительных значений (см. Словарь русского языка. В 4-х томах. М., 1984. Т. 4, с. 459).

Однако в отношении слов такого типа словари ведут себя непоследовательно. Есть слова, для которых толковый словарь фиксирует только общеупотребительное значение или значения. Так, у слова *высказывание*, являющегося лингвистическим термином, в указанном толковом словаре отражаются только общеупотребительные значения (см. т. 1, с. 280).

Кроме того, у некоторых широко известных терминов помета, указывающая сферу их употребления, отсутствует. Так, например, не имеют такой пометы термин *слог* (см. т. 4, с. 141) и терминологическое значение слова *кислота* (см. т. 2, с. 51).

Следует отметить также, что между обычной и терминологической лексикой происходит постоянное **взаимодействие**. Общеупотребительные слова могут приобретать терминологическое значение (например, *усталость после работы* — техническое *усталость металла*), а термины, напротив, начинают функционировать в общеупотребительном значении (математическое *радиус окружности* — *радиус действия*). Не всегда такие изменения в использовании слов отражаются в словарях (особенно в случае приобретения общеупотребительным словом терминологического значения).

У слова *продовольствие* вышеназванный четырехтомный «Словарь русского языка» выделяет два значения (см. т. 3, с. 480). (Данные других словарей приведены в ответе на Вопрос 2.) Первое значение толкуется следующим образом: «Предметы питания, съестные припасы» и не имеет никакой пометы. Второе значение имеет помету *устар.* (устаревшее) и толкуется так: «*Действие по знач. глаг. Продовольствовать*». Как видим, ни одно из значений слова *продовольствие*, по данным словаря, не является терминологическим. Однако из этого не следует, что у этого слова нет и не может быть терминологического значения: как ясно из вышесказанного, такое значение может быть не зафиксировано в толковом словаре. Слово *продовольственный* имеет одно значение: «Связанный со снабжением продовольствием, продажей, хранением, перевозкой и т. п. продовольствия (в 1 знач.)» и также не имеет никакой пометы (см. т. 3, с. 480).

Итак, в русском языке существуют общеупотребительные и терминологические слова, а также общеупотребительные и терминологические значения одного и того же слова. Терминологические слова и значения толковыми словарями фиксируются непоследовательно, поскольку словари этого типа ориентированы прежде всего на общеупотребительную лексику.

Налоговый кодекс РФ, ГОСТы и т. п. документы являются специальными текстами, относящихся к юриспруденции, кодификации и другим специальным областям. Слово *продовольствие* и словосочетание *продовольственные товары* в таких документах выступают в роли **терминов**, что совершенно верно отмечено в вопросе.

За словосочетанием «принятые нормы русского языка» в формулировке Вопроса 1, скрываются, по-видимому, **общеупотребительные**

значения слов, которые фиксируются в толковых словарях, и связанные с этими значениями нормы использования таких слов. Это предположение основано на том, что суды в своих решениях, как ясно из текста запроса, ссылаются именно на то значение слова *продовольствие*, которое приводится в обычных толковых словарях.

Таким образом, ответить на **Вопрос 1**: «Как, с точки зрения принятых норм русского языка, определяется термин «продовольствие», «продовольственные товары»?» невозможно, так как «нормы русского языка», если верно сформулированное выше предположение, относятся к общеупотребительным словам, а обсуждаемые единицы — к терминологии.

Вопрос 2. Относятся ли с позиции лингвистического толкования корма, предназначенные для употребления в пищу представителями животного мира, к продовольствию, продовольственным товарам?

Лингвистическое толкование может быть дано как общеупотребительным словам, так и терминам. Из формулировки **Вопроса 2** не ясно, что именно нужно истолковать — общеупотребительные слова и сочетания *продовольствие*, *продовольственные товары* или соответствующие термины. Поэтому далее будут рассмотрены сначала общеупотребительные значения, а затем терминологические.

Чтобы истолковать то или иное слово, нужно исследовать все **контексты** его **употребления**, пользуясь различными методами, существующими в лингвистике. При составлении толковых словарей проводится именно такого рода исследование каждого общеупотребительного слова, и результатом этого исследования является толкование значения (значений) слова. По этой причине лингвисты начинают анализ того или иного слова именно с обращения к **словарям**.

Подчеркнув еще раз, что в толковых словарях фиксируются именно **общеупотребительные** значения слов *продовольствие* и *продовольственный*, обратимся к словарям.

Ни один из проанализированных толковых словарей русского языка не содержит однозначного указания на то, что продовольствие предназначено для потребления только человеком или, напротив, на то, что продовольствие может служить обозначением как пищи человека, так и корма животных.

Приведем еще раз толкования из четырехтомного «Словаря русского языка»: ПРОДОВОЛЬСТВИЕ. 1. Предметы питания, съестные припасы.

2. *Устар.* Действие по знач. глаг. продовольствовать (см. т. 3, с. 480). ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ. Связанный со снабжением продовольствием, продажей, хранением, перевозкой и т. п. продовольствия (в 1 знач.) (там же).

«Толковый словарь русского языка» в 4-х т. Д. Н. Ушакова выделяет те же значения и в том же порядке, толкуя первое значение слова *продовольствие* следующим образом: «Съестные припасы, пища» (т. 3, стлб. 921). Слово *продовольственный* определяется как «*прил(агательное)* к продовольствие» (там же).

«Словарь современного русского литературного языка» в 17-и т. (М., 1950–1965) дает те же значения, но в другом порядке. ПРОДОВОЛЬСТВИЕ. 1. *Устар.* Действие по знач. глаг. продовольствовать. 2. *Собир.* Съестные припасы, продукты питания, пища (т. 11, стлб. 1041). ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ. Относящийся к продовольствию (во 2-м знач.) (т. 11, стлб. 1040).

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова (22-е изд. М., 1990) указывает у слова *продовольствие* только одно значение: «Продукты питания» (с. 607). Слово *продовольственный* приведено в составе словарной статьи ПРОДОВОЛЬСТВИЕ и отдельного толкования не имеет.

Слова *продовольствие* и *продовольственный* явно не относятся к новым, недавно вошедшим в русский язык словам, поэтому обращение к наиболее авторитетным словарям русского языка, хотя и изданным достаточно давно, вполне оправданно. Согласно данным этих словарей, рассматриваемые слова **не указывают** на то, что продовольствие и продовольственные товары предназначено **в пищу именно людям**.

Помимо обращения к толковым словарям, можно проанализировать контексты употребления указанных слов.

Обратим внимание на следующий контекст (пример из 17-итомного Словаря): *Драгунский полк проходит. Лошади навьючены продовольствием и фуражем* (А. С. Грибоедов). В этом примере *продовольствие* противопоставлено корму для лошадей — *фуражу*. Если бы фураж был одним из видов продовольствия, соответствующая фраза воспринималась бы как стилистически неправильная так же, как стилистически неправильными являются сочетания *ел овощи и помидоры*, *пил напитки* и «*кока-колу*», *занимался спортом и боксом*, в которых союзом *и* соединены слова, называющие род (*овоци, напитки, спорт*) и вид (*помидоры,*

«кока-кола» и бокс соответственно). (Соответствующее правило содержится в книге Д. Э. Розенталя «Справочник по правописанию и литературной правке» (М., 1985, с. 288): «Не сочетаются в качестве однородных членов видовые и родовые понятия».) Однако рассматриваемый пример со стилистической точки зрения абсолютно правилен (за исключением того, что в нем использована устаревшая форма *фуражем* вместо современной *фуражом*). Следовательно, корм для животных не является видом продовольствия. В предложении *В осажденной крепости продовольствия оставалось всего на неделю* речь, как подсказывает языковая интуиция, идет только о еде для людей, но не о корме для лошадей, собак и других животных.

Таким образом, хотя в толковых словарях и не содержится прямого указания на использование *продовольствия* в пищу именно человеком, анализ контекстов употребления этого слова показывает, что **скорее всего** слово *продовольствие* в русском языке обозначает только пищу людей. Однако категорически утверждать это нет оснований.

Итак, отвечая на **Вопрос 2**: «Относятся ли с позиции лингвистического толкования корма, предназначенные для употребления в пищу представителями животного мира, к продовольствию, продовольственным товарам?», можно сказать следующее: анализ словарных данных, касающихся **общепотребительных слов** *продовольствие* и *продовольственный (товар)*, а также некоторых контекстов употребления этих слов показал, что а) ни один из проанализированных толковых словарей русского языка не содержит однозначного указания на то, что продовольствие предназначено для потребления только человеком и б) некоторые контексты использования слова *продовольствие* показывают, что скорее всего это слово в русском языке обозначает только пищу людей. Следовательно, с точки зрения обычного носителя русского языка корма для животных **скорее не относятся**, чем относятся к *продовольствию*, а значит, и к *продовольственным товарам*.

Обратимся теперь к **терминологическим** значениям слова *продовольствие* и словосочетания *продовольственные товары*. Подчеркнем еще раз, что в рассматриваемых документах эти слова употребляются именно терминологически, поэтому никакие соображения, высказанные выше относительно общепотребительных значений указанных слов, не имеют отношения к их значению и употреблению в этих документах.

Термины — это тоже слова языка, и их тоже можно исследовать теми же методами, что и общеупотребительные слова. Однако, как было сказано в ответе на Вопрос 1, термины, в отличие от общеупотребительных слов, должны иметь **определение** (дефиницию). Толкование термина совпадает с его дефиницией. В том случае, если такая дефиниция есть, задача лингвиста упрощается: достаточно найти дефиницию термина, чтобы иметь его толкование. Определение (дефиниция) может содержаться в специальных словарях, нормативных документах, авторитетных работах, посвященных той или иной области знания. Если по какой-то причине дефиниция в этих документах отсутствует, следует проанализировать **употребление** соответствующего термина в **специальных текстах**.

Рассмотрим упомянутые в приложении к запросу, а также иные документы с точки зрения наличия в них дефиниции рассматриваемых терминов, а также таких дефиниций других терминов, в которых упоминаются или могли бы упоминаться корма для животных. Будем исходить из того, что значение слова *товар* нам известно и сочетание *продовольственные товары* обозначает *товары, являющиеся продовольствием*. Таким образом, если в каком-либо документе содержится дефиниция термина *продовольствие*, то известно и значение сочетания *продовольственные товары* и наоборот.

Были изучены следующие документы: «Государственный стандарт РФ. ГОСТ Р 51074–97. Продукты пищевые. Информация для потребителя. Общие требования», «Государственный стандарт РФ. ГОСТ Р 51121–97. Товары непродовольственные. Информация для потребителя. Общие требования», «Общероссийский классификатор продукции (ОК 005–93)», «Налоговый кодекс Российской Федерации». Часть первая от 31 июля 1998 г. N 146-ФЗ. Часть вторая от 5 августа 2000 г. N 117-ФЗ.

Термин *продовольственный товар* (*продовольственные товары*) встретился в Налоговом кодексе РФ (Часть вторая. Статья 164. Пункт 1, подпункт 2). Дефиниция этого термина в указанном документе отсутствует. В других перечисленных документах данный термин не встретился.

Термин *непродовольственный товар* встретился в ГОСТ Р 51121–97 (Товары непродовольственные). В Разделе 3 «Определения» читаем: «В настоящем стандарте применены следующие термины с соответствующими определениями: <...> 3.1. **непродовольственный товар**:

Продукт производственного процесса, предназначенный для продажи его гражданам или субъектам хозяйственной деятельности, но не с целью употребления его в пищу человеком и (или) представителями животного мира (далее — товар)». Таким образом, товары, предназначенные для употребления их в пищу человеком и / или представителями животного мира, к непродовольственным товарам не относятся.

Непродовольственный товар противопоставлен товару другого типа, название которого в цитируемом документе отсутствует и который может быть определен следующим образом: *продукт производственного процесса, предназначенный для продажи его гражданам или субъектам хозяйственной деятельности с целью употребления его в пищу человеком и (или) представителями животного мира.*

Следует ли из этого, что указанный товар является продовольственным? Ответ на этот вопрос зависит от того, скольким группам товаров противопоставлена группа непродовольственных товаров. Если такая противопоставленная группа только одна — продовольственные товары, то в этом случае любой товар, не являющийся непродовольственным, автоматически попадает в продовольственные. Такая информация должна фиксироваться в нормативных документах, однако в изученных документах она отсутствует.

Тем не менее, опираясь на лингвистические данные, можно предложить наиболее вероятный ответ на этот вопрос. Для этого следует описать, как соотносятся значения слов *непродовольственный* и *продовольственный*. (Отметим, что слово *непродовольственный* в толковых словарях отсутствует.) Согласно «Русской грамматике» (М., 1980. Т. 1, с. 307), прилагательные с приставкой *не-* «означают отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом», то есть тем словом, от которого образовано такое прилагательное. Таким образом, прилагательное *непродовольственный* означает отсутствие признака «связанный с продовольствием», обозначенного прилагательным *продовольственный*, или наличие некоторого противоположного ему признака. Таких пар прилагательных в русском языке много: *небольшой* — *большой*, *невеселый* — *веселый*, *неудобный* — *удобный*, *неженатый* — *женатый*, *нежилой* — *жилой* и т. п. Большая часть таких пар состоит из качественных прилагательных. Прилагательные рассматриваемой пары относятся к разряду относительных прилагательных.

Рассмотрим, каковы смысловые отношения в парах, состоящих из относительных прилагательных, отличающихся друг от друга приставкой *не-*. Предположим, что нужно создать классификацию помещений с точки зрения их предназначения. Можно предложить классификацию, состоящую из двух групп: помещения, предназначенные для жилья (*жилые*, предназначение прямо названо), и помещения, не предназначенные для жилья (*нежилые*, предназначение не названо, лишь указывается, в каких целях помещение не используется). Возможна также классификация, включающая большее количество групп, например: помещения, предназначенные для жилья (*жилые*), помещения, предназначенные для бытовых и хозяйственных нужд (например, кладовка, ванная комната), помещения, предназначенные для офиса. Заметим, что в этом случае признаком *нежилой* будут обладать помещения не одной, а двух последних групп. Таким образом, если неизвестно, сколько на самом деле в пределах той или иной классификации выделено групп, то нельзя ответить на вопрос, одной или нескольким таким группам соответствует слово *нежилой*, однако слово *жилой* в любой из этих классификаций относится только к одной группе.

Приведем другие примеры: *неженатый* мужчина может быть и холостяком (никогда не женился) и вдовцом, а *женатый* — состоит в браке в данный момент; *нероссийские* товары (товары *нероссийского* производства) могут быть произведены и в Германии, и в Великобритании, и в Турции, и в любом другом зарубежном государстве, а *российские* — только в России.

Вернемся теперь к классификации товаров по признаку их предназначения. Такая классификация может включать как две, так и более групп. Только одна из этих групп характеризуется «положительно» — как предназначенная в пищу (*продовольственные товары*), другая (или другие) характеризуются «отрицательно» — как не предназначенные в пищу (*непродовольственные товары*). Если бы нам была известна дефиниция термина *продовольственные товары*, то мы не могли бы ничего сказать о количестве групп *непродовольственных товаров*, так как информация о том, для чего еще могут быть предназначены товары, в слове *непродовольственный* отсутствует. Однако в ГОСТе содержится дефиниция термина *непродовольственные товары*, а следовательно, все остальные товары, не попавшие под эту дефиницию, должны быть отнесены к од-

ной группе — к продовольственным товарам. Как следствие, продукт производственного процесса, предназначенный для продажи его гражданам или субъектам хозяйственной деятельности с целью употребления его в пищу человеком и (или) представителями животного мира, должен быть отнесен к продовольственным.

В ГОСТ Р 51074–97 (Продукты пищевые) используется термин *пищевой продукт*. В Разделе 2 «Определения» читаем: «В настоящем стандарте применяют следующие определения: <...> 2.4. **Пищевой продукт** — продукт животного, растительного, минерального или биосинтетического происхождения, предназначенный для употребления в пищу человеком как в свежем, так и в переработанном виде». Таким образом, продукты, предназначенные в пищу животным, согласно указанной дефиниции, к пищевым не относятся. В какую группу продуктов входит корм для животных, в стандарте не сказано.

В основу классификации в «Общероссийском классификаторе продукции (ОК 005–93)» положен принцип деления продукции по отрасли промышленности, которой она произведена, а не принцип предназначения продукции, поэтому в нем не содержатся термины *продовольствие* и *продовольственные товары*.

Таким образом, указанные документы **не содержат дефиниции** терминов *продовольствие* и *продовольственные товары*.

Кроме того, в результате анализа текстов ГОСТ Р 51074–97 (Продукты пищевые) и ГОСТ Р 51121–97 (Товары непродовольственные) выяснилось, что корма для животных под действие ни одного из этих ГОСТов не подпадают. Следовательно, в данном случае в системе стандартизации обнаруживается пробел.

Поскольку дефиниция терминов отсутствует, необходимо рассмотреть **контексты употребления** этих терминов и попытаться на основе анализа этих контекстов определить, что они значат. Как уже сказано, термин *продовольственный товар* встретился только в Налоговом кодексе РФ. В подпункте 2 пункта 1 статьи 164 НК РФ читаем:

«Налогообложение производится по налоговой ставке 10 процентов при реализации:

- 1) следующих продовольственных товаров: <...> мяса и мясопродуктов (за исключением деликатесных <...>); <...> зерна, комбикормов, кормовых смесей, зерновых отходов;

маслосемян и продуктов их переработки (шротов(а), жмыхов); хлеба и хлебобулочных изделий (включая сдобные, сухарные и бараночные изделия); <...>».

Слово *комбикорм* и словосочетание *кормовая смесь* указывают на то, что соответствующий товар предназначен для питания животных. (Слово *корм*, согласно словарям, обозначает *пищу животных* (см. Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 2, с. 104), *комбикорм* — это *комбинированный корм*, а *кормовая смесь* — *смесь, используемая в качестве корма*). Следует отметить, что *шрот(ы)* и *жмых(и)*, упоминаемые в обсуждаемом подпункте, также являются кормом: в «Советском энциклопедическом словаре» (М., 1980) о жмыхе сказано, что это «концентрированный корм с большим содержанием протеина <...> для с.-х. животных; один из компонентов комбикормов» (с. 444), сходная информация дана и о шроте (с. 1535).

Из структуры процитированного подпункта следует, что корма, предназначенные для животных, включены в список продовольственных товаров. На это прямо указывает слово *следующих* и двоеточие, стоящее после словосочетания *следующих продовольственных товаров*. Слово *следующий* в своем лексическом значении содержит предупреждение о том, что далее будут перечислены конкретные разновидности продовольственных товаров (слово *следующий* использовано здесь в значении «Такой, который следует далее» (Словарь русского языка. Т. 4, с. 134). Двоеточие ставится в соответствии со следующим правилом: «Если однородным членам предложения предшествует обобщающее слово (или словосочетание), то перед ними ставится двоеточие, например: *А по сторонам вымершая от зноя степь: устало полегли травы, тускло, безжизненно блистающие солончаки, голубое и трепетное море над дальними курганами* (Шолохов)» (Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке. С. 93). Поскольку «обобщающее слово — слово, <...> к-рое относится к значению однородных членов предложения как род к виду или целое к части» (Русский язык. Энциклопедия. С. 166), все перечисленные после двоеточия товары относятся к продовольственным.

Таким образом, **предназначение** того или иного товара **в пищу животным**, согласно логике построения анализируемого подпункта, **не является основанием для исключения** его из состава **продовольствен-**

ных. Иначе говоря, составители Налогового кодекса исходили из того, что среди продовольственных товаров есть и такие, которые являются пищей для людей, и такие, которые служат кормом для животных.

Включение *комбикормов* и *кормовых смесей* в одну группу (в один абзац) с *зерном* и *зерновыми отходами* может свидетельствовать о том, что речь идет только о кормах, изготовленных из зерна. На это указывает порядок расположения входящих в эту группу товаров: группа начинается и заканчивается названиями товаров, в которых содержится прямое указание на их принадлежность к зерну. Логично предположить, что товары, перечисленные в середине группы, также изготовлены из зерна.

Однако анализ структуры указанного подпункта в целом показывает, что такой вывод нельзя считать единственно возможным по следующим причинам. Во-первых, в тексте подпункта товары, изготовленные из однотипного сырья, могут быть помещены в разные абзацы (группы): так, масло растительное, с одной стороны, и маслосемена и продукты их переработки — с другой — помещены в разные абзацы. И, наоборот, в одном абзаце (в одной группе) оказываются товары, изготовленные из разного сырья, как в случае с «продуктами детского и диабетического питания». Следовательно, в подпункте в целом отсутствует единое логическое основание для разбиения товаров на разные группы или, напротив, их объединения в одну группу.

Во-вторых, в тексте подпункта в ряде случаев содержатся уточнения, например: «мяса и мясопродуктов (за исключением деликатесных <...>)», «хлеба и хлебобулочных изделий (включая сдобные, сухарные и бараночные изделия)». В том случае если все товары названного типа подпадают под действие рассматриваемого подпункта, уточнения, состоящие в упоминании исключений, отсутствуют (например, «масла растительного»). Если такие товары-исключения есть, дан их полный список (см. обширный список мясопродуктов и море- и рыбопродуктов, на которые не распространяется действие подпункта 2). Если составители Кодекса предполагали, что могут возникнуть какие-либо сомнения в том, все ли товары названного типа подпадают под действие этого подпункта, они вносили уточнения, касающиеся включения в эту группу таких товаров (например, «овощей (включая картофель)»).

В случае с *комбикормами* и *кормовыми смесями* какие-либо уточнения, касающиеся сырья, из которого изготовлены эти товары, или их

предназначения для питания определенных животных (сельскохозяйственных, домашних, содержащихся в зоопарках, крупных, мелких и т. п.), а также какие бы то ни было другие уточнения отсутствуют. Следовательно, упоминаемые *комбикорма* и *кормовые смеси* относятся к продовольственным товарам независимо как от того, из чего они изготовлены или в пищу каким именно животным они предназначены, так и от каких-либо других признаков.

Как сказано в приложении к запросу, часть кормов для домашних животных в соответствии с «Общероссийским классификатором продукции» относится к классификационной группе 929640 «Смеси кормовые». Товары данной группы прямо названы в статье 164 НК РФ среди продовольственных товаров, подлежащих налогообложению по ставке 10%.

Другая часть кормов для домашних животных в указанном классификаторе отнесена к группе 921922 «Корма вареные / влажностью 80%» (подкласс 921900 «Продукция мясной промышленности прочая»). На основании данных классификатора нельзя сделать вывод о том, относятся ли они к продовольствию, так как, во-первых, такая характеристика в классификаторе не содержится, а, во-вторых, мясная промышленность выпускает как заведомо продовольственные (например, 921906 «Яйцепродукты (включая яйца)»), так и заведомо непродовольственные товары (например, 92 1964 «Щетина»; и яйцепродукты, и щетина входят в тот же подкласс 921900, что и обсуждаемые корма).

Товары с именно таким названием (Корма вареные / влажностью 80%) в подпункте 2 пункта 1 статьи 164 Налогового кодекса не упоминаются. Возможно, что они относятся к упомянутым в этом подпункте мясопродуктам. Однако в рамках данного лингвистического исследования подтвердить или опровергнуть это предположение невозможно, так как отсутствует необходимая для этого информация: в распоряжении эксперта нет документов, в которых определялось бы понятие *мясопродукты* (например, с точки зрения процентного содержания в них мяса или с точки зрения других признаков), а также сведения о соответствующем признаке обсуждаемых кормов. При наличии таких сведений вывод о принадлежности мясных кормов к мясопродуктам может быть сделан без привлечения лингвистов, так как он не требует никаких специальных лингвистических знаний.

Таким образом, отвечая на **Вопрос 2**: «Относятся ли с позиции лингвистического толкования корма, предназначенные для употребления в пищу представителями животного мира, к продовольствию, продовольственным товарам?», можно сказать следующее: анализ функционирования **терминов** *продовольствие* и *продовольственные товары* в специальных текстах показал, что а) дефиниции этих терминов в изученных документах отсутствуют и б) практика употребления термина *продовольственные товары* свидетельствует о том, что **в эту группу товаров включаются и корма для животных**, или, как сказано в формулировке **Вопроса 2**, «корма, предназначенные для употребления в пищу представителями животного мира».

Выводы

Слово *продовольствие* и словосочетание *продовольственные товары* в современном русском языке имеют **общеупотребительное и терминологическое** значения. В первом из них они выступают в обычных текстах — в художественной литературе, в публицистике. Во втором значении они используются в специальных текстах, к которым относятся Налоговый кодекс РФ, ГОСТы и т. п. документы.

Разные значения слова всегда в большей или меньшей степени отличаются друг от друга, поэтому каждое из них требует отдельного толкования. При толковании общеупотребительных значений лингвисты рассматривают разные случаи использования слов в обычных текстах; результаты анализа отражаются в толковых словарях. При толковании терминологических значений анализируются специальные тексты, в том числе содержащиеся в них дефиниции соответствующих терминов. Терминологические слова и значения обычными толковыми словарями фиксируются непоследовательно.

У слов *продовольствие* и *продовольственный* в толковых словарях русского языка фиксируются только общеупотребительные значения. Между тем причиной судебных споров является неоднозначность при определении терминологического значения этих слов. Точно определить значение терминов *продовольствие* и *продовольственный*, опираясь на данные толковых словарей, нельзя.

Исходя из предположения, что за словосочетанием «принятые нормы русского языка» в формулировке **Вопроса 1** скрываются общеупотребительные значения слов и нормы их использования, **на Вопрос 1**: «Как,

с точки зрения принятых норм русского языка, определяется термин «продовольствие», «продовольственные товары?»» **ответить невозможно**, так как «нормы русского языка» относятся к общеупотребительным словам, а обсуждаемые единицы — к терминологии.

Отвечая на **Вопрос 2**, эксперт исходит из того, что слово *корм* понимается всеми сторонами судебных споров одинаково — как обозначение «пищи животных». Положительный или отрицательный ответ на **Вопрос 2**: «Относятся ли с позиции лингвистического толкования корма, предназначенные для употребления в пищу представителями животного мира, к продовольствию, продовольственным товарам?», таким образом, зависит от того, какое значение имеют слова *продовольствие* и *продовольственный*, иначе говоря, относятся ли они только к пище для людей или могут обозначать также и пищу животных.

Анализ общеупотребительных и терминологических значений указанных слов показал, что с рассматриваемой точки зрения эти значения отличаются друг от друга.

Ни один из четырех рассмотренных авторитетных толковых словарей русского языка, толкуя **общеупотребительные** значения слов *продовольствие* и *продовольственный*, не указывает однозначно на то, что продовольствие предназначено для потребления только человеком; хотя некоторые контексты использования слова *продовольствие* позволяют предположить, что скорее всего это слово в русском языке обозначает только пищу людей. Следовательно, с точки зрения обычного носителя русского языка **корма для животных скорее не относятся**, чем относятся к *продовольствию*, а значит, и к *продовольственным товарам*.

Дефиниции **терминов** *продовольствие* и *продовольственные товары* в специальных текстах отсутствуют, однако, основываясь на анализе практики употребления термина *продовольственные товары*, а также на дефиниции термина *непродовольственные товары*, можно сделать следующий однозначный вывод: в специальных текстах (а именно в Налоговом Кодексе РФ) **корма для животных относятся к продовольственным товарам**.

Поскольку судебные споры возникают в связи с терминологическим значением слов *продовольствие* и *продовольственный*, на **Вопрос 2** можно дать следующий ответ: с позиции лингвистического толкования термина *продовольственные товары* **корма**, предназначенные для упо-

требления в пищу представителями животного мира, **относятся к продовольственным товарам**, а значит и к продовольствию.

Литература

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2007.

РЯ – Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Establishment of values and denotat of language expressions as problem of linguistic examination: food and dog food

I.V. Galaktionova (Russia, Moscow), givlad@mail.ru

Keywords: linguistic examination, common word, denotat.

Summary: Article represents the text of the conclusion of the expert made by the author which is devoted to clarification of a word meaning *food* as the common word and as the term and to the answer to a question of ratio of denotat of this word and denotat of phrase *dog food*.

A peculiarity of Russian verbal prefixation in a Slavic perspective

*Jadranka Gvozdanović (Germany, Heidelberg),
jadranka.gvozdanovic@slav.uni-heidelberg.de*

1. Introduction

Professor Anatolij Anatol'evič Polikarpov, whose untimely death has taken away from us his vision and creativity, repeatedly discussed the life cycle of words and their semantic changes as an indicator of their lifespan. To his honor, this article elaborates on a Russian peculiarity in the use of verbal prefixes, which is indicative of another fact in the life cycle of words — the grammatical properties carried by them.

In Russian, if I want to express that I am sending you something with the aim that it be delivered to you, I have to use (1.a), whereas (1.b) can be used with a focus on the means or method of transfer, as described by Babenko (1999: 75, 88).

(1.a) ja v-am pri-sla-l-a tekst 'I sent you the text'

(1.b) ja v-am po-sla-la tekst 'I sent you the text'

However, Czech would use only (2) and Croatian(-Bosnian-Serbian) only (3), with po-.

(2) po-sla-l-a v-ám js-em text

(3) po-sla-l-a s-am v-am tekst

Does this mean that Czech and Croatian cannot express the meaning of transfer with the aimed delivery? Yes, they can (and so do the other western and southern Slavic languages), but they do it by an implicature (i.e. the information conveyed without being explicitly said, in the sense of Grice 1975).

Babenko's (1999) analysis shows that Russian verbs of movements and transfer can focus either on the departing point (with prefixes such as od/t-), the end-point (with prefixes such as pri-, pod- etc), or on both (e.g. with the prefix po-). The same prefixal possibilities (but not combinations) exist in Czech and Croatian, yet the semantics is different. The reason for this differentiation is found in the different aspectual meaning in Russian (and more generally East Slavic) as opposed to most of the remaining Slavic languages

(with Polish being intermediate and Bulgarian sometimes, but not always, patterning with East Slavic).

2. Aspect semantics

Starting from the assumption about close interconnection of meaning and function, and following observations about different aspectual usage conventions in Slavic languages (particularly Stunová 1993, Petrušina 1998), Dickey's seminal work (2000) systematically covered the Slavic spectrum of aspectual usages, but his empirical data in most cases remained restricted to single sentences. The present paper aims at shedding additional light on the interplay between aspect semantics and deictic/narrative co-indexing, chaining and segmentation.

Dickey (2000) established that the aspect systems of Slavic pattern in two types, the eastern Slavic type, exemplified by Russian, and the western Slavic type, attested in western and south-western Slavic, with Bulgarian exhibiting some similarities with the eastern type, whereas Polish in the north and Serbian in the south are transitional. In the western type, the meaning of the perfective aspect is 'totality', and for the eastern type Dickey assumes that the perfective aspect is used to express temporal specificity. In order to examine this analysis critically, I shall now examine in more detail the aspectual differences between Russian and Czech as the two main representatives of the two types of Slavic, which span the Slavic aspectual continuum, taking into account additional evidence from South Slavic. The phenomena in focus are: a) occurrences of perfective aspect in the western type not possible in the eastern type, and b) occurrences of imperfective aspect following perfective aspect in coordinated sequences, which occur in the western type, but are heavily constrained in the eastern type. The basic assumption is that both phenomena result from aspect semantics in interaction with the narrative perspective. Consider the following example from *Nesmrtelnost* 'Immortality' by Kundera in Czech (1990) compared with its Russian translation (by Nina Šul'gina, 2001). Czech and Russian have the same tense-aspect inventories on the level of the system, but their functional differences point to differences of meaning.

(4.a) Czech: Ležim^{IPF} v posteli ve sladkém polospánku. Už v šest hodin v lehkém prvním probuzení sáhn^{PF}u po malém tranzistorovém rádiu, které mám^{IPF} u polštáře, a stisknu^{PF} knoflík. Ozvou^{PF} se první ranní zprávy, jsem sotva s to rozeznat jednotlivá slova a zase usínám^{IPF}, takže se věty hlasatelů proměňují^{IPF} ve sny.

(4.b) Russian: Ja ležu^{IPF} v posteli v sladkom polusne. Uže v šest' časov, kak tol'ko načinjaju^{IPF}

probuždat'sja, ja tjanus'^{IPF} rukoj k malen'komu tranzistoru u izgolov'ja i nažimaju^{IPF} knopku. Zvučat'^{IPF} pervye utrennie novosti, ja edva sposoben razobrat' otdel'nye slova i snova zasypaju^{IPF}, tak čto frazy diktovor prevraščajutsja^{IPF} v snovidenija.

The perspective of historical present moves with the flow as in Figure (1) below.

Figure 1. The perspective of historical present

This perspective is apparently compatible with the perfective aspect in Czech, but not in Russian. Why? In both languages, grammatical aspect builds upon lexical aspect in the sense of telicity of predicates (including the verb with its inner arguments, which determine the inherent boundary of the denoted state of affairs, or else the temporal boundary). Grammatical aspect states whether the inherent boundary (whenever present) is attained within the narrated period, called Topic Time by Klein (1994), or not. If so, the effect is a change of state of the goal argument and/or the agent/experiencer argument. This is the basic semantic property of perfective aspect in Slavic, which is lacking in imperfective aspect. However, in order to explain the different constraints as illustrated above, it is necessary to grasp the fact that for eastern Slavic, the change of state must be evidenced/coindexed within the Topic Time, whereas it may remain implicated (without being expressed) in the western type of Slavic (cf. also Gvozdanović 1998).

Examples given in (2) illustrate the fact of deictic coindexing valid for the perfective aspect in Russian; if this condition is not satisfied, only the imperfective aspect can be used as in the examples below. Croatian, on the other hand, patterns with Czech by allowing the perfective aspect to be used in spite of the envisaged effect lacking from the deictically relevant situation (i.e. for the past tense, the situation of speech or the following narrative situation).

(5.a) Russian: Ja prixodila^{IPF}, no tebja ne bylo doma.

Ja zvonila^{IPF}, no nikto ne otvečal^{IPF}

Ja otkryvala^{IPF} okno

(5.b) Croatian(-Bosnian-Serbian): Došla^{PF} sam, ali te nije bilo./ Dolazila^{IPF} sam (iterative)

Nazvala^{PF} sam, ali nitko nije odgovorio^{PF}./ Nazivala^{IPF} sam (iterative)

Bila sam otvorila^{PF-PLUSQUAMPERFECT} prozor.

We can see that Croatian (more usually than Bosnian or Serbian) can employ the pluperfect for signaling that another past event followed. If this event is not made explicit, the implicature arises that it was a cancellation of the previous past event. In other words, for a past event whose effect was cancelled, Croatian can use the pluperfect tense of the perfective verb, similar to German and probably due to German influence (cf. *ich habe das Fenster geöffnet gehabt*).

Totality (including boundary effectuation) suffices for the perfective aspect in the western type, but not in the eastern type. For eastern-type perfective, the Topic Time (i.e. TT) must extend beyond the Time of the Event Situation (i.e. TSit) so as to capture also the time at which the change of state becomes effectuated (in line with Gvozdanović 2012: 795).

Russian:

- In Russian perfective aspect, TSit is a proper subset of TT (i.e. $TSit < TT$);
- In Russian imperfective aspect, TT is a subset of TSit (i.e. $TT \leq TSit$).

Czech:

- In Czech perfective aspect, TSit is a subset of TT (i.e. $TSit \leq TT$);
- In Czech imperfective aspect, TT is a proper subset of TSit (i.e. $TT < TSit$).

Figure 2. The perfective aspect in Russian
(deictically/narratively coindexed change of state)

Figure 3. The perfective aspect in Czech
(Totality, change of state by implicature)

By these definitions, TT = TSit is a variant of perfective aspect in Czech, but of imperfective aspect in Russian. Historical present in *sequences* requires exactly reference to TT = TSit, with the observed difference: perfective in Czech, imperfective in Russian.

In sequences, it is also possible to have one or more perfective verbal predicates followed by an imperfective verbal predicate in Czech, but regularly not in Russian. Although both languages can and often do employ a converb to express ingressivity, Russian frequently employs a morphologically derived ingressive mode of action where Czech uses a (simple or derived) imperfective verb (and only exceptionally morphological ingressivity). Data from the literature (including surveys by Dickey 2000 and Berger 2013) point to most frequent occurrences of such constructions in West Slavic languages decreasing from west to east. My data discuss the pattern in South Slavic.

Ivančev's (1961) study of these phenomena established a tendency for a divide of the Slavic aspectual systems into western, which allow the imperfective aspect in sequences more easily, and eastern Slavic, which much more restricted occurrences. This was confirmed by Dickey's divide in western and eastern Slavic. Dickey also found numerous opposing instances of more frequent use of the perfective aspect in the western Slavic languages than in the eastern ones. For the imperfective aspect in sequences, Dickey (2000) assumed that these are instances of quantitative temporal specificity (distinguished from qualitative temporal specificity, yielding the imperfective aspect in the eastern group). Berger, on the other hand, proposes the solution by which the imperfective aspect in sequences is common and to be expected with processes and states, but unusual with events, which should further be investigated. Berger (1913) establishes a cline by which most such instances are found in the most westerly languages, and the propensity for the imperfective aspects decreases from west to east.

Let us examine in more detail such occurrences of imperfective verbal predicates in sequences of mostly perfective verbs. The first type consists of an a) imperfective with a phasal verb of beginning.¹⁰ As illustrated by (6), this is common to all the Slavic languages. This particular example illustrates

¹⁰ There is, of course, also the frequent usage of initial imperfective predicates to indicate simultaneity with the following ones (e.g. 'when I was already sitting').

the reason why there is a phasal verb: because the following context describes the following phases. (In this example, Agnes hears other women talking and reacts to that in the following three paragraphs, before she finishes undressing.)

(6.a) Czech: Přistoupila^{PF} ke skřínce a začala^{PF} se svlékat^{IPF}. (Milan Kundera, *Nesmrtelnost*,

3)

(6.b) Russian: Она подошла^{PF} к шкафчику и стала^{PF} раздеваться^{IPF}.

The first type, with a phasal verb, is paralleled by the ingressive (perfective) Aktionsart of the verb in (7), which is also common to both types of Slavic. This perfective aspect occurs in accordance with the general rules for the perfective usage i.e. when the effect is manifested in the following deictically relevant situation, as illustrated by (7) — where smiling and nodding (both perfective) catches the narrator's heart.

(7.a) Czech: Minula plavčíka, a když byla od něho vzdálena tři, pět kroků, otočila^{PF} k němu

ještě hlavu, usmála^{PF} se a zamávala^{PF} mu. Sevřelo^{PF} se mi srdce. (Milan Kundera, *Nesmrtelnost*, 1)

(7.b) Russian: Пройдя мимо инструктора и оказавшись в трех-пяти шагах от него, она

повернула^{PF} к нему голову, улыбнулась^{PF} и помахала^{PF} рукой. У меня сжалось^{PF} сердце.

In example (8), we have a Serbian sentence with an imperfective aspect surrounded by perfective aspects. Why? True, the focus is on the action of fleeing, but it is also important that the subject changes afterwards, so that the effect of the event cannot be implicated (and we do not know in the end whether the fleeing people succeed in getting away).

Serbian: Nakon što je došlo do pogađanja ovog traktora koa što sam opisao, nastala^{PF} je velika panika i ljudi su **bežali**^{IPF}, a svi ovi ljudi i žene koji su bili u mom traktoru iskočili^{IPF} su iz prikolice (Dickey 2000).

Western South Slavic, illustrated in this case by Serbian, follows the western pattern, but requires additional expression means: an imperfective predicate surrounded by perfective predicates is not simply coordinated by means of *i* 'and', but rather by *a* 'and/but' with non-identical subjects, or *pa* 'and then' if the new sentence introduces a new stretch of time or a new phase. These conditions are more restricted than in the western Slavic languages.

This survey has shown that the following narrative perspective is decisive for the choice of either an ingressive phasal converb (opening a new narrative episode), or an imperfective verb (statement of a fact, yet without totality, which would implicate a change of state). Transitions of states of affairs must be marked in East Slavic either by means of the perfective aspect or by means of the ingressive mode of action (Aktionsart). Western South Slavic follows the western pattern, but to denote transitions of states of affairs with argument continuity (but temporal discontinuity) by means of the conjunction *pa* ‘and then’, and with an argument difference by means of *a* ‘and/but’. Cancellation of past events does not yield cancellation of perfectivity in western south Slavic (as in Russian), but requires the pluperfect (in fact, this is the only function in which the pluperfect has been preserved).

The fact of the deictic binding of the following situation in the Russian aspect had led to the development of the semantic component of delivery in *prislat’* (as correctly analysed by Babenko 1999: 88), which is missing in Czech and Croatian (as representatives of West and South Slavic). As a correlate of this, *poslat’* in Russian does not imply the delivery, but only transfer delimited by its initial and final points. Thus verbal semantics, and the componential analysis of the verb components, point to semantic differences related to aspectual semantics and show that the interface between grammar and lexicon plays a relevant role in the development of the associated lexical semantics.

References

- Babenko, L.G. (1999) *Tolkovyj slovar’ russkix glagolov*. Moskva: AST-Press.
- Berger, T. (2013) Imperfektive Verben in Handlungsfolgen im Westslavischen, *Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress Minsk 2013*, 57–66. München: Sagner.
- Dickey, S. (2000). *Parameters of Slavic Aspect*. Stanford: CSLI Publications.
- Grice, H.P. (1975) “Logic and conversation”, in: Cole, P. & J.L. Morgan (eds.) *Syntax and Semantics*, vol. 3, 41–58. New York: Academic Press.
- Gvozdanović, J. (1998) Vidovye parametry i vzaimootnošenje između tipologijami vida i vremeni v slavjanskix jazykax, Čertkova, M.Ju. (red.), *Tipologija vida*, 115–124. Moskva: Škola “Jazyki ruskoj kul’tury”.
- Gvozdanović, J. (2012) Perfective and Imperfective Aspect, Binnick, R. (ed.) *The Oxford Handbook of Tense and Aspect*, 781–802. Oxford: Oxford University Press.
- Klein, W. (1994) *Time in Language*. London: Routledge.

- Petruxina, E.V. (1998). Sopostavitel'naja tipologija glagol'nogo vida v sovremennyx slavjanskix jazykax (na material russkogo, zapadnoslavjanskix i bolgarskogo jazykov), Čertkova, M.Ju. (red.), *Tipologija vida*, 356–363. Moskva: Škola “Jazyki russkoj kul'tury”.
- Stunová, A. (1993). *A contrastive study of Russian and Czech aspect. Invariance vs. discourse*. Amsterdam: PhD University of Amsterdam.

Об опыте изучения староэмигрантской русской речи с помощью автоматизированной системы «Диктум»

Н. И. Голубева-Монаткина (Россия, Москва), golmonat@mail.ru

Л. Л. Шестакова (Россия, Москва), lara.shestakova@mail.ru

Ключевые слова: русская эмигрантская речь, корпусные методы, автоматизированная система «Диктум», ономастика, топоним.

Аннотация: Статья посвящена тем возможностям, которые открывают перед исследователем корпусные методы изучения староэмигрантской русской речи.

Авторов этой статьи связывали хотя и разные, но в равной степени теплые отношения с Анатолием Анатольевичем Поликарповым. Его советы, поддержку, содействие в подготовке и рецензировании работ разного рода, в публикации статей, в размещении материалов на сайте филологического факультета и т. д. трудно переоценить, а забыть невозможно. Светлой памяти А. А. Поликарпова посвящен этот опыт интерпретации данных по староэмигрантской русской речи, полученных с помощью Автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум». Названная система разработана в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии, которую возглавлял А. А. Поликарпов. Преобразование, с использованием системы, подготовленного корпуса текстов осуществлено сотрудниками лаборатории д.ф.н. О. В. Кукушкиной и к.ф.н. Е. В. Суровцевой, которым мы искренне благодарны.

Материал исследования — корпус текстов устной речи представителей первого и второго поколений русской эмиграции «первой волны», который складывался преимущественно в 1991–1992 гг. во Франции и в 1995 и 1998 гг. в Канаде [Голубева-Монаткина 2004а, 2004б]. Было опрошено 97 человек, количество интервью — 85. Текстовая база включает в себя 181 519 элементов (словоупотреблений).

Староэмигрантская русская речь, звучащая на современном Западе, — это тот язык, на котором говорили и писали образованные эмигранты первой, послереволюционной, «волны», жившие в разных странах русского «рассеяния». В 1991–1992 гг. носителями ее были те очень немногочисленные представители действительно самого первого поколения

русского зарубежья, которым на момент записи интервью было за 90 лет, а также их дети, большинство которых родились еще в России и были привезены в эмиграцию в возрасте от четырех месяцев до сорока восьми лет. Это практически второе поколение русского зарубежья, в период записи интервью его представителям было, в основном, за 70 лет.

Староэмигрантская речь теснейшим образом связана с культурно-историческим феноменом русского зарубежья. Но если эта «зарубежная Россия» в течение нескольких десятилетий существует уже только в виде «материального следа» (в основном, произведений литературы и искусства) в культуре ряда стран, то староэмигрантская русская речь умирала в 1990-е гг. вместе с последними престарелыми ее носителями — вторым поколением «первой волны», дети которых двуязычны с доминантой языка той или иной страны, а внуки (если они еще говорят по-русски) практически одноязычны — русский является для них выученным иностранным языком.

Можно сказать, что староэмигрантская речь — это единственная разновидность русской речи в среде представителей эмиграции «первой волны» в разных странах. Ее носители не знают современного русского разговорного языка, который, как известно, в России используется носителями литературного языка для неофициальной коммуникации (в семье, дружеской среде), и лишь изредка у самых пожилых из эмигрантов встречаются отдельные приметы «разговорности», в частности, в произношении некоторых употребительных слов (типа в[ап]щё). Эта речь несет отпечаток произносительных, грамматических и лексических норм русского литературного языка конца XIX – начала XX века, иногда словоупотребления 1930–40-х гг. В ней видны разрушительные для фонетической, грамматической и лексической систем следы многолетнего «погружения» носителей русского языка в иноязычную среду.

«Ручной» анализ собранных текстов позволил выявить ряд особенностей староэмигрантской речи (см., в частности, [Голубева-Монаткина 1993, 1994, 1995]) — лексических, грамматических, стилистических и др.

Что касается лексики, то в словаре эмигрантской речи можно выделить, по крайней мере, несколько особенных групп слов:

— слова с устаревшим значением: (о распродаже мебели) *он (...) говорит / о-о вот это говорит / возьму я / и о том / о secrétaire и библиотека от которой я книги взяла // (библиотека ‘книжный шкаф’); и пришел*

наш знакомый / священник / в госпиталь / и начал читать молитву // (госпиталь 'больница');

— слова, которые в современном русском языке считаются просторечными: *откуда* 'откуда' (*откуда они деньги берут?*); *покуда* 'пока' (*был он / покуда его оттуда не выставили*); *помереть* 'умереть' (*если мы должны помереть / мы все помрем вместе //*);

— слова, которые на много десятилетий вместе с называемыми ими реалиями ушли из российской действительности и только сейчас возвратились: *гимназия, гувернантка, кадетский корпус*;

— слова современного русского языка, значение которых калькировано с их французских соответствий: *автокар* 'междугородный автобус' (<autocar): *а что / вы ехали автокаром?*; *радио* 'рентген(о)графия' (<radio): *в четверг мне будут делать радио*;

— варваризмы, т. е. слова, внешняя форма и значение которых воспроизводят французские слова, а словоизменение следует русским образцам: *бебешка* 'младенец' (<bébé): *вот я лично с бебешкой / я только по-русски //*; *шомаж* 'безработица' (<chômage): *тогда значит / мы оказались на шомаже; потом немцы заняли / правда? они заявили / никаких шомажей не будет // (...) никаких шомажей нет //*;

— параллельное существование в современной русской эмигрантской речи разных слов для называния одной и той же реалии привело к образованию особенных (по сравнению с современным языком России) синонимических рядов: *аэроплан — самолет — аппарат — авион*;

— необходимость называть реалии своей жизни привела к возникновению целого ряда слов эмигрантского языка (*витязьские* и *сокольские* лагеря, *старческий дом*), появились такие слова, как, например, *ежедневник* 'ежедневная газета', *соцдевичка* 'советская девушка', *зубоврач*, *киносьемщик*, *концентрак* 'концлагерь', *советчик*, *дантистический кабинет*; *руководительские курсы*, *мультифильмы*.

Достаточно ограниченным набором слов представлена оценочная лексика: *чудный, чудно* (*чудные виды; чудные слова; он чудно-чудно говорит*); *безумно* (*они безумно скучают здесь; я безумно заболела легкими*); *обожать* (*я его о-бо-жаю; я обожаю театр!*); *милый, мило* (*милый человек; как мило!*).

Переходя к вопросу о возможностях изучения эмигрантской речи с помощью корпусных методов, напомним, что в статье «Славянская ком-

пьютерная лексикография: задачи и проблемы» среди тех задач, которые помогает решать компьютеризация, А. А. Поликарпов упоминал и задачу создания «больших синхронных и диахронных текстовых корпусов славянских языков, имеющих целью исследование на их основе не только собственно характеристик устройства текстов разных эпох, стилей, жанров, авторов, тематики и т. п., но и снабжение лексикографов объективным, представительным, стилистически определенным материалом о состоянии употребления в этих языках лексикографируемых единиц» [Поликарпов]. Одной из решаемых задач А. А. Поликарпов считал создание комплексных автоматизированных лексикографических систем, которые представляют собой «объединение в едином программном комплексе возможностей получения различных словарей по тексту (на основе использования лексических, морфологических, морфемных, фразеологических, синтаксических и иных анализаторов)» [Там же]. Он полагал, что «принципы подобного рода системы <...> в наиболее развитом виде представлены в системе “Диктум-1”», способной также «выполнять функции автоматизированного рабочего места лингвиста», поскольку она «содержит в себе морфологический, лексико-семантический и морфемный анализаторы русского языка, поисковый и сортировочный аппарат, аппарат получения первичной статистики <...>, сортировки и просмотра отобранных единиц в конкордансе переменной длины и просмотра отобранных единиц в режиме “прозрачного текста”» [Там же].

В данной статье мы опирались также на опыт работы над много-томным «Словарем языка русской поэзии XX века» [СЯРП], в процессе которой были подготовлены база данных по творчеству 10 русских поэтов и специализированное программное обеспечение, позволившее автоматизировать многие виды словарной работы (программы UNILEX-T Ж. Г. Аношкиной и UNILEX-D Л. И. Колодяжной); подробнее об этапах создания и концепции Словаря см. [Шестакова 2007, 2011]. На основе базового СЯРП был создан словарь «Собственное имя в русской поэзии XX века» [Григорьев, Колодяжная, Шестакова 2005], а также опубликован ряд работ, в том числе об ономастических единицах [Шестакова 2004, 2013 и др.].

Обработка корпуса староземлянских текстов с помощью автоматизированной системы «Диктум-1», полученные в результате этого словники и конкордансы дают возможность выявить состав и структу-

ру лексикона носителей эмигрантской речи, выделить в нем единицы разной частоты употребления, разных классов и категорий, системно изучить грамматические, стилистические и иные особенности этой речи. Те направления изучения лексики, которые были выявлены при обработке материала «ручным» способом, могут быть продолжены с опорой на корпус. Здесь же мы остановимся на ономастической лексике, обилие которой бросается в глаза даже при беглом просмотре материалов. Общий собственно ономастический словник, выделенный с применением пометы SOBST., показывает, что объем имен собственных в корпусе составляет 1816 словоформ, включая иноязычные вкрапления (преимущественно французские, а также английские, немецкие, испанские — в латинице и реже в транслитерированном виде).

Класс имен собственных этого корпуса содержит имена живых существ (антропонимы, этнонимы — названия народов, зоонимы — клички животных), наименования неодушевленных предметов, среди которых больше всего топонимов (названия стран, отдельных территорий, городов, улиц, деревень, дворянских усадеб), а также имена собственные разного рода объектов (названия предприятий, учреждений), а также событий, явлений и т. п. (например, праздников, войн).

В структуре ономастикона выделяются совокупности географических названий — топонимов, а также примыкающих к ним гидронимов — двух типов: иностранные и российские. Наличие большого числа топонимов объяснимо — в картине мира носителей эмигрантской речи понятие географического пространства с вынужденными в нем перемещениями — важнейший фактор существования. Начало частотного ономастического словника выглядит следующим образом:

1. Россия [388]
2. Франция [288]
3. Париж [244]
4. Москва [102]
5. Америка [92]
6. Петербург [86]
7. Германия [82]
8. Канада [76]
9. Польша [76]
10. Югославия [62]

Как видно, в этом списке преобладают иностранные топонимы. Однако обратим внимание на то, что первые две строчки занимают *Россия* и *Франция*, вторые две – *Париж* и *Москва*. При этом российские столицы Москва + Петербург + Петроград + Ленинград дают в совокупности 223 употребления — немногим меньше, чем Париж.

Рассмотрим массив иностранных географических названий подробнее.

Иностранные топонимы и гидронимы представлены 134 единицами с общей частотой употребления 2700. Это названия следующих континентов, стран (включая регионы, провинции, департаменты, города и т. п.), океанов, морей, рек:

ЕВРОПА 14: Дунай 6; Франция 290: Нормандия 5, Турень 2 / Touraine 1, Бретань 1 / Bretagne 3, Иль-де-Франс 1, Лотарингия 1 / Lorraine 1, Эльзас 1, Сена 2, La-Manche 1, île Maurice 1; Париж 248, Ницца 47, Тур 13, Версаль 8 / Versailles 1, Медон 8, Кламар 5 / Clamart 2, Лион 5 / Lyon 1, Бордо 4 / Bordeaux 2, Мурмелон 4, Брест 3, Марсель 3, Тулон 3, Биарица 2, Гренобль 2, Фавьер 2 / (La) Favière 2, Аньер 1 / Asnières 1, Буживаль 1, Булонь 1 / Boulogne 2, Лилль 1, Намюр 1, Пуату 1, Руан 1, Сен-Женевьев-де-Буа 1 / Sainte-Geneviève-des-Bois 2, Труа 1, Тулуза 1, Quincy 12, Fontainebleau 11, Richelieu 10, Saint-Cloud 4, Carentan 3, Lonjumeau 3, Névers 3, Amboise 1, Beauvais 2, Cannes 2, Gagny 2, Rambouillet 2, Bormes-les-Mimosas 1, Caen 1, Chantilly 1, Courbevoie 1, Drancy 1, Indre-et-Loire 2, Melun 2, Metz 1, Monmorency 1, Nartel 1, Neuilly 1, Promainville 1, Reims 1, Saint-Lo 1, Saint-Quentin-les-Ivelines 1, Vichy 1, Ville-Paris 1; Германия 83: Берлин 24, Мюнхен 5, Франкфурт 3, Одер 3, Висбаден 3, Восточная Пруссия 2, Тироль 2, Бавария 1, Гамбург 1, Рейн 1, Аушвиц 1, Нойнгам 1, Вилхемстайн 1, Саксония 1; Польша 76: Варшава 7, Быдгощ 2, Люблин 2; Югославия 62: Сербия 19, Белград 12, Балканы 4; Дубровник 3, Сремски Карловцы 2, Загреб 1; Чехословакия 25 и Чехия 13, Словакия 9: Прага 32 / Prague 1, Моравская Тржебова 3, Богемия 1, Братислава 8, Владомирово 1; Болгария 32: София 9; Румыния 30: Бухарест 4; Англия 24: Лондон 7; Бельгия 20: Брюссель 3; Финляндия 14: Гельсингфорс 1; Италия 15: Триест 3, Milano 1; Испания 9; Эстония 8; Австрия 7: Вена 18; Греция 6: Афины 1, Афон 1; Швейцария 6; Турция 3: Константинополь 48, Лемнос 12, Галиполи 10; Венгрия 3; Sweden 1: Stockholm 2; Монте-Карло 1.

АМЕРИКА 94 + Соединенные Штаты (Штаты 1) 26: Нью-Йорк 30, Син-Клиф 6, Сан-Франциско 5, Флорида 4, Брайтон 2, Виргиния 2, Джорданвилл(ь) 2, Калифорния 1, Гарвард 1, Монпелье (Вермонт) 1, Санта-Барбара 1, Аляска 1, Бостон 1, Pearl Harbor (Гавайи) 2; Канада 76: Монреаль 21, Оттава 3, Квебек 3, Роуден 4, Торонто 3, Ладель 1, Саскачеван 1, Эдмонтон 1, Нерепан 4; Аргентина 7: Буэнос-Айрес 2; Венесуэла 3 / Венециалия (?) 2; Колумбия (Колумбия) 3 .

АФРИКА 7: Марокко 25, Египет 8, Бизерта 5 / Biserte 1, Касабланка 1, Тунис / Тунизия 1, Раббат 1, Абиджан 1, Liotet 4.

АЗИЯ 1: Китай 24: Шанхай 11, Харбин 5, Пекин 2, Тяньцзинь 1; Персия 8: Тегеран 1; Индия 6, Памир 2; Святая земля 1; Ява 3; Индонезия 1; Вьетнам 1.

АВСТРАЛИЯ 5: Адриатическое море 1, Аравийское море 1, Атлантический океан 2, Каспийское море 1, Индийский / Индусский океан 3.

Как известно, «в силу специфичности ономастической лексики, ее теснейшей связи с именуемыми объектами, которые выявляются нелингвистическими методами, в силу социальной обусловленности и социальной закреплённости имен, их лингвистическая ценность измеряется социальной, исторической, географической, экономической значимостью их, а судьба в языке определяется экстралингвистическими факторами» [Суперанская 2007, 87–88]. Иностранная топонимика ясно отражает прошлое и «настоящее» (1990-е гг.) «рассеяния» российских эмигрантов по странам и континентам: *Европа, Азия, Африка, Америка* (Северная и Южная), *Австралия*. Среди отраженных в корпусе топонимов имеются не только, по определению А. В. Суперанской, «имена объектов со всемирной (всеобщей) известностью» (например, *Франция, Париж*, как и *Россия, Москва* в общем списке), но и «именования, известные более или менее широкому кругу лиц» (таковы, в частности, *Медон* и *Кламар / Clamart*, тесно связанные с прошлым и настоящим русской эмиграции во Франции), а также «узколокальные именованья с малой известностью» (*Quincy* под Парижем, канадский *Роуден* или *Син-Клиф* в США) [Там же, 63, 170].

Особенно хорошо представлены *Франция* (288) и *Париж* (244), где с середины 1920-х гг. формируется центр русского «рассеяния», причем частотность французских топонимов может отражать и прошлое, и настоящее самих эмигрантов. Так, Б. Н. Лосский, сын философа Н. О. Лос-

ского, был в 1947–1970 гг. хранителем музеев в нескольких городках Франции — Туре (*Tur* 13), Ришелье (*Richelieu* 10), в том числе и очень крупного национального дворца-музея в Фонтенбло (*Fontainebleau* 11), а присутствие в списке таких сравнительно частотных французских топонимов, как *Нормандия* 5 и *Carentan* 3 обусловлено современным (на момент записи интервью) местом работы и проживания одного из информантов.

Топонимы «рассказывают» о черноморском «исходе» армии Врангеля и ее пребывании в Константинополе (*Константинополь* 48), Галлиполи (*Галиполи* 10) и на острове Лемнос (*Лемнос* 12), прибытии в декабре 1920 г. четырех тысяч моряков и двух тысяч членов их семей на 33 русских корабля Черноморского флота на французскую военно-морскую базу в Тунисе (*Бизерта* 5 / *Biserte* 1, *Тунис* / *Тунизия* 1). Позже русских эмигрантов принимают Болгария (*Болгария* 32: *София* 9), королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (*Югославия* 62: *Сербия* 19, *Балканы* 4; *Белград* 12, *Дубровник* 3, *Сремски Карловцы* 2, *Загреб* 1), Чехословакия (*Чехословакия* 25 и *Чехия* 13, *Словакия* 9: *Прага* 32 / *Prague* 1, *Моравская Тржебова* (*Чебова*) 3, *Богемия* 1, *Братислава* 8, *Владимирово* 1), Китай (*Китай* 24: *Шанхай* 11, *Харбин* 5, *Пекин* 2, *Тяньцзинь* 1).

Что касается такой страны, как Канада (76), то сравнительно небольшое количество ее топонимов в корпусе текстов объясняется прежде всего тем, что основная часть эмигрантов «первой волны» и их потомков въехали в страну лишь после 1945 г., покинув по разным, как объективным, так и субъективным, причинам Чехословакию, Болгарию, Югославию, Румынию, Францию, Бельгию, Китай. Именно поэтому в интервью с канадскими представителями этой «волны» (в начале 1990-х гг. их было лишь около 4500 человек) топонимы, связанные с перечисленными странами, присутствуют чаще, чем топонимы канадские.

При том, что иностранные топонимы занимают большую часть выделенного топонимического пространства, самым частотным географическим названием является имя собственное *Россия* (388). Прямое сопряжение России и Франции выражено в таком определении одного из информантов: «две родины: Россия и Франция».

Особенности употребления топонимической лексики демонстрируют данные конкордансов. Конкорданс имен собственных показывает, что в эмигрантской речи оним *Россия* выступает в виде словоформ:

Россия (38), *России* (258; род., дат., предл.), *Россию* (75), *Россией* (17). Надо отметить, что этот топоним слабо «поддерживается» своими непосредственными производными: *россиянин, россияне* (3; ед. 1, мн. 2); *российский* (3; муж. 2, жен. 1), т. е. название страны, «родины отцов» оказывается самодостаточным (отдельный вопрос, которого мы здесь не касаемся, это соотношение в корпусе эмигрантской речи слов *Россия* и *русский*).

Анализ контекстов с ядерным топонимом *Россия* позволяет воссоздать представление о родине, характерное для эмигрантов «первой волны» (в особенности второго поколения), вычленив ассоциации, уловить эмоции, которые вызывает у эмигрантов «реалия», стоящая за этим именем собственным. Так, для них важно идентифицировать себя с Россией (прежней, «старой», другой, «которой нету»), акцентировать свою принадлежность к ней по рождению: «говорю / что Россия моя отчина», «Россия / родина отцов» (встречается в речи разных информантов), «принадлежали к России», «родилась в России», «родившиеся в России», а также подчеркнуть ее величие: «этой великой России», «Это великая / богатая / знатная [Россия]», «Россия была богатая». Не случайны поэтому многочисленные высказывания, в которых Россия является предметом мыслей, разговоров, интересов (в качестве опорных здесь выступают глаголы *думать, говорить, интересоваться* и др.): «думала о России», «говорить о России», «интересуюсь Россией», «интересовался Россией», «молюсь о России». Ср. также конструкции с глаголом *жить* в значении ‘быть целиком занятым, поглощенным, увлеченным чем-л.’: «я живу Россией», «живем только Россией», «Мы-то живем Россией старой / все-таки».

Как показывает просмотр контекстов конкорданса, для эмигрантов «первой волны» важно и прямо выразить свою любовь к родине. Свидетельство этого — повторяющиеся высказывания с глаголом *любить*: «Я люблю Россию», «всегда любила Россию», «очень любили Россию» и под. С этим непосредственно связаны и желание добра родине, и вера в ее будущее: «думаю / что Россия воскреснет», «и Россия восстановится», «/ чтобы Россия снова воскресла».

Для иллюстрации сказанного приведем и несколько расширенных примеров — из интервью эмигрантов второго поколения, унаследовавших представление о России от своих родителей — эмигрантов

первого поколения: «Собственно говоря / я никогда не была советской гражданкой / я принадлежу к другой России / которой нету» (Зинаида Алексеевна Шаховская); «И я так / я так всегда молюсь о России: “Господи / спаси Россию”» (Вероника Александровна Чернцова); «И я просто хочу сказать что такое было для нас в детстве Россия. Вот у нас было ма-а-ленькая комнатка / и к нам к родителям масса гостей приходило / все эти молодые офицеры / все это [...] каждый вечер встречалось / пели / вспоминали Россию / и как они пили чай на верандах / как другое / и нам казалось с сестричкой что это рай» (Татьяна Борисовна Струве).

Добавим, что эмигрантский образ России формируют и другие имена собственные, зафиксированные в ономастическом словнике: Агашкино 1, Александровск 1, Байкал 1, Беленькое 5, Владивосток 2, Владикавказ 2, Волга 4, Волокитино 1, Воронеж 6, Гатчина 1, Дон 7, Екатеринославская губерния 1, Эссенуки 1, Новгород 3, Новороссийск 7, Кавказ 7 / Saucase 1, Кисловодск 4, Кострома 4, Крым 23, Ленинград 19, Москва 102, Новочеркасск 3, Переправа 1, Петербург 86 / Saint-Petersbourg 1, Петергоф 2, Петроград 16, Понуровка 7, Свистовка 1, Севастополь 6, Сергиевское 3, Сибирь 13, Симеиз 1, Симферополь 3, Сталинград 3, Севастополь 2, Тверская губерния 1, Феодосия 1, Финский залив 1, Черноморье 1, Чиченик(и) 2, Ялта 3. Эти имена образуют своего рода географическую карту, которая может быть детализирована, местами «дешифрована» (ср.: *Волокитино*, *Свистовка* и под.). Но, как видно, на ней представлены названия российских регионов, губерний, городов, сел, деревень, а также водных пространств, среди которых выделяются знаковые *Волга* и *Байкал*.

Обработанный материал показал, что данные даже предварительно анализа корпуса староэмигрантской речи позволяют получить такую картину словоупотребления (в нашем случае — употребления ономастических единиц), которую с помощью традиционных методов обработки языкового материала выявить было бы весьма затруднительно.

Литература

Голубева-Монаткина Н. И. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции // Русский язык за рубежом. 1993. № 2. С. 100–105.

- Голубева-Монаткина Н. И. Грамматические особенности русской речи потомков эмигрантов «первой волны» во Франции // Филологические науки. 1994. № 4. С. 104–111.
- Голубева-Монаткина Н. И. Лексические особенности русской речи потомков русского зарубежья во Франции // Русистика сегодня. 1995. № 1. С. 70–92.
- Голубева-Монаткина Н. И. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии. М.: Едиториал УРСС, 2004а. — 480 с.
- Голубева-Монаткина Н. И. Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. Тексты и комментарии. М.: Едиториал УРСС, 2004б. — 384 с.
- Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. М.: ООО «Издательский центр «Азбуковник», 2005. — 448 с.
- Поликаров А. А. Славянская компьютерная лексикография: задачи и проблемы. [Электронный ресурс] / А. А. Поликаров. — Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~lex/articles/slav_lex.htm.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Изд. 2-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 368 с.
- СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века / Отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. Том I: А – В. М., 2001; Том II: Г – Ж. М., 2003; Том III: З – Круг. М., 2008; Том IV: Кругл — М. М., 2010; Том V: Н – Паяц. М., 2013.
- Шестакова Л. Л. Личные имена в рифмах Марины Цветаевой (по материалам словаря «Собственное имя в русской поэзии XX века») // Чужбина, Родина моя! Эмигрантский период в жизни и творчестве Марины Цветаевой. Материалы XI междунар. науч.-темат. конф. (9–11 октября 2003 г.). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004. С. 441–453.
- Шестакова Л. Л. Словарь языка русской поэзии XX века: этапы создания и некоторые результаты // Проблемы авторской и общей лексикографии: Материалы междунар. науч. конф. М.; Брянск: Изд-во Брянского университета, 2007. С. 84–88.
- Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. — 464 с. (Studia philologica).
- Шестакова Л. Л. Мифоним *Азраил* в истории поэтического языка // Корпусный анализ русского стиха: Сборник научных статей / Отв. ред. В. А. Плунгян, Л. Л. Шестакова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. С. 81–116.

About Experience Of Studying Of The Old Emigrant Russian Speech By Means Of The Automated Diktum System

N. I. Golubeva-Monatkina (Russia, Moscow), golmonat@mail.ru

L.L. Shestakova (Russia, Moscow), lara.shestakova@mail.ru

Keywords: the Russian emigrant speech, case methods, the automated Diktum system, onomastics, a toponym.

Summary: Article is devoted to those to opportunities which open case methods of studying of the old emigrant Russian speech to the researcher.

Диагностирование семантических отношений в компьютерно-лексикографической практике

А. А. Загнитко (Украина, Донецк), a.zagnitko@gmail.com

Ключевые слова: лексикографическая практика, медиоструктурный уровень, компьютерно-лексикографическая практика, семантические отношения.

Аннотация: Рассмотрена общая типология семантических отношений с анализом особенностей их многоуровневости и моделирования в лексикографической практике. Раскрыты особенности регулярности внутрисловарных семантических отношений, констатированы признаки недостаточности внутрисловарных отсылок. Особое внимание уделено структурированию словарной статьи с целью адекватного эксплицирования иерархии семантических отношений, что позволит их полноценно учитывать в компьютерно-лексикографической практике.

Современное состояние компьютерной лексикографии, разработки новых технологий составления словарей, способов навигации в их пространстве свидетельствуют об актуальности этого направления в прикладной лингвистике. Более того, компьютерная лексикография сегодня заявила о себе как одна из наиболее перспективных областей прикладных исследований. Теоретические и практические проблемы этого научного направления активно разрабатывает целый ряд талантливых ученых: А. А. Поликарпов, Ю. И. Шемякин, В. А. Широков, Roy J. Burd, Nicoletta Calzolari, Martin Chodorow, Judith L. Klavans, Omneya A. Rizk, Mary S. Nett, David Skinner и др. В современной компьютерной лексикографии осуществляется активная разработка собственного научно-методологического аппарата с последовательным определением методов, приемов, а также технологий работы в области машинной лексикографии и установления закономерностей работы с новейшим поколением словарей. Не менее важным является осуществление методик составления словарей в виртуальном пространстве, их существование как отдельных единиц и в тоже время как компонентов целостной виртуально-лексикографической системы. Вне сомнения, первое направление взаимосвязано с соответствующим программным обеспечением, его адекватностью

поставленим проблемам і здійснюваним цілям [Поликарпов 2012; Поликарпов, Руис-Соррилья Крусате 2013].

При свободній навігації, передбачаючій введення пошукового слова в графу пошуку і виявлення відповідної словарної статті, сумарний склад словаря являється включеним, то є представлений гіпертекст з існуючими в ньому всіма посиланнями. Якщо порівняти її з семантичною мережею, являючоюся інформаційною моделлю предметної області, в якій орієнтований граф, де найбільш важливим є визначення поняття, властивості, процесу, то вільна навігація ніяк не детермінована. Для семантичної мережі важливим є врахування мовної семантики і встановлення набору вершин, з'єднаних дугами між собою. Як раз в цій частині найбільш очевидно прослідковується віртуальне представлення семантики предметної області в якій поняття і відношення, ср. укр. «ТИГР, а, ч. 1. Великий хижий звір родини котятчих жовтогарячого забарвлення з чорними смугами, що водиться у Примор'ї, Південно-Східній Азії та Індії. *Вдарив страшний грім. Наставало одне з тих з'явищ, перед котрими в Індії леви та тигри стають смирніші од ягнят* (Іван Нечуй-Левицький). *В пролом той половці ввали / І тут тільки показали / Хижість тигра й силу льва* (Іван Франко). **У порівн. Хазяїн кав'ярні встав і нечутно підійшов до дверей, прислухаючись. Потім він, як тигр, опинився на середині кімнати* (Юрій Яновський); // перен. Про людину, що своєю поведінкою, рисами характеру нагадує цього звіра. *У галасі мені хтось показав / Край столу місце / І значуще мови: / Тут за часів Паризької комуні / Промову виголосив Клемансо. / «Тигр Клемансо!» / Тоді він був не тигром, / А радше лисом* (Максим Рильський); *–Гедзь? Це тигр, а не гедзь! Він же мені хату розвалив! – Оце-от, бачите, його ж це робота! Ой, лишенько мені! – сказала Бовкуниха, коли беззброєний Тарас стояв перед начальником конвою* (Олександр Довженко)» (СУМ, 9 (1978), с. 814)¹¹. Основу тлумачення слова *тигр* представляє гіперо-гіпонімічне семантичне відношення «ТИГР, а, ч. 1. Великий хижий звір родини котятчих жовтогарячого забарвлення з чорними смугами, що водиться у Примор'ї, Південно-Східній Азії та Індії», де *тигр* – гіпонім, *звір родини котятчих* — гіперонім, далі слідує звуження предикатної області посередством

¹¹ Зде і далі в круглих дужках таким чином вказані вихідні дані словаря, з якого взяті відповідні приклади [СУМ], далі вказано рік, а в дужках ( ) – рік видання останнього, а в кінці — сторінка.

употребления постпозитивного актуализатора окраса *жовтогарячого забарвлення з чорними смугами* и присубстантивно-атрибутивной подчинительной предикативной части *що водиться у Примор'ї, Південно-Східній Азії та Індії*. В первом примере *Вдарив страшний грім. Наставало одно з тих з'явищ, перед котрими в Індії леви та тигри стають смирніші од ягнят* (Іван Нечуй-Левицький) осуществлено подтверждение места обитания *тигрів*, а во втором — указано одно из важнейших качеств характеризуемых животных (зверей) — *хижгий* (второй атрибут в линейном расположении характеристики): *В пролом той половці впади / І тут тільки показали / Хижість тигра й силу льва* (Іван Франко). Правда, не самих животных (зверей), а как характеристику воинов, что быстрее принадлежит к имплицитному сравнению (в словарной статье — *У порівн.), в конечном счете — к переносному употреблению. Предикатные отношения *тигр* → *великий* + *тигр* → *жовтогарячого забарвлення* + *тигр* → *з чорними смугами* никак не отражены в фактическом материале. Семантико-грамматические отношения в такого типа словарных статьях обнаруживаются в отсылке к характеристике по грамматическому роду (*ч.* (чоловічий)), а отсутствие парадигматических квалификаторов типа *-а*, *-е* является скрытым индикатором принадлежности к именам существительным. Естественно, такой тип семантических отношений представляет разновидность медиоструктурного уровня словаря, который охватывает «экспликацию разнообразных лингвистических отношений между словарными единицами. Они воплощаются в объединении реестровых единиц в поля и группы на основании морфологических, семантических, тематических, ассоциативных и других признаков» [Лінгвістичні: 16]. Парадигматические индикаторы типа *-а*, *-е* являются последовательно маркированными и лексикографически закреплены за именами прилагательными: укр. «МАЛІЙ, а́, е́; вищ. ст. менший, а, е. 1. Невеликий розміром, незначний величиною; маленький, протилежне в е л и к и й: *І малії камінці роблять синці* (прислів'я)» (СУМ, 4 (1973), с. 606). Иногда семантические отношения в пределах той самой части речи лексикографически сложно диагностировать в силу тождественного толкования. Подтверждением является приведенная выше словарная статья *малий, а́, е́* и толкование лексемы *маленький, а, е*: «МАЛЕНЬКИЙ, а, е. 1. Невеликий розміром, незначний величиною; маленький, протилежне в е л и к и й: *З маленької іскри великий вогонь буває*

(Номис); *Огей маленькими ковтками п'є чай* (Олесь Досвітній)» (СУМ, 4 (1973), с. 605). Все указанные восемь значений являются общими: укр. 1) *невеликий розміром, незначний величиною*; 2) *невеликий кількісно, нечисленний*; 3) *короткий, недовготривалий (про відрізок часу)*; 4) *невеликий віком (переважно про дітей)*; *малолітній*; 5) *незначний за силою, ступенем свого вияву*; 6) *який не має великого значення, неістотний*; 7) *перен., зневажл.: позбавлений внутрішньої глибини; який не має великого значення; неістотний*; 8) *який посідає невисоке суспільне або службове становище*, отличительный признак представлен только в деривационно-парадигматическом аспекте «малый, а, е, вищ. ст. менший, а, е». Усиливающим маркером могла бы служить отсылка в *маленький, а, е* к *малый, а, е* как исходному (производящему), а также отсылка в каждом из значений на соответствующее толкование *малый, а, е*, что усиливало бы внутреннее медиопространство словаря и служило бы одним из активных системообразующих факторов. Вместе с тем использование такой пометы служило бы одной из отправных точек моделирования навигации с облегченным поиском данных.

Главным элементом семантической сети является граф, а также соответствующие дуги между графами в качестве дифференциаторов отношений между ними, что позволяет легко исследовать пути отношений между определенными вершинами. Подтверждением этого может быть наиболее простая семантическая сеть родо-видовых (укр. *сsaveць* → *кішка*), меронимических (где X является мероним Y , если X часть $Y(s)$) или X мероним Y , если X являются членами $Y(s)$: укр. *дерева* ← *стовбур / дерево* ← *листок / дерево* ← *гілка / дерево* ← *корінь*), холонимических (укр. *комп'ютер* → *монітор / комп'ютер* → *системний блок / комп'ютер* → *клавіатура / комп'ютер* → *блок живлення / комп'ютер* → *материнська плата*) и других типов отношений. Полная идентификация всех типов отношений с установлением графов и отношений между ними будет представлять полноценную систему. Объем последней определить весьма сложно потому, что количество отношений между объектами реального мира бесконечно. Поэтому важным является установление прежде всего тех граф и отношений между ними, которые представляются наиболее регулярными и системными.

В современных компьютерно-лексикографических теориях распространенным является дифференцирование семантических сетей по арно-

сти (количеству отображаемых отношений между графами): а) бинарные (наиболее регулярные, системные, в то же время особенно показательны и удобные для моментального восприятия, что легко прослеживается в родо-видовых и других подобных разновидностях отношения; отношения между графами представляют стрелкой (ср., например толкование укр. *тигр*); б) N-арные, реализующие три и больше типов отношений, ср., например, полноценную сетку в тематическо-семантическом группировании лексики [Лінгвістичні: 145 — 210].

Весьма проблемной областью семантических отношений является: 1) установление их полного списка с детализацией каждой сферы; 2) обнаружение установленного типа отношений в том или другом словаре, ср., например, семантические отношения тождества: укр. «*кілька, кох, числ. неознач.-кільк.* Невизначена мала кількість (у межах від трьох до десяти). *Іноді тікав [Тарас] на кілька день аж у друге село до своєї заміжньої сестри Катрі (Панас Мирний); Кілька парубків скочило до танцю, потягнувши за собою дівчат (М. Коцюбинський); Я склав план реконструкції кількох площ і вулиць міста (О. Довженко); кількома словами — дуже коротко. Я кількома словами розповів, як добирався сюди (Л. Смілянський)» (СУМ, 4 (1973), с. 160), ср. также: *Внаслідок сутичок між поліцією та мітингувальниками у суботу, 27 серпня, були затримані 74 студенти, кілька десятків зазнали поранень* (<http://www.radiosvoboda.org/content/article/26611526.html>) и «*декілька, кох і ко́х, числ. кільк.* Невелика, незначна кількість. *Вже стояли декілька возів з зерном, з сіллю, рибою, декілька стільців перекупок (Панас Мирний); За всю дорогу вони перекинулись лише декількома незначущими фразами (О. Бойченко)» (СУМ, 1(1971), с. 234), а также «декілько, кох і ко́х, числ. кільк., розм.* Те саме, що декілька. — *Глянь! Дивись! Хто се? — декілько голосів запитало зразу (Панас Мирний); Декілько парубків зазирали пильно у вікна (С. Васильченко)» (СУМ, 1 (1971), с. 234). Если принять значение лексемы *кілька* как множество X , значение лексемы *декілька* как Y , значение лексемы *декілько* как Z , то сразу видно, что разницу между значениями X (Невизначена мала кількість (у межах від трьох до десяти)) и Y (Невелика, незначна кількість) составляет S , условно обозначенная величина (= Невизначена мала (у межах від трьох до десяти) — это $(X) +$ невелика, незначна — это (Y) , при этом значение Z равно Y (кроме стилистической пометы *розм.*, что для установления равенности / неравенности величин**

не играет важной роли). Разница между значениями *X* и *Y*, где главным компонентом является лексема *кількість*, состоит в атрибутивных (предикатных) компонентах (*Невизначена мала* — *X*) и (*Невелика, незначна* — *Y*), где в *X* *Невизначена* в словаре в первом своем значении толкуется: «Невизначений, а, е. 1. Точно не встановлений. Мобілізація в Росії затягувалась на *невизначений* час, і Катеринославська армія мала на меті вирушити до берегів Чорного моря тільки навесні 1788 року (С. Добровольський); Облога затяглась на *невизначений* час (Я. Качура)» (СУМ, 5 (1974), с. 257), т. е. точно не определенный, а *незначна* в *Y* в своем первом значении — как: «Незначний, а, е. 1. Невеликий щодо кількості, розміру, сили вияву т. ін. Він (крамар) заломив таку суму, що вся моя подорожня каса зникла в ній *незначною* часткою (Леся Українка); Хтось із бійців ненароком торкнув у сутінках руку Брянського, і його пістолет вистрілив від того *незначного* руху (О. Гончар)...» (СУМ, 5 (1974), с. 67) плюс *невелика* «Невеликий, а, е. 1. Незначний розміром, величиною; малий. В *невеликих* кімнатах було тісно й душно од великогонатовпу гостей (І. Нечуй-Левицький). Незначний кількістю. *Невеликі* то були гроші (І. Франко); На вулиці там недалеко стояла Громада людей *невелика* (Леся Українка); Стежечка біжить до того місця, де влітку стоїть *невелика* пасіка (М. Стельмах); *Невеликі*, видно, були збори, коли він на другий день пішов (Панас Мирний); Уляна зробила *невелику* паузу, тамуючи хвилювання (О. Довженко)» (СУМ, 5 (1974), с. 254).

Само толкование лексемы позволяет говорить о том, что *невелика* — это *незначна кількість*. Последние является аргументом разграничения *X* и *Y* только по оси *невизначена* ↔ *незначна*, что, в принципе, представляется не весьма корректным потому, что и *кілька*, и *декілька* в существующих грамматиках квалифицируются как количественные числительные с выделением их по семантическому признаку — неопределенно-количественные (*кілька*, *декілька*, *декілько*, *багато*, *чимало*, *кільканадцять*, *декільканадцять* и т. д.), т. е. в *X* доминирующим является понятие *неозначеність*, а в *Y* — *кількість*, в тоже время ряды тождества каждого элемента из элементов *невизначена* ↔ *незначна* (ср. незначний, а, е — (факт) дрібний, другорядний; (-шкоду) невеликий, несерьйозний; (кількістю) мізерний; (значенням) неважливий; (твір) невидатний [Караванський 2004: 105]. Наиболее интересным является тот факт, что в словарной статье *малий* «Словника синонімів української

мови» [Словник: 806 — 807] во втором значении «Малий (кількісно), невеликий, нечисленний, незначний, обмежений, мізерний, нікчемний (дуже малий, недостатній)» [Словник: 806 — 807] содержатся оба понятия *невеликий* (*a, e*) и *незначний* (*a, e*), относящиеся к *Y*, и *малий* (*a, e*), касающиеся *X*. Таким образом, представляется целесообразным говорить о дифференциации *кілька* и *декілька*, *декілько* только атрибутивным (предикатным) элементом *невизначена*. Последний входит в синонимический ряд лексемы *невизначений* в ее третьем значении «невизначений (про почуття, думки, погляди, уявлення тощо — не зовсім усвідомлений, не чітко оформлений), нечіткий, неясний, невизначений, неозначений, розпливчастий (розпливчатий рідше), туманний, темний підсил. рідше» [Словник: 806 — 807]. В этом толковании очевидным представляется не только «про почуття, думки, погляди, уявлення тощо — не зовсім усвідомлений, не чітко оформлений», но и о количестве, что позволяет говорить о слабой системообразующей позиции словарной статьи в медиопространстве соответствующего словаря.

Распространенным является мнение, что основной задачей компьютерной лексикографии в современном ее измерении является «разработка технологий составления электронных словарей и управления терминологией [Terminology 1971; см. также: The History 2005; Proect Gutenberg2012], а основными направлениями представляются: 1) автоматическое получение из текста различных словарей (например, терминологических, частотных словарей, словарей конкордансов и проч.); 2) создание словарей, являющихся электронными версиями традиционных словарей (например, [СУМ-Г; СУМ; ІСКЯ] и др.).

Возможным является представление всей суммарной сущности словарного состава (то есть всех имеющихся словарей в целостный корпус) со свободной навигацией в нем (ср., например, Український лінгвістичний портал: «Словники України»: On-line // <http://lcorp.ulif.org.ua/dictua/>). Это подтверждает возможность свободной навигации на всем пространстве лексикографического гипертекста, усиливаемую ресурсом «реестр» с указанием имеющегося количества реестровых слов (2256618), т. е. слов, которые полностью обработаны в лексикографической системе. «Словники України»: On-line разработан на основании «CD-версии 3.2 (2008 г.) © ULIF, 2001–2014».

Здесь, наверное, уместно говорить о том, что компьютерная лексикография представляется частью системной лингвистики, которую понимают «как комплекс лингвистических идей и категорий, в центре которых находится идея языка как целостности-системы, состоящей из взаимообусловленных частей-подсистем». Система языка в свою очередь включается в качестве части в еще более обширную целостность, систему коммуникации в обществе и поэтому зависит в своих основных характеристиках от нее» [Поликарпов, Руис-Соррилья Крусате 2013: 8] (ср. также: [Мельников 1978; Мельников 2000; Мельников 2003]; см. также работы в области системологии [Поликарпов 2012; Зубкова 2002]). Понятие системной лингвистики [Загнітко 2012: т. 3, с. 207–209] позволяет увидеть целостность языка как феномен и в то же время распознать его уровни как самодостаточные компоненты в исследовательских методологиях. Это особенно важно в лексикографических системах, где отражается каждый уровень языка с максимальным обнаружением его категориальной семантики [Загнітко 2014а, с. 207 — 209], последнюю следует понимать как синтез категориально-классовой и внутрикатегориальной семантики [Загнітко 2014б: 187 — 192].

В содержательном аспекте Э.Агрикола дифференцирует макро-, медио- и микроструктуру основы словаря [Агрикола 1988: 72 — 87]. Для диагностирования семантических отношений, установления их типов в пределах словаря особая нагрузка принадлежит медиоструктуре, что охватывает различные типы внутрисловарных соотношений. Каждый из указанных уровней имеет свои особенности, их нагрузка в компьютерно-лексикографической практике не тождественна. В рамках осуществляемого исследования особое значение уделено медиоструктурному уровню.

Актуализируется вопрос поиска в этой и другого такого типа словарной макро-, медио- и микросреде семантических отношений. Речь идет не только (и не столько!) о собственно-семантических отношениях типа тождества, привативности, эквиполентности, хотя этот вопрос не менее значим, но в принципиальном отношении поиска любого типа семантических отношений.

Если понимать семантические отношения широко, где учитываются разные языковые уровни — лексический, морфологический, синтаксический и проч., то соответственно и разнообразие таких отношений

представляется весьма разнородным. Легко можно диагностировать любую лексикографическую систему (кроме бумажной) с активным / пассивным поиском определенного типа семантических отношений относительно ее максимальной / минимальной рабочей нагрузки. Количество поисковой информации всегда осложняет мобильность ее загрузки и оперативного распознавания. Для примера можно обратиться к объему имеющихся стилистических помет: если их рассматривать широко с учетом особенностей терминологического закрепления, соотношения абстрактного и конкретного начал, активного и пассивного фонда и т. д., то их множество будет включать от 100 до 110 и более таких помет. При этом одни из них являются регулярными, их нагрузка представляется максимальной (ср. укр. *книжн.* (книжне), *перен.* (переносне), *розм.* (розмовне), *діал.* (діалектне), *заст.* (застаріле)), а другие — в своем использовании являются весьма ограниченными (ср., например, укр. *фам.* (фамільярне), *кул.* (кулінарне), *публ.* (публіцистичне), *етн.* (етнологічне) и проч.). Наиболее нагруженными является стилистические пометы типа укр. *книжн.* (книжне), *перен.* (переносне), *розм.* (розмовне), *діал.* (діалектне), *заст.* (застаріле), покрывая в суммарно-количественной области наибольшее пространство ($\approx$). Это позволяет говорить о ядре стилистических помет в общем их множестве, хотя использование некоторых стилистических помет представляется небезупречным при том, что они являются классическими, ср., например, укр. *книжн.*, с одной стороны, и укр. *філос.* (філософське), *лін.* (лінгвістичне), *архл.* (археологічне), *архт.* (архітектурне), *мист.* (мистецьке, мистецтвознавство), *гірн.* (гірничне), где последние — это составляющие книжной лексики. В данном виде стилистическая помета укр. *книжн.* (книжне), при всей ее универсальности, должна в каждой словарной статье уточняться, ср., например: укр. «**СУГЕСТІЯ**, і, ж., *книжн.* Вплив на волю і почуття людини; навіювання. *Поет для dokonання [здійснення] сугестії мусить розворушити цілу свою духовну істоту, зворушити своє чуття, напружити свою увагу* (І. Франко); *Ніяких взагалі апаратів нема. Просто сугестія. Людині з нахилами медіама дається в руки який-небудь предмет, для більшої перекональності, скло, і через те скло передається наказ орудної центральної волі* (В. Винниченко)» (за (СУМ, 9 (1978), с. 821)). Правда, в таких и подобных случаях универсально используемый художественно-беллетристический материал не всегда аргументи-

рует соответствующий тезис. Как в данном случае, где укр. *книжн.* (книжне) принадлежит к особым случаям употребления во вторичных контекстах, вследствие чего слово приобретает соответствующие коннотации. Правда, стилистическая помета укр. *книжн.* (книжне) уже является активным преобразователем лексикографического маркирования слова в сравнении с ранее представленными дефинициями типа укр. «АРГУМЕНТ, у, чол. *книжн.* Підстава, доказ, які наводяться для обґрунтування, підтвердження чого-небудь. *Те, що загал ... почувас, він* (критик) *повинен висказати словами. Обставити аргументами, підвести під якісь вищі принципи* (Іван Франко); *Ніякі аргументи не переконували його* (Любомир Дмитерко)» (СУМ, 1 (1970), с. 57). Касаясь стилистических помет типа укр. *книжн.* (книжне), следует подчеркнуть, что их внутренняя дифференциация является весьма сложной, поскольку родовое понятие укр. *книжн.* (книжне) охватывает весьма разнообразную область видовых обозначений. И вопросов прикладного аспекта здесь очень много, среди которых особо следует выделить: 1) необходимо ли указывать внутренние показатели укр. *книжн.* (книжне) типа *спец.* (спеціальне), *терм.* (термінологічне) и проч.; 2) в каком линейном порядке их располагать — от наиболее общего к менее и к максимально суженному; 3) всегда ли нужно отражать квалификаторы и все ли области терминологии стоит задействовать и т. д. Это вопросы не только теории лексикографии, но и прикладных измерений лексикографии. Подтверждение этому легко найти, построив виртуальную модель словарной статьи с учетом всех возможных (контекстуально обнаруживаемых) стилистических маркировок, ср., например, укр. «СУБ'ЄКТ, а, ч. 1. *філос.* Істота, здатна до пізнання навколишнього світу, й до цілеспрямованої діяльності. *Теорія пізнання не може абстрагуватися від тих суспільних і соціальних зв'язків, відносин, практики, в яких перебуває суб'єкт пізнання* (з наук.-попул. літ.); 2. *книжн.* Особа, група осіб, організація і т. ін., яким належить активна роль у певному процесі, акті. *Обиватель став тепер об'єктом і суб'єктом. Він купував книжки, він їх і судив* (Ю. Смолич); 3. *юр.* Особа або організація як носій певних прав і обов'язків. *Суб'єкт міжнародного права*; 4. *мед.* Людина як носій певних фізичних і психічних якостей; людина як об'єкт дослідження. *Істеричний суб'єкт живе більшою або меншою мірою ... емоціональним життям* (з навч. літ.); 5. *псих.* *Адиктивна поведінка — це поведінка суб'єкта, для якої при-*

таманне прагнення до відходу від реальності шляхом штучної зміни свого психічного стану, завдяки прийому різноманітних хімічних речовин чи постійній фіксації уваги на певних видах діяльності з метою розвитку та підтримання інтенсивних емоцій (з навч. літ.); 6. педаг. Суб'єкта педагогічної діяльності зазвичай називають педагогом. Педагог — це суб'єкт педагогічної діяльності, а суб'єкт педагогічної діяльності — це людина, яка виконує той чи той вид педагогічної діяльності (з наук. літ.); 7. лог. Предмет судження. У логічних теоріях суб'єкт тлумачать або як уявлення про предмет, або онтологічно — як сам об'єкт дійсності (з навч. літ.); 8. лінгв. Те саме, що підмет. Суб'єкт — термін, який широко вживається переважно в західноєвропейському мовознавстві в такому ж значенні, як і підмет (з наук. літ.); 9. розм. Про людину з негативними рисами характеру, непривабливою або підозрілою зовнішністю. В кімнату увіходить Спичаковський. Це високий, худорлявий суб'єкт з гордо піднесеною головою (І. Кочерга); — Листа приніс якийсь невідомий суб'єкт (П. Колесник); Підійшов п'яний суб'єкт і попросив закурити (Л. Дмитерко); [Н а ч а л ь н и к с т а н ц і ї:] Романченко, подивись, що це за суб'єкт сидить (О. Корнійчук). Если сравнить внутреннюю структуру словарной статьи *суб'єкт* в имеющемся толковом словаре, например: укр. «СУБ'ЄКТ, а. чол. 1. філос. Істота, здатна до пізнання навколишнього світу, об'єктивної дійсності й до цілеспрямованої діяльності. Теорія пізнання не може абстрагуватися від тих суспільних і соціальних зв'язків, відносин, практики, в яких перебуває суб'єкт пізнання (з журналу); 2. книжн. Обиватель став тепер об'єктом і суб'єктом. Він купував книжки, він їх і судив (Юрій Смолич); 3. юр. Особа або організація як носій певних прав і обов'язків. Україна стала активним суб'єктом міжнародного права; 4. мед. Людина як носій певних фізичних і психічних якостей; людина як об'єкт дослідження. У сучасній медицині особливого дослідження вимагає неадекватний суб'єкт, поведінка якого часто демотивована і йде врозріз з усталеними нормами суспільства (А. Яна); 5. розм. Людина, особа. В кімнату увіходить Спичаковський. Це високий, худорлявий суб'єкт з гордо піднесеною головою курсив? (Іван Кочерга); — Листа приніс якийсь невідомий суб'єкт (Петро Колесник); // Про людину з негативними рисами характеру, непривабливою або підозрілою зовнішністю. Підійшов п'яний суб'єкт і попросив закурити (Любомир Дмитерко); [Начальник

станції:] *Романченко, подивись, що це за суб'єкт сидить* (Олександр Корнійчук); 6. лог. Предмет судження; 7. грам. Те саме, що підмет. *Суб'єкт — термін, який широко вживається переважно в західноєвропейському мовознавстві в такому ж значенні, як і підмет (Словник лінгвістичних термінів)*¹² (СУМ, 9 (1978), с. 814) с предложенной выше структурой аналогичной виртуальной словарной статьи, то легко обнаружит несоответствие иерархического понимания стилистической дифференциации лексики, при которой книжная лексика охватывает и общественно-политические, и официально-деловые, и научные слова [Юн Ван, Хайтао Лю 2013]. Последние внутренне структурированы на большое количество подмножеств, что определено имеющимися в научном мире терминологическими микросистемами. Выделение таких микросистем является всегда проблемным потому, что, с одной стороны, существует, например, юридическая терминология, но, с другой стороны, она охватывает и терминологию конституционного права, и судебно-медицинскую терминологию, и криминалистическую терминологию, и терминологию уголовного права и проч. Это касается и медицинской, и химической, и физической, и биологической, и лингвистической и целого ряда других терминологических систем. Насколько правомерно в лексикографической практике дифференцировать в словарной статье родовую стилистическую помету и видовую. Очевидно, это требует определенной теоретической разработки, но уже в рамках данного исследования вполне правомерно предложить либо указывать только родовую стилистическую помету, либо, констатируя наличие видовой, ее необходимо располагать в линейном ряду после родовой. В таком случае предложенная виртуальная статья будет выглядеть следующим образом: укр. «**СУБ'ЄКТ**, а, ч. 1. *книжн.*: а) *наук.*: 1) *філос.* Істота, здатна до пізнання навколишнього світу, й до цілеспрямованої діяльності. *Теорія пізнання не може абстрагуватися від тих суспільних і соціальних зв'язків, відносин, практики, в яких перебуває суб'єкт пізнання* (з *наук.-попул. літ.*); 2) *юр.* Особа або організація як носій певних прав і обов'язків. *Суб'єкт міжнародного права*; 3) *мед.* Людина як носій певних фізичних і психічних якостей; людина як об'єкт дослідження. *Історичний суб'єкт живе більшою або меншою мірою ... емоціональним життям* (з *навч.*

¹² Повторение примеров и соответствующего фактического материала мотивированно целесообразностью последовательного сравнения имеющейся структуры словарной статьи и предложенной виртуальной.

літ.); 4) псих. Адиктивна поведінка — це поведінка суб'єкта, для якої притаманне прагнення до відходу від реальності шляхом штучної зміни свого психічного стану, завдяки прийому різноманітних хімічних речовин чи постійній фіксації уваги на певних видах діяльності з метою розвитку та підтримання інтенсивних емоцій (з навч. літ.); 5) педаг. Суб'єкта педагогічної діяльності зазвичай називають педагогом. Педагог — це суб'єкт педагогічної діяльності, а суб'єкт педагогічної діяльності — це людина, яка виконує той чи той вид педагогічної діяльності (з наук. літ.); 6) лог. Предмет судження. У логічних теоріях суб'єкт тлумачать або як уявлення про предмет, або онтологічно — як сам об'єкт дійсності (з навч. літ.); 7) лінгв. Те саме, що підмет. Суб'єкт — термін, який широко вживається переважно в західноєвропейському мовознавстві в такому ж значенні, як і підмет (з наук. літ.); б) сусп.-пол.: 1) публ. Особа, група осіб, організація і т. ін., яким належить активна роль у певному процесі, акті. Обиватель став тепер об'єктом і суб'єктом. Він купував книжки, він їх і судив (Ю. Смолич); 2) політ. Політичним суб'єктом може виступати партія, що організовує свою політику відповідно до норм і правил суспільного порядку (з газети); 3) соціал. Суб'єкт соціального життя в сучасних умовах істотно змінився, що мотивовано видозмінами в суспільному устрої держави (з журналу); 2. розм. Про людину з негативними рисами характеру, непривабливою або підозрілою зовнішністю. В кімнату увиходить Спичаковський. Це високий, худорлявий суб'єкт з гордо піднесеною головою (І. Кочерга); — Листа приніс якийсь невідомий суб'єкт (П. Колесник); Підійшов п'яний суб'єкт і попросив закурити (Л. Дмитерко); [Н а ч а л ь н и к с т а н ц і ї:] Романченко, подивись, що це за суб'єкт сидить (О. Корнійчук). В предложенной структуре словарной статьи последовательно представлена иерархия семантических отношений, что позволяет использовать соответствующую модель в компьютерном моделировании поиска и создании свободной навигации.

Медиоструктурный уровень словаря охватывает различные типы семантических отношений, адекватное и полноценное обнаружение которых становится возможным при условии: 1) их корректного отражения в структуре каждой словарной статьи; 2) создания прозрачно мотивированных отсылок; 3) усиление системообразующих внутрисловарных и междусловарных факторов посредством указания деривационных

и другого типа ссылок. Весьма перспективным представляется создание механизмов маркирования семантических отношений и их свободного поиска в различных типах баз данных.

Литература

- Агрикола Э. Макро-, медио- и микроструктура как содержательная основа словаря // Вопросы языкознания. 1988. № 2. С. 77 — 87.
- Гринев С. В. Введение в терминологическую лексикографию: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 106 с.
- Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь: учебное пособие. 3-е изд., доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. (<http://www.twirpx.com/file/840374/>).
- Загнітко А. П. Словник сучасної лінгвістики: В 4-х т. Донецьк: ДонНУ, 2012.
- Загнітко А. П. Сучасна лінгвістика: погляди та оцінки: науково-аналітичне видання. Донецьк: Ноулідж (донецьке відділення), 2014б.
- Загнітко А. П. Теорія граматики і тексту: монографія. Донецьк: Ноулідж (донецьке відділення), 2014а.
- Зубкова Л. Г. Общая теория языка в развитии: учебное пособие. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2002.
- ІСКЯ — Історичний словник українського языка (Під ред. Є. Тимченка; укл.: Є. Тимченко, Є. Волошин, К. Лазаревська, Г. Петренко. К.-Х., 1930–32. Т. 1; Зошит 1: А – Глу. — К.-Х.: Державне видавництво України, 1930; Зошит 2: Глу – Жял. — К.-Х.: Українська радянська енциклопедія, 1932) (http://litopys.org.ua/djvu/tymchenko_slovnyk.htm).
- Караванський С. Практичний словник синонімів української мови. 2-е вид. К.: Українська книга, 2004.
- Лінгвістичні — Лінгвістичні та технологічні основи тлумачної лексикографії: монографія / В. А. Широков, В. М. Білоноженко, О. В. Бугаков та ін. К.: Довіра, 2010.
- Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы. Методы. Модели: монография. М.: Наука, 2003.
- Мельников Г. П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной: учебное пособие. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2000.
- Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики: монография / Под ред. Ю. Г. Косарева. М.: Советское радио, 1978.
- Поликарпов А. А., Руис-Соррилья Крусате М. Трехчастная типология толковых словарей С. И. Ожегова в системной перспективе // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. 2013. № 5. С. 7 — 34 (Istina.msu.ru/)

media/publications/article/2cf/65c/6068947/Polikarpov_M._Ruis-Sorrilya_Krusate_Filologia_5_13_2.pdf).

Поликарпов А. А. Теоретические основания и эксперименты для анализа соотношения индивидуальных словарей с лексической системой языка // режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~lex/pdfs/polikarpov_2012_2.pdf

Словник — Словник синонімів української мови: В 2-х т. / А. А. Бурячок, Г. М. Гнатюк, С. І. Головащук та інші. Т. 1. К.: Наукова думка, 2001.

СУМ — Словник української мови: В 11-и т. К.: Наукова думка, 1970 — 1981.

СУМ-Г — Словарь української мови: В 4-х т. (упорядкував Б. Грінченко) (<http://hrinchenko.com/>).

Юн Ван, Хайтао Лю. Квантитативное исследование имени существительного в русском языке по его синтаксическим признакам // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. 2013. № 5. С. 35 — 51 (stina.msu.ru/media/publications/article/2cf/65c/6068947/Polikarpov_M._Ruis-Sorrilya_Krusate_Filologia_5_13_2.pdf).

Proect Gutenberg 1971 (режим доступа: <http://www.gutenberg.org/wiki/Gutenberg>About>).

Terminology Management: ProjectGutenberg, 1971 (режим доступа: <http://www.slideshare.net/ssusereefbf7/ss-33059597>).

The History and Philosophy of Project Gutenberg by Michael Hart (http://www.gutenberg.org/wiki/Gutenberg:The_History_and_Philosophy_of_Project_Gutenberg_by_Michael_Hart 2005).

Semantic Relations Diagnostation In The Computer-Lexicographic Practice

A.A. Zahnitko (Ukraine, Donetsk), a.zagnitko@gmail.com

Key words: lexicographic practice, mediostuctural level, computer-lexicographic practice, semantic relations.

Summary: The semantic relations general typology with the analysis of their multi-leveled structure and model peculiarities in lexicographic practice is considered. The inner-dictionary semantic relations regularity specifics are analyzed, the signs of inner-dictionary references inadequacy are stated. A special attention is paid to the dictionary article structure in order to explicate adequately the semantic relations hierarchy which will make it possible to consider them fully in the computer-lexicographic practice.

Информационная структура словаря для порождения русских поэтических текстов

А. В. Зубов (Белоруссия, Минск), proscien@mslu.by

Ключевые слова: порождение текстов, поэзия, компьютерная лингвистика.

Аннотация: Статья посвящена проблемам порождения поэтических текстов при помощи компьютеров.

Проблемами порождения текстов с помощью компьютеров исследователи занимаются с начала 70-х гг. За прошедшие годы по этим проблемам написано большое число книг, сборников и статей в различных журналах. Вопросам генерации текстов уделяют много внимания известные журналы. Например, “Artificial Intelligence Review”, “Computational Linguistics”, “International Journal of Human — Computer Studies”, “Information Processing in Mind and Machine” и др. Ежегодно в разных странах мира по этим проблемам проводятся крупные конференции. Известнейшие университеты мира занимаются исследованиями по порождению текстов. Среди них Эдинбургский университет в Шотландии, Массачусетский, Стэнфордский, Колумбийский университеты США, Монреальский университет и университет в Торонто (Канада) и много других. Тем не менее, до сих пор нет единой теории текстообразования, и эта теория находится в стадии становления [Болдасов 2005; Болдасов, 2006].

Известны многочисленные подходы к процедуре порождения текстов. Зависят они в основном от того, для какой цели создается текст. Большая часть таких алгоритмов связана с созданием различного рода диалоговых систем, используемых в справочных и обучающих системах. Следующая группа разработок имеет целью проверку различных лингвистических и литературоведческих теорий порождения предложения, абзаца, текста. Значительная часть работ направлена на генерацию практических документов (метеосводок, статистических отчетов о занятости населения, инструкций по регулировке механизмов и т. д.) или же больших газетных сообщений о текущих событиях.

Делаются попытки порождения и стихотворных текстов. Известный французский поэт Поль Валери говорил, что стихотворение создается

не из идей и не из чувств, оно создается из слов. Иными словами, методы, используемые для порождения прозаических текстов, вполне могут быть использованы и для порождения поэтических текстов. Но в то же время филологи, изучающие поэтические тексты, отмечают до 13 различий между прозаическими и поэтическими текстами [Казарин 2004: 35 — 46]. На уровне плана выражения это такие различия:

Стихотворная речь делится на сопоставимые между собой единицы (стихи), а проза представляет собой сплошную речь.

Каждый стих обладает внутренней мерой (метром), а проза ею не обладает.

Среди отличий в плане содержания можно отметить следующие:

В стихотворном тексте преобладает образное выражение смыслов, а в прозаическом их прямое выражение.

Стихотворная речь содержит, в основном, образную (лирическую фабулу), а прозаический текст характерен предметной (фактологической) фабулой.

Стихотворная речь характерна неоднозначностью ее интерпретации, прозаическая речь воспринимается, как правило, однозначно.

Для создания системы порождения поэтического текста, как и для любой другой автоматической системы работы с текстом, необходимо, прежде всего, словарь. Основными трудностями, с которыми сталкиваются составители различных словарей, являются критерии отбора лексики в словарь, число лексических единиц, включаемых в такой словарь, и непосредственно метаязык словарной статьи [Карпова 2010: 42]. При определении структуры такого автоматического словаря должны быть решены три следующие задачи [Беляева 2001: 68]:

Определена форма основной единицы в словарной статье.

Обоснован комплекс лингвистической информации, приписываемой каждой основной единице.

Найден способ оптимальной взаимосвязи основной единицы словаря и информации, приписываемой ей.

Решение всех этих трех задач зависит от специфики создаваемой автоматической системы. Создаваемая в Минском государственном лингвистическом университете система имеет целью смоделировать процесс создания стихотворений С. Есениным. Для этого предварительно был с помощью компьютера создан [Гайдукова 1975] словарь стихотворений

по первым трём томам его пятитомного собрания сочинений [Есенин 1966]. На следующем шаге исследования с помощью специальных компьютерных программ была изучена ритмическая структура строк стихотворений С. Есенина [Зубов 1981].

С ориентировкой на вышесказанное в качестве основной единицы словарной статьи была принята словоформа.

Рассматривая вторую задачу, связанную со структурой создаваемого автоматического словаря, необходимо отметить, что «независимо от структурной словарной статьи, главная её цель — семантическая разработка писательского словоупотребления» [Карпова 1989: 13]. Более развёрнуто это показано выше в виде сформулированных там 3-х отличий поэтического текста от прозы на семантическом уровне. Это в полной мере соответствует тем факторам языкового общения, которые должны быть фиксированы в словаре. Именно их отметила О. М. Карпова в своём исследовании [Карпова 2010: 28].

Чаще всего в автоматических словарях каждой лексической единице приписывается два типа информации — морфологическая и лексическая. В нашем словаре к этой информации добавлено две новые зоны — зона семантической информации к словоформе словаря и зона структурной информации.

Семантическая информация к словоформе включает данные о семантическом подклассе, к которому принадлежит словоформа, и код эмоционального признака данной словоформы. В таблице 1 приведены коды классов слов русского языка.

Таблица 1. Классы слов, используемые в системе порождения стихотворного текста

№№ п/п	Наименование класса слов	Код класса слов
1.	Существительное	N
2.	Имя собственное	S
3.	Прилагательное	A
4.	Краткое прилагательное	E
5.	Глагол	V
6.	Причастие	R
7.	Краткое причастие	X

№.№ п/п	Наименование класса слов	Код класса слов
8.	Деепричастие	К
9.	Числительное количественное	L
10.	Числительное порядковое	B
11.	Наречие	D
12.	Местоимение	P
13.	Предлог	G
14.	Союз	C
15.	Частица	T
16.	Междометие	M

Таблица 2 содержит фрагменты кодов семантических подклассов, к которым отнесены слова стихотворений С. Есенина, а в таблице 3 даны коды эмоциональных признаков, приписываемых этим словам.

Таблица 2. Примеры семантических подклассов русских слов

Класс слов	Наименование семантического подкласса	Код подкласса
Имя существительное	Части тела человека, способные чувствовать	N001
	Другие части тела человека	N002
	Лицо и части лица человека	N003
	Внутренние состояния и ощущения, специфичные для человека	N004
	.....	.....
	Понятия, связанные с разговором по телефону	N038
	Понятия, связанные с взаимоотношением мужчины и женщины	N039
	.....	.....
	Явления природы	N096
	Понятия, связанные с письменными источниками знаний	N097

Класс слов	Наименование семантического подкласса	Код подкласса
Глагол	Глаголы существования: — быть — имеется — существует Глаголы физического изменения ..... Каузативные глаголы Глаголы психофизических действий, свойственных человеку	V001 V003 V004 V010 ..... V041 V042
Имя прилагательное	Прилагательные, обозначающие качественные признаки: – свойственные человеку и всему тому, что связано с человеком – свойственные особям животного мира – используемые для описания предметов неживой природы ..... Относительные прилагательные, характеризующие объект: – по его отношению к какому-либо одушевленному объекту – по отношению ко времени ..... — по отношению к отвлеченному понятию	A001 A002 A003 ..... A007 A008 ..... A0012

Класс слов	Наименование семантического подкласса	Код подкласса
Причастие	Причастия, обозначающие признаки физических действий:	
	— свойственных человеку, особям животного мира и используемые при описании предметов неживой природы	R001
	— свойственных только человеку	R002
	Причастия, обозначающие признаки эмоциональных действий, свойственных только человеку	R005
	Причастия, обозначающие признаки психических состояний:	
	— свойственных только человеку	R014
— свойственных только человеку, особям животного мира и приписываемых предметам неживой природы	R015	
Признаки психических эмоциональных состояний, специфичных только для человека	R018	
Деепричастие	Деепричастия, обозначающие физические действия:	
	— свойственные только человеку	K001
	— свойственных человеку, особям животного мира	K002
	Деепричастия, обозначающие психические состояния:	
— свойственные только человеку	K013	
— свойственных человеку, особям животного мира	K014	

Класс слов	Наименование семантического подкласса	Код подкласса
Наречие	Определительные качественные наречия	D001
	Определительные количественные наречия	D002
	Определительные наречия образа и способа действия	D003
	.....	.....
	Предикатные наречия: — слова, выражающие состояния природы	D010
	..... — слова, выражающие модальность, возможность	D014

Таблица 3. Эмоциональные признаки русских слов автоматического словаря

№.№ п/п	Наименование эмоционального признака	Код признака
1.	Бодрый	01
2.	Печальный	02
3.	Тоскливый	03
4.	Нежный	04
5.	Светлый	05
6.	Радостный	06
7.	Агрессивный (злой)	07

Структурная информация к каждой русской словоформе представлена в виде двух чисел, приписываемых словоформе, — числа слогов в ней и места ударного слога.

Связь в создаваемом автоматическом словаре словарной единицы с морфологической, семантической и структурной информацией, приписываемой ей, представлена в следующем виде (рис. 1).

Слово-форма	Семантический подкласс	Эмоциональный признак	Морфологические признаки	Число слогов	Место ударного слога
-------------	------------------------	-----------------------	--------------------------	--------------	----------------------

Рис. 1

Например, словоформа «рекой» получит следующий набор кодов: РЕКОЙ__N09606FCIINIS22,

где N — признак имени существительного;

096 — семантический подкласс этого существительного;

06 — код эмоционального признака;

F — код женского рода этого слова;

C — признак того, что это — общее слово (не имя собственное);

I — признак неодушевленности;

I — признак неличности этой словоформы;

N — признак того, что это — не сокращение;

I — указывает на творительный падеж этой словоформы;

S — признак единственного числа;

2 — число слогов в этой словоформе;

2 — место ударного слога словоформы «рекой».

Полный набор кодов морфологических признаков для слов всех классов русского, а также белорусского, английского и немецкого языков приведен в работе (Создание ..., 2010, 70–93).

Подобный словарь французского языка был создан при написании дипломной работы по моделированию 10 текстов песен, исполняемых Шарлем Азнавуром. Из-за ограниченного объема автоматического словаря, встроенного в систему порождения к некоторым французским словам неверно были подобраны рифмующиеся с ними слова. Смысл созданных стихотворных текстов был вполне удовлетворительным.

Литература

- Беляева Л. Н. Лингвистические автоматы в современных информационных технологиях. Санкт-Петербург: РГПУ, 2001. 130 с.
- Болдасов М. В., Соколова Е. Г. Генерация текстов на естественном языке — состояние вопроса и прикладные системы // НТИ. Серия 1. Информационные процессы и системы. 2005. № 10. С. 12–23.

- Болдасов М. В., Соколова Е. Г. Генерация текстов на естественном языке — теории, методы, технологии // НТИ. Серия 2. Информационные процессы и системы. 2006. № 7. С. 1–15.
- Гайдукова З. С., Зубов А. В. Частотный словарь поэтических произведений С. Есенина // Вопросы общей и прикладной лингвистики. Сборник теоретических статей. Минск: МГПИИЯ, 1975. С. 165–186.
- Есенин С. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1966.
- Зубов А. В. Автоматический статистический анализ поэтического текста // Уч. записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 591. Актуальные проблемы количественной лингвистики и автоматического анализа текстов. VII труды по лингвостатистике. Тарту: ТГУ, 1981. С. 35–46.
- Казарин Ю. В. Филологический анализ поэтического текста: учебное пособие для вузов. М., 2004.
- Карпова О. М. Английская лексикография. Учебное пособие. М.: ACADEMIA, 2010.
- Карпова О. М. Словари языка писателей. М.: МПИ, 1989.
- Создание... — Создание большого корпуса текстов белорусского языка и его использование для изучения белорусского языка и его связи с другими языками Европы. Заключительный отчет по теме. № госрегистрации 20061320. Минск: МГЛУ, 2010.

Information Structure of the Dictionary for Generation of the Russian Poetic Texts

A. V. Zubov (Belarus, Minsk), proscien@mslu.by

Keywords: generation of texts, poetry, computational linguistics.

Summary: Article is devoted to problems of generation of poetic texts by means of computers.

Синонимия лексических единиц русского языка в системной взаимосвязи с их семантическими и грамматическими характеристиками

Д. А. Иванова (Россия, Москва), piligrim23@rambler.ru

Ключевые слова: системная лингвистика, лексическая синонимия, семантические и грамматические характеристики, системные взаимосвязи, языковой знак.

Аннотация: Целью данной работы было провести исследование синонимии с позиций системного подхода, проанализировать и проверить экспериментально наличие взаимозависимостей между этим явлением и такими характеристиками слов, как их частеречная принадлежность, величина полисемии, выражение того или иного типа денотативного смысла значениями слова, прикрепленность значений слова к тому или иному функционально-стилистическому пласту языка. Гипотезы о взаимозависимостях формулируются на основе следствий из Модели жизненного цикла знака А. А. Поликарпова. Проведённый в настоящей работе анализ экспериментальных данных в большинстве случаев подтвердил справедливость выдвинутых для проверки гипотез, что позволяет говорить о высокой степени актуальности избранной теоретической модели.

1. Теоретические основания исследования

Явление синонимии — одно из самых интересных лексических явлений, одна из самых характерных особенностей естественного языка. В XX веке данное явление оказалось под пристальным вниманием лингвистов, «соревнующихся» друг с другом в нахождении наиболее точного определения синонимии и четких критериев выделения синонимов. В качестве рабочего подхода к определению синонимии нами был выбран «комбинированный подход», базирующийся на критерии нейтрализации в определённых контекстуальных условиях дифференциальных признаков членов синонимического ряда [Чернейко 1983; Чернейко 2010; Шмелёв 1973].

В настоящей работе исследование синонимии проводится с позиций системного подхода в лингвистике [Мельников 1972], трактующего это явление как взаимосвязанное с категориально-грамматическими (отнесенность слова к той или иной: предметной, признаковой, служебной части речи), лексико-семантическими (полисемия слова, выражение того

или иного денотативного смысла значениями слова), лексико-стилистическими (прикрепленность к тому или иному функционально-стилистическому пласту языка) характеристиками слов. Тесная связь природы синонимии и полисемии в виде явления асимметричного дуализма языкового знака была отмечена ещё С. О. Карцевским [Карцевский 1956]. Исследователь писал о взаимообусловленности явлений синонимии и полисемии в языке, о том, что они согласованно «скользят по наклонной плоскости реальности». Под скольжением по «наклонной плоскости реальности» он подразумевал постоянно реализуемую возможность для означающего выйти за свои прежде установившиеся пределы, расширить их, а для означаемого — быть обозначенным иными означающими.

Математизированным вариантом системного подхода в лингвистике является Модель жизненного цикла знака А. А. Поликарпова [Поликарпов 1998 — 2013] (далее — МЖЦЗ). В этой модели взаимозависимость явления синонимии и других характеристик лексики трактуется как следствие направленных изменений, происходящих в значениях знаков по мере использования их в коммуникации. МЖЦЗ базируется на коммуникативном **принципе намёка-догадки**. Глобальное действие данного принципа определяет возможность выхода коммуникантов в любом очередном акте общения за пределы ранее сложившейся в коллективе области смыслов, покрываемой каждым данным значением-намёком, что со временем, с накоплением такой массы, может быть и мелких, но постоянно осуществляющихся сдвигов в этой области, ведёт в сторону принципиального **расширения** подавляющего большинства смысловых областей любых знаков. Тенденция к подобному расширению объёма смысловой области любого значения знаменует исходный системный сдвиг, вслед за которым, в ответ на него происходит серия последующих существенных сдвигов, среди которых основные:

— **абстрактивизация значений** (постепенная потеря ими некоторой части признаков) как результат исходного **сужения круга повторяющихся признаков в составе смыслов расширяющейся смысловой сферы**, покрываемой данным значением данного знака, и поэтому **сужения круга признаков, через который значение «перекликается» с нужными смыслами в ходе актов намекания, а затем и выпадения**

из значения каких-то наиболее ослабевших от неупотребления признаков;

— **деспецификация компонентов значений** как следствие меньшей поддержки специфических, редких компонентов в намекательно-ассоциативном процессе и их более активное выпадение из значения;

— **субъективизация компонентов значений** как следствие того, что абстрактивизирующееся (с возрастом) значение начинает употребляться в более широком круге контекстов, в которых наиболее повторяющимися и поэтому наиболее ассоциативно влиятельными, впитываемыми значениями оказываются субъективные компоненты оценок, отношений и эмоций между людьми;

— «отпочкование» в определённых условиях **новых значений** от некоторых материнских значений (а не расширение смысловой сферы материнских значений), причём, как правило, значений **относительно более высокой степени абстрактности, чем те значения, от которых они происходят;**

— **постепенное затухание процесса образования новых значений у знака на каждом последующем шаге семантико-деривационного процесса;**

— **выпадение ранее появившихся значений с некоторым вначале отставанием от процесса порождения новых значений, но затем тоже с постепенным затуханием процесса,** аналогично затуханию процесса порождения новых значений (т. к. чем дальше значение от начала семантико-деривационной цепи, тем оно абстрактнее, устойчивее и более долгоживущее);

— **разница в каждый данный момент жизненного цикла знака между числом появившихся и числом уже выпавших значений определяет актуальную полисемию знака;**

— **профиль развития полисемии во времени** выглядит как сначала убыстряющийся, затем замедляющийся по темпу, вплоть до достижения пика развития полисемии, вслед за чем происходит длительный, с постоянным торможением процесс её уменьшения, вплоть до потери последнего значения в данной полисемической подсистеме, что означает, что знак окончательно выбывает из языковой жизни;

— **за счёт неуклонно повышающейся степени объективной близости наборов компонентов в абстрагирующихся и деспецифициру-**

ющихся со временем значениях разных знаков растёт объективная возможность их синонимизации, увеличения числа синонимизирующихся ЛСВ, рост объёма синонимических групп, члены которых принадлежат знакам всё более значительного возраста, а также всё более полное вовлечение значений из всего набора значений данного относительно более зрелого знака в синонимические связи со значениями других знаков;

— подтверждением связи степени развития синонимии от изменяющегося с возрастом слов *качества* их значений могут служить результаты **классификации синонимических групп по денотативно-семантическим классам** (предложенным авторами словаря «Синонимы в русской речи» [Бабенко 2007]). Ожидается, что **наиболее объёмные синонимические группы должны быть наполнены, в среднем, значениями, относящимися к начальным, относительно наиболее абстрактным ячейкам денотативной классификации** (т. к. это значения относительно более зрелых, более полисемичных слов, с достаточно уже абстрагированными значениями);

— относительное усиление синонимизации значений относительно более зрелых знаков связано также с возможностью **функционально-стилистической и экспрессивно-стилистической противопоставленности их значений** (при тождестве денотативного их содержания) на основе их повышенной абстрактности, а поэтому повышенной степени субъективности, которая также способствует стилистической (чаще экспрессивно-стилистической) дифференциации таких значений;

На основе МЖЦЗ был сформулирован ряд следующих, более конкретных прогнозов о взаимозависимостях между характеристиками лексики русского языка, далее проверяемых эмпирическим материалом.

2. Гипотезы, проверяемые в данном исследовании

Большинство значений, вступающих в синонимические отношения должны быть в большей степени связаны со смысловой антропоцентрической сферой, физической или социальной деятельностью человека, его восприятием или оценкой окружающего мира, его субъективной категоризацией действительности.

ЛСВ, покрывающие относительно более абстрактные смысловые области, должны тяготеть к вступлению в синонимические группы большего объёма.

Слова высокой полисемии должны более активно вступать своими ЛСВ в синонимические отношения, чем менее полисемичные слова.

Относительно более полисемичные и более признаковые слова должны своими ЛСВ покрывать наиболее антропоцентричные, наиболее приближенные к человеку разделы жизненного тезауруса.

Слова признаковых частей речи (глаголы, прилагательные, наречия) в противоположность словам предметных частей речи (существительных) должны быть в большей степени склонны к высокой величине полисемии и к активному вхождению своими ЛСВ в синонимические группы.

С увеличением объема синонимических групп должно увеличиваться процентное содержание в них значений местоимений, частиц, междометий, союзов и глаголов. Зато последовательно должно уменьшаться процентное содержание значений существительных.

С увеличением объема синонимических групп должно увеличиваться процентное содержание в них слов высокой полисемии.

Чем меньше полисемия слова, тем более вероятно, что доля функционально-стилистически маркированных значений (пометой «разговорное»), у таких слов должна вырасти.

ЛСВ слов, вступающие в синонимические отношения, в большей степени должны быть маркированы функционально-стилистически (пометой «разговорное»), чем ЛСВ, не вступающие в синонимические отношения.

ЛСВ глаголов и наречий (вне зависимости от участия в синонимических отношениях) должны быть в большей степени маркированы пометой «разговорное», чем ЛСВ существительных.

Значения существительных, прилагательных, глаголов, междометий и местоимений, которые имеют ЛСВ-синонимы, должны быть в большей степени маркированными пометой «разговорное» по сравнению со значениями слов данных частей речи, которые не имеют ЛСВ-синонимов.

3. Материал исследования

Для проведения серии экспериментов по подбору, маркировке и анализу эмпирических данных с целью проверки выдвигаемых прогнозов была создана комплексная база данных, объединяющая в себе материал и системные характеристики слов двух словарей русского языка — «Нового словаря русского языка» Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000] и «Словаря-

тезауруса синонимов русской речи» Л. Г. Бабенко [Бабенко 2007]. Для работы по дополнению и контролю материала были также использованы основные толковые словари русского языка [Кушнецов 1998; Ожегов 1972; Ушаков 1935].

Словник «Нового словаря русского языка» Т. Ф. Ефремовой составляет примерно 136000 единиц, авторы стремились к «максимальному объёму отображения в словаре объективного лексического пространства» в его современном состоянии. Единицы словаря характеризуются по следующим параметрам: часть речи, количество значений, стилистическая маркированность слова пометами «разговорное», «устаревшее», «местное».

«Словарь-тезаурус синонимов русской речи» является первым идеографическим словарем синонимов, описывающим, сколько и какие именно синонимические ряды соотносятся с общим для этих рядов понятием, принадлежат той или иной денотативной сфере, области, группе. В словаре 8000 синонимических рядов распределены по 16 семантическим областям, 86 семантическим классам, 267 идеографическим группам и 187 подгруппам. Состав словника включает помимо нейтрального фонда русской лексики также разговорно-сниженные, жаргонные, бранные единицы.

После проведения подготовительной работы над словниками словарей и совмещения их данных были созданы 4 символьно-числовые базы данных в виде электронных таблиц Excel, что в результате запуска счетных макросов, разнообразных сортировок и подсчетов процентного содержания позволило получить данные о распределении и зависимостях исследуемых характеристик.

В объединенной базе данных слов, чьи ЛСВ вступают/не вступают в синонимические отношения, содержится 126846 слов, охарактеризованных по параметрам: полисемия, часть речи, вступление/невступление в омонимические отношения, объём омонимической группы, вступление/невступление ЛСВ слова в синонимические отношения, доминанта(ы) синонимической группы (групп) в которые входят ЛСВ слова; количество стилистических помет классов «разговорное», «устаревшее», «местное», общая сумма стилистических помет; отнесенность смысла, выражаемого ЛСВ слова к той или иной денотативной сфере/области/группе по пяти уровням тезаурусной классификации.

В базах данных слов, чьи ЛСВ вступают и не вступают в синонимические отношения, содержится 28617 слов и 98229 слов соответственно, охарактеризованные по вышеперечисленным параметрам. Данные базы используются для сопоставления характеристик слов, чьи ЛСВ вступают и не вступают в синонимические отношения.

В базе данных ЛСВ, вступающих в синонимические отношения, передающей (с некоторыми изменениями) картину синонимии словаря Л. Г. Бабенко, содержится 44561 единица, входящая в 7848 синонимических групп. Данные этой базы использовались для детального рассмотрения взаимосвязи объёма синонимических групп и ранее перечисленных характеристик. Единицы охарактеризованы по всем предыдущим параметрам, а также по объёму синонимических групп, в которые входит ЛСВ слова.

Исследование синонимии во взаимосвязи с рядом всех вышеперечисленных системно-значимых характеристик лексики на таком представительном материале (в объединенной базе на основе совмещения данных двух словарей находится 126846 единиц) ранее не проводилось, что определяет актуальность и новизну данной работы.

4. Результаты исследования

1. Распределение всех ЛСВ-синонимов по денотативным областям

Большинство значений, вступающих в синонимические отношения, связаны со смысловой антропоцентрической сферой, физической или социальной деятельностью человека, его восприятием или оценкой окружающего мира, его субъективной категоризацией действительности.

Анализ распределения всех ЛСВ-синонимов по денотативным сферам показал, что к денотативной сфере «Мир человека» относятся 90,42% всех представленных в «Словаре» Бабенко синонимичных ЛСВ, к сфере «Живая природа» относится только 7,38%, а к сфере «Неживая природа» — 2,21% всех ЛСВ.

2. Денотативные области, покрываемые ЛСВ, и объём синонимических групп, в которые вступают данные ЛСВ

Значения, покрывающие относительно более абстрактные смысловые области, те смысловые категории, которые стоят на относительно более высокой ступени классификации тезауруса, тяготеют к вступлению в синонимические группы большего объёма.

Анализ распределения значений, покрывающих разные денотативные области, по объёмам синонимических групп, в которые входят данные значения, показал, что среди ЛСВ денотативных групп «Универсальные представления, смыслы и отношения», «Эмоции», «Оценка», «Речь» большая часть ЛСВ вступает в 9–16членные сингруппы. Напротив, среди ЛСВ более специфических денотативных областей, таких, как, например, «Нации» и «Населенный пункт» большая часть вступает в менее объёмные — двучленные и 3–4членные сингруппы.

Данные результаты могут быть объяснены с позиций МЖЦЗ. ЛСВ, покрывающие более абстрактные смысловые области, имеют в своем составе меньшее количество специфических компонентов, чем ЛСВ, покрывающие менее абстрактные смысловые области, что увеличивает вероятность совпадения этими компонентами с компонентами значений других слов, т.е. увеличивает вероятность вступления этих значений в синонимические отношения.

3. Денотативные области ЛСВ и величина полисемии слов, которым они принадлежат

Относительно более полисемичные слова должны своими ЛСВ покрывать наиболее антропоцентричные, наиболее приближенные к человеку разделы жизненного тезауруса. Наибольшее процентное содержание значений слов высокой полисемии, 9–16значных слов, наблюдается среди значений наиболее абстрактных смысловых областей, таких как «Универсальные представления, смыслы...», «Восприятие окружающего мира», «Социальная деятельность человека». Слова высокой полисемии — это, как правило, слова более старые и поэтому обладающие относительно более абстрактными значениями. Что и ассоциирует их с самыми общими антропоцентричными разделами жизненного тезауруса.

4. Денотативные области ЛСВ и часть речи слов, которым они принадлежат

Среди значений денотативной сферы «Мир человека» наблюдается наименьшее по сравнению со сферами «Живая природа» и «Неживая природа» процентное содержание ЛСВ существительных (46%) и, наоборот, наибольшее процентное содержание ЛСВ глаголов (37,87%) и наречий (8,80%) (см. рис. 1). Среди значений сферы «Мир человека» наибольшее процентное содержание ЛСВ существительных наблюдается среди ЛСВ денотативных областей «Нации» (70,32%), «Социальная деятель-

ность» (56, 86%), Сверхъестественное (53,72%), «Быт» (53,55%), «Населенный пункт» (50,83%).

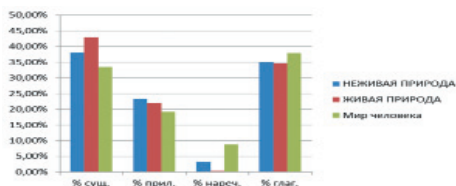

Рис. 1. Распределение ЛСВ, покрывающих разные смысловые области, по частям речи слов, которым принадлежат данные ЛСВ
% от всех ЛСВ, покрывающих данную смысловую область

5. Частеречная принадлежность слова и величина полисемии

Анализ распределения слов разных частей речи по величине полисемии показал, что служебные и признаковые части речи (глаголы, прилагательные) склонны к средней и высокой величине полисемии, существительные являются наименее полисемичными (см. рис.2).

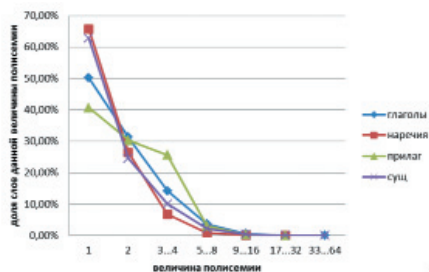

Рис. 2. Распределение процентного содержания слов разной величины полисемии среди существительных, глаголов, прилагательных и наречий
(% от всех слов данной части речи)

6. Частеречная принадлежность слова и вступление/невступление его ЛСВ в синонимические отношения

Среди глаголов, наречий и прилагательных наблюдается более высокое процентное содержание слов с ЛСВ-синонимами по сравнению с существительными, что подтверждает гипотезу о большей синонимичности значений более признаковых, более категориально абстрактных частей речи (см. рис.3).

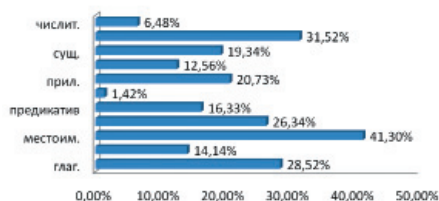

Рис. 3. Процентное содержание слов с ЛСВ-синонимами среди слов разных частей речи (% от всех слов данной части речи)

7. Частеречная принадлежность слова и объём синонимических групп, в которые слово входит своими ЛСВ

С увеличением объема синонимических групп увеличивается процентное содержание в них значений местоимений, частиц, междометий, союзов и глаголов. Зато последовательно должно уменьшаться процентное содержание значений существительных. Анализ распределения значений, входящих в синонимические группы разного объёма, по частям речи слов, которым они принадлежат, демонстрирует, что значения существительных преобладают в синонимических группах наименьшего объёма — двучленных, и, наоборот, значения глаголов преобладают в синонимических группах наибольшего объёма (начиная с 9–16членных групп) (см. таблицу 1).

Таблица 1. Распределение ЛСВ, вступающих в синонимические группы разного объёма, по принадлежности к словам той или иной части речи (данные по обобщенным объёмам групп) % — от всех ЛСВ синонимических групп данного объёма

объем сингруп пы	всего лсв в сингруп пах данного объема	сущ.	сущ. %	прил. %	нар еч.	наре ч. %	приде катив	пред икат%	глагол.	глагол. %	числ ит.	числ т. %	мест оим. %	место им. %	союз %	пре длог	част лог	части ца %	ме жд.	меж д. %			
																					1901	57,29%	757
3..4	8746	4013	45,88%	2053	23,47%	851	9,73%	19	0,22%	1774	20,28%	2	0,02%	11	0,13%	11	0,13%	1	0,01%	9	0,10%	2	0,02%
5..8	14259	5212	36,55%	2923	20,50%	1235	8,66%	23	0,16%	4768	33,44%	8	0,06%	23	0,16%	15	0,11%	2	0,01%	19	0,13%	31	0,22%
9..16	12634	3139	24,85%	2350	18,60%	999	7,91%	19	0,15%	6075	48,08%	20	0,16%	11	0,09%	1	0,01%	9	0,07%	11	0,09%		
17...32	4688	924	19,71%	594	12,67%	199	4,24%	6	0,13%	2950	62,93%	6	0,13%	1	0,02%			7	0,15%	1	0,02%		
33...64	780	77	9,87%							703	90,13%												
65...128	136									136	100,00%												
Всего ЛСВ	44561	15266		8677		3589		78		16741		11		62		40		4		46		47	

8. Полисемия — синонимия. Величина полисемии слова и вступление/невступление его ЛСВ в синонимические отношения

С увеличением полисемии склонность вступления значений слова в синонимические отношения растет. Так, анализ распределения значений слов с ЛСВ-синонимами/несинонимами по величине полисемии слов, которым они принадлежат, показал, что среди значений слов, чьи ЛСВ не вступают в синонимические отношения, преобладают значения однозначных слов (составляют 36,03%). Среди значений слов с ЛСВ-синонимами значений однозначных слов значительно меньше (19,02%). Зато для всех следующих зон полисемии значения с ЛСВ-синонимами показывают большую величину полисемии (см. рис. 4).

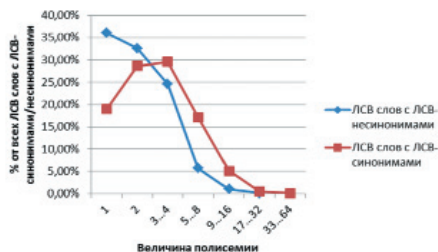

Рис. 4. Распределение значений слов с ЛСВ-синонимами/несинонимами по величине полисемии слов, которым они принадлежат (% от всех значений слов с ЛСВ-синонимами/несинонимами)

8. Величина полисемии слова и объём синонимических групп, в которые оно входит своими ЛСВ

С увеличением объема синонимических групп увеличивается процентное содержание в них слов высокой полисемии. Анализ распределения ЛСВ, вступающих в сингруппы разного объема, по величине полисемии слов, которым они принадлежат, показал, что ЛСВ однозначных слов составляют большую часть ЛСВ, вступающих в синонимические группы всех объемов, кроме 17–32членных и 65–128членных, однако с увеличением объема синонимических групп, процентное содержание ЛСВ однозначных слов последовательно уменьшается (с 40,45% среди ЛСВ однозначных слов до 31,19% среди ЛСВ 17–32значных). Процентное содержание ЛСВ 3–4значных, 5–8значных, 9–16значных и 17–32значных слов, в целом, увеличивается с увеличением объема синонимических групп (см. таблицу 2).

Таблица 2. Распределение ЛСВ, вступающих в синонимические группы разного объема, по величине полисемии слов, которым они принадлежат (% от всех ЛСВ, вступающих в сингруппу данного объема)

объем сингруп пы	Всего														
	ЛСВ	1	% 1	2	% 2	3...4	% 3...4	5...8	% 5...8	9...16	% 9...16	17...32	% 17...32	33...64	% 33...64
2	3318	1342	40,45%	974	29,36%	718	21,64%	232	6,99%	46	1,39%	4	0,12%	2	0,06%
3...4	8746	3200	36,59%	2628	30,05%	1908	21,82%	808	9,24%	184	2,10%	16	0,18%	2	0,02%
5...8	14259	5061	35,49%	4257	29,85%	3163	22,18%	1405	9,85%	345	2,42%	24	0,17%	4	0,03%
9...16	12634	4191	33,17%	4008	31,72%	2866	22,68%	1249	9,89%	296	2,34%	20	0,16%	4	0,03%
17...32	4688	1462	31,19%	1505	32,10%	1071	22,85%	538	11,48%	95	2,03%	14	0,30%	3	0,06%
33...64	780	257	32,95%	236	30,26%	172	22,05%	85	10,90%	30	3,85%				
65...128	136	41	30,15%	46	33,82%	33	24,26%	12	8,82%	4	2,94%				
Всего															
ЛСВ	44561	15554		13654		9931		4329		1000		78		15	

9. Величина полисемии слова и стилистическая маркированность его ЛСВ

Чем меньше полисемия слова, тем более вероятно, что доля стилистически маркированных значений, у таких слов должна превышать долю среди значений слов большей полисемии.

Анализ распределения значений слов разной полисемии по наличию/отсутствию маркированности пометой «разговорное» демонстрирует (см. рис. 5), что наибольшее процентное содержание ЛСВ, маркированных пометой «разговорное», наблюдается среди ЛСВ однозначных слов. Затем с увеличением полисемии процентное содержание ЛСВ, маркированных пометой «разговорное», сначала падает, а затем снова растёт (в зоне ЛСВ 5–8значных слов). Уменьшение степени стилистической

маркированности ЛСВ пометой «разговорное» объясняется тем, что с увеличением возраста слова и, соответственно, возрастанием полисемии слова, значения слова теряют свои наиболее специфические компоненты, требующие некоторых ограничений в сфере употребления этих значений (например, сферой неформального устного общения), приводящих к функционально-стилистической (а не субъективно-оценочной маркировке) его ЛСВ. Последующий рост процентного содержания ЛСВ, маркированных пометой «разговорное», после достижения словом определенной величины полисемии, объясняется процессом *субъективизации* значений слова по мере увеличения частоты употребления значений в коммуникации.

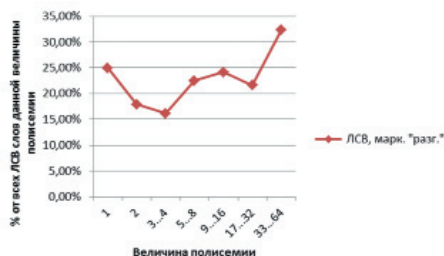

Рис. 5. Процентное содержание ЛСВ, маркированных пометой «разговорное» среди ЛСВ слов разных величин полисемии (данные для всех ЛСВ базы данных, % от всех ЛСВ слов данной величины полисемии)

Наибольшее процентное содержание ЛСВ, маркированных пометами «устаревшее» и «местное» также наблюдается среди ЛСВ однозначных слов. Далее, с увеличением полисемии процентное содержание ЛСВ с данными пометами уменьшается.

10. Стилистическая маркированность ЛСВ слова и вступление/невступление его ЛСВ в синонимические отношения

Помета «разговорное»

ЛСВ слов, вступающие в синонимические отношения, в большей степени маркированы стилистической пометой «разговорное», чем ЛСВ, не вступающие в синонимические отношения. Так, среди ЛСВ слов, чьи значения не вступают в синонимические отношения, пометой «разговорное» маркированы **18,77%** от ЛСВ данных слов. Среди ЛСВ слов, чьи значения вступают в синонимические отношения, маркированы по-

метой «разговорное» **23,88%** от ЛСВ таких слов. Большая маркированность ЛСВ слов с ЛСВ-синонимами объясняется процессом субъективизации значений, на основе которого они и смогли более активно синонимизироваться с другими значениями. Помета «разговорное» часто связана с теми или иными субъективными — эмоциональными, разговорно-сниженными оценками тех или иных событий, лиц, положений, отношений между людьми при параллельном этому обозначению того или иного денотата (см. например, ряд «лицо, рожа, ряха, морда, рыло ...») и т. п.).

Помета «устаревшее»

Среди ЛСВ слов, чьи значения не вступают в синонимические отношения, пометой «устаревшее» маркировано 4,29% от ЛСВ данных слов. Среди ЛСВ слов, чьи ЛСВ вступают в синонимические отношения, данной пометой маркировано 4,31%.

Помета устарелости не несёт никакой особой экспрессивно-эмоциональной нагрузки и поэтому используется безразлично к синонимическому потенциалу устаревших значений.

Помета «местное»

Среди ЛСВ слов, чьи значения не вступают в синонимические отношения, пометой «местное» маркировано 1,16% от ЛСВ данных слов. Среди ЛСВ слов, чьи значения вступают в синонимические отношения, данной пометой маркировано 246 ЛСВ, что составляет 0,39%. Таким образом, помета «местное», по этим данным, не пользуется особой популярностью при противопоставлении членов синонимических рядов.

Сопоставление доли ЛСВ с пометами «разговорное», «устаревшее», «местное» среди всех стилистически маркированных значений слов, чьи ЛСВ вступают и не вступают в синонимические отношения

Процентное содержание ЛСВ, маркированных пометой «разговорное», среди всех стилистически маркированных значений слов с ЛСВ-синонимами больше, чем среди всех стилистически маркированных слов с ЛСВ-несинонимами (составляет 83,55% при 77,51% у последних), см. рис. 6. Процессу субъективизации более интенсивно подвергаются значения, часто употребляемые в коммуникации, а это, в свою очередь, происходит после достижения значением определенного уровня абстрактности, выпадения из значения в ходе его абстрактивизации наиболее

специфических компонентов. Значения слов с ЛСВ-синонимами в большей степени обладают таким уровнем абстрактности и субъективности, чем значения слов с ЛСВ-несинонимами. Это и объясняет большую степень маркированности пометой «разговорное» таких значений.

Доля значений, маркированных пометами «устаревшее» и «местное» среди значений слов с ЛСВ-несинонимами несущественно больше, чем среди значений слов с ЛСВ-синонимами. Гипотеза А. А. Поликарпова: среди устаревших и территориально ограниченных ЛСВ в языке должны в большей степени быть представлены существительные и прилагательные (т. е. слова, несущие в себе семантику предметности-конкретности) как более надёжные носители флёра устарелости и определённости по территории происхождения. Слова с предметными ЛСВ в меньшей степени способны к синонимизации, чем слова с качественными ЛСВ, возможно, этим и объясняется большая маркированность ЛСВ слов с ЛСВ-несинонимами пометами «устаревшее» и «местное».

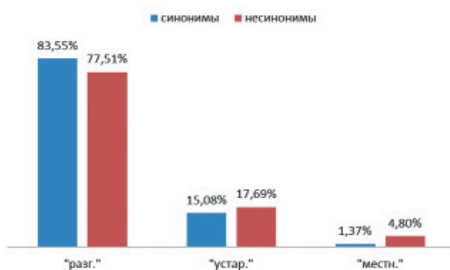

Рис. 6. Процентное содержание ЛСВ, маркированных пометами «разг.», «устар.», «местн.» среди всех стилистически маркированных ЛСВ слов, чьи ЛСВ вступают/не вступают в синонимические отношения % от всех стилистически маркированных ЛСВ слов с ЛСВ-синонимами/несинонимами

11. Стилистическая маркированность ЛСВ слова, величина полисемии слова и вступление/невступление его ЛСВ в синонимические отношения

Распределение значений слов разной полисемии, чьи ЛСВ вступают/не вступают в синонимические отношения, по наличию/отсутствию маркированности пометой «разговорное» демонстрирует, что в любом диапазоне полисемии синонимичные ЛСВ оказываются, как и ожидалось, более маркированными разговорными пометами, чем несинонимич-

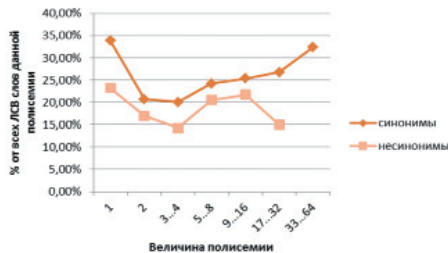
ные ЛСВ слов (рис. 7). Это объясняется тем, что значения слов с ЛСВ-синонимами в большей степени приобретают субъективно-оценочные компоненты, влекущие за собой некоторые ограничения употребления этих значений.

Рис. 7. Процентное содержание ЛСВ, маркированных пометой «разг.» среди ЛСВ слов разных величин полисемии: сопоставление результатов для ЛСВ слов, чьи значения вступают/не вступают в синонимические отношения
% от всех ЛСВ слов данной величины полисемии, значения которых вступают/не вступают в синонимические отношения

Данный вывод подтверждает и обратное распределение — распределения по полисемическим зонам маркированных значений, чьи ЛСВ вступают/не вступают в синонимические отношения (см. рис. 8).

ЛСВ с пометой «разговорное» составляют больший процент среди всех ЛСВ однозначных слов, вступающих в синонимические отношения, чем среди всех ЛСВ однозначных слов, не вступающих в синонимические отношения. Даже ЛСВ однозначных слов с ЛСВ-синонимами, вероятнее всего, должны иметь в своем составе достаточное количество субъективно-оценочных компонентов, и, соответственно, могут быть в большей степени маркированы пометой «разговорное».

Рис. 8. Распределение ЛСВ, маркированных пометой «разг.», по величине полисемии слов, которым они принадлежат: сопоставление результатов для ЛСВ слов, чьи значения вступают/не вступают в синонимические отношения % от всех ЛСВ, маркированных пометой «разг.», которые принадлежат словам с ЛСВ-синонимами/несинонимами

12. Стилистическая маркированность ЛСВ слова и его частеречная принадлежность

ЛСВ глаголов и наречий в большей степени маркированы пометой «разговорное», чем ЛСВ существительных (28,03% среди ЛСВ глаголов, 24,46% среди ЛСВ наречий и 19,55% среди ЛСВ существительных — данные для всех ЛСВ слов базы данных). Большая маркированность пометой «разговорное» ЛСВ глаголов и наречий по сравнению с маркированностью ЛСВ существительных может быть объяснена процессом субъективизации. Глаголы и наречия — слова с относительно более абстрактными значениями, чем существительные, они, в среднем, чаще употребляются в коммуникативных актах и склонны к большей «пропитке» субъективно-оценочными компонентами, и поэтому в большей степени склонны к синонимическим противопоставлениям субъективного плана (и, следовательно, разговорной маркированности).

Пометой «устаревшее» наиболее маркированы ЛСВ существительных (5,59% ЛСВ маркировано среди ЛСВ существительных и 3,83% среди ЛСВ наречий, 3,08% среди ЛСВ глаголов).

Пометой «местное» в большей степени маркированы ЛСВ частиц и существительных (1,58% среди ЛСВ существительных при 0,55% ЛСВ глаголов и 0,46% ЛСВ наречий).

13. Стилистическая маркированность ЛСВ слова, его частеречная принадлежность и вступление/невступление его ЛСВ в синонимические отношения

Значения существительных, прилагательных, глаголов, междометий и местоимений, которые имеют ЛСВ-синонимы, в большей степени маркированы пометой «разговорное» по сравнению со значениями слов данных частей речи, которые не имеют ЛСВ-синонимов.

Подтверждением данного прогноза является наш анализ распределения слов разных частей речи, чьи ЛСВ вступают/не вступают в синонимические отношения, по наличию у их ЛСВ маркированности пометой «разговорное» (см. рис. 9).

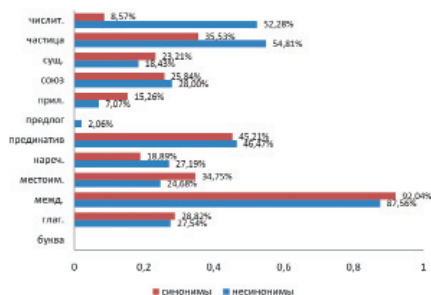

Рис. 9. Сопоставление процентного содержания ЛСВ, маркированных пометой «разговорное», среди ЛСВ слов разных частей речи, чьи значения вступают/не вступают в синонимические отношения % от всех ЛСВ слов данной части речи, чьи значения вступают/не вступают в синонимические отношения

Кроме того, распределение всех стилистически маркированных ЛСВ слов разных частей речи, чьи ЛСВ вступают/не вступают в синонимические отношения показало, что доля ЛСВ, маркированных пометой «разговорное», среди всех маркированных ЛСВ глаголов, прилагательных и существительных, чьи значения вступают в синонимические отношения, выше по сравнению с долей таких ЛСВ слов данных частей речи с ЛСВ-несинонимами.

5. Заключение

Проведённый в настоящей работе анализ экспериментальных данных в целом подтвердил справедливость выдвинутых для проверки гипотез. Обнаруживаемое «скольжение» характеристик синонимии и полисемии лексических единиц «по наклонной плоскости реальности» оказывается тесно согласованным между собой, а также с денотативно-смысловыми, категориально-грамматическими и стилистическими свойствами слов. Наличие данных взаимосвязей системных характеристик лексики, в свою очередь, может быть объяснено с позиций Модели жизненного цикла знака.

Литература

- Бабенко Л. Г. Словарь-тезаурус синонимов русской речи. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.
- Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. Москва: Русский язык, 1996.

- Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Москва: 1965. Вып. 3. С. 85–93.
- Малаховский Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии (на материале английского языка) // 1989.
- Мельников Г. П. Системный подход в лингвистике // Системные исследования. Ежегодник 1972. Москва: 1972.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва, 1972. Вып. 9 под ред. Н. Ю. Шведовой. 848 с.
- Поликарпов А. А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент. АДД. — М., 1998.
- Поликарпов А. А. Закономерности образования новых слов: моделирование процесса и его экспериментальное исследование // Язык. Глагол. Предложение. К 70-летию Георгия Георгиевича Сильницкого. Смоленск: 2000. С. 211–227.
- Поликарпов А. А. Когнитивное моделирование циклических процессов в становлении лексической системы языка. // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике. TEL – 2001. (Казань 25 — 28 октября 2001) Казань: , 2001. С. 57–99.
- Поликарпов А. А. Системная зависимость степени сохранности древнерусских слов в современном русском языке от их возраста, категориальной принадлежности, частоты и полисемии // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте / Под общ. ред. В. А. Кочергиной. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2007а. С. 232–260.
- Поликарпов А. А. Системно-квантитативный подход в лингвистике // Филологические школы и их роль в систематизации научных исследований Филология. Смоленск: Маджента, 2007б. С. 35–59.
- Поликарпов А. А. Системно-квантитативный анализ многозначности лексики китайского языка в её взаимосвязи со структурными и стилистическими характеристиками // Известия Смоленского государственного университета. 2009. № 4 (8). С. 133–152.
- Поликарпов А. А. Модель жизненного цикла знака: к теоретическим основаниям исторической лексикологии и дериватологии // Славянская лексикография. Международная коллективная монография. Москва: Азбуковник, 2013. С. 235–264.
- Поликарпов А. А., Крюкова О. С. О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1989. С. 111–125.
- Поликарпов А. А., Курлов В. Я. Стилистика, семантика, грамматика: опыт анализа системных взаимосвязей // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 62–75.

- Поликарпов А. А., Поддубный В. В. Диссипативная стохастическая динамическая модель развития языковых знаков // Компьютерные исследования и моделирование. 2011а. С. 103–124.
- Поликарпов А. А., Поддубный В. В. Вывод закона синхронного полисемического распределения языковых знаков на основе диссипативной стохастической динамической модели эволюции знаковых ансамблей // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании (под общей редакцией В. А. Кочергиной). Москва: Добросвет, 2011б. С. 182–190.
- Поликарпов А. А., Селезнева-Елецкая А. А. Степень абстрактности и субъективности смыслов: факторы варьирования степени сохранности во времени их лексических обозначений в индоевропейских языках // Сравнительно-историческое исследование языков: Современное состояние и перспективы. / Составитель В. А. Кочергина. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 327–376.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Москва: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935.
- Чернейко Л. О. К вопросу о критериях выделения синонимов // Сборник за филологију и лингвистику, XXV1/2 за 1983. Нови-Сад. С. 27–42.
- Чернейко Л. О. Лингвофилософий анализ абстрактного имени. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. Вып. 2. 272 с.
- Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. Москва: Наука, 1973.
- Poddubny V. V., Polikarpov A.. Stochastic Dynamic Model of Evolution of Language Sign Ensembles. Belgrad: University of Belgrade and Academic Mind Publishers, 2013. P. 69–83.
- Polikarpov A. Cognitive Model of Lexical System Evolution and its Verification // 2001.
- Polikarpov A. A Model of the Word Life Cycle // Contributions to Quantitative Linguistics / Ed. by R. Koehler, B.B. Rieger. Dordrecht: Kluwer, 1993. P. 53–66.

The Investigation Of Systemic Interrelationship Between Synonymy Of Lexical Units Of Russian Language And Their Semantic And Grammatical Characteristics

D.A. Ivanova (Russia, Moscow), piligrim23@rambler.ru

Key words: systemic linguistics, lexical synonymy, semantic and grammatical characteristics, systemic regular dependences, language sign.

Summary: An experimental investigation of the interrelationships between synonymy and polysemy, homonymy, and part of speech's characteristics is undertaken. The hypotheses about the interrelationship are based on the implications from the Model of Sign's life Cycle by Anatoliy A. Polikarpov. The analysis of the results proved in general the high actuality of the chosen theoretical model.

Лексическое и грамматическое в слове

Г. О. Каримова (Казахстан, Кокшетау), k_gulmira@list.ru

Ключевые слова: лексические элементы, грамматические элементы, оппозиция «грамматика — словарь», гиперлексема.

Аннотация: В статье рассматривается проблема взаимоотношения лексических и грамматических элементов в слове. Оппозиция грамматика (типовое) и словарь (единичное) связана с разграничением процессов словоизменения и словообразования. Начиная с работ В. В. Виноградова и А. И. Смирницкого тезис о неразрывном единстве лексического и грамматического в слове является, методологической посылкой, обусловленной онтологическими свойствами этой единицы. Введение в лингвистический обиход понятия гиперлексема позволяет представить лексическую информацию, заложенную в слове, в наиболее чистом виде, в отвлечении от каких бы то ни было категориально-грамматических характеристик, свойственных лексеме, а тем более реляционно-грамматических характеристик, свойственных словоформе.

Проблему взаимоотношения лексических и грамматических элементов в слове можно отнести к числу тех проблем, которые невозможно обойти никому, кто сколько-нибудь серьезно занимается исследованием языка. Именно поэтому исследование взаимодействия грамматических и лексических значений в слове имеет свою давнюю историю.

Еще Н. И. Греч в своей «Пространной русской грамматике» пытался установить границу между словообразованием лексикологическим и словообразованием морфологическим. Он делил все производные слова на «собственно производные» и «второобразные». «Сие разделение, — писал Н. И. Греч, — сделано нами для проведения черты, отделяющей собственно Грамматику от Лексикографии: правила составления второобразных слов излагаются в Грамматике, исчисление производных есть дело Словаря» [Греч 1830: 407].

Противопоставление словаря и грамматики, предложенное Н. И. Гречем, при всех недостатках, которые могут быть в нем вскрыты современной лингвистической мыслью, все же является отправной точкой для целого ряда положений, совокупность которых и составляет

проблему взаимоотношения лексических и грамматических элементов в слове.

В первую очередь, оппозиция грамматика (типовое) и словарь (единичное) связана с разграничением процессов словоизменения и словообразования, т. е. с решением вопроса о том, что в языке считать формами одного и того же слова и относить, следовательно, к изменению слов, и что признавать отдельным самостоятельным словом и относить к образованию слов.

Ф.Ф. Фортунатов и его последователи различали формы словоизменения и формы словообразования, исходя прежде всего из общего характера значения этих форм в предложении. Формы словоизменения противопоставлялись формам словообразования как синтаксические категории, «обозначающие зависимость одних слов в речи» от других, категориям несинтаксическим, «не обозначающим такую зависимость» [Фортунатов 1956: 155].

И.А. Бодуэн де Куртенэ в вопросе о форме слова и принципах различения форм словоизменения и форм словообразования не разделял взглядов фортунатовской школы, считая их проявлением крайнего морфологизма.

Существеннейшим признаком форм словоизменения И.А. Бодуэн де Куртенэ считал невыводимость форм одной из другой. «Нельзя говорить, что известная форма данного слова служит первоисточником для всех остальных и в них «переходит». Разные формы известного слова не образуются вовсе одна от другой, а просто сосуществуют. Конечно, между ними устанавливается известная психическая связь, и они друг друга обуславливают, но с одинаковым правом мы можем говорить, что форма вода переходит в форму воду, как и наоборот, форма воду в форму вода» [Бодуэн де Куртенэ, Чернышев 1907: 495]. Таким образом, формы словоизменения всегда равноправны, ни одна из них, ни по значению, ни по форме, не может быть названа производящей или производной. Следовательно, в словоизменительных парадигмах склонения или спряжения все формы считаются равноправными, каждая из них выражает особую грамматическую категорию. Одна из этих форм (обычно самая короткая) условно принимается за основную в парадигме. Ею пользуются как лексикографическим определением слова и как представителем парадигмы в целом.

И. А. Бодуэн де Куртенэ среди форм слова выделял: а) формы, «воспроизводимые в своем цельном составе», «повторяющиеся чисто автоматически». Таковы, например, формы склонения личных местоимений, формы склонения часто употребительных имен вообще, формы спряжения часто употребляемых глаголов; б) формы, «возникающие путем производства, путем решения своеобразной пропорции». Об этих формах он писал: «Получив, например, образец типа спряжения глаголов вроде *веду/ведешь/ведет/ведем/ведут* ..., нам достаточно знать две формы, например, от глагола *несу, несем*, чтобы вполне «правильно» дополнить творческим способом все остальное: *несешь, несет, несете, несут*» [Бодуэн де Куртенэ 1917: 177].

О «творческой силе производства некоторых форм» неоднократно писал и Н. В. Крушевский: «Если нам нужна форма, составляющая член какой-нибудь системы, то мы имеем возможность бессознательно и мгновенно произвести ее от той же основы, которую мы лучше помним, по типу, который нами бессознательно отвлечен от целой массы однородных с требуемой формой» [Крушевский 1883: 109]. Развивая это положение дальше, он рассуждал: «Благодаря частому употреблению многие типы так прочно устанавливаются в языке, что в силе своей, так сказать, сцепляемости не уступают формам склонения или спряжения; так например, при суффиксе *-ный (-ной)* и основами с конечными заднеязычными будут образовываться прилагательные с *ж, ч, ш* (подкожный, ручной, душевный) с таким же постоянством, с каким при именительном падеже единственного числа *отец* и *т. п.* будет образовываться именительный падеж множественного числа *отцы* и *т. п.*» [Крушевский 1883: 122]. Это суждение Н. В. Крушевского послужило источником для целого ряда положений, постулирующих наличие определенного параллелизма, аналогии между формами словоизменения и формами словообразования, и было положено в основу концепции, согласно которой представляется естественным описывать регулярные словообразовательные факты правилами того же типа, что и факты словоизменения.

Впрочем, Л. В. Щерба усматривал аналогию между формами словоизменения и формами словообразования еще и в том, что и в той и другой области мы можем наблюдать так называемые «единичные» и «типовые» явления. «Так, в русском языке спряжение глагола *дать*

в форме настоящего и будущего времени оказывается явлением единичным, не находящем себе аналогов в русском глаголе, а потому его можно назвать словарным фактом. Спряжение же глагола варить в том же времени оказывается типовым, поскольку по этому типу спрягается бесконечное количество глаголов в русском языке» [Щерба 1947: 88]. Аналогичную картину мы наблюдаем и в области словообразования: все идиоматичные образования относятся к единичным явлениям и описываются в словаре, а регулярные образования относятся к типовым явлениям и должны быть описаны в общих грамматических правилах.

С именами Л. В. Щербы и В. В. Виноградова связывают пересмотр основных положений фортунатовской школы. Противопоставление формообразования и словообразования проводится ими на фоне двух понятий и двух терминов — слова и лексемы («т.е. лексической единицы языка как системы форм и функций» [Щерба 1947: 34]), или формы слова и слова. Область формообразования относится к морфологии слова, область словообразования — к морфологии лексемы. Место противопоставления «словоизменение — словообразование» заняла оппозиция «формообразование — словообразование». Понятие формообразования, введенное Л. В. Щербой и В. В. Виноградовым, вышло за рамки флексии слов, оно включает в себя и сложные формы, а также формы префиксации, суффиксации, чередования.

Так, В. В. Виноградов к словообразованию имен существительных относил не только уменьшительные образования в узком смысле, но и всю группу суффиксальных образований со значением субъективной оценки (уменьшительные, увеличительные, ласкательные, уничижительные, пренебрежительные и т. д.). К формообразованию имен прилагательных он относил не только обычные степени сравнения, их аналитические эквиваленты, но и усилительные типа предобрый, прескверный, формы субъективной оценки качества: желтоватый, желтенький, желтехонький и т. п. К формообразованию глаголов относятся, кроме форм времени, наклонения, инфинитива, причастия, деепричастия, также видовые и залоговые формы, имеющие соотносительный характер, как хорошеть — похорошеть, слабость — ослабеть, надевать — надеть, изучать — изучаться, брить — бриться и др. В статье «О форме слова» В. В. Виноградов при условии семантического тождества глаголов видовой пары считал возможным и пары типа делать

— сделать, петь — спеть (образованных путем префиксации), и пару типа выиграть — выигрывать (имперфективация) и даже пару типа брать — взять (супплетивизм) рассматривать как две формы одного глагола. Формами одного и того же слова признаются, например, и такие, как ласкательная форма родительного падежа щец (от щи — шей), обороты типа возьму и скажу (форма слова сказать), а также (предположительно) сидит-сидит, синий-синий, едва-едва и т. п. [Виноградов 1944: 36 — 40].

Таким образом, понятия формообразования в концепции В. В. Виноградова и Л. В. Щербы охватывает широкий и неоднородный круг образований, далеко выходящих за пределы собственно словоизменения.

Наряду с таким расширительным пониманием проблематики формообразования — словоизменения в лингвистике существует тенденция к ограничению состава форм одного слова, что сочетается со скептическим и отрицательным отношением к понятию формообразования. Особенно четко она прослеживается в работах П. С. Кузнецова и Н. А. Янко-Триницкой. «Некоторые лингвисты (Л. В. Щерба, вслед за ним В. В. Виноградов), — писал П. С. Кузнецов, — вводят понятие формообразования как отличное от словообразования и словоизменения и более широкое, чем словоизменение, включая в него различные категории образования форм слов. Но это понятие характеризуется порой очень туманными и расплывчатыми признаками, и достаточных оснований к тому, чтобы заменить им четко определенное понятие, словоизменение, не имеется» [Кузнецов 1961: 41]. Н. А. Янко-Триницкая считала, что получивший широкое распространение термин «формообразование» не помогает разрешить сомнения в вопросе разграничения форм словоизменения (формообразования) и форм словообразования, да и сам термин, по ее мнению, «не получил достаточного обоснования, в силу чего его часто употребляют как полностью совпадающий с термином «словоизменение» вместо последнего или наряду с ним» [Янко-Триницкая 1959: 41].

В самом деле, если формообразование, как и словоизменение, базируется на понятии системы форм одного слова, то есть ли основания сохранять двойственность терминов? Если же формообразование шире, чем словоизменение, то на чем основано ограничение формообразования кругом форм одного слова?

Выход из этого круга, на наш взгляд, заключается в освобождении понятия формообразования от ограничения его формами одного слова.

Важный шаг в этом направлении был сделан А. А. Реформатским, который предложил следующее решение: изменение реляционного значения в случаях типа *стол-ик* охватывается словоизменением; изменения деривационного значения — *стол-ик* — охватывается словообразованием; «... и то, и другое — формобразование: словоизменение и словообразование» [Реформатский 1967: 252].

Точке зрения А. А. Реформатского близка концепция А. В. Бондарко, по мнению которого термин *формобразование* следует понимать буквально как название для всех процессов образования форм. В таком случае граница между образованием форм одного слова (словоизменением) и форм разных слов, возникающих вследствие словообразования, проходит внутри области формобразования.

Основным требованием, предъявляемым к формам одного и того же слова, является тождество лексического значения и обязательное наличие грамматической регулярности формобразования. На признаке регулярной коррелятивности форм одного и того же слова А. В. Бондарко строит общую типологию морфологических категорий. «Под коррелятивностью в данном случае подразумевается соотносительность всех членов данной категории (граммем) в рамках одного и того же слова» [Бондарко 1974: 25]. Морфологические категории дифференцируются на «последовательно коррелятивные» и «непоследовательно коррелятивные» категории. Первые представлены последовательными корреляциями форм одного и того же слова и «представляют ядро, специфический и «чистый» тип словоизменения». Вторые «представляют тот тип формобразования, для которого характерно совмещение коррелятивности с некоррелятивностью, широкое распространение несоотносительных образований» (например, несоотносительные глаголы совершенного и несовершенного вида; глаголы, выступающие только в активе; несоотносительные по числу существительные и т. п.). Парадигма непоследовательных коррелятивных категорий во многом зависит от лексики. Последовательно и непоследовательно коррелятивные категории отличаются и характером образования форм. Последовательные коррелятивные категории носят альтернативный характер, в их парадигме все формы находятся в равноправном положении, они последовательно чередуются. В парадигме непоследовательных коррелятивных категорий

формы производятся одна от другой, следовательно, носят деривационный характер.

Учитывая все эти характеристики, А. В. Бондарко считает, что «следует отнести к словоизменению, к системе форм одного слова не только формы наклонения, времени, лица, числа и рода (в прошедшем времени) глаголов; рода, числа, падежа прилагательных; падежа существительных, степени сравнения прилагательных и наречий (в той мере, в какой во всех этих случаях сохраняется соотносительность, тождество по крайней мере части лексических значений); грамматически регулярные видовые и залоговые корреляции (т. е. корреляции в области имперфативации, причастной пассивизации)» [Бондарко 1974: 25].

Таким образом, А. В. Бондарко выдвигает два важных основания для признания каких-либо форм формами одного слова: во-первых, соотносительность, тождество лексических значений (по крайней мере, их части) и, во-вторых, последовательность, регулярность процесса образования.

Регулярность образования присуща не только формам словоизменения. Как справедливо замечает Н. А. Янко-Триницкая, в языке существует «немалое количество форм словообразования, обладающих регулярностью форм словоизменения, с такой же языковой регламентацией регулярных отношений и отступлений» [Янко-Триницкая 1959: 43]. Е. А. Земская считает, что отсубстантивные прилагательные и деноминативные глаголы «близки формам производящего слова», их объединяет, в первую очередь, «свобода образований, близкая к регулярности производства форм склонения и спряжения» [Земская 1967: 103].

Вопрос о регулярности словообразовательных форм (производных слов) тесно связан с вопросом о степени грамматичности словообразования, об объеме и характере словообразовательных фактов, включаемых в грамматику. Если целью грамматики является построение правил порождения текста на данном языке, то в такую грамматику, наряду со словоизменятельными формами, должны войти все регулярные формально-семантические словообразовательные конструкции.

Несмотря на то, что семантическая сторона словообразовательной регулярности на многих участках пока еще остается не выясненной, большинство лингвистов говорят о возможности формализованного (т. е. эксплицитного и исчерпывающего) описания этого аспекта.

Предложенные А. А. Зализняком правила синтеза именных парадигм, т. е. «правила, позволяющие построить в соответствии с существующей литературной нормой парадигму любого русского имени» [Зализняк 1962: 3 — 4] представляются вполне удачным опытом в этом направлении. Вслед за А. И. Смирницким он различает два типа грамматических категорий: 1) те, по которым могут быть противопоставлены словоформы одного и того же слова, и 2) те, по которым могут быть противопоставлены только разные слова. Первые А. И. Смирницкий называл грамматическими (или собственно грамматическими) категориями, а вторые — лексико-грамматическими [Смирницкий 1956: 213]. А. А. Зализняк использует варианты этих терминов с незначительными изменениями: «Мы будем говорить, что грамматическая категория является словоизменительной для данной парадигмы, если в грамматических значениях, представленных в этой парадигме, встречается не менее двух разных граммем этой грамматической категории. Мы будем говорить, что грамматическая категория является классифицирующей для данной парадигмы, если в грамматических значениях, представленных в этой парадигме, встречается ровно одна граммема этой грамматической категории» [Зализняк 1962: 31]. Для того чтобы та или иная категория была признана словоизменительной, она должна удовлетворять двум требованиям — быть обязательной и регулярной. В соответствии с этими требованиями грамматическая категория числа имен существительных признается словоизменительной (т. к. число существительных в русском языке выражается обязательно и регулярно); причастия также рассматриваются в парадигме словоизменения прилагательных. Формы других частей речи не рассматриваются, т. к. книга А. А. Зализняка посвящена только именовому словоизменению.

Суждение о том, что словообразование в целом характеризуется тоже определенной морфологической и семантической регулярностью, что и словоизменение, послужило основанием для описания и тех и других явлений как результатов единого процесса морфологической деривации. Такой подход предполагает рассмотрение любой вторичной формы (независимо от того, падежная ли это форма какого-либо существительного или какой-нибудь отглагольный субстантив) как модификации одного и того же полнзначного корня. Этому способствует и то обстоятельство, что и словоизменение, и словообразование (по крайней мере, в русском

языке) имеет один — внутрисловный — способ выражения языковых значений.

Как различные проявления процесса морфологической деривации, рассматривает явления формообразования и словообразования Е. С. Кубрякова: «Если за исходную единицу деривации принять полнзначный корень, все его видоизменения, оставляющие данный корень в рамках слова, можно рассматривать как процессы морфологической деривации» [Кубрякова 1976: 516]. Такое понимание процессов формообразования и словообразования позволяет проводить границу между ними по линии противопоставления разных лингвистических единиц — формы слова, с одной стороны, и производного слова, с другой. Проблема размежевания формообразования и словообразования, по мнению Е. С. Кубряковой, «встает особенно остро применительно к однокоренным образованиям, ибо относительно каждого из них мы должны сказать, существуют ли они как формы одного слова или как разные слова» [Кубрякова 1976: 518]. Формы слова — это представители «одного и того же», и появление каждой из этих форм — «реализация одной сущности». Напротив, существенное отклонение от лексико-семантического единства — «доказательство возникновения нового слова» [Кубрякова 1978: 19]. Следовательно, в вопросе разграничения форм слова и производных слов Е. С. Кубрякова опирается на тезис В. В. Виноградова о том, что «сознание тождества слова покоится на понимании его семантического единства в многообразии его мыслимых видоизменений» [Виноградов 1944: 37]. Проблема формообразования и словообразования выведена на уровень функционирования единиц. Словообразование характеризуется по своей главной функции, как область создания нового слова, нового наименования, формообразование же — это область использования слова (в том числе и производного) в речи, тексте в соответствии с имеющимися в данном языке грамматическими правилами.

Е. С. Кубрякова указывает на существование двух разновидностей формообразования, «одну из которых мы именуем по традиции словоизменением, а другую словообразованием (или же формообразованием в узком смысле слова)» [Кубрякова 1978: 24]. Под основообразованием понимается «создание новой основы в грамматических целях» (например, *дел-/делај-*, образование основ причастий, степеней сравнения и т. п.). В словообразовании, в свою очередь, выделяются «процесс лек-

сического основообразования, результатом которого является появление основы с новым лексическим значением», и процесс словоизменения, «состоящий в использовании старой основы в новом качестве, в материально неизменном виде, но в составе нового класса слов» [Кубрякова 1978: 25].

Таким образом, деривационные процессы в морфологии создают либо разные слова, либо разные формы одного и того же слова. Е. С. Кубрякова предлагает использовать для разграничения форм слова и производных слов признак симметрии/асимметрии языковых структур исходных и результативных единиц номинации. «Это правило констатирует в краткой форме, что формам одного и того же слова присущ одинаковый набор выражаемых ими значений и что формой слова может считаться лишь такая единица деривации, которая повторяет значения исходной единицы. Напротив, производные слова демонстрируют смысловые структуры, отличные от смысловых структур их источника, и производными могут считаться только те единицы деривации, смысловые структуры которых асимметричны структурам их исходных единиц» [Кубрякова 1978: 27].

Трудно согласиться с тем, что в русском языке смысловые структуры отглагольных причастий всегда симметричны смысловым структурам исходных глаголов, а среди отглагольных имен и их производящих нельзя не найти хотя бы одну пару с симметричными смысловыми структурами. Так, например, смысловые структуры отглагольных причастий конченный, надуманный, придуманный, удвояющий асимметричны смысловым структурам производящих глаголов. Ср.: кончить — «1. Доводить исполнение чего-л. до конца, завершать, заканчивать. // Завершать свою жизнь чем-л. 2. Класть предел чему-л., прекращать, обрывать что-л. 3. Лишать жизни, убивать»; — конченный — «Решенный, не возбуждающий сомнений (в отрицательном смысле, результате), безнадежный»; надумать — «1. Придумывать что-н. 2. Принимать решение после некоторого размышления» — надуманный — «Нарочно придуманный, лишенный естественности»; придумать — «1. Приходить к какому-л. решению в результате размышления, раздумия и т. п. // Изобретать. 2. Выдумывать то, чего не было, нет»; — придуманный — «1. Искусственный, надуманный. 2. Не существующий в действительности»; удвоять

— «Увеличивать вдвое, повторять дважды» — удвояющий — «Кристалл, обладающий способностью удваивать изображение предмета».

Напротив, смысловые структуры таких существительных, как глотание, заговаривание, заживание, конфискование, *лечение* и многих других строго симметричны смысловым структурам исходных глаголов. Ср.: глотать — «Движением мускулов горла проталкивать что-н. через пищевод» — глотание — «Действие по значению глагола глотать»; заговариваться — «Пробовать говорить, пытаться заводить разговор» — заговаривание — «Попытка завести беседу, разговор»; заживать — «Делать, становиться здоровым // Зарубцовываться, затягиваться кожей» — заживание — «Состояние по значению глагола заживать»; конфисковать — «Изъять (изымать) в пользу государства постановлением государственной власти.» — конфискование — «Действие по значению глагола конфисковать»; лечить — «Применять медицинские средства для избавления кого-н. от болезни, принимать меры к прекращению какой-н. болезни» — лечение — «Действие по значению глагола лечить».

Даже формы множественного числа существительных, которые «опираясь на приведенное правило вполне объективно» Е. С. Кубрякова рассматривает среди форм слова, весьма часто демонстрируют нарушение симметрии смысловых структур со своими источниками. Так, например, существительное *высь* только в форме множественного числа *выси* может употребляться в значении «вершины гор». То же самое относится и к существительному *отговор*, которое только в форме множественного числа *отговоры* реализует значение «просьбы, уговоры не делать чего-л.». Перечень примеров можно продолжить.

Как нам кажется, в правиле симметрии/асимметрии смысловых структур исходных и вторичных единиц деривации следовало бы уточнить характер симметрии и асимметрии производных относительно их источника, а именно считать достаточным основанием симметрию по линии хотя бы одного лексического значения у вторичной и исходной форм, чтобы считать эти формы формами одного слова. Такое решение потребовало бы дальнейшего расширения понятия «формообразования», допускающего отнесение форм вроде *беленький* к лексеме *белый*, форм вроде *закаливание* к лексеме *закалывать*, форм вроде *спалось* к лексеме *спать* и, возможно, даже форм вроде *наблюдатель* к лексеме *наблюдать* и т. п. Заметим, что во многих случаях это расширение не противоречило

бы достаточно общему взгляду, согласно которому при определении границ лексемы следует опираться на лексикографическую практику (т. е. не считать самостоятельными лексемами формы, не требующие отдельной словарной статьи).

Начиная с работ В. В. Виноградова и А. И. Смирницкого тезис о неразрывном единстве лексического и грамматического в слове является методологической посылкой, обусловленной онтологическими свойствами этой единицы. «Слово будучи основной единицей языка и с точки зрения словарного состава, и с точки зрения грамматического строя представляет собой соединение лексического и грамматического моментов и имеет как лексическую, так и грамматическую стороны» [Смирницкий 1956: 21]. Многочисленные обсуждения проблемы взаимоотношения лексического и грамматического в слове, а также многообразие различных критериев и оснований приводят к заключению об отсутствии четких границ между лексическими и грамматическими элементами в слове. Но, тем не менее, «будучи тесно соединенными в одних и тех же морфемах, эти моменты все же четко и принципиально отличаются друг от друга» [Смирницкий 1956: 24]. Лингвистическая практика убеждает в том, что на одних участках языкового строя лексическое и грамматическое в слове можно расчленить более или менее удачно, а на других — такого рода расчленение наталкивается на весьма существенные трудности. Это зависит также от подхода исследователя и целей предпринимаемого научного описания языка.

Подходя к слову с лексической стороны, мы предлагаем выделять такую единицу лексического строя языка как гиперлексема, позволяющую представить лексическую информацию, заложенную в слове, в наиболее чистом виде, в отвлечении от каких бы то ни было категориально-грамматических характеристик, свойственных лексеме, а тем более реляционно-грамматических характеристик, свойственных словоформе [Поликарпов 1989; Каримова 2001; Каримова 2010]. При отождествлении ряда словообразовательно связанных лексем в гиперлексемах мы должны отвлекаться от категориально-грамматического момента в каждой из лексем и произвести соответствующее обобщение, подобно тому, как для выделения лексемы, мы отвлекаемся от грамматического момента в каждой словоформе и обобщаем то, чем отдельные словоформы связаны по линии лексической.

В гиперлексеме отождествляется ряд словообразовательно связанных слов, каждое из которых имеет хотя бы с одним из членов этого ряда такие и только такие формально-грамматические отношения, которые повторяются по крайней мере в еще одной паре словообразовательно связанных слов. Таким образом, группировка лексем в гиперлексемы осуществляется на принципе регулярности. Выбор этого принципа не противоречит основному положению, выработанному грамматической традицией в исследовании проблемы взаимоотношения лексических и грамматических элементов в слове, суть которого состоит в противопоставлении лексического грамматическому, как единичного типовому.

Литература

- Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение. 5-изд. Пгр., 1917.
- Бодуэн де Куртенэ И. А., Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения. Звуки. Формы. Ударение. Опыт руководства для учителей, чтецов и артистов. Варшава, 1906 // Изд-во Отд. рус. языка и словесности АН, 1907. Т. 12. Кн. 2. С. 491 — 499.
- Бондарко А. В. Принципы построения функциональной грамматики современных славянских языков. М., 1974. С. 23 — 31.
- Виноградов В. В. О формах слова // Известия ОЛЯ АН СССР. Т. 3. Вып. 1. М., 1944. С. 31 — 44.
- Греч Н. И. Пространная русская грамматика. 2-е изд. СПб., 1830.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1962.
- Земская Е. А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке // Историко-филологические исследования. М., 1967. С. 92 — 103.
- Каримова Г. О. О природе различий между вещественными и грамматическими значениями в слове // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы IV-го Международного конгресса исследователей русского языка. Москва, 2010.
- Каримова Г. О. Типы деривации и критерии выделения гиперлексемы // Русский язык исторические судьбы и современность. Труды и материалы I-го Международного конгресса исследователей русского языка. Москва, 2001.
- Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883.
- Кубрякова Е. С. Асимметрия смысловых структур и отграничение словообразования от других типов морфологической деривации // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978. С. 18 — 30.

- Кубрякова Е. С. О формообразовании, словоизменении, словообразовании и их соотношении. // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1976. Т. 35. Вып. 6. С. 514 — 526.
- Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики. М., 1961.
- Поликарпов А. А. Теоретические проблемы прикладной лексикологии // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1989. № 5. С. 64 — 74.
- Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1967.
- Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
- Фортуатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1. М., 1956.
- Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. М., 1947.
- Янко-Триницкая М. А. Морфологические границы форм одного слова // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. Т. XXIII. 1959. С. 41 — 57.

Lexical And Grammatical In The Word

G. O. Karimova (Kazakhstan, Kokshetau), k_gulmira@list.ru

Keywords: lexical elements, grammatical elements, opposition «grammar — the dictionary», hyperlexeme.

Summary: In article the problem of relationship of lexical and grammatical elements in the word is considered. The opposition grammar (standard) and the dictionary (single) is connected with differentiation of processes of word change and word formation. Since V. V. Vinogradov and A. I. Smirnitsky's works the thesis about indissoluble unity lexical and grammatical in the word is, the methodological parcel caused by ontologic properties of this unit. Introduction to linguistic use of concept of a hyper lexeme allows to provide the lexical information put in the word, in the purest look in derivation from any categorial and grammatical characteristics peculiar to a lexeme, and furthermore the relational and grammatical characteristics peculiar to a word form.

А. А. Поликарпов в его отношении к традициям и будущему русской лексикографии

А. Н. Качалкин (Россия, Москва), general@philol.msu.ru

Ключевые слова: А. П. Поликарпов, С. И. Ожегов, русская лексикография.

Аннотация: В первой части статьи содержатся воспоминания об А. А. Поликарпове, во второй даётся краткая характеристика жизни и деятельности С. И. Ожегова. Такая композиция работы обусловлена тем, что личности и труде А. А. Поликарпова был целый ряд моментов, совпадающих с личными свойствами и отношением к избранной деятельности С. И. Ожегова.

К счастью, более чем четвертьвековой опыт работы в Колмогоровской ФМШ, участие в ежегодных Колмогоровских чтениях давали возможность поделиться взглядами ученых другой специальности на науку, ее традиции, актуальные проблемы современности и ближайшего будущего. У некоторых математиков они имели чуть ли не философское изложение. Анатолий Анатольевич с интересом это слушал и, кажется, они уверяли его в истинности собственных взглядов и суждений.

В развитии каждой области науки можно различить три стадии. Первая стадия — пионерская: прорыв в новую область, яркое и обычно неожиданное открытие, часто опровергающее сложившиеся представления. Затем следует техническая стадия — длительная и трудоемкая; теория обрастает деталями, становится труднодоступной и громоздкой, но зато охватывает все больше число приложений. Наконец, в третьей стадии появляется новый, более общий взгляд на проблему и на ее связи с другими, казалось бы, далекими от нее вопросами; делается возможным прорыв в новую область исследований.

Оставаясь верным теоретическим установкам своего учителя Г. П. Мельникова, Анатолий Анатольевич был в постоянном поиске новых направлений теоретических разработок лексикологии и лексикографии. Разные люди обращались к Анатолию Анатольевичу с самыми различными вопросами по современной проблематике теории и практики языка, и он щедро делился своими мыслями, особенно с коллегами, приезжавшими из других регионов, чувствуя и сознавая, что в наше вре-

мя именно координация усилий в науке способна достичь наивысших результатов.

Многие из этих научных работников специально приехали в траурный день проститься со своим коллегой, и на поминках Анатолия Анатольевича их выступления производили сильное впечатление. Веско, убедительно временами трогательно звучали оценки личности и достоинств, свойственных Анатолию Анатольевичу, причём без всяких преувеличений, ибо преувеличивать достоинства Анатолия Анатольевича не было необходимости — они и так были очевидными в разнообразных отношениях.

Сам Анатолий Анатольевич был увлечён идеями создания корпусных информационно-исследовательских систем как инструмента филологического исследования текстов с конкордансами, отражающими состав единиц словника; выявлением новых лексических единиц, находящихся с системной взаимно обуславливающейся связью; закономерностями процессов семантического развития слов. Он ставил задачи перед собой и своими коллегами обнаружить такие свойства лексических единиц, которые изначально предполагают их поведение в речевой коммуникации.

Пробные исследования Анатолия Анатольевича и его коллег, возможно, породят новые экспериментальные работы, которые станут прорывом в традиционной филологической науке.

Наши беседы с Анатолием Анатольевичем чаще всего были по поводу функционально-семантических особенностей новых лексических единиц, находящихся во взаимно обуславливающейся связи, о внимании к этому процессу наиболее крупных лексикографов-русистов 20 века, в первую очередь Д. Н. Ушакова и его соратника и последователя С. И. Ожегова по отношению к современной лексике и Б. А. Ларина касательно обстоятельств закономерных изменений в истории языка; собеседования об условиях сложения «силы» того или иного слова, его потенциальной или уже реальной «ключевитости» и некоторых других вопросах, эволюционно-коммуникативной динамики языка в прагматическом аспекте.

Ответственность перед обществом — вообще отличительная черта Анатолия Анатольевича — ответственность перед коллегами, с которыми он вместе служил науке, ответственность перед самой наукой (стрем-

ление к глубокому осознанию ее места в словарном обществе) ответственность за благополучие своих родных и близких.

Но при всей искренней увлеченности предметом разговора Анатолий Анатольевич не забывал в связи с наступающим поздним часом времени поинтересоваться у «мамулечки» о ее состоянии здоровья, а чуть позже предупредить свою «Алюню» о вынужденной задержке на работе и пообещать, что «вот-вот; ну никак не позже, чем через полчаса» он отправится к троллейбусу — причины задержки обычно не назывались.

Наши встречи и собеседования были не столь уже редкими — и все же многое откладывалось на потом. Одной из таких отложенных тем был рассказ о личности и работе Сергея Ивановича Ожегова — моего научного наставника начиная с третьего курса и до первого года моей преподавательской работы в МГУ. Именно поэтому в сборнике в память Анатолия Анатольевича предлагаю статью о С. И. Ожегове, еще и потому, что в личности и труде Анатолия Анатольевича был целый ряд моментов, совпадающих с личными свойствами и отношением к избранной деятельности С. И. Ожегова.

Для большинства людей, в том числе и учёных, Сергей Иванович Ожегов — это, прежде всего, однотомный, выдержавший двадцать семь изданий, имеющий семимиллионный тираж «Словарь русского языка». Многим из нас трудно вспомнить об этом человеке хоть что-нибудь, кроме главного его труда. Действительно, «Словарь русского языка» явился плодом его сосредоточенной двадцатилетней работы, стал делом столь значимым для его современников и для последующих поколений, что оно заслонило от нас и личность, и биографию, и иные творческие замыслы его создателя.

С. И. Ожегов (1900 — 1964 гг.) — ровесник двадцатого века. В 1920 г. он был начальником штаба кавалерийского полка, в 1922 г. получил путевку в военную академию. Перед ним открывалось блестящее будущее военного, но, по его словам, он «от военной карьеры бежал в Петроградский университет», учился у С. П. Обнорского и Н. Я. Марра. Молодой талантливый исследователь, в числе своих первых научных опытов предложивший «Проект словаря революционной эпохи», был рекомендован в аспирантуру профессором В. В. Виноградовым, и это представление поддержали профессоры Б. М. Ляпунов и Л. В. Щерба.

После окончания аспирантуры С.И.Ожегов работает в ленинградском Институте искусства слова, а с 1928 г. он увлекается работой над большим проектом — «Толковым словарем русского языка», — «Ушаковским словарем», как называли его позже, — вместе с соратниками Д. Н. Ушакова В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром, Б. А. Лариным, Б. В. Томашевским. Современники, наблюдавшие работу по созданию словаря, говорили, что Д. Н. Ушаков был душой этого словаря, а С. И. Ожегов — его пружиной. Сам же Дмитрий Николаевич называл Сергея Ивановича «движителем словарного дела».

Вскоре С. И. Ожегов окончательно переезжает в Москву для более тесного сотрудничества с коллективом составителей. Д. Н. Ушаков был одним из активных организаторов знаменитого Московского института философии, литературы и искусства (МИФЛИ), ставшего через 6 лет после его создания филологическим факультетом МГУ, и именно по совету Дмитрия Николаевича, сразу после своего переезда в Москву в 1936 г. С. И. Ожегов начинает преподавать студентам-филологам Московского университета и непрерывно ведёт её до 1955 г. В последние годы войны Сергей Иванович был заместителем декана филологического факультета, академика В. В. Виноградова. С. И. Ожегов слился с Москвой, но все же даже годы спустя любил бывать в городе своей юности и гостить у своего преданного друга, талантливейшего ленинградского филолога Бориса Александровича Ларина.

В доме Сергея Ивановича очень естественно проявлялось широкое, истинно русское гостеприимство. Гости к нему приходили и по делу и просто так. Его сын писал о гостях, что «это был удивительный калейдоскоп лиц и характеров: от ученых с мировым именем до скромных, застенчивых студентов... За столом неизменно царил специфический московский дух свободно льющейся беседы, откровенной, живой, с обсуждением профессиональных и житейских тем».

В военные годы С. И. Ожегов остался в Москве, дежурил в ночных патрулях, охранял дорогой ему дом — впоследствии Институт русского языка. (В эти годы С. И. Ожегов исполнял обязанности директора Института языка и письменности.) Продолжая работу в Московском университете, он подготовил курс русской палеографии и преподавал его студентам пединститута. Желая быть возможно более полезным стране, вместе

с другими оставшимися в Москве коллегами он организует языковедческое научное общество, изучает язык военного времени.

17 апреля 1942 г. в эвакуации в Ташкенте скончался Д. Н. Ушаков; память его почтили специальным заседанием пребывавшие в Москве сотрудники филологического факультета Московского университета и Института языка и письменности. Сам С. И. Ожегов, по воспоминаниям современников, сделал волнующий искренней задушевностью доклад о личности Д. Н. Ушакова и о главном деле своего учителя, впоследствии соратника, — о «Толковом словаре русского языка», получившем высокую оценку советского правительства. «Что способствовало удаче ушаковского словаря?» — поставил в своем докладе вопрос Сергей Иванович. И так ответил на него: «Мне кажется, что его создали три условия. Первое — это внутренние свойства Д. Н. как человека и учёного. Второе — это характерное для всей научной деятельности Д. Н. вообще — умение найти в нужный момент наиболее актуальную проблему науки и русского просвещения. И, наконец, — третье — это богатейший учёный опыт Д. Н., учёная интуиция, тонкое живое знание русского слова и его духа».

Но вот идея Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова о совместном создании однотомного, рассчитанного на широкий круг читателей словаря осуществиться так и не удалось. Эвакуируясь в октябре 1941 г. в «академическом вагоне» в Ташкент, Д. Н. Ушаков, чувствуя плохое состояние здоровья, которое вряд ли даст возможность возвратиться в Москву, завещал исполнение задуманного словаря своему соратнику.

В период напряженной работы над однотомным словарем Сергей Иванович настойчиво ищет объективные основания для определения литературной нормы: «Настоятельно возникает вопрос о нормах литературного языка, о целесообразной нормализации того, что еще не отлилось в устойчивые формы. Разрешение вопроса о лексических, стилистических, грамматических, произносительных нормах литературного языка становится необходимой предпосылкой для разрешения общего повышения культуры речи». И он внимательно следит за работами, посвященными современному состоянию литературной речи в плане исторического развития русского языка (у С. П. Обнорского), теоретическим основаниям нормализации языка (у Е. С. Истриной), практическим реко-

мендациям ораторам, нуждающимся в повышении культуры публичной речи (у А. И. Ефимова и др.).

Сын Сергея Ивановича Ожегова, Сергей Сергеевич, так вспоминал о работе отца над словарем: «Работа начиналась как коллективная, но постепенно соавторы один за другим отпали. Тем не менее, отец считал необходимым упомянуть Г. О. Винокура и В. А. Петросяна как участников работы над первым изданием «Словаря русского языка», вышедшем в 1949 г. Насколько я знаю, их вклад в работу, так же, как и вклад главного редактора, академика С. П. Обнорского был незначительным, даже просто номинальным. Отец являлся по праву единственным автором словаря, которому была суждена долгая жизнь и мировая известность».

В самом деле, сколько людей и сколько раз при возникновении сомнения в употреблении, правописании или произношении слов говорили: «посмотрим у Сергея Ивановича», «спросим у Сергея Ивановича» или рекомендовали другим: «сверьтесь со словарем Ожегова», а в возникающих спорах по поводу уместности употребления того или иного слова мнение С. И. Ожегова оказывалось наиболее авторитетным.

И к Д. Н. Ушакову и к С. И. Ожегову могут быть отнесены слова Н. В. Гоголя: «Объяснительный словарь есть дело лингвиста, который бы для этого уже родился, который бы заключил в своей природе к тому преимущественные, особенные способности, носил бы в себе самом внутренне ухо, слышащее гармонию языка. Явления таких лингвистов всегда и повсюду бывали редки». Л. В. Щерба, и теоретик и серьезный практик лексикографии, говорил, что «словарная работа, как основанная исключительно на семантике, требует особо тонкого восприятия языка, требует совершенно особого дарования».

Жизнь убеждает, что Сергей Иванович как раз для того и родился, чтобы составить объяснительный (толковый) словарь, «заключил в своей природе преимущественные способности» и благодаря «особо тонкому восприятию языка», сочетанному с колоссальным кропотливым трудом в исключительно сложных условиях сумел создать Словарь, навсегда заслуживший благодарность и уважение тех, кому по-настоящему дорог русский язык.

Однотомный словарь русского языка, составленный С. И. Ожеговым, вышел в 1949 году. Первое издание этого, ставшего уже классическим, «тезауруса» сразу же обратило на себя внимание читателей, ученых

и критиков. С. И. Ожегов получал сотни писем с просьбами прислать словарь, объяснить то или иное слово. Многие обращались к нему за консультацией — и никому ученый не отказывал. Ему писали и из разных уголков России, и из-за рубежа.

С. И. Ожегов удостоился не только заслуженной похвалы и спокойной объективной оценки, но и весьма тенденциозной критики. 11 июня 1950 г. газета «Культура и жизнь» опубликовала рецензию некоего Н. Родионова с характерным названием «Об одном неудачном словаре», где автор, подобный критикам ушаковского времени, пытался опорочить «Словарь», применяя всё те же политические методы устрашения. С. И. Ожегов написал ответное письмо редактору газеты, а копию послал в «Правду». В своем 13-тистраничном послании С. И. Ожегов не унижал горе-рецензента, а предъявлял ему обоснованно жесткую аргументацию, основанную на научных филологических принципах — и в итоге одержал победу.

Редкая популярность, массовость самого издания нравились далеко не всем. Ожеговские недоброжелатели из околонучной и, к сожалению, части научной среды заявляли, что Ожегов — не ученый, что он пишет лишь статьи, а не толстые книжки на научные темы, обвиняли Ожегова в том, что его словарь — лишь «краткий Ушаков», «сокращенный четырехтомник», не всматриваясь в словарь серьезно, не видя или, скорее, не желая видеть ни оперативно отраженных новых явлений в языке в виде слов и семантических неологизмов, ни емкой структуры толкований, ни экономности оправдательных цитат (преимущественно в виде авторских речений), ни свежего состава стилистических помет, ни другой «прелести новизны» в этом новом типе толкового словаря.

Дело в том, что Сергей Иванович не стремился раскрывать себя внешнему миру, по крайней мере, раскрывать полностью. Он никогда не подгонял себя под некий шаблон ученого своего времени. Он действительно не дорожил наукой, отвлеченной от реальной жизни, но ценил науку, имеющую прямую связь с этой жизнью, стремился поскорее передать другим то, что сумел узнать сам. Сергей Иванович не вступал в коммунистическую партию, не был лауреатом государственной премии, не был отмечен другими высокими наградами, не избирался действительным членом или членом-корреспондентом Академии наук. Однако он сам себе поставил памятник: «Словарь русского языка» С. И. Ожегова —

не «толстая книга», а подлинная сокровищница научного знания о русском языке, необходимая для практики просвещения и для представления в поколениях языкового содержания эпохи XX века, без него трудно, невозможно обойтись учителям, писателям, учёным...

В речи С. И. Ожегова не бывало ничего лишнего, и не случайно познакомившийся с ним еще в 1934 году А. А. Реформатский отметил, что Сергей Иванович «не больно речист». Ставший со временем самым близким другом Сергея Ивановича, профессор А. А. Реформатский, глубоко скорбя по поводу безвременной кончины исключительно близкого ему человека говорил так: «Сергей Иванович был очень цельным и своеобразным человеком. Он был не только русистом в лингвистике, но и в жизни, и в своих интересах и вкусах. Всегда благожелательный к окружающим и внимательный к людям, кто бы к нему не приходил, Сергей Иванович подкупал своей удивительной простотой и добротой, окрашенной мягким юмором», что, добавим, проявлялось и по отношению к проходящим у него выучку молодым коллегам по сектору культуры речи. Причём оказывался Сергей Иванович в этих характеристиках и весьма проницательным. Забавно именуемые им Лев Иванович Скворцов («стиляга») и Леонид Петрович Крысин («иностранец») впоследствии как бы подтвердили эти прозвища своими научными трудами: Л. И. Скворцов написал ряд ценных книг по культуре речи с описанием разнообразия стилей современности, Л. П. Крысин помимо серьёзных научных изысканий, посвящённых заимствованиям в русский язык, составил объёмный и сразу ставший популярным Словарь иностранных слов. Если же говорить о «прозвищах», то они были неслучайны: Сергей Иванович в своём остроумии обращал внимание на заметную черту характера и распространял её на человека в целом; шло это, очевидно, от лексикографической практики, когда удачно подобранное толкующее ключевое слово распространяло смысл на дефиницию в целом.

Что же касается немногословия в речи, то оно было результатом постоянного контроля над своими действиями, поступками, тоном голоса и, конечно же, сущностным содержанием высказываемого. Общественное дело для Сергея Ивановича, как и для Дмитрия Николаевича, было неотделимо от его личных качеств. Опытный и тонкий знаток живой русской речи, сам он не мог позволять себе ни малейших отклонений от принятых по жизни морально-этических норм поведения и рече-

дения. Сергей Иванович старался быть всегда выдержанным и справедливым по отношению к своим критикам и даже критиканам, но это самообладание, необходимость во всех ситуациях владеть собой стоили ему очень многого.

Какое достоинство могут обрести современные косвенные толковые словари, давая слова не в придуманных примерах — «речениях», а используемые в реальной жизни, в своих наиболее типичных контекстах — вопрос, который постоянно ставил перед собой С. И. Ожегов и стремился решать и разрешать его. Изучение языка в его живых социальных связях, живая разговорная русская речь были его постоянным предметом наблюдения и исследования. И не случайно во время вечерних бесед за традиционно щедрым домашним столом Сергей Иванович, вдруг уловив в свободной разговорной речи разнообразных гостей — собеседников какое-то новое слово, неожиданный, яркий оборот или необычный случай употребления слова, сейчас же отлучался к письменному столу и делам нужные для словаря записи.

Для окончательных решений о составе отдельных частей словаря Сергею Ивановичу не хватало статистических сведений о современных тенденциях развития языка, главным образом о фактах живой разговорной речи — и как отрадно, что нынешние лингвисты с помощью компьютеров создают объемные корпусные проекты в десятки, а в ближайшем будущем и в сотни миллионов слов, ранжирующие слова по частоте и выделяющие наиболее частотные значения. Именно такой подход к материалу и его исследованию отличал Анатолия Анатольевича вместе с его коллегами — сотрудниками.

Дух подвижничества и любви к родному языку — неотъемлемые качества всей жизни С. И. Ожегова. Своим словарем он дал направление в разработке новых жанров толковых одноязычных словарей, примером чего можно назвать подготовленный Н. Ю. Шведовой «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» (2007 г.).

При жизни ученого Словарь выдержал 4 издания и Сергей Иванович Ожегов над каждым из них тщательно работал, анализировал и исправлял неизбежные недочеты. Словарь в общей сложности выдержал 27 изданий, получив общий тираж в 7 миллионов экземпляров. Его справедливо называют лексикографическим эталоном, жизнь которого продолжается и сейчас. Трудно назвать другое такое издание, которое было

бы столь популярно, и не только из-за его фонда слов и продуманной концепции, идущей со времени совместной деятельности с Д. Н. Ушаковым, но и из-за постоянной кропотливой работы грамотного «осовременивания» словаря.

С начала шестидесятых годов Сергей Иванович говорил: «Всю жизнь я думал, что лексикография — это наука. А теперь все больше убеждаюсь, что составление словаря — искусство», возможно, подразумевая под этим творческую манеру воспроизведения действительности в слове, по возможности образное — впечатляющее и запоминающееся — изображение ее, некое художественное конструирование словарной статьи и самого словаря.

20 марта 1964 года С. И. Ожегов пишет в издательство «Советская энциклопедия»: «В 1964 году вышло новое стереотипное издание моего однотомного „Словаря русского языка“... Я считаю необходимым подготовить новое переработанное издание... я предполагаю внести ряд усовершенствований в словарь, включить новую лексику, вошедшую за последние годы в русский язык, расширить фразеологию, пересмотреть определения слов, получивших новые оттенки значения. усилить нормативную сторону словаря».

Могу определенно сказать, что в этом письме в издательство перечислены не все намерения Сергея Ивановича по усовершенствованию словаря. Именно в марте 1964 г., непосредственно после похорон близкого друга Бориса Александровича Ларина (мы были на этом скорбном событии вместе) С. И. Ожегов поделился со мной намерениями серьезно изменить структуру словарной статьи своего словаря. «Каждое приводимое в словарной статье значение слова, — говорил он, — должно просто восприниматься, глубоко пониматься и легко воспроизводиться пользователем словаря, чтобы он лучше представлял себе реальное место каждого слова в современной коммуникации». С. И. Ожегов полагал, что на каждое из разных значений многозначного слова должны быть представлены, пусть небольшие, в два-три слова синонимические ряды, указаны возможные антонимы, а переносные значения слова подтверждались бы возможно более образными речениями (авторскими примерами).

Эти рекомендации выдающегося лексикографа должны быть восприняты и осуществлены талантливым филологом нового поколения, морально готовым на тот подвиг, который в своё время совершил Сер-

гей Иванович Ожегов. Очень хочется надеяться и даже быть уверенным, что среди читателей этого сборника такой человек — присутствует.

A.A.Polikarpov in his attitude towards traditions and the future of the Russian lexicography

A.N.Kachalkin (Russia, Moscow), general@philol.msu.ru

Keywords: A.A.Polikarpov, S.I.Ojegov, Russian lexicography.

Summary: The first part of article contains memories about A.A.Polikarpov, in the second part the short characteristic of life and S.I.Ozhegov's activity is given. Such composition of work is caused by that there was a number of the moments coinciding with personal properties and the relation to the chosen activity of S.I.Ojegov the personality and work of A.A.Polikarpov.

«Архангельский областной словарь»: электронные перспективы

И. Б. Качинская (Россия, Москва), kacza@rambler.ru

Ключевые слова: «Архангельский областной словарь», интерактивный проект.

Аннотация: В статье рассказывается об интерактивном проекте «Архангельский областной словарь».

Анатолий Анатольевич всегда был очень чуток ко всему новому — и в области лексикографии, и в области любых онлайн-овых, интерактивных проектов. Об одном из таких проектов мне бы и хотелось рассказать в этой статье.

1.1. «Архангельский областной словарь» (АОС) — один из фундаментальных проектов кафедры русского языка филологического факультета. Материалы к Словарию начали собираться с 1956 г. 1-й выпуск вышел в 1980 г., в 2015 г. выйдет 16-й выпуск¹³. Первые тома Словаря (АОС 1–5) имели объем в 15 п.л., объем последующих томов был от 25 до 30 п.л. В АОС-15 начались слова на букву **З**, предположительно лексемы на **З** закончатся в 19-м выпуске, т. е. в этих выпусках будет представлен основной фонд русских глаголов с приставкой *за-*, а также остальные части речи. В уже изданных 1–15 выпусках содержится более 32 тыс. словарных статей. В 2006 г. был издан «Обратный словарь архангельских говоров», объем словника был чуть меньше 180 тыс. слов (из них ок. 75 тыс. существительных, более 63 тыс. глаголов, ок. 17 тыс. прилагательных, немногим менее 14 тыс. наречий — подробнее см. [Обратный словарь... 2006: 4]). В настоящее время объем «рабочей» версии Словника составляет более 183 тыс. лексем. Для сравнения: объем Обратного словаря СРНГ («Словаря русских народных говоров»), куда вошли все скольконибудь значительные словари XIX в. (в том числе словарь Даля, «Опыт областного великорусского словаря», «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря» и мн. др.) и материалы, собранные в XX в., — 245 тыс. слов [Инверсионный индекс... 2000].

¹³ Работа была поддержана грантом РГНФ № 14–04–00294а «Архангельский областной словарь. Вып. 16».

1.2. Материалы к АОС собираются во время полевой диалектологической практики и обрабатываются частично в поле, частично во время камеральной практики. Диалектологическая практика обязательна для всех студентов русского отделения, самые активные студенты выезжают в Архангельскую область. Подавляющее число преподавателей и сотрудников кафедры русского языка сами собирали материалы для АОС: записывали народную речь в тетради, расписывали карточки, давали толкования значениям — то есть не только знакомились с народными говорами, но и получали навыки лексикографической работы. Для многих филологов выезд на практику до сих пор является одним из самых ярких воспоминаний студенческих лет [Архангельские говоры... 2003: 263–335]. В свое время ездил в экспедиции и Анатолий Анатольевич.

1.3. Объем «бумажной» картотеки, созданной на основе расписанных полевых тетрадей, может быть рассчитан достаточно приблизительно — мы определяем его примерно в 5 млн карточек. С началом компьютерной эры встал вопрос о переводе бумажных носителей в электронные. Я советовалась с Анатолием Анатольевичем: что вводить? Картотеку или тетради? И тот и другой процесс достаточно трудоемкий. Начинать новое дело было страшно. Принципиальная разница состоит в следующем: когда мы вводим тетрадь, то размечаем диалектную лексику в контексте (в предложении), который потом автоматически воспроизводится столько раз, сколько слов было размечено в этом контексте. Слова, извлеченные из контекста, программно восстанавливаются в алфавитном порядке словоформ. Когда мы вводим «карточки», то неизбежно несколько раз набираются одни и те же контексты, из которых в свое время были выписаны лексемы. Анатолий Анатольевич сказал: вводите полевые тетради. Так началась работа по созданию Электронной картотеки АОС¹⁴.

Конечно, в первую очередь вводились тетради новых экспедиций (с 1996 г.). Сначала еще с некоторой опаской: подвергалась электронной обработке тетрадь и одновременно на бумажные карточки из нее выписывались слова в ближайшие выпуски АОС. С 2011 года выработка бумажных карточек прекратилась: теперь студенты прямо в экспедиции создают так наз. «электронные карточки»: т. е. расписывают полевые тетради (или аудиозаписи): из контекста выбирают диалектную лексику,
¹⁴ Работа была поддержана грантом РГНФ № 02–04–12020в. Электронная картотека «Архангельского областного словаря».

воссоздают начальную форму слова, пишут толкования. Электронная картотека АОС стремительно приближается к 2 млн «карточек». Созданы программы:

1) для обработки полевых тетрадей, набранных в компьютер: выборка осуществляется по разметке словоформ;

2) для обработки «электронных карточек», в которых студенты сами восстанавливают начальную форму и дают рабочее толкование лексеме;

3) для ввода картотеки. Пока картотека вводится внепланово и выборочно — для особенно частотных слов с небольшим количеством значений: из-за того, что карточки уже не умещаются в ящики.

Понемногу вводятся и обрабатываются старые, «архивные» тетради — т. е. тетради, расписанные на карточки. В основную Базу они еще не вошли (разработчики программ — С. А. Крылов и Ф. С. Крылов).

2. Серьезным недостатком ввода и обработки полевых тетрадей является отсутствие начальной формы слова. Тетради записаны в транскрипции и заводятся в компьютер в так наз. «облегченной» транскрипции. Одно время в среде windows даже был создан макрос, который переводил «облегченную» транскрипцию в «настоящую». Но так как эта транскрипция оказалась невостребованной (в АОС используется именно «облегченная» транскрипционная запись), пришлось создать программу-«детранскриптор», которая переводила «настоящую» транскрипцию назад в «облегченную». От знака ударения мы не отказывались никогда, в диакритический знак ударения преобразовывался специальный значок, набираемый с клавиатуры (мы выбрали астериск — *, но можно было бы взять и другой символ). В любом случае в Базу из размеченных тетрадей попадает фонетическая словоформа. Вопрос с лемматизацией (возведения словоформы к начальной форме), решенный для литературного языка, оказался открытым для языка диалектного.

Решая проблему лемматизации, сначала мы двигались от словоформы к начальной форме слова¹⁵. Этот процесс оказался тупиковым: правильно опознавалось менее 20% словоформ. Тогда мы пошли другим путем: от начальной формы (от словника) к словоформе¹⁶. Пришлось создать

¹⁵ Работа была поддержана грантом РГНФ № 05–04–04274. «Создание грамматического словаря северных говоров (на базе транскрипционной записи устной диалектной речи)».

¹⁶ Работа была поддержана грантом РГНФ № 08–04–12132в «Грамматический словарь северных говоров. Электронная версия (на базе Словника «Архангель-

еще один детранскриптор, учитывающий наиболее частотные ассимиляции (по мягкости, глухости и звонкости), чтобы фонетическая словоформа (*бапки*) больше напоминала грамматическую (*бабки*). Известную сложность представлял и тот факт, что в АОС используется собственная «орфография», не всегда совпадающая с традиционной: так, например, в Словнике не употребляется грамматический *Ъ* для различения существительных муж. 2-го и жен. 3-го склонения (*нож* и *рож*, *мяч* и *ноч*), имеется особый суффикс инфинитива у глаголов на заднеязычный согласный (*пекчи*, *стерегчи*), в начальной форме прилагательных и местоименных прилагательных используется фонемное окончание *-ой* и *-ей* (*красной*, *синей*). Т.е. пришлось особым образом приспособливаться к таблицам «Грамматического словаря» А. А. Зализняка [Зализняк 1980], чтобы иметь возможность присвоить индексы словоизменений, ориентируясь не столько на лексемы, входящие в этот словарь, сколько на их «хвосты», для того чтобы диалектное слово корректно грамматически опознавалось. Эта работа еще продолжается, но уже близка к завершению. Как только она будет закончена, из Базы — Электронной картотеки — в Словник сразу попадет несколько тысяч новых слов.

3.1. Когда мы рассказываем о масштабности, грандиозности проекта «Архангельский областной словарь», его объеме, принципах выделения диалектного слова, принципах разработки словарной статьи (см., например, [Гецова 1970; Нефедова, Коконова, Качинская 2013]), возникают болезненные для нас вопросы:

1) когда же Словарь будет закончен, увидит ли его конец поколение современников, и даже будет ли Словарь когда-нибудь закончен вообще?

2) Если мы записываем говоры Архангельского региона уже 60 лет и собираемся записывать дальше, то почему представляем их как единое синхронное целое?

Начну с ответа на последний вопрос. Когда начиналась работа по сбору материалов для АОС, записывали поколение 70–90-х гг. XIX в. рождения: среди информантов был большой процент неграмотных или полуграмотных людей, они сами занимались подсечно-огневым земледелием, распахивали *чищанины* под поля и *пожни*, у них были традиционные свадьбы, старушки еще носили *сарафаны* и *повойники*, отмечали «запрещенные» религиозные праздники. Сейчас мы записываем поколение,

---

ского областного словаря)»).

рожденное в 30–40-е годы: в эпоху становления и утверждения колхозов. Это советское поколение, «дети войны». Сами себя они определяют как людей *современных*. Они еще помнят традиционный уклад жизни, но во многом отошли от него. Исчезли не только старинные традиционные ремесла: ткачество, гончарное, кузнечное дело и проч., с исчезновением в 90-е годы совхозов практически исчезло полеводство.

Тем не менее слухи о смерти диалектов оказались преждевременными: каждый год в результате экспедиций в картотеку попадает около **двух тысяч** новых слов. Высокий процент среди новых слов, конечно, занимают топонимы и антропонимы, однако они составляют менее 50% лексики, отсутствующей в Словнике.

3.2. Диалектная речь не умирает, но довольно существенно меняется. Изменения эти весьма неоднородны, в том числе в территориальном аспекте. Лексема, которая в одной деревне представляется как устаревшая, входящая лишь в пассивный запас слов, в другой деревне может оказаться в активном словоупотреблении. Внуков часто воспитывают бабушки, и мы не раз сталкивались с тем, что речь молодого поколения, детей выглядит более архаичной, чем речь родителей. Несмотря на то, что количество лексем в Словнике скоро приблизится к 200 тысячам, в Словаре больше половины лексем иллюстрируются 1–3 примерами. Часто пример, записанный 40 лет назад, подтверждается примерами из новых записей. Наши материалы согласуются и со словарем В. И. Даля (середина XIX в.), и со словарями Подвысоцкого и Куликовского (конец XIX в. [Подвысоцкий 1885; Куликовский 1898]). Лексический запас северных говоров в целом оказался достаточно устойчивым. Таким образом, пока нет никаких оснований ни прекращать диалектологическую практику, ни разбивать Словарь на «новый» и «старый». Пополнение картотеки продолжается и движется мощными темпами.

4.1. Общее количество выпусков АОС должно составить не менее 70-ти. Цифра приблизительная: количество книг зависит и от объема каждого тома (с 17 выпуска решено сократить объем до 25 п.л., т. е. до 400 страниц), и от объема все возрастающего нового материала. Сейчас кабинет планирует издавать 2 выпуска за 3 года. Т.е. если АОС-15 был издан в 2013 г. (начало буквы **З**), АОС-16 предполагается издать в 2015, АОС-17 — в 2016, АОС-18 — в 2018, АОС-19 (конец буквы **З**) — в 2019. Последние выпуски издаются при финансовой поддержке Российского Гу-

манитарного Научного Фонда (РГНФ)¹⁷, за что приносим Фонду еще раз огромную благодарность. Вып. 1–8 выходили в Издательстве Московского университета, вып. 9 любезно оплатил филологический факультет, за что приносим глубокую благодарность декану проф. М. Л. Ремнёвой. В опубликованные выпуски вошла примерно 10-я часть имеющихся материалов, картотека продолжает пополняться и на уже вышедшие тома. Даже если предположить, что деньги на издание будут всегда, и увеличить продуктивность печати АОС в год по выпуску, но продолжать работать по старым принципам, то сегодняшнее поколение как создателей Словаря, так и его читателей до окончания проекта не доживут, и есть риск, что словарь не будет закончен.

4.2. Я вижу выход в следующем. Параллельно созданию «бумажной» версии АОС необходимо приступить к созданию его электронной версии. Работа должна состоять из двух больших этапов.

Этап 1 — подготовительный. На основе электронного варианта любого из уже изданных выпусков АОС создать онлайн-овую версию АОС по принципу корпуса.

Этап 2. Используя материалы из электронной и «бумажной» картотек АОС, создавать словарные статьи и публиковать их на постоянном сайте в интернете в интерактивном режиме под общим названием «Материалы к "Архангельскому областному словарю"».

4.2.1. Этап 1. Для начала необходимо создать формат интерактивного диалектного словаря. Можно учитывать готовые разработки, бесплатно распространяемые некоторыми фирмами (например ABBY). По-видимому, первоначально работа будет вестись в среде SUBD StarLing¹⁸ (т. к. именно в этой среде создавалась Электронная картотека АОС), но оттуда в случае необходимости может быть легко переведена на другие рельсы. Будут учтены все выделенные в АОС зоны: вокабула, дефиниции, грамматические пометы, синонимы, омонимия, сочетаемость, управление (актантность), фразеология, географическая фиксация (район и пункт записи); впоследствии возможно выведение необходимой

¹⁷ Вып. 10 — РГНФ, издательский проект № 98–04-16171, вып. 11 — № 00–04-16175, вып. 12 — № 03–04-16117, вып. 13 — № 06–04-16111, вып. 15 — №13–04-16025.

¹⁸ Автор и разработчик СУБД StarLing — С. А. Старостин (с 2006 г. — Г. С. Старостин), программа находится в постоянном открытом доступе на сайте «Вавилонская башня» («The Tower of Babel») <http://starling.rinet.ru/main.html>.

информации из Словаря на интерактивную карту. Даже учитывая то, что все выпуски АОС (в том числе 1–8, рукопись которых в свое время передавалась в Издательство в машинописном виде) имеются в компьютерном варианте (и в формате pdf, и в формате doc), этот этап предполагает следующие ступени (для уже изданных выпусков АОС):

1) Переработка словарных статей для онлайн-версии: подстановка дефиниций на место отсылок (*То же, что...*); более четкое введение грамматич. помет, унификация толкований для лучшей организации поиска и проч.

2) Создание программы по автоматической разметке словарных статей и разнесение их по «полям» базы данных.

3) Создание базы данных на основе уже вышедших выпусков АОС.

Одновременно для 1-го и 2-го этапов необходимо:

4) Создание Рабочего Места с дружественным интерфейсом — для Составителей словарных статей.

5) Обкатка Рабочего Места, программ по разметке, проверка результатов разметки.

6) Создание окна Пользователя с дружественным интерфейсом и гибкой системой поиска.

4.2.2. Этап 2. Составление новых словарных статей либо «назад» от буквы **Я**, либо «вперед» от буквы **П** (или **О**, или **Н**, или...). Статьи составлять по принципу «гармошки» (термин В. М. Мокиенко), временно пропуская сложные многозначные слова, м.б. целые группы слов и даже буквы, чтобы потом, после серьезной лексикографической проработки, их вставить. При таком принципе существования Словаря (Материалов к Словарю) можно легко включать дополнения, появившиеся в картотеке уже после выхода соответствующего тома (в Картотеке АОС их уже очень много).

4.3. Возникает вопрос: кто будет этим заниматься? В кабинете диалектологии не так много сотрудников, все они достаточно заняты: некоторые имеют педагогическую нагрузку, все заняты подготовкой и проведением практики (полевой и камеральной), длительной и трудоемкой обработкой результатов практики (т. е. подготовкой материалов в Картотеку), все являются авторами-составителями АОС, многие занимаются фонотекой¹⁹. Представляется, однако, что все-таки можно найти вну-
¹⁹ Работа поддержана грантом РГНФ № 14–04–18027 «Фонотека архангельских говоров: научно-реставрационные работы».

тренные ресурсы, и не только из числа сотрудников кабинета. Возможно, эта работа заинтересует кого-нибудь из членов кафедры (например, в Псковском университете вся кафедра русского языка участвует в создании «Псковского областного словаря» [ПОС]). Можно задействовать студентов и магистрантов кафедры русского языка, проходящих диалектологическую практику, дипломников и аспирантов-диалектологов (как правило, работы по диалектологии основываются на тематических словарях, составляемых самими дипломниками и аспирантами). Конечно, перед выставлением на сайт необходима серьезная редакторская проработка «Материалов к АОС»: этим тоже могли бы заниматься сотрудники кабинета, кафедры и даже аспиранты: подобная практика могла бы стать прекрасной платформой для подготовки будущих редакторов. Версия АОС в формате онлайн должна быть доступна с сайта филологического факультета МГУ.

5. Хочется надеяться, что создание онлайн-версии АОС, которое, безусловно, должно идти только параллельно созданию традиционной «бумажной» версии (пока это возможно), приведет к созданию полноценного Корпуса «Архангельского областного словаря».

Литература

- Архангельские говоры: Словообразование. Лексика. Семантика: К 50-летию научной деятельности Оксаны Герасимовны Гецовой // Вопросы русского языкознания. Вып. X / Отв. ред. М. Л. Ремнёва, Е. А. Нефёдова. М., 2003.
- Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой (с 13-го вып. — под ред. О. Г. Гецовой и Е. А. Нефёдовой). Вып. 1–15– (изд. продолжается). М., 1980–2013.
- Гецова О. Г. Проект «Архангельского областного словаря». М., 1970.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь. М., 1980.
- Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров. СПб., 2000.
- Куликовский Г. И. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Нефедова Е. А., Кокконова А. Б., Качинская И. Б. «Архангельский областной словарь»: прошлое и настоящее // Вестник моск. ун-та. Сер. 9. 2013. № 3. С. 39–60.
- Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 2006.
- Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

ПОС – Псковский областной словарь. Вып. 1–24– (изд. продолжается). Л. (СПб.), 1967–2013.

«The Arkhangelsk Regional Dictionary»: Electronic Prospects

I.B. Kachinskaya (Russia, Moscow), kacza@rambler.ru

Keywords: «The Arkhangelsk regional dictionary», interactive project.

Summary: In article it is told about the interactive project «Arkhangelsk Regional Dictionary».

**Отражение графических заимствований
в словарях русского языка
(проблемы адаптации и лексикографической
кодификации заимствованного слова)**

Е. В. Клобуков, (Россия, Москва)

Книга книг утверждает истину: «В начале было Слово...» [Ин. 1, 1]. Я познакомился с Анатолием Анатольевичем Поликарповым без малого пятьдесят лет тому назад. И теперь, когда я вспоминаю свои встречи и разговоры с Анатолием Анатольевичем (с нашим *Толиком Поликарповым*, как все мы, его однокурсники, называли его с первого курса и до последних дней его жизни), то понимаю, что библейская максима каким-то мистическим образом отражает главный нравственный принцип его земного бытия. Именно феномен Слова был маяющим маяком в начале сознательной жизни А. А. Поликарпова, поэтому он выбрал филологию, хотя мог бы сделать блестящую военную карьеру; слово во всех его аспектах было в центре научных интересов в течение всей жизни этого самобытного учёного; русскому слову стоически служил А. А. Поликарпов до последних, очень нелегких месяцев своей жизни, организуя и проводя на филологическом факультете МГУ пятый по счету Международный конгресс русистов-исследователей (все предыдущие конгрессы, по количеству и составу участников, а также по значимости сопоставимые с конгрессами МАПРЯЛ, были также организованы и проведены им и его лабораторией).

Анатолий Анатольевич не просто изучал слово, он его любил как нечто живое, реально сущее, он стремился системно выявлять и изучать стадии существования слова в языке. Глубокий анализ жизни слов позволил А. А. Поликарпову внести заметный вклад в общую теорию языковой эволюции [Поликарпов 1976; 1979] и теорию развития лексических систем, в частности создать теорию жизненных циклов слова [Polikarpov 1993; Поликарпов 1998 и др.].

Словари он считал высшим достижением филологического знания. Помню, с каким чувством нескрываемой радости и гордости он демонстрировал мне украшение своей домашней библиотеки — огромный том английского толкового словаря в чёрном кожаном переплёте. Осоз-

новая насущную потребность радикального совершенствования методов систематизации и изучения лексики, А. А. Поликарпов был одним из тех, кто начал практически реализовывать на почве русского языка идеи корпусной лингвистики. Ряд корпусов русского языка и других электронных словарных баз данных, созданных сотрудниками основанной А. А. Поликарповым в 1992 году Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ, в настоящее время приняты на вооружение лингвистами многих научных центров. Особенно активно используется Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX века [<http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus/>], который позволяет лексикологам выносить обоснованные суждения о жизни русского слова на рубеже XX-XXI вв. (см., в частности [Маринова 2008: 9]). Анатолия Анатольевича нет с нами, но он живёт в своих научных трудах и поставленных им исследовательских задачах, в электронных базах данных и других осязаемых результатах многоплановой деятельности созданной им лаборатории.

В этой статье будут рассмотрены некоторые нюансы всегда интересовавшей А. А. Поликарпова и его научную школу проблемы особенностей бытования нового слова на этапе его вхождения в лексическую систему современного русского языка — от первых появлений слова в русской речи и в словаре до его признания полноценной единицей лексической системы русского языка.

Объектом моего рассмотрения является специфический фрагмент заимствованной лексики — **графические заимствования**, т. е. слова, которые в русской письменной речи оформлены с использованием букв латинского алфавита (или любого другого алфавита, сформированного на базе латиницы), например *ICQ* [ай сик ю] ‘особая служба связи в рамках Интернета’. К числу графических заимствований относятся и такие слова, которые имеют соответствия с использованием букв русского алфавита, ср.: *PC* и *ПК* ‘персональный компьютер’, *e-mail* и *e-майл* / *e-мейл* / *e-мэйл* ‘электронная почта’, *upgrade* и *апгрейд* ‘модернизация компьютера или какого-либо иного устройства’ и др. Графические дублеты типа *e-mail* // *e-майл* целесообразно рассматривать как разные слова, характеризующиеся различной степенью освоенности русской лексической системой. Не случайно в словарях графические дублеты обычно даются разными словарными статьями. Наличие русифицированного графиче-

ского дублета, естественно, свидетельствует об освоении заимствования лексической системой русского языка.

Но бывают случаи иного рода, когда русифицированный вариант графического заимствования фактически расходится с ним в узусе по значению. Так, словарями отмечается графическое заимствование *HR* [эйч ár] ‘служба управления персоналом’ — аналог былого «отдела кадров» (см., напр. [АЛ: 1117]. Однако кириллическое соответствие этому графическому заимствованию — *эйчár* — имеет существенно иное значение: это уже не служба управления персоналом, а сотрудник этой службы. Ср. начало одной из статей в Интернете:

КТО ТАКИЕ ЭЙЧАРЫ И ХЕДХАНТЕРЫ?

Если вы интересуетесь поиском работы, вам наверняка встретится хотя бы один из упомянутых специалистов. Эти слова для русского языка достаточно новые и позаимствованы из других языков. Но как явление они развиваются достаточно быстро, поэтому имеет смысл узнать о них поподробнее.

Итак, слово «эйчар» происходит от английской аббревиатуры HR — Human Resources. HR — это отдел или целая компания, которая занимается управлением человеческими ресурсами в организации. В отличие от классических отделов кадров, HR-отделы занимаются не только поиском и подбором сотрудников и делопроизводством. Эйчары ответственны и за разработку мотивационных схем для сотрудников (премии, бонусы, социальные пакеты), и за обучение персонала и повышение квалификации. Важной функцией HR-отделов является донесение корпоративной культуры до работников организации. Подбирая сотрудника, хороший эйчар уже представляет, как человек вольется в коллектив, насколько легко примет корпоративную культуру, какое повышение квалификации его заинтересует и будет во благо компании. Классические эйчары проводят первое собеседование с кандидатом, направляя потом самых лучших на беседу с руководителями. И потому важно максимально выгодно представить эйчару свою кандидатуру с разных сторон (<http://jobhack.com/2009/04/kto-takie-ejchary-i-xedxantery/>).

М. А. Кронгауз, обсуждая соотношение в лексической системе заимствованного слова *эйчар* и привычного русского слова *кадровик*, пишет, что «эйчар — это то же самое, что менеджер по персоналу [т.е. сотруд-

ник службы HR. — Е.К.], но ни в коем случае не кадровик (эйчар обидится)» [Кронгауз 2012: 75].

Следовательно, *HR* и *эйчар* — это не графические дубликаты-заимствования, не два слова с одним значением, а фактически два разных заимствованных слова, восходящих к одной и той же английской аббревиатуре и находящихся между собой в мотивационных отношениях: *HR* → *эйчар*; они различаются не только графическим представлением, но и семантикой. Это обстоятельство отличает данные слова от графических дублетов типа *РС* и *ПК*, *СД* и *СД*.

Почему форма записи заимствованного слова стала предметом специального рассмотрения в этой статье? Дело в том, что при определении слова как единицы языка принято отмечать его фонетические, морфологические, синтаксические и семантические свойства, но не возможность его графического представления (см.: [Смирницкий 1998: 26–35; Гак 1990: 464–467]). Однако есть основания полагать, что исключительно важной характеристикой слова любого развитого литературного языка является обычно не упоминаемая при общей характеристике слова его **графическая оформленность** (см. подробнее об этом признаке слова: [Шанский 1972: 14–15]).

Сущность феномена графического заимствования зафиксирована уже в термине, его обозначающем. **Графическое** заимствование — это «воспроизведение заимствуемого слова в графике языка-источника. Считается, что такое заимствование возможно (и уместно) при наличии одного алфавита у языка-донора и языка-реципиента, Однако и при едином алфавите многие европейские языки предпочитают передавать на письме чужое слово своими средствами в соответствии с орфографией родного языка ... т. е. избегать графических (или орфографических) заимствований» [Маринова 2012: 96]. С учётом этого не может не поражать толерантность русского языка на рубеже XX–XXI вв.: это язык с кириллической основой письма, который в последнее время весьма охотно заимствует имена новых понятий в латинской графике языков-доноров (обычно английского языка, но не только).

Графические заимствования достаточно частотны в нашей речи, причем как в специальной, так и в повседневной. Приведём для примера перенасыщенный неологизмами рассматриваемого типа небольшой научно-популярный, судя по его стилистике, текст, посвященный «совершен-

нолетию» Интернет-службы **ICQ**. Замечу, что текст взят с «обычного» сайта, не обслуживающего узких специалистов в области компьютерной техники. Жирным шрифтом выделены неологизмы рубежа XX–XXI века, графические заимствования при этом подчеркнуты. Слова, значение которых может быть известно не всем читателям этой статьи, семантизируются в приводимых мной сносках.

ICQ ОТМЕЧАЕТ 18-ЛЕТИЕ. КАК ИЗМЕНИЛСЯ САМЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ МЕССЕНДЖЕР²⁰?

15 ноября **мессенджер ICQ** отмечает свое 18-летие. На пути к этой знаменательной дате он сильно вырос. Тот, кто был знаком с **ICQ** только в детстве, будет немало удивлен, обнаружив, насколько **ICQ** изменился. Бесплатные **SMS**, звонки и видеозвонки, обмен любыми **файлами**, групповые **чаты**, **стикеры**, персонализация. В общем, совершеннолетие **мессенджера** — отличный повод познакомиться с ним заново, на **Android** или на **iOS**.

Новый пользователь всегда начинает с регистрации. Сейчас в **ICQ** применяется стандартная современная схема — привязка к номеру телефона и ее подтверждение кодом из **SMS**. Старые знакомые **ICQ** могут войти с помощью почтового адреса и пароля или уникального **логина**, **UIN**.

Сразу после регистрации **ICQ** считывает список контактов. Те люди, у которых тоже установлен **ICQ**, попадают на первую вкладку в **мессенджере**, все остальные — на вторую. Даже тем, у кого нет **ICQ**, можно отправлять сообщения. Знакомые без приложения получают сообщения как бесплатные **SMS**.

Аудио- и видеозвонки появились в **ICQ** не так давно, но лежащая в их основе технология уже успела получить несколько улучшений. В частности, разработчики переписали **VoIP**-движок²¹, и теперь связь остается качественной даже при низкой скорости подключения или неуверенном приеме. Все виды звонков внутри **ICQ** полностью бесплатны.

Кнопка звонка расположена прямо в диалоговом окне. Включить или отключить видеосвязь можно одним нажатием — как и переключить

²⁰ **Мессенджер** — система мгновенного обмена сообщениями в реальном времени через Интернет. ... <http://ru.wikipedia.org/wiki/Мессенджер>

²¹ **VoIP-телефония** — голосовая связь по протоколу IP. Под IP-телефонией подразумевается набор коммуникационных протоколов, технологий и методов, обеспечивающих двустороннее голосовое общение по сети Интернет или по любым другим IP-сетям.

читься между основной и передней камерами. О звонках **ICQ** уведомляет даже в фоновом режиме (оповещения можно отключить).

Такая заметная черта современного **ICQ**, как групповые **чаты**, у кого-то вызовет в памяти древние **чатуры**. Правда, начать коллективное общение в наше время гораздо проще — прямо в приложении можно добавлять друзей в существующий разговор по одному или сразу позвать всех. Права на приглашение новых участников имеют все общающиеся, и **чат** может стать людным, как новгородское Вече (ограничений на число собеседников нет). Работает **чат** при этом все равно четко. На месте остаются все возможности, доступные в обычном диалоге — например, обмен любыми файлами, включая только что снятые или старые фото и видео. (Нужно нажать на кнопку «+» внизу справа.)

Внизу слева находится кнопка, на которую повешены **эмодзи**²² (**смайлики**) и **стикеры** (довольно большие анимированные полотнища). В **стикерах** легко узнаются **интернет-мемы** последних лет. Кроме **мемов**, есть панды, котики и прочие зверушки, задирающие показатель «**милота**²³» **выше 9000. Все наборы смайликов и стикеров** — бесплатные. Чтобы чувствовать себя в **ICQ** как дома, можно переклеить обои в **чате** (причем в каждом по отдельности), используя готовые темы или фото собственного изготовления.

Оценивать мобильный **мессенджер** по человеческим возрастным меркам — занятие не совсем серьезное. Но трудно не отметить сходство. У людей 18 лет — начало взрослой жизни и в то же время периода самого активного раскрытия потенциала. **ICQ** вполне соответствует своим 18 годам. У сервиса есть история и достижения, он умеет хорошо работать и делать очень многие вещи — но при этом не останавливается на достигнутом и постоянно меняется к лучшему (14.11.2014).

²² Эмодзи (от яп. 絵 — картинка и 文字 — знак, символ; яп. произн. [emodzi]) — язык **идеограмм** и **смайликов**, используемый в электронных сообщениях и веб-страницах. Этот графический язык, где вместо слов используются сочетания картинок, появился в Японии и распространился по всему миру (Инт.).

²³ Пример того, что «модные» неологизмы — это не обязательно заимствования. Милота́, -ы́ (ж.р.) — собственно русский склоняемый субстантивный дериват, образованный от прилагательного милый ‘нечто «милое», рассылаемое через электронные службы связи’ (картинки, видео и т. д.), см., например: http://vk.com/wall85887121_7089. В этом же посте, по наблюдениям О. В. Дедовой, есть толкование данного слова через характерные экспрессивные синонимы: “аняня” и “суси-пуси”.

Компьютер устанавливает в этом тексте 546 словоформ, из них 22 (т. е. 4%, что очень много) принадлежат словам типа **ICQ**. Разумеется, соотношение графических заимствований с исконно русскими словами и заимствованиями, в формальном плане вполне адаптированными, в разных текстах может быть различным, и есть много текстов, где слова типа **ICQ**, **PC** вообще отсутствуют. Но важно другое: встреча с такими словами не исключена в разных жанрах современной русской письменной речи, и это существенно отличает наш язык от многих других языков.

Мы не можем себе представить, чтобы, например, в английском языке некоторые слова были записаны кириллицей (если это не специальный филологический текст, посвященный обсуждению проблем кириллицы). Между тем известно, что некоторые заимствования из русского в этом языке зафиксированы. После запуска первого искусственного спутника Земли в разных странах появились заимствования, восходящие к русскому слову *спутник*. При этом в языках, не опирающихся при написании слов на традиции кириллической письменности, слово должно было прежде всего подвергнуться графической адаптации. Поэтому никому не придёт в голову допустить возможность появления в англоязычной прессе высказываний типа *The first soviet **спутник** was launched on October 4, 1957*. В подобных контекстах естественно ожидать появления стандартно оформленного по нормам графики языка-реципиента заимствования *sputnik* ‘искусственный спутник’ [БАРС 1979, 2: 523]. То же касается и других заимствований из русского языка, например слова *troika* [Там же: 667], часто используемого в СМИ при характеристике работы трехсторонних комиссий по улаживанию международных конфликтов.

В японском языке, претерпевшем во второй половине XX века наплыв англицизмов, существует прием графической кодификации таких заимствований: они, как и другие заимствованные слова, записываются не латиницей, а с помощью средств особой слоговой системы японского письма — катаканы [Алпатов 1990: 626], что, с одной стороны, инкорпорирует заимствование в японский текст, а с другой — на фоне преобладающего иероглифического рисунка японского письменного текста подчеркивает особый языковой характер заимствований.

Каково место графических заимствований в лексической системе современного русского языка, более терпимого к графическим заимствованиям?

Существует точка зрения, что слова типа *ICQ, PC* – это разновидность варваризмов («новейшие варваризмы» [Казкенова 2014: 80]). При этом варваризмы определяются как иноязычные вкрапления, хрестоматийными примерами таких вкраплений являются слова и выражения *credo, sic!, perpetuum mobile* и т. п. [Там же: 81–82].

Однако с подобной трактовкой графических заимствований трудно согласиться. Слова типа *ICQ, PC* – это не **вкрапления** в русскую речь заведомо иноязычных («чужих», нерусских, т. е. не только не освоенных, но даже и не усвоенных²⁴) слов, словосочетаний, предложений типа нем. *Denken* ‘мышление’, лат. *sine dubia* ‘вне сомнения’, франц. *beaux mots* ‘изысканные обороты речи’, англ. *The matter is dropped* ‘вопрос исчерпан’ и т. п. Вкрапления подобного типа активно использовались и продолжают использоваться, причем именно в качестве *beaux mots*, в устной и письменной речи образованных слоёв общества, но никем не рассматриваются как факты собственно русского языка (точно так же не принадлежат русской речи пространные реплики на французском языке персонажей «Войны и мира» Л. Н. Толстого). Такие слова и выражения невозможно найти в стандартных толковых словарях русского языка [БАС; МАС; БТС и др.], в то же время их фиксируют специальные словари иноязычных вкраплений, например [Бабкин, Шендецов 1981; 1987].

Иноязычные вкрапления располагаются некоторыми учёными на низшей ступени шкалы освоенности заимствований [Крысин 1997: 133]. На мой взгляд, есть основания вообще вывести их за пределы этой шкалы как абсолютно не освоенные элементы чуждых лексических систем, спорадически используемые некоторыми носителями русского языка в своей речи именно как «вкрапления» из других языков.

Слова типа *ICQ, PC* имеют иную природу и иную лексикографическую судьбу, так как цель их использования другая. Это не иноязычные вкрапления, используемые «ради красного словца», с особыми риторическими и стилистическими функциями. Существование графических заимствований типа *ICQ, PC* в рамках лексической системы русского языка, а не за её пределами (усвоенность таких лексем) обусловлено когнитивной и коммуникативной необходимостью. В этой связи важно ещё раз подчеркнуть, что многие графические заимствования вообще

²⁴ О соотношении понятий освоенности и усвоенности заимствований см.: [Маринова 2009: 40].

не имеют фиксируемых словарями русифицированных дублетов (таково слово *ICQ*²⁵).

Очевидно, поэтому слова типа ICQ, PC, несмотря на их совсем не русифицированный облик, и признаются современной лексикографией в качестве слов русского языка. Простое и ясное объяснение этому феномену даётся на обложке словаря [Шагалова 2011]: в издательском представлении книги говорится, что она содержит «слова, не имеющие аналогов в русском языке, без которых сегодня невозможно жить и работать, понимать и читать, смотреть и слушать» (чего, конечно, нельзя сказать об упомянутых выше словах и выражениях типа *beaux mots*, *Denken* и *sine dubia*).

Графические заимствования типа *ICQ, PC* появились сравнительно недавно, в конце XX в. Естественно, их не фиксирует изданный под редакцией В. В. Лопатина академический «Русский орфографический словарь» [Орф. 2000], содержащий 160 000 слов. Важно отметить, что в словнике [Орф. 2000], как и [Орф. 2008], нет ни одного слова, которое бы не передавалось средствами русского алфавита (в конце статьи я вернусь к указанной особенности этих словарей).

Во всех основных толковых словарях русского языка XX в. ([БАС; БАС₂; МАС; БТС; Ефремова 2000]) и в большинстве словарей русских неологизмов (см., например, [Катлинская 2007]) слова в нерусском графическом оформлении также отсутствуют; ср. обобщенные данные по словарям в [СССРЛ]. Нет подобных слов ни в «Словаре перестройки» [СП], отразившем первые серьезные подвижки в лексической системе нового времени, ни в словарях [Гусейнов 2012; Новиков 2012], где представлены новые ресурсы языка «нулевых» годов XXI века. Таким образом, лексикография до недавних пор неукоснительно соблюдала один из очевидных критериев отнесения слова к русской лексической системе — использование русского (и только русского!) алфавита при формировании графического облика слова.

²⁵ В словарях иногда отмечается в качестве русского дублета для графического заимствования ICQ слово из компьютерного жаргонного жаргона Аська (вариант: аська) ‘ICQ’, ср.: Сидеть ночами в Аське; Общаться по аське; Сервисы для пользователей аськи [АЛ: 93]. Очевидно, однако, что перед нами не простое русское графическое соответствие для ICQ (как в случае с youtube — ютьюб [Шагалова 2011: 382, 406]), а особое исконно русское слово — разговорный стилистический дериват от графического заимствования ICQ.

Где можно было бы ожидать присутствия графически нерусифицированных заимствований, так это в словарях иностранных слов. Но и в этих словарях (см., например, [Крысин 2002, Крысин 2009б] и др.) подобные слова отсутствуют. Их автор, постоянно и внимательно следящий за активизировавшимся в наши дни процессом усвоения русским языком лексических заимствований, вполне солидаризуется с презумпцией графической идентичности всех русских слов независимо от их происхождения²⁶.

Иначе вопрос о словах типа *ICQ*, *PC* рассматривается другими лексикографами. Подлинным пионером лексикографической фиксации слов рассматриваемого типа явился «Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения», изданный в 1998 году под ред. Г. Н. Складеревской. Словарь принадлежит, судя по его названию, к числу словарей **русского языка**, он толкует **русскую** лексику. Но завершается словарь четырехстраничным никак не озаглавленным «Приложением» [ЯИ: 697–700]. Это приложение содержит очень немного (всего 29) слов особого рода, которые по формальному признаку никак не помещаются в основной словарь. Это такие «русские» слова в нерусском обличье, как *BBS* ‘компьютерная система, подсоединенная к телефонным линиям и позволяющая читать ее содержание всем, у кого есть модем’, *CD*, *Windows* и т. п. Подобные «новые русские» слова представлены в [ЯИ 2006], как и в словарях языка-источника (английского языка), средствами английского алфавита и в соответствии с порядком расположения букв в нём — от А до Z, вернее до В до W — слов на А и на три последние буквы английского алфавита (X, Y и Z) в составе русской лексики конца XX века составители [ЯИ] не нашли.

²⁶ Лишь изданный в 1981 году, еще в доперестроечные времена, «Словарь иностранных слов» под ред. А. Г. Спиркина завершается кратким разделом «Иностранные слова и выражения, встречающиеся в литературе в латинском написании» [СИС: 612–621]. Но этот раздел содержит отнюдь не собрание графических заимствований в указанном выше смысле. Составители [СИС] предлагают читателю краткий вариант справочника иноязычных риторических вкраплений типа *ad incunabulis* ‘с колыбели; с самого начала’, *bis dat, qui cito dat* ‘вдвойне даёт тот, кто даёт скоро’ — полную версию такого справочника представляет собой уже упоминавшийся выше двухтомник [Бабкин, Шендцев 1981; 1987].

Открываем еще один словарь, опубликованный также под редакцией Г. Н. Складневской в 2006 году, а затем несколько раз переизданный, — «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» [АЛ]. В конце этого словаря (с. 1111–1131) мы вновь обнаруживаем раздел, озаглавленный «**A – Z**» — само заглавие показывает, что далее следуют русские слова, записываемые латиницей. Этот раздел содержит 161 слово типа *acid jazz* [эйсид джэз] муз. ‘эйсид-джаз’, *cash* [кэш] информ. ‘кэш-память’, *WWW* [дэбл ю дэбл ю дэбл ю] или [вэ вэ вэ] информ. ‘World Wide Web’ и т. п.

Включён особый раздел «**A – Z**» и в «Комплексный нормативный словарь современного русского языка, изданный в 2009 году (т. е. через 3 года после выхода в свет [АЛ]) под ред. Г. Н. Складневской и Е. Н. Валуиной [КНС: 1007–1037]. Раздел графически нерусифицированных неологизмов начинается с наречий *a cappella* ‘то же, что а капелла’ и *a posteriori* ‘то же, что апостериори’ и завершается существительным *XML* (вариант: *xml*) ‘свод общих синтаксических правил для хранения структурированных файлов, обмена информацией между программами’. Всего в этой части словаря представлено 466 словарных статей. Это самый полный из известных мне опубликованных в толковых словарях русского языка сводов иноязычной лексики, подаваемой с использованием латиницы.

Интересные лексические данные были собраны также Е. Н. Шагаловой, издавшей в том же 2009 году свой словарь заимствованной лексики под названием «Словарь новейших иностранных слов» [Шагалова 2009]; а в 2011 году этим же автором был издан «Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века»²⁷. Составителю этого словаря удалось прийти к перечню графически англоязычных «слова русского

²⁷ В интернет-откликах на этот словарь немало сетований по поводу плеоназма его названия («или новейший, или самый новый!»). Между тем мы наблюдаем достаточно спорный с грамматической точки зрения, но в коммерческом плане вполне успешный маркетинговый ход издательства. Как можно было в названии нового словаря, издаваемого всего через два года после публикации в том же издательстве словаря новейших иностранных слов, отразить тот факт, что на этот раз издается еще более новое собрание неологизмов? В итоге издательство и автор приняли то решение, которое они приняли. Что касается словаря, то он, несмотря на режущее глаз название, представляет большой интерес для всех, интересующихся проблемами неологии.

языка» почти до конца английского алфавита, последние словарные статьи в словаре такие: YANOO И YOUTUB [Шагалова 2011: 406]; всего в словаре представлено 96 словарных статей подобного типа.

Данные графические заимствования реально функционируют в русской речи, причем, как уже было сказано, отнюдь не только в речи узко специальной. Это отражает, например, Компьютерный корпус газетных текстов конца XX в., созданный в Лаборатории общей и компьютерной лексикографии МГУ под руководством А. А. Поликарпова: *Объективные данные и субъективные мнения. CD: рейтинги продаж* (Известия); *Известно, что объем ее 5 CD, а сюжет еще более запутан, чем в первой части* (Мос. комсомолец); *... он записал несколько магнитоальбомов, однако первым официальным его релизом считается CD “Violet” — “Фиолетовый Альбом”, записанный в США ...* (Нов. газета); *... не только иностранные, у нас уже появились свои: «Вист», «Ток», Wiener PC, CLR. Покупая “бренд”, вы гарантируете себя от последующих проблем ...* (Мос. комсомолец); *...(правда, с RAM 8 МГб и без CD-ROM); американский IBM PC 140 стоит 1 620 долларов (опять же без CD-ROM) и т. п.*²⁸

Слова рассматриваемого типа учитывает и Национальный корпус русского языка (НКРЯ), ср.: *Круглая пластмассовая коробка из-под болванок CD или DVD, если просверлить в её крышке отверстие, послужит удобным приспособлением для вязания или хранения мотка бечёвки* (Наука и жизнь, 2009); *Есть художники, которым лень долго делать компьютерные коллажи для обложки CD или задника игры, они берут готовый кусок, дублируют его и склеивают с предыдущим* (Русский репортер, 2009); *Основатель и руководитель всемирно известной компании «Майкрософт» (Microsoft) Б. Гейтс (Bill Gates) ... сообщил о новой разработке — программе “Windows Vista” (WV), которая, по его мнению, упрощает работу с PC* (Наука и жизнь, 2007); *Между прочим, именно благодаря тому, что IBM предпочла кристалл Intel 8086 для своего первого PC, Intel смогла стать тем, чем она стала на этом рынке* (Известия, 2003.01.09) и т. п.

Сами по себе заимствования — прекрасный способ восполнения лакун в лексиконе, постоянно возникающих в связи с развитием общества [Крысин 2009: 118–129]. Но графические заимствования типа *ICQ*,

²⁸ Благодарю О. В. Кукушкину за предоставленные лексические данные.

РС всё-таки разительно выделяются на фоне других заимствованных слов, вошедших в наш речевой обиход.

Тем не менее слова типа **ICQ**, **РС** усвоены русской лексической системой (в отличие от неусвоенных иноязычных вкраплений — варваризмов типа *sic!*, *perpetuum mobile* и пр.). Но графически эти слова **не освоены**, они функционируют не по законам, которые сложились для «нормальных» (стандартных) лексических единиц русского языка и которым подчиняется большинство заимствований типа *менеджер*, *пиар* и пр.

Процесс включения слова в лексическую систему языка, если это язык литературный, должен быть осуществлен в полном соответствии с критериями **кодификации** нормативных явлений языка. Эти критерии как раз и нарушаются при заимствовании слов типа **ICQ**, **РС**, осуществляемом в том виде, как это наблюдается в современном русском языке. Поэтому обсуждение слов указанного типа целесообразно продолжить с позиций теории кодификации литературной нормы, так как все проблемы их освоения, адаптации связаны с откровенным нарушением действующей до сих пор основной графической нормы русской письменной речи.

Под **кодификацией** принято понимать целенаправленную деятельность лингвистов по упорядочению норм языка²⁹. М. В. Панов и Е. А. Земская писали, что кодификацией называется «сознательная забота о языке. <...> Кодификация ... значит упорядочение, приведение в единство, в систему, в целостный непротиворечивый свод (кодекс)» правил функционирования языковых единиц [Панов, Земская 2002: 11–12].

Без постоянной и последовательной кодификации не может жить литературный язык, который (в отличие от иных форм реализации национального языка, например диалектов и просторечия) определяется как «язык, имеющий твердые нормы, о сохранности которого заботится всё общество» [Панов, Земская 2002: 10]. При этом реально «в качестве кодификаторов (тех, кто бережет достоинство литературного языка)», выступают не только составители нормативных грамматик и словарей, но и влиятельные для социума носители русской литературной нормы

²⁹ Есть и прямо противоположный процесс — осознанная (как у футуристов или современных интернет-«падонкафф» [Кронгауз 2013]) либо бессознательная (у лиц, не способных или принципиально не желающих придерживаться правил литературной речи) деятельность по разрушению норм литературного языка; для обозначения этой деятельности я предлагаю использовать термин дискодификация, см. подробнее: [Клобуков 2002; 2004; 2012а; 2012б].

— «писатель, журналист, общественный деятель, диктор радио и телевидения, артист, учитель, преподаватель вуза...» [Там же: 9–10].

Существует основная графическая норма современного русского литературного языка: русские слова должны быть записаны с учетом 33 букв русского алфавита. Есть и другие нормы. Так, в порядке исключения в специальной речи (например, в химическом или в философском дискурсе) возможно использование букв латинского или греческого алфавитов (например, H_2O ‘вода’, $\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$ ‘эйдос; способ организации и/или бытия объекта’).

Но встает вопрос: где конкретно сформулированы эти и иные очевидные графические нормы³⁰? В академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» говорится лишь о том, что «русское письмо — звуко-буквенное: основные его единицы — буквы соотносятся с фонетическими единицами языка» [Правила 2006: 11]. Но тут ничего не сказано, что русское письмо в обязательном порядке основывается на русском алфавите. Эта норма не сформулирована, она читается как бы «между строк», по умолчанию, что ненормально для кодификационных текстов. Составители справочника посчитали, что коль скоро двумя абзацами ниже на той же странице справочника характеризуется именно русский, а не какой-то другой алфавит, то «проницательный читатель», очевидно, должен сообразить, что и выше шла речь именно о русских буквах, а не буквах какого-то другого (или любого) алфавита.

Таким образом, основная графическая норма русской письменной речи эксплицитным образом в документах кодифицирующего типа не сформулирована. Но очевидно, что фактически не сформулированная норма не может быть надёжной основой графической кодификации лексики. Ничто не запрещает нарушать правило, которого реально невозможно найти в нормативных справочниках и пособиях. Отсутствие четкой формулировки нормы создаёт ситуацию «всё разрешено». Так и появляются в русском языке XXI века всё новые и новые графические заимствования на фоне общей презумпции о кириллической форме русского письма.

Если подвести итог всему сказанному, то положение графических заимствований в современном русском литературном языке можно определить как очень сложное и неоднозначное. Таких слов много, они появля-

³⁰ Благодарю Н. В. Николенкову за обсуждение этой проблематики.

ются чуть ли не каждый день и широко используются, они усвоены русским языком, а многие из них и хорошо освоены. Но не любая адаптированная национальным языком лексика должна признаваться достоянием литературного языка. Как известно, повсеместно очень хорошо усвоена и освоена, например, обценная лексика, но кто решится рассматривать её в рамках литературного языка?

«Законность» пребывания графических заимствований в русской лексической системе не вполне подтверждена кодификационными актами. Более того, примененные к словам данной группы кодифицирующие действия являются разнонаправленными, противоречащими друг другу.

С одной стороны, отказ важнейших изданий кодификационного типа — орфоэпических словарей — включать графические заимствования в свой словник однозначно выводит эти слова за рамки системы слов литературного языка. Эти слова, не прошедшие графический кодификационный фильтр, не включаются, как было показано выше, и в словники авторитетных (например, академических) толковых словарей, т. е. графические заимствования по традиции не проходят и лексикографический кодификационный фильтр.

С другой стороны, составители словарей неологизмов рубежа XX–XXI вв. подобной лексикой не пренебрегают, она представлена в этих словарях в виде неких приложений. Напомню, что самое большое собрание графических заимствований содержит весьма авторитетное издание кодификационного типа — рассмотренный в начале статьи «Комплексный нормативный словарь современного русского языка» [КНС]. Но это не просто один из словарей актуальной или неологической лексики. Словарь включен в двухтомный комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» (является вторым томом этого издания) и служит тем официальным источником, где любой желающий может ознакомиться с лексическими нормами русского литературного языка как государственного. Следовательно, включение графических заимствований в словник этого справочника автоматически означает акт их лексической кодификации: использование таких слов не противоречит нормам литературного языка.

Е. А. Земская, объективно характеризуя языковые изменения перестроечного периода, эксплицировала свою позицию следующим образом: «Мы не нормализаторы» [Земская 1996: 14]. Позицию объективно-

го наблюдателя занимает и М. А. Кронгауз: «Если коротко, эта позиция заключается в том, что для русского языка не страшны ни поток заимствований и жаргонизмов, ни вообще большие и, главное, быстрые изменения, которые в нём происходят. Русский язык «переварит» всё это, что-то сохранив, что-то отбросив, выработает, наконец, новые нормы, и на место хаоса придёт стабильность. Кроме того, даже в хаосе можно найти положительные стороны, поскольку в нём ярко реализуются творческие возможности языка, не сдерживаемые строгими нормами» [Кронгауз 2012: 15].

Поддерживая в целом такую позицию, я хочу всё-таки заметить, что временному языковому «хаосу» должна противостоять целенаправленная постоянная деятельность «кодификаторов», или «нормализаторов» языка; в их деятельности, конечно, не должно быть хаоса и взаимоисключающих (т. е. по сути своей дискодификационных) действий.

Если вернуться к графическим заимствованиям, то, одним из возможных решений вопроса об их статусе было бы признание их особыми единицами великого и могучего, удивительно толерантного к заимствованной лексике русского литературного языка. Но для этого мало включить их в словари неологизмов или даже в нормативный словарь русского языка как государственного. Необходимо прежде всего решить проблемы графической кодификации этих слов. Так, следует, наконец, в справочниках по русской орфографии чётко и недвусмысленно прописать основную графическую норму русского языка в виде опоры на русский алфавит. Но параллельно, очевидно, нужно дать научное обоснование и наблюдаемым в языке последних десятилетий исключениям из этой нормы, которые позволили бы легализовать включение графических заимствований в особые разделы русских словарей, причём не только толковых, но и орфографических. Действительно, где русский человек сможет узнать, как пишется «новое русское» слово *ICQ* – ну не в словаре же английского языка! А где он получит информацию о том, как это слово произносится? Очевидно, и орфоэпические словари должны как-то откликнуться на новую ситуацию в лексической системе русского языка.

Если всего этого не сделать, если вырвать слова типа *ICQ* из русского литературного языка, переместить их в разряд «варваризмов», не имеющих прямого отношения к строению нашей языковой системы, бытующих вне этой системы, то тогда придется решать вопрос иначе. Нужно

будет признавать, что в современной коммуникации собственно русский язык (в границах [Орф. 2000] и [БАС]) не может выполнять всех своих функций и вынужден пользоваться своеобразными внешними лексическими «подпорками» – лексическими средствами совсем других языков.

В любом случае, очевидно, что проблема адаптации и кодификации иноязычных заимствований требует активного теоретического обсуждения и практического решения.

Литература

- АЛ – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Около 8500 слов и устойчивых выражений / Под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2006.
- Алатов В. М.* Японское письмо // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор М. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Бабкин А. М., Шендецов В. В.* Словарь иноязычных выражений и слов [в двух томах]. Издание 2-е. [Т. 1] А-И. Л.: Наука, 1981; [Т. 2] К-З. Л.: Наука, 1987.
- БАРС — Большой англо-русский словарь / Под общим руководством И. Р. Гальперина. Издание 3-е. Т. 2. М.: Русский язык, 1979.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка, тт. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- БАС₂ — Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич (с 11 тома — А. С. Герд), тт. 1 — 22. СПб.: Наука, 2004–2013 (издание продолжающееся).
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
- Гусейнов Г. Ч.* Нулевые на кончике языка. Краткий путеводитель по русскому языку. М., Изд. дом «Дело», 2012.
- Добродомов И. Г.* Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-орфографический. В двух томах. М.: Русский язык, 2000.
- Земская Е. А.* Введение // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. редактор Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Ин. — Евангелие от Иоанна // Библия. М.: Изд-во Моск. патриархии, 1988.
- Каженова А. К.* Онтология заимствованного слова. М.: Флинта; Наука, 2014.
- Катинская Л. П.* Толковый словарь новых слов и значений русского языка. М.: АСТ: Астрель, 2007.
- Клобуков Е. В.* Русский язык на современном этапе его развития: несколько оценочных суждений // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2002, № 2.

- Клобуков Е. В.* Об истоках тенденции к дискодификации современного русского литературного языка // Педагогическое образование и наука. 2004. № 4.
- Клобуков Е. В.* *ФАНТАСТИШ MARKT — MEDIA MARKT*, или Необыкновенные приключения слов-иностранцев в постперестроечной России // *Littera scripta manet*. Служение слову: Сборник, посвященный 70-летию доц. д-ра Анны Николовой. Шумен: Университетско издателство “Епископ Константин Преславски”, 2012 (2012а).
- Клобуков Е. В.* Глобализационный фактор дискодификации грамматических норм современного русского языка // Педагогическое образование и наука. 2012, № 11 (2012б).
- КНС – Комментарий к федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Часть 2: Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка) / Под ред. Г. Н. Складневской, Е. Ю. Ваулиной. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.
- Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX века // <http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus/>
- Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. 3Д. М.: АСТ-CORPUS, 2012.
- Кронгауз М. А.* Самоучитель олбанского. М.: АСТ-CORPUS, 2013.
- Крысин Л. П.* Заимствование // Русский язык: Энциклопедия. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1997.
- Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. Около 25 000 слов и словосочетаний. 4-е изд. М.: Русский язык, 2002.
- Крысин Л. П.* Современный русский язык: Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. М.: Академия, 2009 (2009а).
- Крысин Л. П.* 1000 новых иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009 (2009б).
- Маринова Е. В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008.
- Маринова Е. В.* Иноязычная лексика современного русского языка: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2012.
- МАС – Словарь русского языка в четырех томах / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1981–1984.
- Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru/>
- Новиков Вл.* Словарь модных слов: Языковая картина современности. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012.
- Орф. 2000 — Большой орфографический словарь. Около 160 000 слов / Отв. ред. В. В. Лопатин. М.: Азбуковник, 2000.

- Орф. 2008 — *Лопатин В. В., Иванова О. Е., Сафонова Ю. А.* Учебный орфографический словарь русского языка. Свыше 100 000 слов и словосочетаний. М.: Эксмо, 2008.
- Панов М. В., Земская Е. А.* Кодифицированный литературный язык и разговорный язык // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. Издание 3-е. М.: Азбуковник, 2002.
- Поликарпов А. А.* Факторы и закономерности аналитизации языкового строя. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1976.
- Поликарпов А. А.* Элементы теоретической социолингвистики. М.: Изд-во Мосуна, 1979.
- Поликарпов А. А.* Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент. Дис. ... докт. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1986.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006.
- СИС – Словарь иностранных слов. Изд. 7-е / Под ред. А. Г. Спиркина и др. М.: Русский язык, 1980.
- Словарь АН СССР 1932–1937 — Словарь русского языка/ Сост. комиссией по русскому языку АН СССР. Л.; М., Изд-во АН СССР, 1932–1937 (издание незавершенное).
- Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998.
- СП – *Максимов В. И. и др.* Словарь перестройки. СПб.: Златоуст, 1992.
- СССРЛ — Сводный словарь современной русской лексики в двух томах / Под ред. Р. П. Рогожниковой. М.: Русский язык, 1991.
- Шагалова Е. Н.* Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.). Более 3500 слов и словосочетаний. М.: АСТ-Астрель, 2009.
- Шагалова Е. Н.* Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. Около 1500 слов. М.: АСТ-Астрель-Полиграфиздат, 2011.
- Шанский Н. М.* Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972.
- ЯИ – Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- Polikarpov A. A.* On the Model of Word Life Cycle // R. Köhler, R.; B. Rieger (eds.). Contributions to Quantitative Linguistics. Dordrecht, 1993.

Вспомяна Анатолия Анатольевича Поликарпова

Л. И. Колодяжная (Россия, Москва)

Анатолий Анатольевич был не только замечательным, известным ученым-филологом, но он был для меня одним — из самого великого ряда людей — УЧИТЕЛЕЙ.

Учитель — начиная с со времен Христа, — это человек, который указывает Путь и ученики всю жизнь идут по этому пути. Таких людей в жизни каждого — немного. Анатолий Анатольевич Поликарпов был одним из них.

УЧИТЕЛЮ

Я продолжаю то, что до меня
возникло в пожелтевших чуть страницах,
я просто часть упавшего огня,
я лишь звено в протяжной веренице.

И ты строку, как душу протяни,
преодолей привычный страх небесный
пусть мы останемся лишь в их тени,
но мы продолжим тех, ушедших, песни.

Вберем в себя разящий смелый звук,
проникнем в мысли, в даль продолжим
строчки,
которыми пленен навечно слух,
и разорвем безмолвья оболочку,

Пусть, как для них, последним станет день
— его оправдывает только слово
Учителей, которых чтим мы тень,
путь продолжая — нет пути иного...

1978–2013

В конце 1978 года одна из моих подруг по Лаборатории Вычислительной лингвистики НИВЦ МГУ (руководимой д. филол. наук В. М. Андрищенко) — Елена Оборнева предложила познакомить меня с Анатолием Анатольевичем Поликарповым — речь шла о будущей совместной работе по созданию конкордансов.

Это была начальная эпоха компьютерной лексикографии — не было не только компьютеров, но даже на огромных вычислительных машинах (Минск-22 и т. д.) удавалось работать не каждому. У меня была возможность работать на вычислительной машине НИВЦ МГУ. Я числилась инженером-программистом (благо, окончила Мехмат МГУ).

Мы встретились где-то на 9-ом этаже филфака, поговорили, прониклись взаимной симпатией — с ним было легко... И началась совместная работа по созданию конкордансов, кажется, по газетным текстам.

Позднее я познакомила его с Жанной Мошкович и она стала заниматься созданием конкордансов, а мне Анатолий Анатольевич предложил создать на вычислительной машине Автоматизированный словарь по материалам английского знаменитого Вебстеровского словаря.

Он привез из Стенфордского университета (где был пост-доком после аспирантуры филфака) копию этого словаря на магнитной ленте (!). Где-то в начале 80-ых я как раз, будучи аспиранткой Института языкознания РАН, работала над диссертацией. Основной идеей диссертации было — создание универсального математического описания структуры словарной статьи, на основе которого была создана программная система создания базы данных любого филологического словаря (по определенной методике описания структуры словарной статьи) и работы с этой базой на ЭВМ. Совместно с А. А. Поликарповым мы разработали описание структуры статьи Вебстеровского словаря и была создана его машинная версия — в начале на ЭВМ Минск-22, затем, уже в 1990 году на персональном компьютере. Еще на стадии работы со Словарем на ЭВМ Минск-22 под руководством А. А. Поликарпова были рассчитаны различные количественные параметры Вебстеровского словаря. Была написана совместная статья, где приводились и обсуждались эти характеристики (Колодяжная Л. И., Поликарпов А. А. Исследование количественно-семасиологических характеристик лексем на основе машинной

версии словаря // Квантитативные аспекты системной организации текста. Тбилиси. 1987. С. 35–40).

В начале 1990-х гг. Была создана база данных Словаря Синонимов русского языка (число основных статей — около 6000) по книге А. П. Евгеньевой — уже на персональном компьютере. Эта база данных работала под управлением автоматизированной системы УНИЛЕКС-Д (Колодяжная Л. И. Автоматизированная лексикографическая система УНИЛЕКС. Москва. Изд-во Моск. Ун-та. 1987. 115 с.), позволяющей производить различные операции над массивом словарных статей — выборки, проекции, вычисление количественных характеристик по различным группам лексем. Эта работа в полном объеме представлена в совместной с А. А. Поликарповым статье, компьютерная версия которой расположена в Интернете на сайте Филологического факультета МГУ («Некоторые количественные характеристики русской синонимии»). (На материале «Словаря синонимов» под редакцией А. П. Евгеньевой (Л.: Наука, 1975) (<http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/polkolsyn.htm>).

Благодаря этим работам с А. А. Поликарповым, я поняла — что количественные характеристики каждого всеобъемлющего словаря любого языка — это — и количественные характеристики системы данного языка.

Я начала проводить подобные статистические исследования на материале и других словарей, входящих в базы данных системы УНИЛЕКС-Д (см., например: «Частотный словарь схем управления. На материале Словаря управления Д. Э. Розенталя. Интернет-версия на сайте филологического факультета МГУ — www.humlang.newmail.ru» — раздел: Наши публикации).

Позднее, уже работая в группе В. П. Григорьева по созданию и исследованию базы данных Словаря языка русской поэзии XX века, я неоднократно применяла эту методику.

Я работала с А. А. Поликарповым около 10 лет (на полставки по договору). В 1990 году я стала старшим научным сотрудником Отдела Машинного фонда Института русского языка им. В. В. Виноградова.

Началась короткая, 10-летняя эпоха по созданию Машинного фонда русского языка, в которой принимали участие многие регионы Советского Союза. Ежегодно проводились конференции, издавались Труды Машинного фонда. А. А. Поликарпов принимал в этой деятельности активное участие, поддерживая инициативу В. М. Андрущенко (Главного конструктора Машинного фонда).

В каждом сборнике Трудов Машинного фонда неизменно публиковались и статьи А. А. Поликарпова и наши с ним совместные статьи.

Наше общение продолжалось. А. А. Поликарпов часто помогал уже нашей группе в Институте Русского языка РАН по созданию «Словаря языка русской поэзии XX века» (проект д. филол. наук., проф. В. П. Григорьева) в различных ситуациях. В частности, когда в качестве отчета по Гранту РГНФ 2003 года нам нужна была публикация одного из словарей этого проекта (Собственное имя в русской поэзии. Словарь личных имен), благодаря А. А. Поликарпову мы разместили Интернет-версию этого Словаря на сайте филологического факультета МГУ. (<http://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.2003/01.htm>).

Вообще — Анатолий Анатольевич был исключительно отзывчивым человеком и не раз помогал и мне и моим коллегам в трудных ситуациях. Приведу несколько примеров.

В середине 1980-х годов у нашей сотрудницы в Отделе Вычислительной лингвистики — Эллы Лавошниковой погиб муж. Она осталась одна с сыном и зарплатой в 120 рублей. Мы с Жанной Мошкович сказали об этом Анатолию Анатольевичу. Он немедленно принял Эллу работать у него по договору на полставки.

Благодаря Анатолию Анатольевичу я защитила в срок диссертацию на филологическом факультете МГУ. Конечно, все наши работы по словарям синонимов входили, как примеры баз данных в мою работу. Моим научным руководителем в Институте языкознания РАН был д. техн. наук Ренат Григорьевич Котов. Моя готовая диссертация пролежала на его столе полгода (он так ее и не прочитал). Фактически моими руководителями в этой работе были В. М. Андрущенко (в ту пору к. филол. наук и зав. Лабораторией Вычислительной лингвистики НИВЦ МГУ) и А. А. Поликарпов (в ту пору к. филол. наук). В мае 1986 года я была в гостях у Анатолия Анатольевича в Ясенево, он спросил — как дела

с диссертацией. Я сказала, что диссертация полгода лежит, готовая к защите, на столе в лаборатории Р. Г. Котова. Немедленно Анатолий Анатольевич набрал телефонный номер Рената Григорьевича (они были друзья и соседи по дому) — и через полгода произошла защита диссертации на Филологическом факультете МГУ.

Еще один эпизод. В 1990 году Владислав Митрофанович Андрущенко должен был защищать диссертацию на соискание степени докт. филол. наук. Оппонирующей организацией была выбрана Лаборатория Компьютерной лексикографии, созданной и руководимой А. А. Поликарповым. Помню, что отзыв запаздывал. Я позвонила по просьбе В. М. Андрущенко А. А. Поликарпову и отзыв был доставлен в срок.

Когда я стала работать в Институте русского языка в группе В. П. Григорьева по созданию Словаря языка русской поэзии XX века, у нас с Анатолием Анатольевичем уже не было совместных проектов. Но он неизменно интересовался нашими работами по Словарю поэзии, и мы каждый раз, при выходе очередного тома Словаря, дарили его Анатолию Анатольевичу.

Наконец, когда А. А. Поликарпов стал организовывать Международные словарные конференции вся наша словарная группа в Институте Русского языка неизменно участвовала в них.

Я познакомила Анатолия Анатольевича со своим мужем — Евгением Семеновичем Полищуком, который с 1990 года был заведующим Отделом Информатики в НИВЦ МГУ. Примерно раз в год Анатолий Анатольевич приходил к нам в гости, благо мы жили почти рядом. У них с Евгением намечались общие проекты по преподаванию студентам компьютерных навыков при работе с текстами.

В последний раз он пришел к нам в Теплый Стан в январе 2013 года.

Анатолий Анатольевич Поликарпов был необычайно красив, добр, отзывчив, он работал, не щадя себя...

Мы с мужем сравнивали его по внешности с киноактером Евгением Киндиновым. И сейчас, когда я вижу на экране в фильмах советских времен Евгения Киндинова, я говорю мужу — смотри — опять Анатолий Анатольевич...

После одной из конференций, на банкете я прочла акrostих: АНАТОЛИЮ...

Ах, если бы судьба, или иная сила
Небесный сей расклад единым днем продлила!
Ах, если б удержать в тисках житейской были
Ткань звездного луча, мерцанье звездной пыли,
Осколки бездны той, чье дальнее касанье,
Лия прозрачный свет, дает всему исток,
И в призрачности сей глухого мирозданья
Ютится человек, как Божий лепесток.

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ
АНАТОЛИЮ АНАТОЛЬЕВИЧУ ПОЛИКАРПОВУ.

Предложные сочетания с конфирмативной семантикой в русском и белорусском языках: списочный состав, семантика, типология

М. И. Конюшкевич (Белоруссия, Гродно), marikon9@mail.ru

Ключевые слова: предлог, предложное сочетание, конфирматив.

Аннотация: В статье дается характеристика предложных единиц, образованных на основе сочетания базового существительного со значением доминанции и первичного предлога (типа *под эгидой, под патронатом, в тисках* и под.). Выделено 10 лексико-семантических групп таких предложных сочетаний, отмечены семантические и структурные сходства и различия между ними в русском и белорусском языках.

Боль и горечь от сознания того, что с нами нет больше Анатолия Анатольевича Поликарпова, талантливого ученого, блестящего организатора, прекрасного человека, может быть, немного смягчат теплые и светлые воспоминания о тех немногочисленных, но памятных встречах, которые объединяли нас, белорусских, российских, украинских, польских лингвистов, на семинарах в рамках проекта по исследованию славянского предлога. На этих, как мы их называли, «посиделках предложников» в заставленном электроникой, тесном, но уютном помещении лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии очень плодотворно всем думалось, хорошо спорилось, любой вопрос тут же проверялся на корпусах текстов, самая сумасбродная идея встречалась с пониманием и с соучастием, а научный результат, полученный одним, тут же становился достоянием остальных. Все в этом уголке коллег-единомышленников освещалось улыбкой Анатолия Анатольевича, который, внимательно слушая выступающего, включался в дискуссию, хозяйственно разливая чай, успевая приветствовать входящего, ответить на звонок руководства... Даже будучи уже очень больным, он снова принял на себя всю ответственность за организацию и проведение в марте 2014 года последнего для него Международного конгресса исследователей русского языка.

Душа лаборатории и конгресса покинула этот мир, но ее свет еще долго будет идти ко всем, кто знал Анатолия Анатольевича, работал с ним, встречался с ним, переписывался, читал его труды, учился у него...

В докладе на II Международном конгрессе исследователей русского языка (2004) А. А. Поликарпов отметил, что «согласно принципу необходимости соответствия лексической и категориальной семантики слов, становящийся со временем все более семантически абстрактным лексический знак ищет соответствующую ему более абстрактную, все более грамматическую форму... Повторяющиеся по своей направленности (и доминирующие по своей частоте в сравнении с другими типами деривации — модификацией и мутацией) акты синтаксической деривации определяют возможность формирования тенденции к образованию на каждом следующем шаге словообразовательного процесса в любом гнезде все более признаковых, все более грамматичных, более категориально абстрактных слов, вплоть до таких чисто служебных слов, как союзы и предлоги» [Поликарпов 2004: 288].

Отмеченная тенденция в развитии языкового знака привлекла внимание лингвистов к категории предлога, пополняющейся за счет абстрагированных знаменательных слов. Для исследования природы и границ данной грамматической категории важны «лексико-семантическая и синтаксическая классификация знаменательных слов, вовлекаемых в поле предлога, выявление моделей, по которым эта лексика образует предложные новообразования» (Из электронной версии научного отчета № 04–04-78403-а по теме «Структура и функционирование русской и белорусской предложных систем: сопоставительный аспект» (2004 — 2005), двустороннем русско-белорусском проекте по исследованию русской и белорусской предложных систем — проекте, инициатором и руководителем которого была проф. М. В. Всеволодова, а основными исполнителями — коллектив лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии во главе с А. А. Поликарповым).

Участники названного проекта исходили из того, что «деривация предлогов — это не автономный процесс в отдельной подсистеме языка, а часть всеобщего процесса синтаксической специализации лексики» (из указанного выше отчета).

Уже первые шаги совместной работы в рамках российско-белорусской группы проекта привели к выводу, что поалфавитное сопоставление значений и употреблений даже первообразных предлогов на уровне словарных статей затруднительно: вскрылись сложные межъязыковые корреляции гетеролексемных предлогов (ср.: бел. *прыйсці а пятай гадзіне* — рус. *в пять часов; адпачываць з бацькамі* — *отдыхать с родителями*). В связи с этим было решено дифференцировать работу: российская сторона взяла на себя, в основном, разработку грамматических аспектов категории предлога и закономерностей употребления русских предложных единиц, а белорусская сторона основные усилия сосредоточила на формировании и атрибуции реестра белорусских предлогов и на выявлении семантических отношений, выражаемых русскими и белорусскими предлогами. Поскольку все участники проекта с белорусской стороны билингвы, установление межъязыковых семантических соответствий не вызывало затруднений, что и показано в нашем Реестре не только белорусских предлогов и их аналогов¹, которых насчитывается почти 10 тысяч (список не конечен), но и их русских соответствий [Канюшкевич 2008–2010].

В ходе работы над Реестром выяснилось, что так называемых «семантических зон» (М. В. Всеволодова) в предложной системе значительно больше, чем представлялось в грамматических описаниях. Наряду с традиционно выделяемыми видами отношений — субъектно-объектных, пространственных, временных, причинно-следственных, целевых, сравнительных и др., в обеих предложных системах были выявлены и другие разновидности отношений, ранее не попадавшие в поле исследовательского внимания. Семантическая дифференциация предлогов происходит 1) за счет вовлечения в предложную систему знаменательных слов, которые становятся базовыми компонентами аналитических предложных единиц, в нашей терминологии — предложных сочетаний (ПС); 2) за счет привлечения разных первичных предлогов, образующих вместе с базовым компонентом предложные сочетания; 3) за счет изменения падежной и числовой форм базового компонента, вовлеченного в предложное сочетание (сравн.: *в об'ятыя кризиса* — *из об'я-*

¹ Белорусская сторона не ставила цель дифференцировать периферийные языковые единицы по степени их определённости, поэтому по примеру «Русской грамматики» (1980) применительно к аналогичным союзным единицам («аналог союза») ограничилась общим термином «аналог предлога».

ятий кризиса); 4) за счет синонимии базовых компонентов предложного сочетания; сравн.: *под защитой / под охраной государства*. Эти факты позволили М. В. Всеволодовой выделить несколько разновидностей парадигм предлога — семантическую, морфосинтаксическую и текстовую [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2014: 68, 230 — 238].

В Реестре белорусских предлогов каждая предложная единица, наряду с другими параметрами, была охарактеризована и по значению образованной ею синтаксемы. Кроме этого белорусскими участниками проекта исследовались отдельные функционально-семантические группы² белорусских и русских предлогов и их аналогов: пространственных [Николаенко 2013], делиберативных [Важнік 2005], включения /исключения [Конюшкевич, Романовская 2009], каузальности [Важнік 2007; Усаченко 2002; Чепикова 2013]; противопоставления [Конюшкевич, Вишняк 2009]; сравнения [Конюшкевич 2004]; темпоральности [Михаловская 2010]; доминанции (или конфирмативности) [Конюшкевич 2010]; дименсивной семантики [Сентябова 2007; Сентябова 2008].

Задачей данной статьи является продолжение характеристики функционально-семантической группы конфирмативных предложных сочетаний (ПС). Термин «конфирматив» (лат. *confirmatio* — утверждение; сравн. *конфирмация* — утверждение высшей властью судебного приговора, в конфессиях — утверждение, обряд приобщения детей к церкви [СРЯ-Е: т. 2, с. 95]) мы сочли приемлемым для квалификации синтаксем со значением доминанции (утверждение, поддержка, влияние, власть, давление доминирующего субъекта-каузатора). Например: *при поддержке ООН, под юрисдикцией Испании, под надзором полиции, под патронатом церкви, в тисках греха, под прицелом папарацци, в объятиях стихии* и т. д.

Подобные сочетания — единицы, изофункциональные предлогу, поскольку каждое такое сочетание а) образует с управляемым существительным единую синтаксему, занимающую одну синтаксическую позицию в высказывании, б) является формантом этой синтаксемы и маркирует ее значение, в) вводит синтаксему в структуру высказывания, г) обладает двусторонней валентностью.

² Функциональные — по релятивной функции, семантические — по значению синтаксемы, образуемой предлогом.

Степень вовлечения таких сочетаний в поле предлога и степень их устойчивости в этом поле различна — от закрепления устойчивого сочетания в статусе предлога (*под эгидой* чего, *во главе с* кем, *с ведома* кого) до окказионального употребления, наподобие *под прицелом* чего или *под каток* чего. Но системность образования ПС в русском и белорусском языках очевидна. Например, уже само толкование слова и иллюстрации к нему показывают круг изофункциональной лексики, которая в определенных падежных формах образует функциональные синонимические ряды; например, *под эгидой* — “**под защитой, под покровительством** кого-чего-н., **под руководством** кого-н.” [СРЯ-Е: т. 4, с. 746] (выделение наше — М.К.).

Еще больше примеров дает речевая действительность. Так, вопреки информации в словаре о сочетании *под эгидой* как о единственной в русском языке форме слова *эгида* (в иных падежных формах в словаре оно уже не подается) [СРЯ-Е], речевая практика дает примеры предложных сочетаний, в которых базовый компонент *эгида* выступает и в других падежных формах, и с другими первичными предлогами. Например: *Персонал в Косово намерен выйти из-под эгиды ООН и перейти под эгиду ЕС* (Интернет; далее Инт.; бел. Инт.).

Перечни конфирмативных предложных сочетаний в нашем материале составили 197 единиц русского языка, 250 — белорусского (естественно, список открыт), причем все они верифицированы контекстами. Различия в списочных составах русских и белорусских ПС объясняются двумя причинами. Первая объективна: в белорусском языке отмечается интенсивная вариативность существительных, выступающих в роли базового компонента предложного сочетания, которая вызвана речевым расслоением коммуникантов (особенно в Байнете), ориентирующихся на самые разные речевые нормы — в сторону русского языка, литературного белорусского, белорусской народной речи, польского языка, так называемой “тарашкевицы”, старобелорусского, языка диаспоры, английского... В силу этой вариативности одному русскому слову могут соответствовать два и более белорусских. Ср.: рус. *под опекой* — бел. *пад апекай, пад апякунствам*; рус. *под охраной* — бел. *пад аховай, пад заслонай*; рус. *под меценатством* — бел. *пад мецэнатствам, пры фундацыі, з фундацыі*; рус. *в объятиях* — бел. *у абдымаках, у абдоймах, у абдымах, у абніму*. Отсюда и различия в спи-

сках самих базовых компонентов — 101 русское существительное и 127 белорусских.

Вторая причина расхождений носит субъективный характер: список русских ПС получен нами в результате формирования белорусского Реестра предложных единиц и подбора их русских соответствий, что и не могло дать полного массива русской лексики, способной выразить конфирмативное значение. Дополнительное и более тщательное исследование только русской речевой стихии, несомненно, пополнит указанный перечень. Наша задача была скромнее: привлечь исследовательское внимание к пласту лексики, специализирующейся в качестве форманта синтаксем одной функционально-семантической группы, представить максимально полный ее массив в белорусском языке и показать системные характеристики единиц данной группы.

Системность образования и функционирования конфирмативных предложных сочетаний проявляется по нескольким параметрам. Во-первых, системный характер обнаруживает сам перечень знаменательных существительных, втянутых в поле предлога в качестве базового компонента предложного сочетания. В данном перечне выявляются синонимические отношения (*згидда / опека / зашцита / непечительство / патронат*), которые в свою очередь катализируют такие же отношения и в предложных сочетаниях, причем даже в тех случаях, когда базовые существительные на уровне словаря синонимами не являются; ср.: *объяття и власть, но в объяттях стихии = во власти стихии*.

Во-вторых, многие из ПС образуют двучленную морфосинтагматическую³ парадигму с оппозицией директива и локатива: *попасть под каток репрессий — быть под катком репрессий, взять под охрану государства — быть под охраной государства*.

В-третьих, предложные сочетания в пределах данной группы имеют одинаковую валентность. Левая валентность характеризуется предикатами, выражающими зависимость состояния или действия одного субъек-

³ Нисколько не подвергая ревизии термин М. В. Всеволодовой «морфосинтаксическая парадигма», мы здесь используем термин «морфосинтагматическая парадигма» исходя из допущения, что в рамках такой парадигмы предложные сочетания представляют собой синтагмы, элементы которой (первичные предлоги и отдельные падежные формы базового существительного) находятся между собой в иных отношениях и выполняют иные функции, чем компоненты словосочетания в традиционном его понимании.

та от воли и/или действий другого субъекта. Правая валентность ПС обуславливается лексическим значением управляемого субстантива: это, как правило, слова, имеющие в своем значении или получающие в высказывании сему 'доминанция': *Во власти любви*; *Во власти наслаждений*; *Во власти неба* (книга); *Во власти Огня* (книга).

В-четвертых, и базовый компонент предложного сочетания, и управляемое им существительное настолько хорошо согласуются в смысловом отношении, что и те, и другие образуют систему коррелирующих лексико-семантических групп.

Рассмотрим подробнее лексико-семантические группы лексем, образующих конфирмативные ПС. Таких групп в нашем материале оказалось 10. По мере убывания списка эти ЛСГ следующие.

1) Самая многочисленная ЛСГ со значением 'давление': в нее входит 34 русских и 36 белорусских предложных сочетания, образованных соответственно 13 и 15 базовыми субстантивами. Все ПС образуют парные по директивно-локативной оппозиции морфосинтагматические парадигмы из форм винительного и творительного падежей базового слова: *под каблук / под каблуком — пад абцас / пад абцасам*, далее — в редуцированной подаче: *под иго/м — пад іга/м*, *под ярмо/м — пад ярмо/м*, *под крест/ом — пад крыж/ам*, *под сапог/ом — пад бот/ам*, *под пята/ой — пад пята/ой*, *под каток/ком — пад каток/ком*, *под давление/м — пад ціск/ам*, *под напор/ом — пад напор/ам*, *под натиск/ом — пад націск/ам / пад уціск/ам / пад даймо/м*, *под тяжесть/ю — пад цяжар/ам*, *под пригнет/ом — пад прыгнёт/ам*, *под принуждение/м — пад прымус/ам*. Кроме того, морфосинтагматическая парадигма ПС с базовым компонентом *удар* расширяется до 4 членов за счет форм числа: *под удар — под ударом / под удары / под ударами*. То же и в белорусском языке. Для русского базового компонента *натиск* в белорусском языке выступают три соответствия: *націск*, *уціск*, *даймо*. Базовый компонент *ярмо* образует еще пару ПС с первичным предлогом *в* (бел. у): *в ярмо / в ярме — у ярмо / у ярме*, но они входят в ЛСГ 'заточение' (см. ниже). Гетеролексы⁴: *каблук — абцас*, *натиск — даймо*, *принуждение — прымус*.

⁴ Гетеролексами называются лексемы двух близкородственных языков (каковыми являются русский и белорусский), эквивалентные по значению, но полностью различающиеся звукографическими комплексами (рус. отец — бел. бацька), в отличие от омолекс, совпадающих планами содержания и планами вы-

Несколько примеров в контекстах (даются исключительно для иллюстрации формантных функций данных ПС в синтаксеме и в высказывании): *Мир под игом демократии, либерализма и капитализма* (Инт.). *И вообще, страшное это дело — когда искусство впрягают в ярмо теории* (Ю. Качалкина). *Доллар корректируется под давлением европейской валюты* (Инт.). *Под крестом PR* (Инт.). *Современный человек в ярме привычек и пристрастий* (Инт.). *Наука под пятой бюрократии* (Инт.). *Пад кола дэградацыі трапілі нацыянальная музыка, жываніс* (В. Куртаніч). *Як часта мы пад крыжам мукі ў тамленні духу ўзносім рукі і вочы, поўныя гарэння, і прагнем мігу вызвалення!* (Я. Колас). *Недабіткі фашысцкай аховы адыходзяць пад напорам сілы* (Я. Брыль).

2) Столь же многочисленна и непарная по директивно-локативной оппозиции ЛСГ с общим значением 'каузатор'. Она насчитывает в нашем материале 27 русских и 38 белорусских предложных сочетаний, образованных на основе 25 и 29 субстантивов соответственно: *по воле — на волі / праз ласку / з ласкі, по мановению — на ўзмаху, по капризу — на капрызу, по инициативе — на ініцыятыве / з ініцыятывы / пры пасыле / пад завадатарствам, по милости — на міласці, по предложению — на прапанове, по приглашению — на запрашэнні/ю, по просьбе — на просьбе, по поручению — на даручэнні/ю, по призыву — на закліку, по приказу — на загаду, по указу — на ўказе/у, по указке — на ўказцы, по решению — на рашэнні/ю, по постановлению — на пастанове, по почину — на пачыну / з пачыну, по посылу — пры пасыле, по заданию — на заданні/ю, по заказу — на заказе/у, по команде — на камандзе, с ведома — з ведама, с согласия — са згоды, с разрешения — з дазволу, с одобрения — з адабрэння / з ухвалення, по примеру — на прыкладзе/ду, по совету — на парадзе / з парады / з намовы / пры намове, по советам — на парадах.*

Некоторые белорусские субстантивы имеют вариативность в формах дательного и предложного падежей (*на запрашэнні / на запрашэнню*), при более нормативной форме предложного падежа. Эти фонетические варианты принимались нами как одна единица. Существительные *ласка, ініцыятыва, намова* в белорусском языке образуют по две предложные единицы: *з ласкі / на ласцы, з намовы / пры намове, на ініцыятыве / з ініцыятывы*. В морфосинтагматических парадигмах наблюдается межъязыковая асимметрия: *по инициативе — на ініцыятыве / ражения (брат, сын) и паралекс, различающихся планами выражения частично (рус. дочь — бел. дачка) [БРПСС: 3].*

з ініцыятывы / пры пасыле / пад завадатарствам, с одобрения — з адабрэння / з ухвалення, по совету — на парадзе / з намовы / пры намове, по воле — на волі / праз ласку / з ласкі. Базовые компоненты совет — парада образуют падежно-числовые парадигмы из двух форм каждая. (В скобках заметим, что формы множественного числа способны образовывать и другие существительные этой группы (*рашэнні, загады, ініцыятывы* и т. д.), но они не образуют с первичными предложениями предложное сочетание.) Гетеролексы: *милость — ласка, предложение — прапанова, мановение — узмах, призыв — заклік, инициатива — пасыл / завадатарства, совет — намова, одобрение — ухваленне, разрешение — дазвол.*

В контекстах: *Проблемы решаются не по мановению* волшебной палочки, *взлет происходит не по капризу* фортуны (Инт.). **З ініцыятывы і фундацыі Ефрасінні** была пабудавана царква Спаса — унікальны помнік мураванага дойлідства Беларусі (К. Тарасаў). Тут Уладзімір, відаць, з **парады** адукаваных, вопытных **грэкаў**, **скарыстаў** візантыйскую практыку (К. Тарасаў).

3) ЛСГ со значением 'поддержка' насчитывает 12 русских базовых компонентов и 17 белорусских, образующих соответственно 16 и 26 предложных сочетаний: *под патронат/ом — пад патранат/ам, под заступничество/м — заступніцтва/м, при заступничестве — пры заступніцтве, при поддержке — пры падтрымцы, при содействии — пры садзейнічанні, под меценатство/м — пад мецэнацтва/м / пад мецэнацтва/м /над фундацыяй / пад фундаатарствам / з фундацыі, под спонсорством — пад спонсарствам, под одобрение/м — пад адабрэнне/м / пад ухваленне/м, при одобрении — пры адабрэнні / пры ўхваленні, при подсказке — пры падказцы, под поручительство — пад паручыцельства, под заруку — пад заруку, при посредничестве — пры пасрэдніцтве, по рекомендации — па рэкамендацыі.* Как видно, группа формально разнородна: используются различные первичные предлоги (*под, при, по — пад, пры, на*), отсутствует директивно-локативная оппозиция. Русским существительным *меценатство, спонсорство* в белорусском языке, кроме формальных соответствий *мецэнацтва, спонсарства*, используются также *фундатарства, фундацыя*. Гетеролексы: *поддержка — падтрымка, меценатство — фундацыя / фундаатарства, одобрение — ухваленне.*

Контексты: *Эти горы всегда будут под заступничеством Божьей Матери* (Инт.). *Андрэй Полацкі некалькі гадоў адседзеў у турэмнай камеры і быў вызвалены пад заруку князя Вітаўта* (К. Тарасаў). *У старажытнасці айва лічылася сімвалам кахання і ўрадлівасці і знаходзілася пад заступніцтвам Венеры* (І.А. Панасюк).

4) В ЛСГ со значением ‘руководство’ входит 17 русских и 23 белорусских предложных сочетаний (соответственно 9 и 12 базовых компонентов): *во главе с – на чале з, под руководство/м — пад кіраўніцтва/м / пад кіраванне/м, под предводительство/м — пад вадзіцельства/м, под команду/ой — пад каманду/ай, под командование/м — пад камандаванне/м, под начало/м — пад начала/м, под председательство/м / под старшинство/м — пад старшынства/м, под верховенство/м — пад зверхніцтва/м / пад павадырства/м, под праводырства/м / пад вяршэнствам*. Группа в основном однородна по директивно-локативной оппозиции, исключение составляет межъязыковая пара предлогов *во главе с – на чале з*. Гетеролексы: *во главе с – на чале з, верховенство — павадырства / праводырства, руководство — кіраўніцтва*. Бел. *пад завадатарства/м* по значению ближе к рус. *по инициативе* и отнесено нами к группе ‘каузатор’ (см. выше).

Контексты: *Франция возвращается под командование НАТО* (Инт.). *Доказано: женщине тяжелее работать под началом женщины* (Инт.). *645 гадоў таму (15 верасня 1362) перамога беларускіх войскаў пад зверхніцтвам Вялікага князя Альгерда над татарамі каля Сініх Водаў* («Наша слова», 17.01.07). *Пінск дае палітычны прытулак Войшалку, а ў наступным годзе пінская дружына пад началом Войшалка пайшла на Панямонне* (Инт.). *Ён прапанаваў правесці ў 1637 г. у Варшаве аб’яднаўчы царкоўны Сабор з выбраннем патрыярха пад вяршэнствам Рымскага папы* (А. Грыцкевіч).

5) ЛСГ с семой ‘владение’ объединила 9 русских и 13 белорусских базовых существительных, образовавших 22 ПС в русском и 29 в белорусском языке: *во власть/и — ва ўладу/дзе / у абладу/дзе, во владение/и — ва ўладанне/ні, под власть/ю — пад уладу/ай, под юрисдикцию/ией — пад юрысдыкцыю/ыяй, под протекторат/ом — пад пратэктарат/ам / пад пратэктаратства/м, под протекторство/м — пад пратэктарства/м, в ведение/и — у веданне/ні / у ведама/ме, в компетенцию/и — у кампетэнцыю/і / пад кампетэнцыю/яй, на баланс/е*

— на баланс/е, под заведование/м / пад загад/ам, в заведование/иш — у загадванне. Группа однородна по директивно-локативной оппозиции; имеется несколько асимметричных межъязыковых соответствий: во власть/и — ва ўладу/дзе / у абладу/дзе, под заведование — пад загад/ам, в заведование/иш — у загадванне, под протекторат/ом — пад пратэктарат/ам / пад пратэктаратства/м, в ведение/иш — у веданне/ні / у ведама/ме.

Контексты: *Андорра состоит под протекторатом Франции* (Инт.). *448 памятников федерального значения перейдут под юрисдикцию Петербурга* (Инт.). *Путин назвал дату передачи Новодевичьего монастыря в ведение РПЦ* (Инт.). *У Нясвіжы і наогул у Менску пад загадам біскупа Лазінскага мне ўжо рабілася цесна* (Кс. В. Гадлеўскі). *Большасцю гэтакіх галасоў вырашаюцца амаль усе справы, якія падпадаюць пад кампетэнцыю названае інстытуцыі* (Я. Пятроўскі). *Праз глыбокую эстэтызацыю мастацтва беларуская свядомасць апынулася ў абладзе ўражлівых мастацкіх вобразаў нацыянальных гісторыі, культуры, быцця...* (Л. Вашко).

б) ЛСГ с семей 'защита, покровительство' близка к ЛСГ 'поддержка', с той разницей, что поддержка предполагает активную доминацию, сопряженную с действиями поддерживаемого лица или института, в то время как слова с семантикой защиты номинируют пассивную доминацию: под опеку/ой — пад апеку/ай / пад апякунства/м, под защиту/ой — пад абарону/ай, под эгиду/ой — пад эгіду/ай, под покровительство/ом — пад абарону/ай, под охрану/ой — пад ахову/ай, под крыло/м — пад крыло/м, под крылышко/м — пад крыльца/м, под крышу/ей — пад дах/ам, под сень/ю — пад заслону/ай, под содействие/м — пад садзейнічанне/м. Для образования 44 (по 22 в каждом языке) предложных сочетаний данной ЛСГ задействовано по 10 базовых компонента каждого языка, с четкой директивно-локативной оппозицией. Гетеролексы: рус. под покровительство/м, бел. пад апякунствам.

Контексты: *Руководство Издательского дома «Бурда», под крышу которого «Playboy» перешел в 2002 году, решило повысить продажи мужского издания, тиражи которого в последние годы не росли* (НКРЯ). *Государственные компании окончательно убедятся, что быть под крышей государства гораздо безопаснее и выгоднее* (НКРЯ). *Потом я переманил их под крылышко И. С. Лесневской, где мы вместе создали*

немало телепередач (Э. Рязанов; НКРЯ). *Знаходжуся я тут пад апекай* вельмі сымпатычнага доктара Е. Г. Карскага (М. Танк). *Душа — той храм, дзе спее слова пад апякунствам абразоў* (С. Законнікаў). *Пад аховай* дзяржавы бабры размножыліся і пачалі распаўсюджвацца на іншых сумежных вадаёмах (В. Вольскі).

Есть одно примечание. В современной речи перестали различаться значения слов *патронат* и *патронаж*, хотя первое обозначает ‘покровительство’, второе — ‘постоянное наблюдение’ (что и отражено в нашей классификации). Многочисленные паронимические ошибки привели к тому, что оба слова в конфирмативных ПС стали употребляться в обоих языках в значении ‘покровительство’, что было узаконено словарем, зафиксировавшим «устойчивые выражения *под патронажем кого* — то же, что под патронатом, *под патронатом кого* — под постоянным наблюдением, содействием и руководством» [Ожегов, Шведова 1997]. Ср. в контекстах: *Казачья культура возрождается под патронажем Церкви* (Инт.). *Выставки, проводимые под патронажем Правительства Тюменской области* (Инт.). *Институт тибетской медицины и астрологии (по патронатом Его Святейшества Далай ламы)* (Инт.). *Трагедыя самападману: ці можна было за беларускую ідэю змагацца рукамі ворага, ці магчыма была незалежнасць пад патронажам Германіі?* («Звязда», 4.02.05). *Фестываль «Ноц блюзова» адбываецца пад патронатам Міністэрства культуры Польшчы і лодзінскага ваяводы* (Инт.).

7) ЛСГ с семей ‘заточение’ включает 16 русских и 20 белорусских предложных сочетаний с 8 и 10 базовыми компонентами соответственно: *в лапы/ах* — *у лапы/ах*, *в кулак/е* — *у кулак/у*, *в когти/ях* — *у кіпцюры/ах*, *в объятия/х* — *у абдымкі/ах* / *у абдоймы/ах* / *у абдыймы/ах* / *у абнім/у*, *в тиски/ах* — *у абуцгі/ах*, *в ярмо/е* — *у ярмо/е*, *в плен/у* — *у палон/е*, *у кулак/у* — *у кулак/у*, *в осаду/е* — *у аблогу/зе*. Группа однородна по директивно-локативной оппозиции. Гетеролексы: *когти* — *кіпцюры*, *тиски* — *абуцгі*, *объятия* — *абдымкі* / *абдоймы* / *абнім*, *в осаду/е* — *у аблогу/зе*.

Контексты: *В объятиях «однорукого бандита»* (Инт.). *Холод заставил Польшу броситься в объятия «Газпрома»* (Инт.). *Узяўшы ад іх [рыбакоў] апошнюю годнасць і самую душу, навекі аддавала іх у абдоймы чорнай нечысці падводных глыбінь* (У. Караткевіч). *У абдыймы гасціннасці Уладзіміра трапіў і я* (С. Панізьнік). *Горад паказан у абуцгах*

крызісу, у пакутах беспрацоўя і ў барацьбе за дыктатуру працы (У. Калеснік).

8) ЛСГ с семей 'наблюдение' включает 7 русских и 9 белорусских базовых компонента, образующих соответственно 16 русских и 20 белорусских предложных сочетаний (и): *под патронаж/ем* — *пад патранаж/ам*, *под прицел/ом* — *пад прыцэл/ам*, *в прицел/е* — *у прыцэл/е*, *под надзор/ом* — *пад назіранне/м* / *пад нагляд/ам* / *пад догляд/ам*, *под дуло/м* — *пад дула/м*, *под дула/ми* — *пад дулы/амі*, *под присмотр/ом* — *пад прыгляд/ам*, *под контроль/ем* — *пад кантроль/ем*, *под наблюдение/м* — *пад нагляданне/м*. Группа однородна по директивно-локативной оппозиции; наблюдается асимметричная межъязыковая соотнесенность: *под надзор/ом* — *пад назіранне/м* / *пад нагляд/ам* / *пад догляд/ам*. В группе отмечаются 4-членные (падежно-числовые) морфосинтагматические парадигмы ПС: *под дуло/м* — *пад дула/м*, *под дула/ми* — *пад дулы/амі*.

Контексты: *Архитектурные памятники Беларуси — под прицелом времени и «реконструкции»* (Инт.). *Продажи под дулом пистолетов* (Инт.). *Под дулом объектива* (выставка портретов) (Инт.). *Сморгонь в прицеле кинематографов* (Заголовок в «СБ» от 22.02.12). *Працавала Соня пад кантролем дзядзькі* («Звязда»). *Лячэнне ўтвораных пролежняў праводзяць пад наглядом урача* (Асновы мед. ведаў).

9) Парная по директивно-локативной оппозиции ЛСГ 'воздействие' включает 12 русских и 16 белорусских предложных сочетаний с 6 и 8 базовыми существительными соответственно: *под воздействие/м* — *пад уздзеянне/м* / *пад абладу/ай* / *пад дзеянне/м*, *под влияние/м* — *пад уплыў/вам*, *под чары/амии* — *пад чары/амі*, *под магию/ей* — *пад магію/яй*, *под внушение/м* — **пад унушэнне/м*, *под гипноз/ом* — *пад гіпноз/ам*. Не верифицированы контекстами в белорусском языке только предложные сочетания с базовым существительным *унушэнне*, хотя сам субстантив в коммуникации употребляется довольно широко.

Контексты: *Попасть под воздействие DDoS атаки — кошмарный сценарий для любого системного администратора* (Инт.). *Рынок дал задний ход, но некоторые инвесторы пока этого не замечают, находясь под гипнозом высоких целевых уровней на конец года»* (РИА Новости; НКРЯ). *Не трэба падпадаць пад магію імёнаў. Не ўсе Масальскія князі* (Инт.). *Чытач знаходзіцца пад гіпнозам прарочага дару паэтаў* (М. Тычына). *Шылі з яго [чорнага аксаміту] ледзь не ўсю падрад адзежыну*,

ды ўсё італьянскага крою, і няясна было, ці то край у жалобе, ці толькі пад абладай моды (А. Лойка). Рух зорак у Галактыцы адбываецца пад дзеяннем яе гравітацыйнага поля (падручнік).

10) ЛСГ ‘разрушение’ в нашем материале представлена по 13 предложных сочетаний с 4 базовыми компонентами в каждом языке: *под жернова/ми — пад жорны/амі, в жернова/х — у жорны/ах, между жерновами/ов — між жорнамі/аў, под каток/ком — пад каток/ком, под колесо/ом/ами — пад кола/м/і, в мясорубку/е — у мясарубку/цы*. Особо выделяется предложное сочетание, в состав которого входит в качестве структурного элемента и союз: *в жерновах между... и — у жорнах паміж... і*. Например: **В жерновах между властью и историей** (М. Делягин). В бел.: *Але міналі стагоддзі, а паміж жорнамі чужацкіх сцылаў і харыбдаў гучала нескаронае “це не вмерла Украіна” і адгукалася братняму голасу наўздагон тысячагалосае “Жыве Беларусь”* (М. Скобла). Другие контексты: *Перегонщики попали в жернова таможни* (Инт.). *Каково было человеку выжить в мясорубке войны?* (Инт.). *Лета 1944 года — апагей генацыду беларускага народа, які аказаўся неабароненым паміж жорнамі самай лютай у гісторыі XX стагоддзя вайны* (Инт.). *Пад колам “гендэрнага” генацыду* (А. Расінскі).

Поскольку базовыми компонентами ПС данной группы выступают предметные существительные, то в предложное сочетание они входят путем метафоризации, сохраняя ассоциацию с образом обозначаемого ими денотата. В этом отношении любопытно ведет себя в русском языке существительное *колесо*: НКРЯ дает сотни контекстов с данным существительным в форме множественного числа и единичные — в форме единственного числа, что вполне объяснимо: только самокат имеет одно колесо, весь остальной транспорт оснащен по меньшей мере четырьмя колесами. Однако в структуре предложного сочетания грамматические различия между формами *под колесом* и *под колесами* нивелируются. Ср.: *Но я — Я — не чувствую в себе сил, веры, самоотверженности класть свою жизнь на алтарь служения человечеству, ибо это не алтарь никакой, а камень дорожный под колесом истории* (М. Веллер; НКРЯ). — *Крайнов оказался под колесами мэрской напористости, если не хамства* (С. Атасов; НКРЯ).

На аксиологической шкале конфирмативные ПС представлены двумя оппозициями: 1) оппозиция “маркированность знаком “плюс”/”минус”

— немаркированность”; 2) оппозиция “плюс” — “минус” среди маркированных. К маркированным знаком “минус” формируются ЛСГ: ‘давление’, ‘заточение’, ‘разрушение’, “плюс” — ‘защита’, ‘руководство’, ‘воля’, ‘поддержка’. Аксиологически немаркированные, т. е. совмещающие негативные и позитивные смыслы, — ‘наблюдение’, ‘владение’, ‘воздействие’.

Семантическую дифференциацию ПС обеспечивает не только лексическое значение базового компонента, но и значение первичного предлога (ср. *под – в*), а также лексическое значение управляемого предложным сочетанием существительного (о чем мы писали в [Коношкевич 2010]).

Таким образом, в обоих языках сформировалась функционально-семантическая группа предложно-падежных сочетаний, объединенных функцией предлога и выражающих отношение доминанции с вектором “сверху вниз”. Данная группа втянута в поле предлога под влиянием факторов как экстралингвистического плана (усложняющиеся и стратифицирующиеся институты и отношения человеческого сообщества), так и внутриязыковых (развитие семиотической системы языка от конкретных значений к абстрактным, от номинативных к релятивным, от прямых к переносным значениям).

Литература

- БРПСС — Белорусско-русский паралексический словарь-справочник / [И. В. Войнич, Л. П. Кунцевич, Л. А. Мельникова и др.]; под ред. А. Е. Михневича. Мн.: Нар. асвета, 1985. 366 с.
- Важнік С. А. Семантыка і сінтаксіс беларускіх прычынных прыназоўнікаў // Славянскіце предлози: сб. ст.; отв. ред. Г. Н. Гочев. Велико Търново: изд-во Ивис, 2007. С. 150 — 163.
- Важнік С. А. Хто *пра* што vs. хто *аб* чым, або спецыфіка выражэння дэлібератыва ў мадэлях беларускіх прэдыкатаў перадачы інфармацыі // Лінгвістычні студіі: зб. наук. праць. / Донецький нац. ун-т; наук. ред. А. Загнітко. Донецьк: ДонНУ, 2005. Вип. 13. С. 124 — 127.
- Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / Под общ. ред. М. В. Всеволодовой. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2014. 304 с.
- Канюшкевіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. Гродна: ГрДУ, 2008 — 2010; Ч. 1.

- Дыяпазон А – Л. 2008; Ч. 2. Дыяпазон М – П. 2010; Ч. 3. Дыяпазон Р – Я. 2010.
- Конюшкевич М., Вишняк Ю. Предлоги и их аналоги с семантикой ‘противопоставление’ в русском и белорусском языках // Лінгвістичні студіі: зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т; наук. ред. А. Загнітко. Донецьк: ДонНУ, 2009. Вып. 19. С. 27 — 31.
- Конюшкевич М. И. Конfirmативы: структура и семантика // Функциональная лингвистика: сб. научн. работ / Крымский республ. ин-т последипломн. пед. образования; науч. ред. А. Н. Рудяков. Симферополь, 2010. Том № 1. С. 333 — 335.
- Конюшкевич М. И. О потенциале предложной системы (на материале параметрических и сравнительных предлогов) // Польский язык среди других славянских языков: IV Супруновские чтения: конф. памяти проф. А. Е. Супруна, 7 — 8 октября 2004 г. / Бел. гос. ун-т. Минск: РИВШ, 2004. С. 117 — 126.
- Конюшкевич М., Романовская М. Лексико-функциональное поле предлогов с инвариантом ‘включение’ / ‘исключение’ в русском языке // Лінгвістичні студіі: зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т; наук. ред. Анатолий Загнітко. Донецьк: ДонНУ, 2009. Вып. 19. С. 32 — 38.
- Михаловская А. Ч. Предлоги с временной семантикой в русском и белорусском языках: сопоставительный анализ // Мова — літаратура — культура: Матэр. 6 Міжнар. канф. 28 — 29 кастрычніка 2010 г. Мінск, 2010. С. 258 — 263.
- Николаенко О. Г. Предлоги-наречия с пространственной семантикой в чешском языке (диапазон ‘близко — далеко’) // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / Ред. кол.: М. Л. Ремнева и др. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 47. С. 432–441.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
- Поликарпов А. А. Закон Менцерата как проявление базовых тенденций в словообразовании (на материале “Хронологического морфемно-словообразовательного словаря русского языка”) // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы II междунар. конгресса исследователей русского языка, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова 18–21 марта 2004 г.; сост. М. Л. Ремнева, О. В. Дедова, А. А. Поликарпов. М.: изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 287–289.
- Сентябова А. В. Предложно-падежные синтаксемы с нумеративно-именным лексическим компонентом в русском и белорусском языках: сходства и различия // Лінгвістичні студіі: зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т; наук. ред. А. Загнітко. Донецьк: ДонНУ, 2007. Вып. 15. С. 191–195.
- Сентябова А. В. Структура предложных сочетаний с параметрическими лексемами: компоненты и их функции (на материале русского и белорусского

- языков) // Язык — Культура — Человек: сб. науч. ст.: к юбилею засл. проф. МГУ им. М. В. Ломоносова М. В. Всеволодовой / Московск. гос. ун-т; редкол.: М. Л. Ремнева и др. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 293 — 302.
- СРЯ-Е — Словарь русского языка. В 4 т.; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2. М., 1981.
- Усаченко И. А. Межъязыковая эквивалентность русских и белорусских каузальных предлогов // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. Вып. 4. Гродно, 2002. С. 52 — 57.
- Чепикова И. А. Ситуация внешней причины ошибочного действия в русском и белорусском языках // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / Ред. кол.: М. Л. Ремнева и др. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 47. С. 542 — 545.

The Prepositional Combination With Confirmative Semantics In The Russian And Belarusian Languages: Consist, Semantics, Typology

M.I. Konyushkevich (Belarus, Grodno), marikon9@mail.ru

Keywords: preposition, prepositional combination, confirmative.

Summary: In the article the characterization of prepositional units formed by combination of base noun with the domination meaning and elementary preposition (such as *under the aegis*, *under the protectorship*, *in the grip* and similar) is given. 10 lexical-semantic groups of such prepositional combinations are distinguished, the semantic and structural similarities and differences between them in the Russian and Belarusian languages are marked.

Эталон vs. прототип: взгляд филолога

В. В. Красных (Россия, Москва), victoryvk@gmail.com

Ключевые слова: эталон, прототип, психолингвокультурология.

Аннотация: В статье предпринимается попытка предварительного анализа возможных вариантов отношений и соотношений эталона и прототипа, чтобы показать на некоторых конкретных примерах неоднозначность решения проблемы и продемонстрировать случаи полного или частичного совпадения, расхождения или асимметрии эталона и прототипа.

... отметим, что главную функцию в языковом механизме выполняют коммуникативные абстракции, называемые **значениями**. Любое значение любого знака это некоторый **образ**, соотносимый в каждом данном акте коммуникации с некоторым целевым (обозначаемым) **образом-смыслом** по принципу **намекания**, т. е. ассоциативно-вероятностного возбуждения смысла в голове получателя на основе предшествующего ему возбуждения некоторого значения, подобранного отправителем на основе вероятностного совпадения определенной части компонентов в этих двух типах образов.

А. А. Поликарпов. Системно-квантитативный анализ многозначности лексики китайского языка в ее взаимосвязи со структурными и стилистическими характеристиками.

Представляется необходимым предварить обсуждение возможных отношений и соотношений эталона и прототипа следующими оговорками.

Первое. В фокусе нашего внимания находятся феномены не собственно лингвистической, но лингво-когнитивной природы, поскольку речь идет не о языке как таковом, но о лингвокультуре. Соответственно, когда мы говорим о «единицах», «феноменах» и под., мы имеем в виду единицы / феномены либо изначально лингво-когнитивной природы, либо собственно когнитивные, но тесно связанные с языком (чаще всего — поименованные).

Второе. Используемый нами термин «прототип» является омонимом соответствующего термина в литературоведении. Наше понимание прототипа опирается в первую очередь на взгляды когнитивистов (Э. Рош и др.), для которых, напомним, прототип — это наилучший пример категории базового уровня.

Третье. Традиционно эталон и прототип (в оговоренном только что понимании) рассматриваются как сущности разной онтологии, принадлежащие разным парадигмам, и, соответственно, они изучаются в рамках разных наук: эталоны — в этнолингвистике, культурологии, лингвокультурологии и т. д., прототипы — в исследованиях лингвокогнитивной направленности.

Четвертое. В дальнейших рассуждениях эталон и прототип будут рассматриваться с точки зрения психолингвокультурологии, для которой данные понятия, сохраняя свои различия, являются равноуровневыми и равнопорядковыми. Понимание данных феноменов восходит к тем дисциплинам, из которых они были заимствованы: лингвокультурологии и когнитивной науке. При этом **эталон** понимается как **мерило, с которым сравнивают и по которому оценивают некий феномен** (свойство, признак, предмет, действие, этические или эстетические категории и под.), а **прототип** — **наилучший пример такового**. Казалось бы, при таком подходе эталон (очень похожий на «идеал») и прототип максимально сближаются и должны едва ли не совпадать. Однако это не так: эталон и прототип находятся в сложных взаимоотношениях друг с другом. Думается, это связано также и с тем, что при определении эталона мы либо исходим из содержательной / смысловой «ниши» эталона (эталон ума, красоты и проч.), либо рассматриваем конкретный феномен с точки зрения его способности / неспособности выполнять функцию мерил. Что касается прототипа, то здесь путь несколько иной: из массы феноменов, в которых реифицируется некая «идея», мы выбираем один, являющийся для нас наилучшим примером. Продемонстрирую это утверждение на конкретных примерах, рассмотрев только три группы (сферы) вышеперечисленных феноменов.

И, наконец, пятое. Я никоим образом не ставлю перед собой цель дать исчерпывающее описание всех возможных вариантов отношений и соотношений эталона и прототипа. Моя задача гораздо скромнее: показать на некоторых конкретных примерах неоднозначность решения пробле-

мы и продемонстрировать случаи полного или частичного совпадения, расхождения или асимметрии эталона и прототипа. Полное же и подробное описание — задача будущих исследований в данной области.

1. Сфера сущностных (объективных) свойств окружающего мира, вступающих во взаимодействие с органами восприятия и актуальных для процесса познания.

К этой сфере относятся такие результаты указанного взаимодействия, как, например, запах, вкус, звук, цвет. Чтобы не быть голословной, приведу определения, сформулированные на основе материалов, представленных в Энциклопедии физики и техники [ЭФТ ЭР] и – лишь частично — в Википедии.

Запах — результат взаимодействия рецепторов обоняния с присутствующими в воздухе летучими ароматическими веществами. Это специфическое ощущение присутствия в воздухе летучих ароматических веществ, обнаруживаемых химическими рецепторами обоняния.

Вкус — результат взаимодействия веществ и – в первую очередь — рецепторов вкуса. Это ощущение, возникающее при действии различных веществ преимущественно на рецепторы вкуса. К собственно вкусовым ощущениям обычно примешиваются осязательные / тактильные ощущения на языке. Важную роль в восприятии вкуса играют обонятельные ощущения, обуславливаемые запахом. Более того, комплексное представление о поглощаемой пище, например, складывается на основе одновременных ощущений: вкусовых, обонятельных, тепловых и тактильных.

Звук — в широком смысле это упругие волны, распространяющиеся в какой-либо упругой среде и создающие в ней механические колебания, в узком смысле это субъективное восприятие этих колебаний специальными органами чувств, т. е. результат взаимодействия волн и преимущественно рецепторов слуха.

Цвет — один из признаков объектов, воспринимаемый человеком в виде зрительного ощущения. Это качественная характеристика электромагнитного излучения оптического диапазона, определяемая на основании возникающего физиологического зрительного ощущения и зависящая от ряда физических, физиологических и психологических факторов. При этом цвет может быть как однозначной характеристикой самого источника света (синий, зеленый, красный и под. свет), так и пси-

хологическим ощущением, вызванным отражением света от некого объекта (синий, зеленый, красный и под. шар).

В вышеперечисленных феноменах есть несомненная объективная составляющая: летучие ароматические вещества, различные вещества, воздействующие на вкусовые рецепторы, длина волны и под. Все это само по себе индифферентно к человеку, и в этом смысле объективно. Поэтому мы и говорим о сущностных объективных свойствах окружающего мира. Однако они вступают во взаимодействие с разными органами восприятия человека, результатом которого являются различные ощущения и под. И в этом смысле они оказываются связаны с познанием. Процесс же познания и – особенно — его результат всегда в той или иной степени опосредуются значениями (языковыми значениями) и, следовательно, связаны с языком. При этом роль языка, степень его необходимости может быть различной. Если мы рассмотрим с этой точки зрения все те же запах, вкус, звук и цвет, мы увидим это достаточно ясно.

И первое, что следует отметить, — это то, что цвет и звук стоят несколько особняком. С чем это связано и в чем проявляется?

Что касается **цвета**, то подчас его определяют как «осознанное зрительное ощущение», при этом утверждается, что «в процессе зрительного восприятия человек “присваивает” объекту тот или иной цвет» [ЭФТ ЭР]. Если так, то совершенно очевидно, что в данном случае без языка не обойтись (даже с учетом того, что «присваивание» объекту некоторого цвета не обязательно предполагает его (объекта) «цветоименование»), ибо само осознание необходимо требует участия языка. Это с одной стороны.

Но с другой — существуют работы, которые показывают, что для сознательной дифференциации цветов, например, далеко не всегда необходимо использование языка (думаю, что не ошибусь, если назову работы [Измайлов, Соколов, Черноризов 1989]). Кроме того, в связи с этим разговором следует, вероятно, вспомнить и ставшую по-своему классической книгу Б. Берлина и П. Кэя [Berlin, Kay 1969] и их эксперименты по выявлению фокусных (базисных) цветов, которые наглядно показали, что язык не столь категорически предопределяет «цветовидение» человека (это, кстати, доказали и эксперименты наших отечественных психологов и психофизиологов: Е. Н. Соколова и др.). Следовательно, цвет как качественная характеристика электромагнитного излучения оптиче-

ского диапазона, зависящая (в том числе) от ряда физических и физиологических факторов, может «говорить сам за себя»: из всех оттенков определенного цвета я выбираю «самый-самый», например, «самый красный» из всех образцов красного цвета (вспомним опыты Б. Берлина и П. Кэя). А что значит «самый красный» или «самый-самый»? А это значит, что выбранный образец — это и наилучший пример (т. е. прототип), и «идеал», мерило, с которым я сравниваю все остальные оттенки того же цвета (т. е. эталон).

Таким образом, в области цвета **эталон может полностью совпадать с прототипом**, что обуславливается, вероятно, самой природой данного феномена.

Со **звучком** тоже все не так просто. В данном случае необходимо различать звуки речи, музыкальные звуки и все другие (не-речевые и немusикальные).

Позволю себе не останавливаться подробно на особенностях **звуков речи**, ибо для филолога данная проблематика в некоторой степени знакома, и перейду сразу к проблеме соотношения эталона и прототипа. Думается, что в данном случае ситуация очень похожа на ту, которую мы только что обсуждали в связи с цветом (и, вероятно, по тем же причинам): здесь **может быть полное совпадение эталона** (как мерила) **и прототипа** (как наилучшего примера, в данном случае — произнесения звука и произношения в целом).

Отдельный разговор о **музыкальных звуках**. Физическая особенность музыкального звука состоит в том, что звуковое давление в нем является периодической (т. е. повторяющей свои значения через какой-то ненулевой период) функцией времени. И, следовательно, музыкальный звук тоже может «говорить сам за себя», но только в плане эталона, при этом «носителем» эталона того или иного звука в мире музыки служит камертон. Разумеется, в данном случае речь идет лишь об одной из характеристик музыкального звука — его высоте. Но дело в том, что другие характеристики музыкального звука как такового (как феномена, без какой-либо конкретизации) не могут, на мой взгляд, рассматриваться сквозь призму эталона и прототипа. Так, обертон зависит от конкретного источника звука, в силу чего, вероятно, можно говорить об эталоне или прототипе, например, скрипичного или виолончельного звука (в роли таковых могут выступать, к примеру, звуки, извлеченные

скрипкой Страдивари или виолончелью Амати), но не музыкального звука вообще. Что касается таких характеристик музыкального звука, как громкость и длительность, то они едва ли могут в данном случае рассматриваться сквозь призму эталона или прототипа.

Итак, по отношению к музыкальному звуку мы можем говорить об эталоне, только имея в виду инструмент, производящий эталон звука, причем только по одной его характеристике — по высоте. Можем ли мы при этом привести пример наилучшего примера А («ля») или С («до»)? Думаю, вряд ли. Следовательно, по отношению к музыкальному звуку как таковому мы должны признать, что прототипа у него нет. Таким образом, **у музыкального звука может быть эталон (по высоте), но у него нет прототипа.** Таким образом, мы имеем **асимметрию эталона и прототипа.**

Что касается **звуков иной природы** (не-речевых и не-музыкальных), то проблема выявления их эталона и прототипа решается аналогично тому, как в ситуации с **запахом** и **вкусом**. В силу этого позволю себе высказать несколько общих соображений, касающихся феноменов столь различной природы.

И первое, что нужно особо подчеркнуть, — это то, что сознательная дифференциация внутри **не-речевых / не-музыкальных звуков, запахов** и **вкусов** всегда опосредована значениями (они, в отличие от цвета и речевых и музыкальных звуков, «говорить сами за себя» не могут). Следовательно, использование языка в данном случае обязательно.

Второе. Как показывают наблюдения, в данном случае **эталон, как правило, совпадает с прототипом**, поскольку речь идет об эталонном носителе и наилучшем примере носителя конкретного запаха или вкуса, эталонном производителе или наилучшем примере производителя определенного звука. Все это закрепляется в знаках языка. И выражается это в том, что запаху, вкусу или звуку **«придается» имя этого носителя / производителя.**

Например:

запах: *запах лимона, черемухи, одеколona, шашлыков, как после грозы; «Ну, это, конечно, не “Шанель”!»; «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»; «Это очень хорошее отделение. Там совсем нет запаха больницы»; «Из коридора пахнуло кислыми щами и всеми ароматами коммунальной кухни»* и под.;

вкус: *вкус лимона, шоколада, металла* и под.;

звук (само слово «звук» при этом, как правило, не используется): *раскаты грома, грохот канонады, залп салюта, шум дождя / приборя, шепот листвы, звериный / львиный рык* и под.; иногда производитель звука не называется, ибо имплицитно представлен в семантике слова, обозначающего звук (ограничено; в основном относится к «языку» животных): *мяуканье, лай, мычание* и под.

Завершая разговор об эталонах и прототипах в данной сфере, представим ранее сказанное в виде следующей таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1. Цвет, звук, запах, вкус: эталон и прототип

Феномен	Эталон	Отношения	Прототип	Соотношение
цвет	+	=	+	полное совпадение
звук речевой	+	=	+	полное совпадение
звук музыкальный	+ (по высоте)		–	асимметрия
звук др. природы, запах, вкус	+	=	+	полное совпадение по производителю / носителю

2. Сфера признаковости

К этой сфере относится совокупность признаков, свойств, характеристик и под., вычленяемых в окружающем мире или приписываемых ему, являющихся важными для (бытия) человека и оцениваемых самим человеком.

Исходя из того, что наилучшего примера признака, свойства, характеристики и под. быть не может, в данном случае мы (как и в группе не-речевых / не-музыкальных звуков, запаха и вкуса) можем говорить только о наилучшем примере **носителя** признака, свойства, характеристики и под. Иначе говоря, в этой сфере не может быть прототипа самого признака и под., но можно говорить о прототипе носителя такового.

А вот мерило, т. е. эталон, определенного признака, свойства, характеристики и под. может быть найдено. И соотношения между эталоном и прототипом в данной сфере могут иметь разный вид в зависимости от того, о каких признаках идет речь.

1. Первую группу составляют признаки, свойства, характеристики и под., которые приписываются окружающему миру, включая предметы, живых существ, самого человека.

В данном случае обнаруживается **полное совпадение эталона и прототипа**. Например: эталонный носитель лени и наилучший пример такого — *Обломов*, эталонный носитель хитрости и наилучший пример такого — *лиса*, эталонный носитель ума и наилучший пример такого — *Сократ*, мудрости — *Соломон*, а глупости — *курица* и т. д.:

— Так почему мы опаздываем?

— По целому ряду причин. Лень — одна из них. Можно сказать, что мы все — потомки **Ильи Ильича Обломова**. Обломов — фигура в нашей культуре очень важная. В целом положительная, благородная личность. *АиФ, № 1–2, 2005.*

[О ходе реформ в России:] Наш **Обломов** не хочет переезжать на новую квартиру, а Петр I пинает его сапогом, чтобы быстрее бежал. *m/n: Э. Радзинский, Роковые минуты истории.*

Медсестры молчали. <...> Я покосилась на компьютер.

— Может, информация в машине?

— Умные все какие стали, — вздохнула другая девица, — прямо **Сократы**.

— А уж наглые! — подхватила другая... *Д. Донцова, Вынос дела.*

По закону они [судебные исполнители] должны обязать домовладельцев снести свои дома. Однако задача, достойная мудрости **Соломона**, российским приставам оказалось не по зубам. Исчерпав все способы убеждения, они обратились в суд. *МК, 15.03.05.*

— Хитрый он... прямо **лиса**; значит, этой Ольге мужики без надобности были, вот он и изображал благородного рыцаря, Игорь кожей человека чувствовал. *Д. Донцова, Камасутра для Микки-Мауса.*

Дядя Сандро был прав, говоря, что все женщины, за редким исключением, глупы как **курицы**. *Караван историй, 2000.*

В данной группе можно обнаружить общие черты с рассмотренной ранее группой определенных звуков, запаха и вкуса.

2. Во вторую группу входят признаки, свойства, характеристики и под., которые, казалось бы, являются объективными категориями окружающего мира, но определяются человеком не столько по объективным «показателям», сколько по субъективным ощущениям, а это значит, что для осознанной их дифференциации так же, как и в группе определенных звуков, запаха и вкуса, необходим язык. Например:

вес – объективное свойство, но признак «тяжелый (тяжесть) / легкий (легкость)» — субъективная характеристика;

температура — объективная характеристика, но признак «горячий / теплый / холодный» — субъективное качество;

размер — объективный параметр, но признак «большой / маленький» безусловно отличается субъективностью.

В этой группе соотношения эталона и прототипа неоднозначны. Как показывают наблюдения, в данной группе возможны все четыре варианта: (1) **есть эталон и нет прототипа** и, наоборот, (2) **нет эталона и есть прототип (асимметрия эталона и прототипа)**, а также (3) **полное** или (4) **частичное их совпадение**.

Проиллюстрирую последний тезис на некоторых примерах.

(1) Есть эталон, нет прототипа.

Признак «тяжелый (тяжесть)». Здесь может быть обнаружен **эталон** (мерило тяжести) — *камень* (отсюда: *камень на сердце / на душе, камень с сердца / души свалился, будто целый день камни ворочал* и под.). А вот **прототипом**, т. е. наилучшим примером «обладателя» этого свойства (тяжелого предмета) *камень*, на наш взгляд, **не является**, т. е. прототипа в данном случае нет (об этом см. также п. «В сфере предметности»):

— Но ежели тебе повезет и начальник тебя в повестку поставит, то Городничий тебе скажет, кому он отписал быть рецензентами. <...> Скажешь мне фамилии, а я уж подумаю, что можно сделать, чтобы тебе помочь.

— Спасибо, дядя Назар, — от души поблагодарила Настя. — Вы **камень** у меня с души сняли. *А. Маринина, Воюющие псы одиночества*.

Признак «легкий (легкость)». Похожая ситуация: **эталон** (мерило легкости) — *пух, пушинка* (*И друг прыжок, и вдруг летит, Летит как пух от уст Эола; Он поднял ее на руки легко, как пушинку*, и под.). И так же, как в предыдущем случае, ни *пух*, ни *пушинка* **не являются**,

как представляется, наилучшими примерами носителя данного признака («легкости» предмета), т. е. **прототипами**:

За просторным столом <...> сидел маленький, кругленький человечек с лысиной, окруженной кудрявой порослью, легкой и светлой, как **пух** одуванчика. *Н. Александрова, Убийство напракат.*

Особый случай и более сложная ситуация с признаком «холодный» (по физической температуре).

(а) В фокусе внимания — температурная характеристика предмета (в самом широком смысле). **Эталон** в данном случае может выступать *лед*, если речь идет **о предмете** (отсюда: *ледяная вода, ледяные руки* и под.). Наилучшего примера холодного предмета (т. е. **прототипа** носителя этого качества) **нет**.

(б) В фокусе внимания — температура окружающей среды. В данном случае, вероятно, можно признать наилучшим примером «холодного места», т. е. **прототипом**, *Сибирь* (отсюда *сибирские морозы*), *Северный полюс* (хотя, как известно, на Южном температуры могут быть ниже), *полюс холода / Оймякон*. Эти же единицы, как представляется, будут и **эталонами** «холодного места».

Следовательно, анализируя признак «холодный» (по физическим / физиологическим ощущениям) мы имеем дело как с **асимметрией эталона и прототипа** (когда речь идет о предмете), так и с **их полным совпадением** (когда речь идет о температуре окружающей среды, и мы можем найти эталонно холодное место).

Если речь идет о характеристике человека (не физическая температура и не физиологические ощущения; феномен синестезии), то здесь также возможны как **асимметрия** (есть эталон, нет прототипа — *ледышка*), так и **полное совпадение** (как в случае с признаком «тяжелый» и с температурой окружающей среды; см.: эталонный носитель холодности и прототип такового — *Снежная королева*):

На свидание, что ли, собрался пригласить? Как же, дожدهшься от него! Сухарь, каких мало, *ледышка*, леденец на палочке! *Т. Устинова, Одна тень на двоих.*

— А если бы я вас застрелил к чертям собачьим?! А?! Что еще за фокусы?! Что вы себе позволяете на самом деле?! Что вы о себе возомнили?! Что вам все можно?! <...> Он орал, а она смотрела в окно, только костистый кулак подрагивал на черной обшивке сиденья. Не такая

уж ты, матушка, **Снежная Королева**. Морда ледяная, а кулачок-то дрожит. *Т. Устинова, Большое зло и мелкие пакости.*

(2) Нет эталона, есть прототип.

Признак «теплый». В фокусе внимания — предмет. **Эталона нет**, но **есть прототип** — *парное молоко*.

Признак «высокий». В фокусе внимания — рост. **Эталона нет**, но есть **прототип** — *баскетболист* (о человеке) или *жираф* (о любом живом существе, реже — предмете):

Я продолжал пялиться в «корочку» [удостоверение частного сыщика].

— Эй, Ваня, очнись, — Наташа ткнула меня острым кулачком в бок. <...>

— Ты служишь сыщиком? — ахнул я.

— Учитывая твой [очень высокий] рост, шутка про **жирафа**, до которого все доходит с опозданием, не кажется особо смешной, — совершенно серьезно заявила собеседница. *Д. Донцова, Ангел на метле.*

(3) Полное совпадение эталона и прототипа.

Признак «высокий». В фокусе внимания — рост, как и в предыдущем случае, но речь идет о человеке. В данном случае и эталоном человека высокого роста, и прототипом такового будут *Петр I* и *дядя Степа*.

(4) Частичное совпадение эталона и прототипа.

В данном случае речь идет именно о частичном совпадении, т. к. целый ряд единиц может выступать в роли эталона, но вот служить прототипом они могут только по отношению к конкретному и ограниченному кругу предметов. Приведу примеры только на один признак.

Признак «большой». Эталонами могут быть, например, и *слон*, и *бегемот*, и *кит*, и *гора* (*гора бумаг* и *человек-гора*). Что касается возможности этих единиц выступать в роли прототипа, то вот здесь как раз «работают» ограничения. В подтверждение приведу некоторые примеры.

Если речь идет о большом и сильном живом существе (включая человека), реже — предмете, апелляция идет к единице *слон*:

— Кажется, на этот раз дорога у тебя будет спокойная. Я посмотрел на проводниц — **слоны**, а не бабы, с ними шуры-муры не заведешь. <...> Они постояли на перроне возле вагонной двери под изучающим взором действительно мужеподобной проводницы, Турецкий выкурил

последнюю папиросу, и наконец проводница пригласила отъезжающих занять свои места. *Ф. Незнанский, Ищите женщину!*

Если речь о большом, возможно, с избыточным весом, неуклюжем человеке или другом живом существе, реже — об огромном и часто неизящном предмете, в фокусе оказывается *бегемот*:

Дверь открыл мужчина неприятной наружности, массивный, как **бегемот**, бритый наголо, в грязной майке и спортивных штанах. *П. Дашкова, Источник счастья.*

Это была его вотчина, личная территория, можно сказать, секретная ферма. Только крысы бегали. Они деловые, крысы-то, на людей похожи. Носятся туда-сюда, глазками сверкают, где бы чего пожрать, сами здоровые, как **бегемоты**, и умные — ох, умные, прямо академики выживания. *П. Дашкова, Место под солнцем.*

Выбравшись из склепа в подвал, оттуда во двор, а из двора на улицу, где ждала целая вереница **бегемотообразных** джипов, Николас почувствовал. Что у него кружится голова. *Б. Акунин, Алтын-толобас.*

Те, кто ездит на огромных машинах, на дорогах очень часто ведут себя по-хамски. Редко богатые оказываются воспитанными людьми. Наверное, им кажется, что чем больше у человека денег и чем «**бегемотистее**» авто, тем он важнее... *АиФ, 2007.*

Если о речь идет о большом предмете, имеющем отношение к воде или к соответствующему способу передвижения в жидкой среде, может упоминаться *кит*: *подводная лодка напоминала большого кита; огромным китом во двор вплыла машина (о Майбахе).*

Если о большом количестве чего-либо, редко — живом существе — *гора* (при этом возможно название конкретного географического объекта):

— Пригляди, чтобы девочка прошла [в аспирантуру], она из хорошей семьи, все родственники врачи, в частности, Афанасий Малов — автор **горы** учебников. Очень положительная особа, нам такие в институте нужны. *Д. Донцова, Стриптиз для Жар-птицы.*

Словом, к половине одиннадцатого вечера я осталась один на один с **Монбланом** из грязной, омерзительно жирной посуды. *Д. Донцова, Сволочь ненаглядная.*

Завершая разговор об эталонах и прототипах в данной сфере, представим ранее сказанное в виде следующей таблицы (см. табл. 2).

Таблица 2. Признаковость: эталон и прототип.

Признаки и под.	Эталон	Отношения	Прототип	Соотношение
1. приписываемые окружающему миру	+	=	+	полное совпадение
2. относительные, определяемые по субъективным ощущениям	+	=	+	полное совпадение
	-		+	асимметрия
	+	≈	+	частичное совпадение

3. Сфера предметности

К этой сфере относятся предметы как таковые (в широком понимании данного термина). Соответственно, здесь в роли эталона будет всегда выступать предмет, обладающий «идеальной» совокупностью признаков, выделяемых человеком как дифференциальные для данного предмета и важных для самого человека. В роли прототипа — предмет, выступающий как наилучший носитель таких. Казалось бы, в данном случае эталон и прототип должны совпадать всегда. Однако это не так, и я постараюсь показать это на некоторых конкретных примерах. Кроме того, нельзя забывать и о том, что предмет как таковой может сам по себе выступать в роли эталона и/или прототипа феномена другой сферы (цвета, запаха, вкуса, признака и т. д.).

Остановимся на трех возможных случаях соотношения эталона и прототипа в сфере предметности.

(1) Есть эталон, нет прототипа.

Эту группу формируют единицы, функционально связанные с единицами первых двух сфер, поскольку они могут выполнять функцию эталона последних. В группу входят предметы, обладающие когнитивной образной составляющей, т. е. «абстрагированным» эталоном (прото-эталон), но не обладающие прототипом. Вместе с тем сами по себе эти предметы могут выполнять функцию эталона (т. е. быть функцио-

нальным эталоном) феноменов других сфер, но они не могут выступать в роли прототипа.

Так, например, *мак* обладает набором дифференциальных признаков, при преимущественном доминировании цветового. Отсюда: «— *Какой же это мак, если он белый?* — Да, вот такие у нас степные маки» (фрагмент реального общения в Иркутской области). Иначе говоря, в данном случае мы, вероятно, имеем дело с некоторым представлением об эталоне (с прото-эталонном) *мака*. Однако говорить о прототипе *мака* как такового представляется возможным только при обсуждении какого-то конкретного цветка, при этом, скорее всего, мы будем иметь дело даже не столько с собственно прототипом, сколько с квази-прототипом, поскольку по сути речь будет идти не о наилучшем примере маков вообще, но о лучшем из имеющихся либо о таком, который соответствует прото-эталону в отличие от других (наличных).

Вместе с тем *мак* сам по себе является эталоном красного цвета (отсюда *маков цвет*; эталон реифицируется, воплощается в предмете):

Хоменко покраснел, как **маков цвет**, развернулся на каблуках и вышел. *О. Андреев, Вокзал.*

Но является ли *мак* прототипом, т. е. наилучшим примером, красного цвета как такового? Небесспорно. Скорее все-таки нет.

Примеров, подобных представленным, можно привести немало. Так, существует целый ряд эталонов для того же красного цвета — *кровь, помидор, светофор, огонь, пожарная машина* и под.:

Встретившись глазами с Потаповым, она залилась **помидорной краснотой** и отвернулась. *Т. Устинова, Большое зло и мелкие пакости.*

Вконец сбита с толку, красная как **рак**, Нина стояла у дверного косяка и мечтала только об одном: немедленно провалиться сквозь землю. *Караван историй, 2000.*

— Проснусь как-нибудь, — ответила она, весьма слабо представляя себе, как будет чувствовать себя в семь утра, когда прозвенит будильник. Наверное, как использованная половая тряпка. И глаза будут такие красные, что можно прятаться **в помидорах**, никто не найдет. И голос будет сиплым и скрипучим. *А. Маринина, Соавторы.*

— Ой! — старуха в «адидасе» подскочила и побагровела, как **свекла**. — Никакой у тебя совести нет! Федор Ипатьевич — приличный чело-

век, и если иногда зайдет ко мне чаю выпить, так это он в своем праве!
Н. Александрова, Много денег из ничего.

— Георгия Андреевича Радько знаете?

Щербакова вспыхнула **огнем**.

— Конечно, мы в одном архиве долгое время вместе работали!

— Не в этом смысле, вы ведь были любовниками?

Женщина стала цвета сильно **перезревшей вишни**.

— Кто вам сказал такие глупости! *Д. Донцова, Урожай ядовитых ягодок.*

Дождь перестал... но похолодало так, что руки без перчаток сразу стали мерзнуть и сделались красными, как **гусиные лапы**... *Т. Устинова, Родня по крови.*

Профессор пару секунд рассматривал бумаги, потом, став красным, словно **запрещающий сигнал светофора**, заявил:

— Большого идиотизма никогда не читал. *Д. Донцова, Урожай ядовитых ягодок.*

Похожая ситуация имеет место и тогда, когда мы анализируем с этой точки зрения, например, *камень* (о котором уже шла речь ранее). Очень осторожно, но все-таки, вероятно, можно признать, что существует прото-эталон *камня*, т. е. некий набор дифференциальных признаков, когнитивных образных составляющих, благодаря которому мы что-то называем, а что-то не называем *камнем*, давая этому «чему-то» другие имена: *кристалл, глыба, скала* и т. д.). Прототипа у *камня* как такового нет и, вероятно, быть не может. Что касается функциональной стороны вопроса, то *камень*, как мы уже говорили, является эталоном тяжести (напр., *камень на сердце*), а также твердости, прочности (*как за каменной стеной, нашла коса на камень*), неподвижности, безжизненности (*каменное выражение лица, лицо как окаменело*), не будучи при этом наилучшим примером (прототипом) тяжелого или твердого предмета. Например:

Еще «Инфокара» не было, а я уже был. За мной «Инфокар» всегда как за **каменной стеной**. Кто бы ни приходил — я всегда стоял за «Инфокар». Только выйду, только слово скажу — и все. *Ю. Дубов, Большая пайка.*

<...> релятивизм его формулы я взял на вооружение. Я даже пытался завербовать в ее адепты Мельчука, но тут коса нашла на подлинно структуралистский **камень**: Игорь кривился при одной мысли, что правиль-

ных ответов может быть более одного. *А. Жолковский, Эросипед и другие виньетки.*

(В скобках замечу, что в других культурах также могут быть выявлены схожие функции *камня*. Так, в ногогреческом: когда человек что-то слишком долго готовит, например, долго варит кофе, вполне возможен вопрос: «Ты что, камни варишь?») Пример А. В. Егоровой.)

Итак, в эту группу входят единицы:

(1) у которых есть прото-эталон (представление об эталоне предметов данного класса, набор когнитивных образных составляющих);

(2) которые могут выступать в роли эталона для каких-либо сущностных свойств окружающего мира (см. первую из рассмотренных нами сфер) или для признаков, свойств, характеристик и под., которые приписываются окружающему миру (см. вторую сферу);

(3) у которых либо нет и не может быть прототипа, либо — в лучшем случае — может быть квази-прототип;

(4) которые не выступают и не могут выступать в роли прототипа (наилучшего примера) сущностного свойства окружающего мира или приписываемого ему признака.

(2) Нет эталона, есть прототип.

В данном случае возьмем в качестве примера феномены, которые рассматриваются когнитивистами как категории базового уровня; например: *стол, стул* или *диван*. С точки зрения когнитивной науки, у этих категорий должен быть прототип. (Так, напомним, что, по данным Э. Рош, для *птицы* как категории базового уровня в англоязычном мире, например, прототипом являются *воробей* и *малиновка*.) Примем это как данность. И зададимся вопросом: а есть ли «идеальное» воплощение стола, стула или дивана, мерило всех других столов, стульев или диванов? Я склонна полагать, что такового у данных феноменов нет. Иначе говоря, у них нет эталона.

Однако с точки зрения психолингвокультурологии здесь все опять-таки не так просто, т. к. в целом ряде случаев позиция прототипа может оказаться «мерцающей», а эталон может быть представлен не конкретным предметом, но совокупностью дифференциальных признаков. И чтобы разобраться в такой комбинации подробнее, рассмотрим следующую **подгруппу**.

(3) Несовпадение эталона и прототипа.

В сфере предметности возможен весьма интересный случай, когда есть и эталон, и прототип, но они не совпадают ни полностью, ни частично. Это происходит тогда, когда эталон явлен сознанию в виде совокупности дифференциальных признаков предметов определенного класса, совокупности когнитивных образных составляющих — прото-эталона, а в роли прототипа предстает отдельный, конкретный предмет, о котором идет речь «здесь и сейчас» (квази-прототип). (Этот случай подобен случаю с *маком*, рассмотренным ранее, но, в отличие от *мака*, он не связан ни с одной из первых двух сфер.) Например: «*Какой же это стул?* (На нем и сидеть-то невозможно.) *Вот стул!* (Удобный, ровный, с хорошей спинкой и под.)». Аналогичный пример (позволю себе его не комментировать именно в силу схожести с только что приведенным). С одной стороны: «*Разве это машина? Это ведро с гайками, а не машина.* С другой стороны: «*Вот это машина. Это я понимаю.*».

Особый случай представляют собой ситуации, когда в роли предмета, представляющего окружающий мир, выступает живое существо, включая самого человек. Тогда имеет место сближение данной сферы со сферой признаковости, о которой мы уже говорили.

Например, та же собака или птица. Сравним: с одной стороны, «*Ну разве это собака? / Какая же это собака?* (Маленькая, как игрушка, все время сидит на руках, не лает, не кусается, не охраняет и проч.)» — имеет место явная апелляция к представлению об эталоне; см., например:

Служба такая... **Бегать, нюхать, следить...** Собачья работа. *Ф. Незнанский, Ищите женщину!*

С другой стороны, «*Это настоящая собака!* (Большая, слушается хорошо, серьезная охрана и под.)» — данный конкретный предмет (конкретная собака) оценивается как наилучший пример (прототип) предметов данного класса (собак вообще; в этом отличие от *мака*, где имеет место квази-прототип, т. е. лучший пример из имеющихся предметов данного класса или о такой, который соответствует прото-эталону в отличие от других наличных).

С одной стороны, «*Ну разве это птица? / Какая же это птица?* (Не поет, не летает и проч.)» — конкретный предмет (конкретная птица) не выдерживает сравнения с эталоном. И в самом деле, разве *страус* — это птица? Летать не умеет, а бегают прекрасно. И разве *пингвин* —

это птица? Не летает, только ходит, да еще и плавает, причем под водой, и делает это даже лучше, чем ходит. (В скобках замечу, что, по когнитивистам, это наихудшие примеры птицы.) С другой стороны, «*Вот это — настоящая птица!* (Какие перья, какой клюв, какие крылья, летает прекрасно и проч.)» — имеет место признание за данной, конкретной птицей права выступать в роли прототипа птицы как таковой.

Обратим внимание, что статус прототипа может «провоцироваться» и «оправдываться» и внешними атрибутами, и различными характеристиками, и поведением / действиями.

Пока же заметим, что в такого рода случаях эталон и прототип существуют как бы в разных «плоскостях»: с одной стороны, эталон предстает как абстрактная сущность, а прототип — как наглядно-визуальное воплощение в конкретном предмете, о котором идет речь «здесь и сейчас». Иначе говоря, в сфере предметности может иметь место **расхождение между эталоном и прототипом**.

Особенность единиц такого рода состоит в том, что здесь может иметь место и **полное совпадение функционального эталона и функционального прототипа**, т. е. эталона и прототипа по отношению к феноменам других сфер.

Например, *собака* — эталонный носитель преданности и прототип такового, отсюда *собачья преданность* и под.:

Подручные Линда **преданы ему по-собачьи**, а это в преступных сообществах встречается крайне редко. *Б. Акунин, Коронация*.

Птица — эталонно свободное существо, вольное создание (отсюда *свободен как птица, птичка вольная*, частично — *птица высокого полета*; с этим связана и символическая функция — ср. птица как символ свободы и птица в клетке как символ не-свободы):

— У Вари семья, муж и ребенок, — напомнила мне кума. — Да и у других тоже. Ты одна **свободна как птица** и можешь сорваться из дома в любую минуту. *Л. Лютикова, Праздник, который всегда с другими*.

— Только, чур, без передачи! — спохватился следователь. — Я тебе ничего не говорил.

— Ну конечно, — бодро сказала я.

Тем более что все равно уже поздно: **птичка выпорхнула из клетки**. [Подруга, которую напрасно подозревают в убийстве собственного

мужа, успела спрятаться от милиции.] *Л. Лютикова, Есть ли жизнь после свадьбы?*

Такое положение дел наблюдается и тогда, когда мы анализируем человека. Например, эталон и прототип сыщика представлены одним и тем же рядом единиц: *Шерлок Холмс, Мегрэ, Пуаро, мисс Марпл*, реже — *Ниро Вульф*, иногда *Каменская*, иногда *Жеглов* (последние два имени претендуют на статус прецедентных имен в определенные временные периоды — после демонстрации соответствующих фильмов по ТВ):

— Неужели серьезно полагаете, что сумеете вычислить убийцу? Это же игра в разбойников. Полагаю, вы не считаете себя **Шерлоком Холмсом**? *Ч. Абдуллаев, Плата Харону.*

[После неудачного разговора с возможным свидетелем.] Ясно одно, что ничего не ясно. И я так неосторожно оборвала сегодня тоненькую ниточку, которую смогла ухватить. Да, Сима, ты точно не **мисс Марпл**. Примерно в таком духе я рассуждала по дороге домой. *И. Павская, «Джоконда» мценского уезда.*

— Не мешайся под ногами, — рявкает приятель [полковник милиции], — только запутываешь все! **Ниро Вульф** доморощенный! Сиди дома, читай детективы и не лезь не в свое дело. *Д. Донцова, Вынос дела.*

Завершая разговор об эталонах и прототипах в данной сфере, представим ранее сказанное в виде следующей таблицы (см. табл. 3).

Таблица 3. Предметность: эталон и прототип

Предметы	Эталон	Отношения	Прототип	Соотношение
1. связанные со	прото-Э +		—	асимметрия
сферами 1 и 2	прото-Э +	№	квази-П	расхождение прото-эталона и квази-прототипа (они соотносятся, но обладают различной природой)
	функц.Э +		—	асимметрия

2. предстающие как категории базового уровня (взгляд когнитивистов)	—		+	асимметрия
3. все другие (вкл. 4 как особый случай)	(прото-)Э +	≠	+	расхождение (прото-)эталона и прототипа (они соотносятся, но обладают различной природой)
4. живые существа, включая человека	функц. Э +	=	функц. П +	полное совпадение

В завершение следует сказать, что разговор о прототипах и эталонах, овнешненных в знаках языка, еще только начинается. Думается, он призван ответить на некоторые актуальные для сегодняшней науке о языке вопросы: что и как оязыковляется, почему в тех или иных единицах и что действительно «категории языка говорят нам о мышлении» [Лакофф 2004] и об осмыслении мира.

И крайне важными и, если можно так сказать, «мысленаправляющими» мне представляются слова Анатолия Анатольевича Поликарпова, написанные им в связи с совершенно другой проблематикой, но выходящие, на мой взгляд, за рамки собственно системно-квантитативного анализа многозначности, которыми я и хотела бы закончить некоторые рассуждения и соотношении прототипа и эталона: «Знаков меньше, чем значений, так что любой знак, хотя бы в потенции, **многозначен**, обладает в акте коммуникаций той или иной степенью **полисемической** (а также, но в меньшей степени — **омонимической**) **неопределенности**, трудности для получателя осуществления выбора ситуативно наиболее подходящего значения из числа тех, которые свойственны полученному знаку. Значений меньше, чем смыслов. Так что каждое значение **многосмысленно**, обладает определенной степенью **смысловой неопределенности**, **трудности для получателя осуществления выбора правильного смысла из числа тех, которые потенциально возможны как итоговая**

интерпретация выбранного значения полученного (распознанного) знака» [Поликарпов 2009] (выделено А. А. Поликарповым. — *В.К.*).

Литература

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.

Поликарпов А. А. Системно-квантитативный анализ многозначности лексики китайского языка в ее взаимосвязи со структурными и стилистическими характеристиками // Известия Смоленского государственного университета. 2009, № 4 (8). С. 133–152. URL: <http://istina.msu.ru/publications/article/6069483/>

Измайлов Ч. А., <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?text=%D1%86%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D1%8D%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%BD%20%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0%20%D1%81%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2&url=http%3A%2F%2Fmedulka.ru%2Ffiziologiya%2Fpsihofiziologiya-cvetovogo-zreniya&fmode=inject&mime=html&110n=ru&sign=0b7642e504927cf6de6a64daffa41568&keyno=0> — *YANDEX_0Сokolov* <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?text=%D1%86%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D1%8D%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%BD%20%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0%20%D1%81%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2&url=http%3A%2F%2Fmedulka.ru%2Ffiziologiya%2Fpsihofiziologiya-cvetovogo-zreniya&fmode=inject&mime=html&110n=ru&sign=0b7642e504927cf6de6a64daffa41568&keyno=0> — *YANDEX_2E.H.*, *Черноризов А. М.* Психофизиология цветового зрения. М., 1989.

Энциклопедия физики и техники (ЭФТ ЭР). URL: http://www.femto.com.ua/articles/part_2/4490.html

Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley: Univ. of California Press, 1969.

Standard vs. prototype: philologist's look

V.V. Krasnykh (Russia, Moscow), victoryvk@gmail.com

Keywords: standard, prototype, psycho-language-cultural science.

Summary: In article an attempt of the preliminary analysis of possible options of the relations and ratios of a standard and prototype is made to show ambiguity of a solution on some concrete examples and to show cases of full or partial coincidence, a divergence or asymmetry of a standard and a prototype.

Анализ словарного знания: гипотезы и результаты

О. В. Кукушкина (Россия, Москва), kukush@orc.ru

А. А. Варламов (Россия, Москва), a_varlamov@mail.ru

Е. В. Суровцева (Россия, Москва), surovceva-ekaterina@yandex.ru

Е. Ф. Пирятинская (Россия, Москва), elena0pir@gmail.ru

Ключевые слова: словарное знание, индивидуальный словарь, активный и пассивный словарь.

Аннотация: В статье продолжено исследование словарного знания, начатое А. А. Поликарповым; нами доказывается, что основные из высказанных А. А. Поликарповым положений подтверждаются и на существенно увеличенном материале.

В работе «О системном соотношении активной части словарного сознания индивидуума и общества» [Поликарпов 2012a] А. А. Поликарпов сделал ряд наблюдений и высказал целый ряд гипотез, базирующихся на фундаментальных представлениях об устройстве лексической системы. Эти наблюдения и гипотезы подкреплялись результатами анализа небольшого по объему тестового материала. Подводя итоги проведенного исследования, А. А. Поликарпов наметил его дальнейшие перспективы, отмечая, в частности, необходимость количественного и качественного расширения круга испытуемых (по возрасту, полу и уровню образования). Продолжая это исследование, мы расширили число испытуемых с 12 до 70-ти. В результате оказалось, что основные из высказанных А. А. Поликарповым положений подтверждаются и на существенно увеличенном материале.

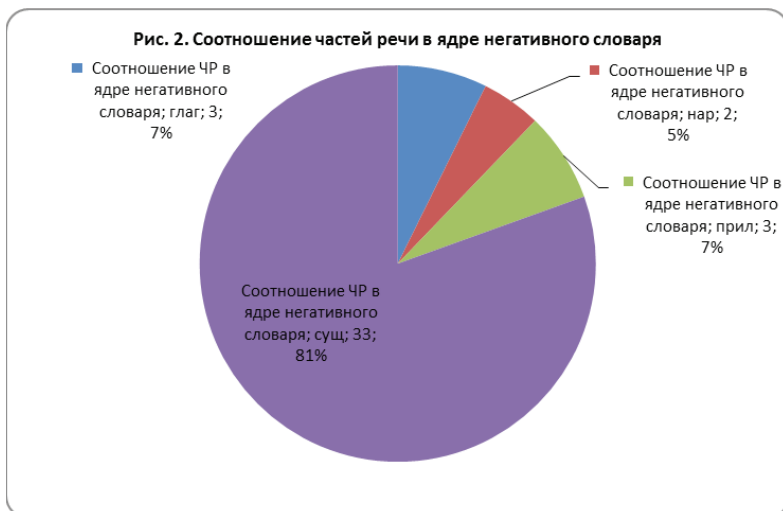
Во-первых, подтвердилось наблюдение, что «попарное пересечение активных словарей редко содержит в себе менее 50 % слов от каждого из сопоставляемых индивидуальных активных словарей». Как это следует из диаграммы на рисунке 1, лишь в 9 % случаев это пересечение имеет меньшую площадь.

Рис. 1. Совпадение активных словарей при попарном пересечении

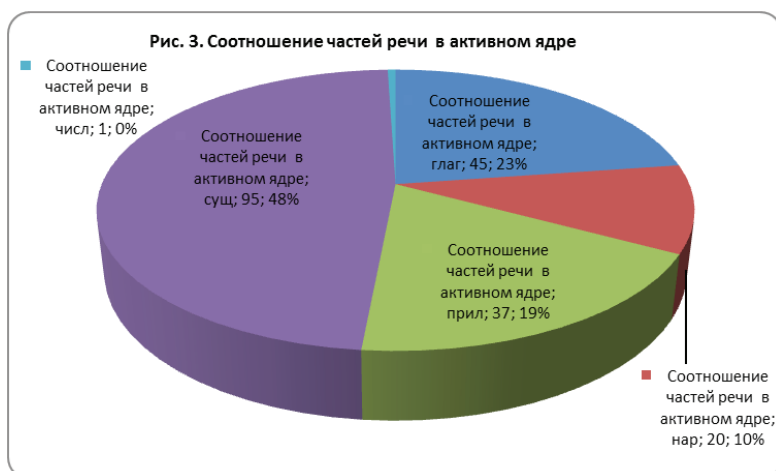

Этот факт интерпретируется А. А. Поликарповым следующим образом: «Это свидетельствует о том, что на уровне индивидуальных активных словарей полноценные носители современного русского языка (одной и той же социальной группы) весьма близки друг к другу. Наличие высокой степени сходства между активными индивидуальными словарями определяет возможность высокой степени взаимопонимания в общении для носителей русского языка» [Поликарпов 2012а].

Во-вторых, при анализе слов разных частей речи в зависимости от степени их представленности в активных идиолексиконах А. А. Поликарпов приходит к выводу, что «для существительных (наиболее предметной части речи) характерной является наибольшая концентрация в общем негативном словаре испытуемых. А для наречий (наиболее признаковой части речи среди знаменательных слов) — концентрация в области самых активных слов» [Поликарпов 2012а]. Это подтверждает и наш материал. Как видно из диаграммы на рисунке 2, существительные составляют 81 % негативного словаря, наречия 5 %.

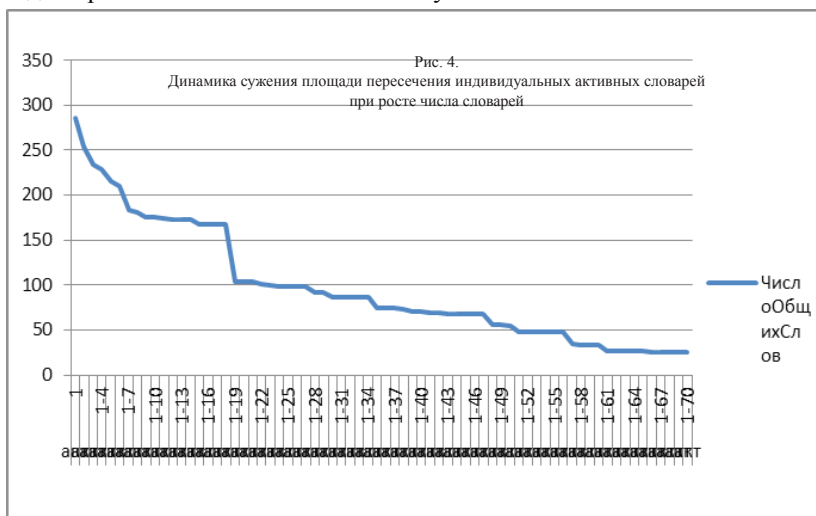
При этом существительные составляют всего 48 % активного словаря, наречия же – 10 % (см. рис. 3).

В-третьих, и на расширенном материале мы наблюдаем последовательное уменьшение величины общего активного словаря при расшире-

нии числа испытуемых (см. рис. 4). Стабилизация этой величин и происходит при сопоставлении 61-го испытуемого.

При анализе же пассивного словаря мы получаем нулевой «общий пассивный словарь» уже при объединении 19 тестируемых (см. диаграмму на рисунке 5).

Таким образом, подтвердилось, что «разнообразие индивидуальных пассивных словарей существенно больше, чем активных», что и дает нулевое пересечение [Поликарпов 2012a]. В [Поликарпов 2012a] предлагается следующее системное объяснение большей пересекаемости активных словарей: «Необходимо отметить, что индивидуальные активные словари (в отличие индивидуальных пассивных) находятся в интенсивном взаимодействии, что и ведёт к их постоянному взаимоулучшению (препятствующему их «разбеганию» под влиянием разнообразия условий и целей их использования своего языка), к поддержанию определённой степени общности активной части индивидуальных словарей в обществе. Их пересечение никогда не может быть нулевым, т. к. активные индивидуальные словари — основа взаимопонимания членов общества.

Работа по тестированию и исследованию индивидуальных словарей, начатая в целой серии трудов Анатолия Анатольевича, имеет большое фундаментальное и прикладное значение. См., например, такие работы, как [Поддубный, Поликарпов 2011a; Поддубный, Поликарпов 2011б; Поликарпов 1979; Поликарпов 1987; Поликарпов 2007; Поликарпов 2009a; Поликарпов 2009б; Поликарпов 2011в; Поликарпов 2012б; Поликарпов, Крюкова 1989; Поликарпов, Курлов 1994; Поликарпов, Поликарпова 1987; Polikarpov 1993; Polikarpov 2004; Polikarpov 2006; Polikarpov 2009].

Мы надеемся по мере сил продолжить это направление исследований с помощью созданного А. А. Варламовым по инициативе Анатолия Анатольевича программного средства для проведения анализа индивидуальных словарей в интернете.

Литература

- Поддубный В. В., Поликарпов А. А. Вывод закона синхронного полисемического распределения языковых знаков на основе диссипативной стохастической динамической модели эволюции знаковых ансамблей // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании: Материалы VII Междунар. науч. конф. М.: “Добросвет”, Изд-во “КДУ”, 2011a. С. 182 — 190.
- Поддубный В. В., Поликарпов А. А. Диссипативная стохастическая динамическая модель развития языковых знаков // КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ 2011б. Т. 2 № 1 С. 3 — 24.
- Поликарпов А. А. О системном соотношении активной части словарного сознания индивидуума и общества // Обыденное метаязыковое сознание: онтоло-

- гические и гносеологические аспекты. Часть IV. Кемерово, 2012а. С. 175 — 189.
- Поликарпов А. А. Полисемия: системно-квантитативные аспекты // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1987 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 774).
- Поликарпов А. А. Системно-квантитативный анализ лексической полисемии китайского языка во взаимосвязи со структурными и стилистическими характеристиками слов // Вестник Смоленского государственного университета, № 4 (8). Смоленск: Изд-во Смоленского университета, 2009а. С. 133 — 152.
- Поликарпов А. А. Системно-квантитативный подход в лингвистике // Научные школы в лингвистике. Смоленск, 2007.
- Поликарпов А. А. Теоретические основания и эксперименты для анализа соотношения индивидуальных словарей с лексической системой языка (2012б). http://www.philol.msu.ru/~lex/pdfs/polikarpov_2012_2.pdf.
- Поликарпов А. А. Универсальные, типологические, локально-смысловые и частнолингвистические факторы исторической сменяемости знаковых единиц // VIII Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (Москва, 23 — 24 сентября 2009 г.): тезисы и доклады. М.: Ключ. С. 2009б. С. 125 — 141.
- Поликарпов А. А. Элементы теоретической социолингвистики. М.: Изд. МГУ, 1979. 163 стр.
- Поликарпов А. А., Крюкова О. С. О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1989 (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 872).
- Поликарпов А. А., Курлов А. А. Стилистика, семантика, грамматика. Опыт анализа системных взаимосвязей (По данным толкового словаря) // ВЯ. 1994. № 1. С. 62 — 75.
- Поликарпов А. А. Закономерности активного и пассивного знания и незнания лексической системы русского языка московскими студентами // «Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный анализ. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвящённой юбилею заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических языка, профессора Л. Г. Бабенко 29.09 — 1.19.2011 г. Екатеринбург, Россия. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011в.
- Поликарпова А. О., Поликарпов А. А. Опыт изучения уровня и характера индивидуального знания русской лексики // Квантитативные аспекты системной организации текста: Материалы Межвуз. семинара. Тбилиси, 1987.
- Polikarpov A. A. Asymmetric dualism of a language sign: on the mechanism of establishing harmony between polysemy and synonymy in natural language signs // Abstracts from Qualico-2009 (Quantitative Linguistics Conference: «Text and Lan-

- guage: Structures, Functions, Interrelations», Graz, Austria, September 17 — 20 2009). Graz, Graz University, 2009.
- Polikarpov A.A. Cognitive Mechanisms for Emergence of some Regularities of Human Language Evolution // Text Processing and Cognitive Technologies. № 9, 2004 (The VII-th International Conference “Cognitive Modeling in Linguistics. Proceedings”). Moscow — Varna, 2004. Pp. 10 — 20.
- Polikarpov A.A. On the Model of Word Life Cycle // Koehler, R., Rieger, B. (eds.) Contributions to Quantitative Linguistics. Dordrecht: Kluwer, London, Boston, 1993. Pp. 53 — 66.
- Polikarpov A.A. Towards the Foundations of Menzerath’s Law (On the Functional Dependence of Affix Length on their Positional Number within Words) // Peter Grzybek (ed.). Contributions to the Science of Text and Language. Word Length Studies and Related Issues. Dordrecht: Springer, 2006. Pp. 215 — 240.

Analysis of dictionary knowledge: hypotheses and results

*O.V. Kukushkina (Russia, Moscow), kukush@orc.ru,
A.A. Varlamov (Russia, Moscow), a_varlamov@mail.ru, /
E.V. Surovtseva (Russia, Moscow), surovceva-ekaterina@yandex.ru,
E.F. Piryatinskaya (Russia, Moscow), elena0pir@gmail.ru*

Keywords: dictionary knowledge, individual dictionary, active and passive dictionary.

Summary: In article the research of dictionary knowledge begun by A.A. Polikarpov is continued; it is proved by us that the main of the provisions stated by A.A. Polikarpov are confirmed and on significantly the increased material.

Анализ парадигматических отношений лингвистической терминосистемы

С. В. Лесников (Россия, Сыктывкар), serg@lsw.ru

Ключевые слова: гизаурус, лингвистика, метаязык, поиск, тезаурус.

Аннотация: Данная работа выполняется при финансовой поддержке РФФИ по исследовательскому проекту N 11-07-00733 (2011–2013) «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика)» (научный руководитель С. В. Лесников) « [ЛСВ.РФ, ГИЗАУРУ С. РФ, МФРЯ.РФ, agora.guru.ru/conf_iitnio-2011, www.lsw.ru, www.mmik.ru, moodle.syktu.ru, subscribe.ru/catalog/linguistics.kto, subscribe.ru/catalog/linguistics.rusling, www.famous-scientists.ru/2965, subscribe.ru/science.humanity.hypervault, umk.lsw.ru]. Промежуточные итоги исследования изложены в ряде публикаций [Лесников 1997; Лесников 2001; Кузнецова, Лесников 2011а; Кузнецова, Лесников 2011б; Лесников 2009; Лесников 2001а; Лесников 2001б; Лесников 2011в; Лесников 2011 г; Лесников 2011д; Лесников 2011е; Лесников 2011ж; Лесников, Найденов, Новокшонова 2011; Лесников 2012; Лесников, Найденов, Новокшонова, Швецова 2012; Лесников, Кузнецова 2012].

В процессе изучения словарного состава русского языка остается актуальным системный анализ лексики. Системность лексики проявляется в том, что слова вступают друг с другом в различные отношения и образуют взаимодействующие лексико-грамматические классы /ЛГК/, лексико-семантические варианты /ЛСВ/, лексико-семантические группы /ЛСГ/ и лексико-семантические ряды /ЛСР/ лексических единиц /ЛЕ/ (= вокабула, глосса, лекс, лексема, слово, словосочетание, словопотребление, словоформа, текстоформа или лексически значимый компонент сложного слова) . В процессе моделирования гипертекстового информационно-поискового тезауруса /ИПТ/ метаязыка лингвистики, в частности, направленного на выявление системных отношений между лингвистическими, учитывалось положение Фердинанда де Соссюра, что в каждом данном состоянии всё покоится на отношениях [Соссюр 1999: 123]. Как известно, Ф. де Соссюр выделял два типа отношений: синтагматические и ассоциативные, утверждая: «с одной стороны, слова

в речи, образуя цепь, вступают между собой в отношения, основанные на линейном характере языка, исключающем возможность произнесения двух элементов сразу... С другой стороны, вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения» [Соссюр 1999: 123]. Позднее Луи Ельмслев предложил назвать ассоциативные отношения парадигматическими [ЛЭС: 366]. «Парадигматические отношения — это отношения ассоциативные, основанные на частичном сходстве и конкуренции составляющих П. единиц. Это очень широкий тип отношений, под который могут быть подведены более частные классы единиц, выявленные в лингвистике, например: глухие согласные, синонимия, антонимия, омонимия, категория рода прилагательных» [Матвеева 2010: 293].

Принципиально важными для моделирования гизауруса метаязыка лингвистики являются следующие базовые положения: 1) комплексный качественный анализ лингвистических терминов проводится в аспекте системных отношений (антонимические, ассоциативные, деривационные, иерархические, омонимические, парадигматические, полисемические, родо-видовые, синонимические, синтагматические, хронологические, эпидигматические); 2) для установления системной организации лингвистической терминологии рассматриваются ЛСВ, ЛСГ и ЛСР в их интеграционных, кумулятивных, обобщенных и типизированных характеристиках; 3) все аспекты комплексного анализа кортежа лингвистических терминов рассматриваются через призму актуальной, важнейшей проблемы современной лексикографии — закономерностей системности лексики русского языка в целом [Черняк 1989: 4].

При конструировании гизауруса ставилась задача систематизации и классификации, таксономизации лингвистических понятий и явлений, дефиниций, определений, толкований ЛЕ. Систематизация может иметь различные основания: с одной стороны, формальные приемы, облегчающие пользование словарем (например, расположение материала в алфавитном, квантитативном, тематическом, хронологическом порядке, некоторые структурные особенности словарных статей и т. д.), с другой — различные виды и типы описаний, обусловленные различными связями и отношениями лексики в ее живом употреблении, которые должны раскрыть читателю особенности языковых явлений и облегчить овладе-

ние тонкостями терминологии [Евгеньева 1963: 8]. Систематизация достигается через репрезентацию парадигматических связей, в частности, через указания семантически соотносительных слов — синонимов, антонимов; указания на словопроизводные и семантические связи в определениях, родо-видовые в частности [Герд 1981: 110 — 111; Крылов 2010: 194]. Имплицитно указания на семантические противопоставления в парадигматическом ряду содержатся во всех толкованиях значений терминов и могут быть вскрыты элементарным анализом. Эксплицитно информацию о парадигматических связях можно расширять и упорядочивать, не выходя за пределы словаря [Шурыгин 2005: 246–247].

Еще в 1983 году G. Salton и M. McGill [Salton, McGill 1983: 420] отмечали невозможность в обозримой перспективе использования в информационном поиске неформализованного естественного языка. Соотнесение смысла запроса и документа требует экстралингвистических знаний, и, прежде всего, знаний внутри и вокруг той предметной области, в которой осуществляется поиск. Современная когнитивная психология отмечает особую функцию классификации как средства познания: «Общепризнано, что материя состоит из элементов, существующих независимо от непосредственного их наблюдения человеком. Однако то, как эти элементы классифицируются, оказывает огромное влияние на то, как ученые воспринимают физический мир» [Солсо 2002: 39].

ИПТ предоставляют пользователю ИПС структурированные фрагменты экстралингвистических знаний через экспликацию парадигматических отношений между ЛЕ и, соответственно, между обозначаемыми ими понятиями (Жмайло 2005: 62–63). Язык, в том числе и искусственный, состоит из структурных элементов двух видов: языковых единиц и отношений между единицами. Отношения бывают парадигматические (или корреляции) и синтагматические (или реляции) [Кобрин 1989: 6 — 8]. Семантическая структура языка абстрактна, но состав семантических единиц определяет принципы членения текущей информации; корреляции определяют принципы выбора семантических единиц, а реляции — способы соединения единиц в семантические комплексы. Без номинации и экспликации основных типов парадигматических отношений невозможно построение информационно-поискового тезауруса как средства повышения эффективности информационного поиска.

Языковая парадигма на любом уровне языковой структуры представляет собой «совокупность вариантов, объединенных общим для них устойчивым инвариантом и закономерно чередующихся в процессе речевого функционирования языка. Члены одной и той же парадигмы связаны тождеством инварианта и противопоставлены теми или иными различиями. Члены парадигмы избираются говорящим или пишущим в зависимости от коммуникативных задач высказывания, а также структурных свойств членов и парадигмы в целом. Иными словами, члены парадигмы функционируют в речи и вступают в ней в синтагматические отношения. Они существуют в структуре языка и не могут одновременно занимать одно и то же место в потоке речи» [Березин, Головин 1979: 205]. Парадигматику языка можно определить как «совокупность и систему допускаемых структурой языка вариантов его единиц и категорий — вариантов, из числа которых автор речи на каждом шаге развертывания речи делает выбор лишь одного» [Березин, Головин 1979: 218]. Синтагматика языка определяется как «совокупность и система опирающихся на структурные значения языковых единиц их сочетательных возможностей и их реализаций в процессе речи» [Березин, Головин 1979: 218]. В теории и практике информационного поиска под парадигматическими отношениями понимаются отношения между словами (означающими), которые основаны «на существовании объективных связей между означаемыми, то есть между внутренними, семантическими сторонами слов» [Мartiнович 1990].

В. Vickery [Vickery В. С., Vickery А. 2000: 151] отмечает, что лингвистика распознает, по крайней мере, несколько видов парадигматических отношений: 1) синонимия — между лексемами, представляющими одну и ту же семему и имеющими сходные ассоциативные ряды; 2) квази-синонимия — между лексемами с большой долей общего семантического компонента, но не совпадающими полностью по объему понятий; 3) дополняемость — между лексемами, семантические компоненты которых взаимно дополняют друг друга; 4) антонимия — между лексемами с противоположным значением; 5) гипонимия — если значение одной лексемы включено в значение другой (объем понятия одной лексемы полностью входит в объем понятия другой лексемы).

Парадигматические отношения словарных единиц выявляются с целью показать системный характер материала, подчеркнуть внутренние связи рассматриваемой лексико-семантической системы, составить

представление об иерархической структуре терминологии изучаемой отрасли знания. Для лингвистической терминологии наиболее актуальны отношения антонимии, гипонимии, омонимии, полисемии и синонимии.

В лексикографии парадигматические отношения, в частности, антонимия, омонимия, полисемия и синонимия терминов, рассматриваются в работах многих лингвистов [Даниленко 1977; Гринев 1993; Куликова, Салмина 2002; Суперанская, Подольская, Васильева 2003; Коршунова 2009: 42 — 43].

Традиционно термин, в соответствии со своими основными функциями (номинативной и дефинитивной), должен быть строгим и точным обозначением специального понятия, он имеет безусловную тенденцию к симметрии отношений: одна звуковая оболочка — одно значение (понятие). Именно поэтому термин обычно характеризуется через противопоставление обычному слову и через набор отрицательных признаков. Так, в ЛЭС ему приписаны «тенденция к моносемантности в пределах своего терминологического поля», «отсутствие экспрессии», «стилистическая нейтральность» [ЛЭС: 508]. Отмечается также, что, переходя из естественного языка в терминологию, слова теряют свои былые системные связи: омонимия, синонимия, антонимия у терминов существенно ограничены. «Если в общей лексике последовательно представлены такие явления, как полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, то в специальной лексике они имеют свои особенности и ограничения. Так, в качестве желаемых требований для терминов выделяют однозначность, то есть одно слово — один смысл, что означает отсутствие у термина полисемантических отношений, омонимов, синонимов. На практике дело обстоит иначе. Термин не может избавиться от материальной языковой формы, где все эти отношения неизбежно присутствуют; тем не менее, терминологи производят отбор синонимов, спецификацию омонимов, разделение полисемии для достижения тех требований, которые предъявляются к терминам.

Номены и онимы, характеризующиеся ослабленной связью с понятиями, не могут иметь полисемию, синонимию, антонимию. Семасиологические отношения для них заменяются номинативными, понятийные связи — денотативными, антонимические отношения превращаются в отношения перечисления внутри именного ряда» [Суперанская 2004: 55].

Тем не менее, в терминологии явно прослеживается так называемая асимметрия (отступление от регулярности, единообразия). По этому поводу В. Г. Гак отмечает, что нередко в грамматических теориях недоучитывается асимметричный характер многих звеньев языковой системы [Гак 1986: 25].

Лингвисты стремятся построить более «симметричную» идеальную схему, из-за чего некоторые явления в языке объединяются и классифицируются произвольно.

Говоря о типах грамматической асимметрии по отношению к терминологии, можно выделить асимметрию системы, которая проявляется «в неодинаковой развитости звеньев языковой системы там, где можно было бы ожидать подобия» [Гак 1986: 26], и асимметрию структуры, которая, в свою очередь, проявляется «в расхождении означающего и означаемого» [Гак 1986: 26]. Асимметрия структуры в парадигматическом плане приводит к появлению таких семантических отношений между терминами, как полисемия, омонимия, синонимия.

Своеобразие толковых терминологических словарей предопределяет модель словарной статьи, структуру лексикона в целом. Словарная статья в тезаурусе данного типа состоит из двух частей: первая (семантическая) представляет собой собственно дефиницию, «метаязыковую надстройку», в которой дается наиболее абстрагированное и сжатое толкование, дающее первоначальное представление об определяемом. Семантическая часть может быть представлена в виде определенной структуры, состоящей из определяемого, дефинитивной связки и определяющего члена. Дефинитивная связка соотносит определяемое с общим классом понятий, а определяющий член выделяет понятие из общего класса. Вторая часть микроструктуры, то есть само дефинирование является конкретизирующей, в ней представлено объектное описание. Семантическая и денотативная части микроструктуры составляют единую характеристику определяемого. Главная задача узкоотраслевого лексикона — эксплицировать системность лингвистической терминологии, а через нее специфику соответствующей предметной области — может решаться через структуру и содержание его микро- и макроструктуры, а также путем указания парадигматических и деривационных связей терминов, использованием специальных графических средств, отсылок, дополнительных комментариев и пояснений. Все это позволяет репрезентировать в форме метаописания базовую терминологию

русского языковедения как системы номинаций, используемой современной металингвистикой при описании языковых реалий [Шурыгин 2005: 245 — 252]

Вопрос о семантических отношениях слов, составляющих ту или иную терминологию, стал традиционным для исследователей. В. П. Даниленко считает, что наиболее дискуссионным по отношению к терминологии по-прежнему остается вопрос, допустимы ли в ней основные лексико-семантические процессы — полисемия, омонимия, синонимия. Спорность вопроса состоит в том, что термин обладает однозначным соотношением означающего и означаемого. Подобная однозначность должна препятствовать появлению полисемии, омонимии или синонимии. Однако, в действительности, термин подвержен тем же лексико-семантическим процессам, которым подвержена и общеупотребительная лексика [Даниленко 1977: 65].

Несмотря на то, что термины испытывают на себе влияние лексико-семантических процессов, происходящих в общелитературном языке, существует отличие между тем, как данные процессы протекают в общеупотребительной лексике и в терминологии. Отличие заключается в том, что эти процессы, по мнению В. П. Даниленко [Даниленко 1977: 65], не затрагивают характерных лексико-семантических признаков терминологии. Они протекают в тех пределах, которые не нарушают семантической определенности термина. По сути, подобное же отношение выражают А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева [Суперанская, Подольская, Васильева 2003: 55], считая, что, если в общей лексике последовательно представлены такие явления, как полисемия, омонимия, синонимия, то в специальной лексике они имеют свои особенности и ограничения. Так, в качестве желаемых требований для терминов выделяют однозначность, то есть одно слово — один смысл, что означает отсутствие у термина полисемантических отношений, омонимов, синонимов. На практике дело обстоит иначе. Термин не может избавиться от материальной языковой формы, где все эти отношения неизбежно присутствуют; тем не менее, терминологи производят отбор синонимов, спецификацию омонимов, разделение полисемии для достижения тех требований, которые предъявляются к термину.

Итак, противоречивость статуса термина заключается в том, что как слово, он способен вступать в отношения полисемии, омонимии, сино-

нимии, но как специальное название определенного понятия, он должен быть однозначным.

При исследовании терминологии также необходимо учитывать и другие виды парадигматических отношений, а это антонимия, гиперо-гипонимия, часть-целое. Все перечисленные отношения в совокупности образуют такую семантическую сеть, которая отражает структуру системы терминов. При этом следует различать роль явлений асимметрии в терминологии и роль симметричных типов семантической связи. Если первые создают в той или иной мере помехи для адекватного восприятия, как отдельно взятых терминов, так и терминосистемы в целом, то вторые, в свою очередь, наоборот, способствуют более объективной оценке значений терминов, их взаимосвязей и иерархических зависимостей [Коршунова 2009: 42 — 43].

Литература

- Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М: Просвещение, 1979.
- Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Высш.шк., 1986.
- Герд А. С. Терминологический словарь среди других типов словарей // Современная русская лексикография. Л., 1981. С. 106 — 112.
- Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Моск. лицей, 1993.
- Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.
- Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.
- Евгеньева А. П. Определения в толковых словарях // Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963. С. 8 — 17.
- Жмайло С. В. Исследование и разработка теории и методики построения тезаурусов для информационного поиска в полнотекстовых БД (на примере тезауруса по безопасности инженерных систем) . Дис с. ... к.техн.н. 05.13.17. М.: ВИНТИ, 2005.
- Кобрин Р. Ю. Лингвистическое описание терминологии как база концептуального моделирования в информационных системах: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1989.
- Коршунова С. О. Тезаурусное моделирование терминологии синтаксиса. Дис с... к.филолог.н. 10.02.19 Иркутск: ИГЛУ, 2009.
- Кузнецова И. В., Лесников С. В. Компетентностно-ориентированные задания как средство формирования профессиональной компетентности будущего учителя математики и информатики // Казанская наука. № 8. 2011. Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2011а. С. 268 — 271.

- Кузнецова И. В., Лесников С. В. Разработка и описание гипертекстового информационно-поискового тезауруса по алгебре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: информатизация образования. Москва: РУДН, 2011б. № 3. С. 70 — 76.
- Куликова И. С., Салмина Д. В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). СПб.: САГА, 2002.
- Лесников С. В. Автоматизированная информационно-справочная система поиска лексико-семантических вариантов вокабул русского языка // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 24. Магнитогорск: Магнитогорский ГУ, 2009. С. 622 — 630.
- Лесников С. В. Базовые блоки автоматизированной лексикографической системы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: филология, искусствоведение. Вып. 60. № 33 (248). Челябинск: ЧелГУ, 2011а. С. 200 — 202.
- Лесников С. В. Базовые операторы языка поисковых запросов тезауруса метаязыка лингвистики // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. № 7.2 (31) (Гуманитарные и общественные науки). С. 39 — 53.
- Лесников С. В. Гипертекстовый тезаурус метаязыка науки // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (33) 2011б. Москва — Магнитогорск-Новосибирск: Российская академия наук (отделение историко-филологических наук РАН); Изд-во ООО «Аналитик», 2011. С. 30 — 34.
- Лесников С. В. Конструирование гипертекстового генерального свода лексики русского языка: русский гизаурус / Международная научная конференция «Язык и культура». 14 — 17 сентября 2001. М.: ОЛЯ РАН, научн. журнал «Вопросы филологии», Инст. иностранных языков, 2001. С. 280 — 281.
- Лесников С. В. Моделирование тезауруса метаязыка лингвистики на базе гипертекстовых фреймов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. № 3 (2). Киров: ВятГУ, 2011в. С. 51 — 54.
- Лесников С. В. Основные латинские терминологические элементы и термины метаязыка лингвистики // Научные ведомости БелГУ. Серия: гуманитарные науки. Белгород: БелГУ, 2011 г. № 12 (107). Вып. 10. С. 37 — 45.
- Лесников С. В. Тезаурус как отражение системности языка // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: филология, искусствоведение. Вып. 59. № 28 (243). Челябинск: ЧелГУ, 2011д. С. 52 — 61.
- Лесников С. В. Типология русских словарей лингвистической терминологии // Мир науки, культуры, образования. № 6 (31). 2011. Часть 2, декабрь 2011е. С. 6 — 10.

- Лесников С. В. Фреймовое конструирование тезауруса метаязыка лингвистики // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 4. Архангельск: ПГУ, 2011ж. С. 84 — 89.
- Лесников С. В., Кузнецова И. В. Концепция учебной деятельности в сетевых обществах при обучении алгебраическим структурам, направленной на формирование методической компетентности учителя математики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: информатизация образования. Москва: РУДН, 2012. № 4. С. 47 — 56.
- Лесников С. В., Найденов Н. Д., Новокшонова Е. Н. Классификации и их совершенствование в экономических науках // Современные исследования социальных проблем. № 3 (07). Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. С. 138 — 150.
- Лесников С. В., Найденов Н. Д., Новокшонова Е. Н., Швецова Н. Н. Совершенствование классификации экономических наук в свете теории социальных коммуникаций // Философия социальных коммуникаций. Научно-теоретический журнал. 3 (20) 2012. Волгоград, 2012. С. 18 — 30.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с. Переизд. под назв.: Большой энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998.
- Мартинович Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 143 — 146.
- Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010.
- Поликарпов А. А. От банка словарей — к синтетическому машинному словарю // Международный семинар по машинному переводу (М., 26 — 30 ноября 1979 г.). М.: ВЦП, 1979. С. 147 - 149.
- Солсо Р. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002.
- Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
- Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории / Под ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Черняк В. Д. Проблема синонимии и лексико-грамматическая классификация слов. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1989.
- Шурыгин Н. А. Семасиологический и лексикографический аспекты таксономизации лингвистических терминов и терминопонятий. Дис с... д. филолог. н. 10.02.01 Тюмень: Тюменский ГУ, 2005.

Salton G., McGill M. Introduction to Modern Information Retrieval. — U.S.A.: McGraw-Hill Book Company, 1983.

Vickery B. C., Vickery A. Information Science in Theory and Practice. U.S.: Butterworths, 2000.

Analysis of the Paradigmatic Relations of a Linguistic Termsystem

S. V. Lesnikov (Russia, Syktyvkar), serg@lsw.ru

Keywords: hisaurus, linguistics, metalanguage, search, thesaurus.

Summary: This work is performed with financial support of the Russian Federal Property Fund on the research N 11-07-00733 project (2011–2013) «The hypertext information retrieval thesaurus «Science Meta Language» (structure; mathematical, linguistic and program providing; sections linguistics, mathematics, economy) « (research supervisor S. V. Lesnikov) « [LSV.RF, GIZAURUS.RF, MFRYa.RF, agora.guru.ru/conf_iitnio-2011, www.lsw.ru, www.mmik.ru, moodle.syktsu.ru, subscribe.ru/catalog/linguistics.kto, subscribe.ru/catalog/linguistics.rusling, www.famous-scientists.ru/2965, subscribe.ru/science.humanity.hypervault, umk.lsw.ru].

Об отношениях синонимии в морфосемантическом поле однокоренных слов

Е. А. Нефедова (Россия, Москва), eanefedova@gmail.ru

Ключевые слова: синонимия, бесприставочные и приставочные глаголы, морфема *верт-/верн-/ворот-/вороч-*, архангельский регион.

Аннотация: Статья посвящена описанию синонимии бесприставочных и приставочных глаголов с корневой морфемой *верт-/верн-/ворот-/вороч-* в говорах архангельского региона.

В память о совместных
с Анатолием Анатолиевичем
диалектологических экспедициях
в д. Летняя Золотица (1967 г.),
Тимошино и Конецгорье (1970 г.)

Сложный и своеобразный характер лексической синонимии в русском языке в значительной мере определяет синонимия производных слов, группирующихся вокруг какого-н. корня [Евгеньева 1970: 12].

В современных русских говорах синонимия, сформировавшаяся на основе словообразовательных процессов, представлена очень широко. Относительная свобода словообразования в условиях некодифицированной нормы, а также наличие синонимичных словообразовательных моделей и аффиксов предопределяют существование в говорах единиц с общей мотивирующей основой и синонимичными аффиксами. Особый интерес представляют отношения словообразовательной синонимии, обнаруживающие тесную связь с характером отношений между значениями многозначных слов, образованных от общей мотивирующей основы. При многозначности таких единиц набор их значений совпадает полностью либо частично, образуя параллельные ряды междиалектных или внутридиалектных синонимов

Статья посвящена описанию синонимии бесприставочных и приставочных глаголов с корневой морфемой *верт-/верн-/ворот-/вороч-* в говорах архангельского региона⁵. Корневая морфема, представленная в рус-

⁵ В статье использованы материалы картотеки и 1 — 15 выпусков «Архангельского областного словаря» [АОС]. Общий объем анализируемого материала —

ском языке разными ступенями чередования, изначально обладает богатейшим семантическим потенциалом: общая идея поворота, вращения предполагает изменение положения предмета в пространстве или изменение направления его движения. Эти смысловые категории — движение, положение в пространстве, изменение — в языковом сознании ассоциативно связываются с многими семантическими областями (например, название одной из основных категорий — категории времени — в русском языке этимологически соотносится с *вертеть*, (см. [Фасмер, т. 1: 361]). Связь эта обнаруживает себя в результатах семантической деривации: так, каждый из бесприставочных и приставочных глаголов имеет в архангельских говорах в среднем по 10–15 производных значений.

Группа многозначных глаголов, обладающих формально-генетическим тождеством корневой морфемы, рассматривается как морфосемантическое поле. Границы поля и его структура определяются объемом и характером семантического варьирования исходных значений однокоренных глаголов¹. Предметом анализа является как синонимия прямых, исходных значений, непосредственно соотносящихся с этимологическим значением корня, так и производных метонимических и метафорических значений поля.

Рассматриваемые глаголы относятся к предикатам движения. Общим для них является признак ‘круговое движение’, определяющий характер движения. Значения, которые рассматриваются как прямые, непрямые, могут быть охарактеризованы по следующим аспектам:

- характер кругового движения — а) непоступательный, при котором ось вращения находится внутри вращающегося тела и б) поступательный, при котором ось вращения находится вне вращающегося тела.
- цикл кругового движения — а) полный, с возвращением в исходную точку движения и б) неполный, без возвращения в исходную точку движения.

около ста лексем, обладающих в сумме около 1500 словозначениями.

¹ Методика выделения морфосемантического поля разработана под влиянием идей Н. И. Толстого [Толстой 1963], которые скорректированы соответственно задачам работы. В предлагаемом исследовании опорной является не многозначная лексема, а группа многозначных лексем, обладающих формально-генетическим тождеством корневой морфемы (кстати, последнее соответствует правилу VI в [Толстой 1963]).

- кратность кругового движения — а) однократный цикл и б) многократный цикл.

На основе комбинаций семантических признаков, относящихся к названным аспектам, исследуемые глаголы по своим прямым значениям объединяются в субполе:

А. Непоступательное и поступательное круговое движение полного цикла — субполе ‘вращение’ и ‘вращение-перемещение’;

В. Однократное непоступательное круговое движение неполного цикла — субполе ‘поворот’;

С. Неоднократное непоступательное круговое движение неполного цикла — субполе ‘повороты’;

Д. Перемещение с однократным непоступательным круговым движением неполного цикла — субполе ‘перемещение-поворот’;

Е. Перемещение с неоднократными поступательными круговыми движениями неполного цикла — субполе ‘перемещение-повороты’;

Ф. Непоступательное круговое движение, требующее физических усилий — субполе ‘тяжело-поворот’.

Бесприставочные глаголы реализуют заложенный в их прямых значениях ассоциативно-образный потенциал и развивают метонимические и метафорические значения. Приставочные глаголы также имеют как прямые, так и переносные значения. Прямые значения приставочных глаголов представляют собой модификации соответствующих значений бесприставочных глаголов, состоящие в изменении вида и способа глагольного действия. Напр., *воротить* — *заворотить*, *своротить*, *приворотить* ‘поворотом менять (сменить) направление движения’. Производные значения приставочных глаголов могут быть образованы двумя способами. Первый — способ семантической деривации от прямых значений соответствующих приставочных глаголов. Второй, весьма характерный для семантического поля способ, — семантическая деривация, осложненная аффиксацией.

Характерной чертой рассматриваемого поля является то, что метафорические и метонимические значения приставочных глаголов могут быть результатом двух разных по своему характеру, но внутренне близких друг другу процессов — процесса семантической и словообразовательной деривации¹. Возникновение многих метафорических и ме-

¹ О внутренней близости лексической многозначности к словообразованию и синонимии см. [Апресян 1974: 175].

тонимических значений поля сопровождается префиксацией глагола². Иногда эти два способа действуют параллельно друг другу, что приводит к синонимии метонимического или метафорического значений приставочного и бесприставочного глагола.

Метонимические значения часто образуются от исходного значения бесприставочного глагола с помощью префиксации. Например, *вертеть* ‘вращать’ → *вывертеть* ‘вращая, отжать’, ‘вращением затащить, затянуть куда-н.’, ‘вращением заработать’. При этом корневая морфема меняет свой статус: из выразителя ассерции она превращается в выразителя пресуппозиции, определяя действие, сопутствующее основному, или характеризуя способ действия. Ассерция нового значения эксплицируется приставкой.

Метафорические значения приставочных глаголов могут восходить к метафорическим же значениям бесприставочных глаголов, модифицируя их соответственно значению приставки: *вертеть* ‘чувствовать головокружение, безл.’, *завернуть* ‘почувствовать головокружение, безл.’. Гораздо более интересным является метафорическое переосмысление прямых (реже — метонимических) значений бесприставочных глаголов, сопровождаемое префиксацией. Метафоризация этого типа может давать разные результаты, в зависимости от характера взаимодействия корневой и префиксальной морфем. В одних случаях они равноправно участвуют в формировании метафорического значения: *развернуться* ‘сделать широкий размах рукой’. В других случаях семантика корневой морфемы подвергается семантическому опустошению, передавая новому значению лишь слабый, неотчетливый образ кругового движения, а семантический центр, формирующий значение, переносится на приставку: *завернуть* ‘сделать что-н.’³.

Таблица № 1 показывает типы соотношений прямых и переносных значений приставочных и бесприставочных глаголов.

² Типичность для русского языка, в отличие от французского, переносных значений, осложненных морфемами, отмечает В. Г. Гак в [Гак 1966: 119].

³ Примеры подобных явлений в литературном языке рассматриваются в [Кронгауз 1998].

Таблица № 1

тип знач.	бесприставочный глагол	тип знач.	приставочный глагол
прямое	<i>воротить домо́й</i>	прямое	<i>приворотить домо́й</i>
прямое	<i>вертеть кран</i>	метоним.	<i>вывертеть белье</i> (отжать)
прямое	<i>вернуть голово́й</i>	метафор.	<i>завернуть водо́й</i> (облить) <i>подвернуть друго́ю</i> (невесту)
метоним.	<i>вернуть ого́нь</i> (фитиль)	метоним.	<i>вывернуть ра́дио</i> (усилить звук)
метоним.	<i>воротить домо́й</i>	метафор.	<i>своротить де́ньги</i> (отдать долг)
метафор.	<i>он ве́ртится, врет;</i>	метафор.	<i>не на́до бы́ло</i> <i>вывертыватся</i> (хитрить)
метафор.	<i>вертётся не буду́</i> (хитрить)	метоним.	<i>отвертётся</i> (хитростью избежать)

Таким образом, приставки, соединяясь с глаголами, выполняют следующие функции: переводят глагол в совершенный вид, определяют способ глагольного действия, формируют метонимические и метафорические значения, отсутствующие у бесприставочных глаголов, принимают роль семантического центра при опустошении корневой морфемы, цементируют семантическую структуру слова, значения которого являются результатом как семантической, так и словообразовательной деривации.

Субполя включают в себя значения, которые, как правило, манифестируются целым рядом приставочных и бесприставочных глаголов. Например, 'лишиться жизни, умереть' — *вернуть, завернуть, заворотить, перевернуть, подвернуть, свернуть*. В дво́е су́ток и *верну́ло* йёй. И фсё меня́ ошшо́ не *верну́ло* и не *заверну́ло* и фсё бе́гаю. Сулемá на́до напи́цца,

шобы *заверну́ло* на́рас. Штоп тебѣ *заворотило!* Стáрый живѣт, а молодóго *подвернѣт*. Вот в два денѣчка и *сверну́ло* йего́.

Различия между значениями могут касаться лишь вида, каузативности — некаузативности или способов глагольного действия. Вместе с тем в ряду манифестантов широко представлена синонимия значений, характер которой определяется более сложным соотношением корневых и приставочных морфем. Остановимся на их рассмотрении.

1. Синонимия бесприставочных глаголов с вариантной корневой морфемой наиболее характерна для непроизводных значений: *вертѣться* / *воротѣться* / *верну́ться*. *Вѣртица* колесó. Острúжут, острúжут да и *вѣртица*, *вѣртица*. Иш, *ворóтица* кругóm. Хóтко порáто *верну́лосе* колесó. Веретѣшэчько *не вѣрнеце*.

2. Синонимия бесприставочного и приставочного глаголов может быть основана на вторичной имперфективации. Этот тип синонимии отмечен

— у непроизводных значений — *вертѣться* / *завѣртываться* (о колесе); Оно начнѣт *завѣртываца*;

— у метонимических — *вертѣть* / *наворáчивать* (наматывать). Медíчка былá, бíнт *вертѣла*. *Вертиши*, *вертиши* на веретно́, прóсьтень соскѣш. Потóm на тюряки *наворáчивают*. ОНЕЖ. Трч. Нáдо вдвóйо, фтрóйо *наворáчивать*;

— у метафорических — *вертѣть* / *завѣртывать*. Вóду на рекé вот как *начнѣт вертѣть*. Водоворóт, веснóй óчень бýстро *завѣртыват*.

3. Синонимия, основанная на тождестве приставки при вариантности корневой морфемы:

— метонимические значения — *вывертеть* / *вывернуть* ‘отжать’. Вѣжму, *выверчу*, ф пестѣрь складѣш. *Вывертиши*, покá сýхо. Ф такой морóс нихтó не *выворáчивает*, дóма придú *выверну*;

— метафорические значения — *завернуть* / *завертѣть* ‘пригнуть к земле, повалить, о растениях’. Такими лопастíнами где стоит, где *заверну́ло* йевó (ячмень). Севóдня бы тák не *завертѣло* (траву), бýло бы *сѣно* хорóшо, хорóшо сóхне. Ячменíще весь вѣмет-то (измят), *завертѣло* йевó, дѣва нѣт.

- *розвертáться* / *розвѣртываться* / *розворáчиваться* ‘стараться’. На менѣ надѣя плохáя, нáдо без менѣ *розвертáция*. Где хóш берí дѣнги, *розвѣртывайсе*. Тѣ продафци *розворáчиваюца*.

- *перевернуть / переворотить* ‘исказить’. *Перевернём* (слова), огнём горю, знайо. Пёсны фсё *переворотили*.
- *привернуть / приворотить* ‘приколдовать’. У вас любóвник, она́ мо́жэт йёво́ *привернуть* и *отвернуть*. Ты́ мне́ тогó *привороти́*.

Главным фактором формирования синонимичных значений в этом случае является приставка, и при метонимии и при метафоре она несёт на себе основную смысловую нагрузку, подавляя вариантность исходной семантики корневой морфемы.

4. Синонимия, основанная на тождестве корневой морфемы и различии приставок:

— метонимические значения — *заворотить / приворотить* и / *надвернуть / привернуть* ‘свернув, зайти, заехать’. Я к тебе́ *завороцю́*. Сла́ва, пойдёш, *надвернёи* ко мне́. Я ис Кры́ма йёхала, хотёла *привернуть* кь ййм, да до́рога испóртилась. Я ла́дила *приворотить* ф клуп. *Привороти́*, у на́с собрáнийе;

— метафорические значения — *заворотить / своротить / розворотить* ‘построить что-н., значительное по размерам, необычное по внешнему виду’. Онí такí до́ма́ *заворотили*. Пёрву пёцкку пецньик большú *заворотил*, оди́н у́гол не грёл. Так вот ёто отёц йего́ такой́ дом *розворотил*. Такойё здáнийе *своротил*.

- *заворóчатъ, изворóчатъ, розворóчатъ, сворóчатъ* ‘разобрать по частям, сломать что-н. построенное’. А как до́м-от *заворóчали*, она́ и забёгала. Двё бы́ло избы́, одну́ *изворóчали*. До́м *сворóчают*, а брёвна, онí по́рченыйе, гнильйе, их не выворáчивают. *Розворóчили* да и перевезли́ дом.
- *навернуться / подвернуться / привернуться* ‘встретиться’. Хорошó, тётка одна́ *наверну́лась*, помогла́ мне́. А то́ *подвернёцца* (яма), и но́гу сло́мите. Это Лариса без меня́ *приверну́лась*.
- *овернуться / перевернуться* ‘перейти в иное физическое состояние, принять иной вид, облик, превратиться в кого-л., что-л.’. Она́ *оверну́лась* птíчькой, по́точькой. Была́ девíцей да *оверну́лась* лисíцей. *Переверну́лся* в медвёдя и несё мя́со.

В метафорических значениях приставки формируют образное представление о действии: например, процесс превращения представлен в образе полного оборота приставкой *о-* и переворота — приставкой *пере-*. В метонимических значениях приставки определяют различия

в характере действия, обозначенного глаголом: глагол с приставкой *роз-* определяет деструктивное действие ‘сломать’ как совершенное в несколько приемов, с приставкой *с-* — как одномоментное.

5. Синонимия глаголов с вариантными корневыми морфемами и разными приставками:

— метонимические значения — *заверну́ться / свороти́ться* ‘опрокинуться на бок или вверх дном’.. Дорóгу заката́ют, йéдеш, как хвосьнёт, мо́гут са́ни заверну́ще, в́ыхвосьне. Ходила *прويمéшэж* (стогов) посмотрéла, не покоси́лись ли, *не свороти́лись* ли;

— метафорические значения, различающиеся образным представлением о действии или полностью идиоматичные — *заворотить / привернуть / своротить* ‘вернуть взятое взаймы’. Она́ вы́просит взаймы, а потóм *заворóтит*. Не *приверну́л дэньги*-то. Она́ дэньги фсé *свороти́ла*.

Рассмотренный материал представляет внутреннюю синонимию субполей. Смысловую близость обнаруживают также значения, относящиеся к разным субполям, что позволяет ставить вопрос о синонимии поля в целом. Синонимические связи существуют между субполями ‘вращение’, ‘повороты’, ‘повороты с передвижением’ — по общности смысла ‘неоднократность движения’, ‘поворот’, ‘передвижение с поворотом’, ‘тяжело-поворот’ — общность кванта кругового движения. Синонимия разных субполей представлена в основном метафорическими значениями. Различия между синонимами имеют явно выраженный характер и касаются их содержательной стороны.

1. Идеографическая синонимия формируется семантикой корневой морфемы и характером приставки:

‘построить’: *сверну́ть* — ‘быстро’, ‘небольшой размер постройки’. Быстрéхонько *заверну́т* дóм. Он такой *дóмик* красíвой заверну́л. Я ба́йенку здéсь *заверну́*. Онí дóмик са́ми состро́или, *сверну́ли* небольшой домо́к; *розворотить, своротить* — ‘очень большой размер постройки’. Так вот ёто отéц йего́ такой дом *розвороти́л*. Такие́ здáние *свороти́*;

‘организовать, устроить’: *розверну́ть* — ‘что-н, масштабное’. Он с ётого придáного и *розверну́л* торго́влю. Какí *сва́дьбы заворáчивают* — по́ сту целове́к собира́ют. *сверну́ть* — ‘быстро’ Дава́йте, *чайку́* вам *сверну́*.

2. Идеографическая синонимия может формироваться семантикой корня при общности приставочной морфемы:

‘Отломить часть чего-н.’: *отвернуть* (хлеба) — ‘небольшая часть от небольшого целого’, *отворотить* (глыбу) — ‘с трудом’, ‘тяжелый вес отделяемой части’.

‘Поднять что-н.’: *заворотить* (на плечо) — ‘тяжелое, с трудом’, *завернуть* (на плечо) — ‘быстро’.

Различия этого типа эксплицированы в толковании значения. Другой тип синонимических различий не затрагивает семантического содержания, он связан с характером образной основы глагольных значений разных субполей, предопределяющим прагматические различия синонимов. Например: ‘лгать, солгать’: *отвернуть*, *свернуть*, *привернуть* — ложь как отклонение в сторону, *вертеться* — ассоциация с вращением разных версий лжи с целью оправдания.

‘Съесть’: *навернуть* — быстрое действие, несколько квантов движения руки, берущей пищу и подносящей ко рту (образ вращения), *свернуть* — быстрое действие в один квант, полный охват объекта (образ поворота).

‘Разбросать, раскидать’: *розвертеть* — мелкие, легкие объекты, многократность движений, *розворочать* — части объекта, мыслимого как единое целое; действие — как производимое с применением усилий.

‘Прийти’: *привертеть* — образ «верчения» бедрами при ходьбе, неодобрение в адрес субъекта действия, *приворотить* — неодобрительное отношение к самому факту прибытия субъекта.

‘Опустошиться, опорожниться в процессе еды’: тарелка *выворачивается* — как бы наизнанку, блюдо *повернулось* — быстро, в один миг (быстрый поворот).

‘Выдернуть, вырвать откуда-н. (дерево, зуб)’: *вывернуть* — как бы вращая, *извертеть* — много раз поворачивая, раскачивая, *выворотить* — с трудом.

‘Заставить кого-н сменить свои убеждения’: *перевернуть* — как бы изменить полностью, *своротить* — как бы сдвинуть с места. Аналогичные различия находим в обозначениях болезненного состояния человека — болезнь может его *перевернуть* и *своротить*.

Отмечаются также случаи синонимии слов с общим корнем и различными приставками, которые и определяют различия образных ассоциаций. Например, смерть описывается глаголом *перевернуться* как полное изменение (*теленки перевернулись*), глаголами *свернуться*, *завернуться*

как быстрое изменение состояния (*молодые быстро свёртываются*). Полной синонимии значений разных субполей, как и следовало ожидать, не отмечено.

Особенности функционирования синонимичных словозначений тесно связаны с характером многозначности поля 'круговое движение'. Словозначения поля формируются в результате изменения класса объектов, на которые распространяется круговое движение. Это типично внутрисистемное явление, хотя в каждой отдельной диалектной системе обычно не бывают представлены все ступени семантического варьирования. Однако локальная ограниченность подобных значений не предполагает обязательной противопоставленности по территориальному признаку. Их возможная представленность в разных моносистемах объясняется тем, что общее для говоров слово при функционировании в разных моносистемах неравномерно проявляет свои семантические потенции. Появление у слова новых значений в большой степени определяется речевыми условиями, контекстами употребления, в которых слово может повернуться какими-то своими новыми смысловыми гранями. Материалы АОС показывают, что чем дальше значение отстоит от первичного, часто общего для литературного языка и для говоров, тем уже территория его фиксации⁴. Часто речь идет не о компактной территории, а о двух-трех населенных пунктах, которые могут быть на достаточном расстоянии друг от друга, что допускает предположение о самостоятельном, независимом проявлении общих семантических потенций слова⁵.

⁴ Ю. Д. Апресян пишет следующее: «Устройство каждой языковой системы и подсистемы подчиняется общей вероятностной закономерности, или тенденции: при постепенном переходе от центра системы (или подсистемы) к ее периферии падает употребительность и одновременно нарастает маркированность входящих в ее состав языковых единиц» [Апресян 2002: 7]. Следует признать, что одним из признаков маркированности периферийных значений слов в диалекте является их территориальная ограниченность.

⁵ В статье Г. П. Клепиковой «Материалы к «Карпатскому диалектологическому атласу» представлены карты, отражающие многозначность глагольных слов. Характер локализации значений некоторых из них в карпатском ареале близок к описанному выше. Например, на карте № 10 из восьми значений слова *киснуть* лишь 'киснуть' (о тесте) выделяет четкий ареал, другие значения в разных комбинациях (по два-три в конкретном говоре) образуют чрезполосицу [Клепикова 2006: 184].

На этом фоне и междиалектная синонимия, многократно отраженная в иллюстративном материале, не имеет принципиальных отличий от синонимов, функционирующих в отдельных моносистемах.

Литература

- АОС – Архангельский областной словарь. Вып. 1 - . М., 1980 -
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян Ю. Д. Об одной закономерности устройства семантических систем // Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докладов международной конференции. Пятое Шмелевские чтения, 23–25 февраля 2002 г. М., 2002.
- Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Евгеньева А. П. Введение // Словарь синонимов русского языка / Под ред А. П. Евгеньевой. В 2 томах. М., 1970. Т. 1.
- Клепикова Г. П. Материалы к «Карпатскому диалектологическому атласу». 2. Из глагольной лексики // Исследования по славянской диалектологии 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006.
- Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // Вопросы языкознания. 1963, № 1.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.

About Synonymy Relations in Morfosemantic Field of Cognate Words

E.A. Nefedova (Russia, Moscow), eanefedova@gmail.ru

Keywords: synonymy, non-prefix and prefix verbs, morpheme *vert-/vern-/vorot-/voroch-*, Arkhangelsk region.

Summary: Article is devoted to the description of synonyms of non-prefix and prefix verbs with a root morpheme *vert-/vern-/vorot-/voroch-* in dialects of the Arkhangelsk region.

Родительный объектный и категория посессивности

Е. Н. Никитина (Россия, Москва), yelenon@mail.ru

Ключевые слова: родительный падеж, категория посессивности, модусная обусловленность конструкции.

Аннотация: В статье на анализе языкового материала делается вывод о том, что семантика глагольной конструкции с родительным объектным позволяет говорить об особой субъективности, о модусной обусловленности конструкции.

*Памяти
Анатолия Анатольевича Поликарпова*

Родительный падеж при отрицании обычно делится на два типа: родительный субъектный и родительный объектный, или родительный на месте именительного и родительный на месте винительного. Современная лингвистика выдвинула предположение что в основе мены Им. субъектного и Вин. объектного на Род. в отрицательных конструкциях

- (1) *На горизонте нет облаков*
- (2) *На горизонте не виднеется облаков*
- (3) *Он не увидел облаков на горизонте*

лежат сходные семантические процессы. При этом в центре внимания оказалась семантика бытийности в варианте «несуществования», связанная с лексической семантикой глагола: «Как легко видеть, семантически, у глагола, допускающего генитив объекта, много общего с глаголами генитивного субъекта: генитив объекта, как и субъекта, возникает в контексте либо несуществования, либо наблюдаемого /осознаваемого отсутствия, либо контакта» [Падучева 2008: 132].

Если понимать семантику конструкции как результат совместного вклада имени и глагола, то формулировку Е. В. Падучевой можно расширить: взаимодействие категорий в отрицательной конструкции с генитивом выражается тем, что в ней взаимно настроены семантика **стативки** (посессивности-бытийности) и **ментальности**. За статику отвечают со стороны глагольных категорий семантика посессивности-бытийности, со стороны именных категорий — падежная семантика Род. (в отли-

чие от динамического Вин., см. [Никитина 2013]), за ментальность — подавление отрицанием перцептивного компонента (если такой компонент присутствовал в лексической семантике глагола). Ментальность и посессивность задают особый оттенок бытийности — это бытие предметов в личностно-обусловленном пространстве.

Рассмотрим вначале, как реализуются названные семантические категории в конструкциях с субъектным родительным, прототипом которых является безглагольная бытийная конструкция (1). Безглагольна она по В. В. Виноградову и Г. А. Золотовой в силу отсутствия полнознаменательного глагола, см. [Виноградов 1947, Золотова 1982]. Эта отрицательная конструкция производна от семантически более простой утвердительной: *На горизонте облака*. Ее семантическая простота состоит в несомненной и определенной связи с перцептивным модусом и обусловленности фигурой наблюдателя. В отличие от нее, отрицательная конструкция связана с двумя типами модусов — перцептивным и ментальным (модусом знания). Отрицание, как известно, может менять модус высказывания — от перцептивного при утверждении к ментальному при отрицании: отрицание присутствия объекта в окружающем пространстве каузируется не только собственно ситуацией наблюдения, но и чьей-либо репликой (*Смотри: облака!*), либо предзнанием говорящего, что облака здесь должны быть. Ср. отсылку в книге Е. В. Падучевой к Б. Расселу: фраза *Это белое не белое* «обязана своим появлением» тому, что «находится **перед глазами** у говорящего», и «**представлению о том, что** белое должно быть белым» [Падучева 1974]. Тем самым, создавая отрицательное высказывание, говорящий соединяет два модусных значения — наблюдение и ментальность. (Именно из-за сильного (не подавляется отрицанием) перцептивного компонента в семантике некоторых полнознаменательных глаголов оказываются аномальными высказывания типа **На горизонте не белело облаков*, **Не краснело маков в поле*, **Не визжало пыли...*; а из-за пространственно-динамического компонента в лексике некорректны высказывания типа **Автобусов не приходит*, в то время как *Писем не приходит* корректно), подробно см. в [Никитина 2014].

Бытийность по своей сути статична, семантика посессивности в бытийных предложениях присутствует потому, что они обусловлены конкретно-пространственной позицией наблюдателя-говорящего и/ или его

ментальной установкой (принадлежность / отсутствие принадлежности наблюдаемому пространству признака).

Род. субъектный в отрицательных конструкциях нередко выражает добавочное значение количественности: *нет облаков, мусора, пыли — нет ни (единого, одного) облачка, соринки, пылинки*, ср.: **на горизонте нет облака; на столе нет соринки, пылинки*, что обнаруживает связь семантики небытия и семантики вещественно-пространственной (именной) предельности, выражаемой ед.ч. предметного существительного в сопровождении квантификаторов, уменьшительным суффиксом, суффиксом вещественного кванта, т. е. минимальных счетных единиц, в которых осуществляется бытие материи.

Перейдем к объектному Род. По Е. В. Падучевой, генитив отрицания возможен в следующих пяти «лексических» классах глаголов: созидания (*не построил дома*), восприятия (*не увидел облака*), знания (*не знает теоремы*), движения в сторону наблюдателя¹ (*не принес статьи*), обладания (*не нашел очков*); сходство между этими классами — в бытийной семантике, при этом сферы бытия («несуществования») объекта разграничены следующим образом: «I. несуществование Вещи в мире; II. отсутствие Вещи в поле зрения, сфере сознания или личной сфере Наблюдателя (с пресуппозицией ее существования в мире или без такой пресуппозиции)» [Падучева 2008].

Отметим, что в терминологической традиции концепции коммуникативной грамматики (КГ), на положения которой опирается данное исследование, понимание наблюдателя более узкое, чем в исследованиях Е. В. Падучевой, — это роль говорящего в рамках перцептивного (сенсорного) модуса (это становится немаловажным при квалификации типа модуса и роли его владельца в конкретном текстовом фрагменте, см. [Никитина 2013а]). В ментальных модусах (модусе знания и мнения) говорящий выполняет роль субъекта мыслящего. В речевом режиме говорящий является носителем (владельцем) модуса. В нарративном режиме, в рамках художественного текста с третьеличным героем, на роль владельца модуса претендуют автор (говорящий) и герой, что называется внутренней точкой зрения по Б. А. Успенскому ([Успенский (1970) 2000]). В КГ владелец модуса в художественном тексте получил название «авторизатора» (субъекта сознания).

¹ Можно уточнить, что наблюдатель выполняет роль посессора.

Все названные глаголы объединяются одним свойством: бытийность в данном случае производна от значения посессивности. Это означает, что в контексте обсуждаемых глаголов речь идет не о всеобщем «объективном» пространстве бытия, доступном для наблюдения любой личности (как в конкретно-пространственных бытийных предложениях *На горизонте облака*), а об ограниченном «субъективном» пространстве посессора, о его «личной сфере»² (в понимании Ш. Балли, М. А. Журиной, Ю. Д. Апресяна): *Я купил книгу* = «У меня есть книга», *Я не купил книгу/книги* = «У меня нет книги»; *Я понимаю³ теорему* = «В моей голове содержится доказательство, объяснение теоремы», *Я не понимаю теорему/теоремы* = «В моей голове не содержится доказательство, объяснение теоремы». В большей мере принадлежат объективному миру объекты созидательных глаголов: *построил дом*, и объекты перцептивно-модусных глаголов (т. е. таких, которые выражают тип модуса и сенсорный канал): *увидел облако, услышал звук*. Однако и они обнаруживают субъективизм: перцептивно-модусные глаголы субъективизм пространства бытия объектов, что обусловлено конкретным наблюдателем — героем или автором созидательные — субъективизм творца-посессора: создаваемый объект первоначально принадлежит к личной сфере творца и лишь затем покидает ее границы и становится принадлежностью всеобщего пространства.

Объекты перцептивных модусных глаголов (*слышать, видеть*) сводятся к бытийности в общем (физическом) пространстве, но объекты **восприятия** — это субъекты бытия, локализованные в пространстве на-

² Ограниченное субъектное пространство получило в лингвистике название «личной сферы». У Ш. Балли «личная сфера» понимается как совокупность частей тела и предметов и существ, связанных с личностью так, что эта связь может осмысливаться как постоянная и тесная. Объем личной сферы был расширен за счет ментально-психической «собственности» человека: его мысли, знания, эмоции и т. п. Так, Ю. Д. Апресян в «личную сферу» помещает все, что касается говорящего; «личная сфера» позволяет толковать такие лексемы, как ты, лексику эмоциональной сферы (стыдиться, гордиться), а также некоторые качественные прилагательные (тяжелый, прочный, твердый), ср. также: личная сфера «должна быть описана ... — как относительно самостоятельный фрагмент наивной модели мира. В эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально...» [Апресян 1995: 645].

³ См. этимологию данного глагола: его старое значение связано с семантикой обладания (имати).

блюдателя, присвоенном, субъективированном наблюдателем, ср.: *Слышу звуки = Звуки* (около меня); *Вижу огни = Огни* (вокруг меня). Ввод отрицания позволяет мену объектных Вин. — Род., их разница аналогична разнице Вин. — Род. в контексте собственно-посессивных глаголов: в условиях отрицания создается особый контекст пересечения общего (наблюдаемого) пространства и личной сферы. Выбирая Вин., говорящий исходит из реального бытия отрицаемого объекта (*Не вижу огни*), который он не может воспринять в силу ограниченности собственных перцептивных средств. Выбирая Род., говорящий делает акцент на небытии объекта в наблюдаемом пространстве, которое «присваивается» говорящим и становится частью его «личной сферы» (*Не вижу огней*). Поэтому очевидно, что в нарративном режиме в третьеличном нарративе (морфологическое 3-е лицо) употребление Род. при перцептивно-модусных глаголах создает внутреннюю точку зрения (по Б. А. Успенскому). Претендентом на «субъективное пространство» является лицо (герой), соединяющее наблюдение и размышление, часто в рамках несобственно-прямой речи.

Тем самым выбор субъективирующего падежа (Род.) находится в связи с семантикой глагольного лица. Особо важным становится соединение 3-го лица субъекта и Род. объекта.

В нарративном режиме (в художественном тексте) 3-е л. в соединении с Род. может предьявляет внутреннюю точку зрения, становясь аналогом 1-го лица, в плане текстово-композиционном подобные фрагменты (соединяющие 3-е лицо с Род.п.) принадлежат к несобственно-прямой речи и обнаруживают персонажное сознание:

(4) *Ирина подошла к даче и не увидела машины Олега. Ступила на порог — шкафы пусты, все раскидано — как будто обокрали. Было заметно, что собирались второпях* (В. Токарева)⁴.

⁴ В плане формирования внутренней точки зрения и принадлежности определенному модусу Род. объектный не противопоставлен Род. субъектному. В рамках художественного текста конструкция «не было+Род.» всегда обнаруживает чье-то персональное сознание (скорее персонажное, а не авторское). Особенности употребления этой конструкции в нарративных фрагментах является то, что она маркирует не только внутреннюю точку зрения, но и внутреннюю речь (несобственно-прямая речь), обычно такая конструкция соседствует с высказываниями ментальных модусов. См.: ...успокоив себя тем, что в следующую неделю исповедается в этом попу и с сегодняшнего же дня начнет бить по пятидесяти поклонов через весь год, заглянул он в хату, но в ней не было никого.

В примере (4) герой (Ирина) соединяет роли субъекта действующего (*подошла, ступила на порог*), субъекта наблюдающего (*не увидела машины Олега*; предложение с пропущенной модусной рамкой «и увидела»: *шкафы пусты, все раскидано*) и субъекта мыслящего (элементы внутренней речи героини: *как будто обокрали, было заметно, что...*). Тем самым перед нами фрагмент литературного текста с внутренней точкой зрения (герой — субъект сознания) — 3-е лицо равносильно 1-му лицу. Субъект сознания отождествляется с подлежащим 3-го лица.

В речевом режиме 3-е лицо подлежащего и Род. объекта обнаруживают внешнюю точку зрения говорящего на личность-подлежащее: личность в подлежащем не может претендовать на роль субъекта сознания (наблюдателя по Е. В. Падучевой). Род. указывает на бытие объекта в личной (физической либо ментально-психической) сфере человека. Отсюда возможность мены Вин./ Род., которая несет семантическую разницу: Вин. предполагает бытие объекта в общем человеческом пространстве и отрицает его бытие в личной сфере называемого посессора, а Род. сужает пространство бытия объекта: в фокусе только личная сфера субъекта (а не мир) и отсутствие данного объекта в ней, ср.: *Я не понимаю математику. — Я не понимаю математики*. В контексте 1-го лица посессора ситуация проста: вывод о своей личной сфере делает сам говорящий. Контекст 3-го лица и Род. объектного задает углубленную «субъектную перспективу», в которую включен не только третьеличный субъект-подлежащее, но и субъект модуса — говорящий: вывод об отсутствии данного объекта в личной сфере посессора принадлежит говорящему на основании его личного опыта, ср.: *Он не знает теорему* (констатация факта, источник информации неизвестен) — *Он не знает теоремы* (возможно, говорящий сам проверял знание теоремы). Тогда следует признать за Род. объектным в отрицательных предложениях с 3-м лицом подлежащего эгоцентрическую семантику. Отсюда становится понятен и разговорный характер высказываний с Род. при отрицании (связь с *Я* и, как следствие, неформальность обстановки речи, где допускается Род. объектный).

В художественном тексте отрицательная конструкция, соединяющая перцептивный модусный предикат и Род. объектный, формирует вну- / Видно, Солоха еще не возвращалась (Гоголь) — наблюдение и ментальный вывод (с ментальной рамкой видно... = «очевидной», «вероятно», «по всей видимости») принадлежат Вакуле.

треннюю точку зрения (соединяющую автора и героя), см. выше пример (4). Если же в рамках произведения ставится художественно-грамматический эксперимент, то интерпретировать рассматриваемую конструкцию сложнее. В романе «Петербург» Андрей Белый намеренно сталкивает лексические и грамматические признаки внутренней и внешней точки зрения, так что определить владельца точки зрения достаточно непросто. Так, модусный предикат *увидеть*+Род. должен был бы порождать внутреннюю точку зрения (субъект перцепции=субъект сознания), однако автор романа особым образом использует данный предикат:

(5) *Вдруг под этою глубиной и зеленоватой синью на багровом фоне зари показался отчетливый силуэт: в ветре крыльями билась серая николаевка; и небрежно откинулось восковое лицо, оттопыривши губы: в синеватых невских просторах все глаза его что-то искали, найти не могли, улетели мимо над скромною ее шапochкой; не увидели шапochки: не увидели ничего — ни ее, ни Варвары Евграфовны: только видели глубину, зеленоватую синь; поднялись и упали — там упали глаза, за Невой, где принизились берега и багрились островные здания. Впереди же, сопя, пробежал полосатый, темный бульдог, унося в зубах свой серебряный хлыстик.*

Изображение Аблеухова-младшего (*силуэт*) дано с точки зрения Софьи Лихутиной: начинается фрагмент с внешнего взгляда на героя, о чем свидетельствуют предикаты восприятия внешнего объекта: *показался силуэт, билась николаевка, откинулось лицо*, а также оборот с пространственной семантикой, предполагающий «точку отсчета» в Лихутиной: *глаза его улетели мимо над скромною ее шапochкой*. Конструкция с модусным предикатом и Род., сообщающая о взгляде Аблеухова: (*Глаза не увидели шапochки, <...> Варвары Евграфовны*, — хотя и предназначена для выражения внутренней точки зрения (в данном случае на роль наблюдателя должен был бы претендовать Аблеухов-младший), в этом контексте выражает мнение Лихутиной, является приписыванием: не реальное видение Аблеухова, а то, как проинтерпретировала его взгляд Лихутина. Об этом может свидетельствовать номинация Лихутиной посредством местоимения *ее* (3-е л. как 1-е л., средство внутренней точки зрения), а ее спутницы посредством имени собственного. Интересно, что часть предложения, следующая за двоеточием, имеющая значение обоснования мнения, дана уже с точки зрения Аблеухова: (*глаза*) *толь-*

ко видели глубину, зеленоватую синь. Конечное предложение фрагмента (о бегущем бульдоге) обусловлено перцептивным модусом и моделирует ситуацию наблюдения, однако, по-видимому, на роль наблюдателя могут претендовать и Лихутина, и Аблеухов, см. дейктическое слово с субъектным нулем: *впереди же (нее?/ него?)*.

Понимание того, что на генитивность глагола влияет посессивный компонент в лексической семантике, позволяет расширить список генитивных глаголов за счет глаголов питания (*есть, пить, кушать*), глаголов речи (*обсуждать, рассказывать*) и глаголов эмоции (*любить, уважать*).

На аналогии между посессивными глаголами и глаголами речи следует остановиться подробнее. С точки зрения понятия личной сферы, глаголы посессивные, а также и речевые, предполагающие сменяющегося посессора, адресата, контрагента, имеют семантику каузативную (*купить, дать, рассказать, объяснить* и т. п.): они имеют значение смены посессора и каузируют бытие/ отсутствие бытия объекта в личной сфере нового посессора (при утверждении)/ потенциального посессора (при отрицании). Род. создает акцент на личной сфере нового посессора: в его личной сфере (не) каузируется бытие объекта:

Одним из первых, с кем я обсуждал этот проект, был контр-адмирал Ф. Фомин<...>. Он был шокирован «людоедским» характером проекта....Я устыдился и больше никогда ни с кем не обсуждал своего проекта (А. Д. Сахаров). (контрагент-посессор с+Тв.: ни с кем)

— *Там одни воры. Я был единственным... грамотным человеком там. Я им рассказывал, «тискал руманы», как говорят на блатном жаргоне, рассказывал по вечерам Дюма, Конан Дойля, Уоллеса. За это они меня кормили, одевали, и я работал мало. Вы, вероятно, тоже в свое время использовали это единственное преимущество грамотности здесь?* — *Нет,* — сказал я, — *нет. Мне это казалось всегда последним унижением, концом. За суп я никогда не рассказывал романов* (В. Шаламов). (адресат-посессор Дат. выражен нулем)

В предложенном здесь смысле к посессивной семантике сводятся глаголы «позитивного» эмоционального отношения (особенно часто *любить*, реже — *уважать*). Их семантику можно интерпретировать как наличие бытия некоторого объекта в личной сфере субъекта отношения (1-е л. — с его собственной точки зрения, 3-е л. — с точки зрения говорящего). Этим объясняется возможность Род. при отрицании: *Оттого-то*

они и не уважают правительства и меняют министров, как перчатки... [К. М. Станюкович (1890)]⁵; *Подчеркиваю: тут самое любопытное то, что Добычин вовсе не был скуп. Он именно и просто не уважал труда.* [В. Ф. Ходасевич (1936)]. *Он говорит просто, не любит метафор, высокопарных высказываний о вечности, о судьбе артиста* [Сати Спивакова (2002)]; *Болото он (Костя) ненавидел, ягод не собирал. Да он и не любил ягод.* [Василь Быков (2001)]; *А Юлия Михайловна не любила улиц, автомобилей, ветра, морозов.* [Юрий Трифонов.(1976)]; *Вы вообще не любите цветов? В голосе её была, как мне показалось, враждебность.* [М. А. Булгаков (1929–1940)]

Если обратиться к классическим литературным примерам, построенным на имитации аномальных регионально-национальных особенностей речи: *Папаша, — ответил Король пьяному отцу, — пожалуй-ста, выпивайте и закусывайте, пусть вас не волнует этих глупостей...* (И. Бабель); *Пейте на здоровье, мосье Грач, и пусть вас не беспокоит всяких глупостей* (Э. Севела), то их осмысляемость можно интерпретировать посредством понятия «личная сфера», которая образуется в связи с экспериенцером в Вин.п. глаголов *волновать* и *беспокоить*. Как справедливо отмечено в [Ицкович 1982], при переходных глаголах запрет накладывается на Род. объектный, в то время как в рассматриваемых переходных глаголах мене подвергается Им. субъектный на Род. субъектный. Это формальная причина их аномальности. С другой стороны, интересно выяснить, почему все-таки такие построения в литературных текстах, имитирующих «одесские обороты» речи, стали семантически возможны и осмысляемы (ср. абсолютную неосмыляемость **Отца не купил мороженое, Отца не видел машину*). В наших примерах родительный появляется при глаголах эмотивной семантики. Особенность этих глаголов (*волновать, беспокоить*) состоит в том, что они имеют эмотивную семантику, субъект состояния (экспериенцер) выражается Вин., а в Им. — каузативная синтаксема⁶, ср. глаголы «прямого порядка» *любить*,

⁵ Здесь и далее литературные источники в квадратных скобках отсылают к [НКРЯ].

⁶ Об объектно-каузативной семантике Вин.п. при эмотивных глаголах типа *любить* см. в [Золотова 1988].

уважать, где экспериенциальная семантика связана с Им.п., а объектно-каузативная — с Вин., отсюда стандартная мена Вин.-Род. объектных.

В глаголах *волновать*, *беспокоить* семантика самой ситуации «субъект состояния (Вин.п.) — каузатор состояния (Им.п.)» может сводиться к ситуации «посессор — объект его личной сферы», ср.: *пусть этих глупостей вас не беспокоит* = «пусть этих глупостей для вас не существует». Это очень интересный поворот в поведении эмотивно-каузативных глаголов, который не нашел отражения в исследованиях, посвященных структурно-иерархическим свойствам глаголов данной группы. До сих пор самым привлекательным для исследователей оставалась интерпретация их «аккузативности», т. е. невозможности замены Вин. объектного на Род.: «Аккузативность этих глаголов естественно предсказывается тем, что их объектом является лицо, а лицо занимает верхнюю точку на шкале конкретной референции» [Падучева 2008]. Однако «слабым звеном», которое обнаруживается в связи с проблемой падежной мены, обусловленной семантикой посессивности («личная сфера»), здесь оказывается «каузативно-объектный актанта», воплощающийся в предложении в форме Им.п., однако прототипически имеющий выражение в эмотивных глаголах формой Вин.п.

Одним из главных итогов этого небольшого исследования стало то, что семантика глагольной конструкции с Род. объектным позволяет говорить об особой субъективности, о модусной обусловленности конструкции (обусловленности позицией говорящего или субъекта сознания). Другими словами, во-первых, Род. объектный всегда связан с «личной сферой». Во-вторых, идея Е. В. Падучевой о том, что Наблюдатель (в терминологии КГ – субъект сознания) находит воплощение в подлежащем генитивного глагола, действительна только для высказываний от 1-го лица (для речевого режима). Если же это третьеличное высказывание, то субъект в подлежащем претендует на роль наблюдателя только в нарративном режиме, это субъект сознания (тот, кто заменяет автора, говорящего; внутренняя точка зрения по Б. А. Успенскому), в речевом режиме наблюдатель-говорящий невыразим (если воспользоваться терминологией Е. В. Падучевой, он остается «за кадром» [Падучева 2004]). Что касается падежной семантики, то Род. обнаруживает большую асимметрию по сравнению с Род. субъектным, чем глагольные категории,

семантика которых, как кажется, идентична в обеих конструкциях (статика, посессивность-бытийность, совмещение ментальности и перцептивности). Асимметрия падежной семантики проявляется в том, что Род. субъектный связан с идеей количества и кванта вещества в бытии, а Род. объектный оказался ответственным за статику ситуации и за субъективизм высказывания (связь с субъектом модуса).

Литература

- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М., 1995.
- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.;Л., 1947.
- Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М., (1982) 2009.
- Никитина Е. Н. Категория падежа и межкатегориальные связи (Род.п.) // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сб. материалов конференции 9 — 12 апреля 2013. СПб, 2013. С. 200 — 204.
- Никитина Е. Н. Субъектные нули и перцептивный модус (К вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке) // ВЯ. 2013а. №2. С. 69 — 82.
- Никитина Е. Н. Еще раз о родительном субъектном // Русская словесность. 2014. №5.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru
- Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: материал к трансформационной грамматике русского языка. Изд. 1-е. М., 1974.
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева Е. В. Послесловие. Генитив отрицания: морфология, семантика, синтаксис // Объектный генитив. М., 2008.
- Успенский Б. А. Поэтика композиции. — СПб.: Азбука, (1970) 2000.

Genitive object and category of a possessiveness

E.N. Nikitina (Russia, Moscow), yelenon@mail.ru

Keywords: genitive case, category of **possessiveness**, modus conditionality of design.

Summary: In article on analysis of language material the conclusion that semantics of verbal design with the genitive object allows to speak about special subjectivity, about modus conditionality of design is drawn.

Лицо, личность, одушевленность с позиции русистики

Н. К. Онипенко (Россия, Москва), onipenko_n@mail.ru

Ключевые слова: лицо, личность, одушевленность, русистика, антропоцентрический, прагматический аспект языковой системы и текста.

Аннотация: В статье обсуждается три категории, которые, взаимодействуя друг с другом на уровне слова, словосочетания, предложения и текста, образуют то смысловое целое, которое составляет антропоцентрический, прагматический аспект языковой системы и текста.

*Светлой памяти Анатолия Анатольевича
Поликарпова, который умел быть
не персоной, но личностью.*

1. В настоящей статье обсуждается три категории, которые, взаимодействуя друг с другом на уровне слова, словосочетания, предложения и текста, образуют то смысловое целое, которое составляет антропоцентрический, прагматический аспект языковой системы и текста.

Категория лица занимает особое положение в русской грамматике: она соединяет лексико-семантическую систему имен существительных и грамматику (морфологию и синтаксис) глагола, она является и категорией морфологической, и категорией синтаксической, и категорией коммуникативно-текстовой. В морфологии имен лицо (семантическая категория личности), образующая центр категории одушевленности, является категорией лексико-грамматической, классифицирующей. В морфологии глагола лицо — шифтерная, дейктическая категория, в синтаксисе предложения — к предикативным категориям, в грамматике текста — к важнейшим текстовым категориям.

В третьем томе «Теории функциональной грамматики (Персональность. Залоговость)» А. В. Бондарко предложил различать четыре функции категории лица: (1) собственно семантическую (дейктическую) — соотнесение участников обозначаемой ситуации с участниками речевого акта, (2) семантико-прагматическую — передача точки зрения говорящего на соотношение обозначаемой ситуации и ситуации речи, (3) струк-

турно-синтаксическую — координация сказуемого и подлежащего, (4) семантико-структурную (анафорическую). Здесь же разграничиваются типы персонального дейксиса: конкретный (личный и предметный, неанафорический и анафорический, ситуативно актуализированный и ситуативно неактуализированный) и неконкретный (обобщенно-личный и неопределенно-личный) [ТФГ 1991: 7–8].

Лингвистическая **семантика** соотнесла категорию лица с семантической типологией предикатов и расширила традиционные словарные пометы типа «нет 1-го, 2-го»: была отмечена невозможность сочетания с Я для таких глаголов, как *повадиться*, *выпендриваться*, *околачиваться* или *показаться*, *торчать*, *маячить* (см. работы Е. М. Вольф, Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой). Лексемы и синтаксические конструкции, находящиеся в тесном взаимодействии с семантической категорией субъекта, стали одним из важнейших объектов лингвистической **прагматики**.

На сегодняшний день проблематика категории лица обросла новыми терминами: *персональный дейксис*, *эгоцентрики*, *фокус эмпатии*, *субъектная перспектива*; а еще раньше *авторизация*, *интимизация*. Ю. Д. Апресян в статье 1986 г., рассматривая дейксис в лексике и грамматике, использовал понятие «личная сфера» (ср. «субъектная сфера» у В. В. Виноградова) и предложил говорить о «личной сфере говорящего» и «личной сфере героя». По мнению Ю. Д. Апресяна, эти понятия позволят корректно интерпретировать не только употребление местоимений второго лица, но и семантику таких глаголов, как *гордиться*, *стыдиться*. [Апресян 1995: 644–647].

В поэтике категория лица соотносится с разграничением лирики и эпоса, лирической поэзии и прозы. Так, в «Поэтическом синтаксисе» И. И. Ковтуновой [Ковтунова 1986] особое внимание уделено поэтическим функциям личных местоимений. В теории повествования (нарратологии) категория лица давно стала основанием для разграничения типов повествования. Терминология конца XX в. заменила повествование от 1-го лица и повествование от 3-го лица на *диегетическое* и *экзегетическое*. Последняя треть XX в. дала нам очередной рывок в терминотворчестве. Жерар Женетт предложил целую серию терминов для разграничения типов нарраторов [Женетт 1998], Вольф Шмид оспаривает эти термины и предлагает свои [Шмид 2003]. Но как бы ни усложнялась терминология, категория лица остается одним из основных параметров

анализа текста, остается грамматической сущностью такой текстовой категории, как образ автора.

Анализ субъектной организации художественного нарратива требует пристального внимания к местоимениям, к их функциям в сложной структуре образа автора. Ж. Женетт, исследуя типы повествования в романе, говорит о «местоименном головокружении, подчиненном более сложному понятию «личности». Наиболее продвинутые формы этого раскрепощения, по-видимому, наименее уловимы, поскольку классические атрибуты персонажа — собственное имя, физический и нравственный «характер» — здесь исчезают, а вместе с ними и ориентиры для грамматического оформления» (Фигуры, 1972, в русском переводе, 1998, с. 254–255).

2. Семантика категория лица соединяет местоимения, глагольные формы с семантическими разрядами имен существительных: В рамках категории одушевленности выделяется (А. А. Шахматовым, В. В. Виноградовым, АГ-54, отчасти О. Лешкой и АГ-80) особый разряд существительных, которые обозначаются как «категория лица существительных» А. А. Шахматов и В. В. Виноградов, а также АГ-54 указывали на следующие морфологические и словообразовательные свойства слов, образующих категорию лица: (1) соотносительность по полу (*учитель* — *учительница*); (2) возможность общего рода (*растяпа, соня, сладкоежка*) и субстантивации (*дежурный, постовой, рядовой*); (3) наличие окончаний *а, я:* в имен. пад. ед.ч. муж.р. (*судья, вельможа, староста, старшина, воевода*); различие по окончанию и типу склонения в паре сущ. муж.р. одуш. — неодуш.: *сыншика* — *домишко*; отглагольные сущ. одуш. на *-ла*, в отличие от неодуш. — *ло*: общ.род: *запевала, заводила*; муж.р.: *громилла, воротила, бомбила, водила*, но: *опахало, покрывало, мыло, зубило*. ; собственные ласкательные имена на *-а* в муж.р.: *Серезжа, Диня (Денис), Кира (Кирилл)*. К наблюдениям А. А. Шахматова, В. В. Виноградова добавляются фиксируемые современными исследователями формы на *-а* для терминов родства муж.р. *сына, деда*; тем самым они включаются в ряд *дядя, папа, батя, тятя, дедушка*; а также особое образование мн.ч. (*армяне, татары, христиане*) — с добавлением или усечением суффикса: *гражданин, армянин, татарин*. Кроме того, только существительные личные (два слова) с основой на тв. согл. при образовании множ. числа имеют чередование конечного согласного основы: *черти, соседи*.

В связи с субстантивной категорией лица обсуждается суффикс *-тель*. В научной литературе XIX – начала XX вв. встречаются указания на то, что с суффикс *тель* обозначает деятеля, а следовательно, личность. Это значит, что агентивная (личная) семантика этого суффикса на рубеже XIX – XX веков была так сильна, что неодушевленные имена, в частности *знаменатель*, *множитель*, принимали форму Вин.=Род. (об этом писали Ф. И. Буслаев, А. А. Шахматов, В. И. Чернышев) [Виноградов 1972: 81–82]. Согласно В. А. Ицковичу, только в 1930-е гг. математические термины на *-тель* «стали изменяться как неодушевленные» [Ицкович 1982: 83]. Интересно, что Ю. С. Степанов [Степанов 1981] рассматривает суффикс *-тель* уже как морфему, маркирующую не агенса, а исполнителя (инструмент), как морфему, которая объединяет (не противопоставляя) класс вещей и класс людей, ср. *учитель* — *выключатель*, *оператор* — *культуриватор*, *дирижер* — *стенлер*. В. А. Ицковича объясняет вытеснение формы Вин.одуш. «распространением ...существительных с суффиксом *-тель*, называющих разного рода устройства (*иглодержатель*, *корчеватель*, *миноискатель*, *обогреватель*...)» [Ицкович 1982: 83].

Но есть и семантико-синтаксические факты, указывающие на особый статус существительных личных мужского рода: во-первых, правило сочетания числительных собирательных с существительными одушевленными (только номинациями людей муж. рода, муж. пола), во-вторых (на что обращал внимание В. В. Виноградов), тот факт, что в категории лица, в отличие от категории одушевленности, есть тенденция к согласованию по смыслу, по полу лица, ярко проявляющаяся в формах прош.вр.: *управдел заявила*, *профорг выступила*.

К синтаксическим фактам, свидетельствующим в пользу категории лица, относится и употребление возвратно-притяжательных местоимений: одушевленные субъекты в предложении соединяются с возвратно-притяжательными местоимениями, в отличие от неодушевленных: *Почему пролетарий не может оставить свои калоши внизу, а пачкает мрамор?* (Булгаков). — Ср.: *?Компьютер со своим монитором занимает полстола*.

А. В. Исаченко [Исаченко 1960], признавая морфологический статус категории одушевленности/неодушевленности в русском языке, спорил с В. В. Виноградовым (и соответственно с А. А. Шахматовым) относи-

тельно наличия категории лица в русской системе именных категорий. Он доказывал отсутствие в русском языке категории личности (лица) тем, что значение лица в формах существительного выражается спорадически, в отличие от словацкого, в котором личность регулярно выражается в системе падежей (в существительных, называющих лиц мужского пола).

Сегодня мысли А. А. Шахматова и В. В. Виноградова о субстантивной категории лица относят более к диахронии, к свидетельствам об этапах формирования другой категории — категории одушевленности/неодушевленности.

3. Традиционно считается, что развитие одушевленности связано с онтологическими и социальными классами (мужчины разных социальных рангов, женщины и слуги, животные) и что становление категории одушевленности началось с «категории личности», которая формируется, охватывая номинации людей вообще и мужчин в частности. А. А. Шахматов видел судьбу категории одушевленности таким образом: первоначально она развивалась только в словах единственного числе мужского рода, распространяясь при этом от названий лиц на названия животных. Во множ. число эта категория проникла нескоро: сначала в нее оказались включены названия лиц (муж., потом женск. рода) и уже позже названия животных. См. пример из современного Шахматову диалекта: *Продали ли ты свои свиньи* [Шахматов 2001]. А. А. Зализняк представляет последовательность вхождения классов существительных в категорию одушевленности следующим образом. Сначала собственные, затем нарицательные по статусам: высокий — средний (родственники, по месту проживания) — низкий (например: отрок, слуга). [Зализняк 1995]. По данным В. Б. Крысько и С. И. Иорданиди, с XII–XIII вв. животные уже включены в категорию одушевленности/неодушевленности во мн.ч. Согласно этой точке зрения, преобразование одушевленности в универсальную лексико-грамматическую категорию осуществилось во множественном числе после того, как в парадигмах pluralis было утрачено живое ощущение родовых различий, следствием чего явилось отождествление ИП и ВП у masculina, feminina, neutra, а затем — унификация их аккузативных форм: И — ВП *горожане, кони, жены, матери, чада* — > В=Р; *горожань, конии, жень, материш, чадь* [Историческая

грамматика... 2000: 223]. В. В. Колесов устанавливает хронологические рамки формирования категории одушевленности/ неодушевленности: начало относится к XIII в., в продолжение XIV–XV вв. происходит окончательное оформление категории. При этом В. В. Колесов считает, что обнаружение различий по одушевленности проявляется именно в Вин. п. в связи с его особым синтаксическим статусом: этим падежом задается синтаксическая перспектива высказывания, т. е. определенное предсказывание возможной роли в следующем предложении: одушевленное в повествовательном контексте будет агенсом (динамика сюжета), в отличие от неодушевленного.

Связь категории одушевленности с текстовым статусом героя, а значит, и системно-категориальным статусом его имени, проявляется в том случае, когда существительное неодушевленное становится в один ряд с одушевленными, играющими активные роли в тексте. Так, например, герой повести Гоголя «Нос», отделившись от майора Ковалева, становится самостоятельным активно действующим субъектом. При этом существительное *нос* взаимодействует с акциональными глаголами и ведет себя как существительное личное. Однако, с того момента, когда нос стал действовать самостоятельно, Гоголь избегает для слова *нос* позиции Вин. падежа при переходных глаголах. И только в гоголевских черновиках находим: «Ковалев чувствовал, что он в таком расстроенном состоянии, что никак не в силах [не в состоянии <?>] был молиться. Он *искал господина носа* по всем углам и наконец увидел его стоявшего в стороне. Нос совершенно спрятал лицо свое в большой стоящий воротник и с выражением величайшей набожности молился». И. Анненский же в первой «Книге отражений», в фрагменте, посвященном повести «Нос», неоднократно употребляет форму *носа* при переходных глаголах, но с отрицанием. И лишь в одном случае указывает невозможность разной категоризации: «Цирульник Иван Яковлевич, который, несмотря на то что он обедал не иначе как во фраке, был очень неуважительно трактуем своей супругой, взял прескверную привычку брать его, т. е. Нос (не лучше ли Носа?), в весьма дурно пахнущие руки...».

4. Системный статус категории одушевленности определяется по-разному: в ЛЭС (1990) категория одушевленности/ неодушевленности определяется как **семантико-синтаксическая категория**, проявляю-

щаяся в механизме синтаксических связей (скрытая категория, понятийная категория) (автор В. А. Виноградов) [ЛЭС 1990: 342–343]. Согласно АГ-80 (§§ 1122, 1129) одушевленность / неодушевленность представляет собой *лексико-грамматический* разряд существительных. Этой категорией охватываются все имена существительные, проявляется она морфологически и словообразовательно. О. Лешка в Пражской «Русской грамматике» (1979) рассматривает одушевленность/неодушевленность как *морфологическую категорию* существительных и «несубстантивных имен», в которой реализуется привативная оппозиция, «при этом немаркированным членом противопоставления является одушевленность, допуская предметную отнесенность как к живым, так и к неживым существам, а маркированным членом оказывается неодушевленность, исключая предметную отнесенность к живым существам» [Русская грамматика 1979: 323].

Е. В. Клобуков в «Кратком справочнике по современному языку» (1995) различает одушевленность / неодушевленность как (1) *лексико-семантическую категорию* существительного: «класс одноименных именных категорий, выражающих противопоставление двух типов существительных» и как (2) *морфологическую несловоизменяющую некоррелятивную* (для существительных) категорию имен, которая, соответственно, делится на одушевленность существительных, одушевленность местоимений-существительных, и (3) *морфологическую словоизменяющую* для прилагательных, числительных и полных причастий. При этом существительные женского и среднего рода, не имеющие форм множественного числа (например, *сметана, молоко, молодежь, старичье*) признаются стоящими вне категории одушевленности/неодушевленности. [Краткий справочник 1995: 229–231].

Н. Н. Дурново (1924), понимая род существительного шире, чем в школьной грамматике, трактовал противопоставленность одушевленных/неодушевленных существительных в обоих числах как родовое противопоставление и насчитывал в единственном числе четыре рода (мужской одушевленный, мужской неодушевленный, женский и средний), а во множественном числе — одушевленный и неодушевленный род.

А. А. Зализняк (1967) соединяет категории рода, числа и одушевленности/неодушевленности в понятии согласовательного класса и рассматривает классы существительных в соответствии с тем, какие именные

категории проявляются в согласующемся несубстантивном имени (атрибуте). Сам принцип обнаружения именных грамматических категорий по формам атрибута (рядом стоящего слова) и, соответственно, нахождения типового диагностического контекста восходит к работе Уорфа (1937, первая публикация 1945). Б. Л. Уорф предлагает способ выявления скрытых категорий (крипто типов): «Вхождение слова в любой класс не устанавливается до тех пор, пока оно не будет употреблено или соотнесено с одним из специальных типов предложения, и тогда обнаруживается, что данное слово принадлежит классу, который выявляется через специальную различительную процедуру» [Уорф 1972: 47]. Г. Г. Корбетт (1980) [Корбетт 1985] обсуждает варианты решения вопроса о приоритете морфологии либо синтаксиса при определении одушевленности/неодушевленности. Он считает, что более экономичным будет решение, в котором допускается главенство синтаксических признаков. Посредством диагностического контекста, соединяющего личное местоимение с прилагательным, Г. Г. Корбетт доказывает одушевленность местоимений 3-го лица: *Ты видел брата /дуб/сестру/ дерево? Да, видел его/ее/их, проклятого (ую, ое, ый, ых).*

И. Г. Милославский рассматривает категорию одушевленности/неодушевленности как согласовательную категорию, при этом особое внимание уделяется соотношению категории одушевленности с категорией рода и активно используется термин «личные существительные» [Совр. русск.яз. 1997: 469–475].

5. Особым образом категория одушевленности проявляется в личных местоимениях. Если учесть деление личной парадигмы на лицо и не-лицо (по Э. Бенвенисту), то понятно, что местоимения 1-го и 2-го л. в Вин.п. другой формы, кроме одушевленной (совпадающей с Род.) не имеют: *нет меня, тебя, нас, вас – видит меня, тебя, нас, вас.* Местоимение 3-го лица, несмотря на то, что оно может относиться как к одушевленным, так и к неодушевленным объектам, в своей падежной парадигме имеет только Вин. одушевленный: *нет его, ее, их – вижу его, ее, их.* При этом одушевленность чувствуется (но не выражается аффиксально) во всех формах личных местоимений, что доказывается запретом или нежелательностью личных местоимений в определенных анафорических ситуациях: *Я живу в Москве. — ? И я тоже из нее* (мы предпочтем ме-

стоименное наречие *там, оттуда, туда*, поскольку оно категориально выражает место, а не лицо). Мысль о том, что пространства по своей природе неличны и потому локативы обычно не формируются личными местоимениями, была высказана еще в работе Б. Л. Уорфа и продемонстрирована им на материале английского языка: «Можно сказать *I live in Boston*, но нельзя *That's Boston — I live in it*. Существительные из этого «криптотипа» заменяются на *there* или *here* вместо *in it, at it, to it* и на *from there (here)* вместо *from it*» [Уорф 1972: 50]. Г. А. Золотова, вслед за Вл. Кучерой, обращает внимание на то, что временные предложно-падежные формы не заменяются «предметно-личными местоимениями» (*вернулся через неделю — ? через нее, ? через что, ? через которую*) [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 43].

Категория одушевленности/неодушевленности обнаруживает себя не только в винительном падеже, но и в так называемых «особых падежах»: звательном (вокативном), ждательном, «втором» родительном (количественно-отделительном).

Звательный падеж отличается от всех остальных тем, что он организуется особый речевой акт, посредством которого устанавливается речевой контакт с адресантом речи. Е. Курилович в статье о падежах (1949 г.) писал: «В стороне остается вокатив. Он имеет апеллятивную функцию, отличную от чисто репрезентативной (символической) функции других падежей. Рассматривать вокатив в той же плоскости, что и другие падежные формы, — значит допускать методологический промах, аналогичный смешению экспрессивного употребления междометий с символической функцией других частей речи. Поэтому первая дихотомия, с которой мы начнем классификацию падежей, отделит вокатив от прочих падежей» [Курилович 1962:]. Естественно, что звательный падеж образуется от существительных одушевленных и не образуется от существительных неодушевленных. В грамматиках говорят о старом звательном падеже (*отче, старче*) и новой звательной форме, которая образуется путем усечения звукового окончания (*Паиш, Катъ, Лёнъ*) или усечения слога (*ма, ба, па*). По-видимому, от звательного падежа берет свое начало формы одушевленных существительных на *-а* (*деда, доча, сына*), которые сейчас употребляются и как формы именительного падежа (*Что делает наш сына?*)

С другой стороны, «количественно-отделительный» (партитивный) падеж образуется от существительных вещественных (*выпил чаю, ложка меду*), абстрактных (*хлебнул горя*) и собирательных, которые соединяют лексическую одушевленность (одушевленность в корне) и морфологическую неодушевленность (*нагнал народу*).

Термином «ждательный падеж» обозначают (после книги А. А. Зализняка) формы существительного в сочетании с глаголами, управляющими родительным падежом без отрицания: *ждать, желать, хотеть, искать, жалеть* и др. Глагол *ждать* в значении «хотеть и знать, что возможно появление чего-л./кого-л.» может соединяться не только с родительным, но и с винительным: *ждать встречи, но ждать сестру*. Тенденция такова, что существительные одушевленные (конкретно-личные, имена собственные) употребляются в Винит. падеже: *жду сестру, соседку, юношу*. Существительные неодушевленные (конкретно-предметные) употребляются и в винит., и в родит. падежах: *ждать поезд/поезда; ждать посылку/посылки*. Существительные неодушевленные абстрактные употребляются в родительном падеже: *ждать помощи, встречи, прихода, Рождества*.

Категория одушевленности/неодушевленности в русском языке связана с категорией количества. Это проявляется не только в количественно-именных сочетаниях, при соединении существительных с количественными и собирательными числительными, то есть при обозначении дискретного множества, но и во взаимодействии с семой «недискретной множественности». Одушевленное существо понимается прежде всего как единичное, вычленяемое из множества: грамматически это выражается в противопоставлении двух чисел на одном значении лексемы (*сестра — сестры*). Количественно-собирательные существительные обозначают недискретное множество, например: *народ — народы*. Сложное взаимодействие одушевленности, числа и падежа обнаруживаем в конструкции типа *пойти в солдаты*, в которой множественное недискретное, что и требует Вин. неодуш, что в современной грамматике интерпретируют как «превратительный падеж» Числительные собирательные, в духе той же семантико-грамматической тенденции, требуют одушевленных существительных (обозначающих лиц мужского пола) и личных местоимений. Следовательно, противопоставление дискретного/недискретного множества важно именно для одушевленных существитель-

ных. Если суффиксы недискретного множества взаимодействуют с корнями неодушевленных существительных, то такие существительные сближаются с вещественными (обозначающими массу): *старье, тряпье*. Одушевленные существительные сохраняют собственно одушевленность (Вин., совпадающий с Род.), если они обозначают дискретное множество; недискретное (собирательное) значение отменяет грамматическую одушевленность (*глядим в Наполеоны*).

6. В синтаксисе предложения одушевленность соотносится с субъектными компонентами (в позиции подлежащего), поэтому в синтаксисе предложения говорят о категории личности. Обозначенные в определении семантические признаки одушевленных имен (воля, собственная энергия, способность к эмоции) оказываются сущностными при образовании конструкций с определенными типами предикатов. Это предикаты действия и состояния (физического, психического), которые соединяются с существительными одушевленными. Кроме того, существительные одушевленные выступают в роли как субъекта диктума, так и субъекта модуса.

В соединении субъекта и предиката обнаруживается механизм семантического согласования (изотопии по А. Греймасу): с одушевленным субъектом предикат имеет акциональное значение (без ограничений парадигмы), с предметным субъектом — функтивное значение (с ограничением парадигмы по лицу и виду):

с одушевленным (личным) субъектом: *На бегу я светил фонариком...* [Юрий Коваль. Гроза над картофельным полем (1974)] — *Адъютант посветил фонариком, спросил фамилию паренька, велел ему обождать*. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]

с неодушевленным субъектом: Ср.: *Светил месяц в окно, в спину ей, и она не сразу сообразила: это была её тень*. [Г. Я. Бакланов. В месте светлом, в месте злачном, в месте покойном (1995)] — *?Месяц посветил в окно*.

Одушевленность субъекта, располагающего собственной волей и собственной энергией, за счет которых осуществляет действие, задает акциональную семантику предиката: *Филипп Филиппович бросил окурок папирасы в ведро, застегнул халат, перед зеркальцем на стене расправил пушистые усы и окликнул пса; Женщина посвистала, пощелкала*

пальцами и пес, немного поколебавшись, последовал за ней. (Булгаков). Для таких предложений возможна полная личная парадигма, повелительное наклонение.

Неодушевленность субъекта может быть связана с производностью диатезы, то есть в позицию подлежащего (Им.п.) могут продвигаться актанты инструментальной, когнитивной семантики, например:

Нож не режет / хорошо режет (пример К. В. Чвани)

Книга рассказывает о различных направлениях народной художественной традиции: от берестяных изделий до вологодского кружева. [Советуем прочитать (2004) // «Народное творчество», 2004.10.18].

Субъекты такого типа накладывают ограничения на парадигму по лицу и виду. Семантика предиката ограничена качественными значениями (неактуальными), ср.: *Нож не режет = Нож неострый*. Часто предикат осложнен добавочными модальными значениями — отрицанием, квалификаторами (*хорошо/ плохо*).

Субъекты одушевленные не ограничивают возможностей образовывать полипредикативные конструкции, т. е. допускают таксисное соединение двух глагольных предикатов, в частности двух спрягаемых форм или одной спрягаемой и второй неспрягаемой, например, деепричастия. В предложениях с одушевленными субъектами в Им.п. деепричастные обороты употребляются максимально широко, не знают семантических ограничений, ср.: *Стоя у окна, сосед загоразживал свет — ?Стоя у окна, шкаф загоразживал свет. Открывая дверь, я сломал ключ. — ?Ключ, открывая дверь, сломался.* С неодушевленными подлежащими скорее употребляются причастные обороты: *Стоящий/ стоявший у окна шкаф загоразживал свет.* В художественном тексте деепричастие может относиться и к неодушевленному существительному, при этом создается эффект персонификации (*Вот путь перебежал плотину, на пруд не посмотревши вбок* — Б. Пастернак; *Только подумать, сколько раз, обнаружив «м» в заурядном слове, **перо** спотыкалось и выводило брови!* — И. Бродский).

Соверш. вид предиката имеет предельное значение в соединении с одушевленным субъектом, начинательное — в соединении с предметным. Ср.: *Виктор затащил чемодан ремнями.* [Василий Шукшин. Печкилавочки (1970–1972)] — *Ремень затащил талию* (пример Г. А. Золотовой).

Одушевленные субъекты в предложениях с глаголом образуют омонимичные высказывания, различия которых обнаруживаются при отрицании: с Им. *быть* обозначает действие (перемещение), с Род. положение в наблюдаемом пространстве : *Иван не был на собрании* (= не побывал). — *Ивана не было на собрании* (=его не видели). Ср.: *Книги не было на полке.* — ? *Книга не была на полке.*

7. Наиболее ярким проявлением одушевленности в синтаксической позиции являются конструкции с предикатами состояния и Дат. субъекта. Известно, что для существительных неодушевленных форма Дат. беспредложного в предложениях с безличными предикативами и безличными глаголами невозможна: *В лесу жарко.* — ?*Лесу жарко. Брат не работает* — *Брату не работается/ хорошо работается. Мотор не работает.* — ?*Мотору не работается.* Причина этого запрета состоит в том, что Дат. субъекта состояния соединяет два значения — диктальное (субъекта состояния) и модусное (субъекта ощущения): безличные предложения с Дат. падежом субъекта обусловлены внутренней точкой зрения, т. е. ситуация представляется с точки зрения субъекта чувствующего, ощущающего. Совпадение субъекта модуса и субъекта диктума (что обычно выражается местоимением 1-го лица) возможно только для одушевленных субъектов.

Субъект модуса (наблюдатель, субъект мнения, знания, воли, эмоции и речи) выражается при глаголах пропозициональной установки (модусных) за пределами диктальной (пропозициональной) структуры: «*Он верил*, что душа родная Соединиться с ним должна» (Пушкин). Для модусного субъекта возможна парентетическая позиция, т. е. позиция вводного предложения: «все, что он читал против женщин и любви, *казалось ему*, как нельзя лучше подходило к нему, к Надежде Федоровне и ее мужу» (Чехов).

Субъекты модуса могут быть выражены и средствами падежной системы в определенных синтаксических условиях (без поддержки модусного предиката). В системе падежных значений есть сферы, которые возможны только для одушевленных существительных (персонифицированных неодушевленных) и личных местоимений. Речь идет (1) об Им. в функции обращения, (2) о Дат. этическом. Обе формы связаны с речевым актом и его участниками. Кроме того, некоторые падежные и пред-

ложно-падежные формы допускают выражение двойных семантических ролей (3).

(1) Обращения — побудительный речевой акт, обеспечивающий установление контакта между партнерами по речи:

Смирнов (Увидев Попову, с достоинством.) ***Сударыня, честь имею представиться: отставной поручик артиллерии, землевладелец Григорий Степанович Смирнов!*** (Чехов, Медведь).

В поэтических текстах изолированный Им.п. при втором лице в последующем предложении может заполняться неодушевленными существительными. В этом случае возможны две интерпретации. Первая — это персонификация (***Ветер, ветер! Ты могуч, Ты гоняешь стаи туч*** — Пушкин, Сказка о мертвой царевне). Вторая — соединение двух функций: обращения и Им. темы:

Мой письменный верный стол!

Спасибо за то, что шел

Со мною по всем путям. (Цветаева) — первая строфа содержит обращение, все стихотворение посвящено письменному столу.

Ср. с собственно Им. темы:

***Мундир! Один мундир!** Он в прежнем их быту.*

Когда-то укрывал, расшитый и красивый,

Их слабодушие, рассудка нищету. (Грибоедов, Горе от ума)

(2) Дат. этический образуется от местоимений личных 2-го и 3-го лица и употребляется, как правило, в диалогических реактивных репликах:

Смирнов. *Не кричите, пожалуйста, я **вам** не приказчик!* (Чехов, Медведь).

(3) Модусный субъект выражается одушевленными существительными и личными местоимениями в формах у+Род., для+Род., Дат.беспредложный, по+Дат., перед+Тв., соединяющими диктальное и модусное значения:

Перед + Твор. п. — перцептивный (сенсорный) модус:

*Глядь: **опять перед ним** землянка; На пороге сидит его старуха* (Пушкин, Сказка о рыбаке и рыбке);

Для + Род. п. и Дат. беспредл. — ментальный модус (мнение):

Для вас, быть может, он ничтожество, нуль (Чехов); *Лежебоку и солнце не в пору всходит* (посл.)

У + Род.п. — речевой модус во взаимодействии с ментальным или волюнтивным (запреты, угрозы)

У злой Натальи все люди каналы (посл.); *У сильного всегда бесильный виноват* (Крылов);

По+Дат. — ментальный и речевой модус:

По мне таланты те негодны, В которых Свету пользы нет, Хоть иногда им и дивится Свет (Крылов).

По Виноградову, предикативных категорий три.

Перечисленные предложно-падежные формы одушевленных имен соединяют две роли: диктальную (локатив, критерий оценки) и модусную (субъекта). Например, *перед + Тв.*, будучи неприсловным компонентом предложения (детерминантом), обозначает и субъекта восприятия и место.

8. Возвращаясь к Вин. падежу и позиции объекта стоит обратиться к тем существительным, которые соединяют онтологическую неодушевленность денотата и грамматику одушевленного существительного (Вин.=Род.), поскольку в этом случае мы имеем дело с повышением статуса объекта в личной сфере человека. Речь идет о существительных мужского рода, обозначающих марки автомобилей, типы кораблей и самолетов, марки оружия, а также наименования спортивных команд.

Выбор Винит. одушевленного после глаголов, управляющих Вин. падежом, можно объяснить особым статусом этих объектов в определенных сообществах (военных, автомобилистов, мотоциклистов), значимостью этих объектов, которая сближает их по «индивидуности» с существительными личными. Так, для владельцев автомобилей их машина становится в высшей степени индивидуальной, поэтому в Интернете находим *купил/продал Жигуля; купил Хаммера, купил фольксвагена; обогнал Мерседеса, подрезал москвича, опеля, форда*. Связь человека с машиной обнаруживается в таких примерах, как *подрезал обочечника и всех подснежников будут эвакуировать*. Мотоциклисты говорят: *купил Харлея, томагавка*. В рассказе о воздушном или морском бое слово соединяет корабль и человека, самолет и человека. См. примеры со словом *флагман* из Интернет-ресурсов:

Как и при Калиакрии, Ушаков *атаковал флагмана* и обратил турок в бегство.

Противники построились в две линии, шли параллельным курсом, Бинг приказал атаковать каждому кораблю свой номер, а сам *атаковал флагмана*.

Он снова набрал высоту, *атаковал флагмана* и выпустил по нему последнюю пулемётную очередь.

Когда Степанов *атаковал флагмана*, до Барселоны оставалось четыре минуты лётного времени.

Но флагманский корабль русских *атаковал флагмана* турок, на котором находился командующий Саид-Али-паша, и точным огнем вывел его из строя.

Так, в ночь с 21 на 22 июля командир эскадрильи 11-го истребительного полка капитан К. Н. Титенков *атаковал флагмана* группы немецких бомбардировщиков и сбил его.

В Интернет-ресурсах на запрос «атаковал флагмана» получаем около 300 примеров, а на запрос «атаковал флагман» — около 800.

Кроме того, в форме Вин. одушевленного употребляются и наименования самолетов: *сбил мессера (Кузнечик «мессера» завалил), ФокеВульфа, атаквал бомбардировщика, штурмовика, истребителя*.

Как индивидные личные имена функционируют и названия команд: *Атлант переиграл Спартака по буллитам; Рубин обыграл Спартака; Спартак обыграл Рубина; Руан обыграл Зенита; Амур переиграл Локомотива; Металлург» обыграл действующего обладателя трофея, французский «Руан», со счётом 3:1; Лев в основное время обыграл Донбасса; «Челси» обыграл «Шахтера»*

Для компьютерщиков таким же индивидным становится компьютер: *купить компа, продать асера*.

Литература

- Борщев В. Б., Парти Б. О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика. Вып. 37. — М., 2002. — С. 59–77
- Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954.
- Виноградов В. А. Одушевленности/неодушевленности категория. ЛЭС. М., 1990.
- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 79–82.

- Грамматика русского языка. Т. 1. М., 1960. с. 102–105 (категория одушевленности/ неодушевленности), с. 105–106
- Дурново Н. Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М. — Пг., 1924.
- Ельмслев Л. О категориях личности-неличности, одушевленности-неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. с. 114–152.
- Женетт Ж. Фигуры. В 2 т. М., 1998.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 2001.
- Золотова Г. А. Еще раз о конструкции *идти в солдаты* (ее синтагматика и парадигматика) // Сборник Матице српске. XXVII — XXVIII. Нови Сад, 1985—с. 255–261
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. с. 311–354.
- Историческая грамматика древнерусского языка. Под ред. В. Б. Крысько. Т. 1. Множественное число именного склонения/ С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. М., 2000. с. 192–223.
- Ицкович В. А. Очерк синтаксической нормы. М., 1982.
- Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. Санкт-Петербург, 2008.
- Корбетт Г. Г. Одушевленность в русском и других славянских языках: пример расхождения между синтаксисом и семантикой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 388–406.
- Касакин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. Изд. 2-е. М., 1995. С. 229–231.
- Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 1997.
- Мельчук И. А. О падеже существительного в русской конструкции типа *идти в солдаты* // Svantevit. Dansk Tidsskrift for Slavistic, V, No. 1, 1979. -Pp. 5–28. или Русский язык в Модели «Смысл <=>Текст». М., 1995. С. 537–563.
- Никитина Е. Н. Категория падежа и вопрос и межкатегориальных связях. // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. СПб., 2013. С. 200–204)
- Русская грамматика. Прага, 1979. Т.1. Пар. 423–427, 837.
- Русская грамматика. М., 1980. Т.1.
- Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1997. с. 468–471.
- Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
- Степанов Ю. С. Константы русской культуры. М., 2000.
- Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб, 1991
- Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков разного строя. М., 1972. С. 44–60.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 2001.

Шмид В. Нарратология. М., 2003

**Person, personality, animateness from
a Russian philology position**

N.K. Onipenko (Russia, Moscow), onipenko_n@mail.ru

Keywords: person, personality, animateness, Russian philology, anthropocentric, pragmatical aspect of language system and text.

Summary: In article three categories which, interacting with each other at the level of the word, phrases, offer and text are discussed, form that semantic whole which makes anthropocentric, pragmatical aspect of language system and the text.

Грамматические особенности языковых единиц в контексте учебной лексикографической практики (на материале лексем *часто*, *нередко*, *зачастую*)

Ф. И. Панков (Россия, Москва), pankovf@mail.ru

Ключевые слова: учебная лексикография, грамматика, лексемы *часто*, *нередко*, *зачастую*.

Аннотация: В статье анализируются грамматические особенности лексем *часто*, *нередко*, *зачастую* в контексте учебной лексикографической практики в аспекте семантики, сочетаемости, происхождения (словообразования) наречий, коммуникативной роли, стилистической характеристики.

Помню Анатолия Анатольевича Поликарпова ещё со своих студенческих лет. Это были восьмидесятые. Он выделялся на фоне многих каким-то полётом и стремительностью — и в походке, и в мыслях. На разных собраниях (профсоюзных, партийных и прочих), где он выступал ещё в советские годы, неформально, открыто, с душой, всегда было интересно. Для меня он был далёкой и недоступной звездой. Я тогда белой завистью завидовал тем, кого судьба свела сотрудничать и общаться с Анатолием Анатольевичем, быть его коллегой или учеником. Он привлекал к себе красотой мысли и обаянием. И вот мне выпало счастье остаться работать в университете. В 2006 году сам профессор А. А. Поликарпов пригласил меня быть официальным оппонентом у одного из своих аспирантов. Я был очень рад откликнуться на просьбу своего научного кумира. Диссертация мне понравилась: она опиралась на материалы «Компьютерного корпуса текстов русских газет конца XX века», созданного в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Я был поражён богатством собранного и использованного языкового материала. Конечно, было понятно, что это в первую очередь заслуга научного руководителя и его Лаборатории. После той защиты мне много раз приходилось обращаться к профессорам Анатолию Анатольевичу Поликарпову и Ольге Владимировне Кукушкиной с просьбами «вытащить» те или

иные лексические единицы из Корпуса, и я неизменно получал не только помощь, но и чашку чая с добрым словом вприкуску. Так исполнилась юношеская мечта. Лаборатория вместе с её «обитателями», которые, кажется, вообще никогда не покидают её стены, стала для меня родной. А я получил высокий статус «коллеги». Помимо искренних человеческих отношений в Лаборатории всегда царила и царит научная мысль. Обмен мнениями рождает идеи. Одна из них — создание функционального словаря как продукта грамматической лексикографии.

* * *

Граматику и лексику обычно противопоставляют как разные уровни языковой системы. В традиционных лингвистических словарях очень скупо представлена информация о грамматических особенностях лексем. Например, в популярных толковых, а также орфографических, этимологических, фразеологических, переводных, словарях синонимов, антонимов, паронимов, омонимов и мн. др. в лучшем случае указывается ударение, частеречная характеристика слов, род существительных, форма родительного падежа и редко — какая-либо информация о правилах употребления лексических единиц. Существующие грамматические словари либо слишком сложны в пользовании инофонами [Зализняк 1977], либо дают лишь совокупность морфологических форм лексем, не позволяющую носителю другого языка полноценно строить коммуникацию на русском [Большой грамматический словарь 2006]. Такие словари можно назвать пассивными, или рецептивными.

Однако практика преподавания русского языка как иностранного и как неродного вызвала потребность в появлении лексикографической литературы иного рода — так называемых активных, или продуктивных словарей. Их назначение и цель — сформулировать определённые правила функционирования языковых единиц. Пользуясь такими алгоритмами, учащийся-инофон смог бы корректно употреблять те или иные лексемы в своей речи. Для этого помимо толкования собственно семантики слов необходимо формулировать их грамматические особенности.

Таким образом, появляется своего рода новый прикладной раздел, с одной стороны, лексикографии, а с другой — грамматики, синтезирующий в единое целое морфологию, синтаксис и лексику языка — грамматическая лексикография. Это понятие было сформулировано в связи с необходимостью введения в словарное описание лексемы релевантных

для её функционирования не только семантических, но также морфологических, синтаксических и коммуникативных признаков [Панков 1999, 2004]. Необходимость в появлении такого рода словарей давно уже поняли не только преподаватели русского языка как иностранного, но и представители традиционного формально-описательного направления современной русистики. К опыту создания словарей активного типа можно отнести тезаурусы, или идеографические словари [Караулов 1976; Морковкин 1977; Лексическая основа 1984; Баранов 1995], синтетические как разновидность идеографического словаря [Москвин 1993], семантические [Русский семантический словарь 1982; Русский семантический словарь 1998–2007], лингвострановедческие [Денисова 1978; Россия 2008], объяснительные [Апресян 1992; НОСС 1999–2003; Морковкин и др. 2002], синтаксический словарь [Золотова 1988], словарь русских глаголов [Золотова 1997], предлогов и предложных единиц [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2014], дискурсивных слов [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Дискурсивные слова 1998; Дискурсивные слова 2003; Словарь служебных слов 2001.], толково-комбинаторный словарь [Мельчук, Жолковский 1984; Мельчук 1995], а также словари-справочники для иностранцев [Словарь-справочник 1972; Словарь-справочник 2011; Дерягина, Мартыненко 2003 и др.].

Одним из продуктов грамматической лексикографии мог бы стать так называемый функциональный словарь, предназначенный для практического использования в процессе преподавания и / или изучения языка и характеризующий функционирование словоформ в речи, то есть дающий «описание лексики в целях синтаксиса» (Ю. Д. Апресян). Такой словарь должен опираться на лингводидактическую модель языка. Слова в нём объединялись бы на основе как смысловой близости, так и формального единства (имеется в виду частеречная принадлежность). Отсутствие системного грамматико-лексикографического описания некоторых как самостоятельных, так и служебных категориальных классов слов делает насущным создание, в частности, функционального словаря русских наречий. Он мог бы включать несколько выпусков, посвящённых темпоральным (временным), локативным (пространственным), каузальным (причинным), квантитативным (количественным), статальным (со значением состояния), целевым и др. лексемам.

Уже выявлены системы значений темпоральных, локативных и квантитативных наречий, которые позволили определить некоторые из наиболее существенных параметров, по которым характеризуются адвербиальные синтаксемы: 1) семантика; 2) сочетаемость; 3) словообразовательные потенции; 4) коммуникативная роль; 5) стилистические особенности. Каждое конкретное значение в рамках системы представлено закрытым списком наречий, объединенных в синонимико-вариативные ряды (далее — СВР). Например, в системе адвербиальной темпоральности таких значений оказалось около сорока. Анализ языкового материала свидетельствует, что наречия в системе значений представлены на уровне не лексем, а лексико-семантических вариантов (далее — ЛСВ). Так как каждый из ЛСВ выбирает свой тип контекста, в том числе и позицию по отношению к распространяемому компоненту, наречие рассматривается в контексте как сфере реализации данного ЛСВ, и определяется не только его значение, но и специфика организуемого им контекста.

На первом этапе работы предполагается, что наречия в словаре будут представлены как СВР, хотя, возможно, в перспективе будут даны и грамматические «портреты» отдельных лексем. В рамках СВР наибольший интерес вызывают те наречия, которые дают обширный «отрицательный языковой материал» (Л. В. Щерба)⁷: **В театр мы ходим зачастую¹ю*.

Рассмотрим по указанным выше параметрам словоформы *часто*, *нередко* и *зачастую*.

1. Семантика

Такой параметр, как семантика, включает, во-первых, наличие выявленного комплекса ЛСВ и, во-вторых, оценочность.

1) Наличие ЛСВ.

Наречие *часто* реализует следующие три ЛСВ:

⁷ Примеры из звучащей речи сопровождаются интонационной транскрипцией по Е. А. Брызгуновой [Брызгунова 1977: 16 — 18; Русская грамматика 1980, I: 96 — 122; Брызгунова 1982: 16 — 17; Брызгунова 1997: 873 — 877]. Цифра в верхнем индексе после гласного означает тип ИК на данном гласном, который является интонационным центром синтагмы. Отсутствие интонационной транскрипции означает, что пример взят из письменного источника, хотя и письменная речь ориентирована на внутренний проговор и, следовательно, интонационное оформление высказывания.

а) ЛСВ 'повторяемость с небольшим временным интервалом (темпоральная частотность)' – *часто*₁:

(1) а) *В театр мы ходим **ча¹сто**.*

(2) а) *Эта поговорка осталась в деревне, её повторяют **часто*** (В. Распутин).

(3) а) ***Часто** вспоминаю, как когда-то бабушка повела меня в цирк на Цветном бульваре смотреть дрессированных хищников.*

В рамках ЛСВ *часто*₁ выделяется ЛСВ *часто*_{1,3}, характеризующий действия, повторяющиеся не просто с небольшим, кратким временным интервалом, но и с малой амплитудой движения. ЛСВ *часто*₁ реализуется словоформами, сочетающимися с ограниченным кругом глаголов, в семантике которых присутствует компонент 'быстрое, активное движение с небольшой амплитудой', типа *колотить(ся)*, *биться (о сердце)*, *семенить*, *моргать*, *перебирать (струны)* и т. п.⁸:

(4) а) *В наставшей тишине у стоявших на наблюдательном заколотились сердца явственно и **часто*** (Б. Пастернак).

(5) а) *Опущенные веки [Любки] **часто** заморгали* (А. Куприн).

(6) а) *Музыкант заиграл, **часто** перебирая струны своей балалайки.*

(7) а) *Старушка послушно и **часто** засемила ногами.*

б) ЛСВ 'во многих случаях (квантитативная частотность)' — *часто*₂:

(8) а) *Уволенный в запас офицер **часто** остаётся без кварти¹ры.*

(9) а) *В сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина фантастическое **часто** переплетается с реальным.*

(10) а) *Американские журналисты и раньше неоднократно предпринимали афганские вояжи, причём **часто** нелегально.*

*Часто*₂ (в отличие от *часто*₁ и *часто*₃) нередко характеризуется анафоричностью употребления по отношению к антецеденту, так как часть всегда вторична по отношению к целому (а *многие* случаи составляют лишь часть по отношению ко *всем* случаям):

(1) б) *В театр мы ходим каждый ме¹сяц, / **часто** с друзь¹ми.*

в) ЛСВ 'расположение с небольшим пространственным интервалом (локативная частотность)' — *часто*₃:

(11) а) *Рейки и перекладыны изгороди располагаются **ча¹сто**.*

(12) а) *Деревья и кустарники в лесополосе³ / желательн¹о сажать **ча¹сто**.*

⁸ См. об этом, в частности, в диссертации [Степанычева 2011], написанной под руководством автора настоящей статьи.

(13) а) *Морковка здесь растёт слишком **ча¹сто**.*

У **нередко** выявлено два ЛСВ:

а) ЛСВ ‘повторяемость с небольшим временным интервалом (темпоральная частотность)’ — *нередко₁*:

(1) в) *В театр мы ходим **нере¹дко**.*

(2) б) *Эта поговорка осталась в деревне, её повторяют **нере¹дко**.*

(3) б) **Нередко** вспоминаю, как когда-то бабушка повела меня в цирк на Цветном бульваре смотреть дрессированных хищников.

б) ЛСВ ‘во многих случаях (квантитативная частотность)’ — *нередко₂*:

(8) б) *Уволенный в запас офицер **нередко** остаётся без кварти¹ры.*

(9) б) *В сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина фантастическое **нередко** переплетается с реальным.*

(10) в) *Американские журналисты и раньше неоднократно предпринимали афганские вояжи, причём **нередко** нелегально.*

Зачастую реализует только один ЛСВ – ‘во многих случаях (квантитативная частотность)’:

(8) в) *Уволенный в запас офицер **зачастую** остаётся без кварти¹ры.*

(9) в) *В сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина фантастическое **зачастую** переплетается с реальным.*

(14) а) *И **зачастую** новичков, пришедших на слёт, захлёстывает волна песен с почти стандартным содержанием.*

(15) а) *Увы, коллекция **зачастую** держится коллекционером.*

Представим полученные результаты в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1.
Лексико-семантические варианты наречий
часто, нередко, зачастую

ЛСВ \ Наречие	<i>часто</i>	<i>нередко</i>	<i>зачастую</i>
квантитативный	+	+	+
темпоральный	+	+	–
локативный	+	–	–

При выражении семантики квантитативной частотности возможно употребление и *часто*, и *зачастую*, и *нередко*. Темпоральная частотность выражается с помощью наречий *часто* и *нередко*. При выражении

локативной частотности употребляется только *часто* (и, соответственно, *редко*, но не *нередко*). Семантические особенности лексем оказывают влияние и на возможность их взаимозамены. Таким образом, замена *зачастую* и *нередко* на *часто* возможна всегда, а обратная замена — лишь в некоторых случаях. Ср. подобное семантическое соотношение (как общее и частное) у слов *несколько* и *некоторые*, а также *много* и *многие*, где противопоставлены измерительный и выделительный типы квантификации [Шмелев 2005] соответственно (см. табл. 2).

Таблица 2.
Семантическое соотношение некоторых лексем

Целое количество (первичное употребление) — измерительная квантификация	Часть целого (вторичное, или анафорическое употребление) — выделительная квантификация
<i>несколько</i>	<i>некоторые</i>
<i>много</i>	<i>многие</i>
<i>часто₁</i> , <i>нередко₁</i> , <i>часто₃</i>	<i>часто₂</i> , <i>нередко₂</i> , <i>зачастую</i>

2. Оценочность

Все анализируемые лексемы: и *часто*, и *нередко*, и *зачастую* — обладают способностью выражать характеризующую (не аксиологическую) оценку (о типах оценок см. [Яковлева 1994; Всеволодова 2000; Панков 1999]). Однако для них оказывается существенным характер оценки — относительной или абсолютной. *Часто* (*часто₁* и *часто₃*), *нередко* (*нередко₁*) представляют собой, безусловно, показатели относительной оценки. Для разных людей и по отношению к масштабу разных событий степень частотности (как темпоральной, так и локативной, дистанционной) может быть различной — ‘раз в неделю, два раза в месяц, ежеквартально’ и т. д. (для *часто₁* и *нередко₁*); на расстоянии 20 см, 0,5 м, 2 м, 15 м и т. д. (*часто₃*):

(1) а) *В театр мы ходим ча¹сто.*

в) *В театр мы ходим нере¹дко.*

(13) а) *Морковка здесь растёт слишком ча¹сто.*

Напротив, наречия *часто₂*, *нередко₂* и *зачастую* выражают более объективную, абсолютную оценку с точки зрения говорящего и воспри-

ятия высказывания потенциальными адресатами высказывания, означая 'во многих (не во всех) случаях':

(8) а) Уволенный в запас офицер **часто** остаётся без кварти'ры.

б) Уволенный в запас офицер **нередко** остаётся без кварти'ры.

в) Уволенный в запас офицер **зачастую** остаётся без кварти'ры.

(9) а) В сказках Салтыкова-Щедрина фантастическое **часто** переплетается с реальным.

б) В сказках Салтыкова-Щедрина фантастическое **нередко** переплетается с реальным.

в) В сказках Салтыкова-Щедрина фантастическое **зачастую** переплетается с реальным.

Обобщим сказанное в виде таблицы (см. табл. 3).

Таблица 3.
Характер оценки, выражаемый с помощью наречий
часто, нередко, зачастую

ЛСВ \ Оценка	абсолютная	относительная
темпоральный ЛСВ <i>часто</i> ₁ , <i>нередко</i> ₁	–	+
квантитативный ЛСВ <i>часто</i> ₂ , <i>нередко</i> ₂ , <i>зачастую</i>	+	–
локативный ЛСВ <i>часто</i> ₃	–	+

3. Сочетаемость

Анализ сочетаемости названных наречий предполагает рассмотрение возможности или невозможности их функционирования с наречиями степени величины признака, с отрицательной частицей *не*, конъюнктивного употребления с *не* и наречиями степени величины признака, с глаголами несовершенного (НСВ) и совершенного (СВ) вида, а также с глаголами в форме изъявительного, повелительного или сослагательного наклонения.

1) Возможность / невозможность употребления с наречиями степени величины признака.

Часто (в большей степени *часто*₁ и *часто*₃, в меньшей — *часто*₂), *нередко* (в большей степени *нередко*₁, в меньшей — *нередко*₂) как оценочные наречия, передающие градуируемый признак, сочетаются с наречиями степени величины признака — в данном случае показателями степени частотности типа *очень*, *слишком*, *довольно*, *чрезвычайно* и т. п.: *очень* (*слишком*, *довольно*, *чрезвычайно*) **часто**: *часто*₁ (1 г), *часто*₂ (17а), *часто*₃ (13а), **нередко**: *нередко*₁ (16), *нередко*₂ (18):

(1 г) *В театр мы ходим довольно ча¹сто.*

(16) *Мой парень пьет, и очень нередко.*

(17 а) *Выпускники, не знающие своих прав, очень часто оказываются без всякой защиты, в том числе юридической.*

(18) *Очень нередко острая форма заболевания перетекает в хроническую.*

(13 а) *Морковка здесь растёт слишком ча¹сто.*

Зачастую как наречие абсолютной оценки не поддается градуированию и не сочетается с распространителями — наречиями степени величины признака (**очень*, *слишком*, *довольно*, *чрезвычайно зачастую*):

(8 г) **Уволенный в запас офицер очень зачастую остаётся без кварти¹ры.*

(17 б) *Выпускники, не знающие своих прав, очень зачастую оказываются без всякой защиты, в том числе юридической.*

Однако оценочность наречий не позволяет им сочетаться с показателями предельного выражения признака (**почти часто*, **почти нередко*, **почти зачастую*, **практически часто*, **практически нередко*, **практически зачастую*):

(1 г) **В театр мы ходим почти ча¹сто.*

д) **В театр мы ходим почти нере¹дко.*

(13 б) **Морковка здесь растёт почти ча¹сто.*

(17 в) **Выпускники, не знающие своих пра³в, / практически ча¹сто оказываются без всякой защиты, / в том числе юриди¹ческой.*

г) **Выпускники, не знающие своих пра³в, / практически нере¹дко оказываются без всякой защиты, / в том числе юриди¹ческой.*

д) **Выпускники, не знающие своих пра³в, / практически зачастую оказываются без всякой защиты, / в том числе юриди¹ческой.*

Стоит, однако, отметить, что в примерах (17в–17д) при изменении направления грамматической зависимости (не **практически часто*

или **практически нередко*, а *практически оказываются*) и соответствующего интонационного оформления (места ИК, типа ИК, синтагматического членения) подобное употребление следует считать вполне допустимым:

(17) е) *Выпускники, не знающие своих прав, / практически / часто оказываются без всякой защиты, / в том числе юридической.*

ж) *Выпускники, не знающие своих прав, / практически / нередко оказываются без всякой защиты, / в том числе юридической.*

з) *Выпускники, не знающие своих прав, / практически / зачастую оказываются без всякой защиты, / в том числе юридической.*

С наречиями и именными группами, не содержащими оценку (*почти всегда, почти везде, почти еженедельно, практически каждый день*) сочетания с показателями предельного выражения признака возможны:

(1) д) *В театр мы ходим почти еженедельно.*

(13) в) *Морковка здесь растёт почти везде¹.*

(17) и) *Выпускники, не знающие своих прав, практически всегда оказываются без всякой защиты, в том числе юридической.*

2) Возможность / невозможность употребления с отрицательной частицей (приставкой) *не*.

Для наречия *часто* такое употребление возможно (*нечасто*): *часто*₁ (19а), *часто*₂ (8д), *часто*₃ (12б):

(19) а) *Первая леди заглядывает, конечно, к мужу, но нечасто. Пару раз в неделю, на несколько часов.*

(8) д) *Уволенный в запас офицер неча¹сто остаётся без квартиры.*

(12) б) *Деревья и кустарники в лесополосе³ / желательно сажать неча¹сто.*

Лексема *нередко* уже содержит *не*, поэтому возможность наличия у него двойного отрицания сомнительно: **ненередко, *небезредко* (хотя ср. *небезынтересно*).

Наречие *зачастую* с отрицанием *не* не употребляется (**не зачастую*):

(8) е) **Уволенный в запас офицер не зачастую остаётся без квартиры.*

3) Возможность / невозможность конъюнктивного употребления с отрицанием *не* и наречиями степени величины признака.

Конъюнктивное употребление с частицей *не* и наречиями степени величины признака для *часто* возможно (*не очень часто*):

(19) б) *Первая леди заглядывает, конечно, к мужу, но **не очень часто**. Пару раз в неделю, на несколько часов.*

(8) ж) *Уволенный в запас офицер **не о'чень часто** остаётся без квартиры.*

(12) в) *Деревья и кустарники в лесополосе³ / желательно сажать **не о'чень часто**.*

Для *нередко* такое употребление априори недопустимо (*не очень нередко).

Для наречия *зачастую* конъюнктивное употребление с отрицанием и наречиями степени величины признака не отмечено (**не очень зачастую*):

(8) з) **Уволенный в запас офицер **не очень зачастую** остаётся без квартиры.*

4) Сочетаемость с глаголами НСВ и СВ.

Все рассматриваемые наречия — *часто* и *нередко* во всех ЛСВ, а также *зачастую* — сочетаются преимущественно с глаголами НСВ, так как передают повторяемость действия:

(1) а) *В театр мы **ходим ча'сто**.*

(2) а) *Эта поговорка осталась в деревне, её **повторяют часто** (В. Распутин).*

(3) а) ***Часто вспоминаю**, как когда-то бабушка повела меня в цирк на Цветном бульваре смотреть дрессированных хищников.*

(1) в) *В театр мы **ходим нере'дко**.*

(2) б) *Эта поговорка осталась в деревне, её **повторяют нере'дко**.*

(3) б) ***Нередко вспоминаю**, как когда-то бабушка повела меня в цирк на Цветном бульваре смотреть дрессированных хищников.*

(8) в) *Уволенный в запас офицер **нередко остаётся** без кварти'ры.*

(9) в) *В сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина фантастическое **нередко переплетается** с реальным.*

(8) б) *Уволенный в запас офицер **зачастую остаётся** без кварти'ры.*

(14) а) *И **зачастую** новичков, пришедших на слёт, **захлёстывает** волна песен с почти стандартным содержанием.*

(15) а) *Увы, коллекция **зачастую держится** коллекционером.*

Однако возможны также сочетания *часто*₂ и *зачастую* с глаголами будущего СВ во вторичной семантической функции — в значении настоящего времени (наглядно-примерное частновидовое значение СВ):

(20) а) *И часто неожиданно, в глухом, забытом захолустье, на безлюдье безлюдном, встретишь человека...* (Н. Гоголь).

б) *И нередко неожиданно, в глухом, забытом захолустье, на безлюдье безлюдном, встретишь человека...*

в) *И зачастую неожиданно, в глухом, забытом захолустье, на безлюдье безлюдном, встретишь человека...*

Для наречия *часто*, реализующего ЛСВ *часто*₁, характерно сочетание с глаголами СВ начинательного способа глагольного действия:

(4) а) *В наставшей тишине у стоявших на наблюдательном заколотились сердца явственно и часто* (Б. Пастернак).

(5) а) *Опущенные веки [Любки] часто заморгали* (А. Куприн).

(7) а) *Старушка послушно и часто засеменяла ногами.*

5) Сочетаемость с глаголами в форме изъявительного, повелительного или сослагательного наклонения.

Лексемы *часто*, *нередко* не ограничены в употреблении с глаголами в формах любого наклонения:

(1) а) *В театр мы ходим ча'сто.*

б) *В театр мы ходим нере'дко.*

е) *В театр ходите ча'сто.*

ж) *В театр ходите нере'дко.*

з) *Если бы вы ходили в театр часто, узнали бы много нового и интересного.*

и) *Если бы вы ходили в театр нередко, узнали бы много нового и интересного.*

Наречие *зачастую* ограничено при выражении ирреальности: сомнительно употребление с глаголами в форме будущего НСВ, в императиве и в сослагательном наклонении:

(8) и) *?Уволенный в запас офицер зачастую будет оставаться без кварти'ры.*

к) **Офицеры! Зачастую оставайтесь без квартиры!*

л) *?Если бы офицер зачастую оставался без квартиры ...*

3. Словообразовательные потенции.

Названные наречия имеют неодинаковые возможности при образовании диминутивов, компаративов и суперлативов. Сравним их.

1) Образование диминутивов.

Лексема *часто* свободно образует диминутив — *частенько*. Ср. невозможность: *нередко* — **нереденько*, *зачастую* — **зачастенько*.

2) Наличие компаратива и суперлатива.

У лексем *часто* имеется и компаратив: *чаще*, *почаще* (*Заходите **почаще***), *более часто*, *менее часто* — и суперлатив: *чаще всех*, *наиболее часто*, *наименее часто*, встретилось даже наречие *наичаще*:

(21) **Наичаще** повторяющиеся славословия и молитвы в богослужении суть славословия и молитвы Святой Троице (Праведный Иоанн Кронштадский о богослужении).

У наречия *нередко* компаратив и суперлатив в принципе отсутствуют, ср. невозможность: **более нередко*, **менее нередко*, **наиболее нередко*, **наименее нередко*, однако допустимо употребление с отрицанием для компаратива *реже*, при котором возможно лишь орфографически раздельное написание — *не реже*: *Зубы следует чистить **не реже** двух раз в день*.

У лексем *зачастую* отсутствует как компаратив, так и суперлатив, ср. неотмеченность: **более зачастую*, **зачаще*, **позачаще*; **наиболее зачастую*, **зачаще всех*.

3) Происхождение (словообразование) наречий.

Все рассматриваемые наречия имеют деадъективное происхождение. *Часто* и *зачастую* семантически и словообразовательно соотносятся с прилагательным *частый* (*зачастую* — от предлога *за* + вин.п. прилагательного женского рода *частая*). У *нередко* возможна двойная мотивация: помимо деадъективного (от прилагательного *нередкий*) возможно и деадвербиальное происхождение (от наречия *редко*).

4. Коммуникативная роль

Часто (ЛСВ *часто*₁ и *часто*₃) и *нередко* (ЛСВ *нередко*₁) способны занимать любую из позиций в актуализационной структуре высказывания (о коммуникативных ролях словоформ см. [Янко 2001; Всеволодова, Панков 2008, 2009]).

1) Фокус темы:

(22) а) **Ча³сто** / приходится бывать на Рублѣ¹вке.

б) **Нере³дко** / приходится бывать на Рублѣ¹вке.

(23) а) **Ча³сто** / морковку сажать не следует.

2) Атоническая тема:

(24) а) *О³чень **часто** / приходится бывать на Рублё¹вке.*

б) *О³чень **нередко** / приходится бывать на Рублё¹вке.*

(23) б) *О³чень **часто** / морковку сажать не следует.*

3) Фокус ремы:

(25) а) *На Рублё³вке / приходится бывать **ча¹сто**.*

б) *На Рублё³вке / приходится бывать **нере¹дко**.*

(23) в) *Морко³вку / не следует сажать слишком **ча¹сто**.*

4) Атоническая рема:

(26) а) *На Рублё³вке / приходится бывать о¹чень **часто**.*

б) *На Рублё³вке / приходится бывать о¹чень **нередко**.*

(23) в) *Морко³вку / не следует сажать сли¹шком **часто**.*

5) Диктальная рема:

(27) а) — *Ка²к часто вы бываете на Рублёвке? — Довольно **ча¹сто**.*

б) — *Ка²к часто вы бываете на Рублёвке? — Довольно **нере¹дко**.*

(23) г) — *Ка²к часто вы сажаете морковку? — Довольно **ча¹сто**.*

6) Модальная рема:

(28) а) — *Вы ча³сто бываете на Рублёвке? — Довольно **ча¹сто**.*

б) — *Вы ча³сто бываете на Рублёвке? — Довольно **нере¹дко**.*

(23) д) — *Вы ча³сто сажаете морковку? — Довольно **ча¹сто**.*

7) Парентеза:

(29) а) *На³м / **часто** приходится бывать на Рублё¹вке.*

б) *На³м / **нередко** приходится бывать на Рублё¹вке.*

(23) е) *Морко³вку / **часто** сажать не сле¹дует.*

Для наречий *зачастую*, *нередко*₂ и *часто*₂ позиция собственно ремы (фокуса ремы) нехарактерна или сомнительна:

(8) м) *²Уволенный в запас офицер без квартиры остаётся **ча¹сто**.*

н) *²Уволенный в запас офицер без квартиры остаётся **нере¹дко**.*

о) **Уволенный в запас офицер без квартиры остаётся **зачаст¹ую**.*

Как видим, *часто* (*часто*₁ и *часто*₂) имеет нефиксированный коммуникативный статус, так как способно занимать любую из позиций в актуализационной структуре высказывания — темы (фокуса темы, атонической темы), ремы (атонической ремы, фокуса ремы, модальной и диктальной ремы), а также парентезы. Словоформы же *зачастую*, *нередко*₂ и *часто*₂ играют ограниченную коммуникативную роль (см. табл. 4).

Таблица 4.
Коммуникативная роль словоформ наречий *часто, нередко, зачастую*

Коммуни- кативная роль ЛСВ наречий	Тема		Парен- теза	Рема			
	Атони- ческая тема	Фокус темы		Атони- ческая рема	Фокус ремы	Дикталь- ная рема	Модаль- ная рема
<i>часто</i> ₁	+	+	+	+	+	+	+
<i>часто</i> ₂	+	+	+	+	–	+	+
<i>часто</i> ₃	+	+	+	+	+	+	+
<i>зачастую</i>	+	+	+	+	–	+	+
<i>нередко</i> ₁	+	+	+	+	+	+	+
<i>нередко</i> ₂	+	+	+	+	–	+	+

5. Стилистическая характеристика

Наречия *часто, нередко* — стилистически нейтральные, *зачастую* — книжное.

Наречие *зачастую* в большинстве толковых словарей имеет помету «разг.», в отличие от нейтрального *часто*, однако опрос информантов и сам языковой материал показал, что эта лексема воспринимается современными носителями языка скорее как книжная и даже устаревая, ограниченная в своём употреблении [Степаньчева 2011].

Наречие *часто*, таким образом, имеет более широкую семантику и оказывается более употребительным в речи, чем наречия *нередко* и *зачастую*. Поэтому неудивительно, что в Электронном корпусе русских газет конца XX века из 10 млн словоупотреблений на *часто* приходится более 2 000 примеров, на *нередко* — около 1000, а на *зачастую* — менее 400. В «Частотном словаре русского языка» наречие *часто* имеет индекс 298, *нередко* — 76, *зачастую* — 12.

Безусловно, здесь указаны далеко не все возможные параметры характеристики семантически близких адвербиальных словоформ. Стремление представить наречия в виде словарных статей выявило необходимость разработать более детальную схему лексикографической атрибуции [Всеволодова, Клобуков, Кукушкина, Поликарпов 2003; Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2014; Панков 2004, 2009] наречий

с максимальным учётом их как синтагматических, так и парадигматических характеристик, как синонимии, так и антонимии, способности выражать как относительные, так и абсолютные оценки. Видимо, одни из выявленных позиций будут облигаторными, другие — факультативными. Перспективной задачей исследования является также сопоставительный анализ русских лексем с иноязычными коррелятами.

Литература

- Апресян Ю. Д. О новом словаре синонимов русского языка // Изв. РАН, Серия лит-ры и языка, 1992, № 1.
- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.
- Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М., 1995.
- Большой грамматический словарь / Авт.-сост. Л. З. Бояринова, Е. Н. Тихонова, М. Н. Трубаева; под ред. А. Н. Тихонова: в 2 т. М.: Флинта: Наука, 2006.
- Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. 3-е изд., перераб. М.: Рус. яз., 1977.
- Брызгунова Е. А. Вводный фонетико-разговорный курс русского языка. М.: Рус. яз., 1982.
- Брызгунова Е. А. Интонация и синтаксис // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. учебных заведений / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997. С. 869–902.
- Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
- Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основам функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003, № 2. С. 17 — 59.
- Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / Под общ. ред. М. В. Всеволодовой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.
- Всеволодова М. В., Панков Ф. И. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья первая. Общие проблемы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008. № 6. С. 9 — 33.
- Всеволодова М. В., Панков Ф. И. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья вторая. Коммуникативная

- парадигма слова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009. № 1. С. 9–33.
- Денисова М. Л. Лингвострановедческий словарь: Народное образование в СССР / Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М.: Русский язык, 1978.
- Дерягина С. И., Мартыненко Е. В. Учебно-справочное пособие по лексике русского языка: Трудные случаи употребления семантически близких слов. М.: Рус. яз. Курсы, 2003.
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Л. Киселёвой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998.
- Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / Составители К. Л. Киселёва, Д. Пайар. М.: «Азбуковник», 2003.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Около 100 000 слов. М.: Русский язык, 1977.
- Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.
- Золотова Г. А. Функциональный словарь русских глаголов — словарь нового типа. Сообщение на конференции «Словари и учебный процесс» на факультете иностранных языков МГУ имени М. В. Ломоносова 22 мая 1997 г.
- Караулов Ю. Н. Минимальный идеографический словарь. М., 1976.
- Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь / Под ред. В. В. Морковкина. М., 1984.
- Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка / Гл. ред. И. А. Мельчук. Вена: Wiener Slawistischer Almanach. Sonderbd. 14. 1984.
- Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл-текст». Москва — Вена: Языки русской культуры, 1995.
- Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
- Морковкин В. В., Луцкая Н. М., Богачева Г. Ф. и др. Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова / Под ред. В. В. Морковкина. М.: Изд-во Астрель, изд-во АСТ, 2002.
- Москвин В. П. Идеографический словарь сочетаемости. Киев: Изд-во Киев. гос. пед. ин-та ин. яз., 1993.
- НОСС 1997–2003 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый — третий вып. / Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры», 1997 — 2003.

- Панков Ф. И. К вопросу о семантической систематизации и классификации наречий в практической грамматике русского языка // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г. Доклады и сообщения российских ученых. М., 1999. С. 413 — 421.
- Панков Ф. И. О функциональном словаре русских наречий // Актуальные проблемы современной лексикографии. Материалы научно-методической конференции, состоявшейся на факультете иностранных языков МГУ 22 мая 1997 г. / Отв. ред. Ю. А. Бельчиков. М., 1999. С. 88 — 101.
- Панков Ф. И. Проблема лексикографической атрибуции наречий // Языковые категории: границы и свойства. Материалы докладов Международной научной конференции, Минск, 22 — 23 марта 2004 г. / Отв. ред. Н. П. Баранова. Мн.: МГЛУ, 2004. С. 161–163.
- Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2009.
- Поликарпов А. А. Жизненный цикл слова и эволюция языка. Статьи 1; 2 // Русский филологический вестник. 1994, т. 79, № 1; 1995, т. 81, № 1.
- Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Борисенко В. И., Вьюнов Ю. А., Милославская С. К., Ростова Е. Г., Фролова О. Е., Чернявская Т. Н., Чуднов В. П.; Под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.
- Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология М.: Наука, 1980.
- Русский семантический словарь: Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / Ю. Н. Караулов, В. И. Молчанов, В. А. Афанасьев, И. В. Михалев / Отв. ред. С. Г. Бархударов. М., 1982.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Тт. 1-4. М.: Азбуковник, 1998–2007.
- Словарь служебных слов русского языка / А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова, Г. Н. Сергеева, Г. Д. Зайцева, Е. С. Шереметьева, Н. Т. Окатова, И. Н. Токарчук, Г. М. Крылова, Т. А. Жукова, Т. В. Петроченко, В. Н. Завьялов; Отв. ред. Е. А. Стародумова. — Владивосток, 2001.
- Словарь-справочник по русскому языку для иностранцев. Выпуск 3. Наречие. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
- Словарь-справочник по русскому языку для иностранцев / Под ред. И. П. Слесаревой. — М.: Русский язык. Курсы, 2011.
- Степанычева Е. М. Лингводидактические основы представления русской лексики в иноязычной аудитории (на материале кванторных наречий). Дис. ... канд. пед. наук. М., 2011.

- Шмелев А. Д. Параметры количественной оценки в естественном языке // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова — М., 2005.
- Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. — М., Русский язык, 1977.
- Электронный корпус русских газет конца XX века (10 млн словоупотреблений). Материалы лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (зав. лабораторией — проф. А. А. Поликарпов). Интернет-версия — www.philol.msu.ru/~lex/corpdescr.html.
- Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Издательство «Гнозис», 1994.
- Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. — М.: Языки славянской культуры, 2001.

**Grammatical features of language units in the context
of educational lexicographic practice (on material of lexemes
часто, нередко, зачастую)**

F.I. Pankov (Russia, Moscow), pankovf@mail.ru

Keywords: educational lexicography, grammar, lexemes *часто, нередко, зачастую*.

Summary: In article grammatical features of lexemes *часто, нередко, зачастую* in the context of educational lexicographic practice in aspect of semantics, compatibility, origin (word formation) of adverbs, communicative role, stylistic characteristic are analyzed.

О модели жизненного цикла

Е. В. Петрухина (Россия, Москва), elena.petrukhina@gmail.com

Ключевые слова: модель жизненного цикла знака, концепт жизнь, русский язык, церковнославянский язык, секуляризация.

Аннотация: В статье рассматривается история трех слов — *живот, житие, жизнь* — в русском языке с применением лингвистической модели жизненного цикла знака А. А. Поликарпова, которая позволяет объяснить все сложные изменения их семантики и употребления.

Посвящение. С Толей Поликарповым я познакомилась в 1969 г. — он приходил на наши занятия по чешскому языку на славянском отделении. Нам, первокурсницам, льстило, что такой взрослый, серьезный и красивый человек, с широкими научными интересами, занимается вместе с нами. Потом, на протяжении всех лет нашего общения на факультете и кафедре русского языка, сотрудничества при подготовке Конгрессов исследователей русского языка, я много раз убеждалась в правильности моего первого впечатления. За его жизнерадостным взглядом, оптимизмом, обаятельной и молодой улыбкой угадывалось многое — и любимое дело, увлеченность наукой, и любовь родных, любовь и уважение коллег и студентов. Ближе наше общение стало в последний год его жизни, когда он уже знал о своей болезни. Анатолия, как и меня, поразила личность архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого), врача-хирурга, ученого-медика, доктора медицинских наук, лауреата Сталинской премии, присужденной ему за научные достижения в медицине (годы жизни: 1877–1961; в 2000 г. причислен к лику святых РПЦ). Анатолий прочитал автобиографию святителя «Я полюбил страдание», отдельные проповеди, рассказы о нем. Не знаю, успел ли он прочитать мои статьи о трудах святителя Луки, — мы обменялись электронными вариантами некоторых своих работ и собирались их обсудить «после лета». Я получила от А. А. Поликарпова несколько публикаций, которые он сам определил как важные. Дочитывала я их уже после смерти Толи и, дочитав, нашла там ответы на ряд вопросов, которые в последнее время меня очень интересовали.

1. Вступление

Работы А. А. Поликарпова о факторах варьирования смысла и степени сохранности во времени его лексических обозначений, об условиях сохранности древнерусских слов в современном русском языке, проверенная на большом статистическом языковом материале модель жизненного цикла знака, а также его системно-коммуникативная интерпретация исторической динамики языка (см. библиографию) позволяют глубже понять и объяснить не только общие, но и конкретные изменения в русской лексике, историю отдельных слов.

В статье рассматривается история однокоренных слов *живот*, *жизнь*, *житие*, отражающая сложное взаимодействие старославянского, церковнославянского и русского языков¹. Судьба данных слов интересовала многих историков русского языка. Собрав имеющиеся в лингвистике сведения по этой теме и используя модель жизненного цикла знака А. А. Поликарпова, постараемся понять, хотя бы в самых общих чертах, диахронную линию их содержательных и функциональных изменений. В связи с этой задачей проанализируем также частотность и семантику названных слов в текстах XVIII–XX вв. по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

2. Синонимический ряд *живот*, *житие*, *жизнь* в старославянском и церковнославянском языках

Наличие в старославянском языке нескольких близких по значению слов (с учетом других имен типа *жить* и переносного употребления в сходных значениях неоднокоренных лексем этот синонимический ряд становится еще больше), по мнению Т. В. Вендиной, свидетельствует о стремлении «передать в этих словах все богатство смысловых оттенков бытия», а также оппозицию жизни земной и жизни небесной [Вендина 2007: 48].

Жизнь земная в разных ее аспектах в старославянском и церковнославянском языках передается всеми лексемами. Представления о земной жизни в ее **биологическом, физиологическом** проявлении связаны, по мне-

¹ В соответствии с русской лингвистической традицией различаем старославянский язык (язык древнейших славянских переводов греческих богослужебных книг) и церковнославянский язык (русской редакции), вышедший из старославянского и продолжающий его традиции, см. [Толстой 2001]. В статье большое внимание уделяется церковнославянскому языку, являющемуся языком богослужения в Русской Православной Церкви.

нию ряда исследователей, прежде всего со словом *живот*² [Вендина 2007, Колесов 2007]. В «Полном церковнославянском словаре» протоиерея Г. Дьяченко его значение определяется как «органическое существование, бытие в союзе души и тела» [Дьяченко 2013]. **В. В. Колесов считает слово *живот* самым древним словом из всего синонимического ряда (отметим, что это подтверждается данными других славянских языков) — им обозначается «биологическая форма существования, физическая возможность жить» [Колесов 1999: 169].** Ср. также словосочетания *сконча животъ — окончил жизнь, при своем животе — при жизни* [Срезневский, I: 1011–1013]). С земной жизнью в ее социальном аспекте связано слово *житие*, которое, помимо значения ‘жизнь’, в старославянском имеет также значения ‘жилище’, ‘богатство’ [Вендина 2007: 49]. Лексема *жизнь* не имеет «в старославянском языке каких-либо лексико-семантических вариантов, указывающих на ее связь с биологической или социальной формой жизни», ее семантика наиболее абстрактна, поэтому именно эта лексема выражает **жизнь как духовные искания человека** [Вендина 2007: 48].

Память о различиях в семантике слов *живот*, *житие*, *жизнь* хранят в современном русском языке однокоренные слова, образованные от них. «Первоначальная дробность значений» рассматриваемых имен существительных подтверждается, по мнению В. В. Колесова, такими прилагательными, как *жизненная (идея)*, *житейское (дело)*, *животная (злоба)*³, — «трудно переставить местами эти прилагательные!» [Колесов 2007].

² При передаче церковнославянских текстов используем русский шрифт, как на сайте bible.md/m2ubC3, соответственно в тексте статьи при упоминании анализируемых слов употребляется форма *живот*, написание *животь* сохраняется лишь в цитатах из старославянских и древнерусских текстов и соответствующих словарей.

³ Различия в семантике упомянутых слов, образованных от корня жи-, заставляют задуматься о роли консонизаторов [Зализняк 1985: 33, Кукушкина 2008] (в данном случае -в-, -т-, -л-) не только в морфонологической структуре русского слова, но и в формировании его значения: последовательные формальные различия слов с разными консонизаторами нагружаются дополнительными смыслами (ср.: живой, оживить, живность, животное, животный, жилой, жилище, житье, житейский и т. д.).

Жизнь **небесная** в старославянском и церковнославянских языках выражается преимущественно двумя лексемами — *живот* и *жизнь*, прежде всего в сочетаниях *живот вечный* и *жизнь вечная*, но возможно также сочетание *житие вечное*. Священник Георгий Селин приводит как пример седьмую песнь Пасхального канона: *Смерти празднуем умерщвление, адво разрушение, иного жития вечнаго начало* [Селин 2012: 117]. При этом в старославянских переводах Евангелия и церковнославянских евангельских текстах абсолютно преобладает лексема *живот*⁴. Например: *Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына своего едиnorodнаго дал есть, да всяк веруяй в онь не погибнет, но имать живот вечный* (Иоанн, 3: 16). *Рече же им Иисус: аз есмь хлеб животный: грядый ко мне не имать взалкаться, и веруяй в мя не имать вжаждатися никогдаже* (Иоанн, 6: 35). В Евангелии (от Иоанна) слово *живот* (с одним значением — ‘жизнь’) употребляется 33 раза, причем 16 раз в словосочетании *живот вечный*, производное от *живота* прилагательное *животный* встречается 4 раза.

По мнению священника Георгия Селина, употребление в евангельских текстах именно слова *живот* не случайно. В Евангелии показан путь обожествления человеческой природы, когда человек, как соединение «небесной души и перстного тела», преображаясь, возвышается до вечной жизни, до «живота вечнаго». Употребление лексемы *живот* в известной евангельской формуле Христа *Аз есмь путь и истина и живот*, связывается с тем, что «речь идет о *живом* воплощении мысли Божией в облике Христа как *живого* символа Его мудрости в реальной, земной жизни» [Селин 2012: 113]. А в молитве Святому Духу именно *жизнь* кажется самым подходящим словом: *Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, иже везде сый и вся исполняяй, сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша*. Священник Георгий Селин приводит пример из панихиды по усопшим (из текста тропарей), в котором семантические различия между словами *житие*, *живот*, *жизнь* проявляются особенно наглядно, соответствуя сформулированным выше значениям: *Воистинну суета всяческая, житие же сень и соние... Всесвятая Богородице, во время живота моего не остави мене... Со духи праведных скончавшихся души раб Твоих Спа-*

⁴ В древних старославянских памятниках жизнь встречается в Ассеманиевом Евангелии (Мт. 26, 46), в Супрасльской рукописи (Словарь русского языка XI–XVII вв.: 109). На этот факт наше внимание обратил С. С. Скорвид.

се, упокой, сохраняя их во блаженной **жизни**, яже у Тебе Человеколюбче.... [там же: 115].

Но все три слова, как мы уже отмечали, в церковнославянском языке могут употребляться и как синонимы, выражая небесную, вечную жизнь. Много примеров на такое употребление слова *живот* приведено в словаре церковнославяно-русских паронимов О. А. Седаковой [Седакова 2008: 124]. Ср. также употребление в этом значении слова *житие* в послании апостола Павла к Филиппийцам: *Наше бо житие на небесех есть, отонудуже и Спасителя ждем, Господа нашего Иисуса Христа* (Фил. 3:19).

История трех слов *живот*, *житие* и *жизнь* в русском языке отражает как общие диахронные процессы, характерные для взаимодействия церковнославянского и древнерусского языков, так и совершенно индивидуальные изменения семантики данных слов, которые можно глубже понять с учетом модели жизненного цикла языкового знака А. А. Поликарпова (см. ниже).

3. От ‘жизни’ к ‘животу’ — история слова *живот* в русском языке

В. В. Колесов отмечает, что в древнерусских памятниках 14 в. (в псковских грамотах) слово *живот* было многозначным и истолковывалось исходя из контекста: помимо значения ‘жизнь’, имело еще значения ‘имущество’, ‘животное’, ‘скот’ [Колесов 2007]. Т. И. Вендина также отмечает в языке средневековой Руси многозначность лексем, входящих в семантическое поле ‘жизнь’. Так, у слова *живот* зафиксированы значения ‘жизнь’, ‘живое существо’, ‘животное’, ‘домашний скот’, ‘имущество, все что нажито’ [Вендина 2007: 53], при этом современное значение этого слова для обозначения части тела не отмечается. Самое раннее употребление слова *живот* в этом значении, зафиксированное в Словаре русского языка XI – XVII вв., относится к XVI в. [выпуск 5, 1978: 104]. П. Я. Черных считает, что косвенным свидетельством позднего, не раньше XVI – XVII вв., появления у слова *живот* значения части тела служат факты современного русского языка, а именно тот факт, что прилагательное, выражающее отношение к животу как к части тела, образовано от другого слова — *брюхо*, ср. *брюшной пресс*, *брюшная полость*, *брюшной тиф*. Производное же прилагательное *животный* имеет значение ‘физиологический, не контролируемый сознанием, разумом’: *животный страх*, *животная ненависть* [Черных 1956: 165]. О позднем появлении и распространении слова жи-

вот в современном его значении, по мнению В. В. Колесова, свидетельствует и тот факт, что еще в рукописях XVII века эту часть тела называли другие слова, в том числе и заимствованные, — помимо уже упомянутого **брюха**, также **чрево** и **стомах** (из латинского *stomachus* — ‘желудок’) [Колесов 2007]. При этом лексема *брюхо* в значении ‘чрево, живот’ в Словаре Академии Российской (1789 — 1794) представлена как стилистически нейтральное, общее для книжной и разговорной речи [Словарь, I: 362–363]⁵. Ср. употребление лексемы *брюхо* в ремарках пьесы Д. Н. Фонвизина (*сжав брюхо*) в ранней (1764) редакции «Недоросля» (НКРЯ). Отметим также устойчивые сочетания *в утробе матери*, *внутриутробное развитие*.

В Словаре русского языка XVIII века отмечается, что слово *живот* в значении ‘жизнь’ к концу XVIII в. употреблялось «чаще в славянизированных текстах» [Словарь XVIII в.: 128]. Значение ‘живот, утроба’ дается под номером 4 со ссылкой на помету в Словаре Академии Российской — «в простом употреблении». Исследование текстов XVIII века, имеющих в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), подтверждает вывод о более позднем закреплении конкретного и физиологического значения слова *живот* как части тела. В представленных в НКРЯ текстах, датированных с 1700 г. по 1770 г., преобладает употребление лексемы *живот* в значении ‘жизнь’ — 130 употреблений, встречающихся не только в религиозных, но и официально-деловых документах, например: *Ибо караул есть живот крепости и лагеря, и не токмо един генерал, но и все войско во время сна своего надежду имеет на караульных* (Артикул воинский, 1715).

Употребление лексемы *живот* в современном значении ‘живот, часть тела’ встретилось лишь один раз – в литературном тексте на бытовую тему А. П. Сумарокова (1750): *...коли б оно уже сладко было, так бы уж и*

⁵ Как простонародное отмечено лишь употребление в сочетании *ходит брюхомъ* в значении «чреватость, ношение младенца во чреве». Но у В. В. Виноградова есть интересное замечание о том, что А. С. Пушкин предпочитал говорить о беременной женщине, что она брюхата. «Друг Пушкина и отчасти его издатель-редактор, поэт и литературный критик пушкинской поры, профессор-литературовед П. А. Плетнев сообщал акад. Я. К. Гроту: «Пушкин бесился, слыша, если кто про женщину скажет: ”она тяжела“, или даже ”беременна“, а не брюхата — слово самое точное и на чистом русском языке обычно употребляемое» [Виноградов 1964: 15].

живот не болел, а то вино такое кислое, только лишь пенится («Ссора у мужа с женой»). Такое употребление соответствует упомянутой помете к этому слову в Словаре Академии Российской (1789–1794): «*в простом употреблении*» [Словарь Акад. II: 1130]. А слово *брюхо* в НКРЯ в этот же период (1700–1770) зафиксировано десять раз, причем в текстах разного жанра, в том числе и в научных текстах М. В. Ломоносова.

В текстах НКРЯ начала XIX века *живот* в современном значении встречается не только в художественных и бытовых текстах, но также и в официальных документах: *Другие пишут, что он, ехав в одно публичное собрание, упал с коляски и раздавил себе живот, отчего впоследствии и умер...* (Е. Булгар, С. Платонов. Рассуждение против ужасов смерти, 1805). *При сем последнем деле ранен он в живот пулею* (М. И. Кутузов. Рапорт главнокомандующего Молдавской армией М. И. Кутузова Александру I о боевых заслугах П. Н. Никича и с ходатайством о его награждении, 1811).

К сожалению, в данной статье мы не имеем возможности проанализировать систему значений рассматриваемых лексем в русских говорах, представленную в трудах В. В. Колесова и Т. В. Вендиной [Колесов 2004: 625–643; Вендина 2007: 65–88]. Отметим лишь важное наблюдение В. В. Колесова: употребление слова *живот* для обозначения части тела в некоторых говорах тесно связано со значением ‘беременность’: *От животов да от тяжестей (у женщины) жилья напряглись; Осип в четвертый живот родился* [Колесов 2004: 627]. Такое употребление логически соединяет два значения этого слова — ‘жизнь’ и ‘живот’, так как именно **в животе** женщины зарождается новая **жизнь**.

Ассоциативные связи, формирующие появление новых значений по принципу «намекания», проанализированы в новаторской и фундаментальной теории А. А. Поликарпова, построенной и статистически проверенной на большом языковом материале русских словарей. В своей детально разработанной модели жизненного цикла знака он показал, что «появление нового значения — частный случай расширения (скачком) смысловой области материнского значения. Дело в том, что часть новых добавляемых смыслов ... может походить на другие смыслы столь непрочно, поверхностно, что рядом с прежней смысловой областью может выделяться как особая новая смысловая область, которая хотя и **ас-**

социативно связана с прежней, но может обозначать **особый денотат**» (выделено — Е.П.) [Поликарпов, Поддубный 2011: 107].

История слова *живот* в русском языке демонстрирует последовательное изменение его семантики: от органичной 'жизни' («бытия в союзе души и тела»), через подавление духовной составляющей в таких значениях, как 'животное', 'скот' и 'имущество', к усилению физиологического компонента до его максимальной конкретизации в современном значении 'живот, чрево'. «Любой знак, употребляясь в том или ином коммуникативном акте, не может не меняться. Причем, эти изменения преимущественно (вероятностно) направлены, т. е. происходят, в основном, в одном направлении. Накапливаясь в течение какого-то времени в знаках языка, они и определяют общую, универсальную картину их направленного изменения» [Поликарпов 2007].

Семантические изменения анализируемого слова в русском языке последовательны и направлены к усилению физиологического аспекта, их отражают и производные от слова *живот* в современном русском языке: 1) прилаг. *животный*: относящийся к живым существам, к животным. *Животный мир. Животный орнамент*, т. е. с изображением животных. *Животный волос* (волос животных, идущий в производство); перен. чисто физиологический, грубо чувственный, лишённый духовных интересов. *Животный страх. Животные инстинкты* (*Словарь Ожегова*); 2) сущ. *животное*. Все толковые словари русского языка фиксируют следующие его значения: живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и питающееся, в отличие от растений, готовыми органическими соединениями. *Типы и виды животных*; такое живое существо, в противоположность человеку. *Домашние, дикie животные*; перен. о грубом, неразвитом и неумном человеке (разг. презр.).

Слово *живот* прошло такие этапы эволюции семантики, отмеченные в модели жизненного цикла, когда в «ассоциативно-намекательный процесс» вовлекается и со временем закрепляется более узкий круг компонентов смыслов. Но оно не вышло на типичный этап абстрагирования, описанный А. А. Поликарповым («уменьшение богатства, разнообразия образа на составляющие его компоненты есть не что иное, как его абстрактивизация») [Поликарпов 2007]. Слово *живот* остановилось на этапе конкретизации значения (причем с резким «понижением»), тогда как максимальной абстрактивизации достиг его близкий синоним, цер-

ковнославянизм *жизнь*, т. е. произошло размежевание двух этапов единого эволюционного процесса и соответственно в данном случае двух близких по значению лексем (см. раздел 5).

4. От *жития* к *жизнь*

Судя по материалам книги Т. И. Вендиной, в старославянских и древнерусских текстах оба варианта — *житие* и *жизь* — семантически и стилистически не различались [Вендина 2007: 49–52]. Это же подтверждает и Словарь русского языка XI – XVII вв., в котором оба слова входят в одну словарную статью [Словарь XI – XVII]. Но позднее сформировалось их размежевание, соответствующее корреляции стилистических славянизмов, «относящихся к чему-то возвышенному» (*житие*), и их русских вариантов, «связанных с обыденным, бытовым» [Журавлев 1998: 222–223] (*жизь*). В Словаре русского языка XVIII в. уже зафиксированы стилистические и семантические различия двух вариантов: им соответствуют две разные словарные статьи, слово *житие* в значении ‘жизнь’ имеет стилистическую помету *славянизм (слав.)*, а слово *жизь* — помету *прост.*

За словом *житие* в условиях современной языковой ситуации закрепляются функции, характерные в целом для церковнославянизмов, — выражение абстрактного, возвышенного, поэтического содержания [Успенский 1994: 118], но при этом история данного слова имеет свои особенности. Возвышенность содержания слова *житие* реализуется в основном его значении — ‘повествование о жизни человека, признаваемого Русской Православной Церковью святым’, например: *жития святых, житие преп. Сергия Радонежского* (см. также производное *житийный*: *житийная литература*). Речь идет не об обычной биографии, а о праведной жизни святого человека, это определяет и сферу употребления данного слова. Кроме того, *житие* в современном русском языке имеет и значение ‘праведная жизнь’, ‘деяния святого’, отмеченное еще в Словаре русского языка XI – XVII вв. Ср. примеры, почерпнутые из НКРЯ: *Проблемы метафизики разрешимы не в мышлении, а в практике подлинного, т. е. праведного жития* (П. Кузнецов. «Звезда» 2001). *Священник должен был личным примером показывать образ правильного христианского жития* (М. Дмитриевский. «Наука и жизнь», 2008). *А праведный Симеон тихим подвигом своего жития озарил*

на земле новый остров благодати Верхотурье (архиепископ Викентий Морарь).

В академическом Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой (в 4-х томах) семантика слова *житье* представлена тремя значениями, а само слово, во всех его значениях, характеризуется как разговорное: *Разг.* 1. Условия существования; жизненный уклад. *Солдатское житье*. 2. Жизнь, существование. *Ау, скажи, кукушечка, Житья мне сколько лет?* (Сурков, Дело было весной). 3. Жительство, пребывание где-л. *Жди, найду хорошее для житья место — вернусь, уведу тебя туда.* (М. Горький, В ущелье).

Стилистические и семантические различия между церковнославянизмом *житие* и русизмом *житье* в русском языке складывались постепенно. Это можно проследить, анализируя их частотность и значение в текстах XVIII и XIX вв., представленных в НКРЯ. В имеющейся в Корпусе ограниченной подборке текстов XVIII вв. слово *житие* в значении 'жизнь' употребляется в основном по отношению к благочестивой жизни, но также и нейтрально: *Отец мой жил с лишком восемьдесят лет. Причиною сему было воздержное христианское житие* (Д. И. Фонвизин. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях, 1798). *Добродетель твоя, приятное нам житие и чрезвычайная храбрость заслуживают сию славу* (М. Д. Чулков. Пересмешник, 1766–1768). *1796-го года ноября 21 дня у Петра Блинова родилась дочь. Житие ее было 40 ден* (Блиновы. Дневник, 1783–1799). Ср. также сочетания *мирное и безмятежное житие, строгое житие, житие доброе*. Однако встречаются и сочетания *распутное житие, развратное мужа и жены житие*, но в нравоучительных текстах.

Житье в этот же период употребляется со значениями 'жизнь', 'проживание', 'местожительство' в бытовых и служебных текстах, дневниковых записях: *Уже я описал мое житье... а тут Д. играл в три и три, брал меня в десятую долю, и как нарочно, когда меня нет, всегда проигрывает* (М. П. Загряжский. Записки, 1770–1811). *Таковое роскошное житье привлекало ему некоторой род почтения, но изнуряло его состояние* (М. Щербатов. О повреждении нравов в России, 1786–1787). *А которые стрельцы были на службе по разным городам, и к ним сосланы жены их с детьми на вечное житье* (И. А. Желябужский. Дневные записки, 1682–1709).

Интересно сравнить статистические данные по употреблению рассматриваемых слов в текстах XVIII и XIX вв. За период 1700–1800 в текстах НКРЯ *житие* имеет 127 употреблений в 70 документах, а *житье* 73 употребления в 33 документах (в подкорпусе из 3 783 029 слов). В XIX в. соотносительная частотность этих двух слов меняется, более частотным становится *житье*: *житие* имеет 316 употреблений в 128 документах, *житье* — 1 178 употреблений в 453 документах (на материале подкорпуса объемом 49 820 682 слов).

В XX и начале XXI вв. соотносительные тенденции в употреблении двух слов в целом сохраняются, но общая частотность обоих коррелятов падает — на значительно более объемном подкорпусе (подкорпус 1900–2014 гг. включает 178 314 703 слова), *житие* употреблено в 240 документах 488 раз, *житье* — в 452 документах 662 раза. При этом увеличивается частотность лексемы *житие* в значении ‘жизнеописание праведника’: на объеме первых 50 документов — 33 употребления, тогда как в значении ‘жизнь праведника’ — 18 употреблений, в основном в религиозном дискурсе, и на оба значения встретилось 7 примеров ироничного употребления вне данного дискурса.

Даже ограниченный языковой материал, приведенный выше, показывает накопление стилистических и семантических изменений в семантике данных слов и постепенное семантическое и стилистическое размежевание двух вариантов.

5. От *живота* и *жития* к *жизни*

Если в диахронии *живот*, *житие* и *жизнь* «стояли друг подле друга почти в равном достоинстве» [Колесов 2007], то в современном русском языке первые два слова утратили свои позиции в выражении жизни, уступив их третьему. Центральное место в обозначении жизни вообще и разных ее аспектов заняло слово *жизнь*.

В Словаре русского языка XI – XVII вв. зафиксировано три основных значения этого слова: 1) физиологическое существование всего живого, 2) образ жизни, 3) имущество, состояние, совокупность жизненных благ⁶. Заметим, что первое значение иллюстрируется в Словаре примерами, не имеющими отношения к физиологии, например: «День славьнь

⁶ Данное значение (‘имущество, совокупность жизненных благ’) в ходе исторических изменений семантической структуры данного слова было утрачено, как и у двух других анализируемых слов (семантику обладания в современном русском языке сохраняют однокоренные слова *нажить*, *наживать*, *пожитки*).

творити, яко **ЖИЗНЬ** явися, яко мъртви вьскрьсоша, яко съмърть разо- рена быс<ть>» (Сл. Ио. Злат. Усп. сб. XII–XIII вв.). И остальные примеры на первое значение описывают не обычную жизнь человека, а сакральную, связанную с Богом, поэтому вечную, как и в выделенном отдельно в данной словарной статье словосочетании «жизнь в'ѣчная».

Божественная сущность жизни представлена также (как языковым материалом, так и самими формулировками значений) в Словаре Академии Российской, причем не только в особом (под цифрой 5) значении слова *жизнь* — ‘будущее состояние по смерти’ (*блаженная, бесконечная жизнь*), но и в основном его значении — ‘состояние, в котором находится человек, когда душа его бывает с телом’ (Словарь Академии: 1132). В процессе секуляризации русской ЯКМ слово *жизнь* потеряло этот мировоззренческий (религиозный) смысл, что оказало влияние и на трактовку исторического материала в соответствующих современных словарях. Поэтому в Словаре русского языка XVIII в. (выпуск 7, издан в 1992 г.) значение ‘вечная жизнь’ не занимает уже отдельной позиции, сопровождается комментарием «*по христианскому вероучению*» и иллюстрируется лишь одним примером.

Размежевание значений трех синонимичных слов в русском языке завершилось полной победой слова *жизнь*, которое, вобрав в себя «жизненную» семантику лексем *живот* и *житие*, выражает все аспекты понимания и интерпретации данного процесса современным языковым сообществом. Произошла своего рода абстрактивизация значения этого слова, его обобщение до обозначения фундаментальных процессов в природе и обществе и семантики бытия. Для иллюстрации этого тезиса достаточно привести толкование данного слова в словарях современного русского языка, например в МАС: 1. Особая форма движения материи, возникающая на определенном этапе ее развития. 2. Физиологическое состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти. 3. Полнота проявления физических и духовных сил. 4. Период существования кого-л. 5. Образ существования кого-л. 6. Деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях, в различных областях, сферах. 7. Окружающая нас реальная действительность; бытие. 8. Оживление, возбуждение, вызываемое деятельностью живых существ.

В Новом словаре русского языка Т.Ф.Ефремовой сама структура словарной статьи показывает значимость социальной и событийной составляющей в семантической структуре данного слова: словарная статья включает две части со своей собственной нумерацией, в части II выделяются следую-

щие значения: 1. Деятельность общества и человека во всей совокупности её проявлений. Совокупность всего сделанного и пережитого человеком. 2. Реальная действительность во всей совокупности её проявлений. Реальная действительность в её отдельных внешних проявлениях. 3. Способ существования, времяпровождение; уклад. 4. События, происходящие с чем-либо существующим. Развитие чего-либо.

Концептуальный анализ употребления лексемы *жизнь* в разных типах современного русского дискурса, проведенный в ряде исследований, уточняет словарные толкования и выявляет также другие представления о жизни в русской языковой картине мира (ЯКМ), не отмеченные в словарях: ЖИЗНЬ не только как биологические функции живого организма, существование, деятельность, функционирование, социальные функции человека и общества, но и как реальность (*От превращения игры в жизнь один шаг?*), как целостность (*Как научиться жить полной жизнью?*) и положительное качество (*Давайте не будем искать героев, а начнем просто наслаждаться жизнью*), как человек (*Он загубил тысячи жизней*) и др. Концептуальные метафоры дополняют образ ЖИЗНИ в русской ЯКМ: ЖИЗНЬ — это ПУТЬ, ЦЕННОСТЬ, ДАР, КНИГА, БОГАТСТВО, СУДЬЯ, УЧИТЕЛЬ, КОНСТРУКЦИЯ и др. [Ипанова 2005].

В модели жизненного цикла знака А. А. Поликарпова есть обоснование такого расширения семантики слова — «неизбежности постоянного со временем разрастания смысловой области каждого значения, увеличения общего числа разных смыслов в ней и повышения общего разнообразия признаков в этих смыслах» [Поликарпов 2011: 107]. Этот процесс в частности связан с тем, что «каждый акт общения одновременно и акт эволюции языка (точнее, микроэволюции), так как существует определенная вероятность выхода очередного значения-намека за прежде сформированные границы его смысловой области и закрепления расширившегося объема этой области» [там же].

Как демонстрирует приведенный языковой материал, некоторые аспекты понимания концепта ЖИЗНИ, зафиксированные в текстах при употреблении лексемы *жизнь* (а также лексем *живот* и *житие*), были утрачены. Было потеряно значение ‘имущество’ (см. также сноску 6), которое не восстанавливается и в концептуальных метафорах (метафоры ЖИЗНЬ как ЦЕННОСТЬ, ИМУЩЕСТВО не предполагают материальные блага) [Ипанова 2005: 158–159]. Таким образом, при концеп-

туализации понятия ЖИЗНЬ более важным оказался «экзистенциальный момент, чем момент обладания» [Вендина 2007: 64]. Этот языковой факт понятен с культурологической точки зрения, также он может быть объяснен и сугубо с лингвистических позиций — при помощи теории А. А. Поликарпова: усиливаются менее специфические семантические признаки в связи с общей абстрактивизацией значения, а более специфические признаки ослабевают вплоть до полной утраты [Поддубный, Поликарпов 2011: 107].

Мы бы хотели проанализировать другую (уже упоминавшуюся) семантическую утрату слова *жизнь*. Из русской ЯКМ ушло представление о жизни небесной, вечной, обретаемой при обращении к Богу, т. е. того представления, которое зафиксировано во многих древнерусских памятниках письменности и подтверждено многочисленными примерами соответствующей статьи в Словаре русского языка XI–XVII вв., в частности *Нужа принуживаетъ къ богу и подаетъ жизнь* (XIV в.). Для выражения этого значения, являвшегося в тот период составной и важной частью семантики многозначного слова *жизнь*, определения типа *вечная* были необязательны.

Но, как справедливо пишет Т. И. Вендина, «отделение культуры от веры, вызванное секуляризацией русского общества, отразилось и на концептуализации понятия ‘жизнь’ в современном русском литературном языке: религиозное осмысление жизни сменилось рационалистическим» [Вендина 2007: 60]. О секуляризации русской ЯКМ свидетельствуют и психолингвистические исследования. На основе анализа данных Русского ассоциативного словаря и сопоставления с результатами реконструкции языкового сознания средневекового человека, проделанной Т. И. Вендиной (по материалам «Старославянского словаря» под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой) [Вендина 2002], Н. В. Уфимцева сделала ряд важных выводов об изменениях, которые произошли в картине мира русских. И один из первых выводов касается изменения отношения к Богу. «Настоящей лакуной в языковом сознании современных русских, по сравнению с языковым сознанием носителя старославянского языка, является отношение к Богу» [Уфимцева 2004: 110].

Смена мировоззрения изменила те области русской ЯКМ, которые связаны, согласно теории А. А. Поликарпова, с особым типом ситуаций — с «коммуникативными ситуациями жизнедеятельности». Целью та-

ких ситуаций «является не получение каких-либо жизненных благ ..., а обмен индивидов жизненным опытом, который далее может использоваться в практических ситуациях. Возможность обмена смыслами достигается за счет выработки в каждом коллективе некоторого относительно *единообразного коммуникативного кода поведения...*» [Поддубный, Поликарпов 2011: 106]. Соответственно закономерности изменения семантики слов в диахронии связаны не только с их категориальными чертами, релевантными для степени сохранности древнерусских слов в современном русском языке, такими, как их возраст, категориальная принадлежность, частота употребления и полисемия [Поликарпов 2007], но и с господствующим в определенный исторический период мировоззрением — «с общим коммуникативным кодом поведения».

О такой связи еще в 30-ые — 40-ые годы 20-го века писал В. И. Абаев [Абаев 1934, 1948]. По его мнению, многие изменения в семантике языковых единиц определяются утратой мировоззренческого («идеологического») смысла при сохранении денотативного («технического») содержания. «Идеологический» содержательный компонент в работах В. И. Абаева трактуется не просто как отдельная идиоэтническая интерпретация универсального содержания языковой единицы или категории, а как часть мировоззренческой системы языка в данный период его существования, т. е. как часть ЯКМ. Денотативная, «техническая» значимость образует универсальное устойчивое «ядро» значения, суммирующее «эмпирический опыт, основанный на тождестве предметного эквивалента данного восприятия у людей различных эпох и формаций. Это объективное, технически-эмпирическое «ядро» значимости может окутываться, обволакиваться рядом субъективных, привходящих идеологических представлений, настроений и ассоциаций, которые полностью обусловлены состоянием сознания и опыта людей данной эпохи и данной общественной среды и, следовательно, так же неустойчивы и преходящи, как всякие другие формы идеологии» [Абаев 1934: 37] (подробнее см. [Петрухина 2012а]).

Вместе со сменой мировоззрения, или идеологии⁷, ослабевают и даже полностью исчезают и мировоззренческий компонент в семантике языковых единиц, в данном случае значение вечной, сакральной жизни

⁷ Мировоззрение, или идеологию, определяем как систему суждений о какой-то предметной области или о мире в целом, способных через посредство соответствующих когнитивных структур влиять на восприятие и интерпретацию фактов данной области и мира.

в семантике слова *жизнь*. Но, говоря о секуляризации русской картины мира и связанных с этим изменениях в семантике многих слов (см. [Петрухина 2012а]), мы должны учитывать тот факт, что христианское мировоззрение хранит церковно-религиозный дискурс современного русского языка (о его некоторых чертах см. в [Петрухина 2012б, 2013]), в том числе и представления о вечной, небесной жизни. Не имея возможности остановиться подробно на характеристике этого дискурса и на особенностях употребления в нем анализируемых лексем, приведем лишь несколько примеров из текстов проповедей известных православных священников для подтверждения последнего тезиса.

Утверждение вечной жизни является основной темой отрывка из проповеди архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Эта тема выражается при помощи повтора родственных слов, образованных от корня *жи-*: на 115 слов приведенного отрывка (с учетом всех служебных слов) приходится 13 употреблений 5 родственных слов с этим корнем⁸.

«Аз есмь Путь и Истина и Жизнь», — говорит Он о Себе в Священном Писании. И сила Божия неминуемо является вместе с Богом в нашу жизнь в Таинствах Церкви, становясь в нас источником живой воды, текущей в Жизнь Вечную. Истина — это есть и слово Божие — живое, всегда действенное, ведущее жаждущего путника по пути жизни ... Истина — это и Дух Истины, Дух Святой, Дух Божий, от Отца исходящий, Сыном же являемый... Вот три живоносные струи одного Источника — Источника Жизни Духа. Но лишь вера во Христа дарует познание этой живоносной истины. А вот и еще последнее условие, без которого завянет росток ожившего духа. Надо нам жить истиной каждую минуту, надо ощущать свою жизнь постоянно в присутствии Живого Бога.

Изменения в русском языке и русской ЯКМ влияют также и на церковно-религиозный дискурс как одну из функциональных областей современного русского языка, особенностью которой является выражения религиозной картины мира и взаимодействие с церковнославянским языком. Так, надо отметить, что архимандрит Иоанн (Крестьянкин) в известной церковнославянской цитате из Евангелия заменил употре-

⁸ См. адреса электронных ресурсов проповедей архимандрита Иоанна (Крестьянкина) и святителя Луки (Войно-Ясенецкого): <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=745>; <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/2238>. Примеры из этих источников приводятся без указания названий проповедей.

бленное в церковнославянском тексте слово *живот* словом *жизнь* (если же цитаты более обширные, то обычно такие замены не делаются). Но и церковно-религиозный дискурс, несмотря на секуляризацию русской ЯКМ, оказывает влияние на русский язык: активно взаимодействуя с церковнославянским языком, он хранит высокий стиль русской речи — как в приведенном отрывке из проповеди архимандрита Иоанна.

В современном церковно-религиозном дискурсе слово *жизнь* в различных его значениях употребляется обычно с соответствующими определениями. Например, в проповеди святителя Луки Крымского (Войно-Ясенецкого), представлена оппозиция *жизни вечной* и *жизни земной*, выражаемая именно определениями (которые в проповедях святителя часто употребляются в постпозиции), темой же проповеди является формулировка основной «задачи жизни нашей»:

*Что такое **жизнь вечная**? Это то же, что Царство Небесное. И вот Господь разъясняет, что такое Царство Небесное, что такое **жизнь вечная**. Он говорит, что **жизнь вечная** состоит в том, чтобы мы познали Бога Отца и посланного Им Иисуса Христа. Это будет тогда, когда **в жизни временной** научимся ум свой очищать от всякой лжи, от всякой скверны... Как же очистить сердце? Разве не знаете вы, как вы содержите в чистоте жилища ваши: вы метете и моете полы, выметаete паутину и всякую грязь, моете окна и двери, стираете скатерти и занавески; и только тогда, если постоянно заботитесь о чистоте жилища, чисто оно. Совершенно так же надо заботиться о чистоте сердца: надо изо дня в день смотреть, нет ли в нем какой грязи, надо строго следить, чем и когда осквернено и загрязнено оно, надо эту скверну, эту грязь немедленно смывать. Чем смывать? Слезами, слезами покаяния. Это и есть **задача жизни нашей**.*

Проведенный в ряде исследований концептуальный анализ некоторых русских культурно значимых слов (таких, как *дух*, *душа*, *работа*, *труд*, см., например, [Урысон 2003, Петрухина 2003]) показал удивительное созвучие русской языковой и православной картин мира. Это дало нам основание предполагать, что некоторые фрагменты русской ЯКМ, несмотря на секуляризацию, хранят знания наших предков о духовном устройстве мира [Петрухина 2012a]. Если признавать важную роль языка в познании мира [Кубрякова 2004], то необходимо учитывать и эти знания, которые посредством языка влияют на наше восприятие внеязы-

ковой действительности, даже если мы не всегда это осознаем. Историческую память о бессмертии человеческого духа и души хранит устойчивое словосочетание *вечная жизнь* (имеющее в НКРЯ более 1100 употреблений). Оно вместе с целым рядом других слов (в частности *дух*, *душа*) в русской ЯКМ представляет такую модель жизненного цикла (как мы предполагаем, присутствующую в сознании многих людей), в которой этот цикл не заканчивается физической смертью человека.

Итак, лингвистическая модель жизненного цикла знака А. А. Поликарпова позволяет объяснить исторические изменения в семантике конкретных слов, имеющих большую культурную и когнитивную значимость — *живот*, *житие*, *жизнь*, причем с учетом сложного взаимодействия церковнославянского и русского языков, а также влияния на этот процесс смены мировоззрений. Теория системно-коммуникативной исторической динамики языка А. А. Поликарпова обладает большой объяснительной силой.

Литература

- Абаев В. И. Язык как идеология и язык как техника. Язык и мышление. Л.: Изд. АН СССР, 1934. С. 33 — 54. URL: <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/index.html>.
- Абаев В. И. Понятие идеосемантики // Язык и мышление. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1948. С. 13–28.
- Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
- Вендина Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры, языка. М., 2007.
- Виноградов В. В. История слов, М., 1994.
- Журавлев В. К. Духовные истоки русского литературного языка. Доклад на VI международных Рождественских образовательных чтениях. // Сборник докладов VI Рождественских чтений. М. 1998, с. 210–223. (<http://slovník.narod.ru/rus/shuravlev/05.html>).
- Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М. 1985.
- Ипанова О. А. Жизнь // Антология концептов. Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 146–166. <http://lincon.narod.ru/antology.htm>
- Колесов В. В. История русского языка в рассказах. СПб. 2007.
- Колесов В. В. Слова литературного языка в диалектной речи. Жизнь. // Колесов В. В. Слово и дело. СПб. 2007.
- Колесов В. В. Жизнь происходит от слова. СПб. 1999.

- Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Кукушкина О. В. Незначимые компоненты в структуре русского слова: взгляд с позиции морфонологии // Вестник Московского университета. Сер.9: Филология. 2008 . N5 . С. 9–29.
- Петрухина Е. В. Профессионально-трудовая деятельность в русской языковой картине мира в сопоставлении с чешской. Концепт ‘работать’ в языке и дискурсе // XII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М. 2003.
- Петрухина Е. В. Закономерности изменений в русской языковой картине мира: представления о духе и душе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012а. № 3. С. 12 — 22.
- Петрухина Е. В. Использование словообразовательных ресурсов церковнославянского языка в современном русском языке (в сопоставлении с сербским языком) // Творба речи и њени ресурси у словенским језицима. Београд. 2012б. С. 271 — 287.
- Петрухина Е. В. Особенности словообразования в церковно-религиозном дискурсе русского языка: стилистические функции церковнославянизмов // *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich / Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. Papers in thematic session. XV International Congress of Slavists. — Belarus, Minsk. 20.– 27.08.2013. Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego. Siedlce. 2013. С. 110–135.*
- Поликарпов А. А., Селезнева-Елецкая Л. А. Степень абстрактности и субъективности смысла — факторы варьирования степени сохранности во времени его лексических обозначений // Сравнительно-историческое исследование языков: Современное состояние и перспективы. Сб. статей по материалам международной научной конференции (Москва, 22–24 января 2003 г.). Составитель В. А. Кочергина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 327–376.
- Поликарпов А. А. Системная зависимость степени сохранности древнерусских слов в современном русском языке от их возраста, категориальной принадлежности, частоты употребления и полисемии // В сб. Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте / Под общ. ред. В. А. Кочергиной. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 232–260).
- Поддубный В. В., Поликарпов А. А. Диссипативная стохастическая динамическая модель развития языковых знаков. // Компьютерные исследования и моделирование. 2011. Т. 3 № 2. С. 103–124.
- Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет. 2008.

- Селин Г. И весь живот наш Христу Богу предадим // Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви. М.: Русский Хронографъ, 2012. С. 111–121.
- Толстой Н. И. Предисловие. // Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковнославянский язык. М. 2001.
- Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Успенский Б. А. Очерк историк русского литературного языка (IX – XIX в.) М. 1994.
- Уфимцева Н. В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура. Москва — Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005.
- Черных П. Я. Очерк русской историч. лексикологии. М.: Изд. МГУ. 1956.
- Polikarpov A. A.: “On the Model of Word Life Cycle. In: R. Köhler, R.; B. Rieger (eds.), Contributions to Quantitative Linguistics. Dordrecht 1993. С. 53–66.

Словари

- Дьяченко Г. «Полный церковнославянский словарь», М. 2013 (http://www.slavdict.narod.ru/_0184.htm).
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык. 2000.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. 1992.
- Словарь Академии Российской (1789 — 1794)
<http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR.htm>
- Словарь русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII вв.). 1975–2000 г.г.
- Словарь русского языка (Малый академический словарь, МАС): в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4 изд., стер. М.: Рус. яз., 1999.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Спб. 1893–1903.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (в 4-х томах). Спб. 1996.
- Цейтлин Р. М., Вечерка Р., Благова О. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). М. 1994.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз. 2001.

About model of life cycle

E.V. Petrukhina (Russia, Moscow), elena.petrukhina@gmail.com

Keywords: model of life sign's cycle, concept life, Russian, Church Slavonic language, secularization.

Summary: In article the history of three words — *живот, житие, жизнь* — is considered in Russian with application of A.A. Polikarpov's linguistic model of life sign's cycle who allows to explain all complex changes of their semantics and the use.

Сравнительный анализ эффективности распознавания авторского стиля текстов деревом решений и модифицированным наивным байесовским классификатором*

В. В. Поддубный (Россия, Томск), vyppoddubny@gmail.com

А. И. Кубарев (Россия, Томск), kubarev.galaxyw@gmail.com

К. А. Михалёва (Россия, Томск), mikhal'yovaka@gmail.com

Ключевые слова: Текст, авторский стиль, признаковое пространство, наивный байесовский классификатор, дерево решений, копула-функция, имитационное моделирование, F -мера.

Аннотация: Проводится сравнительный анализ эффективности распознавания авторских стилей текстов художественных произведений алгоритмами дерева решений и модифицированного наивного байесовского классификатора по частотам употребления служебных слов на примере текстов русской художественной прозы 19 века. Предлагаемая модификация наивного байесовского классификатора использует его подстройку под маргинальные эмпирические функции распределения обучающих выборок. Анализ эффективности алгоритмов распознавания осуществляется с помощью F -меры, вычисляемой с использованием набора контрольных выборок, генерируемых путём имитационного компьютерного моделирования тестового признакового пространства со свойствами эмпирических функций распределения обучающих выборок. Для построения тестового признакового пространства используется математический аппарат копула-функций. Показано, что модифицированный наивный байесовский классификатор на текстах русской художественной прозы существенно превосходит по эффективности дерево решений.

1. Введение и постановка задачи

В настоящее время для классификации текстов по признакам авторского, жанрового, гендерного и др. стилей широко применяются различные статистические методы, среди которых особенно популярны наиболее простые, реализованные как деревья решений [ДР; ДКиР; Шевелёв

---

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта № 14-14-70010, поддержанного РГНФ. Работа частично поддержана грантом РФФИ, проект № 13-07-00373.

2007] и наивный байесовский классификатор [ПС; Сизов, Николенко; НБК].

Деревья решений привлекательны для исследователей тем, что они строятся целиком по обучающей выборке и не требуют от пользователя никакой другой информации о наблюдаемых данных. Они работают достаточно быстро и часто обеспечивают вполне удовлетворительное качество классификации.

Байесовские же алгоритмы, нацеленные на обеспечение минимальных потерь при принятии решений (в частности, минимальной вероятности ошибок классификации), являются в этом смысле статистически оптимальными [ПС], но требуют в идеале полного знания многомерных функций распределения наблюдаемых признаков для всех классов. Такое знание необходимо для использования формулы Байеса и вычисления апостериорного распределения классов, лежащего в основе байесовских методов принятия решений. Исследователь, как правило, таким полным знанием не обладает, а ограниченного объёма обучающей выборки часто не хватает для получения эмпирической информации о многомерном законе распределения наблюдаемых данных.

Поэтому оптимальный байесовский классификатор при недостаточном количестве представителей каждого класса в обучающей выборке практически не может быть реализован. Это обстоятельство и привело к появлению упрощенного, «наивного» байесовского классификатора [Сизов, Николенко; НБК], предполагающего отсутствие статистических связей между признаками. Для его построения достаточно знания маргинальных функций распределения наблюдаемых признаков для каждого из исследуемых классов. Если статистические связи между признаками достаточно слабы, а маргинальные распределения признаков мало отличаются от предполагаемых, наивный байесовский классификатор будет мало уступать в эффективности оптимальному. Некоторые исследования [Rish 2001] показывают, что и в случае очень сильных статистических связей между признаками наивный байесовский классификатор остаётся практически оптимальным. В случае существенного отклонения распределения наблюдаемых признаков от предполагаемого закона качество работы наивного байесовского классификатора может существенно снизиться.

Обычно при построении наивного байесовского классификатора исходят из предположения о нормальности маргинальных распределений наблюдаемых признаков. Классификатор при этом имеет простой вид. Но наблюдаемые признаки (в том числе частоты употребления в текстах служебных слов) в общем случае не подчиняются этому распределению. Поэтому в дальнейшем мы будем рассматривать специальную модификацию гауссова наивного байесовского классификатора [Кубарев, Поддубный 2013; Кубарев, Поддубный 2014], адаптирующуюся к реальному эмпирическому распределению и приводящую сглаженные эмпирические маргинальные функции распределения признаков к нормальному виду с помощью гауссовых копула-функций [Nelsen 1999; Благовещенский 2012; Кубарев, Поддубный 2013; Поддубный, Пехтерев 2013]. Другими словами, с помощью нелинейных гауссовых копула-функций негауссовы исходные данные преобразуются в гауссовы, после чего поступают на вход гауссова наивного классификатора.

Сравнительное исследование качества классификации текстов алгоритмами дерева решений и модифицированного таким образом наивного байесовского классификатора в условиях дефицита или отсутствия контрольных текстов и, следовательно, контрольных выборок признаков будем проводить с помощью имитационного моделирования тестового признакового пространства (генерации контрольных выборок со статистическими свойствами обучающих выборок) [Кубарев, Поддубный 2013; Поддубный, Пехтерев 2013] с предъявлением их исследуемым классификаторам и с последующим подсчётом F -меры [Van Rijsbergen 1979; Шевелёв 2007; ОК], усреднённой по всем классам. Эта мера представляет собой среднее гармоническое между полнотой (долей текстов, правильно отнесённых к данному классу среди всех текстов данного класса) и точностью (долей текстов, правильно отнесённых к данному классу среди всех текстов, отнесённых к данному классу).

В качестве обучающей выборки будем использовать таблицу относительных частот употребления 45 служебных слов русского языка (*в, на, с, за, к, по, из, у, от, для, во, без, до, о, через, со, при, про, об, ко, над, под, и, что, но, а, да, хотя, когда, чтобы, если, тоже, или, не, как, же, даже, бы, ли, только, вот, то, ни, ведь, уже*) в 149 прозаических художественных произведениях 9 русских писателей (Н.В. Гоголь

– 13, Ф.М. Достоевский – 26, М.Ю. Лермонтов – 5, Н.С. Лесков – 7, А.С. Пушкин – 10, М.Е. Салтыков-Щедрин – 5, Л.Н. Толстой – 8, И.С. Тургенев – 40, А.П. Чехов – 35), аналогично тому, как это делалось в работе [Кубарев, Кукушкина, Поддубный, Шевелев 2012]. Фрагмент таблицы абсолютных частот представлен в табл. 1.

Таблица 1.

<i>бы</i>	<i>ли</i>	<i>только</i>	<i>вот</i>	<i>то</i>	<i>ни</i>	<i>ведь</i>	<i>уже</i>	Авторы
127	60	128	96	97	75	14	93	Гоголь
156	81	124	97	140	131	18	171	Гоголь
55	16	61	16	52	34	5	52	Гоголь
46	16	31	15	27	10	13	22	Гоголь
51	34	54	16	60	47	7	44	Гоголь
366	230	314	244	311	289	128	282	Гоголь
551	140	254	153	268	229	233	250	Гоголь
57	13	34	6	27	24	1	34	Гоголь
37	17	31	13	54	27	5	25	Гоголь
65	31	77	25	39	36	6	101	Гоголь
45	6	25	22	35	21	0	34	Гоголь
146	46	154	66	119	135	3	177	Гоголь
38	26	44	20	44	25	6	46	Гоголь
196	127	168	269	165	93	112	42	Достоевский
62	53	71	65	76	53	32	74	Достоевский
944	447	797	423	975	382	345	680	Достоевский
1671	639	1199	1168	1415	445	673	992	Достоевский
239	84	207	109	161	73	119	205	Достоевский
39	21	38	41	69	35	8	24	Достоевский
205	109	161	240	176	97	99	120	Достоевский
164	95	167	86	118	62	101	114	Достоевский
298	123	335	201	366	233	71	319	Достоевский
179	58	154	104	166	119	135	75	Достоевский

Относительные частоты (доли абсолютных частот употребления того или иного служебного слова в общем числе употребления в тексте служебных слов) получаются делением содержимого ячеек каждой строки на сумму содержимого всех ячеек этой строки. Это позволяет избежать искажений результатов классификации из-за различий в объёмах текстов, непосредственно влияющих на значения абсолютных частот. В результате каждому тексту ставится в соответствие вектор-строка, содержащая в качестве признаков значения относительных частот. Набор таких числовых характеристик для каждого текста образует m -мерный вектор признаков стиля этого текста.

Задача состоит в том, чтобы по множеству «обучающих» текстов, принадлежность которых к авторским стилевым классам известна, и по набору m -мерных векторов признаков этих текстов построить алгоритм оптимального (по некоторому критерию, например, информационному или байесовскому) отнесения испытуемого текста к тому или иному классу.

Для решения поставленной задачи необходимо использовать «признаковый» классификатор – алгоритм, позволяющий по m -мерному вектору признаков отнести текст, класс которого неизвестен, к тому или иному классу.

Подавая на вход классификатора контрольные тексты, не участвовавшие в обучении классификатора, но принадлежность которых к классам известна, можно подсчитать частоты правильных и неправильных отнесений текстов к соответствующим классам и оценить эффективность (качество) работы исследуемого классификатора (например, классификатора по дереву решений и упомянутого выше модифицированного наивного байесовского классификатора).

В условиях отсутствия контрольных текстов предлагается использовать в качестве контрольных выборок для каждого класса наборы частот признаков, полученных путём имитационного моделирования (компьютерной генерацией) частот с эмпирическими статистическими свойствами частот обучающих выборок каждого класса. В качестве примера на рис. 1 представлены 13 наборов относительных частот признаков (45 служебных слов) из 13 произведений Н.В. Гоголя (тонкие линии), используемых в качестве обучающих выборок, и одна из реализаций ан-

самбля контрольных выборок со статистическими свойствами обучающих выборок, полученная путём имитационного моделирования (жирная линия). Видно, что наугад взятая модельная выборка очень похожа на обучающие выборки.

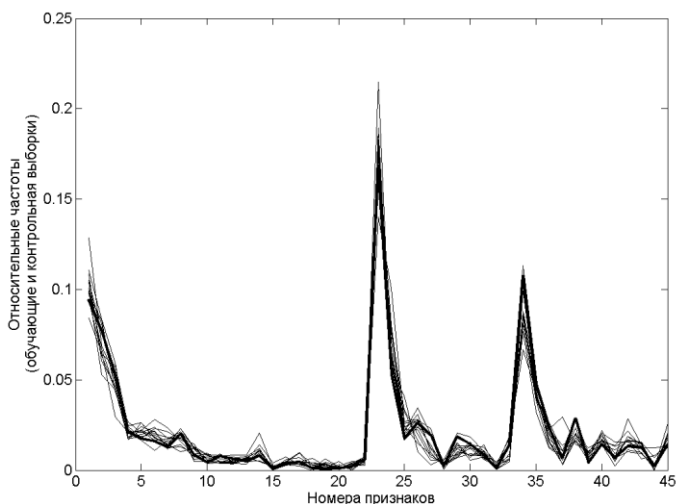

Рис. 1. Обучающие (тонкие) и модельная контрольная (жирная) выборки относительных частот признаков для класса произведений Н.В. Гоголя.

2. Классификация при помощи дерева решений

Как известно [ДР; ДКиР; Шевелёв 2007], деревом решений называется представленный в виде ациклического графа план, по которому производится классификация объектов, описанных набором признаков, по некоторому (обычно, информационному) критерию. В задаче классификации текстов объектами являются тексты, а признаки характеризуют классы текстов (в данной работе – это признаки авторского стиля, но это могут быть признаки, характеризующие жанровый или какой-либо другой стиль). Ограничимся количественными признаками стиля, такими, например, как частоты появления в тексте тех или иных служебных слов. Дерево решений – это классификатор, полученный из обучающего множества, содержащего объекты (в данном случае тексты) и

их характеристики (признаки класса), на основе обучения. Для обучения такого классификатора на его вход подаются тексты известных классов, например, определённых авторов, являющиеся представителями классов авторских стилей.

Каждый узел дерева содержит условие ветвления по одному из признаков. В первый (корневой) узел дерева входят все тексты, представленные всеми имеющимися признаками. Для текущего узла дерева выбирается признак, наиболее подходящий с точки зрения выбранного критерия, и находится его оптимальное пороговое значение. На основе этого значения производится разделение обучающей выборки на две части. В одну часть попадают тексты, у которых значение признака ниже оптимального порога, в другую – у которых оно выше или равно порогу. Каждая из образовавшихся частей становится либо узлом дерева следующего уровня, либо конечным узлом, то есть листом, если она содержит тексты только одного класса. В дальнейшем ветвлении дерева этот признак больше не участвует. Для каждого не конечного узла выбирается один из оставшихся признаков, наиболее подходящий с точки зрения того же критерия, и определяется оптимальное пороговое значение этого признака. На основе полученного порогового значения признака все тексты, оказавшиеся в этом узле, разделяются в свою очередь на две части по значениям этого признака у каждого текста. Тексты со значениями признака разделения ниже порога, попадают в одну часть, а тексты со значениями признака разделения выше или на уровне порога попадают в другую часть. Процесс ветвления идёт до тех пор, пока не будет исчерпано всё множество признаков или пока все узлы дерева не станут листьями. На этом обучение дерева решений завершается.

Взяв в качестве испытуемого любой произвольный текст и следуя по обученному таким образом дереву, сравнивая значение признака разделения этого текста в каждом узле дерева с соответствующим этому узлу пороговым значением признака разделения, мы окажемся в одном из листьев дерева, приписав тем самым текст классу этого листа.

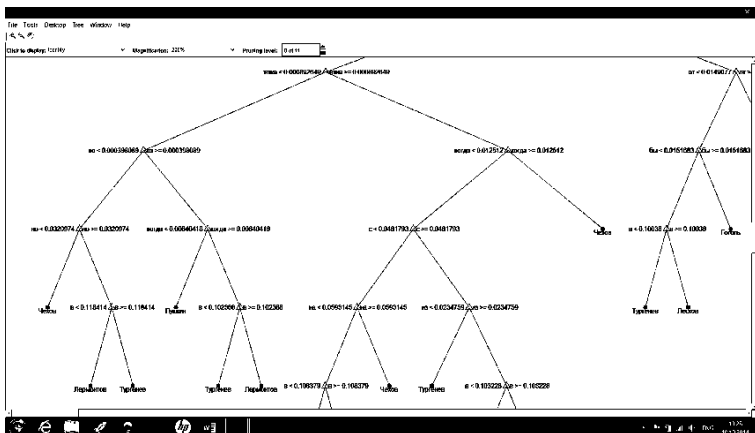

Рис. 2. Фрагмент бинарного дерева решений для классификации текстов по относительной частоте появления служебного слова «тоже».

На рис. 2 в качестве примера приведён фрагмент бинарного дерева решений для разбиения текстов по одному из индивидуальных признаков стиля текста – относительной частоте появления служебного слова «тоже».

Порог для каждого признака находится однозначно по информационному критерию, лежащему в основе правила принятия решений по дереву решений [ДР; ДКиР; Шевелёв 2007]. Рассмотрим вопрос о выборе оптимальных порогов подробнее. Начнём с корневого узла, в котором расположены все тексты.

Пусть для обучения дерева решений (для отыскания оптимальных порогов бинарного разбиения текстов по каждому признаку) используется N текстов, образующих множество A текстов, принадлежащих K классам (авторам) и характеризующихся m признаками (относительными частотами V появления в каждом тексте одного из m служебных слов).

Пусть N_k – число текстов k -го класса, $k = \overline{1, K}$, тогда $\sum_{k=1}^K N_k = N$. Вероятность того, что наугад взятый текст будет текстом k -го класса (эмпирическая априорная вероятность k -го класса), равна $P_k = N_k / N$. Статистическая неопределённость (энтропия) [Волькенштейн 1986] множества классов выражается формулой:

$$H(A) = -\sum_{k=1}^K P_k \log_2 P_k. \quad (1)$$

Пусть по каждому j -му признаку, $j = \overline{1, n}$, выбирается порог h_j разделения текстов на два подмножества по значению V_{ij} j -го признака каждого i -го текста, так что если $V_{ij} < h_j$, то i -й текст относится к подмножеству A_{1j} , а если $V_{ij} \geq h_j$, то i -й текст относится к подмножеству A_{2j} . Объединение этих подмножеств по m признакам даёт множества A_1 и A_2 , а объединение A_1 и A_2 – множество всех текстов A :

$$A_1 = \bigcup_{j=1}^n A_{1j}, \quad A_2 = \bigcup_{j=1}^n A_{2j}, \quad A = A_1 \cup A_2.$$

Пусть N_{1jk} – число текстов k -го класса, попавших во множество A_{1j} . Тогда общее число текстов, попавших во множество A_{1j} , есть $\sum_{k=1}^K N_{1jk} = N_{1j}$. Вероятность того, что наугад взятый текст из множества A_{1j} будет текстом k -го класса (эмпирическая апостериорная вероятность k -го класса при условии, что в результате разделения текстов этот текст попал во множество A_{1j} , то есть его j -й признак оказался меньше порога h_j), равна $P_{1jk} = N_{1jk} / N_{1j}$.

Аналогично имеем N_{2jk} , A_{2j} , $\sum_{k=1}^K N_{2jk} = N_{2j}$. Вероятность того, что наугад взятый текст из множества A_{2j} будет текстом k -го класса (эмпирическая апостериорная вероятность k -го класса при условии, что в результате разделения текстов этот текст попал во множество A_{2j} , то есть его j -й признак оказался не меньше порога h_j), равна $P_{2jk} = N_{2jk} / N_{2j}$. Очевидно, $N_{1j} + N_{2j} = N$.

Вероятность попадания наугад взятого текста во множество A_{1j} (то есть эмпирическая вероятность того, что j -й признак текста окажется меньше порога h_j) равна $P_{1j} = N_{1j} / N$. Аналогично вероятность попадания текста во множество A_{2j} (то есть эмпирическая вероятность того,

что j -й признак наугад взятого текста окажется не меньше порога h_j) равна $P_{2j} = N_{2j}/N = 1 - P_{1j}$.

Следовательно, средняя энтропия множества классов при условии, что порог разделения текстов деревом решений по j -му признаку равен h_j , называемая «пороговой» энтропией [Шевелёв 2007] множества классов относительно j -го признака, выражается формулой:

$$H(A|h_j) = -P_{1j} \sum_{k=1}^K P_{1jk} \log_2 P_{1jk} - P_{2j} \sum_{k=1}^K P_{2jk} \log_2 P_{2jk}. \quad (2)$$

Информативность разделения текстов по j -му признаку определяется как мера снятой по этому признаку неопределённости множества классов при фиксированном пороге h_j :

$$I_j(A|h_j) = H(A) - H(A|h_j). \quad (3)$$

Очевидно, эта величина зависит от порога h_j . Естественно выбрать порог разделения так, чтобы информативность (3) разделения текстов по j -му признаку была максимальной:

$$h_{j\text{opt}} = \arg \max_{h_j} I_j(A|h_j). \quad (4)$$

Оптимальное значение $h_{j\text{opt}}$ порога h_j разделения текстов по j -му признаку достаточно искать в конечном множестве середин интервалов между соседними значениями $V_{(i)j}$ и $V_{(i+1)j}$ в упорядоченном в порядке возрастания ряду значений V_{ij} j -го признака всех текстов:

$$h_j \in \left\{ (V_{(i)j} + V_{(i+1)j})/2, i = \overline{1, N-1} \right\}, \quad (5)$$

где $V_{(i)j}$ – i -я порядковая статистика набора значений $\{V_{ij}\}$ j -го признака по всем N текстам обучающего множества.

В каждом последующем узле дерева решений выбор порога и бинарное разделение текстов происходит по этой же схеме, только под N понимается общее число текстов, оказавшееся в этом узле, под m – число признаков, по которым ещё не производилось разделение текстов. Признаки, по которым уже прошло разделение текстов, в дальнейшем разделении не участвуют. Процесс разделения текстов продолжается до тех пор, пока не будет исчерпано всё множество признаков, или пока

процесс разделения не будет остановлен для предотвращения «переобучения» (оверфиттинга) алгоритма обучения дерева решений по статистически незначимым флуктуациям значений признаков в обучающей выборке.

Именно такое разделение текстов по относительным частотам употребления служебных слов в текстах нашего примера приведено на рис. 2. На каждом узле ветвления дерева указан оптимальный признак разделения и соответствующий ему оптимальный порог (например, в узле разделения текстов по служебному слову «тоже» с номером $j = 32$ в списке служебных слов указан оптимальный порог разделения по этому признаку $h_{32opt} = 0.000893$). Аналогично по другим признакам.

Классификация испытуемого текста производится пропуском вектора его относительных частот по обученному таким образом дереву решений с фиксацией листа, на котором закончится его прохождение по дереву. Класс, помечающий этот лист, и будет классом, к которому будет отнесён испытуемый текст алгоритмом дерева решений.

3. Байесовская классификация

3.1. Общая структура байесовского классификатора

Рассмотрим теперь байесовскую классификацию. Опишем сначала кратко общую структуру байесовского классификатора.

Пусть, как и при построении дерева решений, в нашем распоряжении имеется обучающая выборка из N объектов (в данном случае текстов), каждый из которых принадлежит одному из K классов (в данном случае авторов) и характеризуется набором m числовых признаков $a_1, a_2, \dots, a_m$ (в данном случае относительных частот встречаемости в текстах служебных слов). Пусть имеется N_k объектов k -ого класса, так что $N = \sum_{k=1}^K N_k$. Значение j -ого признака i -ого объекта из k -ого класса обозначим x_{ijk} , $i = \overline{1, N_k}$. Тогда этот объект можно охарактеризовать вектором-строкой $x_{ik} = (x_{i1k}, \dots, x_{ijk}, \dots, x_{imk})$. Эту строку будем рассматри-

вать как i -ю реализацию векторной случайной величины ξ_k , подчиняющейся распределению вероятностей с плотностью $p(x_1, \dots, x_m | k)$, своей для каждого класса k .

Пусть теперь наблюдается объект, для которого необходимо определить, к какому классу он относится. Объект характеризуется только набором m значений числовых признаков $x_1, \dots, x_m$. Байесовский классификатор относит объект к тому классу k^* , для которого апостериорная вероятность, вычисленная по формуле Байеса, максимальна:

$$k^* = \arg \max_k P(k | x_1, \dots, x_m) = \arg \max_k (p(x_1, \dots, x_m | k)P(k)), \quad (6)$$

где $P(k)$ – априорная вероятность того, что объект принадлежит k -ому классу. Байесовский классификатор, таким образом, предполагает известной многомерную совместную плотность $p(x_1, \dots, x_m | k)$ распределения признаков для всех классов.

3.2. Наивный байесовский классификатор

В наивном байесовском классификаторе предполагается статистическая независимость признаков друг от друга, что позволяет совместную плотность распределения $p(x_1, \dots, x_m | k)$ представить в виде произведения плотностей $\prod_{j=1}^m p(x_j | k)$. Кроме того, в наивном байесовском классификаторе часто предполагается, что маргинальная плотность распределения $p(x_j | k)$ любого признака любого класса нормальна, так что

$$\ln p(x_j | k) = -\frac{1}{2} \ln(2\pi\sigma_{jk}^2) - \frac{(x_j - \mu_{jk})^2}{2\sigma_{jk}^2}. \quad (7)$$

Если математические ожидания μ_{jk} и дисперсии σ_{jk}^2 признаков каждого класса неизвестны, они могут быть найдены по обучающей выборке в виде эмпирических несмещённых и эффективных статистических оценок:

$$\mu_{jk}^* = \frac{1}{N_k} \sum_{i=1}^{N_k} x_{ijk}, \quad \sigma_{jk}^{2*} = \frac{1}{N_k - 1} \sum_{i=1}^{N_k} (x_{ijk} - \mu_{jk}^*)^2. \quad (8)$$

Тогда в предположении нормальности закона распределения наблюдаемых признаков (относительных частот) наивный байесовский классификатор принимает вид:

$$k^* = \arg \max_k \left(\ln P(k) - \frac{1}{2} \sum_{j=1}^m \left(\ln \sigma_{jk}^{2*} + \frac{(x_j - \mu_{jk}^*)^2}{\sigma_{jk}^{2*}} \right) \right). \quad (9)$$

Проблема, однако, состоит в том, что наблюдаемые данные (в том числе и относительные частоты употребления служебных слов в текстах) зачастую не подчиняются нормальному закону распределения. В этом случае закон их распределения, как правило, вообще неизвестен. Однако, из обучающей выборки можно получить маргинальные эмпирические функции распределения:

$$F_j^*(x|k) = \begin{cases} 0, & x \leq x_{(1)}, \\ n/N_k, & x_{(n)} < x \leq x_{(n+1)}, \quad n = \overline{1, N_k - 1}, \\ 1, & x > x_{(N_k)}, \end{cases} \quad (10)$$

где $x_{(n)}$ – n -ая порядковая статистика вариационного ряда наблюдений j -го признака объектов k -го класса, n – ранг соответствующего наблюдения (место в вариационном ряду упорядоченных в порядке возрастания значений j -го признака объектов k -го класса, так что $n = \overline{1, N_k}$). Эмпирическая функция распределения $F_j^*(x|k)$ является состоятельной статистической оценкой неизвестной маргинальной функции распределения $F_j(x|k)$ j -ой компоненты вектора признаков объектов k -го класса. Это ступенчатая недифференцируемая функция переменной x , не имеющая плотности. Тем не менее, используя эту функцию, можно построить преобразователь негауссовых наблюдений в гауссовы [Кубарев, Поддубный 2013; Кубарев, Поддубный 2014; Поддубный, Пехтерев 2013], что позволит воспользоваться для классификации текстов гауссовым наивным классификатором.

3.3. Модифицированный наивный байесовский классификатор

Для построения преобразователя негауссовых наблюдений к гауссовым, необходимо сгладить эмпирические функции распределения. Ма-

жорируем сверху и снизу ступенчатую непрерывную слева эмпирическую функцию распределения $F_j^*(x|k)$ непрерывными кусочно-линейными функциями (ломаными линиями) с точками излома в угловых точках графика функции (10). Примем среднее арифметическое этих ломаных за сглаженную непрерывную эмпирическую оценку $\tilde{F}_j(x|k)$ неизвестной непрерывной маргинальной функции распределения $F_j(x|k)$. Плотность $\tilde{p}_j(x|k)$ сглаженного таким образом эмпирического распределения является гистограммной оценкой неизвестной плотности $p_j(x|k)$ распределения j -го признака объекта k -го класса – кусочно-постоянная функция, значения которой на каждом интервале постоянства (между соседними значениями вариационного ряда) характеризуют скорости изменения сглаженной функции распределения $\tilde{F}_j(x|k)$ на этих интервалах.

Построив по обучающей выборке, соответствующей каждому классу k , сглаженные эмпирические функции распределения $\tilde{F}_j(x|k)$ для всех признаков, $j = \overline{1, m}$, и используя эмпирические оценки (8) математических ожиданий $\mu_{jk}^* = 1/N_k \sum_{i=1}^{N_k} x_{ijk}$ и дисперсий $\sigma_{jk}^{2*} = 1/(N_k - 1) \sum_{i=1}^{N_k} (x_{ijk} - \mu_{jk}^*)^2$ признаков, выпишем маргинальную нормальную функцию распределения $\Phi_j(z|k)$ некоторой случайной величины ζ с этими параметрами. Потребуем, чтобы наблюдаемое значение x_j j -го признака испытуемого объекта и соответствующее ему значение z_j нормально распределённой случайной величины ζ являлись соответственно квантилями сглаженного и нормального распределений одинакового вероятностного уровня:

$$\tilde{F}_j(x_j|k) = \Phi_j(z_j|k), \quad j = \overline{1, m}. \quad (11)$$

Это требование (правило (11)) приведёт к однозначному монотонному нелинейному преобразованию компонент вектора наблюдений x , в общем случае негауссовых, в эквивалентные в вероятностном смысле наблюдения гауссовых компонент вектора z класса k :

$$z_{jk} = \Phi_j^{-1}(\tilde{F}_j(x_j | k) | k), \quad j = \overline{1, m}. \quad (12)$$

Для наблюдений (12) теперь можно воспользоваться гауссовым наивным классификатором (9):

$$k^* = \arg \max_k \left(\ln P(k) - \frac{1}{2} \sum_{j=1}^m \left(\ln \sigma_{jk}^{2*} + \frac{(z_{jk} - \mu_{jk}^*)^2}{\sigma_{jk}^{2*}} \right) \right). \quad (13)$$

На рис. 3 представлен пример графиков эмпирического, сглаженного эмпирического и нормального распределений с одинаковыми эмпирическими средними и дисперсиями (8) для относительных частот употребления служебного слова «тоже» в 13 произведениях Н.В. Гоголя, входящих в исследуемый набор текстов. Для любого значения относительной частоты x на оси абсцисс по графику F_s сглаженной эмпирической функции распределения можно найти её значение и по равной ординате графика F_n нормальной функции распределения найти соответствующее значение нормально распределённой абсциссы z этого графика, эквивалентное в вероятностном смысле исходной относительной частоте x . Полученные таким образом значения z и обрабатываются модифицированным наивным гауссовым классификатором (13).

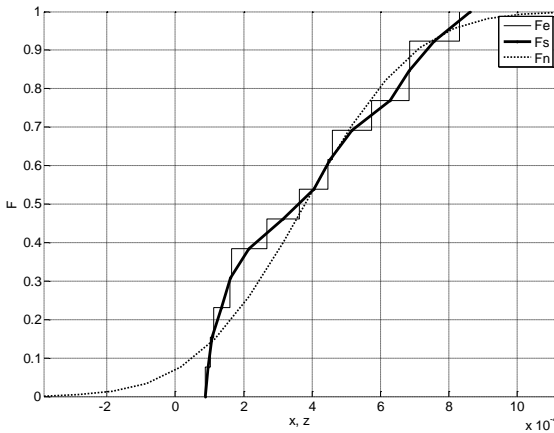

Рис. 3. Эмпирическая (Fe), сглаженная эмпирическая (Fs) и нормальная (Fn) функции распределения относительных частот служебного слова «тоже» в произведениях Н.В. Гоголя (номер класса $k=1$, номер признака $j=32$).

Классификатор (12)–(13) работает следующим образом. Для каждой гипотезы k о номере класса компоненты вектора наблюдений $x_1, \dots, x_m$, то есть относительные частоты встречаемости служебных слов в испытуемом тексте, преобразуются по формуле (12) в эквивалентные для этой гипотезы нормально распределённые величины z_{jk} , $j = \overline{1, m}$, которые подставляются в выражение под знаком максимума в правой части соотношения (13), определяющее с точностью до аддитивной постоянной логарифм апостериорной вероятности этой гипотезы. Испытуемый текст относится классификатором к апостериорно наиболее вероятному классу. На графике вида рис. 3 преобразование (12) эквивалентно проходу по пути от точки x на оси абсцисс вертикально вверх до точки пересечения с кривой F_s , затем горизонтально до точки пересечения с кривой F_n , затем вертикально вниз до точки z пересечения с осью абсцисс.

Качество классификации как дерева решений, так и модифицированного наивного байесовского классификатора может быть оценено F -мерой Ван Ризбергена [Van Rijsbergen 1979] на основе имитационного моделирования объектов по алгоритму, рассмотренному в работе [Поддубный, Пехтерев 2013].

4. Имитационное моделирование данных. Генератор контрольных выборок

Рассмотренные алгоритмы классификации требуют некоторый начальный набор данных – обучающую выборку – для своего построения (обучения). Обученный классификатор необходимо протестировать, чтобы узнать качество классификации. Но для этого необходим ещё один набор данных – контрольная выборка с известной принадлежностью объектов к классам, объём которой должен быть достаточно большим. На практике возможен дефицит или полное отсутствие контрольных (тестовых) данных, как в случае рассматриваемой здесь задачи классификации текстов русской художественной прозы 19 века. Поэтому возникает необходимость использовать имитационное моделирование для получения контрольной выборки со статистическими свойствами обучающей выборки.

Для генерации контрольной выборки набора признаков (модельных «относительных частот» со статистическими характеристиками обучающих выборок) объекта каждого класса используется следующий алгоритм [Поддубный, Пехтерев 2013].

- Стандартным датчиком нормально распределённых случайных чисел сгенерировать m независимых случайных чисел $v_1, \dots, v_m$.

- Преобразовать вектор-столбец v этих независимых чисел в вектор-столбец $z = (z_1, \dots, z_m)^T$ с коррелированными компонентами по формуле: $z = Av$, где A – нижняя треугольная матрица в разложении Холецкого $R = AA^T$, где R – нормированная корреляционная матрица Пирсона, связанная известным соотношением $R = 2\sin(\pi R_S / 6)$ с соответствующей ранговой корреляционной матрицей Спирмена R_S , вычисленной по обучающей выборке, T – знак транспонирования.

- Преобразовать покомпонентно гауссов вектор z с коррелированными компонентами по формуле: $y_j = \Phi(z_j)$, $j = \overline{1, m}$, где Φ – маргинальная гауссова функция распределения (с нулевым математическим ожиданием и единичной дисперсией), в вектор y статистически зависимых случайных величин со значениями в $[0, 1]^m$, распределение которого описывается гауссовой копулой [Nelsen 1999; Благовещенский 2012]: $C_{\text{норм}}(y_1, \dots, y_m) = \Phi(\Phi^{-1}(y_1), \dots, \Phi^{-1}(y_m))$, где Φ – многомерная гауссова функция распределения с нулевыми математическими ожиданиями, единичными дисперсиями и нормированной корреляционной матрицей R , а Φ^{-1} – обратная маргинальная стандартная гауссова функция распределения.

- Преобразовать покомпонентно вектор y в искомый вектор x по формуле: $x_j = \tilde{F}_j^{-1}(y_j)$, $j = \overline{1, m}$, где $\tilde{F}_j^{-1}$ – обратная сглаженная маргинальная функция распределения, построенная по обучающей выборке. Вектор x будет подчиняться сглаженным маргинальным эмпирическим распределениям $\tilde{F}_j(x_j)$, $j = \overline{1, m}$, и иметь коррелированные компоненты в соответствии с ранговой корреляционной матрицей Спирмена R_S . На графике вида рис. 3 это преобразование соответствует пути от

точки y на оси ординат горизонтально до точки пересечения с кривой F_s , затем вертикально вниз до точки x пересечения с осью абсцисс.

Полученный вектор x можно рассматривать как набор m числовых признаков (относительных частот употребления служебных слов) будто бы дополнительно написанного произведения автора, чьи тексты были взяты в качестве обучающей выборки.

На рис. 4 представлены маргинальные эмпирические функции распределения относительных частот встречаемости в произведениях Н.В. Гоголя первых 9 служебных слов (тонкие линии) и эквивалентных по статистическим характеристикам данных имитационного моделирования (жирные линии), полученных по описанному алгоритму.

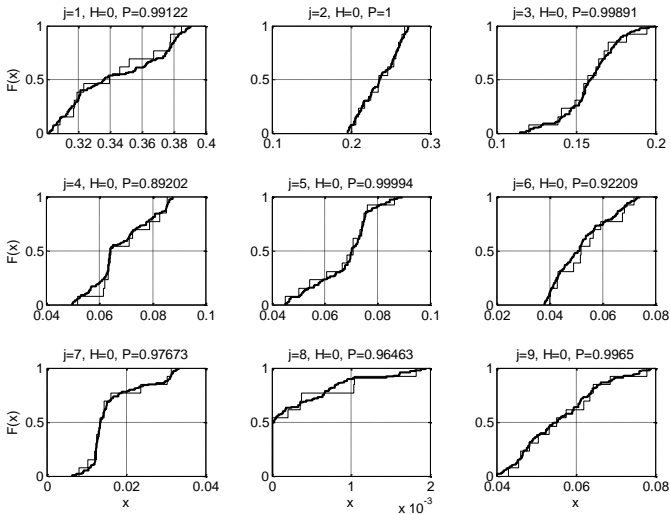

Рис. 4. Эмпирические функции распределения относительных частот встречаемости в произведениях Н.В. Гоголя первых 9 служебных слов (тонкие линии) и данных имитационного моделирования (жирные линии).

Видно хорошее совпадение этих распределений. Проверка гипотезы о равенстве «тонких» и «жирных» распределений по двухвыборочному критерию Колмогорова-Смирнова показала уровень значимости P критерия, близкий к 1 (то есть значительно больший критического значения

0.05), что не даёт оснований отвергнуть нулевую гипотезу $H=0$ о равенстве распределений (точнее, об отсутствии статистически значимых различий испытуемых распределений).

Сгенерировав необходимое количество наборов числовых признаков с характеристиками текстов для каждого автора и предъявив их классификатору, получим достаточно надежную эмпирическую оценку качества классификации.

5. Измерение качества классификации

5.1 F -мера

Для оценки качества классификации рассмотренных алгоритмов используем F -меру [Van Rijsbergen 1979]. F -мера складывается из полноты и точности и вычисляется для каждого класса в отдельности, а затем, если нужна общая F -мера, берётся среднее арифметическое её значений по всем классам [Шевелёв 2007].

Полнота по классу:

$$r_k = \frac{T_k}{M_k}, \quad k = \overline{1, K}, \quad (14)$$

где T_k – число текстов, правильно приписанных к классу k , M_k – общее число текстов класса k , имеющихся в тестируемых данных, K – число классов.

Точность по классу:

$$p_k = \frac{T_k}{C_k}, \quad k = \overline{1, K}, \quad (15)$$

где C_k – общее число текстов, приписанных классификатором классу k (если $C_k = 0$, то считается $p_k = 0$).

F -мера по классу определяется как гармоническое среднее между точностью p_k и полнотой r_k :

$$F_k = \frac{2}{\frac{1}{p_k} + \frac{1}{r_k}} = \frac{2p_k r_k}{p_k + r_k}. \quad (16)$$

Если $p_k + r_k = 0$, то $F_k = 0$. Значение F -меры колеблется от 0 до 1. Общая F -мера выражается средним арифметическим F -мер по классам:

$$F = \frac{1}{K} \sum_{k=1}^K F_k . \quad (17)$$

5.2. Результаты тестирования классификаторов

Вычисления F -меры для классификатора по дереву решений и для модифицированного наивного байесовского классификатора, проведённые по результатам контрольных испытаний алгоритмов классификации на модельных данных со статистическими свойствами обучающих выборок при объёме модельных контрольных выборок в количестве по 300 штук для каждого из 9 авторских классов русских писателей 19 века (общий объём модельных контрольных выборок составил 2700, что в 18 с лишним раз превышает общий объём обучающих выборок), показало, что эффективность по F -мере классификации текстов алгоритмом дерева решений составила величину порядка 0.68, тогда как эффективность классификации текстов модифицированным наивным байесовским классификатором составила величину порядка 0.99, что в 1.45 раза выше, чем для дерева решений.

Это различие в эффективности можно объяснить двумя обстоятельствами.

Во-первых, байесовский классификатор на точно известных многомерных распределениях является наилучшим по определению (он минимизирует полную вероятность ошибки). Поэтому он по определению должен быть более эффективным по критерию полной вероятности ошибки по сравнению с деревом решений. Наивный байесовский классификатор, не учитывая статистических связей между признаками, должен уступать оптимальному байесовскому классификатору при известных маргинальных распределениях признаков. Но эта потеря эффективности тем меньше, чем слабее статистические связи между признаками. То обстоятельство, что предлагаемый модифицированный байесовский классификатор хорошо адаптируется к реальным маргинальным распределениям признаков, делает его практически оптимальным при сравнительно слабых статистических связях между признаками. Проверить силу статистических связей между признаками в текстах художественной литературы достаточно сложно из-за сравнительно малого числа произведений, написанных писателями.

Во-вторых, эффективность дерева решений снижается из-за оверфиттинга, явления «переобучения» классификатора, настройки его на статистически незначимые флуктуации признакового пространства классов. Возможно, при обучении дерева решений не были использованы все возможности борьбы с оверфиттингом. Кроме того, поскольку мы проводили испытания дерева решений на модельных данных, обладающих статистическими свойствами лишь сравнительно небольшого числа обучающих выборок, возможно, недостаточно полно представляющих авторские классы, обучение и испытание дерева решений могло быть недостаточно адекватным, что и сказалось на снижении оценки эффективности дерева решений. Этот вопрос, по-видимому, требует дальнейших исследований.

Литература

- Благовещенский Ю. Н.* Основные элементы теории копул // Прикладная эконометрика. 2012. № 2 (26). С. 113 – 130.
- Волькенштейн М. В.* Энтропия и информация. М.: Наука, 1986.
- ДКиР – Деревья классификации и регрессии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.williamspublishing.com/PDF/978-5-8459-1170-4/part.pdf> (Дата обращения 08.10.2014).
- ДР – Деревья решений. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.basegroup.ru/library/analysis/tree/> (Дата обращения 08.10.2014).
- Кубарев А. И., Кукушкина О. В., Поддубный В. В., Швелёв О. Г.* Построение таблиц стилей текстовых произведений с использованием алгоритмов классификации на основе деревьев решений // Вестн. Том. гос. ун-та. Управление, вычислительная техника и информатика. 2012. № 4(21). С. 79 – 88.
- Кубарев А. И., Поддубный В. В.* Адаптивная байесовская классификация объектов в метрическом пространстве // Новые информационные технологии в исследовании сложных структур: Материалы Десятой российской конференции с международным участием. Томск: Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2014. С. 115 – 116.
- Кубарев А. И., Поддубный В. В.* Байесовская классификация с обучением на основе использования копула-функций // Информационные технологии и математическое моделирование (ИТММ-2013): Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием им. А. Ф. Терпугова (29–30 ноября 2013 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. Ч.2. С. 126 – 130.

- НБК – Наивный байесовский классификатор. [Электронный ресурс]. URL: <http://bazhenov.me/blog/2012/06/11/naive-bayes.html> (Дата обращения 08.10.2014).
- ОК – Оценка классификатора (точность, полнота, F-мера). [Электронный ресурс]. URL: <http://bazhenov.me/blog/2012/07/21/classification-performanceevaluation.html> (Дата обращения 08.10.2014).
- Поддубный В. В., Пехтерев А. С.* Копулы сглаженных эмпирических распределений при наличии связей (совпадений) и их применение в имитационном моделировании // Труды XII международной ФАМЭБ'2013 конференции. / Под ред. О. Воробьёва. Красноярск: НИИППБ, СФУ, 2013. С. 312 – 321.
- ПС – Прикладная статистика: Классификация и снижение размерности: Справочное издание / С. А. Айвазян, В. М. Бухштабер, И. С. Енюков, Л. Д. Мешалкин / Под ред. С. А. Айвазяна. М.: Финансы и статистика, 1989.
- Сизов А., Николенко С.* Наивный байесовский классификатор. [Электронный ресурс]. URL: <http://logic.pdmi.ras.ru/~sergey/teaching/mlstc12/sem01-naivebayes.pdf> (Дата обращения 08.10.2014).
- Шевелёв О. Г.* Методы автоматической классификации текстов на естественном языке: Уч. пособие. Томск: ТМЛ-Пресс, 2007.
- Nelsen R. B.* An Introduction to Copulas. Springer, 1999.
- Rish Irina.* An empirical study of the naive Bayes classifier. // IJCAI 2001 Workshop on Empirical Methods in Artificial Intelligence. 2001. Vol. 3. No. 22. Pp. 41 – 46.
- Van Rijsbergen C. J.* Information Retrieval. London: Butterworths, 1979.

The Comparative Analysis of Efficiency of Recognition of Author's Style of Texts by Means of Decision Tree and Modified Naive Bayesian Classifier

V. V. Poddubny (Russia, Tomsk), vvpoddubny@gmail.com

A.I. Kubarev (Russia, Tomsk), kubarev.galaxyw@gmail.com

K.A. Mikhalyova (Russia, Tomsk), mikhalyovaka@gmail.com

Keywords: Text, author's style, feature space, naive Bayesian classifier, decision tree, kopula-function, imitating modeling, F -measure.

Summary: The comparative analysis of efficiency of recognition of author's style of texts of works of fiction by algorithms of the decision tree and the modified naive Bayesian classifier on frequencies of the use of syntactic words on the example of texts of the Russian art prose of the 19th century is carried out. The offered modification of the naive Bayesian classifier uses its fine tuning under marginal empirical functions of distribution of the training samples. The analysis of efficiency of algorithms of recognition is carried out by means of the F -measure calculated with use of a set of the control samples generated by the computer simulation of the test feature space with properties of empirical functions of distribution of the training samples. For creation of the test feature space the mathematical apparatus of kopula-functions is used. It is shown that the modified naive Bayesian classifier on texts of the Russian art prose significantly surpasses the decisions tree in efficiency.

Газета «НАША 15-Я»

Александр Пожарский (Россия, Москва)

Шел 1964 год, второй год службы нашего призыва. Я, ефрейтор третьего отделения третьего взвода 15-й роты, ответственный за выпуск «Боевого листка», корпел в Ленинской комнате над очередным номером. Нельзя сказать, это эта работа доставляла большое удовольствие, но, как человек дисциплинированный и исполнительный, я терпеливо переписывал аккуратным печатным шрифтом подходящие по датам агитационные материалы из свежего номера газеты Московского военного округа «На боевом посту».

— Не надоело тебе газету переписывать? — Это в Ленкомнату вошел Толя Поликарпов: мы служили в одном взводе, только он был ефрейтором второго отделения. За первый год службы мы как-то быстро и основательно подружились, хотя в армии отношения между сослуживцами далеко не всегда складываются по-настоящему дружеские. К тому же вокруг Толи сложился ореол не просто москвича (а в полк набирали в основном из Сибири и с Украины), а москвича суперобразованного, призванного в армию со студенческой скамьи, из МГУ!

У нас с Анатолием сразу нашлось много общих тем. Говорили о книгах, о послеармейском будущем. У Толи, единственного солдата в роте, с величайшего разрешения старшины под кроватью хранился огромный рюкзак, полный книг, и я, как и некоторые другие солдаты в роте, пользовался этой импровизированной библиотекой, причем Толя тут же предлагал что-нибудь интересное, как только у него появлялась новинка...

По поводу убогой традиции изготовления «Боевого листка» Анатолий не раз возмущался в разговорах со мной, но теперь был настроен решительно.

— Слушай, Саш, а давай сделаем настоящую стенную газету о жизни роты, иллюстрированную, с фотографиями... Сколько можно переписывать газету «На боевом посту»? Ты и сам отлично понимаешь, что наш «Боевой листок» никому не интересен, никто его не читает...

— Толя, я совершенно с тобой согласен, но, насколько я понимаю, это обязательный элемент в каждой роте, за это ротный отвечает перед

замкомбатальона по политчасти. А как ты представляешь себе настоящую стенгазету?

— Очень просто. Склеим вместе пять–шесть ватманских листов — думаю, ротный для такого дела средства на бумагу найдет. Темы надо брать из ротной жизни — ты будешь печатным шрифтом, колонками писать тексты, сделаем фотографии и вклеим их в тексты...

— А как ротный отнесется к такой идее?

— Ротного я беру на себя. Такую газету не делает ни одна рота в нашем полку, я даже думаю, что такой газеты нет ни в одной части Советской Армии. Главное — что мы с тобой действительно сможем сделать такую газету. Будем рассказывать и о жизни роты, и о Москве, а под это дело для фотосъемок почаще в увольнение ходить... Понимаешь, мы могли бы такой газетой и жизнь всех ребят в роте сделать интересней, и нашу с тобой.

Через пару дней Толя сообщил: «Ротный не возражает, поможет с материалами, только просил особенно не выпендриваться. Насчет увольнения по делам газеты обещал подумать».

На целую неделю в свободное от караульной службы и занятий время мы с Толей засели в Ленкомнате. По роте прошел слух, что два ефрейтора из третьего взвода выполняют какое-то секретное поручение командира роты. Толя написал материалы об итогах прошедших стрельб, о нескольких случаях, когда во время караульной службы бойцы достойно отличились, не забыл и пару казусных происшествий. Сообща набросали заметку об итогах конкурса полковой самодеятельности и историческую картинку о Красной площади и о конкурсе (благо, у меня были припасены фотографии). Тексты я переписал печатными буквами и разрезал их колонками.

Закончив работу, мы пригласили в Ленкомнату командира роты, чтобы он посмотрел новую стенную газету, склеенную из четырех ватманских листов с крупным заголовком «НАША 15-Я». Ротный сделал несколько незначительных замечаний, но газета ему в целом понравилась.

Вывешенная в коридоре роты рядом с оружейными шкафами, газета вызвала у наших сослуживцев ажиотаж. У «Боевого листка» редко можно было увидеть кого-то читающего. У газеты «НАША 15-Я» столпились практически все солдаты и сержанты, и в роте вряд ли нашелся хоть один боец, который не прочитал новую стенную газету.

Газету «НАША 15-Я» мы с Анатолием стали делать ежемесячно. К ней в роту быстро привыкли, ждали каждый новый номер, предлагали темы. Весть о стенной газете 15-й роты быстро облетела весь полк. Приходили взглянуть на нее командиры из других рот, батальонное начальство.

В следующем, 1965-м, году был объявлен всеармейский смотр стеновых газет. Мы с Анатолием отобрали пяток самых лучших экземпляров и отправили их на конкурс. Газета «НАША 15-Я» заняла на всеармейском конкурсе первое место. Мы с Анатолием получили по краткосрочному отпуску.

Работа над газетой еще больше сблизила меня с Анатолием. Он активно поддерживал мои послеармейские планы поступать на факультет журналистики МГУ. Часто мы вместе (по делам стенгазеты) ходили в увольнение, приезжали к нему, переодевались в гражданскую одежду (мне впору пришлась его голубая курточка) и целый день бродили по Москве, фотографировали в Музее Вооруженных Сил, в других красивых местах города, полагая, что фотографии могут нам пригодиться для газеты.

***

Так пришла осень 1966 года. Толя демобилизовался чуть раньше, ему надо было успеть к началу занятий в университете. Я окончательно вышел за ворота КПП 21 ноября. Устройство на работу монтером-кабельщиком и обустройство в общежитии Главмосстроя заняли некоторое время.

Однажды я пришел в общежитие, и меня встретила встревоженная бабуля-вахтер, тетя Дуся: «Звонок был по телефону, очень сердитый молодой человек тебя спрашивал. Ругался, что ты пропал!»

— А сердитый молодой человек не представился?

— Сказал, сказал, я вот на бумажку записала: Анатолий Поликарпов, — заторопилась тетя Дуся.

Было начало десятого вечера, и я тут же позвонил Толе. Трубку поднял он сам:

— Ты куда запропастился? Я несколько раз Кольке Сергееву звонил, он говорит, что вы даже коротко пересекались, но твоих координат он не знает. В твое СУ-61 я тоже звонил, там долго не знали, где ты живешь, и только сегодня дали телефон общежития. Так! В следующий выходной

утром — ко мне. Побегает в Воронцовском парке, покупаемся, пообедаем, обсудим все дела...

Но ни в следующий выходной, ни в последующие встретиться никак не удавалось: то у меня единственный тогда выходной — воскресенье — был занят неотложными делами, то у Анатолия что-то запланировано. Я и до этого знал его домашний телефон, но звонить было как-то неудобно. Толя жил совсем другой жизнью, считал я, у него теперь друзья — студенты, а я, монтер-кабельщик Главмосстроя, не очень вписывался в этот круг. Перезванивались мы постоянно, и Толя все время приглашал меня в гости.

Появление второго выходного дня по решению советского правительства ситуацию меняло, и мы наконец могли хоть изредка встречаться.

Пара первых поездок к Толе летом произвела на меня неизгладимое впечатление. Я до сих пор никогда не видел так близко жизнь интеллигентной и дружной семьи. Жили Поликарповы в пятиэтажном доме на Ленинском проспекте, по соседству с Воронцовским парком, в двухкомнатной квартире: одну комнату занимали Толя с братом, который учился в девятом классе. Глава семейства был военным и по выходным часто уезжал на службу.

Я приезжал утром, мы переодевались в спортивную одежду и бегали в Воронцовском парке. Толя до армии занимался легкой атлетикой, и за ним совсем не просто было угнаться. Потом купались в прудах и, насладившись нагрузкой молодых мышц на природе, возвращались домой. Мама Толи, Нина Ивановна, варила удивительно вкусные сосиски с рассыпчатой гречневой кашей. Плотно позавтракав, мы часами говорили о разных интересных вещах, вспоминали, как делали стенгазету в роте, как вместе ходили в увольнение, переодеваясь у него в гражданскую одежду. Толя старался не рассказывать о своей учебе в университете (наверное, не хотел расстраивать меня), зато с упоением говорил об увлечении всей своей жизни — кибернетике, которой буквально заболел. Он читал все подряд, что мог найти по этой теме. Из всех его книг, которые лежали в полном беспорядке по всей комнате, он особенно гордился книгой «Кибернетика» Норберта Винера и часами просвещал меня насчет проблем передачи, хранения и переработки информации, рассуждал о системах обратной связи, о теории управления. Он называл Винера родоначальником кибернетики — величайшего направления науки и прак-

тики, которое должно в ближайшие годы покорить весь мир. До тех пор я никогда не сталкивался с этой темой и мало что понимал, но увлеченность Толи захватывала и меня.

На обед — Нина Ивановна никогда не отпускала меня без обеда — она варила нежный зеленый суп, в котором большими желто-белыми глазницами плавали половинки яиц. А потом, захватив по настоянию Анатолия пару книг, я возвращался в свое общежитие.

Эти поездки были для меня не только интересным общением, но и душевным отдыхом от работы и общежития в теплой семейной атмосфере. После визитов к Анатолию возникали мечты о том, чтобы создать в будущем такую же семью, чтобы в ней было легко и радостно жить...

***

В 1970 году — с четвертого захода — я поступил на факультет журналистики МГУ.

Толя подарил мне роскошный коричневый кожаный портфель: сбоку, из-за многочисленных отделений, он казался настоящей гармошкой, которую можно было широко растягивать. Учебу необходимо было совмещать с работой по вечерам, а потому встречаться мы стали реже.

В 1972 году по студенческому обмену меня отправили учиться в Лейпцигский университет, а потом — практически до конца 1991 года с небольшими перерывами — были долгосрочные корреспондентские командировки в Германию.

После возвращения из командировки в Бонн в конце 1991 года мы с Толей больше не расставались. Встречи были по важным и незначительным поводам, дома и на даче, а главное — в баньке или в сауне, поскольку оба оказались страстными любителями погреться и попариться.

***

Известие о болезни Толи стало глубочайшим шоком. Ежедневно мы поддерживали связь с Толей и его близкими, когда они были в Германии.

Прошу прощения у Аллочки, но не могу не привести пару писем, поскольку они имеют не только частный характер, но и определенное социальное звучание.

6 November 2013 um 21:24

«Саша, Вика, привет!

Сегодня на консультации нам сообщили о предварительных результатах биопсии.

Это эпителиальный рак. Сначала хотели тут же начать лечение, но, созвонившись с проф. Дойстером, у которого мы были вчера на консультации, сказали, что надо подождать окончательного результата биопсии, который будет, как ожидается, во вторник. Это тот самый иммуногистохимический анализ, которого мы до сих пор ждем из Москвы. От этого анализа как раз и зависят назначения для лечения.

Так что получается, что мы не рано приехали во Фрайбург (о чем мы все переживали), и даже, как показывает ситуация, надо было сразу соглашаться на биопсию здесь. Но кто же мог знать???

Вчера делали трехчасовую капельницу для поддержки костей.

Вот такая у нас ситуация...

Теперь будем ждать вторника и надеяться, что нам помогут...

Целуем вас.

Алла и Толя».

6 November 2013 um 23:28

«Дорогие Аллочка и Толя!

Спасибо за весточку!

Страшно, когда страна и люди в ней деградируют, а особенно давшие клятву Гиппократу. Но еще страшней, когда последствия деградации касаются близких людей. Аллочка, ты совершенно права в том, что сейчас уже нет смысла говорить о том, рано или поздно приехали. Главное — вы все сделали абсолютно правильно — Толя в профессиональных, и что не менее важно — в ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ руках. А это укрепляет ВЕРУ и НАДЕЖДУ.

Знаете, дорогие наши, что хочется больше всего - чтобы ВЕРА и НАДЕЖДА были настолько сильными, стали реальностью и победили болезнь.

Наверное, в таких ситуациях люди приходят к ВЕРЕ, в том числе и в БОГА. И мы будем сильно верить и надеяться — Толина звезда обязательно услышит.

Целуем вас, желаем благополучного лечения и успешного его завершения.

Всегда рады вышим весточкам.

Саша, Вика»

***

Мы безмерно радовались, когда после лечения в немецкой клинике у Толи появились надежды на выздоровление или, как минимум, на многие годы жизни. В конце марта 2014-го мы с ним сидели в ресторане «Планета суши» на Мичуринском, отмечали его 70-летие, обсуждали поистине масштабные планы и пили текилу за счастливо и плодотворно прожитые годы...

***

Встреча на моем 70-летию 18 июня 2014 года стала последней в нашей более чем 50-летней дружбе. Ничто не предвещало завершенности наших земных встреч — все было как всегда: мы говорили, планировали, радовались жизни!

*Александр ПОЖАРСКИЙ,
журналист-международник,
автор книг «Вольному воля.
Долгий путь к себе» и «Политика
без совести есть криминал».*

От теоретико-лингвистических представлений о протекании жизненного цикла языкового знака к диссипативной математической модели развития полисемии*

Поликарпов А. А.,

Поддубный В. В. (Томск, Россия), vvpoddubny@gmail.com

Ключевые слова: Жизненный цикл языкового знака, полисемия, математическая модель, диссипативный процесс, принцип наименьшего действия, детерминированная и стохастическая динамика.

Аннотация. Предлагается диссипативная динамическая математическая модель развития жизненного цикла языкового знака на основе взаимодействия процессов рождения новых значений у знака и потери ранее приобретённых им значений. Показано, что эта модель удовлетворяет вариационному принципу наименьшего действия. Модель представлена в непрерывном и дискретном вариантах. Построено стохастическое расширение дискретного варианта модели. Проведено численное моделирование процессов развития полисемии языкового знака, качественно согласующееся с современными теоретико-лингвистическими представлениями о протекании жизненного цикла языкового знака. Полученная модель отражает базовый компонент универсальных (не зависящих от выбранного знакового уровня и типа рассматриваемого языка) закономерностей микроуровня языковой эволюции. На основе полученных соотношений возможно моделирование других универсальных закономерностей микроуровня (частота, длина, омонимия и т.п.) и переход к универсальным и типологически обусловленным моделям макроэволюции Языка Человека.

---

* Это первая наша с А. А. Поликарповым статья по математическому моделированию жизненного цикла языкового знака. Она написана в июле 2010 года, но целиком нигде не была опубликована. Статья явилась основой наших последующих работ и публикаций по этому направлению [Поддубный, Поликарпов 2010а, 2010б, 2011, 2014а, 2014б, 2014в; Polikarpov, Poddubny 2012; Poddubny, Polikarpov 2013, 2014а, 2014б]. – В.В. Поддубный.

1. Исходная формализация описания феномена жизненного цикла языкового знака. Основные определения и допущения

Модель жизненного цикла языкового знака базируется на следующих определениях и допущениях, естественно вытекающих из коммуникативной онтологии языка [Поликарпов 1988, 1990, 1994, 1995, 1998, 2007а, 2007б, 2009а, 2009б; Polikarpov 1991, 1993, 2001; Khmelev, Polikarpov; Поликарпов, Селезнёва-Елецкая; Поликарпов, Кукушкина, Токтонов].

(1) Мышление любого индивидуума – это **операции над образами** (сами образы являются результатами воздействия внешнего мира на органы чувств индивида). Основными являются следующие две операции:

– **объединение исходных образов в более сложные** (за счёт их сцепления на основе обнаружения в них взаимодополнительных в том или ином отношении компонентов);

– **обобщение (абстрактивизация) исходных образов в ходе их взаимоналожения** (за счёт усиления в них повторяющихся компонентов и ослабления и опущения неповторяющихся).

(2) Формирующийся в голове каждого индивида мир образов (или, иначе, смыслов) представляет собой **иерархический набор**, т.е. некую **пирамиду абстракций**, с самым широким основанием, состоящим из самых первичных образов-смыслов (являющихся самыми конкретными), с постепенным сужением количества разных образов на каждом последующем уровне обобщения (что является результатом взаимодействия между образами каждого предшествующего уровня обобщения). Естественно предположить, что степень относительного уменьшения числа признаков образов каждого последующего уровня обобщения, а также степень относительного уменьшения числа самих образов на каждом последующем уровне, в среднем, должна быть величиной постоянной. В итоге, можно предполагать, что и распределение числа образов определённой степени абстрактности должно быть пропорционально их степени абстрактности. Это должно приводить к формированию такой структуры образов в каждой индивидуальной пирамиде образов, которая следует характеристикам распределения

образов по степени абстрактности типа гиперболического (или экспоненциального).

Взаимодействие, взаимоналожение индивидуальных пирамид абстракций членов общества в ходе их актов общения ведёт к частичному объединению этих пирамид и усреднению характеристик их единиц, что отражается, видимо, в переходе распределения этих абстракций по степени их абстрактности от гиперболического закона к экспоненциальному.

(3) Каждый из **обобщённых образов ситуаций жизнедеятельности** необходим для его **объединения с соответствующим обобщённым образом (или несколькими равноценными образами) полезного (полезных) для выживания индивида акта (актов) поведения в каждом из классов ситуаций** для того, чтобы применять, если понадобится, в каждой из возникающих жизненных ситуаций.

Пара «образ ситуации» – «образ(ы) актов поведения в ней» – элементарная **кодовая единица поведения**. Набор таких кодовых единиц – **жизненный опыт индивидуума**.

(4) Кодовые единицы поведения – **много-многозначны**. Это означает, во-первых, что одному ситуативному образу может соответствовать несколько относительно равноценных образов полезного поведения в ней. То есть это означает возможность **изофункциональности («синонимии»)** кодовой единицы поведения с другими подобными кодовыми единицами.

Во-вторых, один и тот же образ полезного поведения с равной эффективностью может быть реализован в нескольких ситуациях жизнедеятельности. То есть это означает **возможность полифункциональности («полисемии»)** кодовой единицы поведения.

(5) Особый тип ситуаций под названием **«коммуникативные ситуации жизнедеятельности»** характеризуются тем, что целями жизнедеятельности индивидов в них является **не прямое выживание** (получение укрытия, пищи, питья и т.п.), а **обмен образами-смыслами между индивидуумами** (для последующего возможного использования части из этих смыслов в практической деятельности каждого из них). Задача обмена смыслами достигается за счёт выработки в каждом коллективе некоторого относительно единообразного **коммуни-**

кативного кода поведения, состоящего из **значений** – относительно обобщённых образов ситуаций жизнедеятельности (берущихся с какого-либо из достаточно обобщённых уровней индивидуальной пирамиды абстракций) и **образов коммуникативного поведения в них (образов «артикуляции»)** для создания акустических, оптических, электронных и иных внешних посредников между артикулирующими и воспринимающими органами индивидуумов.

Каждая пара «образ артикуляции (написания и т.п.)» - «значение (несколько значений)» – это элементарная **коммуникативная кодовая единица**, или элементарная знаковая единица – **знак**).

Каждый знак, в принципе, может быть **многозначным** и одновременно по каким-то своим значениям **синонимичным, изофункциональным со значениями каких-либо ещё знаков, т.е. способным к обозначению одного и того же смысла наряду с каким-либо значением другого знака.**

Каждое значение каждого знака, в принципе, является **многозначным, т.е.** покрывает некоторого объёма область смыслов определённого вида. Величина многозначности значения (s) позволяет определить объективную (при прочих равных условиях) степень смысловой неопределённости данного значения данного знака (меру психологической трудности для индивидуума правильно выбрать нужный смысл среди всех, принадлежащих данной смысловой области) – S ($S = \log s$).

Число разных значений данного знака (m) позволяет определить объективную (при прочих равных условиях) степень семантической («значенческой») неопределённости данного знака (меру психологической трудности для индивидуума правильно выбрать нужное значение среди всех, принадлежащих данному знаку) – M ($M = \log m$).

Системный набор знаков – **язык**. Язык – часть мыслительного механизма индивидуума, часть его жизненного опыта.

(6) **Процесс** языковой коммуникации базируется на **принципе намекания, осуществляющемся следующим образом:**

- через подбор отправителем значения, наиболее похожего (по набору своих признаков) на тот смысл, который необходим к «передаче»;

- активизацию образа «артикуляции» знака, ассоциативно связанного с выбранным значением;
- активизацию эффекторных (артикулирующих) органов посредством посылки по нервным путям команд на них (говорение, писание и т.п.) «внешнего» знака;
- посылку и преодоление «внешним знаком» межиндивидуальной среды;
- восприятие «внешнего знака» сенсорными органами получателя;
- сравнение образа полученного воздействия от «внешнего знака» с эталонными образами всех ранее сформированных образов «внешних знаков», в результате чего производится выбор наиболее похожего образа среди эталонных, т.е. распознавание текущего образа полученного «внешнего знака»;
- активизация всех значений данного знака после распознавания образа полученного «внешнего знака»;
- выбор наиболее подходящего в данной смысловой ситуации значения среди всех принадлежащих данному знаку;
- догадка, смысловая интерпретация этого значения, субъективное понимание того, на что хотел намекнуть отправитель.

Правильный намёк и успешная догадка о нужном в данной ситуации смысле, как видно, производится в результате серии сопоставлений, подключения и преобразования образов отправителем и получателем в контексте **прогнозирования обоими коммуникантами смысловых миров друг друга и использования этого прогноза для правильного выбора знака, значения и смысла на каждом из этапов указанного процесса**. Определённая смысловая общность коммуникантов создаёт тот необходимый уровень **избыточности** смысловых процессов в их головах, который восполняет смысловую **недостаточность** используемых намёков-значений самих по себе. То есть принцип намекаания реализуется в каждом акте общения на основе **необходимого и достаточного в данном смысловом контексте количества повторяющихся признаков в образе-значении в сравнении с целевым образом-смыслом**. Если намёк недопонят, должны быть употреблены добавочные знаковые средства для его донамекаания-доопределения. Как только понимание достигнуто, коммуникативная активность может быть прекращена. Причём, типовые контексты об-

щения, видимо, формируют и типовые же приёмы намекания, фиксируемые в виде знаковых единиц языка (с их типовыми средствами намекания – *значениями*), соответствующих им типов смыслов, типовых контекстов их употребления, а также обобщённых правил оперирования с этой информацией.

Языковое общение между членами одной общности позволяет им не только обмениваться элементами практического (смыслового) опыта, но и элементами индивидуального языкового опыта, полезного и другим. В результате этого определённая, наиболее активно употребляемая часть индивидуального языка у разных членов языкового коллектива оказывается унифицированной, практически идентичной. В эту ядерную часть языка попадает практически вся грамматика любого индивидуального языка, а также достаточно ограниченное ядро лексики, операционально определяемое как *пересечение* состава всех активных индивидуальных словарей членов данного общества в данное время.

(7) Если распределение смыслов по их степени абстрактности в индивидуальной смысловой пирамиде каждого члена общества подчиняется некоторому закону (например, гиперболическому), то и набор значений в языке по их степени абстрактности, являющийся специфическим редуцированным отображением смыслового мира, тоже должен подчиняться некоторому (например, тоже гиперболическому или экспоненциальному) закону. Это объясняется тем, что степень относительной редуцированности числа компонентов в каждом из значений по отношению к числу компонентов в отражаемых (намекаемых) им смыслах должна, видимо, стремиться к некоторому оптимально-усреднённому уровню необходимости и достаточности, что вытекает из обозначенного выше принципа знакового намекания.

(8) Каждый акт общения одновременно и акт эволюции языка. Точнее, *микрэволюции*, т.к. в каждом акте общения существует определённая минимальная вероятность для выхода очередного употреблённого значения-намёка за прежде сформированные границы его смысловой области. Это определяет **неизбежность постоянного во времени разрастания смысловой области каждого значения, что**

ведёт не только к увеличению общего числа и разнообразия смыслов в ней, но и к повышению общего разнообразия признаков (компонентов) в смыслах данной области.

(9) Повышение же разнообразия признаков в смыслах той смысловой области, которая подпадает под данное значение, объективно ведёт к сужению области пересечения смыслов по набору их компонентов, что в результате более активного ассоциативного активирования в актах намекания более узкого набора признаков в смыслах усиливает этот более узкий круг признаков и в значении, одновременно ослабляя остальные признаки в нём, приводя в итоге, со временем, к тенденции постоянного выпадения из значения части совсем ослабевших признаков, т.е. к тенденции *абстрактивизации значения*.

(10) Сужающееся в ходе абстрактивизации число признаков значения одновременно меняется и по *качеству* этих признаков: выпадают в первую очередь (как наименее активируемые) *наиболее специфичные признаки, наименее представленные в разных смыслах* данного значения данного знака.

(11) За счёт этого со временем *растёт объективная степень сходства наборов признаков значений разных существующих в языке знаков* (например, слов). Это, в частности, определяет повышение с возрастом слов синонимического потенциала их значений.

(12) Часть новых смыслов данного значения (в результате указанного выше процесса неизбежного расширения смысловой области каждого значения) может походить на другие смыслы столь непрочно, поверхностно (совпадая по периферийным, несущественным признакам и не совпадая по существенным признакам), что рядом с прежней смысловой областью может выделяться как особая, новая, хотя с ней и ассоциативно связанная область. Её начинает представлять в качестве *нового значения* один из наиболее обобщённых образов среди добавившихся новых смыслов. Появление нового значения – частный случай расширения (более резко, скачкообразно) смысловой области материнского значения, чаще всего за счёт ассоциативного притяжения смыслов из области совершенно иного рода, типа «Мир животных» →

«Мир людей» (пример: МЕДВЕДЬ₁ (животное) → МЕДВЕДЬ₂ (человек)).

(13) Процессы смыслового расширения (и абстрактивизации) значений, а также появления у знака новых значений представляют разные формы реализации того потенциала развития знака, который будем называть *ассоциативно-семантическим потенциалом знака*. **Ассоциативно-семантический (или просто: семантический) потенциал заложен в исходном значении знака. Вся история знака – это история перераспределения этого потенциала и его потеря, растрачивание.**

Перераспределение потенциала осуществляется за счёт отпочкования от каждого значения новых значений. При этом наблюдается постепенное занятие свободных ассоциативных валентностей материнского значения, что последовательно приводит к затуханию его способности к рождению новых значений. Новые значения, будучи относительно более абстрактными, менее способны к «деторождению», чем их родители. Тем самым, процесс перераспределения ассоциативно-семантического потенциала, рождения новых значений, на каком-то этапе замирает полностью.

Растрата потенциала осуществляется как в ходе собственной абстрактивизации каждого значения в его истории, так и в ходе неизбежных потерь значений. Во-первых, это может происходить из-за выпадения из жизни той области смысла, что ранее обозначалась значением. Во-вторых, это может происходить и из-за возможного перехвата функции обозначения этой смысловой области значением другого знака. Вторая ситуация возможна в силу постоянной конкуренции знаков как наиболее подходящих намекателей на тот или иной смысл. Конкурентоспособность старых, достаточно абстрактивизировавшихся значений в сравнении с более молодыми, более конкретными явно ниже, так как они становятся всё менее определёнными намекателями на тот или иной смысл. Кроме того, процессы эвфемизации и дисфемизации тоже постоянно заставляют носителей языка менять обозначения для эмфатических смыслов (имеющих как положительную, так и отрицательную окраску) [Поликарпов, Селезнёва-Елецкая].

(14) В ходе реализации процесса рождения новых значений знака, в среднем, пропорционально увеличению номера значения, нарастает степень абстрактности (уменьшается степень наполненности признаками) каждого такого значения. Что объясняется относительно более широкой смысловой областью и поэтому - большей устойчивостью, большей живучестью тех более абстрактных смыслов из смысловой области материнского значения, которые претендуют на функцию отдельных (новых) значений знака.

(15) Чем значения каждого следующего поколения значений знака абстрактнее, тем большая стабильность, длительность жизни для них свойственна (за счёт более широкой смысловой области приложения так отличающихся значений);

(16) Чем значения более абстрактны, тем они менее активны в порождении новых значений (за счёт того, что они обладают меньшим числом признаков, которыми можно было бы им ассоциативно зацепиться за какой-то новый смысл, который может стать новым значением);

(17) Наложение двух затухающих процессов приобретения новых и, со сдвигом во времени, потери ранее приобретённых значений определяет **асимметричный характер типовой кривой развития полисемии знака во времени (со сдвигом пика развития полисемии к началу процесса).**

Эти допущения **позволяют моделировать** закономерности типовой эволюционной динамики функциональных характеристик единиц **микроуровня организации языка** – значений знаков и знаков в целом (т.е. моделировать их зависимость от времени, точнее, возраста знака), а также попарные зависимости одних характеристик от других. Вместе с тем, это позволяет далее моделировать и закономерности эволюционной динамики функциональных характеристик единиц на **макроуровне организации языка**. А именно, это позволяет выводить закономерности поведения ансамблей сосуществующих знаковых единиц в виде специфических закономерностей одномоментного (синхронного) распределения этих единиц в языке. Иными словами, эти

допущения позволяют переходить от моделирования микроуровня к моделированию макроуровня языковой эволюции.

В числе других проблем при моделировании закономерностей макроэволюции характеристик единиц языка **необходим учет ряда граничных условий функционирования языка.**

2. Непрерывная нестационарная математическая модель диссипативной динамики развития полисемии знака

2.1. Допущения непрерывной динамической математической модели развития полисемии знака

1) За начало отсчёта времени принимается момент $t = 0$ рождения знака.

2) Знак несёт в себе начальный ассоциативно-семантический потенциал (АСП) G (максимальное потенциально возможное число различных значений, приобретаемых этим знаком в процессе развития его полисемии).

3) Рост числа новых значений знака во времени описывается дважды непрерывно дифференцируемой неотрицательной монотонно возрастающей функцией времени $m_1(t)$, такой, что $1 \leq m_1(t) \leq G$, $\dot{m}_1(t) = dm_1(t)/dt \geq 0$, $m_1(0) = 1$, $m_1(\infty) = G$, $\dot{m}_1(\infty) = 0$.

4) Процесс потери знаком ранее приобретённых значений начинается через время $\tau > 0$ после рождения знака, т.е. с момента времени $t = \tau$.

5) Процесс потери знаком ранее приобретённых значений описывается дважды непрерывно дифференцируемой неотрицательной монотонно возрастающей функцией времени $m_2(t)$, такой, что $0 \leq m_2(t) \leq G$, $\dot{m}_2(t) = dm_2(t)/dt \geq 0$, $m_2(t \leq \tau) = 0$, $m_2(\infty) = G$, $\dot{m}_2(\infty) = 0$, $m_2(t) \leq m_1(t)$.

6) Число живущих в момент времени t (активных) значений знака определяется разностью $m(t) = m_1(t) - m_2(t)$.

7) Процессы роста числа новых значений знака и потери знаком ранее приобретённых значений являются диссипативными динамическими процессами, скорости изменения которых в каждый момент текущего времени полностью определяются их значениями в этот момент времени, а именно, пропорциональны оставшимся запасам ассо-

циативно-семантического потенциала $G - m_1(t)$ и $G - m_2(t)$. Аттрактором (точкой притяжения, равновесия, покоя) траекторий этих процессов в фазовом пространстве значений процессов и их скоростей является точка $(G, 0)$.

8) Коэффициенты пропорциональности скоростей роста числа новых значений знака и числа потерянных знаком ранее приобретённых значений оставшимся запасам ассоциативно-семантического потенциала знака определяют соответственно **активность** и **стабильность** значений знака.

2.2. Непрерывная диссипативная динамическая модель процесса приобретения знаком новых значений

Итак, пусть к некоторому начальному моменту времени $t = 0$ в языке зарождается в некотором начальном своём значении новый знак (например, слово), несущий в себе начальный ассоциативно-семантический потенциал G (максимальное потенциально возможное число различных значений, приобретаемых этим знаком в процессе развития его жизненного цикла). Обозначим количественную характеристику числа разных значений, приобретённых этим знаком к произвольному текущему моменту времени $t \geq 0$, через $m_1(t)$. Очевидно, $m_1(0) = 1$, $m_1(t) \leq G$ при $t \geq 0$. В непрерывной математической модели будем считать, что $m_1(t)$ может принимать любые неотрицательные значения из интервала $[1, G]$, не обязательно целочисленные. В процессе роста числа новых значений знака к моменту времени t начальный ассоциативно-семантический потенциал знака G уменьшается на величину $m_1(t)$ и становится равным $G - m_1(t)$. Процесс приобретения знаком новых значений завершается в тот момент времени, возможно, бесконечно далёкий (только в непрерывной модели), когда ассоциативно-семантический потенциал знака исчерпывается, становится равным нулю. В этот момент времени $m_1(\infty) = G$.

Естественно предположить, что скорость роста числа новых значений знака $dm_1(t)/dt$ (приращение числа значений знака в единицу времени) в момент времени t пропорциональна оставшемуся (неизрасходованному) к этому моменту времени запасу ассоциативно-семантического потенциала знака $G - m_1(t)$:

$$\dot{m}_1(t) = a_1 f_1(t)(G - m_1(t)), t \geq 0, \quad m_1(0) = 1, \quad (1)$$

где точка сверху обозначает производную по времени $dm_1(t)/dt$, $a_1 > 0$ – коэффициент пропорциональности, $f_1(t) \geq 0$ – множитель, определяющий возможную зависимость коэффициента пропорциональности от времени t . Неотрицательность функции $f_1(t)$ вытекает из требования неотрицательности скорости роста числа новых значений. Дифференциальное уравнение (1) определяет динамику роста числа приобретаемых значений знака в его жизни. Процесс, описываемый дифференциальным уравнением типа (1), т.е. уравнением вида $\dot{m}_1(t) = v_1(t, m_1(t))$, где скорость v_1 изменения состояния процесса является функцией этого состояния $m_1(t)$ и, возможно, времени t , а $\partial v_1(t, m_1(t))/\partial m_1(t) < 0$, называется **диссипативным** [Лоскутов, Михайлов, с.208–209].

Продифференцировав уравнение (1) по t , приведём его к виду уравнения движения «тела» единичной «массы» в некотором «силовом поле»:

$$\ddot{m}_1(t) = a_1 \dot{f}_1(t)(G - m_1(t)) - a_1 f_1(t) \dot{m}_1(t). \quad (2)$$

Здесь первое слагаемое – сила воздействия «активного потенциального силового поля», ускоряющего или замедляющего процесс роста числа новых значений знака $m_1(t)$ в зависимости от знака производной функции $f_1(t)$ по времени. В качестве одного из онтологически возможных случаев усиление (или ослабление) давления подобного «поля» может быть проинтерпретировано как уменьшение (или увеличение) по типологическим причинам (в ходе анализациии или синтетизации языка) объёма словаря при неизменном объёме смысловой области, обслуживаемой языком. Каждая из единиц редуцирующегося (или, наоборот, расширяющегося) словаря становится пропорционально этому более нагруженной (или, наоборот, менее нагруженной) значениями, более (или, наоборот, менее) употребляемой, быстрее (или, наоборот, медленнее) «изнашиваемой», быстрее (или, наоборот, медленнее) проходящей свой жизненный цикл.

Второе слагаемое – диссипативная сила сопротивления росту числа $m_1(t)$ новых значений знака (сила типа «вязкого трения»), рассеивающая «кинетическую энергию» процесса $m_1(t)$ в ходе образования новых значений знака.

Подставляя во второе слагаемое правую часть уравнения (1) и объединяя оба слагаемых вместе, приведём уравнение к виду:

$$\ddot{m}_1(t) = \Phi_1(t) = -\gamma_1(t)(G - m_1(t)), \quad \gamma_1(t) = a_1^2 f_1^2(t) - a_1 \dot{f}_1(t), \quad (3)$$

где $\Phi_1(t)$ – суммарная сила, определяющая величину и знак ускорения роста числа приобретаемых значений, изменяющая скорость этого роста со временем. Она равна градиенту «потенциальной функции» $U_1(t, m_1(t))$, взятому с обратным знаком:

$$\Phi_1(t) = -\frac{\partial U_1(t, m_1(t))}{\partial m_1(t)}, \quad U_1(t, m_1(t)) = \gamma_1(t) \frac{(G - m_1(t))^2}{2}. \quad (4)$$

Вследствие явной зависимости потенциальной функции от времени производная по $m_1(t)$ от потенциальной функции определяет переменное «силовое поле», действующее на рост числа приобретаемых знаком значений. Как видно из уравнения (3), при $\gamma_1(t) \geq 0$, т.е. при $df_1(t)/dt \leq a_1 f_1^2(t)$, когда $f_1(t)$ растёт со временем медленно, остаётся постоянной или уменьшается, оставаясь неотрицательной, потенциальное силовое поле замедляет или останавливает рост числа приобретаемых знаком значений. В этом случае потенциальная функция $U_1(t, m_1(t))$ имеет смысл «работы» процесса роста числа приобретаемых знаком значений против остаточной диссипативной силы «вязкого трения». При $\gamma_1(t) < 0$, т.е. при $df_1(t)/dt > a_1 f_1^2(t)$, когда $f_1(t)$ быстро растёт со временем, активная потенциальная сила преодолевает диссипативную силу «вязкого трения», и суммарная сила ускоряет рост числа приобретаемых знаком значений. В этом случае потенциальная функция $U_1(t, m_1(t))$ является дополнительным к начальной кинетической энергии источником роста числа приобретаемых знаком значений, обретая смысл потенциальной энергии, переходящей в кинетическую энергию.

Покажем, что уравнение (3), а, следовательно, и уравнение (1), вытекают из общего фундаментального вариационного принципа – **принципа наименьшего действия** [Айзерман]. Первую формулировку этого принципа дал Пьер Мопертюи в 40-х годах 18 века. Из неё он вывел законы отражения и преломления света, сразу же указав на универсальную природу этого принципа. Уравнения, описывающие многие законы природы, особенно физические законы, выводятся из подобных вариационных принципов. Законы геометрической оптики выведены из вариационных принципов Мопертюи–Ферма. Уравнения классической механики, механики сплошных сред, классической гео-

рии поля выводятся из принципа наименьшего действия Гамильтона–Остроградского, законы квантовой механики – из аналогичных квантовых вариационных принципов. Многие задачи техники, требующие получение оптимальных решений, формулируются на основе различных вариационных принципов оптимальности. Возможно, и другие законы природы так или иначе подчиняются каким-то вариационным принципам оптимальности типа принципа наименьшего действия. Предположим, что и процесс приобретения знаком новых значений подчиняется своему принципу наименьшего действия. Применительно к росту числа новых значений знака мы сформулируем этот принцип следующим образом: из всех возможных кривых роста количества $m_1(t)$ новых значений знака в природе реализуется кривая, минимизирующая интеграл, называемый функционалом действия [Айзерман; Маркеев]:

$$S_1 = \int_0^{\infty} (T_1 - U_1) dt \Rightarrow \min_{m_1(t)}, \quad (5)$$

где U_1 – введённая выше (или аналогичная, но зависящая только от $m_1(t)$ и, может быть, ещё явно от времени) потенциальная функция, T_1 – кинетическая энергия процесса роста числа новых значений, зависящая только от скорости роста:

$$T_1 = \frac{1}{2} (\dot{m}_1(t))^2. \quad (6)$$

Другими словами, принцип наименьшего действия отбирает из всех возможных кривых роста полисемии ту, которая обеспечивает минимальную разницу между кинетической энергией и потенциальной функцией процесса роста числа новых значений знака.

Действительно, обозначив через L_1 подынтегральную функцию (называемую в вариационном исчислении функцией Лагранжа), $L_1 = T_1 - U_1$, вычислив первую вариацию функционала S_1 по $m_1(t)$ и приравняв её нулю (необходимое условие экстремума функционала [Лоскутов, Михайлов; Айзерман; Маркеев]), получим дифференциальное уравнение Эйлера–Лагранжа для экстремали $m_1(t)$:

$$\frac{d}{dt} \frac{\partial L_1}{\partial \dot{m}_1} - \frac{\partial L_1}{\partial m_1} = 0. \quad (7)$$

Раскрывая его, получим:

$$\frac{d}{dt} \frac{\partial T_1(\dot{m}_1)}{\partial \dot{m}_1} - \frac{\partial U_1(t, m_1)}{\partial m_1} = \ddot{m}_1(t) + \gamma_1(t)(G - m_1(t)) = 0, \quad (8)$$

что в точности совпадает с уравнением (3), вытекающим из (1).

Таким образом, предположение равенства (1) является следствием вариационного принципа наименьшего действия. Кинетическая энергия является функцией только скорости $dm_1(t)/dt$ роста числа новых значений знака, а потенциальная функция – функцией этого числа $m_1(t)$ и времени t (через $f_1(t)$). Заметим, что кинетическая энергия «движения» диссипативного процесса не переходит в потенциальную энергию, способную снова перейти в кинетическую, а полностью расстрачивается на преодоление диссипативных сил «вязкого трения». В то же время потенциальную функцию можно трактовать как «потенциальную энергию» роста числа новых значений знака, определяемую запасом его ассоциативно-семантического потенциала, полностью переходящую в кинетическую энергию процесса рождения новых значений и расстрачиваемую в процессе развития полисемии на преодоление диссипативных сил «вязкого трения» (через, во-первых, относительную абстрактивизацию со временем значений, т.е. потерю значениями в ходе их употребления части своих компонентов, во-вторых, через порождение новых значений, в среднем, относительно более абстрактных, чем «материнские» значения, а также, в третьих, через последовательную потерю значений, о чём будет идти речь ниже). Природа этих сил лежит в природе мышления как оперирования образами и намекательной природе языковой коммуникации, о чём говорилось в начальном разделе настоящей работы. Полная энергия диссипативного процесса роста полисемии (сумма кинетической и потенциальной энергий) не сохраняется в процессе «движения», развития полисемии. Выработав свой ассоциативно-семантический потенциал, знак теряет способность к дальнейшему приобретению значений, его «полисемическая энергия» оказывается полностью растроченной на образование всех возможных значений знака, а потом и окончательно утериваемой в ходе последовательных потерь всех ранее приобретённых значений.

Уравнение (1) – обыкновенное дифференциальное уравнение, определяющее динамику роста числа новых значений знака во времени. Это уравнение с разделяющимися переменными, допускающее его аналитическое решение при заданном начальном условии $m_1(0) = 1$:

$$m_1(t) = G - (G - 1) \exp(-a_1 F_1(t)), \quad F_1(t) = \int_0^t f_1(t) dt. \quad (9)$$

В силу неотрицательности функции $f_1(t) \geq 0$ функция $F_1(t) \geq 0$ – монотонно возрастающая функция времени, принимающая нулевое значение при $t = 0$ и бесконечное значение при $t \rightarrow \infty$: $F_1(0) = 0$, $F_1(\infty) = \infty$. В частном случае при $f_1(t) \equiv 1$ (коэффициент пропорциональности не зависит от времени, постоянен) имеем $F_1(t) = t$ и чисто экспоненциальный рост числа новых значений знака:

$$m_1(t) = G - (G - 1) \exp(-a_1 t). \quad (10)$$

При монотонно растущем со временем множителе $f_1(t)$ функция $F_1(t)$ растёт быстрее, чем t , что приводит к более быстрому, чем экспоненциальный, росту числа новых значений знака $m_1(t)$, но с сохранением неравенства $m_1(t) \leq G$ и асимптотики $m_1(\infty) = G$. Наоборот, при монотонном убывании со временем множителя $f_1(t)$ функция $F_1(t)$ растёт медленнее, чем t , что приводит к более медленному, чем экспоненциальный, росту числа новых значений знака $m_1(t)$, также с сохранением неравенства $m_1(t) \leq G$ и асимптотики $m_1(\infty) = G$. Пусть, например,

$$f_1(t) = (1 + b_1 t)^v, \quad (11)$$

где $b_1 \geq 0$. Тогда имеем при $v \neq -1$: $F_1(t) = \left[(1 + b_1 t)^{v+1} - 1 \right] / [b_1(v+1)]$. В частности, при $v = 0$ имеем: $f_1(t) = 1$ (постоянная), $F_1(t) = t$ (линейная зависимость от времени), что, как уже говорилось, соответствует экспоненциальному росту числа новых значений знака с линейным убыванием показателя экспоненты (10) с течением времени. При $v = 1$: $f_1(t) = 1 + b_1 t$ (линейная зависимость от t), $F_1(t) = \left[(1 + b_1 t)^2 - 1 \right] / (2b_1)$ (параболическая зависимость от t), что соответствует экспоненциальному росту полисемии с квадратичным убыванием показателя экспоненты с течением времени:

$$m_1(t) = G - (G - 1) \exp\left(-a_1 \left[(1 + b_1 t)^2 - 1 \right] / (2b_1)\right). \quad (12)$$

Неравенство $m_1(t) \leq G$ и асимптотика $m_1(\infty) = G$, естественно, сохраняются. Наконец, при $v = -1$: $f_1(t) = (1 + b_1 t)^{-1}$ (гиперболическая зависимость от времени), $F_1(t) = \ln(1 + b_1 t) / b_1$ (логарифмическая зависи-

мость от времени), что соответствует степенному (более медленному, чем экспоненциальный) росту числа новых значений знака:

$$m_1(t) = G - (G - 1)(1 + b_1 t)^{-a_1/b_1}. \quad (13)$$

2.3. Непрерывная диссипативная динамическая модель процесса потери ранее приобретённых знаком значений

Через некоторое время $\tau > 0$ после рождения знака, т.е. с момента времени $t = \tau$, начинается процесс потери знаком ранее приобретённых значений. Разница между числом $m_1(t)$ приобретённых к моменту времени t и числом $m_2(t)$ потерянных к этому моменту времени значений знака составит уровень $m(t) = m_1(t) - m_2(t) \geq 0$ актуальной (действующей на момент времени t) полисемии (далее – просто «полисемии»). Зависимость $m(t)$ определяет кривую развития полисемии знака во времени. Естественно предположить, что потеря $m_2(t)$ значений идёт по тому же закону, что и рост $m_1(t)$ новых значений, но с другими параметрами, обеспечивающими по крайней мере такой же или более медленный ход процесса потери уже приобретённых значений, чем приобретения новых значений (не более быстрый, чем у $m_1(t)$, ход $m_2(t)$ требуется для неотрицательности $m(t)$ – нельзя потерять больше значений знака, чем их приобретено). Тогда, аналогично дифференциальному уравнению (1), можно записать дифференциальное уравнение, определяющее закон потери знаком ранее приобретённых значений:

$$\dot{m}_2(t) = a_2 f_2(t)(G - m_2(t)), \quad t \geq \tau, \quad m_2(t) = 0, \quad 0 \leq t \leq \tau, \quad (14)$$

где $a_2 > 0$ – коэффициент пропорциональности, причём $a_2 \leq a_1$, $f_2(t) \geq 0$ – множитель, определяющий возможную зависимость коэффициента пропорциональности от времени t . Как видим, здесь учтено, что до момента времени τ потери значений не происходит: $m_2(t \leq \tau) = 0$. В непрерывной модели $m_2(t)$ также может принимать любые, не обязательно целочисленные значения, но уже из интервала $[0, G]$. Решение уравнения (14) имеет вид:

$$m_2(t) = 0, \quad 0 \leq t \leq \tau;$$

$$m_2(t) = G - G \exp(-a_2 F_2(t - \tau)), \quad t \geq \tau, \quad F_2(t) = \int_0^t f_2(t) dt. \quad (15)$$

Функция $f_2(t)$ ведёт себя подобно функции $f_1(t)$, а $F_2(t)$, следовательно, – подобно $F_1(t)$. Поэтому и $m_2(t)$ ведёт себя подобно $m_1(t)$, но изменяется не быстрее, чем $m_1(t)$ (благодаря неравенству $a_2 f_2(t) \leq a_1 f_1(t)$). В частности, при $f_2(t) \equiv 1$ (коэффициент пропорциональности не зависит от времени, постоянен) имеем $F_2(t) = t$ и чисто экспоненциальные потери ранее приобретённых значений знака:

$$m_2(t) = G - G \exp(-a_2 t). \quad (16)$$

Очевидно, $m_2(t) \leq G$ и верна асимптотика $m_2(\infty) = G$. Взяв аналогично предыдущему пункту $f_2(t) = (1+b_2 t)^v$, где $b_2 \geq 0$, получим при $v \neq -1$: $F_2(t) = \left[(1+b_2 t)^{v+1} - 1 \right] / [b_2(v+1)]$, в том числе при $v = 0$: $f_2(t) = 1$ (постоянная), $F_2(t) = t$ (линейная зависимость от времени), что соответствует экспоненциальной потере значений знака с линейным убыванием показателя экспоненты (16) с течением времени; при $v = 1$: $f_2(t) = 1+b_2 t$ (линейная зависимость от времени), $F_2(t) = \left[(1+b_2 t)^2 - 1 \right] / (2b_2)$ (параболическая зависимость от времени), что соответствует экспоненциальной потере значений знака с квадратичным убыванием показателя экспоненты с течением времени:

$$m_2(t) = G - G \exp\left(-a_2 \left[(1+b_2 t)^2 - 1 \right] / (2b_2)\right). \quad (17)$$

Неравенство $m_2(t) \leq G$ и асимптотика $m_2(\infty) = G$ сохраняются. Наконец, при $v = -1$ имеем: $f_2(t) = (1+b_2 t)^{-1}$ (гиперболическая зависимость от времени), $F_2(t) = \ln(1+b_2 t) / b_2$ (логарифмическая зависимость от времени), что соответствует степенному (более медленному, чем экспоненциальный) закону потери числа значений знака:

$$m_2(t) = G - G(1+b_2 t)^{-a_2/b_2}. \quad (18)$$

Если предположить, что временной ход коэффициентов пропорциональности для $m_1(t)$ и $m_2(t)$ идентичен, то можно принять (как частный случай) $f_1(t) = f_2(t) = f(t)$ и, следовательно, $F_1(t) = F_2(t) = F(t)$. Тогда должно выполняться и равенство параметров $b_1 = b_2 = b$.

2.4. Динамика развития полисемии знака в непрерывной диссипативной математической модели

Динамика кривой развития полисемии знака во времени определяется разностью процессов приобретения новых значений и потери ранее приобретённых значений:

$$m(t) = m_1(t) - m_2(t). \quad (19).$$

Можно показать, что она имеет асимметричный унимодальный характер со сдвигом пика развития полисемии к началу процесса. При одинаковом поведении множителей $f_1(t) = f_2(t) = f(t)$ в дифференциальных уравнениях роста и потери значений знака (1), (14) функция $m(t)$ определяется рядом параметров. Это G (начальный ассоциативно-семантический потенциал знака), a_1, a_2 (величины, обратные постоянным времени процессов роста и потери числа значений знака), τ (запаздывание начала процесса потери значений по отношению в начале процесса приобретения значений знака) и параметры функции $f(t)$. В частности, при $f(t) = (1+bt)^v$ это параметры $b > 0$ и v . Заметим, что параметры G, τ, a_1, a_2 не могут выбираться произвольно, независимо друг от друга. При выборе параметров τ, a_1, a_2 независимо от ассоциативно-семантического потенциала G пик кривой $m(t)$ активной полисемии остаётся на одном и том же месте на оси времени при разных G , но при одних и тех же τ, a_1, a_2 . Чтобы положение пика кривой $m(t)$ изменялось при изменении ассоциативно-семантического потенциала G (это соответствует качественным представлениям о развитии полисемии, изложенным в п. 1), запаздывание τ начала потери значений знака и параметры a_1, a_2 , определяющие скорости роста числа соответственно новых и теряемых значений знака, должны, по-видимому, как-то изменяться с изменением G . Точный характер этих зависимостей может быть выяснен только при сопоставлении модельных данных с данными представительных толковых словарей того или иного языка. Для иллюстрации влияния G на эти параметры примем пока (в первом приближении) линейную зависимость параметра τ от G : $\tau(G) \sim (G - 1)$ (знак $\sim$ здесь означает пропорциональную зависимость) и обратно пропорциональную зависимость параметров a_1, a_2 от G : $a_1(G) \sim 1/G, a_2(G) \sim 1/G$ (постоянные времени роста и потери значений знака пропорциональны G), хотя реальный ход этих зависимостей может оказаться иным (возможно, даже противоположным). При такой связи параметров получаем семейство при $G = 1, 3, 5, 10$ кривых развития полисемии в рассматриваемой модели, представленных на рис. 1–3 при $f_1(t)$ и $f_2(t - \tau)$ вида (11) с одинаковыми параметрами $b_1 = b_2 = b$ при разных $v = -1, 0, 1$ соответственно. Расчёты проведены при $b = 0.1, \tau = 2(G - 1)$.

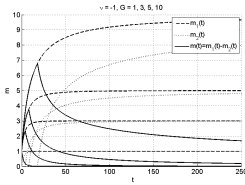

Рис. 1. Динамика развития полисемии при $v = -1, a_1 = 1/G, a_2 = 0.5/G$

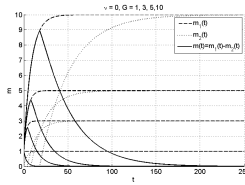

Рис. 2. Динамика развития полисемии при $v = 0, a_1 = 1.2/G, a_2 = 0.3/G$

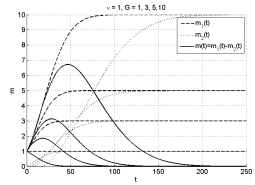

Рис. 3. Динамика развития полисемии при $v = 1, a_1 = 0.12/G, a_2 = 0.03/G$

Как видно, и при убывающей со временем (гиперболической) функции $f(t)$ ($v = -1$, рис. 1), и при постоянной $f(t)$ ($v = 0$, рис. 2), и при линейно растущей $f(t)$ ($v = 1$, рис. 3) имеем всё более замедляющийся монотонный рост как образования новых значений $m_1(t)$, так и потери уже приобретённых значений $m_2(t)$, а также унимодальный ход кривой изменения активной полисемии $m(t)$ с увеличивающимся с ростом G пиком, имеющим положительную асимметрию (смещение вершины пика влево, в сторону начала процесса). При $G > 1$ положение максимума смещается по оси времени вправо от нуля, а при $G = 1$ максимум остаётся в нуле. Однако при невозрастающей функции $f(t)$ (рис. 1, 2) максимум каждой кривой $m(t)$ располагается точно на запаздывании τ (в точке $t = \tau$), тогда как при возрастающей функции $f(t)$ (рис. 3) максимум располагается значительно правее точки $t = \tau$. Таким образом, в первых двух случаях процесс падения активной полисемии начинается сразу или почти сразу в момент $t = \tau$ начала процесса потери ранее приобретённых значений, что едва ли имеет место в действительности. Кроме того, представляются мало правдоподобными слишком острые максимумы (большие скачки производной на пике в точке $t = \tau$) кривой $m(t)$. Хотя производная разности двух неодинаково монотонно возрастающих непрерывных функций $m_1(t)$ и $m_2(t)$, сдвинутых друг относительно друга по аргументу (времени) на величину τ , в точке сдвига $t = \tau$ в общем случае всегда терпит разрыв первого рода (скачок), этот скачок при адекватной модели развития процесса полисемии не должен быть слишком заметным. В случае же растущей со временем функции $f(t)$ (рис. 3) вершина пика более гладкая, скачок практи-

чески не заметен, что более соответствует интуитивным представлениям о характере поведения кривой активной полисемии $m(t)$.

Таким образом, более адекватным с интуитивной точки зрения представляется такой выбор вида и параметров функции $f(t)$, при котором эта функция, оставаясь всегда неотрицательной, монотонно растёт со временем (например, линейно), что приводит к более быстрому, чем простой экспоненциальный, росту полисемии. Адекватной реальному характеру развития полисемии может быть также математическая модель с постоянной функцией $f(t)$, приводящая к чисто экспоненциальному росту и падению полисемии. Но вот модель с убывающей функцией $f(t)$, приводящая к более медленному, чем экспоненциальный, росту (а тем более спаду) полисемии, кажется наименее подходящей из-за слишком большой «затянутости» хвостов спада полисемии. Впрочем, окончательным критерием правильности выбора вида функции $f(t)$ может служить только лучшее согласие теоретической кривой $m(t)$ развития полисемии знака с реально наблюдаемыми кривыми.

Аттрактором (точкой притяжения, равновесия, покоя) траектории процесса $m(t)$ развития активной полисемии в фазовом пространстве значений процесса и его скоростей является точка $(0, 0)$, т.е. точка, где активная полисемия и скорость её изменения обращаются в нуль. Эта точка достигается при $t \rightarrow \infty$.

2.5. Вариационный принцип наименьшего действия, определяющий диссипативную динамическую модель развития активной полисемии знака

В п. 2.2 мы показали, что процесс $m_1(t)$ роста числа приобретаемых знаком значений в предположении диссипативности этого процесса удовлетворяет универсальному для многих явлений природы принципу наименьшего действия. Следовательно, аналогичный этому диссипативный процесс $m_2(t)$ потери знаком уже приобретённых ранее значений также подчиняется этому принципу. Возникает вопрос, подчиняется ли этому принципу разность диссипативных процессов роста и потери значений знака, т.е. процесс $m(t)$ развития активной полисемии знака.

Рассмотрим снова систему линейных дифференциальных уравнений (1), (14), приведя её к векторно-матричному виду:

$$\dot{y}(t) = -A(t)(y(t) - y^*), \quad (20)$$

где обозначено:

$$y(t) = \begin{pmatrix} m_1(t) \\ m_2(t) \end{pmatrix}, \quad y^* = \begin{pmatrix} G \\ G \end{pmatrix}, \quad A(t) = \begin{pmatrix} a_1 f_1(t) & 0 \\ 0 & a_2 f_2(t - \tau) \end{pmatrix}. \quad (21)$$

Матрица коэффициентов $A(t)$ – диагональная с разными диагональными элементами. Перейдём от переменных $m_1(t)$, $m_2(t)$ к суммарно-разностным переменным

$$z_1(t) = m_1(t) - m_2(t) = m(t), \quad z_2(t) = m_1(t) + m_2(t). \quad (22)$$

Первая из них выражает интересующую нас активную полисемию $m(t) = z_1(t)$. Из векторного линейного дифференциального уравнения (20) для старых переменных легко получить векторное линейное дифференциальное уравнение для новых переменных (22):

$$\dot{z}(t) = -B(t)(z(t) - z^*). \quad (23)$$

Векторы-столбцы $z(t)$, z^* , вспомогательные матрицы C и C^{-1} преобразования старых переменных в новые и обратно и матрица $B(t)$ имеют вид:

$$z(t) = \begin{pmatrix} z_1(t) \\ z_2(t) \end{pmatrix}, \quad z^* = E \begin{pmatrix} G \\ G \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0 \\ 2G \end{pmatrix}, \quad C = \begin{pmatrix} 1 & -1 \\ 1 & 1 \end{pmatrix}, \quad C^{-1} = \frac{1}{2} \begin{pmatrix} 1 & 1 \\ -1 & 1 \end{pmatrix},$$

$$B(t) = CA(t)C^{-1} = \frac{1}{2} \begin{pmatrix} a_1 f_1(t) + a_2 f_2(t - \tau) & a_1 f_1(t) - a_2 f_2(t - \tau) \\ a_1 f_1(t) - a_2 f_2(t - \tau) & a_1 f_1(t) + a_2 f_2(t - \tau) \end{pmatrix}. \quad (24)$$

Матрица коэффициентов $B(t)$ – симметричная с одинаковыми диагональными элементами. Исключив из векторного дифференциального уравнения (23) вторую компоненту $z_2(t)$ вектора $z(t)$, приведём его к скалярному дифференциальному уравнению второго порядка для первой переменной $z_1(t)$, т.е. для $m(t)$:

$$\ddot{m}(t) + 2\alpha(t)\dot{m}(t) + \beta(t)m(t) = 0, \quad (25)$$

где

$$\alpha(t) = B_{11}(t) = a_1 f_1(t) + a_2 f_2(t - \tau) > 0,$$

$$\beta(t) = B_{11}^2(t) - B_{12}^2(t) = 4a_1 f_1(t) a_2 f_2(t - \tau) > 0, \quad (26)$$

причём корни u_1 , u_2 характеристического уравнения $u^2 + 2\alpha(t)u + \beta(t) = 0$ – действительные, различные и отрицательные. Решением нестационарного уравнения (25) с граничными условиями

$m(0) = 1$, $m(\infty) = 0$ является неотрицательная унимодальная аperiодическая функция с максимумом в некоторой точке $t^* \geq \tau$. Вид семейств таких функций представлен на рис. 1–3.

Введём в рассмотрение обобщённую координату $q(t)$ подстановкой

$$m(t) = q(t) \exp\left(-\int \alpha(t) dt\right). \quad (27)$$

С помощью этой подстановки приведём уравнение (25) к виду [Стрелков, с.153]:

$$\ddot{q}(t) + \varphi(t)q(t) = 0, \quad (28)$$

где

$$\varphi(t) = \beta(t) - \dot{\alpha}(t) - \alpha^2(t). \quad (29)$$

Используя соотношения (26), получим:

$$\varphi(t) = -(a_1 f_1(t) - a_2 f_2(t - \tau))^2 - (a_1 \dot{f}_1(t) + a_2 \dot{f}_2(t - \tau)). \quad (30)$$

Построим две функции: $T(t) = (dq(t)/dt)^2/2$ – кинетическую энергию в момент времени t процесса развития полисемии, зависящую от времени не явно, а только через производную обобщённой координаты $q(t)$, и $U(t) = \varphi(t)q(t)^2/2$ – потенциальную функцию в момент времени t , зависящую от обобщённой координаты $q(t)$ и явно зависящую от времени через переменный коэффициент $\varphi(t)$. При $\varphi(t) \leq 0$, что имеет место, когда функции $f_1(t)$ и $f_2(t - \tau)$ растут со временем, остаются постоянными или убывают не слишком быстро, оставаясь неотрицательными, потенциальное поле диссипативных сил замедляет или останавливает рост полисемии. При $\varphi(t) > 0$, когда функции $f_1(t)$ и $f_2(t - \tau)$ быстро убывают со временем, оставаясь неотрицательными, потенциальное силовое поле ускоряет рост полисемии.

Составим из функций $T(t)$ и $U(t)$ функцию Лагранжа $L(t) = T(t) - U(t)$, выражающую превышение кинетической энергии над потенциальной функцией, т.е. имеющую смысл функции действия, и найдём закон изменения обобщённой координаты $q(t)$, обеспечивающий минимум функционала действия:

$$S = \int_0^{\infty} (T - U) dt \Rightarrow \min_{q(t)} \quad (31)$$

(точнее, его экстремум, так как знак потенциальной функции может меняться). Решение этой вариационной задачи приводит к известному

[Маркеев; Эльсгольц] уравнению Эйлера–Лагранжа, определяющему единственную экстремаль функционала (31):

$$\frac{d}{dt} \frac{\partial L}{\partial \dot{q}} - \frac{\partial L}{\partial q} = 0, \quad (32)$$

где обозначено: $\dot{q} = dq/dt$. Нетрудно видеть, что в результате взятия указанных в (32) производных мы в точности получаем дифференциальное уравнение (28), т.е. функция $q(t)$, а, следовательно, и функция $m(t)$, удовлетворяющая уравнению (25), выводятся из принципа наименьшего (экстремального) действия (31).

Этот же результат можно получить в другой форме – в форме Гамильтона. Введём канонически сопряжённую (по Гамильтону) переменную – обобщённый импульс $p(t) = dq(t)/dt = \dot{q}(t)$. Представим дифференциальное уравнение второго порядка (28) системой двух дифференциальных уравнений первого порядка для обобщённых (канонически сопряжённых) координат $q(t), p(t)$:

$$\dot{q}(t) = p(t), \quad \dot{p}(t) = -\varphi(t)q(t). \quad (33)$$

Построим две функции: $T(p) = p^2/2$ – кинетическую энергию процесса развития полисемии, зависящую только от обобщённого импульса p и не зависящую явно от времени, и $U(t, q) = \varphi(t)q^2/2$ – потенциальную функцию, зависящую от обобщённой координаты q и явно зависящую от времени через $\varphi(t)$. Составим из них функцию Гамильтона

$$H(t, q, p) = T(p(t)) - U(t, q(t)),$$

имеющую смысл функции действия (превышения кинетической энергии над потенциальной функцией), и покажем, что уравнения состояния, представленные через канонически сопряжённые переменные в виде (33), выводятся из принципа наименьшего (точнее, экстремального) действия:

$$S = \int_0^{\infty} (T - U) dt \Rightarrow \min_{q(t), p(t)}. \quad (34)$$

Решение этой вариационной задачи в форме Гамильтона приводит к необходимым условиям экстремума функционала (34) в виде системы канонических дифференциальных уравнений Гамильтона в частных производных [Маркеев; Эльсгольц]:

$$\frac{dq(t)}{dt} = \frac{\partial H(t, q, p)}{\partial p}, \quad \frac{dp(t)}{dt} = -\frac{\partial H(t, q, p)}{\partial q}. \quad (35)$$

Выполнив взятие производных, указанных в уравнениях (35), в точности получим систему уравнений (33), эквивалентную уравнению (28) и, следовательно, уравнению (25). Нетрудно показать, что на оптимальной фазовой траектории (на экстремали $q(t)$ и $p(t)$) функция Гамильтона $H(t, q(t), p(t))$ также принимает экстремальные для каждого момента времени значения. Таким образом, как и в случаях только роста числа значений $m_1(t)$ или только их утраты $m_2(t)$, функция действия для активной полисемии $m(t)$ (функция Гамильтона) в каждый момент текущего времени принимает минимальное (экстремальное) из возможных значение, но это значение не постоянно и тем более не обращается всюду на оси времени в нуль. Это является следствием нестационарности (неконсервативности) потенциальной функции, не позволяющей функции Гамильтона принять на оптимальной траектории развития активной полисемии постоянное значение, в том числе равное нулю.

Рассмотрим поведение фазовых траекторий активной полисемии в пространстве фазовых координат «полисемия – скорость полисемии». Введём эти координаты: $x_1(t) = m(t)$, $x_2(t) = dm(t)/dt$. Представим дифференциальное уравнение второго порядка (25), определяющее процесс развития активной полисемии, в виде системы двух уравнений первого порядка:

$$\dot{x}_1 = x_2(t), \quad \dot{x}_2(t) = -\beta(t)x_1(t) - 2\alpha(t)x_2(t) \quad (36)$$

с начальными условиями, получаемыми с использованием уравнения (1):

$$x_1(0) = x_{10} = 1, \quad x_2(0) = x_{20} = a_1 f_1(0)(G - 1). \quad (37)$$

Разделив второе уравнение системы (36) на первое, получим дифференциальное уравнение для фазовой траектории процесса развития полисемии:

$$\frac{dx_2}{dx_1} = -2\alpha(t) - \beta(t) \frac{x_1}{x_2} \quad (38)$$

с начальным условием (37). Уравнение (38) – однородное степени однородности 1. Его можно решить, используя подстановку $u = x_2/x_1$, приводящую к дифференциальному уравнению:

$$u_1 \frac{du}{u-u_1} - u_2 \frac{du}{u-u_2} = -(u_1 - u_2) \frac{dx_1}{x_1}, \quad (39)$$

где u_1, u_2 – действительные, различные, отрицательные корни характеристического уравнения $u^2 + 2\alpha(t)u + \beta(t) = 0$:

$$u_{1,2} = -\alpha(t) \pm \sqrt{\alpha^2(t) - \beta(t)}.$$

Принтегрировав уравнение (39) с указанными выше начальными условиями x_{10}, x_{20} , получим его решение (в неявной форме):

$$\frac{|x_2 - u_1 x_1|^{u_1}}{|x_2 - u_2 x_1|^{u_2}} = c_0 = \frac{|x_{20} - u_{10} x_{10}|^{u_{10}}}{|x_{20} - u_{20} x_{10}|^{u_{20}}}, \quad (40)$$

Используя соотношения (26), получим:

$$u_1(t) = -2a_1 f_1(t), \quad u_2(t) = -2a_2 f_2(t - \tau);$$

$$u_{10} = u_1(0) = -2a_1 f_1(0), \quad u_{20} = u_2(0) = 0.$$

Точка максимума кривой развития полисемии – точка $(t_{\max}, m_{\max})$, фазовые координаты которой есть $x_1(t_{\max}) = m_{\max}, x_2(t_{\max}) \neq 0$ (в общем случае производная кривой полисемии в точке максимума не равна нулю вследствие излома кривой в точке максимума). Поэтому и $dx_2/dx_1 \neq 0$ в точке максимума по x_1 фазовой траектории. Уравнение (40) позволяет вычислить скорость $x_2(t_{\max})$ изменения процесса развития полисемии в точке максимального значения активной полисемии $x_1(t_{\max}) = m_{\max}$, но только численно. К сожалению, уравнение (40) мало пригодно для аналитического исследования, хотя заведомо известно, что на фазовой траектории имеется единственная точка максимума, отличная от начальной точки при $G > 1$, и совпадающая с начальной точкой при $G = 1$.

Фазовые траектории трудно определять численно из уравнения (40). Проще получить их, вычислив сначала $m_1(t)$ и $m_2(t)$ как параметрические (зависящие от параметра t) решения (9), (15) уравнений (1), (14), и в качестве $x_1(t)$ выбрать разность $m(t)$ этих решений, а затем вычислить правые части уравнений (1), (14) и в качестве $x_2(t)$ выбрать их разность. Это будет $dm(t)/dt$.

На рис. 4–6 приведены семейства фазовых траекторий развития полисемии при различных G и ν и при тех же параметрах, что на рис. 1-3.

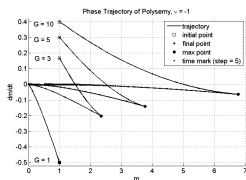

Рис. 4. Фазовые траектории развития полисемии при $\nu = -1$, $a_1 = 1/G$, $a_2 = 0.5/G$

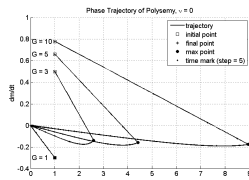

Рис. 5. Фазовые траектории развития полисемии при $\nu = 0$, $a_1 = 1.2/G$, $a_2 = 0.3/G$

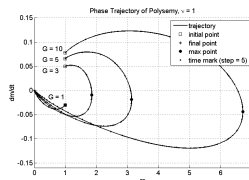

Рис. 6. Фазовые траектории развития полисемии при $\nu = 1$, $a_1 = 0.12/G$, $a_2 = 0.03/G$

Как видно из сравнения рис. 4–6, более плавный ход фазовой траектории полисемии обеспечивается при возрастающих со временем коэффициентах в законах роста и выпадения полисемии ($\nu > 0$). Атрактором (конечной точкой фазовых траекторий процесса развития полисемии, точкой их равновесия, покоя) является точка $(0, 0)$ – начало координат. Точки максимума (пика) процесса развития полисемии изображены жирными точками. Начальные точки фазовых траекторий изображены квадратными маркерами. Видно, что при $G = 1$ начальная скорость изменения полисемии отрицательна и остаётся отрицательной на всей фазовой траектории, т.е. процесс $m(t)$ развития полисемии затухает, не образуя новых значений, так как не имеет запаса полисемии. При $G > 1$ начальная скорость изменения полисемии всегда положительна, каждая фазовая траектория имеет единственную точку пересечения с горизонтальной осью, но не в точке максимума, а лишь вблизи неё. Последнее означает, что производная процесса $m(t)$ развития полисемии в точке максимума не обращается в нуль из-за недифференцируемости функции $m(t)$ в этой точке (в точке максимума происходит излом кривой развития полисемии, скачок её производной, что хорошо видно на рис. 1–3).

3. Дискретная нестационарная математическая модель диссипативной динамики развития полисемии знака

3.1. Дискретная детерминированная диссипативная модель

В дискретной математической модели роста полисемии будем считать, что ассоциативно-семантический потенциал знака $G \geq 1$ – целое

число, и количественный показатель роста числа новых значений знака m_1 может принимать только положительные целочисленные значения $k = 1, 2, \dots, G$ из интервала $[1, G]$. Пусть в начальный момент времени $t_1^{(1)} = 0$ появляется языковой знак в своём первоначальном значении, так что $m_1(t_1^{(1)}) = 1$. Предположим, что в процессе роста числа новых значений каждое новое $(k + 1)$ -ое значение языкового знака появляется в хронологическом порядке в момент времени $t_{k+1}^{(1)}$, более поздний, чем момент $t_k^{(1)}$ появления предыдущего значения ($t_1^{(1)} < t_2^{(1)} < \dots < t_k^{(1)} < t_{k+1}^{(1)} < \dots < t_G^{(1)}$). Другими словами, будем считать, что моменты появления новых значений языкового знака строго упорядочены. Это ограничение невозможности одновременного появления нескольких значений (связок значений) введено для простоты и в последующем может быть снято (тогда можно будет считать, что появление нескольких новых значений может произойти в один и тот же момент времени, как и выпадение из употребления сразу нескольких значений). Однако, реальные процессы развития полисемии протекают чрезвычайно медленно, вероятность рождения или потери двух и более значений языкового знака на исчезающе малом интервале времени исчезающе мала (известное в теории случайных процессов условие ординарности потока редких событий). Поэтому в математической модели развития полисемии появлением или исчезновением сразу нескольких значений знака можно пренебречь. Тогда в момент времени $t_k^{(1)}$ ($k = 1, 2, \dots, G$) начальный ассоциативно-семантический потенциал знака G уменьшается на величину $m_1(t_k^{(1)}) = k$ и становится равным $G - m_1(t_k^{(1)})$. Процесс приобретения знаком новых значений завершается в тот момент времени $t_G^{(1)}$, когда ассоциативно-семантический потенциал знака исчерпывается, становится равным нулю. В этот момент времени $m_1(t_G^{(1)}) = G$.

Аналогичным образом ведёт себя и процесс потери знаком уже приобретённых значений, начинающийся с запаздыванием τ , так что $t_1^{(2)} = \tau$, а $m_2(t_1^{(2)}) = 1$.

Как и в непрерывной модели, предположим, что рост числа новых значений знака является диссипативным (но теперь уже дискретным) процессом. Это значит, что скорость роста числа новых значений знака (приращение числа новых значений знака в единицу времени) в момент времени $t_k^{(1)}$, измеряемая величиной, обратной длине интервала времени между появлением соседних значений, пропорциональна оставшемуся (неизрасходованному) к этому моменту времени ассоциативно-семантическому потенциалу знака $G - m_1(t_k^{(1)})$ (запасу полисемии):

$$\frac{m_1(t_{k+1}^{(1)}) - m_1(t_k^{(1)})}{t_{k+1}^{(1)} - t_k^{(1)}} = \frac{(k+1) - k}{t_{k+1}^{(1)} - t_k^{(1)}} = \frac{1}{t_{k+1}^{(1)} - t_k^{(1)}} = a_1 f_1(t_k^{(1)})(G - k),$$

$$k = \overline{1, G-1}. \quad (41)$$

Аналогично для процесса потери уже приобретённых значений:

$$\frac{m_2(t_{k+1}^{(2)}) - m_2(t_k^{(2)})}{t_{k+1}^{(2)} - t_k^{(2)}} = \frac{(k+1) - k}{t_{k+1}^{(2)} - t_k^{(2)}} = \frac{1}{t_{k+1}^{(2)} - t_k^{(2)}} = a_2 f_2(t_k^{(2)})(G - k),$$

$$k = \overline{1, G-1}. \quad (42)$$

Из этих соотношений следуют рекуррентные уравнения, определяющие моменты появления новых значений и потери уже приобретённых значений (моменты рождения $t_k^{(1)}$ и гибели $t_k^{(2)}$ значений):

$$t_{k+1}^{(1,2)} = t_k^{(1,2)} + \frac{1}{a_{1,2} f_{1,2}(t_k^{(1,2)})}(G - k), \quad k = \overline{1, G-1}, \quad t_1^{(1)} = 0, \quad t_1^{(2)} = \tau. \quad (43)$$

Эти уравнения для обоих процессов совершенно идентичны по форме, отличия – только в коэффициентах и начальных условиях. Они определяют детерминированный (в рамках детерминированной динамической модели) поток событий, связанных с рождением и гибелью значений языкового знака. Характеристики этого потока можно рассматривать как усреднённые характеристики типового случайного потока развития полисемии.

Длительность жизни каждого значения определяется разностью:

$$L_k = t_k^{(2)} - t_k^{(1)}, \quad k = \overline{1, G}. \quad (44)$$

Если для какого-то произвольно взятого момента непрерывного времени t выполняется условие

$$t_k^{(1)} \leq t \leq t_k^{(2)}, \quad k = \overline{1, G}, \quad (45)$$

то k -е значение является живущим в этот момент.

На рис. 7–9 представлены кривые процессов развития (актуальной) полисемии, полученные с использованием дискретной динамической модели в сравнении с непрерывной моделью.

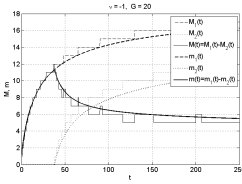

Рис. 7. Динамика развития полисемии по дискретной ($M(t)$) и непрерывной ($m(t)$) моделям при $\nu = -1$, $a_1 = 1/G$, $a_2 = 0.5/G$, $G = 20$.

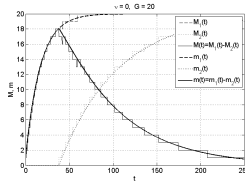

Рис. 8. Динамика развития полисемии по дискретной ($M(t)$) и непрерывной ($m(t)$) моделям при $\nu = 0$, $a_1 = 1.2/G$, $a_2 = 0.3/G$, $G = 20$.

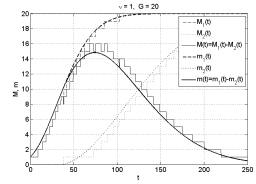

Рис. 9. Динамика развития полисемии по дискретной ($M(t)$) и непрерывной ($m(t)$) моделям при $\nu = 1$, $a_1 = 0.12/G$, $a_2 = 0.03/G$, $G = 20$.

Видно хорошее совпадение результатов (с точностью до дискретизации). Моменты скачков вверх ступенчатой кривой $M_1(t)$ соответствуют рождению следующего значения знака, кривой $M_2(t)$ – выходу из употребления соответствующего значения знака, кривой $M(t)$ – увеличению числа живущих в данный момент времени значений знака на единицу, а моменты скачков кривой $M(t)$ вниз соответствуют уменьшению числа живущих в данный момент времени значений знака на единицу. Горизонтальные участки ступенчатых кривых соответствуют интервалам постоянства числа рождённых, вышедших из употребления или живущих значений знака (в зависимости от кривой).

На рис. 10–12 представлены интервалы жизни значений, полученные на основе дискретной динамической модели. Видно (см. также рис. 13–15), что более позднее рождение значения сопровождается более долгим временем его жизни (проявление более высокой абстрактности, а поэтому и большей стабильности более поздних значений).

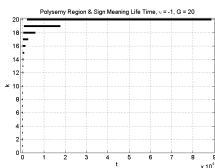

Рис. 10. Интервалы жизни значений знака при $v = -1$, $a_1 = 1/G$, $a_2 = 0.5/G$, $G = 20$.

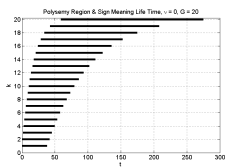

Рис. 11. Интервалы жизни значений знака при $v = 0$, $a_1 = 1.2/G$, $a_2 = 0.3/G$, $G = 20$.

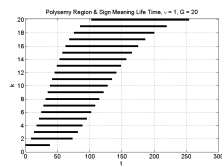

Рис. 12. Интервалы жизни значений знака при $v = 1$, $a_1 = 0.12/G$, $a_2 = 0.03/G$, $G = 20$.

На рис. 13–15 представлены длительности жизни значений, полученные на основе дискретной динамической модели. Видно, что более абстрактные значения (с более высоким номером k) живут более долго.

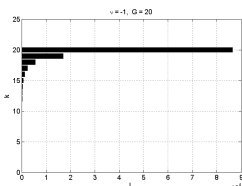

Рис. 13. Длительности жизни значений знака при $v = -1$, $a_1 = 1/G$, $a_2 = 0.5/G$, $G = 20$.

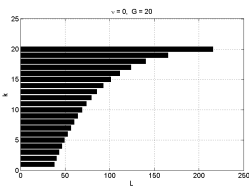

Рис. 14. Длительности жизни значений знака при $v = 0$, $a_1 = 1.2/G$, $a_2 = 0.3/G$, $G = 20$.

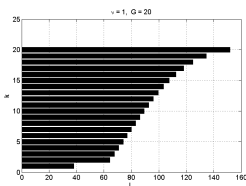

Рис. 15. Длительности жизни значений знака при $v = 1$, $a_1 = 0.12/G$, $a_2 = 0.03/G$, $G = 20$.

На рис. 16–18 представлены множества живущих в каждый момент времени значений. Видно, как в процессе развития полисемии меняется качественный состав активной полисемии. Вертикальные столбики отмечают (через каждые 10 единиц времени) диапазоны номеров (уровней абстракции) значений, живущих в этот момент времени. Диапазон живущих значений в произвольный момент времени соответствует вертикальному интервалу между ступенчатыми кривыми рождения и выхода из употребления значений.

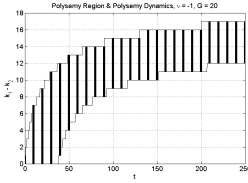

Рис. 16. Множество живущих значений знака при $v = -1$, $a_1 = 1/G$, $a_2 = 0.5/G$, $G = 20$.

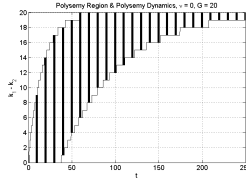

Рис. 17. Множество живущих значений знака при $v = 0$, $a_1 = 1.2/G$, $a_2 = 0.3/G$, $G = 20$.

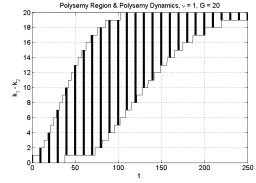

Рис. 18. Множество живущих значений знака при $v = 1$, $a_1 = 0.12/G$, $a_2 = 0.03/G$, $G = 20$.

3.2. Дискретная стохастическая диссипативная модель

Рассмотренная выше детерминированная диссипативная динамическая модель процесса развития полисемии знака основана на интуитивных представлениях о природе этого явления и удовлетворяет вариационному принципу наименьшего действия. Обратим внимание, что эта модель неконсервативна. Она явно зависит от времени через функции $f_1(t)$ и $f_2(t)$, которые до сих пор рассматривались как детерминированные, не случайные. Такие динамические модели с переменной диссипацией в последнее время интенсивно изучаются (см., например, [Шамолин]). Ценность динамических моделей с переменной диссипацией состоит в том, что от них легко перебросить мостик к стохастическим диссипативным динамическим системам. В нашей модели развития полисемии для этого достаточно рассматривать функции $f_1(t)$ и $f_2(t)$ как случайные с некоторым распределением вероятностей. Особенно удобно построить стохастическую модель развития полисемии в дискретной модели. Да и по смыслу она более адекватна реальности, чем непрерывная модель.

Введём в функции $f_1(t)$ и $f_2(t)$ статистически независимые неотрицательные стохастические множители $R_1(t) \geq 0$ и $R_2(t) \geq 0$, имеющие единичную медиану распределения. Ясно, что их распределение вероятностей должно быть асимметричным с положительной асимметрией (со смещением максимума, т.е. моды распределения, в сторону нуля). Например, пусть для выражений (43) эти множители имеют вид:

$$R_{1,2}(t_k^{(1,2)}) = \exp\left(-\frac{\xi}{\xi_k^{(1,2)}}\right), \quad (46)$$

где $\xi_k^{(1)}, \xi_k^{(2)}$ – независимые случайные величины, распределённые по нормальному закону с нулевым математическим ожиданием и единичной дисперсией, т.е. имеющие стандартное нормальное распределение. Можно показать, что медианы распределений величин $R_{1,2}$ близки к 1. На рис. 19 представлена гистограмма распределения величины $R = \exp(-\xi)$, полученная по 10000 значений случайной величины ξ , имеющей стандартное нормальное распределение.

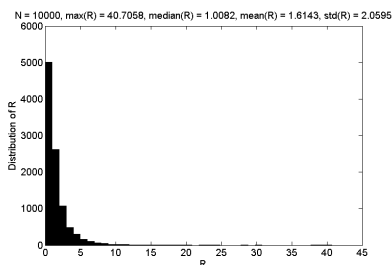

Рис. 19. Гистограмма распределения величины $R = \exp(-\xi)$, $\xi \in N(0,1)$.

Рекуррентные уравнения (43), определяющие моменты появления новых значений знака и потери уже приобретённых значений (моменты рождения $t_k^{(1)}$ и гибели $t_k^{(2)}$ значений знака), принимают вид стохастических разностных уравнений с мультипликативным «шумом» R :

$$t_{k+1}^{(1,2)} = t_k^{(1,2)} + \frac{R_{1,2}(t_k^{(1,2)})}{a_{1,2} f_{1,2}(t_k^{(1,2)}) (G - k)}, \quad k = \overline{1, G-1}, \quad t_1^{(1)} = 0, \quad t_1^{(2)} = \tau. \quad (47)$$

Второе слагаемое в правой части этого уравнения формирует случайную задержку рождения или гибели следующего по иерархии значения знака в зависимости от оставшегося запаса полисемии на текущем уровне иерархии.

Заметим, что деление или умножение правой части уравнений (47) на стохастический множитель R не имеет значения, если этот множитель – вида (46). Знак в показателе экспоненты (46) может быть любым, так как распределение величин ξ – симметричное (нормальное). Стохастические уравнения (47) для обоих процессов совершенно идентичны по форме, отличия – только в коэффициентах и начальных

условиях. Они определяют теперь стохастический поток событий, связанных с рождением и гибелью значений языкового знака. Единственное ограничение, которое следует дополнительно наложить на процессы, моделируемые уравнениями (47), состоит в том, чтобы исключить появление отрицательных значений длительности жизни значения знака, вычисляемой по формуле (44). Это легко достигается введением условия $t_k^{(2)} \geq t_k^{(1)}$, приравнивающего $t_k^{(2)}$ к $t_k^{(1)}$ в случае нарушения этого неравенства. Эксперименты с моделью показывают, что вероятность этого события при разумно выбранных параметрах модели очень мала. Медиана стохастического потока развития полисемии совпадает с динамикой детерминированного потока, для которого $R^{(1,2)} = 1$. Таким образом, детерминированная диссипативная динамическая модель развития полисемии определяет медиану её стохастического развития, т.е. является усреднённой характеристикой случайного процесса развития полисемии, в котором образование новых значений и потеря уже приобретённых значений языкового знака являются стохастическими процессами.

На рис. 20–22 представлены результаты статистического моделирования стохастической динамики развития полисемии по рассмотренной выше схеме в соответствии со стохастическими рекуррентными уравнениями (47), определяющими моменты рождения и утраты значений знака, с использованием стандартного датчика нормально распределённых псевдослучайных чисел ξ и преобразователя (46) этих чисел в мультипликативный «шум» процесса развития полисемии.

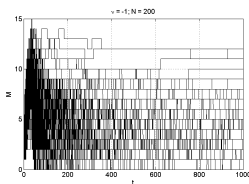

Рис. 20. Стохастическая динамика полисемии при $v = -1$, $a_1 = 1/G$, $a_2 = 0.5/G$, $G = 20$.

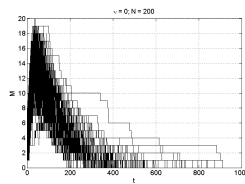

Рис. 21. Стохастическая динамика полисемии при $v = 0$, $a_1 = 1.2/G$, $a_2 = 0.3/G$, $G = 20$.

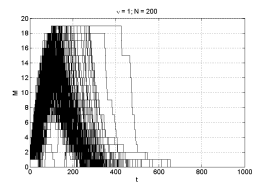

Рис. 22. Стохастическая динамика полисемии при $v = 1$, $a_1 = 0.12/G$, $a_2 = 0.03/G$, $G = 20$.

Моделировалось $N = 200$ независимых реализаций процесса развития полисемии на интервале времени t от 0 до 1000 единиц времени при $G = 20$. Прочие параметры совпадают с параметрами детерминированной модели.

Из сравнения рис. 20–22 видно, что при убывающих во времени коэффициентах диссипативной модели развития полисемии ($\nu = -1$) полисемия затухает очень медленно, «хвосты» затухания очень длинные и «тяжёлые» в вероятностном смысле (принимают на себя заметную часть распределения полисемии), имеют большую статистическую изменчивость (большую дисперсию). При постоянных коэффициентах ($\nu = 0$) затухание происходит быстрее, «хвосты» короче и «легче», дисперсия их меньше. При возрастающих во времени коэффициентах ($\nu = 1$) затухание происходит ещё быстрее, «хвосты» ещё короче и ещё «легче», их дисперсия ещё меньше, но разброс кривых (их дисперсия) на спаде кривой полисемии больше. Весь процесс развития полисемии в последнем случае более компактен.

4. Заключение

Предложенная в данной работе детерминированная диссипативная динамическая модель процесса развития полисемии знака основана на интуитивных представлениях о природе этого явления. Это неконсервативная модель, явно зависящая от времени через коэффициенты модели и удовлетворяющая вариационному принципу наименьшего действия. Для проверки её адекватности реальному поведению процесса развития полисемии знака необходимо знание реальной истории развития полисемии хотя бы некоторого числа языковых знаков. Это касается знания хронологического порядка (моментов времени) рождения и выхода из употребления каждого значения конкретного языкового знака. Трудности получения такого знания очевидны ввиду необычайной медленности процесса развития полисемии и ухода его начала зачастую в глубокую древность. Кроме того, детерминированная модель едва ли может сколько-нибудь точно воспроизвести процесс развития полисемии конкретного языкового знака на большом интервале времени не только вследствие нестационарности (зависимости от времени), но и случайности этого процесса. Поэтому её можно рассмат-

ривать лишь как некоторое приближение в среднем к реальным, по-видимому, действительно случайным и нестационарным процессам развития полисемии языковых знаков.

Стохастическое расширение этой модели, проведённое путём введения в коэффициенты модели мультипликативного шума, не противоречит свойству диссипативности модели и принципу наименьшего действия. И оно позволяет моделировать стохастическую динамику процесса развития полисемии знака. Каждая реализация такого моделирования при заданном ассоциативно-семантическом потенциале G может рассматриваться как один из вероятных вариантов процесса развития полисемии одного конкретного знака, обладающего этим потенциалом. Другая реализация может соответствовать тогда процессу развития полисемии другого знака, обладающего тем же потенциалом. И так далее. Законы распределения стохастических факторов, управляющих этим процессом, нельзя, однако, вывести из рассматриваемой модели, они должны быть выведены из сопоставления модельных исследований с реальными данными развития полисемии знаков конкретного языка. А также с учётом в модели граничных условий существования языка, т.е. вариативности «внешних» условий осуществления языком своей коммуникативной функции, определяющей, в конечном счёте и вариативность «внутренних» параметров эволюционного процесса.

Дальнейшее развитие этой модели позволит, на наш взгляд, исследовать методами математического моделирования:

- 1) другие микропроцессы в лексике (развитие смыслового объёма, частоты, длины, омонимии, синонимии и т.п.), а также во фразеологии и словообразовании;
- 2) зависимости **от главного фактора – времени каждого из других параметров знака** (смыслового объёма, частоты, длины, омонимии, синонимии) и **попарные их зависимости друг от друга** (типа смысловой объём от полисемии; частота – от полисемии и т.п.);
- 3) поведение ансамблей знаков, вероятностные пучки их траекторий на основе гипотез о распределении в языке знаков по определённому закону (типа гиперболического или экспоненциального), а также гипотез о варьировании таких двух характеристик, как степень активности и степень стабильности знака;

- 4) законы распределения слов в языке по числу значений, смысловому объёму, частоте употребления и т.п. на основе получения синхронного сечения пучков траекторий развития полисемии, смыслового объёма и т.п. ансамблей знаков.

Литература

- Поликарпов А. А.* (1988). К теории жизненного цикла лексических единиц // Прикладная лингвистика и автоматический анализ текстов: Тез. докл. науч. конф. (28–30 января 1988 г.). – Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1988. – С. 66.
- Поликарпов А. А.* (1990). Лексическая полисемия в эволюционном аспекте // *Linguistica-1990 (Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis, No 911)*. – Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1990. – С. 76–86.
- Polikarpov A. A.* (1991). On the Hypothesis of Word Life Cycle // *Qualico-91. First Conference on Quantitative Linguistics: Abstracts*. – Trier: Trier Univ.Press, 1991. – P. 60–63.
- Polikarpov A. A.* (1993). A Model of the Word Life Cycle // *Contributions to Quantitative Linguistics / Ed. by R. Koehler, B. B. Rieger*. – Dordrecht: Kluwer, 1993. – P. 53–66.
- Поликарпов А. А.* (1994). Закономерности жизненного цикла слова и эволюция языка. Статья 1. Моделирование основных системных соотношений // *Русский филологический вестник*. – 1994. – Том 79, вып. 1. – С. 85–100.
- Поликарпов А. А.* (1995). Закономерности жизненного цикла слова и эволюция языка. Статья 2. Теория и эксперимент // *Русский филологический вестник*. – 1995. – Том 80, вып. 1. – С. 77–92.
- Поликарпов А. А.* (1998). Циклические процессы в становлении лексической системы языка: Моделирование и эксперимент: автореф. дис. д-ра филол. наук. – М., 1998. – 55 с.
- Khmelev D. V., Polikarpov A. A.* Basic Assumptions about a Sign's Life Cycle for Mathematical Modelling of Language System Evolution // *Abstracts of Papers from Qualico'2000 – 4th Quantitative Linguistics Conference (Prague, 24–26 August 2000)*. – Prague, 2000.
- Polikarpov A. A.* (2001). Cognitive Model of Lexical System Evolution and its Verification [Электронный ресурс] // *Philol.msu.ru*: Сайт лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. – М., 2001. – URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/articles/cogn_ev.htm (Дата обращения 05.02.2015).

- Поликарпов А. А., Селезнева-Елецкая Л. А.* Степень абстрактности и субъективности смысла – факторы варьирования степени сохранности во времени его лексических обозначений // Сравнительно- историческое исследование языков: Современное состояние и перспективы: Сб. статей по материалам Междунар. науч. конф. (Москва, 22–24 января 2003 г.). / Составитель В. А. Кочергина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 327–376.
- Поликарпов А. А.* (2007а). Системно-квантитативный подход в лингвистике // Филологические школы и их роль в систематизации научных исследований. – Смоленск: Маджента, 2007. – С. 35–59.
- Поликарпов А. А.* (2007б). Системная зависимость степени сохранности древнерусских слов в современном русском языке от их возраста, категориальной принадлежности, частоты и полисемии // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте / Под общ. ред. В. А. Кочергиной. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – С. 232–260.
- Поликарпов А. А., Кукушкина О. В., Токтонов А. Г.* Проверка теоретически предсказанных неадериватологических закономерностей данными русской корпусной неадериватографии // Теория и история славянской лексикографии. / Отв. ред. М. И. Чернышева: Сб. М., 2008. – С. 392–427.
- Поликарпов А. А.* (2009а). Системно-квантитативный анализ многозначности лексики китайского языка в ее взаимосвязи со структурными и стилистическими характеристиками // Вестник Смоленского государственного университета. – 2009. – №4 (8). – С. 133–152.
- Поликарпов А. А.* (2009б). Универсальные, типологические, локально-смысловые и частно-лингвистические факторы исторической сменяемости знаковых единиц языка // VIII Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (Москва, 23–24 сентября 2009 г.): тезисы и доклады. – М.: Ключ-С, 2009. – С. 125–141.
- Лоскутов А. Ю., Михайлов А. С.* Основы теории сложных систем. – М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2007. – 620 с.
- Айзерман М. А.* Классическая механика. – М.: Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1980. – 368 с.
- Маркеев А. П.* Теоретическая механика: Учебник для университетов. – М.: ЧеРо, 1999. – 572 с.
- Эльсгольц Л. Э.* Дифференциальные уравнения и вариационное исчисление. – М.: Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1965. – 424 с.
- Стрелков С. П.* Введение в теорию колебаний. – М.-Л.: ГИТТЛ, 1950. – 344 с.
- Шамолин М. В.* Динамические системы с переменной диссипацией: подходы, методы, приложения // Фундаментальная и прикладная математика. – М., 2008. Том 14. №3. С. 3–23.

- Поддубный В. В., Поликарпов А. А.* (2010а). О диссипативной стохастической динамической модели развития языковых знаков // Информационные технологии и математическое моделирование (ИТММ-2010): Материалы IX Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (19–20 ноября 2010 г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Ч. 2. – С. 110–115.
- Поддубный В. В., Поликарпов А. А.* (2010б). Диссипативная стохастическая динамическая модель эволюции языковых знаков // Труды XIV Междунар. конф. по эвентологической математике и смежным вопросам (ЭМ'2010) / Под ред. О. Воробьева. – Красноярск: Крас. гос. торг.-эконом. ин-т, Сиб. фед. ун-т, 2010. – С. 182–186.
- Поддубный В. В., Поликарпов А. А.* (2011). Вывод закона синхронного полисемического распределения языковых знаков на основе диссипативной стохастической динамической модели эволюции знаковых ансамблей // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании: Материалы VII Междунар. науч. конф. – М.: «Добросвет», Изд-во «КДУ», 2011. – С. 182–190.
- Polikarpov A. A., Poddubny V. V.* (2012). From Signs' Life Cycle Regularities to Mathematical Modelling of Language Evolution: Explaining the Mechanism for the Formation of Words' Synchronous Polysemy and Frequency of Use Distributions // Five Approaches to Language Evolution Proceedings of the Workshops of the 9th International Conference on the Evolution of Language. – Kyoto, 2012. – Pp. 114–123.
- Poddubny V. V., Polikarpov A. A.* (2013). Stochastic Dynamic Model of Evolution of Language Sign Ensembles // Methods and Applications of Quantitative Linguistics: Selected papers of the 8th International Conference on Quantitative Linguistics (QUALICO) in Belgrade, Serbia, April 26–29, 2012. / Ed. by Ivan Obradovic, Emmerich Keli, and Reinhard Kohler. – Belgrade: University of Belgrade and Academic Mind Publishers, 2013. – Pp. 69–83.
- Poddubny Vasilij, Polikarpov Anatoly* (2014а). Evolutionary derivation of laws for polysemic and age-polysemic distributions of language signs ensembles // 20th Anniversary of IQLA and Journal of Quantitative Linguistics (JQL) International Quantitative Linguistics Conference (QUALICO), 2014. – Pp. 94–96.
- Поддубный В. В., Поликарпов А. А.* (2014а). Непрерывная диссипативная стохастическая модель развития полисемии языковых знаков и вывод на ее основе законов полисемического и возрастно-полисемического распределений знаковых ансамблей // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 576–577.

- Поддубный В. В., Поликарпов А. А.* (2014б). Непрерывная стохастическая динамическая модель развития полисемии ансамбля знаков естественного языка и её идентификация // Новые информационные технологии в исследовании сложных структур: Материалы Десятой российской конференции с международным участием. – Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та, 2014. – С. 118-119.
- Поддубный В. В., Поликарпов А. А.* (2014в). Непрерывная стохастическая динамическая модель эволюции полисемии и смыслового объёма знаковых ансамблей естественного языка и вывод закона их синхронного распределения // Информационные технологии и математическое моделирование (ИТММ-2014): Материалы XIII Международной научно-практической конференции имени А.Ф. Терпугова (20–22 ноября 2014 г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – Ч. 2. – С. 93–99.
- PoddubnyVasily, Polikarpov Anatoly* (2014б). Continuous Stochastic Dynamic Model for the Evolution of Polysemy and Sense Volume of Signs Ensembles of Natural Language and the Derivation of Their Synchronouos Distribution // A. Dudin et al. (Eds.): ITMM 2014, Communications in Computer and Information Science (CCIS) 487, pp. 367–376, 2014. – Springer International Publishing, Switzerland, 2014.

From the Theoretical Linguistic Notions about the Course of the Life Cycle of the Linguistic Sign to the Dissipative Mathematical Model of the Polysemy Development

Polikarpov A.A.,

Poddubny V.V. (Tomsk, Russia), vpoddubny@gmail.com

Keywords: Life cycle of the linguistic sign, polysemy, mathematical model, dissipative process, the principle of least action, deterministic and stochastic dynamics.

Abstract: We propose a dissipative dynamic mathematical model of the life cycle of the linguistic sign, based on the interaction of the processes of appearance of new meanings of the sign and the loss of previously acquired meanings. We have shown that this model satisfies to the variational principle of least action. We presented the model in continuous and discrete versions. We also built a stochastic version of the discrete model. Numerical simulation of development of polysemy of language sign is qualitatively consistent with modern theoretical linguistic concepts of flowing of the life cycle of the linguistic sign. The resulting model reflects a basic component of the universal patterns of micro level of language evolution (independent of the selected landmark level and type of the language). Based on these relations it is possible to model other universal laws of micro level (frequency, length, homonymy and so on), and the transition to universal and typologically conditioned macro-models of Human Language.

Трёхчастная типология толковых словарей С. И. Ожегова в системной перспективе¹

*А. А. Поликарпов,
Марк Руис-Соррилья Крусате (Барселона, Испания)*

1. Проблема

В 1952 году в статье «О типологии толковых словарей современного русского языка» Сергей Иванович Ожегов выдвинул свою оригинальную трёхчастную типологию толковых словарей [Ожегов, 1952]. Теоретическое значение этой лексикографической типологии, её связь со структурой лексической системы языка, её универсальный характер, приложимость к любому развитому литературному языку до сих пор в полной мере не осознаны языковедами. Данная статья посвящена современной интерпретации этой типологии, объяснению её соответствия глобальной структуре лексической системы общества с позиций системной лингвистики, а также экспериментальной проверке этих представлений.

Системный подход к этой проблеме позволяет уточнить и упрочить основания типологии толковых словарей, прояснить её онтологический статус, её универсальность для любого языка обществ, находящихся на одном и том же, «современном» уровне информационно-коммуникативного развития. Это позволяет и более осознанно относиться к решению практических проблем в лексикографии и методике обучения лексике, в частности, к проблеме выработки критериев отбора лексики в словники толковых и переводных словарей разного типа, в лексические минимумы для обучающихся различного уровня и т. п.

Под «системной лингвистикой» в настоящей статье подразумевается комплекс лингвистических идей и категорий, в центре которых находится идея языка как целостности-системы, состоящей из взаимообусловленных частей-подсистем. Система языка, в свою очередь, включается в качестве части в ещё более обширную целостность, систему коммуникации в обществе, и поэтому зависит в своих основных характеристиках от неё [Мельников, 1978; 2000; 2003]. (См. также, например, работы [По-

¹ Настоящее исследование выполнено при поддержке гранта РФНФ № 12–04–00405-а

ликарпов, 1979; 2007; Зубкова, 2003]). Именно в общении и общением формируются индивидуальные языковые системы (в т. ч., и индивидуальные словари). Общение формирует и закрепляет те наиболее распространённые в обществе стандарты употребления и комбинаторики языковых единиц, которые и позволяют говорить о языковой системе в целом.

Рассмотрим, как взаимодействие между индивидуальными лексиконами в ходе коммуникации ведёт к специфической структуризации совокупной лексической системы общества, которая, в свою очередь, лексикографически отражается в принципиально трёхчастной структуре типов толковых словарей языка.

2. О соотношении индивидуальных словарей, принципиальной структуре словарного сознания общества и системе толковых словарей

С. И. Ожегов писал о вскрытой им типологии толковых словарей следующее: «Практически созданы и теоретически намечены три основных типа нормативных общих словарей русского языка: *большой*, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; *средний*, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка, и, наконец, *краткий*, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи» [1952, с. 91–92]. Чтобы осознать действительную онтологическую значимость этих определений, т. е. осознать закономерную соотнесённость материала словарей указанных типов с материалом реального расслоения лексической системы языка, необходимо обратиться к базовым категориям системно-коммуникативной онтологии языка. А именно, в своём системном моделировании словаря (и языка в целом) как социального явления мы исходим из того, что исходной реальностью его существования являются *индивидуальные словари*. Каждый индивидуальный словарь *уникален* и является результатом общения данного коммуниканта в различных социальных группах (семейных, профессиональных, возрастных, спортивных и т. п.). В ходе коммуникации происходит постоянное *сопоставление* индивидуальных словарей — с выявлением *совпадений* и *расхождений* в них — и их *взаимоподобление*. Причём, сопоставление индивидуальных словарей

происходит на фоне членения каждого из них на две принципиально различные части — *АКТИВНУЮ* и *ПАССИВНУЮ*. Активная часть индивидуального словаря — это то, что используется носителем из всего этого словаря только в своей *продуктивной фазе общения* — при говорении и писании в адрес партнёров по общению. Пассивная часть индивидуального словаря — это то, что используется носителем из всего этого словаря *только в его рецептивной фазе общения* — при слушании и чтении текстов, обращённых к нему. Причём, *активная часть индивидуальных словарей у членов современного общества, видимо, должна быть меньше по объёму, чем пассивная*. Это может объясняться тем, что пассивная часть формируется его включённостью в большее число разных актов общения с разными людьми разных индивидуальных и групповых интересов и поэтому — восприятием и отображением в каждом пассивном индивидуальном словаре большего числа разных употреблённых другими участниками коммуникации слов, чем это происходит при формировании активной части его индивидуального словаря.

При принципиальной уникальности состава каждой из активных частей индивидуальных словарей в данном коллективе обнаруживается и существенное их *ПЕРЕСЕЧЕНИЕ*, значимое *тождество* по некоторому определённом набору входящих в них слов и их значений. Это пересечение — не что иное, как тот *минимум, наиболее социально значимый круг лексических средств, который формируется определённым сходством задач и условий общения членов данного коллектива, а также постоянным взаимным уподоблением, взаимным обучением этому минимуму*. Указанное пересечение индивидуальных словарей покрывает, видимо, общезначимые, наиболее важные, наиболее активные, т. е. *ядерные смыслы жизни данного общества*. Это тот минимум, на основе которого можно гарантированно общаться коммуниканту с любыми остальными членами общества, т. е. можно объяснить (описать) любой другой смысл, который выходит за пределы ядерного их набора.

Если указанное пересечение активных частей индивидуальных словарей формирует наиболее важную часть общего словаря языка, то это пересечение соответствует и тому обязательному минимуму, которым должен овладеть и любой коренной и некоренной носитель данного языка, чтобы стать и чувствовать себя полноценным его носителем. Т.е., видимо, это тот круг лексики, от которого «сверху» должны исходить и ме-

тодисты при разработке концентрически уменьшающихся по объёму лексических минимумов различного рода для обучаемых разных уровней, вплоть до начального, самого низкого. Знать объём этого исходного «верхнего» минимума необходимо как отправную точку в расчётах всех более ограниченных минимумов. (Более детально к вопросу о методических приложениях предлагаемых нами взглядов в практике обучения русскому языку иностранцев мы обратимся в отдельной работе).

В действительности, мы до настоящего времени ни по одному из языков не имели не только данных об этом наиболее важном пересечении активных индивидуальных словарей, но даже и сколько-нибудь убедительных данных о диапазоне разброса объёма индивидуальных словарей, о количественном и качественном соотношении (по частям речи, словообразовательным типам, полисемии, стилистической маркированности значений слов и т. п.) в них активной и пассивной частей и т. п. В литературе присутствуют самые разнообразные, в т. ч. и *фантастические ОЦЕНКИ* объёма индивидуального словаря (см., например, обзор попыток подобных оценок в работе [Денисов, 1974]), но практически отсутствуют попытки *ИЗМЕРЕНИЯ*, *экспериментального определения* этого объёма, а, тем более, попытки определения степени и характера соответствия индивидуальных словарей друг другу, выявления того общего, что их объединяет, выявления и соотнесения состава активных и пассивных индивидуальных словарей².

² Попытки экспериментального определения объёма индивидуального словаря немногочисленны. Прямые эксперименты по тестированию русских индивидуумов со средним и незаконченным высшим образованием (Савчук, 1997) и даже неграмотных крестьян (Тимофеев, 1971) дают не меньше нескольких десятков тысяч слов, известных рядовому носителю языка. В некоторых экспериментах с испытуемыми с высшим образованием средние и максимальные величины общего знания русского литературного словаря поднимаются ещё выше — до 100 тысяч и более слов (Поликарпов, Поликарпова, 1987).

В проекте «Test Your Vocabulary», осуществляемом через анкетирование испытуемых по Интернету для массового определения объёма словарного запаса коренных и некоренных носителей английского языка (<http://testyourvocab.com/>), в частности, определяется зависимость объёма индивидуального словаря (без разделения его состава на активную и пассивную части) от возраста испытуемых.

На основе указанных системно-лингвистических идей и возникает гипотеза (впервые высказанная нами в 1987 году [Поликарпов, 1987]; см. также [Поликарпов, Курлов, 1994; Поликарпов, 2012]) о том, что *тот круг лексики, который попадает в пересечение активных частей индивидуальных словарей принципиально соотносится с составом первого из упомянутых С. И. Ожеговым типов толковых словарей — словаря краткого типа*. Эта гипотеза возникает на основе обнаружения соответствия между функциями лексики из указанного пересечения (лексику, попадающую в пересечение активных индивидуальных словарей *каждый* полноценный носитель языка, по определению, не только знает, но и обязательно *употребляет*) и функциями словаря краткого типа («...*краткий*, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи»). Действительно, если думать об активной лексической нормализации, то этому должны прежде всего подвергаться те лексические средства, которые и должны быть во *всеобщем активном употреблении*. Вследствие этого словарь краткого типа и занимает *центральное положение в системе толковых словарей любой национальной языковой культуры*. Выделенный С. И. Ожеговым тип краткого словаря должен являться самым нужным, самыми популярным, т. к. он в наиболее строгой степени ориентируется на сохранение, нормализацию лексического материала, отражённого в нём.

Какие же реальные словари представляют данный тип национального словаря-минимума в русской лексикографической традиции? Наиболее важным представителем этого типа является «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, представленный его различными изданиями вплоть до 20-ого [Ожегов, 1949–1989]. (В меньшей степени — об этом будет идти речь ниже — этому типу соответствуют издания этого словаря под редакцией

Однако проведённые к настоящему моменту исследования ни для одного из языков пока не дают определённого ответа ни на вопрос о пределах индивидуального знания словаря (т. к. используемые тестовые списки явно не являются максимальными и, значит, не позволяющими оценить объём индивидуального словаря сверху), ни на вопрос о соотношении в нём активной и пассивной его частей, ни на вопросы о соотношении в обществе объёма и характера активных и пассивных частей разных индивидуальных словарей, их пересечений, объединений и дополнений.

Н. Ю. Шведовой и, в особенности, с двойным, Шведовой с Ожеговым, авторством. См., например, [Ожегов, Шведова, 1992]).

Зададимся вопросом, может быть, выработка такого типа и всей иерархии типов толковых словарей — это только специфика русской национальной культуры, русской национальной лексикографии? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным, т. к., оказывается, что краткий тип словарей, естественно, представлен в любой развитой лексикографической традиции. Например, в британской — это “Advanced Learner’s Dictionary of English” A.S.Hornby [Hornby, 1974] (далее — Hornby), в американской — Merriam-Webster’s School Dictionary [School, 2004] (далее — School). В этих языковых культурах представлены и прочие типы толковых словарей, отражающих иные слои лексической реальности каждого из этих языков (см. ниже). Что и неудивительно, т. к. принципиальная структура словарного сознания обществ на определённом (одном и том же для сопоставляемых культур) этапе их социального развития должна быть принципиально сходна, т. к. формируется одним и тем же, универсальным для них по качеству и объёму набором социально-коммуникативных факторов.

Для осознания онтологических принципов выделения и иных, кроме обнаруженного нами ядерного, слоёв словарного сознания обществ, далее, отметим, что достаточно объективным (хотя и менее явно ощущаемым) онтологическим статусом в обществе обладает и ОБЪЕДИНЕНИЕ *всех существующих в данное время активных индивидуальных словарей*. Это «объединение» есть не что иное, как *совокупный актуальный лексический инвентарь данного общества в данное время*. Т.е. это полная сумма того лексического материала, который используется кем-либо из ныне живущих людей в данном языковом коллективе.

Совершенно очевидно, что такой объект, как *объединение активных идиолексиконов*, менее обозрим и менее осязаем, чем *пересечение состава индивидуальных активных идиолексиконов*. Однако этот объект тоже является предметом пристального внимания в любой развитой национальной лексикографической традиции, т. к., совершенно очевидно, что в обществах нового времени присутствует очень важная *задача фиксации и нормализации ВСЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ, ВСЕГО АКТУАЛЬНОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ЯЗЫКА*, а не только его «ядра».

В этом «объединении», совокупном лексическом инвентаре данного общества в данное время на фоне указанного выше «пересечения» активных индивидуальных словарей совершенно очевидно выделяется и «дополнение» к этому «пересечению». «Дополнение» представлено в наибольшей степени лексическими единицами *периферийных, специальных областей общения* (специально-научных, профессионально-технических, социально-групповых и т. п.). Справочно-нормирующая информация, фиксируемая в словарях о словах и значениях этих более периферийных областей, хоть и менее социально значима, чем информация о лексическом «ядре», но тоже необходима обществу на достаточно продвинутых этапах его развития, т. к. специальные области — это тоже важные области функционирования данного языка. В особенности, если учесть, что они отображают точки роста культуры народа-носителя этого языка.

Кроме того, надо учитывать, что центр и периферия лексической системы находятся в сложном, но органическом взаимодействии, из которого исключить одну из этих сторон (пусть одна из них и является отдалённой от интересов большинства в обществе специальной «периферией») невозможно без искажения общей картины, без потери перспектив действительно научного понимания, теоретического и практического овладения закономерностями существования целого механизма этой системы.

Тип словарей, отображающих в совокупности «активный и пассивный запас лексики современного языка», представляющий «стилистическое многообразие современного языка» был определён С. И. Ожеговым как тип «среднего» словаря [1952, с. 100, 92]. В русской лексикографической традиции к словарям “среднего” типа относится, кроме МАС’а («Словаря русского языка в 4 тт.») двух изданий [Евгеньева, 1957–1961; 1981–1984], еще и “Толковый словарь русского языка” под ред. Д. Н. Ушакова [Ушаков, 1938–1940].

В британской лексикографической традиции этот тип словаря представлен такими словарями, как Oxford Shorter English Dictionary, 6th ed. [Shorter, 2007] (далее — Shorter), в американской — различными изданиями словаря Merriam-Webster’s Collegiate Dictionary (например, 10 издание [Merriam-Webster’s Collegiate, 1998]) (далее — Collegiate).

Завершая принципиальную структуризацию лексической системы языка, необходимо осознать, что каждый индивидуальный словарь, кроме активной части, обладает ещё и *пассивной частью*. В эту часть входят помимо известных некоторому индивидууму, но неупотребляемых им (хотя, возможно, и употребляемых актуально кем-то другим в данном обществе в данное время) современных слов и значений (в основном, специально-периферийного, т. е. профессионально-терминологического плана), ещё и различного рода *устаревшие* единицы, известные ему, в основном, из письменных текстов, относящихся к современному литературному языку в широком смысле (для русского языка — «от Пушкина до наших дней»). Эти неактуальные, устаревшие лексические единицы из пассивных частей индивидуальных словарей в совокупности и составляют «*дополнение*» к общей актуальной сумме, к указанному выше объединению разных по активности и распространённости актуальных лексических единиц (отображаемых, как было сказано, в словарях среднего типа). Это дополнение состоит из единиц, практически нигде не представленных, кроме текстов прежних эпох, продолжающих сохранять культурную значимость. Учёт этого «дополнения» в общей сумме наряду с совокупным актуальным лексическим составом данного языка и приводит к *ПОЛНОМУ ОХВАТУ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДАННОГО ЯЗЫКА, ОТОБРАЖЕНИЮ ПОЛНОГО СОСТАВА ЛИТЕРАТУРНОГО СЛОВАРЯ ДАННОГО НАРОДА В ДАННУЮ ЭПОХУ*. Устаревшее «дополнение» в этой картине представляет тот слой лексической системы, который является для неё наиболее периферийным, но всё же реально существующим, т. к. хотя бы некоторая часть общества, хотя бы и пассивно, но знает единицы этого слоя, читает и понимает тексты, содержащие их (и даже, может быть, изредка употребляет со справочными или стилистическими целями некоторые из лексических средств этого типа).

В наиболее полном виде (в совокупности всех трёх концентрически соотнесенных, последовательно расширяющихся слоёв) лексическая система, видимо, должна отображаться составом толкового словаря, называемого в типологии С. И. Ожегова и в русской лексикографической традиции «большим». К словарям этого типа в современной русской лексикографии относится, прежде всего, «Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах» [Словарь, 1948–1965]. В последние

годы были изданы сопоставимые с ним по объёму словника и набора значений такие словари, как «Большой толковый словарь русского языка» [Большой, 1998; 2000] и «Новый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой [Ефремова, 2001]. В настоящее время активно издаётся и близок к завершению составляемый под редакцией А. С. Герда «Большой академический словарь русского языка» (изданы 1–21 тома) [Большой, 2001–2012].

Близкими к указанным принципам охвата лексики в большом словаре были и некоторые словари русского языка в XVIII и XIX веках, например, изданный в конце XVIII века «Словарь Академии Российской» [Словарь, 1794], а также «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук» [Словарь, 1847].

Особняком стоит «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [1863–1866]. Этот словарь совместил в себе и свойства большого словаря литературного языка и свойства сводного диалектного словаря русского языка. Т.е. он оказался переполнен лексикой, территориально ограниченной.

В британской лексикографической традиции тип «большого» словаря представлен такими словарями, как NED (A New English Dictionary on Historical Principles) [1884–1933] и его вторым изданием OED (Oxford English Dictionary) [1989], а в американской — Вебстеровским словарём, например, его 3-им изданием [Webster's 3rd, 1961] (далее — Webster's 3rd). Однако при этом надо сделать оговорку, что указанные британский и американские словари английского языка совмещают функции большого современного толкового словаря и большого исторического с элементами энциклопедического, что экстенсивно расширяет их объём. В противоположность этому «большие» русские словари не включают в себя информацию о лексических единицах не только ВСЕХ ПРОШЕДШИХ ЭПОХ ДАННОГО ЯЗЫКА (это задача исторических словарей), но и даже большую часть устарелой лексики из «длящейся синхронии» (с конца 18 века) современного русского языка. Более того, как правило, наши средние и, соответственно, большие словари недостаточно отображают современную специальную и производную лексику, а также принципиально избегают использования энциклопедической информации — как в словнике, так и в толкованиях слов.

3. Эмпирическая проверка некоторых выводов из предлагаемой модели на основе учёта характеристик толковых словарей трёх основных типов

Предлагаемая эмпирическая проверка будет состоять в следующем:

- в попытке прямого соотнесения лексического состава словарей трёх типов и его качественного анализа (см. далее раздел 3.1.);
- в анализе результатов тестов объёмных и качественных характеристик словарного знания носителей русского языка (см. далее раздел 3.2.);
- в выявлении отличий в стилистических характеристиках значений слов толковых словарей разного типа (см. далее раздел 3.3.);
- в представлении и сопоставлении характеристик полисемических распределений в словарях разных типов (см. далее раздел 3.4.).

3.1. Прямое соотнесение и анализ состава словарей разных типов

Из сказанного следует, что состав словаря (набор слов и их значений) краткого типа, отражая наиболее ядерную, наиболее активную, самую нужную в любом акте общения лексику, должен быть не только меньше среднего по общему объёму, но и обладать полной вложимостью в словарь среднего типа, а состав среднего словаря должен быть не только меньше большого словаря по объёму, но и должен обладать полной вложимостью в большой словарь, причем, как по словнику, так и по набору значений каждого из повторяющихся слов в этих словарях. Этот «принцип вложимости» наборов слов и значений практически полностью доказывается в результате проведённых нами сопоставлений СО («Словаря русского языка» С.И. Ожегова 9–13 изданий, ок. 57 тыс. слов.) со словарём МАС («Словарём русского языка в 4 тт.» А. П. Евгеньевой, 1-ое изд., (ок. 85 тыс. слов.) и с БАС («Словарём современного русского литературного языка в 17 тт., более 120 тыс. слов). Выясняется, что только 4% слов краткого ожеговского словаря не входит в состав среднего словаря МАС, и только 5 % последнего не входит в состав большого. Анализ показывает, что, в основном, эти «нетипичные» слова — это производные, нерегулярно представляемые в русских словарях для экономии площади словаря. В данном случае некоторые из этих производных оказались волею лексикографов не представлены в большем по охвату словаре, но зато представлены в меньшем. Незначительное количество таких слов свидетельствует о том, что общая тенденция в соотношении объёмов толковых словарей разных типов существует.

При этом для тех слов, которые повторяются в этих словарях, в среднем, в каждом из более объёмных словарей величина их полисемии относительно возрастает (см. подробнее, например, [Поликарпов, Крюкова, 1989]). В результате этого растёт и средняя полисемия в каждом из более объёмных словарей: от 1.4 значения в кратком словаре (СО) до 1.7 значения в среднем (МАС-1) и до 2.2 значений — в большом (БАС).

Подчеркнём, что издаваемый с 1992 г. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, в сравнении со «Словарём русского языка» С. И. Ожегова, от издания к изданию (начиная с 9-ого издания) по своему словнику становился всё объёмнее и объёмнее (от 57 тыс. до ок. 80 тыс. слов), вследствие постепенного ослабления критериев отбора лексики в словарь краткого типа и даже отхода от них. В итоге, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 1992], на наш взгляд, потерял статус словаря краткого типа, сдвинулся в сторону словаря среднего типа, но так и не стал им.

Ниже в качестве иллюстрации приводится подборка слов, попавших в словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1992), но которых в словаре краткого типа не должно быть по определению, так как это либо совсем специальные (которые употребляют только специалисты, т. е. они явно не входят в активный словарь любого русского), либо это диалектные (территориально ограниченные), либо устаревшие слова, которые сейчас не только не употребляют, но и практически не знают носители литературного языка: *аванпорт, автомотриса, аймак, акриды, альпинада, альпинарий, аргамак, ареометр, архалук, бальзамин, балясничать, балясы, бандо, барвинок, бармы, бархатцы, баштан, бебехи, безвозбранный, безголосица, безменный, бейка, белодеревец, бердыш, берейтор, бешмет, било, благовремение, благорастворение, елико, ендова, епанча, епитимья, ерик, застреха, кнехт, книксен, кобза, коверкот, консистория, опивки, оплечье, опоек, опойковый, опока, пролаза, проминка, развратитель, разодолжить, раскос, раскричать, распрыскать, распустеха, саржа, сарпинка, сарыч, свиязь, седловка, серпянка, сетчатокрылые, синодик, скирдоправ, скобель, сколопендра, слонять, смарагд, смоква, смякнуть, снегопах, соседить, сотейник, сохлый, союзка, сподручник, спондей, спорница, спорок, щерить, эвентуальный, экзарх, экзекутор, эмпирей, эмфаза, эскарп, эспаньолка, юкола, явор, ягдтаи, ягельник, яг-*

ниться, язевый, яловеть, яловый, яранга, ярка, ярыга, ясак, ястык, ятаган, ятрышник, ястычный, ятрышниковый.

Может быть, *кто-то* из наших современников и *знает* некоторые из этих слов, но уж точно нельзя сказать, что многие (а, тем более, что *все*) *употребляют* эти слова. Присутствие в большом количестве подобных слов и не позволяет считать словарь [Ожегов, Шведова, 1992] представителем краткого типа толковых словарей русского языка.

Не исключено, что подобное же движение наблюдается в изменении состава словника «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, выпущенного в 2012 году под ред. Л. И. Скворцова [Ожегов, 2012]. Дело в том, что заявленный объём этого словаря — «ок. 100 тыс. слов, терминов и фразеологических выражений», что, очевидно, тоже выводит этот словарь за рамки «краткого».

3.2. Анализ результатов тестов объёмных и качественных характеристик словарного знания носителей русского языка

Тестирование результатов обучения данному языку в настоящее время производится, как правило, на основе так называемых «лексических минимумов», состав которых отбирается на основе ряда варьирующихся по своему качеству у разных авторов критериев, вырабатываемых эмпирически. Если даже считать объективными результаты отбора лексических минимумов, то их использование при тестировании может дать оценку знания лексики данным индивидуумом только «снизу» (не ниже какого уровня наблюдается знание лексики у данного тестируемого). Но оценки «сверху» (оценки того, какого реального уровня тестируемый достиг в ходе своего собственного развития или специального обучения) с помощью того или иного минимума мы не можем получить, т. к. для проверки тестируемых используются заведомо ограниченные по объёму и сложности лексические материалы (ограниченные представлениями методистов о необходимом минимальном объёме проверочного материала). От тестирования на основе лексических «минимумов», наверное, иного и не требуется, т. к. тестирующие в данном случае выясняют только соответствие лексических знаний некоторому определённом набору (который они предъявляли обучаемым в ходе учебного процесса), а не полный объём этих знаний. Действительно решить проблему реального владения лексикой данного языка его коренными носителями разных возрастов, профессий, пола, региона проживания и т. п.

можно только при выработке тестовых материалов при опоре на структурированное отображение в них полной лексической системы данного языка (в т. ч., с дифференциацией лексических единиц по качественным и структурным типам, уровням сложности, активности/пассивности и т. п.).

Прямые тесты типов словарного знания коренных носителей русского языка нами проводятся на основе представительных выборок из самых больших собраний русской лексики. Источником нашего тестового списка, использованного в серии тестов 2007–2012 гг. был «Сводный словарь современной русской лексики» [Рогожникова, 1990] общим объёмом в 165 тыс. слов. Путём случайной выборки из этого словаря 1% слов был получен тестовый список в 1651 слова. Каждое слово было охарактеризовано со стороны своей части речи, полисемии, омонимии, стилистических характеристик значений, частоты употребления (по данным «Полистилевого корпуса текстов современного русского языка»), представленности в словарях разных типов. При проведении экспериментов мы, в частности, ожидали, что испытуемые должны показывать наиболее полное знание и относительно более активное владение лексическим материалом краткого словаря в сравнении со средним и средне-го — в сравнении с большим. Экспериментальные данные подтвердили это [Поликарпов, 2011; 2012].

По данным наших исследований, основных (заглавных) входных лексических единиц (статей) в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (9–13 изданий) — ок. 40 тыс. По данным наших экспериментальных исследований (тестирование взрослых носителей русского языка [Поликарпов, Поликарпова, 1987]) именно этот объём (и именно такой, в основном, по качеству лексики, как в 9–13 изданиях ожеговского словаря) характерен для пересечения индивидуальных активных лексиконов образованных носителей русского языка (членов общества с высшим образованием). Определение полного объёма этого пересечения было возможно на основе пересчёта результатов тестирования по списку на полный объём словаря, из которого этот список отбирался. Вполне возможно, что именно этот объём (ок. 40 тыс. лексических единиц) и качество единиц этого пересечения характеризует некоторое культурное единство наиболее просвещённой части русского языкового коллектива, которое может выступать в роли некоего желаемого практического состояния,

к которому может и должен подтягиваться активный словарь и остальных членов этого языкового коллектива.

Естественно, что если тестируются люди не такого высокого культурно-образовательного уровня, то и указанное «пересечение» активных индивидуальных словарей оказывается менее мощным. Например, по данным Л. О. Савчук (которая проводила исследование под нашим руководством), пересечение активных словарей студентов педагогического института в Орехово-Зуеве покрывает ок. 10 тыс. слов [Савчук, 1997], а по данным нашего обследования студентов филологического факультета МГУ [Поликарпов, 2011; 2012 в пересечение их активных индивидуальных словарей попадает более 20 тыс. слов. Скорее всего, эти данные демонстрируют диапазон (от 10 до 40 тысяч слов), в пределах которого может находиться объём определённого нами «пересечения индивидуальных активных словарей», логически соответствующий выявляемому лексикографами составу краткого толкового словаря. Не исключено, что в ходе последующих исследований удастся показать не только более точно количественный диапазон, но и качественные отличия между различными групповыми — образовательными, возрастными, территориальными, половыми и т. п. — пересечениями в составе широкого обследования знания современной русской лексики коренными и некоренными носителями русского языка.

3.3. Закономерные отличия в стилистических характеристиках значений толковых словарей среднего и краткого типов

Поскольку расширение словника и отображаемых значений слова в среднем словаре в сравнении с кратким и в большом — в сравнении со средним происходит за счёт всё более периферийных слов и значений, то значения слов в словаре каждого более объёмного типа должны быть в большей степени маркированы той или иной сферой общения. Это относится, в первую очередь, к маркированию значений слов пометами книжно-специального плана. Но эта тенденция, в основном, просматривается и для остальных классов стилистической маркированности.

При этом усиление периферийной составляющей в словаре среднего типа в сравнении с кратким словарём, а в большом словаре — в сравнении со средним происходит как за счёт большего привлечения в него знаменательной (в основном, предметной) лексики, так и менее широко

употребляемых (а то и вовсе — неупотребляемых), но пассивно известных хотя бы кому-либо из ныне живущих) значений слов.

В настоящей работе эта гипотеза проверяется на материале сопоставления данных о степени маркированности значений слов стилистическими пометами четырёх основных классов — «разговорными», «книжно-специальными», «областными» (территориальная ограниченность), «устарелыми» (хронологическая ограниченность) двух смежных словарей в обсуждаемой типологической иерархии — СО («Словаря русского языка» С. И. Ожегова, изд. 9–13) и МАСа («Словаря русского языка в 4 томах» под ред. А. П. Евгеньевой, 1 изд.) — см. Таблицу 1 ниже.

Используемая здесь система функционально-стилистических помет 4-х основных типов является обобщением того разнообразия конкретных помет и их комбинаций (около ста разных), которые встречаются в каждом из анализируемых словарей [Поликарпов, Крюкова, 1987; Поликарпов, Курлов, 1994].

В приводимой ниже таблице 1 для Словаря МАС использованы стилистические данные, представленные в нашей работе [Поликарпов, Курлов, 1994]. Данные по словарю СО являются новыми, ранее не опубликованными. Естественно, новым является и сопоставление этих двух словарей по указанным характеристикам.

Величина полисемии является одним из наиболее важных параметров лексических единиц. Эта характеристика отражает широту функциональных возможностей слова, относительную степень продвинутости по пути реализации его семантического потенциала в ходе его жизненного цикла [Поликарпов, 2007]. Она связана как с преобладающей качественной характеристикой его значений, так и с его категориальной, частеречной принадлежностью.

Все лексические единицы обоих сопоставляемых словарей были разделены на следующие объемно-семантические группы: слова с 1, 2, 3–4, 5–8, 9–16, 17–32 и большим числом значений. В основе данного способа группировки слов лежит логарифмическая мера величины полисемии. Она используется для того, чтобы получить такие группы слов, каждая из которых заметно отличается по этой характеристике от предшествующих и последующих групп в этой последовательности.

Таблица 1 содержит относительные данные (в %). За 100 % берётся общее количество значений слов в каждой полисемической области (отдельно для каждой части речи и для слов всех частей речи вместе).

Таблица № 1. Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности значений слов разных частей речи по разным полисемическим зонам словарей МАС и СО (относительные величины — в процентах)

		Категории стилистических помет значений слов									
Полис. Зоны	Книжные (%)		Разговорные (%)		Устарелые (%)		Областные (%)		Все пометы вместе (%)		
	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ											
1	16,87	10,9	12,75	11,35	6,77	4,49	1,06	0,54	37,45	27,28	
2	18,33	8,55	17,61	8,43	9,01	3,92	2,34	0,35	47,29	21,25	
3...4	14,84	9,15	16,2	7,42	7,06	3,19	1,33	0,25	39,42	20,01	
5...8	13,68	9,27	12,75	6,29	5,1	2,81	0,73	0,26	32,25	18,63	
9...16	8,33	10,9	6,58	8,7	4,82	1,4	0,73	-	20,47	21	
ГЛАГОЛ											
1	6,4	10,87	37,87	37,38	9,15	5,22	0,53	0,26	53,87	52,17	
2	6,24	4,47	32,26	20,6	6,55	2,26	0,84	0,09	45,89	27,22	
3...4	4,04	2,77	25,05	20,82	4,84	1,92	0,69	0,06	34,63	25,57	
5...8	2,97	1,64	17,7	12,58	2,8	0,74	0,44	0,07	23,89	15,03	
9...16	3,02	2,62	16,98	17,47	2,2	1,1	0,24	-	22,45	18,57	
17-32	1,92	1,3	9,62	5,19	0,96	-	0,96	-	13,46	6,49	
ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ											
1	13,36	12,81	7,72	11,17	5,64	4,71	0,3	0,1	27,01	28,79	
2	14,18	6,28	8,32	6,56	7,01	2,52	0,46	-	29,97	15,36	

Категории стилистических помет значений слов										
Полис.	Книжные (%)		Разговорные (%)		Устарелые (%)		Областные (%)		Все пометы вместе (%)	
	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО
3...4	8,81	3,66	5,82	7,13	4,64	2,06	0,31	0,18	19,57	12,85
5...8	6,99	2,66	4,8	8,73	2,97	1,14	0,09	-	14,85	12,53
9...16	4,52	1,8	4,02	10,6	3,52	7,1	-	-	12,06	19,5

НАРЕЧИЕ										
1	-	4,4	25,73	32,3	-	4,84	-	0,15	48,72	41,69
2	1,4	1,58	29,8	23,68	8,2	3,16	0,8	-	40,2	28,42
3...4	0,76	-	15,78	24,05	3,05	-	-	-	19,59	24,05
5...8	0,42	-	13,45	36	6,3	-	-	-	20,17	36
9...16	-	-	5,13	-	-	-	2,56	-	7,69	-
17-32	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

ОСТАЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ										
1	-	1,55	44,63	31,58	22,41	5,08	-	0,3	61,11	38,51
2	2,86	-	33,33	32	12,38	0,5	2,86	1,5	51,43	34
3...4	1,35	-	60,81	15,03	8,11	1,16	4,05	-	74,32	16,19
5...8	3,68	-	25,77	9,17	13,5	-	2,45	-	45,4	9,17
9...16	2,2	-	5,49	3,84	4,4	-	-	-	12,09	3,84
17-32	0,94	-	4,72	-	1,89	-	-	-	7,55	-

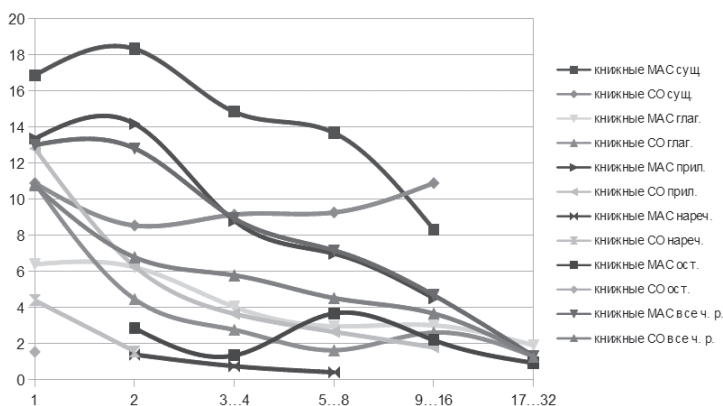
ВСЕ ЧАСТИ РЕЧИ ВМЕСТЕ										
1	13,01	10,75	18,66	17,99	7,36	5,9	0,72	0,39	39,75	35,03
2	12,82	6,79	21,03	11,98	7,77	3,14	1,4	0,22	43,01	22,13
3...4	8,94	5,79	18,21	12,12	5,64	2,49	0,88	0,13	33,66	20,53
5...8	7,17	4,53	14,31	9,68	3,92	1,54	0,52	0,12	25,91	15,87

Полис.	Категории стилистических помет значений слов									
	Книжные (%)		Разговорные (%)		Устарелые (%)		Областные (%)		Все пометы вместе (%)	
	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО
9...16	4,69	3,67	11,97	13,14	3,17	1,83	0,4	-	20,24	18,64
17-32	1,32	1,29	6,61	7,79	1,32	1,29	0,44	-	9,69	10,37

На основе этих данных ниже построены графики (см. рис. 1–5), демонстрирующие ряд замечательных тенденций в стилистической маркированности значений слов разных частей речи по разным полисемическим областям в словарях двух разных типов.

Рисунок 1. Соотношение степени книжно-специальной стилистической маркированности значений слов словарей МАС и СО по разным полисемическим зонам и по разным частям речи.

Как и ожидалось, исходя из теоретических представлений [Поликарпов, 1987; Поликарпов, Курлов, 1994], состав словаря среднего типа (каковым является МАС), покрывающего относительно более обширные смысловые области языка, должен содержать в себе значения слов, относящиеся к периферийным, специальным областям в большей степени, чем состав краткого словаря (СО). Что, совершенно очевидно, и подтверждается приводимым рисунком. Помеченность значений клас-

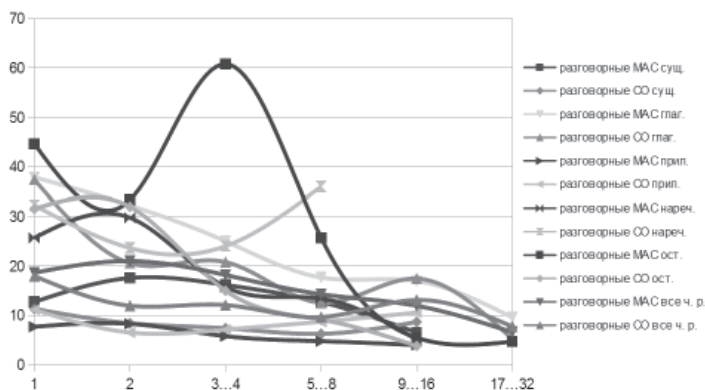
сом книжно-специальных помет, в основном, сосредотачивается в зонах малозначности, за исключение значений немногочисленной и пёстрой по составу группы «остальных частей речи» (т. е., в основном, служебных и междометных) слов.

Обнаруживается некоторая неопределённость картины с этими пометами для существительных словаря СО. Последнее — закономерно, т. к. книжно-специальные значения и не должны массово попадать в общее активное знание русской лексики (как и лексики любого другого языка), каковое и отображается в словарях краткого типа. В словарь краткого типа такие значения могут попадать только спорадически, не соотносясь регулярно со степенью развитости полисемии слов.

Естественно, что наибольшая степень стилистической маркированности классом книжно-специальных помет свойственна для значений существительных по МАСу. Именно существительные в языке в наибольшей степени наполняют периферию лексикона общества. Она и отображается относительно полно в среднем словаре в сравнении с кратким.

Для СО тоже характерна высокая доля помеченности значений его существительных этим классом помет. Но, как мы и ожидали, всё-таки более низкая, чем в МАСе, т. к. периферийные для языка слова и значения слов в краткий словарь и не должна практически попадать.

Рисунок 2. Соотношение степени разговорной стилистической маркированности значений слов словарей МАС и СО по разным полисемическим зонам и разных частей речи.

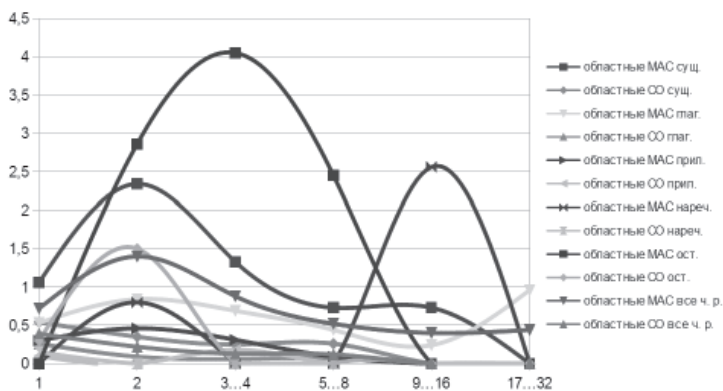
Общая тенденция к более выраженной и этим классом помет значений малозначных слов сохраняется, как для МАСа, так и СО (см. кривую для всех частей речи вместе), хотя она и менее выражена. Картина здесь относительно более пёстрая, т. к. разговорная маркированность значений связана не с крайней периферией употребления слов (как книжная маркированность), а с центральной областью языковой практики общества, для которой свойственны в большей степени многозначные слова.

Общая маркированность значений стилистическими пометами разговорного класса в словаре МАС оказывается выше, чем маркированность книжно-специальная. Этот факт представляется неожиданным, противоречащим типовому соотношению в толковых словарях значений разного стилистического качества. Дело в том, что разговорная область относится, в основном, к ядру лексики, а специальная — к её периферии. Причём, по определению, периферия — обширнее ядра. Поэтому можно предположить, что в МАСе (по некоторым объективным или субъективным причинам) недостаточно отражён пласт специально-книжных слов и значений. Выборочное обследование различных алфавитных участков данного словаря, проведенное нами, обнаруживает заметное отсутствие в нем многих специальных слов и значений, свойственных современному русскому узусу в профессиональных областях (например, представленных в специальных словарях). Общее число таких недобранных значений, по нашим оценкам, достигает нескольких десятков тысяч. Эти оценки связаны с тем, что, согласно данным «Сводного словаря современной русской лексики» [Рогожникова, 1990], в нем содержится около 85 тыс. слов (преимущественно однозначных терминов), не присутствующих в 1-ом, и около 80 тыс. слов — во 2-ом издании МАС'а.

Это предположение подтверждается и характеристикой лексикографической концепции МАС'а, сформулированной самим его составителем. Действительно, при решении вопроса о включении или невключении в этот словарь определенных разрядов лексики автор не устанавливает существенных ограничений только для одной из четырех интересующих нас в стилистическом аспекте групп — для группы разговорных лексических средств. Не допускались в словарь из этого круга средств, по словам автора словаря, лишь «слова грубого просторечия» [Евгеньева, 1957–1961, т. 1, с. VII], малочисленность которых по сравнению с общим объемом разговорного пласта не вызывает сомнений и не имеет решаю-

щего значения для общей картины. Более существенно то, что не включались в словарь и некоторые разряды производных существительных, прилагательных и наречий, которые «легко образуются и легко понимаются» [Евгеньева, 1957–1961, т. 1, с. VII], и которые, очевидно, также чаще, чем их производящие, являются периферийными, а значит, и чаще — малозначными единицами, единицами со специальными значениями. Более того, в анализируемый словарь, по прямому признанию его автора, принципиально не включались “узкоспециальные термины отдельных областей науки, техники, искусств, необходимые лишь специалистам” [Евгеньева, 1957–1961, т. 1, с. VII], т. е. доступ актуальной специальной лексики в словарь был сильно затруднен. За счет дополнительного учета значений подобных слов степень маркированности ЛСВ малозначных (в том числе и однозначных) слов могла бы, видимо, существенно повыситься в сравнении с тем, что имеется сейчас в МАС’е. Т.е. можно предположить, что при условии учета этих фактов должно в итоге ликвидироваться наблюдаемое сейчас на графиках некоторое нарушение тенденции роста степени стилистической помеченности значений слов при движении в зону малозначных (особенно, однозначных) слов.

Рисунок 3. Соотношение степени областной стилистической маркированности значений слов разных частей речи словарей МАС и СО по разным полисемическим зонам

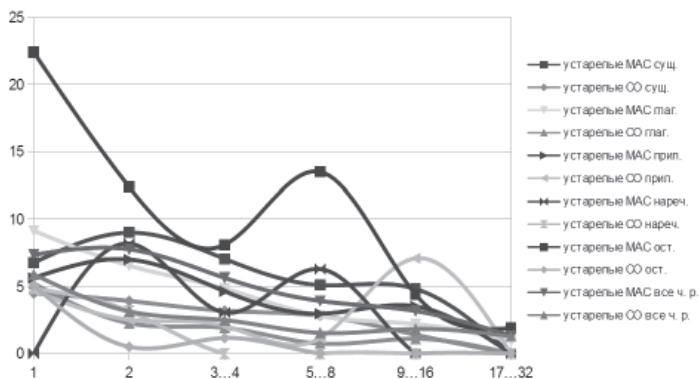

Пометы территориальной ограниченности употребления значений — наименее активный вид стилистических помет (в среднем, он относится к менее, чем 1% значений), т. к., «в идеальном случае» их и не должно быть ни в среднем, ни, тем более, в кратком словаре. Значения этого класса попадают в минимальной степени в словари, преимущественно, через посредство текстов художественной литературы как наиболее популярные средства создания местного колорита в тексте.

Как видно, для областных помет, в целом, наблюдается более пёстрая картина их распределения по значениям слов разных частей речи и разных полисемических категорий. Однако, если рассматривать ситуацию для всех частей речи вместе, то и для данного класса помет обнаруживается их наибольшее тяготение к значениям малозначных слов.

В среднем словаре, как и ожидалось, маркированность значений данным классом помет представлена относительно больше, чем в кратком.

Рисунок 4. Соотношение степени устарелой стилистической маркированности значений слов разных частей речи словарей МАС и СО по разным полисемическим зонам

Устаревшие значения в обоих сопоставляемых словарях представлены существенно более активно, чем значения, территориально маркированные. Это и понятно, т. к. часть так называемых устаревших слов и значений продолжает (хотя и существенно реже) употребляться в речи

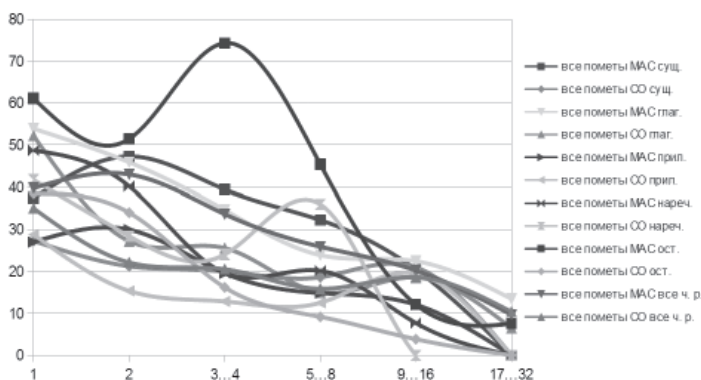
некоторых людей со стилистическими целями (например, в целях создания текстов возвышенного стиля).

Общая тенденция, обнаруживаемая для значений всех частей речи и на данном классе помет, тоже заключается в наибольшей стилистической маркированности значений малозначных слов.

В среднем словаре, как и ожидалось, маркированность значений данным классом помет представлена относительно больше, чем в кратком.

Рисунок 5.

Соотношение совокупной степени стилистической маркированности значений слов разных частей речи и всех частей вместе для словарей МАС и СО по разным полисемическим зонам

Данный рисунок, кроме генеральной тенденции к максимальной стилистической маркированности значений малозначных слов, демонстрирует факт общей более высокой маркированности значений МАСа, в сравнении с СО, как словаря, включающего в себя не только ядро, но и существенную часть периферии лексической системы языка. Кроме того, видно, что общий дефицит существительных и их стилистической маркированности в МАСе проявляется, в основном, в зоне малозначности.

3.4. Закономерные отличия полисемических распределений в словарях разных типов

Коммуникативные факторы, формирующие трёхслойную структуру совокупного словаря общества, должны определять и некоторое зако-

номерное соотношение каждого из типов словарей со словарями двух других типов по *распределению числа слов с разным числом значений*. Это представление, в принципе, подтверждается, например, при соотношении *количественных характеристик полисемических структур русских толковых словарей всех трёх типов и британских английских толковых словарей краткого и среднего типов оксфордской серии словарей* [Поликарпов, 1987]. На приводимых ниже рисунках 6–8 по оси X откладываются в логарифмическом масштабе величины полисемии слов определённого диапазона, а по оси Y — соответствующие логарифмические величины количества слов данного диапазона полисемии для этих 5 словарей. (Табличные данные для графиков см. в Таблицах 2 и 3).

Использование логарифмического масштаба для отображения этих соотношений объясняется тем, что логарифмическая мера органично соответствует многим количественным соотношениям в естественном языке. Кроме того, её использование позволяет длинный ряд данных, следующих некоторой зависимости, «ужать» и представить в более обзорном виде графически.

Таблица 2.

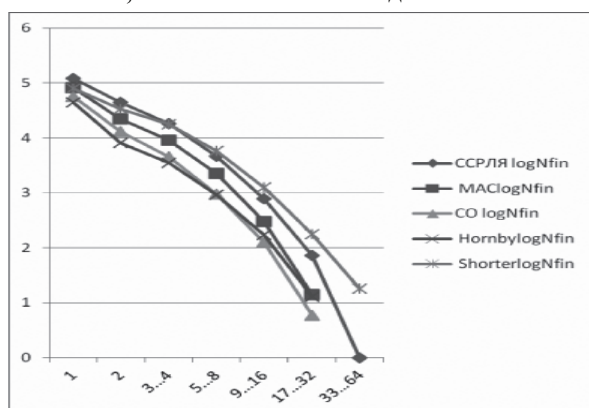
Соотношение количества слов разных зон полисемии по данным толковых словарей русского и английского языков

Полисемия (лог. зоны)	ССРЛЯ	МАС	СО	Hornby	Shorter
33...64	1				18
17...32	71	14	6	13	159
9...16	706	289	120	160	1067
5...8	3914	1960	815	741	4 599
3...4	13 305	6740	3506	2560	11 596
2	26 102	13 236	8 390	4 688	16 397
1	76 382	59 920	44 166	36 210	45 965
<i>Итого</i>	<i>120 481</i>	<i>82 159</i>	<i>57 003</i>	<i>44 372</i>	<i>79 801</i>

Таблица 3.
Соотношение логарифма количества слов разных логарифмических зон полисемии по данным толковых словарей русского и английского языков

Полисемия (лог. зоны)	ССРЛЯ лог.	МАС лог.	СО лог.	Hornby лог.	Shorter лог.
1	4,883	4,7776	4,645	4,559	4,662
2	4,4167	4,1218	3,924	3,671	4,215
3...4	4,124	3,8287	3,545	3,408	4,064
5...8	3,5926	3,2923	2,911	2,87	3,663
9...16	2,8488	2,4609	2,079	2,204	3,028
17...32	1,8513	1,1461	0,778	1,114	2,201
33...64	0				1,255

Рисунок 6.
Полисемическое распределение слов в русских и английских толковых словарях разных типов (масштаб — билогарифмический; ось X — полисемия, ось Y — кол-во слов данной полисемии)

На приводимых ниже рисунках 7 и 8 данные для словарей английского и русского языков представлены по отдельности. Это позволяет представить соотношение между словарями разного типа одного и того же языка более наглядно.

Рисунок 7.

Полисемическое распределение слов в русских словарях 3 разных типов — большом, среднем и кратком (масштаб — билогарифмический; ось X — полисемия, ось Y — кол-во слов данной полисемии)

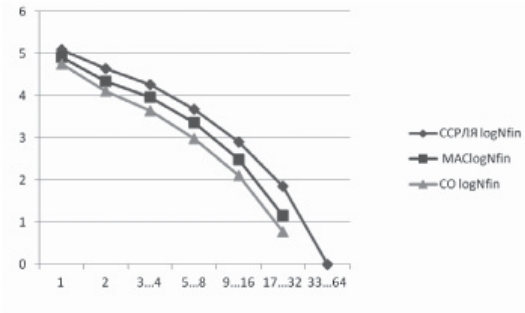
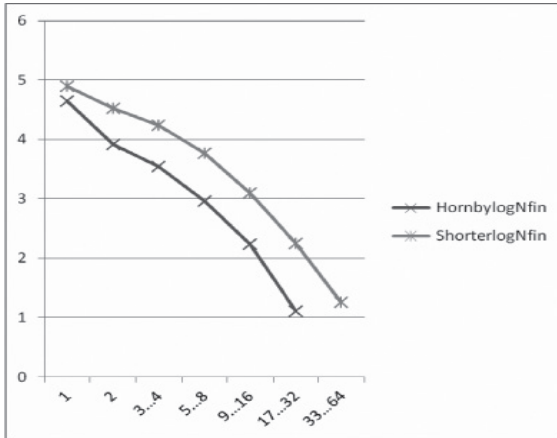

Рисунок 8.

Полисемическое распределение слов в английских словарях 2 разных типов — кратком и среднем (масштаб — билогарифмический; ось X — полисемия, ось Y — кол-во слов данной полисемии)

Рассмотрение представленных на рис. 6–8 данных позволяет сделать вывод, что полисемические распределения независимо от типа толкового словаря данного языка сохраняют устойчивое типологическое сходство, структурное подобие, заключающееся в повторяющейся величине пропорции слов разной полисемии в словарях разного типа. Это означает, что лексикографический отбор слов и значений в словаре меньшего объема в сравнении со словарём большего объёма происходит не хаотически, а на основе достаточно четких критериев, системно соотносящих их набор в относительно более ограниченном словаре с общим составом лексической системы языка (а поэтому и с составом слов и числом их значений в более полном словаре). Эти критерии задаются лексикографу его ощущением всеобщего характера одних слов и значений (из пересечения активных индивидуальных словарей), а также ощущением актуальности/неактуальности остающихся слов и значений.

Важным является также отметить, что полисемическое распределение слов отображает и типологический статус языка — его относительную аналитичность. Полисемические распределения всех русских словарей в сравнении с тем же распределением английских словарей устойчиво являются более крутыми по углу наклона: за счёт относительно большего числа однозначных слов в русских словарях и относительно меньшей в них максимальной полисемии. Это объясняется большей узостью лексического словаря в относительно более аналитическом английском языке (компенсируемом относительно более обширной фразеологией).

Таким образом, реальное системное членение словарного состава отражается в иерархии словарей, в системной соотнесенности многих из их характеристик, в т. ч. и в характеристиках распределения слов по числу значений в словарях разного типа.

4. Заключение

Проведённый сопоставительный анализ русских толковых словарей — 17-томного БАСа, МАСа и СО как представителей большого, среднего и краткого типов толковых словарей по составу их словника, по соотношению их полисемических характеристик, а также МАСа и СО — по разным типам стилистической маркированности значений в разных полисемических областях слов разных частей речи, подтвердил наши теоретически обоснованные ожидания о неслучайности сходств и расхождений в этих характеристиках между толковыми словарями разных типов. Об-

наруживаемые сходства касаются универсальной тенденции к большей стилистической маркированности значений малозначных слов в сравнении с многозначными, а также большей стилистической маркированности значений знаменательных слов (в особенности, существительных) в сравнении со значениями служебных слов. Обнаруживаемые различия между словарями разных типов принципиально объясняются нами тем, что каждый из них отображает разные по широте и, соответственно, качеству, лексические ресурсы русского языка. Мы предполагаем, что в составе кратких словарей лексикографы отображают наиболее активное «ядро» словаря языка, образуемое, видимо, путём практического соотнесения и выявления *ПЕРЕСЕЧЕНИЯ индивидуальных активных словарей носителей этого языка* в бесчисленных перекрёстных актах общения. Состав средних словарей отображает, скорее всего *ОБЪЕДИНЕНИЕ индивидуальных активных словарей*, т. е., в пределе, *ПОЛНЫЙ АКТУАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ДАННОГО ЯЗЫКА* (включая и периферийную, в т. ч. специальную лексику). Состав большого словаря отображает, видимо, ещё более широкое *ОБЕДИНЕНИЕ полного актуального словаря данного языка с устаревшей, но кому-то из современных носителей языка известной лексической периферией языка*.

Наиболее явно макросоотношение толковых словарей трёх разных типов предстаёт на графиках полисемических распределений русских и английских словарей. Выявляется замечательное *ПОДОБИЕ между распределениями словарей разных типов внутри каждого языка*. Выявляется также знаменательное *отображение в характеристиках полисемического распределения ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ английского и русского языков*. В полисемическом распределении английских словарей, в отличие от русских, наблюдается *относительное усиление высокополисемической и ослабление низкополисемической области*.

Эти, а также другие полученные нами данные не противоречат нашей гипотезе о существовании трёхслойной структуры лексической системы языка и её отображении в трёхчастной типологии толковых словарей.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998; 2-е изд.: СПб., 2000.
- Большой академический словарь русского языка. Т. 1–21 / Гл. ред. А. С. Герд. М.-СПб.: Наука, 2004 — 2012 (БАС-2).

- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка». Тт.1–4. М., 1863–1866.
- Евгеньева А. С.* (Ред.). Словарь русского языка, т. 1–4, М., 1957–1961 (МАС-1); 2 изд. — М., 1981–1984 (МАС-2).
- Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000.
- Мельников Г. П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. Монография. — М.: Советское радио, 1978, 366 с.
- Мельников Г. П.* Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадильной. М.: Изд-во РУДН, 2000.
- Мельников Г. П.* Системная типология языков: Принципы. Методы. Модели. — М.: Наука, 2003. - 395 с.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка, 1–20 изд. (с 9 изд. под ред. Н. Ю. Шведовой). М., 1949–1989 (СО).
- Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений /Под ред. Л. И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Ониск», 2012.
- Ожегов С. И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка // *Вопросы языкознания*, 1952, № 2.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: Азъ, 1992.
- Поликарпов А. А.* Полисемия: системно-квантитативные аспекты // *Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов*. Тарту, 1987 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 774). С. 135–154.
- Поликарпов А. А.* Системно-квантитативный подход в лингвистике // *Научные школы в лингвистике*. — Смоленск, 2007. С. 35–59.
- Поликарпов А. А.* Закономерности активного и пассивного знания и незнания лексической системы русского языка московскими студентами // «Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный анализ. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвящённой юбилею заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических языка, профессора Л. Г. Бабенко 29.09 — 1.19.2011 г. Екатеринбург, Россия. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011. С. 136–140.
- Поликарпов А. А.* Теоретические основания и эксперименты для анализа соотношения индивидуальных словарей с лексической системой языка. http://www.philol.msu.ru/~lex/pdfs/polikarpov_2012_2.pdf
- Поликарпов А. А., Крюкова О. С.* О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // *Квантитативная лингвистика и автома-*

- тический анализ текстов. Тарту, 1989 (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 872). С. 111–125.
- Поликарпов А. А., Курлов А. А.* Стилистика, семантика, грамматика. Опыт анализа системных взаимосвязей (По данным толкового словаря) // ВЯ, 1994, N 1. — С. 62–75
- Поликарпова А. О., Поликарпов А. А.* Опыт изучения уровня и характера индивидуального знания русской лексики // Квантитативные аспекты системной организации текста: Материалы Межвуз. семинара. — Тбилиси, 1987.
- Рогожников П. П.* Сводный словарь современной русской лексики. В 2-х т. — М., 1990.
- Савчук Л. О.* Системные соотношения словаря общества и словаря индивида (с точки зрения активного и пассивного словарного запаса). Автореф. канд. дисс. — М., 1997.
- Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб., 1789–1794.
- Словарь современного русского литературного языка. Тт. 1–17. М.—Л., 1948–65 (БАС-1).
- Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Тт. 1–4. М, 1847.
- Ушаков Д. Н.* (Ред.). Толковый словарь русского языка. Москва, 1938–1940.
- Hornby A. S.* (Ed.) Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 3-rd ed. Oxford University Press, 1974 (Hornby).
- Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 11th edition. Merriam-Webster, 2004 (Collegiate).
- Merriam-Webster's School Dictionary. Revised edition Merriam-Webster, 2004 (School).
- A New English Dictionary on Historical Principles. Oxford: Oxford Univ. Press, 1884–1933 (NED).
- Oxford English Dictionary. 2nd ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 1989 (OED).
- Oxford Shorter English Dictionary. 6th ed. Oxford Univ. Press, 2007 (Shorter).
- Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged. (Ed. By Philip Babcock Gove). G. & C. Merriam, 1961 (Webster's 3rd).

**К проблематике анализа истории замысла и истории
создания крупного литературного произведения
в аудитории иностранных студентов-филологов
(на материале трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»)**

*Е. В. Полищук (Россия, Москва), elenapolishchuk@mail.ru
Е. В. Суrowцева (Россия, Москва), surowceva-ekaterina@yandex.ru*

Ключевые слова: Пушкин, «Борис Годунов», русский язык как иностранный, история замысла, история создания.

Аннотация: В статье описываются аспекты анализа истории замысла и создания трагедии А. С. Пушкина (исторические взгляды автора, история возникновения замысла произведения, особенности его творческого воплощения, его традиции в развитии литературы) в аудитории иностранных студентов-филологов.

«Пушкин — отец, родоначальник русского искусства...
В Пушкине кроются все семена и зачатки, из которых
развились потом все роды и виды искусства во всех
наших художниках...»
(И. А. Гончаров)

Творчество великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина занимает особое, «светлое, центробежное и одновременно центростремительное» [Эйдельман 1987: 279] место в истории русской художественной культуры; можно сказать, что в нём нашла отражение судьба всей русской литературы. Поэтому в программах по обучению русскому языку иностранных студентов-филологов изучению творчества поэта уделяется значительное время, а также с большой степенью детализации и полноты анализа рассматриваются как основные этапы его жизненного и творческого пути, так и важнейшие его произведения, одним из которых является трагедия «Борис Годунов».

«Борис Годунов» занимает в творчестве поэта особое место. Задуманная и написанная в период творческого расцвета Пушкина, в послед-

ние годы Михайловской ссылки в 1825 г., она знаменует собой новый этап в его творчестве.

Работая в иностранной филологической аудитории над анализом истории замысла и создания трагедии, следует, как нам кажется, обратить внимание на следующие важные аспекты:

- рассмотрение трагедии в историческом контексте времени её создания;
- показ роли русской и европейской культурной (в частности, театральной) традиции в создании трагедии;
- показ новаторского характера произведения (создание своеобразного жанра трагедии на русской сцене);
- показ влияния произведения на драматургию позднейшего времени (прежде всего — на пьесы величайшего русского драматурга А. Н. Островского).

Таким образом, главным при разборе трагедии «Борис Годунов» нам представляется показ её **неизолированности, её взаимосвязи с историческим фоном и литературным процессом того времени.**

Остановимся подробнее на тех моментах, которые следует обязательно учитывать при разборе истории создания трагедии. «Борис Годунов» был задуман и написан Пушкиным в предпоследний год его шестилетней ссылки в Михайловском в 1825 г., в период особенно глубокого изучения поэтом русской истории, проникновения в глубь времён (особенно интересовавшего его периода Смутного времени начала 17-го века), в период чтения многочисленных исторических источников. Знаменательно, что именно в это время вышли 10-й и 11-й тома «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина — произведения, оказавшего сильное влияние на поэта, откуда он почерпнул данные для исторической канвы действия трагедии. Таким образом становится понятен эпиграф, данный Пушкиным своему произведению, — *«Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию посвящает Александр Пушкин».*

Карамзин, писатель-историк, друг и единомышленник, занимает в творчестве Пушкина особое место как гражданин, автор, личность. Именно «История Государства Российского» «дала сильнейший творческий толчок к поэтическому изложению Пушкиным событий, изложенных историком» [Гессен 1983: 165]. Отметив позднее, в 1834 г. (в бело-

вой редакции «Путешествия из Москвы в Петербург», что «Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова» [Пушкин 1996–1997: т. 11, с. 249], поэт затрагивает проблему народа, народности. Понятия эти у Пушкина не карамзинские, но свои, и связаны с новым историческим подходом к России; однако при этом главное для поэта то, что Карамзин был именно народен: «Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, ... старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени», пишет Александр Сергеевич в одном из набросков предисловия к трагедии (1830) [Пушкин 1996–1997: т. 11, с. 140].

Анализируя в аудитории такую важную особенность творческого воплощения замысла А.С.Пушкиным, как историзм¹, следует акцентировать то, что для поэта история народа подобна истории одного человека: та и другая истинна, поскольку проявляет себя в творчестве. А это зависит, если говорить об истории народа, и от того, какая власть управляет им, в каких отношениях он с ней находится. «Борис Годунов» — это «трагедия — исповедь» [Бурсов 1985: 427]. В ней исповедуются все – и царь Борис, и Самозванец, и князь Шуйский. Лукавя в исповедях, герои постигают неопровержимую великую истину: тот властитель, кто не проник в тайну народной психологии, заранее обречён на поражение в попытке стать подлинным историческим деятелем. В «Борисе Годунове» изображается не столько борьба за власть, сколько дискуссия о природе власти, о том, какие способы следует применять для овладения ею, а также о том, к каким трагическим последствиям приводит превращение борьбы за власть в самоцель. Как полагает Ю. М. Лотман, «[в] “Борисе Годунове” переплетаются две трагедии: трагедия власти и трагедия народа» [Лотман 1997: 197]. «Пушкин избрал Бориса Годунова — правителя, стремившегося избрать народную любовь и не чуждого государственной мудрости. ... Борис лелеет прогрессивные планы и хочет народу добра. Но для реализации своих намерений ему нужна власть.

¹ «“Борис Годунов” — трагедия, проникнутая одновременно духом политической злободневности и верностью изображаемой эпохе» [Лотман 1997: 106]. «Пушкин задумал “Бориса Годунова” в качестве историко-политической трагедии. Как историческая драма “Борис Годунов” противостоял романтической традиции с её героями — рупорами авторских идей и аллюзиями на современность, как политическая трагедия он обращён был к современным вопросам: роли народа в истории и природы тиранической власти» [Лотман 1997: 197].

А власть даётся лишь ценой преступления... Борис надеется, что употреблённая им во благо власть искупит этот шаг, но безошибочное этическое чувство народа заставляет его отвернуться от «царя Ирода». Покинутый народом, Борис, вопреки всем благим намерениям, неизбежно делается тираном» [Лотман 1997: 197 — 198]. Лотман так формулирует «трагический путь отчуждённой от народа власти» в «Борисе Годунове»: «Добрые намерения — преступление — потеря народного доверия — тирания — гибель» [Лотман 1997: 198]².

Придавая исключительное значение «Борису Годунову», Пушкин писал в одном из набросков предисловия к трагедии: «... признаюсь искренно, что неуспех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твёрдо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой» [Пушкин 1996–1997: т. 11, с. 141].

Влечение Пушкина к историческим темам и сюжетам породило в нём интерес к драматическим жанрам, к возможности театрального воплощения задуманного сюжета.

Из биографий поэта мы знаем, что интерес к театру существовал у него ещё с детских лет, когда он зачитывался пьесами Мольера и под их влиянием сочинял и ставил на домашней сцене маленькие пьесы на французском языке. Пронеся увлечение театром через всю жизнь, позднее Пушкин воспел «волшебный край» театра, «сень кулис» в романе «Евгений Онегин». В 18-м веке на русской сцене блистали «друг свободы» Д. И. Фонвизин, создавший русскую комедию, и «переимчивый» Я. Б. Княжнин, пытавшийся «перенять» трагедию; в начале 19-го века царили трагедии В. А. Озерова. Но Пушкин невысоко ценил театральные опыты исторических пьес Княжнина и Озерова. Для утверждения русской трагедии на сцене нужен был гений Пушкина как «смелого властелина» театрального мира — именно «Борис Годунов» стал важнейшей вехой в развитии русского театра.

---

² Для сравнения приведём цитату из «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина (том 11, глава 1): «Но время приближалось, когда сей мудрый Властитель, достойно славимый тогда в Европе за свою разумную Политику, любовь к просвещению, ревность быть истинным отцом отечества, — наконец за благонравие в жизни общественной и семейственной, должен был вкусить горький плод беззакония и сделаться одною из удивительных жертв суда Невесного» [Карамзин 2003: т. XI].

Двумя театральными полюсами, к которым тяготела творческая мысль Пушкина, были Мольер, которым он зачитывался в детстве, и Шекспир, которого он прочитал и оценил уже в зрелые годы; в их творчестве отразились творческие принципы и идеалы классицизма и романтизма в области театральной драматургии. В бумагах Пушкина сохранился небольшой отрывок, посвящённый характеристике двух великих драматургов, являющийся своеобразным теоретическим прологом к театральной системе поэта: «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы какой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры» [Бурсов 1986: 156]. Пушкин для русской трагедии выбирает не мольеровские «типы страстей», но шекспировские «типы характеров». Набрасывая в Болдине предисловие к «Борису Годунову», поэт признавался: «Не смущаемый никаким светским влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов...» [Пушкин 1996–1997: т. 11, с. 140]; а в «Письме к издателю “Московского вестника”» (1928) читаем: «Твёрдо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе Отца нашего — Шекспира...» [Пушкин 1996–1997: т. 11, с. 66]. «“Шекспиризм” “Бориса Годунова”, о котором сам Пушкин охотно говорил, напоминал “шекспиризм” Стендаля: он заключил в себе противостояние театру классицизма и – объективно — романтической драме» [Лотман 1997: 197].

Пушкин создал новый театр, в котором господствовали «правдоподобие положений и правдивость диалогов» [Бабаев 1988: 65]. Своеобразие трагедии также и в том, что Пушкин представляет своих героев как многосторонние характеры, действующие по-разному в разных обстоятельствах, но всегда верные самим себе. Необычна и форма трагедии: поэт отказался от традиционного деления на акты и составил трагедию из 23 сцен — своеобразный «свободный роман». Среди исследователей есть мнение, что эта особенность произведения обусловлена влиянием древнерусской летописной традиции, когда события излагались хронологически [Ильичёв: 154]. Необычно и то, что заглавный герой не является, по сути, главным действующим лицом: Борис Годунов появляется в тра-

гедии только в нескольких сценах, и ему уделено внимание даже меньше, чем Самозванцу.

Интерес Пушкина к русской истории, в частности, к временам Смутного времени, нашедшим отражение в трагедии «Борис Годунов», был очень глубоким: известно, что он имел в виду продолжать свою хронику и написать «Лжедмитрия» и «Василия Шуйского». К сожалению, этому замыслу не суждено было сбыться.

Пушкинские традиции просматриваются в исторических хрониках А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» (1861) и «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866), также посвящённых Смутному времени и связанных, как и трагедия Пушкина, с творческим опытом Шекспира. Думается, не будет преувеличением утверждение, что Островский сделал то, что не успел сделать Пушкин. О сознательном следовании традиции Александра Сергеевича говорит, в частности, тот факт, что хроники Островского написаны белым пятистопным ямбом. Тема Смутного времени волновала не только Пушкина и Островского, но и многих их современников, литераторов и историков. Одним из фундаментальных исследований, с которым познакомилась русская читающая публика 1860-х гг., был труд известного русского историка Н. И. Костомарова «Смутное время Московского государства». Эта работа публиковалась в журнале «Вестник Европы» в течение почти двух лет (1866 — 1867). В критике того времени даже высказывалась мысль о том, что хроника Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» написана по материалам труда Костомарова (сам Костомаров решительно опроверг это предположение).

Таким образом, в заключение хотелось бы отметить, что, работая над творчеством А. С. Пушкина в иностранной аудитории филологов, необходимо рассматривать такие важнейшие в творчестве поэта произведения, как трагедия «Борис Годунов», обязательно в историческом контексте времени их написания, а также учитывать особенности авторской позиции во взгляде на историю, на роль в ней личностей, выведенных в произведении. Важно учитывать степень подготовленности аудитории, необходимый корпус фоновых знаний по русской и мировой истории времени действия трагедии. Необходимо также кратко остановиться на вопросе влияния трагедии на драматургию позднейшего времени. Следовательно, исторические взгляды автора, историю возникновения

замысла произведения, особенности его творческого воплощения и его традиции в развитии литературы необходимо рассматривать в неразрывном единстве всех компонентов, обращая внимание учащихся на их взаимодействие.

Литература

- Бабаев Э. Г. Творчество А. С. Пушкина. М., 1988.
Бурсов Б. И. Судьба Пушкина. Л., 1986.
Гессен А. И. Всё волновало нежный ум... М., 1983.
Ильичёв А. В. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов» и летописная традиция // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачёвские научные чтения, 26 — 27 мая 2006 г. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 153 — 155.
Карамзин Н. М. История Государства Российского. В 12 томах. М.: Мир кн., 2003.
Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1997.
Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 19 томах. М.: Воскресенье, 1996 — 1997.
Эйдельман Н. Я. Пушкин. Из биографии творчества. 1826 — 1837. М., 1987.

Problem Of Analysing The Idea And Creation Of Prominent Work Of Literature In Teaching Russian To Foreign Philologists (On The Basis Of Alexander Pushkin's Tragedy «Boris Godunov»)

*E. V. Polishchuk (Russia, Moscow), elenapolishchuk@mail.ru
E. V. Surovtseva (Russia, Moscow), surovceva-ekaterina@yandex.ru*

Keywords: Pushkin, «Boris Godunov», Russian as a foreign language, history of creation, history of embodiment.

Summary: The article describes different aspects of creation of Pushkin's tragedy «Boris Godunov» (historical overview, peculiarities of author's creative method, traditions in literature general process) valid in teaching Russian as a foreign language to philologists.

Спортивные текстовые онлайн-трансляции в аспекте стилистики³

О. Г. Ревзина (Россия, Москва), orevzina@gmail.com

Ключевые слова: социолект, спортивные трансляции, онлайн-трансляции, публицистический дискурс, спортивный социолект.

Аннотация: В статье даётся определение спортивных интернет-трансляций в соотнесении с коммуникативной ситуацией; отмечается их принадлежность к публицистическому дискурсу; анализируются когнитивные стратегии, языковая личность комментатора спортивных интернет-трансляций, а также спортивная интернет-трансляция как текст.

Постановка проблемы. Спортивные интернет-трансляции — это текстовые онлайн-трансляции спортивных мероприятий; значимые спортивные мероприятия комментируются в режиме реального времени на множестве интернет-площадок (например, на сайтах Eurosport.ru, Sports.ru, Liversport.ru, Sportbox.ru, LiveSport.Ru и др.). Текстовые онлайн-трансляции являют новую коммуникативную ситуацию и, соответственно, новый тип языкового поведения. Главным здесь оказывается вопрос о взаимодействии письменной и устной разновидностей литературного языка. В. М. Живов сформулировал положение о том, что новые коммуникативные ситуации и новые коммуникативные задачи вызывают к жизни инновационные решения. Полемизируя с выдвинутой Б. А. Успенским концепцией диглоссии, В. М. Живов пишет: «Книжный и некнижный узус <...> не располагаются в сознании носителя языка как две взаимопроникаемые системы, два этих типа существуют как составляющие единого опыта средневекового автора <...> Нестандартные коммуникативные задачи провоцируют интерференцию книжных и некнижных языковых средств, в одних случаях более, в других — менее сильную» [Живов 2004: 60]. И хотя понятия книжности и разговорности на протяжении исторического существования русского языка претерпели существенные изменения, тем не менее, между стилистической дифференциацией

³ Статья написана в рамках исследовательского проекта по изучению социолектов, программа которого разработана Е. И. Литневской и О. Г. Ревзиной.

в русском литературном языке нового типа и регистрами языка древней Руси прослеживается преемственность, поэтапно проанализированная В. М. Живовым.

«Интернет-общение привело к нейтрализации самой глубокой оппозиции типов речи — устной и письменной» [Мечковская 2009: 441]. Детальное описание проникновения разговорности и многообразных отступлений от нормы в интернет-общении содержится в работах Е. И. Литневской [Литневская 2011]. Но и в пространстве интернета текстовые онлайн-трансляции занимают особое место. Нигде как в интернет-трансляциях книжность и разговорность сталкиваются напрямую: спортивный комментатор должен спонтанно создавать письменный текст, рассчитанный на массовую аудиторию. Здесь возникает целый комплекс теоретических вопросов. Казалось бы, этот жанр — не столь значительное событие в общем пространстве дискурса. Однако он делает необходимым обращение к целому комплексу теоретических вопросов. Они будут рассматриваться по ходу анализа футбольных интернет-трансляций (футбольные матчи Россия — Греция 2012, Италия — Испания).

О коммуникативной ситуации. По Якобсону, составляющими акта коммуникации являются отправитель и получатель («коммуникативная рамка» речевого события), сообщение, его денотативная («референтативная») соотнесенность, код и контакт [Якобсон 1975:198]. Каждая из составляющих акта коммуникации проецируется в языковое сообщение, определяя тем самым его конечный вид. Чтобы понять специфику коммуникативной ситуации в текстовых онлайн-трансляциях, нужно дать характеристику каждой из составляющих. Начнем с канала связи. Различение устной и письменной речи явилось мощным стимулом для исследования языка повседневной устной коммуникации. Изучение записей разговорной речи позволило выявить представленную в ней коммуникативную ситуацию и выделить особую подсистему русского литературного языка, предназначенную для устного общения [PPP, 1973, Земская, Китайгородская, Ширяев 1981]. Коммуникативная ситуация рассматривалась в комплексе, поэтому важно понять, какие черты связаны именно с устным каналом связи. Если характеристические признаки разговорной речи разнести по разным составляющим (предварительная неподготовленность; неофициальный характер отношений между коммуникантами и общий фонд знаний; преимущественная референциаль-

ная соотнесенность с актуальным обиходно-бытовым пространством; непосредственное восприятие ситуации; использование языка мимики и жестов), то «в сухом остатке» собственно на устность останется не так уж и много. Это, прежде всего, необратимость и невозпроизводимость сообщения, а также особый тип связности. В связи со сказанным стоит вспомнить выдвинутое в свое время В. Д. Левиным разграничение сильной/слабой разговорности и сильной/слабой книжности по отношению к устной спонтанной речи [Левин 1971]. Слабыми являются «те языковые элементы разговорной речи, которые обусловлены самой ее формой или – точнее — теми внеязыковыми факторами, которые связаны с этой формой, прежде всего ее неподготовленностью, спонтанностью» [Левин 1971: 20]. Они не могут быть переведены в письменную форму и потому элиминируются. Слабые элементы письменной речи состоят, по Левину, в синтаксической организованности, логической правильности в расположении частей предложения, «противостоящим свойственной устной неподготовленной речи внешней логической нестройности, одновременно и незавершенности, эллиптичности и чрезмерности, излишеству — всему тому, что делает нередко разговорную фразу, когда она перенесена на бумагу, просто непонятной» [Левин 1971: 26]. Интернет внес коррективы в эту трактовку, однако о полном стирании различий между устной и письменной формами речи говорить, на наш взгляд, не приходится.

С позицией В. Д. Левина перекликается точка зрения В. М. Живова: «Порождение книжной речи, — пишет В. Живов, — представляется иным типом языкового поведения (иным способом организации сообщаемой информации) сравнительно с порождением речи разговорной» [Живов 2004: 52]. Показательно, что, сопоставляя отдельные аспекты двух речевых стратегий в текстах XV – XVII вв., В. М. Живов все время обращается к данным современной разговорной речи, опираясь на исследования Е. А. Земской, и специально отмечает, что «синтаксические построения разговорного языка <...> могут быть достаточно архаичными» [Живов 2004: 52]. Эти стратегии могут использоваться и в письменной форме речи. Для текстовых интернет-трансляций высказанные положения особенно важны (имея в виду, что речь идет о спонтанной публичной речи достаточно большого объема).

Следующая составляющая коммуникативной ситуации — то денотативное пространство, с которым соотносится словесное сообщение

(«референтивная» функция языка по Jakobsonу) В разговорной речи это обиходно-бытовое пространство, и в большом числе случаев речь идет о конкретной ситуации, находящейся в поле зрения и говорящего, и слушающего. Эта составляющая содержит несколько источников семантически сложного стилистического смысла «разговорность». Слабая разговорность связана во многих своих чертах с непосредственным восприятием конкретной ситуации. Другой аспект — это, если воспользоваться определением Е. Ф. Петрищевой, «информация о предмете речи» [Петрищева 1973]. Так называемые «бытовизмы» абсолютно нормативны, но из двух как будто эквивалентных обозначений одно тяготеет к повседневному дискурсу и в силу этого приобретает стилистическое значение разговорности (особенно если в нем присутствует универсальный суффикс разговорности *к-а* (ср. *картофель* и *картошка*, *морковь* и *морковка*, *печь* и *печка*, *книга* и *книжка* и под.). Однако есть немалая часть разговорной лексики, никак не связанная с бытовыми реалиями. Дополнительный компонент значения здесь может быть связан с характеристикой обозначаемого объекта, с эмоционально-оценочным компонентом, с выражением особого фамильярного отношения к адресату. «...эмоциональность, спонтанность и стилистическая сниженность образуют как бы один лагерь, которому совместно противостоят неэмоциональность, неспонтанность и стилистическая возвышенность, в частности, книжность. Иначе говоря, вся наша речевая деятельность колеблется между двумя полюсами, двумя противостоящими друг другу началами: между простым, стихийным, личностным, субъективным, эффективным и эфемерным, с одной стороны, и сложным, обработанным, ролевым (социально обусловленным, объективным, интеллектуальным, постоянным — с другой» [Долинин 1978: 336]). Начиная с последних десятилетий XX века, русский язык сделал резкий крен в сторону сниженности, так что «разговорность» вобрала в себя элементы просторечия, арго, жаргона, сленга, и возникло представление об общем жаргоне русского литературного языка. [Костомаров 1994, РЯ; Ермакова, Земская, Розина 1999; Крысин 2008; Ревзина 2010; Ревзина 2012]. Справедливым представляется замечание В. Г. Костомарова о том, что устоявшиеся представления лингвистов «не успевают за ускорением живого процесса языкового развития». [Костомаров 2005: 261]. В разных жанрах интернета разговорная лексика представлена в большем или меньшем объеме

и имеет различное целеполагание. Разговорность — это информация и о канале связи, и о предмете речи, и о говорящем, и об отношениях между говорящим и слушателем. По уже введенным параметрам коммуникативная ситуация в спортивных интернет-трансляциях получает следующие характеристики: не прямое общение осуществляется в режиме реального времени; предварительно неподготовленное сообщение передается по письменному каналу связи; отправитель, но не получатель является очевидцем динамического события. По речевому режиму, спонтанности и позиции наблюдателя со стороны отправителя интернет-трансляция сходна с разговорной речью, по признакам непрямого общения и письменному каналу связи текстовая интернет-трансляция относится к письменной коммуникации. А какова же коммуникативная рамка в спортивных интернет-трансляциях?

Интернет-трансляции оправданно отнести к публицистическому дискурсу. В функциональном публицистическом стиле отправитель — конкретное лицо, адресат является массовым. Публицистическому дискурсу приписывают информационную и воздействующую функции [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 342 — 343]. Воздействующая функция конкретизируется различным образом, в случае спортивного мероприятия адекватным представляется определение так называемой генеральной функции массовой коммуникации, предложенное В. В. Кривенко: «...процесс создания и сохранения единства некоторой человеческой общности, связанной определенным видом деятельности». [Кривенко 1993: 49]. «Человеческая общность» в спортивных онлайн-репортажах формируется через интенсивное эмоциональное переживание спортивного события.

Допустимо полагать, что создатель текста, либо устного связного сообщения реализует три типа стратегий — коммуникативные, когнитивные (познавательные) и собственно языковые. Коммуникативные стратегии относятся к тому, как конституируются и какое языковое выражение получают отправитель и адресат, когнитивные стратегии относятся к тому знанию, которое передается в речевом произведении, собственно языковые (структурно-языковые) стратегии определяют способ вербализации коммуникативной и когнитивной составляющей и способ организации речевого сообщения. Коммуникативные и когнитивные стратегии

могут быть совмещены в одном и том же языковом выражении [Ревзина 2007; Ревзина, Семенова 2010].

Коммуникативные стратегии. Отправитель и получатель в интернет-трансляциях выражены эксплицитно, как это характерно для публицистических жанров. Представившись, спортивный комментатор в дальнейшем обращается к инклюзивному *мы*, которое варьируется с менее частотным *я*:

Привет, друзья! Ну что пора разогреться перед этим восхитительным футбольным спектаклем. Испания-Италия — всем финалам финал! Ближайшие полтора, два, а, судя по всему, и еще больше времени (помним о пенальти) бок о бок с вами проведу я, Сергей Мордасевич ()

Сборная России появляется на льду, с чем я вас всех и поздравляю, дорогие друзья! Мы в считанных мгновениях от начала ()

Референциальный объем инклюзивного *мы* является переменным — *я* и читающие в газетном репортаже, *я* и слушатели в радиорепортаже, *я* и телезрители в телерепортаже, наконец, *я* и интернет-читатели в текстовой спортивной интернет-трансляции. Во всех репортажах *мы* может означать «говорящий/ пишущий плюс слушающий/читающий»; «наша спортивная команда»; «говорящий/ пишущий плюс слушающий/читающий плюс наша спортивная команда/ Россия/ все (россияне)»:

Повтор мы так и не увидели, так что придется довериться шведскому арбитру.

Уж слишком много вольностей вблизи от своей штрафной мы позволяем соперникам. С другой стороны, греческая оборона для нас точно не непроходима, что легко доказали Кержаков и его партнеры по передней линии.

Адвокату (фамилия тренера) должны были объяснить, чем обычно для нас оборачиваются подобные минималистские цели.

Коммуникативные стратегии, характерные для публицистического дискурса, сохраняются в интернет-трансляциях и в отношении адресата: он выражен эксплицитно, комментатор обращается к нему дружески — не допускается никакой фамильярности, связанной с передачей отношения субъекта речи к адресату. Адресат выступает как собеседник, чье мнение важно и интересно. В интернет-трансляциях комментатор специально договаривается с читателями об обратной связи, напоминая о письменной форме:

Кстати, давайте заранее условимся о двухстороннем общении. Оставляйте свои комменты — спорьте, соглашайтесь, возмущайтесь, веселитесь. О вкусах спорят! В том числе и на самой онлайн-ленте: ваши лучшие сообщения переместятся туда, на всеобщее обозрение.

Более того, на начальном отрезке перед нами старые добрые испанцы-романтики. Согласны?

Важный вопрос: а кто признать лучшим игроком чемпионата? Очень тонкий вопрос. У меня три кандидата: Пирло, Иньеста, Хаби Алонсо. Хотя ни один из них не очевиден. А как считаете вы?

Выделив в древнерусском языке книжные и не книжные регистры, В. М. Живов рассмотрел их историю в параметрах преемственности и инноваций. Эти параметры универсальны. Значение имеющей многообразное выражение категории преемственности по отношению к функциональным стилям очень точно выразил К. А. Долинин: «Субъект речи (автор знает, что тексты такого рода, преследующие такую цель, надо строить так, а не иначе, и знает, что другие (читатели, слушатели) ждут от него именно такого речевого поведения» [Долинин 1978: 60]. Однако К. А. Долинин не принимает во внимание различие между письменным (до интернета — газетным) репортажем и репортажем устным. Это относится и к замечанию М. А. Кормилицыной: «Стратегия близости к адресату приводит к активизации в текстах современной прессы риторической категории разговорности <...> С ее помощью создается впечатление живого устного межличностного общения, имеющего место в обиходной сфере коммуникации» [Кормилицына, 2007: 269], Новые информационные технологии (радио, телевидение, интернет) вызвали к жизни целую совокупность новых коммуникативных ситуаций. В газетном репортаже журналист становится наблюдателем события, но сам текст представляет собой обдуманную письменную речь, и время восприятия текста отстоит от времени события. В радиорепортаже комментатор, слушатели и событие пребывают в одном времени, комментатор выступает в позиции непосредственного очевидца, а слушатели не видят происходящего, но слышат комментарий и «звуки» соревнования (особенно здесь важна «звуковая партия» трибун). Речь радиокomentатора устная и спонтанная, предварительно неподготовленная, и разговорность здесь — это не риторический прием, а естественная «органическая система» по определению В. М. Живова. Сказанное вер-

но и в отношении телерепортажа, а котором непосредственное восприятие событий как со стороны отправителя, так и со стороны получателя служит дополнительным источником слабой разговорности. Для текстовых интернет-трансляций, сверх того, важен сложившийся в интернете стандарт онлайн-новостей, с хронометражем событий и подачей информации «одной строкой». Таким образом, преемственность репортажа как публицистического жанра сочетается с введением инноваций, являющихся ответом на новые коммуникативные ситуации. Эти инновации «не спускаются сверху», они представляют собой итог коллективных усилий, направленных на выработку оптимальной и прагматически успешной формы языкового сообщения, соответствующей новой коммуникативной ситуации. В этом состоит, на наш взгляд, практический вклад человека в развитие языка.

Текстовые спортивные онлайн интернет-трансляции — это не имевшая место прежде новая коммуникативная ситуация. Совпадая по отдельным признакам или даже набору признаков с теми, что уже освоены носителями языка, по совокупности признаков текстовые интернет-трансляции не повторяют ни одну из них. Мало того, что в текстовых интернет-трансляциях переплетение книжности и разговорности вполне своеобразно — на наших глазах родилась новая текстовая форма, понуждающая к пересмотру традиционного понимания текста. В параллель здесь можно поставить лишь текстовые он-лайн трансляции других публичных мероприятий. И при сопоставлении сразу же проступают различия — уже внутри одного интернет-жанра. Они относятся к языковым компетенциям участников коммуникативной ситуации и к тому денотативному пространству, с которым соотносится словесное сообщение. Это делает необходимым обращение к понятию спортивного социолекта.

О спортивном социолекте. Шарль Балли выявил природу социальной дифференциации в языке, обратившись к понятию среды: «совокупность людей, которым присуща данная форма речи, совокупность условий, определяющих ее создание и сохранение», — вот что мы называем (за неимением более точного термина) “средой”» [Балли 2001: 252]. В сложное понятие среды Ш. Балли включал следующие компоненты: а) состояние — «совокупность условий, определяющих всю жизнь человека» [Балли 2001: 253], б) «обычные формы деятельности и мысли» — Балли указывает, прежде всего, на профессии и занятия, в) «взаимо-

отношения между людьми внутри группы» [Балли 2001: 252]. Данное определение вполне отвечало социальному расслоению языка в XIX веке. Так, В. В. Виноградов по отношению к языку XIX века такими формулировками, как «диалекты устной речи», «сословные, профессиональные, «чиновничьи, областные диалекты» и под. [Виноградов 1983]. Если добавить сюда специфическую дополнительную цель («язык для своих», тайные языки), разновидностью социолекта естественно считать и воровской (тюремно-лагерный) жаргон, блестящую характеристику которого, вполне согласующуюся с точкой зрения Ш. Балли, дал акад. Д. С. Лихачев: «Воровская речь должна изобличать в воре «своего», доказывать его полную принадлежность воровскому миру наряду с другими признаками...» [Лихачев 1992:365]. Одновременно Д. С. Лихачев показал, что арго — это не просто словарь, за ним скрывается особый способ мышления и особое мировоззрение: «Воровской язык, вернее словарь, включает в себя всю воровскую идеологию, все коллективные представления и все коллективные эмоции» [Лихачев 1992: 368]. В трудах по общему языкознанию и по социальному разграничению в структуре конкретных языков превалировало описание названных типов социальных диалектов [Серебряников 1970].

Однако со второй половины XX века в социальной стратификации общества происходят серьезные изменения. Возникают общности, не связанные с профессиональной деятельностью, о чем в свое время прозорливо писал Шарль Балли: «есть и много других форм деятельности, образующих среду, ибо деятельность — это не всегда работа. Так, модные развлечения и наиболее популярные виды спорта могут привести к тому же результату, хотя и в меньшем масштабе» [Балли 2001: 253]. Со второй половины XX века особое внимание обращается именно на социолекты: «Социальный диалект, как я его определяю, — это принятый в данном сообществе субвариант речи, который благодаря действию определенных общественных сил является характерным для определенных этнических, религиозных или экономических групп или групп индивидуумов с определенным уровнем и типом образования» [Макдэвид 1975: 364–365]. В социологии различают массовые и групповые общества (социальные группы). Массовые общности не связаны с такими параметрами, как общественный класс, культурный уровень, воспитание, конфессия, моральные принципы, тем более стабильность во вре-

мени и пространстве. Вместе с тем «общность болельщиков спортивной команды также может приобрести некоторые свойства социальной группы» [Беликов 2001: 176]. Описывая социальную дифференциацию в русском языке конца XX – начала XXI веков, Л. П. Крысин оперирует понятием национального языка и внутри него выделяет литературный язык в его книжной и разговорной разновидностях, разновидностях, территориальные диалекты, просторечие, профессиональные и социальные жаргоны [Крысин 2003]. К социальным жаргонам Л. П. Крысин относит все те же ушедшие в прошлое нищенские арго и арго беспризорников, но также «всю многоцветную палитру современных социальных жаргонов» [Крысин 2003: 75]. Стилистическая система языка при данном подходе не рассматривается.

Л. П. Крысин не использует классическое определение литературного языка, в соответствии с которым литературный язык характеризуется полифункциональностью, общезначимостью, кодифицированностью и дифференциацией стилистических средств. Выработка нормы, которая перешагивала бы через фрагментированное дискурсивное пространство русского языка средневековья составляет суть процессов, происходящих в русском языке в XVIII веке. И норма является тем центром стилистической шкалы русского языка, по отношению которому определяются стилистические смыслы высокого и сниженного стилистического ярусов. Это не только книжность и разговорность, но и возвышенность, просторечность, а также тот не имеющий одного названия стилистический смысл (резкая, грубая сниженность, «деструктивность»), который связан с криминальным арго и жаргоном (В. В. Виноградов, изменения в русском литературном языке последней трети XIX века, обозначал этот языковой пласт как «язык городских низов. Стилистические смыслы имеют сложную семантику, это своего рода точки зрения, укорененные в языке. Книжность дополняется стилистическим смыслом «книжность плюс специализация», с которым соотносятся функциональные стили русского языка. Язык науки, который Л. П. Крысин выносит в некое отдельное образование и говорит о «подъязыках различных отраслей знания и техники», маркирован по данному стилистическому смыслу, так же, скажем, как официально-деловой язык. «Разговорность» и «просторечность» также дополняются стилистическими смыслами «разговорность плюс специализация» и «просторечность плюс специализация». Сюда-

то и попадают профессиональные жаргоны. Стилистическая система действует, что называется «поверх» разных форм существования языка, дифференцируя их благодаря стилевому облику и скрепляя в одно целое в пространстве дискурса. Поэтому социальная стратификация абсолютно неотделима от стилистической дифференциации. Спортивный социолект относится к новым формам существования языка, которые Л. П. Крысин специально не рассматривает. Будучи близким профессиональному жаргону, спортивный социолект отнюдь не совпадает с ним. Носители профессионального жаргона — профессионалы, связанные одним видом деятельности и, как правило, личными взаимоотношениями. Носители спортивного социолекта — и профессионалы, и непрофессионалы, с возможными более тесными взаимоотношениями внутри отдельных «постоянных общностей» (члены одного клуба, одной команды, фанаты и пр.). Очень важна качественная характеристика спортивного социолекта. О. В. Лавриненко справедливо указывает, что «русскоязычная футбольная лексикография пока продолжает находиться в зачаточном состоянии» несмотря на уже имеющиеся многочисленные словари футбольной терминологии. По мысли О. В. Лавриненко, футбольная лексикография включает в себя футбольную терминологию, язык футбольных СМИ, и футбольный жаргон во всем объеме его рановидностей: «Любой вид спорта в процессе своего становления и развития создает предпосылки для формирования как минимум двух жаргонных образований: *речь представителей данного вида спорта* и *речь болельщиков данного вида спорта*. Существуют эти два образования в тесной взаимосвязи, хотя и являясь при этом двумя разными жаргонными образованиями, с разным кругом носителей и отличающейся лексической базой. <...> Кроме того, существует еще ряд смежных жаргонных образований, пересекающихся и взаимодействующих с жаргонной футбольной коммуникацией по различным лингвистическим и экстралингвистическим параметрам. <...> Это жаргон футбольных хулиганов, жаргон игроков в компьютерный футбол, футбольный букмекерский жаргон, жаргон футбольного фристайла» [Лавриненко 2012]. Особый интерес здесь вызывает футбольная терминология.

В языковом сознании собственно язык профессии и профессиональной жаргон сосуществуют. С этой точки зрения научная терминология — это такие же «профессионализмы», как и слова «научного жаргона».

«Сосуществование» языка профессии и спортивного жаргона относится и к спортивному социолекту. Но качественно спортивная терминология существенно отличается от научного лексикона. Ш. Балли помещал профессиональные диалекты в «специальные языки» и говорил о «специальных терминах» [Балли 2001: 277]. В употреблении термина «профессионализм» Л. П. Крысин как будто следует данному пониманию. Однако у Ш. Балли есть важная оговорка: специальная терминология выделяется им в сопоставлении с научной. Язык науки — это понятийно-логический язык, оперирующий абстрактными понятиями и предназначенный для выражения претендующей на объективную истину научной картины мира. Он противопоставлен профессиональному жаргону по уровню обобщения, по отсутствию тех связей, которые характерны для терминосистем. Термины и «профессионализмы» противостоят друг другу стилистически: если термин передает стилистический смысл «книжность плюс специализация», то профессионализм — «разговорность плюс специализация». Соответственно научный текст стилистически однороден, он зиждется на норме и книжности и не предполагает включения профессионализмов. Русская спортивная лексика представлена в специальных словарях. Её «структурно-семантическое описание», основанное на распределении по олимпийским видам спорта, находим в словаре И. Г. Кожевниковой [Кожевникова 2002]. В тематической группе «Футбол» выделяются следующие тематические подгруппы: «Техника полевого игрока», «Техника вратаря», «Тактика нападения», «Тактика защиты», «Виды тактических систем», «Функции игроков в команде» и «Вспомогательное оборудование». Достаточно лишь взглянуть на эти группы, как становится очевидным, что их выделение основано на гештальте игры, т. е. «целостной структуры, представляющей из себя нечто большее, чем простое соединение её частей» [Лакофф 2004:39]. Ни о каких абстрактных понятиях, а следовательно, и о терминах в строгом смысле слова здесь говорить не приходится. Что касается жаргонизмов и «слэнгизмов», то по своему значению они столь же конкретны, как и ядерная часть футбольного словаря. Таким образом, в спортивном социолекте следует различать профессиональную спортивную лексику в целом как важнейшую часть спортивного социолекта, и языки общения, куда и входят выделяемые О. В. Лавриненко разновидности футбольного жаргона. Профессиональная лексика в футбольном социолекте не пере-

дает стилистический смысл «книжность плюс специализация», основная её часть — это общеупотребительная лексика, ср. *защита, нападение, атака, бомбить (ворота противника), команда, капитан* и под. Очень интересно складывается в профессиональной лексике соотношение книжности и разговорности. В футбольном социолекте активно используются такие субстантиваты, как *угловой (удар), ворота (футбольные), штрафная (площадка)*, широко распространенные в разговорной речи (ср. многочисленные примеры в [РРР 1973: 413 — 417]). Формально такие образования разговорны, однако в узусе, и независимо от канала коммуникации, именно они являются нейтральными, в то время как полная форма становится маркером официально-делового языка (ср. также [РРР:1973: 416]). Универсальной чертой профессиональных диалектов является использование метафорических номинаций в качестве второго названия (а иногда и единственного обозначаемого предмета, действия, признака (многочисленные французские примеры находим у Балли (см. [Балли 2001: 277]; ср. также [ЛЭС 1990: 151]). Такие метафоры представлены в большом количестве и в футбольном лексиконе: *ножницы* (технический прием удара по мячу, когда обе ноги скрещиваются в воздухе), *удар шведкой, щечкой* (удары, выполняемые внешней и внутренней стороной стопы), *чешская улочка* (точная приземная передача мяча в свободное пространство), *бетон* (глухая оборона), *второй этаж* (игра головой), *мертвый мяч, сухой лист* (неотразимый удар в ворота), *сухарь* и *сухарь с изюмом* (матчи без пропуска голов) и др. Это отнюдь не жаргонизмы, а часть профессиональной лексики — многие такие метафоры, что называется, безэквивалентны. Хорошо известно, что в научном термине метафора утрачивает свою внутреннюю форму (ср. *канал коммуникации, семья языков, твердые и мягкие согласные* и пр.). Вряд ли это можно сказать о спортивных профессионализмах. В основу метафорической номинации здесь берутся слова, связанные с обиходно-бытовым пространством, разговорные и просторечные. Становясь спортивными профессионализмами, они не утрачивают своей образности и собственной стилистической характеристики, ср. *удар пыром, удар щечкой*. Сленговые обозначения строятся по тому же принципу и, конечно, не случайно проникают в футбольные репортажи, ср. *горчичник* (желтая карточка), *девятка* (верхняя зона створа ворот), *подвал* и *чердак* (верхняя и нижняя часть футбольных ворот) и др.

Из сказанного, на наш взгляд, с очевидностью следует, что спортивный социолект нельзя отождествить ни с одним из имеющих длительное существование социально-языковых образований. Спортивный социолект является наиболее развитым среди социально-языковых образований, связанных с «массовыми общностями» и передающих новые формы социальной стратификации в обществе. В дискурсе формируется стилевой облик жанровых разновидностей спортивного дискурса. Применительно к текстовым интернет-трансляциям этот стилевой облик раскрывается наглядно при обращении к когнитивным стратегиям.

Когнитивные стратегии. Любое сообщение содержит определенное знание, и язык, таким образом, выполняет свою когнитивную (познавательную) функцию. Как и коммуникативные, когнитивные стратегии в спортивных интернет-трансляциях являются коллективными — они присущи всем спортивным репортажам. Сообщение помещается внутри кольцевой рамки (приветствие, перечисление состава команд и запасных игроков, тренеров, судейской бригады) и прощание). Спортивная интернет-трансляция включает в себя рассказ, или повествование о сменяющих друга событиях в происходящем матче (спортивный нарратив), о чувствах и эмоциях по поводу этих событий и об оценке (игры в целом, перспектив, игроков и их действий, судей, состояния поля, погодных условий). В целом когнитивные стратегии можно охарактеризовать следующим образом: а) спортивный нарратив ведется на профессиональном языке футбола. Словарь футбольной лексики редуцируется за счет ограничения числа тематических полей и состава включаемых тематических полей. Действует прагматическая установка на общепонятность и доступность спортивных интернет-трансляций. Этому способствует то, что большая часть футбольного словаря — это общепотребительная лексика, обретающая специальное значение благодаря конкретизации денотата, ср. такие слова, как *команда, капитан, игрок, поле, ворота, мяч* и под. Стилистическая варьирование на уровне лексики осуществляется в пределах книжности — разговорности, резкая сниженность и футбольный сленг используются крайне редко, На синтаксическом уровне разговорность представлена эллипсисом, ситуативным и неситуативным, б) эмоции большой силы передаются графическими выразительными средствами, риторическими вопросами и восклицаниями. Эмоции и оценка могут быть выражены лексически, с тем же ва-

рыированием книжности — разговорности, реже резкой сниженности. Типичным является не прямое выражение, то есть сопряженное с нарративным сообщением либо поданное в качестве комментария.

Отсылка к жанру рассказа акцентируется использованием таких слов, как *интрига*, *кульминация*, *начало завязка*, *(неизбежная) развязка*, *конец*. Сообщения могут строиться по типу театральных ремарок: *Гекас Теофанис (Греция) уходит. Холебас Хосе (Греция) выходит*. Спортивный нарратив состоит из изложения событий, перемежаемых резюме, а также характеристикой игры отдельных игроков, факультативно — работы тренеров и судей, состояния поля, погодных условий. Эти части присутствуют и в теле-, и в радиорепортаже, однако в двух последних имеются еще «вставные эпизоды», заполняющие игровые паузы, когда на спортивном поле не происходит значимых событий. Телезрители могут наблюдать подобную паузу воочию, а в радиорепортажах она находит объяснение в непрерывности вещания. Интернет-трансляция отличается от них тем, что поступающие письменные сообщения хронометрируются («01:25 *Первый раз подобралась россияне к чужой штрафной. Аршавин пытался пробить в касание после скидки партнера. По мячу наш капитан толком не попал, зато получилась передача в штрафную на ход Широкову. Сифакис здорово играет на выходе, опережая российского полузащитника. 02:49 Офсайд: Салтингидис Димитриос (Греция) оказывается в положении «вне игры» (Россия-Греция)*). Поэтому интернет-трансляция выглядит более стройной и компактной. Характеризуя спортивный нарратив, следует остановиться на номинациях участников (агентов) и на повествовательных предикатах, формирующих сюжет спортивной трансляции. В матче Россия — Греция номинативная цепочка, относящаяся к игрокам, на протяжении первых 10 минут матча выглядит следующим образом: *Аршавин — Широков — Сифакис — Салтингидис Димитриос — Карагунис Георгиос — Капуранис Константинос — Карагунис Георгиос — Торосидис Василиос — Анюков Александр — Гекас Теофани — Глушаков — Карагунис Георггиос — Торосидис Василиос — Анюков Александр — Аршавин Андрей — Дзезгоев — Сифакис*.

В многофигурной динамической картине спортивного поля с постоянно изменяющейся диспозицией участников игры собственное имя выступает важнейшим средством идентификации участников; для радиорепортажей и для текстовых интернет-трансляций, когда зрители не яв-

ляются очевидцами игры, собственное имя, понятное дело, приобретает особое значение. Возможные варианты здесь — особые «прозвища» игроков, команд в целом, судей, футбольных клубов; в устном репортаже могут обсуждаться произносительные варианты (обычно в тех случаях, когда речь идет о малоизвестных игроках иностранных клубов и государств). О других номинациях можно судить, обратившись к «Идеографическому словарю русского футбольного социолекта» [Маликова 2012]. В разделе «Люди, создающие игру» помещены существительные, называющие игроков, тренерский состав, судей и организаторов игры. Некоторую часть из них составляют заимствования, частотные или редко (а также крайне редко) используемые в репортажах: *арбитр, голкипер (кипер), центрфорвард, легионер, бек, вингер, свипер, стоппер, страйдер* и др. Стилистическая синонимия в пределах книжности — разговорности (типа *норвежцы* — окказ. *норвеги*), собственно говоря, отсутствует. Текстовое варьирование осуществляется благодаря метонимиям (*десятый номер, россиянин/россияне, французы, немцы, Россия, Франция, Германия* и под.). Стилистическая безальтернативность характерна и для имен лиц в тематических группах «Люди, наблюдающие за игрой» и «Люди, обслуживающие игру». Даже слово *фанаты*, ввиду отсутствия вариантов нельзя признать разговорным и тем более резко сниженным. Иначе обстоит дело с повествовательными предикатами. В повествовательные предикаты-глаголы входят глаголы движения (движения игроков — *бежать, добежать, догонять, лавировать* и др., движения мяча — *вылететь, долететь, покатиться, достичь* и др.) и глаголы действия (действия игрока — *атаковать, заблокировать, играть, навесить, обвести* и др.; действия с мячом — *бить, бросать, подать, ударить* и др.; действия судьи — *наказать, удалить, прервать* и др.). Как и в случае с существительными, мы имеем здесь дело с конкретизацией референта, так что глагол как бы втягивает в себя значение актанта, и, *вбросить, выбить, катать* означает соответственно *вбросить, выбить, катать мяч*. Такие глагольные конденсаты характерны для разговорной речи [РРР 1973: 424 — 427], при этом частотные стяжения воспринимаются в ней как норма, что характерно и для футбольного дискурса. В словарь футбольной лексики входит, сверх того, немалое количество устойчивых глагольно-именных сочетаний (*бороться за мяч, выполнить навес, работать угловой, прорваться к воротам, идти в атаку* и под.), кото-

рые типовые ситуации на поле и не порождаются каждый раз заново, а воспроизводятся, как готовые и постоянно используемые единицы футбольного дискурса. Отличие повествовательных предикатов от номинативных единиц состоит в возможности выбора, то есть замены глагола его разговорным либо книжным эквивалентом. Так формируется стилистический облик футбольного нарратива: В радиорепортажах и интернет-трансляциях сообщение о действиях обязательно, при этом, комментатор в письменном тексте не может воспользоваться привилегией устного канала связи (возможность перебива самого себя, отказ, от выбора одного слова в пользу другого, возможность перестройки высказывания). Как же в таком случае выглядит спонтанная письменная речь? Посмотрим на те же первые десять минут матча Россия — Греция:

00:00. Начало первого тайма. Греция вводит мяч в игру. 01:25. Первый раз подобрались россияне к чужой штрафной. Аршавин пытался пробить в касание после скидки партнера. По мячу наш капитан толком не попал, зато получилась передача в штрафную на ход Широкову. Сифакис здорово играет на выходе, опережая российского полузащитника. 02:49. Офсайд: Салпингидис Димитриос (Греция) оказывается в положении «вне игры». 05:34. Угловой: Карагунис Георгиос (Греция) правой ногой с правого угла поля навешивает в штрафную. 05:37. Удар по воротам: Кацуранис Константинос (Греция) бьёт правой ногой из штрафной в створ ворот Мяч отбит вратарем (сейв). Момент у греков! Глушаков и кто-то из его партнеров не успел на ближней штанге за греческим полузащитником, но перебросить себя Малафеев не позволил. 06:13. Угловой: Карагунис Георгиос (Греция) правой ногой с правого угла поля навешивает в штрафную. 06:18. Удар по воротам: Торосидис Вассилиос (Греция) бьёт левой ногой из штрафной Удар блокирован. 06:23. Травма: Анюков Александр (Россия) получает травму. Остановка игры. 06:25. Травма: Гекас Теофанис (Греция) получает травму. Остановка игры. Игроки столкнулись головами в борьбе на ближней штанге, вдвоем оказавшись на газоне. 09:47. Удар по воротам: Аршавин Андрей (Россия) бьёт левой ногой из штрафной в створ ворот Мяч пойман вратарем (сейв).

Легко видеть, что основную часть текстовой трансляции составляет простые двусоставные глагольные предложения. Обращение к ним диктуется коммуникативной ситуацией комментатора, в отсутствие зрительного

канала связи, обязан назвать игрока и совершаемое им действие. Сами по себе такие предложения совершенно нейтральны в стилистическом плане, однако порядок слов в них многих случаях такой, который принят в разговорной речи; здесь «член (или члены), наиболее важный (обычно с точки зрения актуального членения он является ремой) тяготеет к началу высказывания» [PPP 1973: 382]: *Решили на этот раз разыграть угловой наши футболисты; Пытаются наши футболисты атаковать через центр; В самую крестовину пришелся мяч после удара греческого защитника; Неплохой удар у Игоря получился; Четыре минуты добавляет арбитр; Чуть выше мяч прошел.* Возможны и более кардинальные перестановки, вплоть до нарушения проективности: *Желтую получает Погребняк за игру рукой; Адская смесь в линии атаки теперь у нас.* Глагольные предложения могут дополняться парцеллированными конструкциями: *Денисов бьет из-за пределов штрафной. Мимо ворот; Павлюченко ударил издали. Даже не в сторону ворот* (отметим, что в та же парцелляция может служить ярким выразительным приемом в художественном тексте — достаточно указать на прозу С. Довлатова). Другие конструкции (вынесенное вперед название действия и следующее за ним разъяснение (*Травма: Анюков Александр (Россия) получает травму*), односоставные именные предложения (*Остановка игры*) — находят соответствие и в книжном, и в разговорном синтаксисе. Таким образом, в сфере нарратива, по удалении признаков слабой разговорности, мы получаем органичное соединение абсолютно нейтрального и разговорного синтаксиса.

Выражение эмоций и оценки непременно присутствует в интернет-трансляциях, хотя и в разном объеме. В эмоционально-оценочный словарь входят прилагательные, наречия, глаголы, гораздо реже — существительные, называющие чувство. Стилистический разброс довольно велик, основной массив — это нейтральные и тяготеющие к книжности (ср. *безрассудный, безукоризненный, безупречный, искрометный, впечатляющий* и др.), а также относительно редко используемые лексические единицы (ср. *отменный, вальяжный, вальяжно*). Помимо разговорности (*дурацкий, никудышный*) резкая сниженность представлена в сфере оценки: *дерьмовый, клеветный, лажовый, , ништяковый, обалденный, отпадный, офигенный, офигительный, суперский, туфтовый, фиговый, хреновый, нехилый* и др.). Обращение к прилагательным влечет за собой

включение двусоставных предложений с именным сказуемым, равно присущих и письменной, и устной речи.

«Одним из средств выражения эмоционально оценивающего отношения говорящего к предмету своей речи является экспрессивная интонация, отчетливо звучащая в устной речи» [Бахтин 1979: 265]. В текстовых интернет-трансляциях подобная интонация передается графическими выразительными средствами, давно используемыми в художественных текстах. Используются прописная буква (ОПАСНО!), буквенный повтор («Русские, вперед», *ревут трибуны*), жирный шрифт (*Гол! Сб. Греции. Карагуни. Грубейшая ошибка обороны россиян, «забывших» десятого номера греков, который убежал и с острога угла пробил Малафеева*). Спонтанная эмоция передается междометиями: *Ух! <.> Мяч прошел в сантиметре от штанги; Ой, Жирков; Так картинно упал после контакта с Салпингидисом*. Эмоциональное переживание стоит за восклицательным знаком, характер эмоции уясняется из контекста: *В самую крестовину пришелся мяч после удара греческого защитника!; Свистать всех наверх!; Все! Греки сенсационно обыгрывают сборную России и оставляют нашу команду за бортом плей-офф*. Восклицательных знаков тем больше, чем сильнее эмоция: *Кержаков!!! Великолепный удар с линии штрафной площади в исполнении Саши!* А если эмоции переполняют, включаются одновременно разные средства: *УДАР! Ух, как мощно Денисов приложился с левой! БРАААААВВВВОООО!!!! ИСПААААНИЯ!!!! МОЛОДЦЫ!*

Сигналы спонтанного эмоционального переживания рассыпаны по всему тексту интернет — трансляции, и это придает ей совершенно особый статус. Как писал Шарль Балли, более других проникший в тайну экспрессивности, «всякая мысль, зависящая от жизни, эмоциональна» [Балли 2003: 32], но письменная форма по самой своей природе ставит барьер перед непосредственной эмоцией, ибо «как только мы берем в руки перо, в игру вступает фактор времени — становится возможным по собственной воле обдумывать, осуществлять выбор...» [Балли 2003: 91]. Этот барьер как раз и устраняется в феномене текстовой интернет-трансляции: письменная по форме, она несет в себя тот заряд спонтанности (спонтанной передачи мысли и чувства), которым наделена только устная форма. И с этой точки зрения правильнее говорить даже не о

нейтрализации, а о синтезе двух форм, приведшего без всяких оговорок, к новой форме существования языка.

Языковая личность комментатора. Анализируя речевые жанры, М. М. Бахтин подчеркивал два момента: а) «отражение индивидуальности говорящего в языке высказывания» зависит от жанра, б) «чем лучше мы владеем жанрами, тем свободнее мы их используем, тем полнее и ярче раскрываем свою индивидуальность» [Бахтин 1979: 259]. Жанр репортажа предусматривает наличие текстовых правил и определенную свободу. Спортивный комментатор следует коллективным языковым стратегиям и одновременно раскрывает свою языковую личность. Как и в случае с радиорепортажем, его языковая личность реализуется в спонтанном говорении, и здесь все выходит на явь: и уровень владения литературным языком, и богатство словаря, и культурно-языковой фонд знаний, позволяющий использовать интертекстуальные связи, и умение прибегать к тропам и фигурам речи.

Это можно показать на двух примерах В текстовой онлайн-трансляции матча Россия-Греция спортивный комментатор начинает репортаж, что называется с высокой ноты: игроки греческой сборной именуется *эллинами*, и возникает мотив Фортуны («Все в руках наших футболистов. Остается пожелать им удачи и на всякий случай положить под руку запасы валерьянки, если вдруг *Фортуна от них отвернется. Все-таки ведь она – греческая богиня*). Он мог бы стать сквозным для всей трансляции, однако заканчивается уж в конце первого матча, когда Греция забивает гол (*Пусть Фортуна пока действительно на стороне эллинов, но можно заставить ее изменить свой выбор — в дальнейшем эллины именуется исключительно греками*). Егор Поляков демонстрирует в спонтанной речи свободное владение стилистической палитрой русского языка. В сфере нарратива клишированные глагольные сочетания перемежаются книжными оборотами, развивающими метафору борьбы и сражения, огня, смерти (*последний рубеж* в виде греков, *усыпляет бдительность* российских защитников, *проходить оборонительные заслоны, пожар в штрафной сборной России, Анюков не дал Гекасу расстрелять российского голкипера*). В нарратив включается общезыковая фразеология (*этот орешек не столь уж крепок, как раньше, запрыгнуть на ступеньку уходящего поезда, крест на нашей команде ставить в любом случае не стоит*), живописные индивидуально-авторские

сравнения. И вместе с книжными разговорные сочетания активно «разбавляют» достаточно скудный словарь футбольных действий и передвижений: *по мячу наш капитан толком не попал, лучший бомбардир российской сборной<...>пробил по воробьям, вот так оплеуха под занавес тайма, российский защитник еще и умудрился схлопотать карточку*). Рассматривая текст целиком уже вне режима онлайн, можно обнаружить интересную особенность: «книжность» сконцентрирована в начале текстовой трансляции, после пропущенного российского гола следуют одно за другим краткие сообщения о происходящем на поле на профессиональном футбольном языке и одновременно идет по нарастающей обращение к разговорности, причем соответствующие выражения касаются в первую очередь российской команды. В них звучит неодобрение и главное — так передаются прямо не называемые эмоции комментатора (надо полагать, и болельщиков). В абсолютно, казалось бы, нейтральной концовке (*до новых встреч. Надеюсь, более приятных*) представлена фигура литоты, которой комментатор воспользовался, чтобы передать разочарование в игре и горечь от поражения. Если взять другую онлайн-трансляцию матча сборная России — сборная Греции на Евро-2012, можно увидеть варьирование уже названных тактик. Здесь, прежде всего, ощущается уже выработанная практика онлайн новостей, когда каждое новое событие подается одной строкой. Клишированные сочетания дополняются квалификационными и оценочными определениями (*Россияне неспешно катают мяч*), включаются типовые концептуальные метафоры (*Маниатис взрывает левый фланг, но затем погибает и сам*). На этом фоне параллельно с описанием хода игры в текстовой трансляции передаются сильнейшие эмоциональные переживания спортивного комментатора и болельщиков. Эмоции и оценка могут называться прямо (*Теперь Аришавин бьет очень плохо; Становится тревожно; Становится уже смешно*), но главным является не прямое выражение, которым виртуозно владеет спортивный комментатор. В ход идет все: распространение нарративного сообщения, комментариев, интертекст, игра слов. Следующие выборочные примеры демонстрируют эту технику: *Кержаков едва ли не впервые коснулся мяча. Очень осторожно; Широков решил упасть в штрафной. Тоже вариант; Может, Кержакову надо запретить бить по воротам. Ну сколько же можно? Он уже и по мячу перестал попадать; А вот и Широков бьет. В темные грозо-*

вые облака. В греческом зале, в греческом зале; Трибуны утверждают, что «Слава — России!». Кто такой этот Слава? В целом индивидуально-авторский стиль многих футбольных комментаторов позволяет говорить об их высоком культурно-языковом уровне в сочетании с профессионализмом — спортивным и журналистским (это ярко проявляется при сравнении, например, с хоккейными интернет-трансляциями и особенно с трансляциями Евровидения).

Спортивная интернет-трансляция как текст. Интернет-трансляциям было присвоено название текстовых без обсуждения того, насколько они соответствуют характеристикам текста. Между тем этот вопрос представляет теоретический интерес на фоне уже набивших оскомину дискуссий о тексте и «текстуальности» [Чернявская 2009]. Текстовая интернет-трансляция подается в режиме онлайн-новостей. Это означает, что новое сообщение смещает вниз предыдущее. Таким образом, реализуется иная, по сравнению с укорененной в русском языке ориентационная метафора времени (вместо БУДУЩЕЕ ВПЕРЕДИ — ПРОШЛОЕ ПОЗАДИ (горизонтальная координата) — БУДУЩЕЕ ВВЕРХУ — ПРОШЛОЕ ВНИЗУ (вертикальная координата). Интересно также, что онлайн-трансляция как будто овеществляет имеющее этимологическое обоснование тождество начала и конца, ибо до переворачивания интернет-трансляции она начинается с завершения матча, а последняя его строка возвещает о его начале. Показательно, что в интернет-трансляциях не используются (ибо теряют смысл) такие метатекстовые ориентиры, как *выше — ниже, раньше — позже (прежде — далее)*. При всем при том интернет-трансляция представляет собой завершенное словесное образование и по этому признаку вполне соответствует понятию текста.

Однако интернет-трансляция — это хотя и письменное, но при этом предварительно неподготовленное сообщение. Мы знаем, что спонтанность в устной речи имеет следствие предоставление говорящему некоторого права перебива самого себя, отказа от выбранной модели высказывания в пользу другой и т. д. «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь», сказанное слово нельзя «поймать», но его можно поправить. Есть ли такие сигналы необратимости в спонтанной письменной коммуникации? Здесь обращают на себя внимание различные огрехи

в написании слов — пропуски букв, добавления лишних букв, перестановки и под.:

Вот и сегодня эллины выйдут на поел в новом для себя сочетании (поел = поле); С одной стороны, низкий, убаюкивающий темп (одной = одной); Зрители свястят (свистят), когда мяч у испанцев; Дзагоев получает желтую карточку за игру.

Здесь, действует, таким образом, другая поговорка: «Что написано пером, того не вырубишь топором» (с поправкой на орудие письма). Подобные опечатки никогда не исправляются, да по существу своему и не требуют исправления: получатель однозначно восстанавливает нужное слово по контексту.

Делимитация единиц текста — один из «проклятых вопросов», сопровождающих грамматику текста ровно столько, сколько она существует» [Дымарский 2006: 81]. Не вдаваясь в «проклятые вопросы», отметим только, что интернет-трансляция предлагает тип членения, не представленный в текстах. По наглядности и простоте выделения фрагменты интернет-трансляции ближе всего к абзацу, но в содержательном плане ни о каком сходстве с абзацем говорить не приходится. Каждый фрагмент имеет маркировку, адресованную понимающую её получателю: жирным шрифтом выделяется минута матча, далее с новой строки следует обозначение времени. Фрагменты разновелики: они могут состоять как из одного, так и не скольких высказываний — по воле пишущего. Связность, наряду с завершенностью, полагается второй важнейшей характеристикой текста. Как связаны между собой фрагменты спортивной интернет-трансляции?

Применительно к тексту говорят о двух видах связности: референциальной и релятивной [Dirven, Verspoor 1998]. Референциальная связность, то есть отсылка к одному и тому же референту и местоименными средствами. Как было показано, основным средством идентификации в спортивных интернет-трансляциях является фамилия игрока — она повторяется столько раз, сколько этот игрок совершает действия на поле или, напротив, не совершает необходимых действий. Другие референциальные выражения — это названные выше номинации участников спортивного состязания и зрителей. Но вот что интересно — в интернет-трансляциях почти не используется такое сильное средство связности, как местоименная анафора. Последовательности типа: *Отметим*

Фабрегаса. Сегодня он безупречен крайне редки. Между тем именно внутритекстовый деиксис является важнейшим показателем текстовости, поскольку местоимение отсылает непосредственно не к референту, а к слову внутри текста. Под релятивной связностью имеют в виду отношения причины, следствия, цели, условия, уступки, контраста и др. Они устанавливаются между частями сложного предложения, между предложениями, а также между отдельными частями текста. Эксплицитные средства выражения связности — это подчинительные и сочинительные союзы, наречия, предлоги, частицы. Анализ релятивной связности в интернет-трансляциях дает следующую картину. Сложноподчиненные предложения с союзами *потому что, так как, для того чтобы* и др. здесь фактически не представлены; удалось обнаружить буквально по одному-два использования союзов *хотя, если, так что*:

На повторе видно, что полузащитник фактически самостоятельно зацепился за ногу Игнашевича. Так что карточка за симуляцию, пожалуйста, справедлива.

Изредка встречаются предложения со сходными по значению наречиями:

Сборная Чехии победила поляков со счетом 1: 0. Таким образом, из группы А выходят сборная Греции и Чехии.

Релятивная связность в интернет-трансляциях — это паратаксис, то есть сложносочиненные, а также следующие друг за другом простые предложения с союзами *и, но, но и, а, да, однако*:

Разыграли наши футболисты угловой, и Денисов нанес отличный удар из-за пределов штрафной площади; Жирков вновь подключился к атаке, вошел в штрафную площадь, а вот прострел заблокировали; Снова атакуют россияне, но неудачно завершается эта атака. Не хватает избирательности и остроты; Да и греки пока грубых ошибок в обороне не допускают; Преимущество на стороне сборной России, однако, пока откровенно опасных моментов не было.

Разумеется, релятивная связность может быть выражена чисто лексически, а также имплицитно, как результат соположения следующих друг за другом сообщений (*Погребняк сыграл рукой в чужой штрафной. Судья наказывает Павла желтой карточкой*). Но общая тенденция совершенно ясна. Она полностью соответствует тому различию книжной и разговорной стратегий построения текста, которое было вы-

двинуто В. М. Живовым: если книжная стратегия состоит «в логическом развертывании», то разговорная — «в ситуационном упорядочивании информации» [Живов 2004: 52]. Но характер связи с ситуацией в интернет-трансляциях имеет и уникальные черты, отсутствующие у текстов, построенных на разговорных (некнижных) стратегиях). И главной здесь оказывается категория времени.

В интернет-трансляциях время создания письменного сообщения совпадает с временем спортивного состязания. Это, иначе говоря, хронологическое (календарное) время, при котором «точка присутствия становится одновременно и точкой зрения. Точка движется, вместе с нею движется время, а вместе с временем движется по линии времени и событийный мир» [Арутюнова, 1999: 688]. В коммуникативной грамматике, говоря о тексте, различают «три темпоральные оси»: «календарное, природное, объективно бегущее время, внешнее по отношению к тексту»; «текстовое, событийное время», по отношению к которому «непрерывным условием является релятивная таксисная связь всех предикатов текста <... > в плане одновременности или разновременности, предшествования или следования»; перцептивное время, выражающее «позицию говорящего (пишущего), реальную или мысленную, во времени и пространстве по отношению к событиям текста» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 21 — 22]. Нам представляется, что по отношению к интернет-трансляциям оправданно говорить только об одной темпоральной оси — том самом «природном, объективном времени». Оно становится и текстовым, и перцептивным и тем самым из «внешнего по отношению к тексту» превращается в категорию «внутреннего» времени текстовых интернет-трансляций. Именно в этом состоит уникальность и инновационная специфика текстовых интернет-трансляций. Принятый в них хронометраж — не формальная примета: стоит её убрать — и таксисная связь предикатов восстанавливается лишь частично либо разрушается полностью. Наиболее уязвимыми здесь оказываются глагольные формы настоящего времени. Вот первые предложения с этими формам из приведенного выше фрагмента текстовой интернет-трансляции матча Россия-Греция без указания на время: *Начало первого тайма. Греция вводит мяч в игру. Сифакис здорово играет на выходе, опережая российского полузащитника. Офсайд: Салтингидис Димитриос (Греция) оказывается в положении «вне игры». Угловый: Карагунис Георгиос (Греция) правой*

ногой с правого угла поля навешивает в штрафную. Удар по воротам: Кацуранис Константинос (Греция) бьёт правой ногой из штрафной в створ ворот. Названа временная точка отсчета (*начало игры*), а дальше мы вправе отнести называемые действия как совершающиеся одновременно, в то время в действительности следующие друг за другом формы настоящего времени соотносятся с разным хронологическим временем, что и устанавливает между ними отношение следования друг за другом. Конечно, контекст, да и элементарное знание игры позволяет достичь правильного понимания, но при отсутствии того и /или другого отдельные части текстовых интернет-трансляций предстают как абсурдистские, напоминающие великолепные художественные эксперименты Даниила Хармса.

Как и в других разобранных выше случаях, спортивные комментаторы принимали инновационное решение относительно того, как будет выглядеть интернет-трансляция, совершенно бессознательно. В результате родилось то, что, быть может, несколько пафосно, было названо новой формой существования языка. Но надо иметь в виду, что текстовые онлайн-трансляции получают в XXI веке все большее распространение. Так что в заключение хочется воскликнуть — в который раз! — вместе с Пушкиным:

*О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух.*

Литература

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-ое изд. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Балли Ш. Французская стилистика: пер. с франц., 2-ое изд. М.: УРСС, 2001.
- Балли Ш. Язык и жизнь: пер. с франц. М., 2003
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров// Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика: Учебник для вузов. М., 2001.
- Березовский К. С. Жаргон футбольных фанатов как социокультурное явление // Siberia Lingua. 2010. № 1.
- Богословская В. Р. Современная русская спортивная терминология: Словарь англоязычных заимствований конца XX века. Волгоград: Изд-во ВАГС, 2003.
- Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка ХУ11 — Х1Х веков. М.: Высшая школа, 1982.
- Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1978.

- Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX — XX вв. М., 2006.
- Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999.
- Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XV11-XV111 веков. М., 2004.
- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Комкнига, 2005.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.
- Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Жокевникова И. Г. Русская спортивная лексика. Структурно-семантическое описание. Воронеж, 2002.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М., 2008.
- Кормилицына М. А. Разговорность как реализация стратегии близости к адресату в современной прессе / Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М.: Языки славянской культуры, 2007.
- Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.
- Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
- Кривенко В. В. Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект. Воронеж, 1993.
- Крысин Л. П. Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки русской культуры, 2003.
- Крысин Л. П. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX — XXI веков. М., 2008.
- Лавриненко О. В. Словари футбольной лексики: проблема отбора материала [Электронный ресурс] // Материалы III Международной научной интернет-конференции «Русский язык и проблемы филологического образования». Северодвинский филиал Гуманитарного ин-та Северного арктического федерального ун-та им. М. В. Ломоносова, 26 — 27 декабря 2011. — Режим доступа: <http://www.sfpgu.ru/>
- Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Левин В. Д. Литературный язык и художественное повествование. // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971.
- Литневская Е. И. Письменные формы русской разговорной речи (К постановке проблемы): Монография. М.: МАКС Пресс, 2011.

- Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Словарь лагерно-тюремного блатного жаргона. Речевой и графический портрет советской тюрьмы. М., 1992.
- Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Новое в лингвистике. Вып. VII. Социоллингвистика. Ред. Н. С. Чемоданов. — М.: Прогресс, 1975.
- Современный футбольный социолект. Дипломная работа. Научный руководитель О. Г. Ревзина. М.: МГУ, 2012.
- Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации. От клинописи до Интернета. М., 2009.
- Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1973.
- Ревзина О. Г. Хронотоп в современном романе// Художественный текст как динамическая система. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В. П. Григорьева 19 — 22 мая 2005 г. М., 2007.
- Ревзина О. Г., Семенова Ю. В. Хронотоп и текстовые стратегии в современной художественной прозе// Поэтика и эстетика слова. Сборник научных статей памяти Виктора Петровича Григорьева. М.: Ленанд, 2010
- Ревзина О. Г. Русский дискурс в XXI веке: структура и структуризация// Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010
- Ревзина О. Г. Перестройка русской стилистической системы в XXI веке// 11 Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире. Труды и материалы». М., 2012.
- РРР – Русская разговорная речь. Под ред. Е. А. Земской М.: Наука, 1973.
- РЯ – Русский язык конца XX столетия (1985 — 1995). М., 1996.
- Серебrenиков Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка// Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.
- Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009.
- Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика// Структурализм: «за» и «против». — М.: Прогресс, 1975.
- Dirven R., Verspoor M. Explorations of Language and Linguistics. Amsterdam and Philadelphia, 1998.

Sports Text Online Broadcastings In Aspect Of Stylistics

O. G. Revzina (Russia, Moscow), orevzina@gmail.com

Keywords: social idiolect, sports broadcastings, online broadcastings, public discourse, sports sotsiolekt.

Summary: In article definition of sports Internet broadcastings in correlation with communicative situation is given; belonging to a public discourse is noted; cognitive strategy, language identity of the commentator of sports Internet broadcastings, and also sports Internet broadcasting as the text are analyzed.

Об идиоглосном статусе лексем *ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ* и *ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ* в текстах Ф. М. Достоевского

И. В. Ружицкий (Россия, Москва), konnitie@mail.ru

Ключевые слова: ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ, ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ, Достоевский, идиоглосса, Словарь языка Достоевского.

Аннотация: В работе определены идеоглоссы и подробно описывается идиоглосный статус лексем ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ и ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ в текстах Ф. М. Достоевского.

Под идиоглоссой будем понимать употребляемое автором слово, отражающее особенности его идиостиля. Такого рода лексемы характеризуются прежде всего следующими свойствами и функциями:

— служат концентрированным выражением специфики языка и стиля писателя;

— функционируют как тезаурусообразующие понятия, являясь элементами авторского образа мира;

— образуют в тексте точки концентрации различных смыслов, вокруг которых формируются специфические текстовые ассоциативные поля;

— могут играть по отношению к тексту роль ключевых слов;

— выполняют когнитивную функцию в тексте, что отражается в их употреблении в составе автонимных высказываний, афоризмов, отсылок к прецедентным текстам, тропов и других типов когнем;

— в своей совокупности представляют лексический строй идиолекта;

— отражают мироформирующие идеи автора, его картину мира (см. [Караулов, Гинзбург 2001]).

С точки зрения читательского восприятия идиоглоссы выполняют герменевтическую функцию: «Идиоглосса — понятие диалогической природы, поскольку в ней интенция писателя встречается с читательским восприятием. Для писателя идиоглосса — материал и инструмент создания мира того или иного произведения; для читателя идиоглосса — ключ к пониманию этого мира и интерпретации замысла писателя» [Караулов 2001: 16].

В Словаре языка Достоевского (см. [СЯД 2008, 2010, 2012]) описываются именно такого рода единицы авторского лексикона, для выявления которых разработана специальная многошаговая процедура, включающая в себя: экспертную оценку; учёт данных существующих исследований, посвящённых функционированию слова в текстах Достоевского; фиксацию вхождения слова в название произведения или в название какой-либо его части; анализ особенностей употребления слова в составе высказывания, обладающего свойствами афоризма; учёт авторской рефлексии над значением слова; наблюдение над использованием слова в игровом контексте; статистический анализ употребления слова в разных жанрах и в разные периоды творчества писателя, являющийся весьма относительным показателем при определении у слова его идиоглосного статуса.

Слова *всечеловеческий/всечеловек* и *общечеловеческий/общечеловек* (Н. Ф. Буданова называет их словами-символами) являются примером того, как даже низкочастотные единицы в контексте всего творчества писателя могут приобретать концептуальную значимость, что, в частности, подтверждается многочисленными литературоведческими исследованиями, в которых рассматривается категория всечеловечности у Достоевского (см., например, [Буданова 1996; Викторович 2002; Лазари 2002 и др.]). Отметим, что *всечеловеческий* и *общечеловеческий* становятся идиоглоссами во многом благодаря их противопоставлению.

Прилагательное *всечеловеческий* употребляется в текстах полного собрания сочинений Достоевского 12 раз (3 — в художественных произведениях и 9 — в публицистике) в единственном значении — ‘важный, значимый, имеющий единые для всех людей ценности’ (см. [СЯД 2008: 806]). В словаре Т. Ф. Ефремовой *всечеловеческий* даётся как синоним *общечеловеческий*, у которого выделяются три значения: ‘общий, единый для всех людей; присущий всем людям’; ‘такой, в котором участвуют все люди, охватывающий всех людей’; ‘принадлежащий всем людям’, т. е. дифференциация лексико-семантических вариантов, весьма, на наш взгляд, усложнённая, проводится по семам ‘свойство’, ‘участие’ и ‘принадлежность’. В других толковых словарях *всечеловеческий* вообще не описывается, а *общечеловеческий* даётся в одном значении — ‘свойственный всем людям, всему человечеству, касающийся всех людей’ (см.,

например, Малый академический словарь и Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова).

У Достоевского в произведениях третьего периода творчества значения прилагательных *всечеловеческий* и *общечеловеческий* разводятся, к тому же именно в их дифференциации находят отражение особенности авторского мировоззрения.

В художественной прозе употребление *всечеловеческий* ограничивается тремя контекстами из произведений третьего периода творчества писателя, причём два раза — в речи одного персонажа, С. Т. Верховенского:

[Из письма С. Т. Верховенского Варваре Петровне] По вечерам с молодёжью беседуем до рассвета, и у нас чуть не афинские вечера, но единственно по тонкости и изяществу; всё благородное: много музыки, испанские мотивы, мечты **всечеловеческого** обновления, идея вечной красоты, Сикстинская мадонна, свет с прорезами тьмы, но и в солнце пятна! (Бс 25)⁴ [С. Т. Верховенский Варваре Петровне] Есть умнее, значит есть и правее нас, стало быть, и мы можем ошибаться, не так ли? Mais, ma bonne amie, положим, я ошибусь, но ведь имею же я моё **всечеловеческое**, всегдашнее, верховное право свободной совести? Имею же я право не быть ханжой и изувером, если того хочу, а за это естественно буду разными господами ненавидим до скончания века. (Бс 51) [Аркадий] Помню, что я был рад. Ощущение счастья, мне ещё неизвестного, прошло сквозь сердце моё, даже до боли; это была **всечеловеческая** любовь. (Пд 375)

Всечеловеческий здесь употребляется в значении, вполне соответствующем выделяемому в современных толковых словарях значению прилагательного *общечеловеческий*. Говорить о его какой-то особой значимости весьма проблематично, скорее оно служит лишь для создания речевого портрета персонажа.

Достоевский начал употреблять слово *всечеловеческий* ещё в публицистике второго периода творчества, но исключительно как синоним *общечеловеческий* (см. [Буданова 1996: 201]). Концептуальную значимость

⁴ Здесь и далее цитаты из произведений Ф. М. Достоевского приводятся по [Достоевский 1972–1990].

данная лексема приобретает прежде всего в «Дневнике писателя», т. е. в третий период творчества:

Но всё то, что в явлении этого поэта [Жорж Занд] составляло «новое слово», всё, что было **«всечеловеческого»**, — всё это тотчас же в своё время отозвалось у нас, в нашей России, сильным и глубоким впечатлением, не миновало нас и тем доказало, что всякий поэт — новатор Европы, всякий, прошедший там с новою мыслью и с новою силой, не может не стать тотчас же и русским поэтом, не может миновать русской мысли, не стать почти русскою силой. (ДП 23: 32)

В ранних выпусках «Дневника писателя» *всечеловеческий* ещё не стало «своим» для Достоевского, на что и указывает использование кавычек.

Даже самые «белые» из русских у себя в отечестве становились в Европе тотчас же «красными» — чрезвычайно характерная тоже черта. Затем, в половине текущего столетия, некоторые из нас удостоились приобщиться к французскому социализму и приняли его, без малейших колебаний, за конечное разрешение **всечеловеческого** единения, то есть за достижение всей увлекавшей нас доселе мечты нашей. (ДП 25: 21) Я именно напираю в моей речи, что и не пытаюсь равнять русский народ с народами западными в сферах их экономической славы или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею **всечеловеческого** единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь *нравственная* черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что её нет в народе русском? (ДП 26: 131) Да и Алеко и Онегин были русские, да и мы с вами русские люди; да, русским же, вполне русским был и Рудин, убежавший в Париж умирать за дело, для него совершенно, будто бы, постороннее, как вы утверждаете. Да ведь именно потому-то он и русский в высшей степени, что дело, за которое он умирал в Париже, ему вовсе было не столь посторонним, как было бы англичанину или немцу, ибо дело европейское, мировое, **всечеловеческое** — давно уже не постороннее русскому человеку. (ДП 26: 155) Началась она [древняя христианская церковь] сейчас после Христа, всего с нескольких человек, и тотчас, чуть не в первые дни после Христа, устремилась отыскивать свою «гражданскую формулу», всю основанную на нравственной надежде утolenия духа по началам личного самосовершенствования. Начались христианские общины — церкви, затем быстро начала соиздаться новая, неслыханная дотоле национальность — всебратская, **всечеловеческая**, в форме общей вселенской церкви. (ДП 26:

169) Значит, не хочет уже общество удовлетворяться одним только нашим либеральным хихиканием над Россией, значит, мерзит уже учение о вековечном бессилии России! Одна только надежда, один намёк, и сердца зажглись святою жаждою **всечеловеческого** дела, всебратского служения и подвига. (ДП 26: 173)

Идиоглоссный статус прилагательного *всечеловеческий* (а также новообразования *всечеловечески-братский*) обнаруживается как в его сочинительных и подчинительных связях:

всечеловеческий(-ое, -ая) дело ДП 26: 155, 173 единение ДП 25: 21, 152 ДП 26: 131, 147 национальность ДП 26: 169;

всечеловеческое, всегдашнее, верховное право свободной совести Бс 51 европейское, мировое, **всечеловеческое** ДП 26: 155 всебратская, **всечеловеческая**, в форме общей вселенской церкви ДП 26: 169;

Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко **всечеловечески-братскому** единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина. (ДП 26: 148) (см. также ДП 26: 171),

так и в текстовых ассоциациях, где *всечеловеческий* «притягивает» к себе другие идиоглоссы (см. выше о свойствах и функциях идиоглоссы):

Алеко, вечная красота, всебратский, гений русского народа, дело, за которое умирал, Европа, единение, любовь, мечта, национальность, нация, не посторонний, нравственная надежда, нравственная черта, общечеловеческий, общечеловечность, Онегин, отклик в русском народе, Париж, Пушкин, Россия, Рудин, русская душа, русские, русский народ, русский поэт, русская сила, свободная совесть, счастье, христианская церковь, христианские общины, Христос.

Выделяется следующий ассоциативный ряд: **всечеловеческий, всечеловек** → *единение* → *дело* → *национальность* → *русский* → *Россия* → *Пушкин* → *Европа* → *церковь* → *Христос*, который и отражает философию Достоевского. В значении слова *всечеловеческий* — идея любви-единения, лежащая в основе русской национальной картины мира, мировоззрения русской нации. Эта же идея перекликается и с центральной для Достоевского проблемой соотношения церкви и государства (государство, которое должно стать церковью, а не церковью, которая стано-

вится государством), и с оппозицией православия и католицизма, настоящего единения и муравейника, и со многими другими авторскими идеологемами. Ср., например, у Г. М. Фридендера:

Одной из главных проблем, всю жизнь мучивших Достоевского, была идея синтеза, идея воссоединения народа, общества, человечества, а вместе с тем обретения каждым сознательно мыслящим человеком — внутреннего единства и гармонии. Достоевский мучительно сознавал, что в том мире, в котором он жил, единство это нарушено — и во взаимоотношениях человека с природой, и во взаимоотношениях людей внутри общественного и государственного целого, и в каждом отдельном человеке» [Фридендер 1980: 8 — 9].

И у Н. Ф. Будановой:

«Размышления об «общечеловеческом» и «всечеловеческом», появившиеся в публицистике Достоевского с начала 1860-х гг., занимавшие писателя на протяжении 1870-х и получившие окончательное развитие в Речи о Пушкине, непосредственно связаны с формированием и развитием его почвенническо-славянофильской мировоззренческой концепции, с характерным для последней комплексом историософских идей о национальной самобытности и исторической роли России, её всечеловеческом предназначении, о путях сближения интеллигенции и народа для осуществления «русской идеи» и др.» [Буданова 1996: 200–201].

Всё это идеи Речи о Пушкине Достоевского, квинтэссенции его мировоззрения, здесь у писателя появляется и существительное *всечеловек*:

Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите. (ДП 26: 147)

Отметим, что до Речи о Пушкине слова *всечеловеческий* и *всечеловек* употреблялись в XIX веке достаточно редко, см., например:

Таких богато одарённых мыслителей правильнее было бы называть не общечеловеческими, а **всечеловеческими** гениями, хотя, собственно говоря, был только один **Всечеловек** — и Тот был Бог (Н. Я. Данилевский. Россия и Европа, 1869).

Именно Н. Я. Данилевский, высоко оценённый Достоевским, впервые разграничил понятия *общечеловеческий* и *всечеловеческий* и оказал

влияние на «окончательное формирование концепции “всечеловеческого” и “всечеловека” в Речи о Пушкине» [Буданова 1996: 203]. Уже после Речи о Пушкине данные понятия стали ассоциироваться исключительно с именем Достоевского, хотя их трактовка далеко не всегда совпадала с интерпретацией писателем:

<...> стать братом всех людей, **всечеловеком**, если хотите <...> Ещё прыжок, и «**всечеловек**» превращается «в былинку, носимую ветром», в человека-фантазёра без почвы... (Г. И. Успенский. Праздник Пушкина, 1880); Так как в недостатке смелости и независимости Ф. М. Достоевского уж никак обвинять нельзя, то эту речь надо, по моему мнению, считать просто ошибкой, недобдуманностью, промахом какой-то нервной торопливости; ибо в его собственных сочинениях, даже и ранних, можно найти много мыслей, совершенно с этим культом «**всечеловека**», «Европы» и «окончательной гармонии» несовместных (К. Н. Леонтьев. О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике, 1880); Философия не есть, подобно религии, откровение Бога — она есть откровение человека, но человека, причастного к Логосу, к Абсолютному Человеку, к **всечеловеку**, а не замкнутого индивидуального существа (Н. А. Бердяев. Смысл творчества, 1913–1914); Серединное царство по всей земле от Востока до Запада, окончательная «кристаллизация», **всечеловеческий** улей и муравейник, сплошная, облепляющая шар земной, «паюсная икра» мещанства, и даже не мещанства, а хамства, потому что достигшее своих пределов и воцарившееся мещанство есть хамство (Д. С. Мережковский. Грядущий хам, 1906); Он характерно русский, до глубины русский гений, самый русский из наших великих писателей и вместе с тем наиболее **всечеловеческий** по своему значению и по своим темам; Русский человек — **всечеловек** и самый свободный человек в мире (Н. А. Бердяев. Мирозерцание Достоевского, 1923); <...> русские **всечеловеки** не умеют даже намазать горчицы разведённой на бумаге <...> (В. В. Розанов. Апокалипсис нашего времени, 1917–1918); Когда человек, вступив на него, говорит: Я Коллективный **Всечеловек**, вот этими моими руками преобразую землю и я продиктую миру, чем ему быть, — какая необъятная человеческая гордыня! (А. В. Луначарский. Достоевский как художник и мыслитель, 1921).

Прилагательное *общечеловеческий* Достоевский начал употреблять значительно раньше, чем *всечеловеческий*. Оно встречается 8 раз в художественных текстах, 50 раз – в публицистике и 1 раз – в письмах и, в отличие от *всечеловеческий*, в художественной прозе довольно часто употребляется в иронических контекстах (*что-нибудь из какого-нибудь*

общечеловеческого; доходили иногда до строгих высоко нравственных приговоров и т. п.), отражая точку зрения повествователя:

[Рассказчик о Варе и ей подобных] Стоило некоторым из наших барышень ostrичь себе волосы, надеть синие очки и наименоваться нигилистками, чтобы тотчас же убедиться, что, надев очки, они немедленно стали иметь свои собственные «убеждения». Стоило иному только капельку почувствовать в сердце своём что-нибудь из какого-нибудь **общечеловеческого** и доброго ощущения, чтобы немедленно убедиться, что уж никто так не чувствует, как он, что он передовой в общем развитии. Стоило иному на слово принять какую-нибудь мысль или прочитав страничку чего-нибудь без начала и конца, чтобы тотчас поверить, что это «свои собственные мысли» и в его собственном мозгу зародились. (Ид 384) [Хроникёр] Не прочь мы были и от городских сплетен, причём доходили иногда до строгих высоко нравственных приговоров. Впадали и в **общечеловеческое**, строго рассуждали о будущей судьбе Европы и человечества; докторально предсказывали, что Франция после цезаризма разом ниспадёт на степень второстепенного государства, и совершенно были уверены, что это ужасно скоро и легко может сделаться. Папе давным-давно предсказали мы роль простого митрополита в объединённой Италии и были совершенно убеждены, что весь этот тысячелетний вопрос, в наш век гуманности, промышленности и железных дорог, одно только плёвое дело. (Бс 30)

В аналогичных контекстах мы встречаем прилагательное *общечеловеческий* и в «Подростке», это – ключевое понятие либералов-западников и нигилистов, а у Достоевского — часто просто бездельников, невежд и «людей из подполья», закрывших себя от окружающего мира.

Ироничное употребление *общечеловеческий* мы также находим в публицистике:

Ведь между нами попадают иногда удивительные учителя. Иной, знаете, этак от почвы-то давно уж отделился, ещё прадедушка его администратором был, с народом никаких общих интересов не имел и за стыд почитал иметь: развитие-то у внука вышло по преимуществу свысока, **общечеловеческое**, научно-теоретическое, истины пошли идеальные — одним словом, человек вышел благороднейший, но необыкновенно похожий на стёртый пятиалтынный: видно, что серебро, а ни клейма, ни года, ни какой нации, французская ли, голландская ли, русская ли монета — неизвестно. Иной из таких станет вдруг фертом среди дороги, и ну искоренять предрассудки. (*Пб 19*: 29) Западники, составив себе теорию западноевропейской **общечеловеческой** жизни и встретясь с вовсе непохожей на неё русской жизнью, заранее осу-

дили эту жизнь. (*Лб 20: 5*) Ведь тогда только можем мы хлопотать об **общечеловечном**, когда разовьём в себе национальное... Прежде чем понять **общечеловеческие** интересы, надобно усвоить себе хорошо национальные, потому что после тщательного только изучения национальных интересов будешь в состоянии отличать и понимать чисто **общечеловеческий** интерес. Прежде чем хлопотать об ограждении интересов всего человечества во всем мире, — нужно стараться оградить их у себя дома. (*Лб 20: 19*) Прежде всего поставьте вопрос: если сами отцы этих юношей не лучше, не крепче и не здоровее их убеждениями; если с самого первого детства своего эти дети встречали в семействах своих один лишь цинизм, высокомерное и равнодушное (большею частью) отрицание; если слово «отечество» произносилось перед ними не иначе как с насмешливой складкой, если к делу России все воспитавшие их относились с презрением или равнодушием; если великодушнейшие из отцов и воспитателей их твердили им лишь об идеях **«общечеловеческих»** <...>. (*ДП 21: 135*)

Наиболее яркое иронично-критическое и пренебрежительное отношение Достоевского мы видим в употреблении слова *общечеловек*, прежде всего в «Дневнике писателя» (в художественных произведениях только 3 раза), а также гапакса *общечеловечек* (при полной невозможности **всечеловечек*):

[Рассказчик] Зато как же мы теперь самоуверенны в своём цивилизаторском призвании, как свысока решаем вопросы, да ещё какие вопросы-то: почвы нет, народа нет, национальность — это только известная система податей, душа — *tabula rasa*, вощичек, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека, **общечеловека** всемирного, гомункула — стоит только приложить плоды европейской цивилизации да прочесть две-три книжки. (33 59) [Парадоксалист] Оставьте нас одних, без книжки, и мы тотчас запутаемся, потеряемся, — не будем знать, куда примкнуть, чего придерживаться; что любить и что ненавидеть, что уважать и что презирать? Мы даже и человеками-то быть тяготимся, — человеками с настоящим, *собственным* телом и кровью; стыдимся этого, за позор считаем и норовим быть какими-то небывальными **общечеловеками**. Мы мертворождённые, да и рождаемся-то давно уж не от живых отцов, и это нам всё более и более нравится. (ЗП 179) [П. Верховенский Ставрогину] Книжки вынули, спорить собираются. Виргинский — **общечеловек**, Липутин — *фурьерист* <...>. (Бс 177) Я не понимаю, как можно стоять на воздухе, не чувствуя под собой почвы. Англичанин, немец, француз, каждый особо тем и сильны, что стоят каждый на своей собственной почве и что прежде всего они англичане, французы и немцы, а не отвлечённые **общечеловеки**. Прежде чем что-нибудь сделать, нужно самим

чем-нибудь сделаться, воплотиться, самим собою стать. (*Пб 20*: 116) Даже так хорошо, что точно и не вы [Некрасов] писали; точно это не вы, а другой кто вместо вас кривлялся потом «на Волге», в великолепных тоже стихах, про бурлацкие песни. А впрочем — не кривлялись вы и «на Волге», разве только немножко: вы и на Волге любили **общечеловека** в бурлаке и действительно страдали по нём, то есть не по бурлаке собственно, а, так сказать, по общечеллаке. Видите ли-с, любить **общечеловека** — значит наверно уж презирать, а подчас и ненавидеть стоящего подле себя настоящего человека. (*ДП 21*: 33) Да, господа, вы думали, что вы только одни «**общечеловеки**» из всей интеллигенции русской, а остальные только славянофилы да националисты? (*ДП 25*: 20) <...> почему я назвал старичка доктора «**общечеловеком**»? Это был не **общечеловек**, а скорее общий человек. Этот город М. — это большой губернский город в западном крае, и в этом городе множество евреев, есть немцы, русские конечно, поляки, литовцы, — и все-то, все эти народности признали праведного старичка каждая за своего. (*ДП 25*: 90) См. также *ДП 25*: 22, 23, 100.

Не думайте, что я стану доказывать, что у нас варварски смешивают цивилизацию и законы нормального, истинного развития, доказывать, что цивилизация уже осуждена давно на самом Западе и что за неё стоит только там один собственник (хотя там все собственники или хотят быть собственниками), чтоб спасти свои деньги. Не думайте, что я стану доказывать, что душа человеческая не *tabula rasa*, не вошечек, из которого можно слепить **общечеловечка**; что прежде всего нужна натура, потом наука, потом жизнь самостоятельная, почвенная, нестеснённая, и вера в свои собственные, национальные силы. Не думайте, что я скажу вам, будто не знаю, что наши прогрессисты (хотя и далеко не все) вовсе не стоят за вату и так же точно клеймят её, как и лёгкие покровы. (33 61)

Такое же критическое отношение прослеживается и в единичном употреблении гапакса *общечеловечество*:

Но что вы нас учите! — скажут нам утилитаристы. — Мы очень хорошо и без вас знаем, насколько всё это нам было полезно, как связь с Европой, когда мы вдвигались в **общечеловечество**; знаем очень хорошо, потому что мы сами из всего этого вышли. Но теперь нам покамест не надо никакого **общечеловечества** и никаких исторических законов. (*Пб 18*: 100)

Выявляется следующая цепочка текстовых ассоциаций: **общечеловеческий, общечеловек, общечеловечек, общечеловечество** → *передовой в общем развитии* → *нигилистки* → *докторально предсказывать* → *человек благороднейший, но необыкновенно похожий на стёртый пяти-*

алтынный → *равнодушное отрицание* → *цинизм* → *твердить* → *мертворождённые* и т. д., отражающая ироничное отношение Достоевского к *общечеловеческому* и *общечеловеку*.

Следует отметить, что в публицистике, особенно второго периода творчества писателя, *общечеловеческий* может употребляться нейтрально, сближаясь по значению с *всечеловеческий*, часто как синоним *общеевропейский*:

Он [русский человек] со всеми уживается и во всё вживается. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всём, в чём хоть сколько-нибудь есть **общечеловеческого** интереса. У него инстинкт общечеловечности. Он инстинктом угадывает **общечеловеческую** черту даже в самых резких исключительностях других народов; тотчас же соглашается, примиряет их в своей идее, находит им место в своём умозаключении и нередко открывает точку соединения и примирения в совершенно противоположных, сопернических идеях двух различных европейских наций, — в идеях, которые сами собою, у себя дома, ещё до сих пор, к несчастью, не находят способа примириться между собою, а может быть, и никогда не примирятся. (*Пб 18*: 55) <...> мы уверены, что в русском обществе этот позыв к общечеловечности, а следовательно, и отклик его творческих способностей на всё историческое и **общечеловеческое** и вообще на все эти разнообразные темы — был даже наиболее нормальным состоянием этого общества, по крайней мере до сих пор, и, может быть, в нем вековечно останется. Мало того: нам кажется, что этот **всечеловеческий** отклик в русском народе даже сильнее, чем во всех других народах, и составляет его высшую и лучшую характерность. (*Пб 18*: 99) Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению **всечеловеческому**! Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полною любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и наклонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему **общечеловеческому** воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. (*ДП 26*: 147) См. также *Пб 18*: 54, 56, 99, 100 *Пб 19*: 10, 16, 17, 18, 19, 20...

Нейтрально употребляется и существительное *общечеловечность* (24 употребления и только в публицистике), как синоним *всечеловечности*:

Величайшее из величайших назначений, уже признанных Русскими в своём будущем, есть назначение **общечеловеческое**, есть общеслужение человечеству, — не России только, не общеславянству только, но **всечеловечеству**. Подумайте и вы согласитесь, что Славянофилы признавали то же самое, — вот почему и звали нас быть строже, твёрже и ответственнее русскими, — именно понимая, что **всечеловечность** есть главнейшая личная черта и назначение русского. (*ДП* 23: 30) [Об идеологии славянофилов] **всечеловечность** есть главнейшая личная черта и назначение русского. Впрочем, всё это требует ещё многого разъяснения: уж одно то, что служение **общечеловеческой** идее и легкомысленное шатание по Европе, добровольно и брюзгливо покинув отечество, суть две вещи обратно противоположные, а их до сих пор ещё смешивают. (*ДП* 23: 31) См. также *ДП* 25: 18. В Европе нас, впрочем, никогда не смущали резкие разбедения национальностей и резко определявшиеся типы народных характеров. Мы с того и начали, что прямо «сняли все противоположности» и получили **общечеловеческий** тип «европейца» — то есть с самого начала подметили *общее*, всех их связующее, — это очень характерно. (*ДП* 25: 21)

Сделаем заключение, что *всечеловеческий*, у Достоевского — это не просто ‘важный, значимый, имеющий единые для всех людей ценности’, но и ‘являющийся частью своего, народного, национального’ (всемирная отзывчивость» и «всемирное боление» за всех). В этом заключена и особая роль России в единении всех народов, и предназначение русской интеллигенции («путь от “общечеловека” к “всечеловеку”») [Буданова 1996: 212]), и связь *всечеловеческий/всечеловек* с другими идиоглоссами, такими, как, например, *страдать* и *Христос*. Что касается *общечеловеческий*, то это часто слово-ширма, некий абстрактный идеал, за который прятались либералы, оторванные от народа, а *общечеловек* — это человек отвлечённый, «человек из бумажки», любить которого, как и отвлечённое человечество, намного проще, чем человека живого и конкретно-го, но одновременно — совершенно бессмысленно.

Литература

- Буданова Н. Ф. От «общечеловека» к «русскому скитальцу» и «всечеловеку» (Лексические заметки) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 200–212.
- Викторович В. А. Всечеловечность как «фантазия» и «указание» // XXI век глазами Достоевского. М.: ИД «Грааль», 2002. С. 37–46.

Де Лазари А. Категория народа, народности и всечеловечности в мировоззрении Фёдора Достоевского и его духовный наследников // XXI век глазами Достоевского. М.: ИД «Грааль», 2002. С. 65 — 76.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972 — 1990
Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. I. Предисловие. М.: Азбуковник, 2001. С. IX–LXIV.

Караулов Ю. Н. Словарь Достоевского и изучение языка писателя (в качестве предисловия) // Слово Достоевского 2000. М.: Азбуковник, 2001. С. 5–31.

СЯД – Словаря языка Достоевского. Идиоглоссарий // Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008, 2010, 2012.

Фридлендер Г. М. О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1980. Т. 4. С. 7–26.

Список сокращений

ДП – «Дневник писателя»

Пб – Публицистика

ЗП – «Записки из подполья»

ЗЗ – «Зимние заметки о летних впечатлениях»

УО – «Униженные и оскорблённые»

Ид – «Идиот»

Бс – «Бесы»

Пд – «Подросток»

About The Idioglossny Status of Lexemes COMMON TO ALL MANKIND And UNIVERSAL In Texts by F.M.Dostoyevsky

I. V. Ruzhitsky (Russia, Moscow), konnitie@mail.ru

Keywords: COMMON TO ALL MANKIND, UNIVERSAL, Dostoyevsky, idioglossa, Dictionary of language of Dostoyevsky.

Summary: In work definition of ideoglossa is defines and also in detail described the idioglossa's status of lexemes COMMON TO ALL MANKIND and UNIVERSAL in F. M. Dostoyevsky's texts.

«Рекомендации... по сохранению и расширению сферы применения русского языка в РФ»: к итогам проекта

М. Ю. Сидорова (Россия, Москва), sidorovadoma@mail.ru

Ключевые слова: функционирование русского языка, «Рекомендации...», государственная политика.

Аннотация: В статье даётся характеристика проекта «Разработка рекомендаций в области государственной политики по сохранению и расширению сферы применения русского языка в субъектах Российской Федерации».

Анатолий Анатольевич Поликарпов был не только блестящим и оригинальным лингвистом-теоретиком. Под его руководством и с его участием разворачивались лингвистические проекты, направленные на решение самых актуальных проблем функционирования русского языка. Один из таких проектов, над которым мы работали вместе с Анатолием Анатольевичем в 2012 — 2013 гг. в рамках федеральной программы «Русский язык», «Разработка рекомендаций в области государственной политики по сохранению и расширению сферы применения русского языка в субъектах Российской Федерации», включал проведение во всех федеральных округах РФ мониторинга функционирования русского языка по 8 программам исследования (4 группы по 2 программы в каждой):

Русский язык в экономической, социальной и духовной жизни общества:

1. Русский язык в сфере экономики и права;
2. Русский язык в сфере литературы и культуры.

Русский язык в сфере общего и профессионального образования:

3. Русский язык в начальной, основной и старшей школе;
4. Русский язык в высшем образовании.

Русский язык как неродной:

5. Русский язык и титульные и миноритарные языки в национальных республиках и округах России;
6. Русский язык как неродной язык мигрантов.

Индикаторы благополучия национального языка:

1. Ценностное отношение к русскому языку у носителей русского языка как родного и неродного, проживающих на территории РФ;

2. Изучение лексического запаса индивидуальной языковой личности в соотношении с лексическим составом языка (собственная программа А. А. Поликарпова).

На основе количественного и качественного анализа результатов мониторинга рабочей группой (д.ф.н. А. А. Поликарпов, д.ф.н. М. Ю. Сидорова, к.ф.н. О. В. Синева) были предложены «Рекомендации в области государственной политики по сохранению и расширению сферы применения русского языка на территории Российской Федерации», включая

1. Предложения по дальнейшему мониторингу ситуации на федеральном и региональном уровне, по организации экспертной деятельности в области функционирования русского языка и изучению международного опыта;
2. Предложения по государственной поддержке фундаментальных и прикладных научных проектов, направленных на усиление роли русского языка как государственного;
3. Предложения по практическим мерам, направленным на сохранение и расширение сферы применения русского языка в РФ.

Эти рекомендации, как и другие материалы проекта, сданные в Министерство образования РФ и не публиковавшиеся нами полностью в научных изданиях, содержат целый ряд положений, важных для дальнейшего развития прикладной русистики. Представить некоторые из них на страницах сборника, посвященного памяти Анатолия Анатольевича, для обсуждения учеными-русистами кажется вполне уместным, поскольку это может способствовать их воплощению в жизнь. Предметом дальнейшего рассмотрения будут две рекомендации, выполнение которых на основе анализа международного опыта могло бы стать серьезным шагом в совершенствовании функционирования русского языка в современном информационном обществе, включая разнообразные профессиональные области и сферу образования.

1. Было предложено создание на федеральном уровне государственной системы лингвистической экспертизы законов и других нормативных документов — системы, основанной на мировом опыте и дифференцированной, прежде всего, в зависимости от того, предназначен документ для использования только специалистами (юристами, банкирами

и т. п.) или должен функционировать в общественной коммуникации. Как обязательные компоненты создания такой системы предлагаются изучение американского и британского опыта по организации кампании за упрощение языка (Plain English Campaign⁵), а также введение индексов читабельности (readability), подобных индексу Флеша, индексу Ганнинга и др.

О существовании проблемы свидетельствуют не только практические трудности, но и работы специалистов — см., например, [Калинина 1997, 1998] [Половова 2001]. Грамотные юристы и сами прекрасно понимают: «Неоправданная громоздкость законодательных формулировок, «много-сложность»... текста, наличие сложных по смыслу текстовых конструкций сильно затрудняет использование законодательства, затеняя и скрывая смысл норм права. Поэтому неэкономичность и пространность стиля нормативно-правового акта не могут быть оправданы ни традициями правовой системы, ни стремлением (обычно неумелым) к полноте правового регулирования, ни другими факторами» [Тихомиров 1992; 35 — 36]. Требования к простому и понятному языку законов давно сфор-⁵ Движение Plain English Campaign («Кампания за простой и понятный английский») развивается в Великобритании с конца 1970-х годов. «Данная организация выступает за использование законодателями, государственными учреждениями и ведомствами, общественными и политическими деятелями, компаниями и иными структурами простого и доступного для понимания широкой общественности языка. Она действует под лозунгом “Fighting for Crystal Clear Communication since 1979”, как указано на ее интернет-сайте <http://www.plainenglish.co.uk>. В 1990 году Plain English Campaign выступила с инициативой проставления разработанной ей особой отметки — «Кристалл чистоты» (Crystal Mark) — на документах, язык которых удовлетворяет критериям простоты, ясности и понятности. По информации, представленной на сайте данной организации, на сегодняшний день она имеет 12 000 членов в 80 странах мира, а «Кристалл чистоты» проставлен на документах, число которых превышает 20 000» [Некрасова 2012: 81 — 82]. В цитируемой диссертации Т.П. Некрасовой доказывается целесообразность учета при терминологическом конструировании «крепнущей тенденции к использованию простого и понятного английского (Plain English Campaign), возникшей в среде самих носителей английского языка», как лингвистического ориентира и демонстрируются на многочисленных примерах из области юридического перевода возможности «комбинации стратегии терминологического конструирования и стратегии «сознательных упрощений»» с опорой на принципы Plain English Campaign» [Некрасова 2012: 149 — 150, 161].

мулированы, равно как определены и противодействующие тенденции, которые с лингвистической точки зрения должны быть оценены как негативные — это не только чрезмерная сложность, но и декларативность, препятствующая регулятивности: «Системообразующим началом закона является его регулятивный характер, главная цель, объединяющая закон воедино. Именно регулирование некоего фрагмента общественных отношений должно быть главной логической направленностью любого нормативно-правового акта. Нарушения этого требования, к сожалению, нередки в отечественной (да и не только в отечественной) системе законотворчества. Наиболее часто такие нарушения встречаются в форме изложения текста закона, в чрезмерно возвышенной, торжественной форме, за которой теряется регулятивное предписание. Нередко, желая подчеркнуть значимость нормативно-правового акта, его особую роль в системе правового регулирования, законодатель выражает его в столь высокопарных выражениях и формулировках, что он приобретает декларативный характер и не может рассматриваться как полноценный регулятор общественных отношений. Закон приобретает слишком общий, неопределенный, помпезный характер, для полноценного регулирования общественных отношений он уже непригоден... Декларативность статей закона не просто исключает из механизма правового регулирования определенные фрагменты закона. Ломается единая структура всего закона, регулирование общественных отношений становится отрывочным, бессистемным, фрагментарным. Регулятивное воздействие такого акта осложняется и затрудняется, его нормативная ценность падает...» [Чухвичев 1996].

Требования сформулированы, но не выполняются. Наглядный пример тому — «разбухание» простейшей статьи из закона «О защите прав потребителей» от редакции к редакции (смену модальности с «продавец обязан», на «потребитель вправе» и другие аналогичные поправки оставляем в данной статье за кадром).

1992: *В случае приобретения потребителем товара ненадлежащего качества, на который установлен срок годности, продавец обязан произвести замену этого товара на товар надлежащего качества или вернуть потребителю уплаченную им сумму, если недостатки товара обнаружены в пределах срока годности.*

1999: *Потребитель вправе предъявить предусмотренные статьей 18 настоящего Закона требования к продавцу или изготовителю в отношении недостатков товара, если они обнаружены в течение гарантийного срока или срока годности, установленных изготовителем. Если продавцом установлены гарантийные сроки в соответствии с пунктом 7 статьи 5 настоящего Закона, требования, предусмотренные статьей 18 настоящего Закона в отношении недостатков товара, обнаруженных в течение указанного гарантийного срока, предъявляются продавцу.*

2004: *В случае выявления существенных недостатков товара потребитель вправе предъявить изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру) требование о безвозмездном устранении таких недостатков, если докажет, что они возникли до передачи товара потребителю или по причинам, возникшим до этого момента. Указанное требование может быть предъявлено, если недостатки товара обнаружены по истечении двух лет со дня передачи товара потребителю, в течение установленного на товар срока службы или в течение десяти лет со дня передачи товара потребителю в случае неустановления срока службы. Если указанное требование не удовлетворено в течение двадцати дней со дня его предъявления потребителем или обнаруженный им недостаток товара является неустранимым, потребитель по своему выбору вправе предъявить изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру) иные предусмотренные пунктом 3 статьи 18 настоящего Закона требования или вернуть товар изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру) и потребовать возврата уплаченной денежной суммы.*

(Пример — из статьи Б. Грозовского «Пластмассовый язык законов» http://slon.ru/russia/plastmassovyy_yazyk_zakonov-258794.xhtml)

Подчеркнем, что речь идет не о предоставлении услуг по лингвистической экспертизе для судебных разбирательств (то есть тех оплачиваемых заказчиками услуг, которые широко оказываются сейчас лингвистами и “под которые” уже создана более или менее качественная теорети-

ческая база)⁶. Речи идет о государственном заказе на лингвистическую экспертизу законов, которая в РФ либо не проводится, либо не имеет никакой силы. В результате ситуация с “пластмассовым языком” законов не исправляется, а усугубляется. Так, в окончательной редакции закона о потребительском кредите (займе) (Федеральный закон от 21.12.2013 N 353-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О потребительском кредите (займе)» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166040/) нет присутствовавшей в проекте статьи 3 “Право заемщика на получение информации об условиях предоставления, использования и возврата потребительского кредита», п. 1 которой гласил: «Заемщик имеет право на получение от кредитора достоверной и полной информации об условиях предоставления, использования и возврата потребительского кредита до заключения договора потребительского кредита в соответствии с настоящим Федеральным законом. В случае использования в распространяемой информации об условиях предоставления, использования и возврата потребительского кредита специальной терминологии кредитор **доводит ее смысл до заемщика** для того, чтобы информация об условиях предоставления, использования и возврата потребительского кредита была понятна лицам, не обладающим специальными знаниями в данной области» Жирным шрифтом выделена поправка, предложенная Терминологическим комитетом Национальной лиги переводчиков, который в течение нескольких заседаний обсуждал проект закона и внес целый ряд лингвистических корректировок — от удаления лишних знаков препинания (несмотря на то, что текст уже прошел редактирование в соответствующей службе Государственной думы) до исправления структур предложений, например, с неправильным использованием придаточного определительного, и упрощения текста: ... *информация... о кредиторе, включая наименование, адрес (место нахождения) постоянно действующего исполнительного органа, по которому осуществляется связь*

⁶ Хотя и поле лингвистической экспертизы «со стороны потребителя» нормативных актов в нашей стране вспахано только по краю. В качестве примера востребованного в современной экономике лингвистического анализа, о котором русистика еще не начала задумываться, можно привести работу «Tax interpretation, planning, and avoidance: some linguistic analysis» [Pasternak, Rico 2008]. В ней лингвистический анализ юридических текстов используется как инструмент разработки способов ухода от уплаты налогов. Разумеется, подобную экспертизу мы не могли рекомендовать государству в качестве объекта стимулирования.

с кредитором, его телефон, официальный сайт в информационно-телекоммуникационной [зачем? — М.С.] сети «Интернет», информация о номере лицензии на осуществление банковских операций. Поправки Терминологического комитета, как и следовало ожидать, учтены не были.

Корень всех проблем в этой области — чрезмерная сложность текста, с которой не справляются ни авторы (законодатели и юристы), ни читатели. Это подтвердили и результаты проведенного нашей исследовательской группой мониторинга. Нельзя сказать, что российское законодательство в этом отношении выделяется среди других европейских стран. [Waltl, Matthes 2014], отмечая сложность современных правовых систем, отражающую сложность устройства самих предметных областей, которые эти системы регулируют, приводят впечатляющую статистику увеличения корпуса немецких законов: с 2009 по 2013 год было принято 553 закона; с 2005 по 2009 — 616; в 2002 — 2005 годы — 400; в 1998 — 2002 годы — 559 (такой же порядок цифр и в 1990-ые годы). Параллельно в обществе нарастает ощущение чрезмерной усложненности законодательства: проведенный в 2013 году в Германии опрос показал, что из 1500 респондентов 61% считает, что законы слишком усложнены и не понятны “обычному” человеку [ROLAND 2014]. Работа [Waltl, Matthes 2014] содержит обзор основных имеющихся исследований сложности и расчетов читабельности юридических текстов, результаты обработки более 3500 немецких юридических текстов по количественным параметрам, влияющим на читабельность, и попытку ответить на вопросы: 1) Как влияет собственно сложность текста на сложность закона? 2) Как влияет длина закона и его параграфов на сложность? 3) Как влияет на сложность лексика, использованная в законе? 4) Как можно измерить “неопределенность” закона? Аналогичные исследования были бы целесообразны и для русского языка, чтобы экспертная работа была научно обоснованной.

Лингвистическая экспертиза законопроектов — это только один из поводов поставить вопрос о создании, утверждении и практическом внедрении индексов читабельности для русского языка. Представление о разнообразии и практическом применении подобных индексов для английского языка можно получить, например, на сайтах http://www.online-utility.org/english/readability_test_and_improve.jsp (онлайн-определение

Gunning Fog index, Coleman Liau index, Flesch Kincaid Grade Level, ARI – Automated Readability Index, SMOG), <http://www.readabilityformulas.com> (история создания и методика определения индексов New Dale-Chall, Flesch Reading Ease, Flesch Grade Level, Fry Graph, Gunning FOG, Powers-Sumner, Kearl, SMOG, FORCAST, Spache), <http://webpages.charter.net/ghal/SMOG.htm> (авторская страница G. Harry McLaughlin — создателя формулы SMOG, включающая его статьи и онлайн-калькулятор читабельности по данной формуле), http://teacher.scholastic.com/products/sri_reading_assessment/pdfs/SRI_ProfPaper_Lexiles.pdf (инструкция для преподавателей по применению шкалы читабельности Lexiles, позволяющей «назначить» каждому учащемуся чтение, соответствующее по сложности его уровню — под соответствием понимается способность читать с 75%-ным пониманием). См. также работы авторов индексов читабельности, например, [Coleman Liau 1975; Fry 1977; Fry 1989; Chall, Dale 1995].

Индексы читабельности находят применение не только в сфере образования и СМИ. Исходно созданный для Военно-морских сил США [Kincaid et al. 1975] индекс Flesch — Kincaid служит официальным инструментом для оценки читабельности текста в Министерстве обороны США,

Поскольку эти индексы достаточно просты и при их расчетах используются очевидные количественные формальные показатели текста (среднее число слов в предложении и среднее число слогов в слове в индексах Флеша, количество знаков в индексе Coleman — Liau и т. п.), возникает мысль об автоматическом переносе их на русский язык, что и реализовано на практике в русифицированной версии Word (вкладка “Сервис: Правописание: Грамматика: Проверка удобочитаемости”) и более или менее серьезных руководствах для русскоязычных копирайтеров, блогеров и т. п., которые во множестве можно найти в интернете.

Однако, помимо общих различий в средней длине предложения и слова в русском и английском языках, следует учесть, что указанные индексы делятся на два основных типа. Есть индексы, просто ранжирующие тексты по трудности, измеряя ее в баллах, как например в Flesch Reading Ease: $K = 206,835 - 1,015 \times ASL - 84,6 \times ASW$, где K — оценка трудности текста, ASL — среднее число слов в предложении; ASW — среднее число слогов в слове, соответственно K потенциально может принимать

значения от 0 до 100 и чем больше значение, тем легче текст. Индекс Флеша для немецкого языка определяется по формуле $FREgerman = 180 - ASL - (58.5 \times ASW)$ [Waltl, Matthes 2014].

Другие индексы увязаны с требованиями (стандартами) школьного образования. Так, Gunning Fog index выступает как «показатель количества лет обучения в образовательных учреждениях, которые требуются человеку, чтобы легко понять данный текст при первом чтении». Тест (или: формула) Flesch — Kincaid Grade Level. также увязан с количеством лет освоения школьной программы, «обеспечивающим» читателю возможность восприятия оцениваемого текста: $0,39 \times ASL + 11,8 \times ASW - 15,59 = \text{Flesch-Kincaid Reading Age}$, «возраст» значит здесь «класс школы».

Наше отставание в разработке подобных индексов исчисляется десятилетиями. Ганнинг, автор одного из индексов, открыл фирму, специализировавшуюся на проблемах читабельности еще в 1944 г., а книгу «The Technique of Clear Writing» и индекс, известный под именем FOG, опубликовал в 1952 г. FOG, как и упомянутые выше индексы, использует показатель средней длины предложения, получаемый делением количества слов на количество предложений, но вместо средней длины слова в формуле применяется такой показатель, как процент трудных слов (PHW). Для его определения подсчитываются в тексте все слова, имеющие три и больше слогов и не являющиеся при этом именами собственными, комбинациями простых слов (например, через дефис) и двухсложными глаголами, третий слог в которые добавляется за счет окончаний -es и -ed. Затем количество этих слов делится на количество слов в тексте. Общая формула Ганнинга: $0.4 \times (ASL + PHW)$. Идеальный показатель: 7 — 8. Все, что выше 12, составляет проблему для большинства людей. Для примера: средний Fog Index английской версии Библии, произведений Шекспира и Марка Твена — около 6⁷, у журналов Time, Newsweek, the Wall Street Journal — около 11 <http://www.readabilityformulas.com>.

Сейчас в англоязычном мире ведется работа как над приспособлением уже имеющихся индексов к компьютерной среде (особенно тех, которые по выражению Harry McLaughlin, были созданы в эру BC – before computers), так и над созданием новых.

⁷ Сопоставление индексов читабельности пяти различных переводов библии по индексу Флеша — Кинкейда см. в [Riplinger 1993: 195 — 196]. Сопоставлению подвергались первая и последняя книги Старого и Нового заветов.

24 июня 2013 года компания Pearson Education, специализирующаяся в области технологий обучения и оценки знаний, выпустила бета-версию своей формулы читаемости под названием Reading Maturity Metric. <http://www.readingmaturity.com> Сопоставление эффективности этой формулы с другими имеющимися можно посмотреть на <http://www.impact-information.com/impactinfo/newsletter/plwork58.htm>, полное описание методики — в статье руководителя команды разработчиков доктора Т. Ландауэра (Thomas K. Landauer) <http://www.impact-information.com/PearsonsTextComplexity.pdf> Формула создана на основе метода латентного семантического анализа [Landauer, Dumais 1997] и, по утверждению ее авторов, выгодно отличается от предшествующих индексов, опиравшихся на внешние, формальные параметры текста (среднее число слов или знаков в предложении, слогов в слове, частотность употребляемой лексики, отдельные лексические и грамматические характеристики), тем что она моделирует реальный процесс понимания текста человеком. Действительно, пишет Ландауэр, вряд ли можно опираться при определении сложности текста на такой показатель как частотность слов, из которых он состоит, если, согласно экспериментальным данным, на четвероклассника частотность оказывает в шесть раз больший эффект, чем на студента первого курса колледжа: «Word meanings (and thus passage meanings) depend critically on what and how many other words are already known (Anderson & Freebody, 1981). Thus, word (and paragraph) learning is a synergistic and recursive process» [Landauer 2011].

В нашей стране проблема измерения сложности текста решается в основном в связи с задачами обучения — см. кандидатские диссертации [Богословская 2001; Оборнева 2006; Золотухина 2009; [Филиппова 2010] — (симптоматично, что указанные работы защищались соответственно по филологической, педагогической, психологической и технической специальности). Методологической базой данных исследований служат в разной пропорции западные труды по readability и отечественная традиция, сводящаяся в основном к работам Я. А. Микка, который на базе экспериментов, проведенных в эстонских школах в 1970-х годах, сформулировал параметры сложности текста учебника и способы оптимизации учебного текста [Микк 1970; Микк 1975; Микк 1979; Микк 1980; Микк 1986], и М. С. Мацковского [Мацковский 1969; Мацковский 1973; Мацковский 1976].

В задачи диссертации Я. А. Микка «О факторах понятности учебного текста», положившей начало исследованиям факторов сложности восприятия текста в нашей стране, входили «1) изучение влияния длины межсловесных связей на понятность текста, 2) определение факторов времени рассматривания олова при чтении, 3) обозрение факторов трудности текста» [Микк 1970]. Под понятностью понималась «способность текста содействовать пониманию». При решении первой проблемы в диссертации была предложена формула определения «трудности связей слова»: $R = Y - 0,67X - 0,81X_1(I)$, где «R – трудность связей слова, Y – количество слов, которое следует запомнить для осознания самой длинной регрессивной связи этого слова, X – количество осознанных грамматических связей между теми же словами, X_1 – суммарная сила семантических связей между этими словами» [там же]. Изучение второй проблемы завершилось созданием «модели времени рассматривания слова», для которой из всех факторов, влиявших на время рассматривания слова (X_{22}), были выбраны самостоятельные: длина слова в буквах (X_{15}), знакомость слова (X_{12}) и перенесенность слова (X_{18}): $X_{22} = 0,45 + 0,034X_{15} - 0,063X_{12} + 0,12X_{18}$. Наконец, была выведена формула трудности текста $X_{98} = -2,51 + 0,010X_9 + 0,27X_{23} + 0,54X_{22}$, где X_9 — длина самостоятельного предложения в буквах, X_{23} — процент незнакомых слов, X_{22} — средняя абстрактность повторяющихся существительных (везде индексы — это номер фактора в общем списке проверявшихся). Понятно, что эти индексы, рассчитанные для учебных текстов, если опираться на них в наши дни нуждаются во всесторонней проверке и пересчете на хорошо взвешенном по типам текстов и адресатов материале.

Абстрактные существительные, затрудняющие понимание текста, составляли у Я. А. Микка верхний ранг трехбалльной шкалы абстрактности: «1 — предметный и чувственный (конкретный), (например, *дом, человек, камень*); 2 — чувственный, но не предметный (например, *свет, движение, сила*); 3 — нечувственный (абстрактный), (например, *закон, протон, мужество*)» [там же]. Также учитывалось наличие суффиксов, придающих словам абстрактность: *-ость, -есть, -мость, -нность, -ие, -ание, -ение, -ние, -изм, -еотв, -ура, -ка, -ация* и др.⁸ Пример использо-

⁸ В диссертациях и статьях, посвященных проблемам сложности текста, в связи с моделью Микка типична не сопровождаемая точной сноской отсылка к классификации синтаксических конструкций по уровню сложности (А. Грановский, М. Ботел). Нулевая категория сложности в этой схеме включает конструкции:

вания этой модели в системе автоматического определения сложности текста см. в [Криони, Никин, Филиппова 2008].

Программные продукты тестирования читабельности для русского языка созданы и авторами некоторых из перечисленных выше диссертационных исследований. Так, в указанной работе Филипповой [Филиппова 2010] «разработана методика контент-анализа для диагностики трудности понимания учебных текстов, отличающаяся тем, что рассматривает систему диагностирующих признаков для оценки трудности понимания учебного текста, в основе которой лежит комбинация методов морфологического, морфемного, синтаксического и лингвистического анализа следующих параметров: информативность (анализ слов-скреп и лингвистических конструкций построения определений); абстрактность изложения (анализ морфем слова); сложность структуры учебного текста (синтаксический анализ предложений); сложность лингвистических конструкций (морфологический и синтаксический ‘анализ слов и предложений)’, и на основе этой методики написана и зарегистрирована компьютерная программа «Оценка сложности параметров текста». См. также [Криони, Никин, Филиппова 2008] с описанием трех характеристик оценки сложности текста, используемых в автоматизированной программе: структуры определений (дефиниций), абстрактности изложения и синтаксической сложности.

В [Оборнева 2006] формулы читабельности английского языка скорректированы для русского, в частности произведена адаптация формулы Флеша на основе исследования словарей русского и английского языка и идентичных текстов на русском и английском. Аналогичным образом 1) подлежащее — сказуемое — обстоятельство; 2) подлежащее — сказуемое — дополнение; 3) подлежащее — составное глагольное — сказуемое; 4) простые вопросительные предложения; 5) конструкции с сочинительным союзом и. Первая категория сложности: 1) подлежащее — сказуемое — косвенное дополнение — дополнение; 2) определения к именам существительным (имена прилагательные и др.); 3) конструкции с сочинительными союзами (за исключением союза и). Вторая категория: 1) пассив; 2) конструкции с парными союзами (за исключением сочинительных); 3) сложноподчиненные предложения; 4) сравнения; 5) причастия и деепричастия; 6) инфинитивы в качестве подлежащего. Третья категория: 1) придаточные подлежащные (излагаем по [Богословская 2014: 255] с некоторой корректировкой синтаксической терминологии). См. также [Пушкина 2004]. Интуитивно понятно, что на новом уровне развития синтаксической науки эта классификация требует пересмотра.

обработаны индексы Флеша — Кинкэйда и ФОГ, представлена программа оценки качества восприятия текста LightReader. На этой основе предлагается подход к части задач, которые и в наших рекомендациях предлагается решать с помощью индексов читабельности: проведение экспертизы учебных изданий, разработка учебных текстов с заданными параметрами восприятия и др. Однако доверие к индексам такого типа ослабляется тем, что «шкала показателей читабельности текста, основанная на длине слова и длине предложения принципиально не линейна, т. к. уменьшение длины слова неизбежно влечет к увеличению длины предложения в анализируемом отрывке текста» [Попова, Шишкевич 2010, 143]. Впрочем, несмотря на критику линейного пересчета коэффициентов, в той же статье Попова и шишкевич демонстрируют возможности применения скорректированного для русского языка коэффициента Флеша — Оборневой (206,835 — 60,1 x ASL — 1,3 x ASW) и скорректированного для украинского языка коэффициента Флеша — Партько (206,835 — 28,3 x ASL — 5,952 x ASW) на фоне нескорректированного модернизированного коэффициента Ганнинга (материалом послужили 70 школьных учебников).

У белорусских соседей тоже есть разработки в этой области. В [Невдах б/г] изложены результаты проверки влияния на читабельность текста 49 лингвистических параметров, начиная с длины текста в абзацах, словах и буквах, кончая процентами повторяющихся существительных, конкретных и абстрактных существительных, процентами прилагательных и глаголов, процентами простых, сложных и придаточных предложений: "...Дискриминантный анализ позволил выявить следующие основные факторы трудности учебного текста: средняя длина абзаца в словах, средняя длина абзаца в буквах, процент слов длиной в 11 букв и больше, процент слов длиной в 13 букв и больше. На основе полученных функций было создано программное обеспечение для автоматизированной оценки читабельности учебного материала для будущих читателей" [Невдах б/г: 243]. См. также [Зильберглейт, Шпаковский, Невдах 2012] с описанием разработанной авторами программы Readability analysis.

Другой угол зрения на определение сложности текста — со стороны переводчиков. Он присутствует и в западной, и в российской лингвистике. [Bossé, Adu-Gyamfi, Cheetham 2011; Dyvik 1999; Кутузов 2009],

но говорить о каких-либо «полнометражных» результатах на нашей территории пока рано. Иностранцы же источники демонстрируют возможности и сопоставления оригинальных текстов по уровню сложности для перевода, и сравнения читабельности оригинального и переводного текстов — см., например, [Jabbari, Saghari 2011].

К сожалению, перечисленные разработки на сегодняшний день не востребованы ни государственной системой образования, ни органами государственной власти и управления, продолжающими наполнять информационное пространство документами, от которых любой индекс читабельности зашкалил бы в критическую сторону.

Поэтому вопрос стоит, с одной стороны, о формировании рабочей группы специалистов для разработки индексов читабельности для русского языка, с другой — о методологии введения этих индексов в действие. Понятно, что эти индексы должны охватывать по крайней мере четыре сферы: а) учебная литература; б) СМИ; в) юридические тексты, нормативные документы; г) техническая документация, прежде всего инструктивная. В техническом задании следует указать, что разработка индексов читабельности для русского языка не должна сводиться к простому переложению на русский материал индексов, созданных путем долгих и тщательных исследований для английского языка. Индексы читабельности для русского языка должны быть столь же научно достоверными, предложенными на базе экспериментальных данных, математически и лингвистически обоснованными, как англоязычные индексы. Параллельно с разработкой учеными этих индексов, в системах Министерства образования, Министерства связи и массовых коммуникаций, Министерства юстиции и других заинтересованных ведомств должен быть создан механизм практического применения этих индексов, определены границы их действия, выработаны соответствующие нормативные документы.

Эти рекомендации были даны нами Министерству образования в 2013 году. Интересно, что спустя год, 2 октября 2014, в блоге компании «Информационная культура» <http://habrahabr.ru/company/infoculture/blog/238875/> появляется статья «Что такое «Понятный русский язык» с точки зрения технологий. Заглянем в метрики удобочитаемости текстов» с основанными на анализе текстов предложениями по адаптации для русского языка известных формул читабельности (за статьей следует

весьма продуктивное обсуждение). Как обещает автор: «Все алгоритмы были обучены под русский язык — специальным образом каждая формула была подобрана на основе обучающей выборки. Для всех формул были применены коэффициенты, позволяющие применять их к русским текстам. На базе этих формул был сделан специальный веб-сервис, который позволяет передавать ему текст или ссылку и оценивать его на сложность». С использовавшимися для адаптации текстами (тексты для внеклассного чтения; экспертно размеченные взрослые тексты; особо сложные тексты законов и др.), набором индикаторов читаемости текста и прочими параметрами разработки можно ознакомиться на <https://github.com/infoculture/plainrussian/tree/master/textmetric>. Та же компания «Информационная культура» ежегодный конкурс компьютерных приложений посвятила в 2014 году «открытым данным и «понятности» языка, денег и правил». Одна из номинаций конкурса «Великий и могучий» прямо обращена к «простому русскому языку» и индексам читабельности. См. <http://habrahabr.ru/company/infoculture/blog/237605/> и <http://apps4russia.ru>.

В этом же году защищена докторская диссертация [Богословская 2014], где на основе исследования, выполненного на материале русскоязычных научно-популярных текстов (149 594 знаков) с построением денотатных графов на оригинальные тексты и тексты, полученные от испытуемых, и сописанием ассоциативных полей (74600 ассоциативных реакций, полученные на 373 стимульных слова и словосочетания), была предложена формула сложности понимания научно-популярного текста:

$$R = \frac{k + 1}{s + 1} \cdot \frac{m}{n}$$

где R — показатель соотношения эксплицитной и имплицитной информации;

k — количество эксплицитной информации; s — количество имплицитной информации; m — количество денотатов в тексте;

n — количество эквивалентов

n_i — количество эквивалентов для каждого денотата [Богословская 2014, 13].

В этом же году опубликована очередная статья Р.В. Майера, посвященная определению сложности школьных учебников по физике [Майер

2014]. С одной стороны, проблема читабельности здесь сводится к читабельности конкретного типа текстов, с другой — делается крайне важная попытка комплексно рассмотреть сложность текстов, включающих помимо вербальной информации также схемы, рисунки, фотографии, формулы. См. также [Майер 2013]. Насколько такой подход оправдан и заслуживает экстраполяции на другие предметные сферы, могут судить только совместно лингвисты и специалисты в этих предметных сферах.

Все сказанное позволяет считать, что обозначенная нами задача не только требует решения, но и является решаемой в ближайшее время. Гораздо более трудоемкой, но еще более важной является реализация следующей рекомендации.

2. **Были предложены** запуск системы вузовской подготовки специалистов по профессиональной коммуникации и стимулирование создания организаций «профессиональных коммуникаторов».

В системе высшего образования РФ должны быть созданы условия для подготовки специалистов по работе с текстами в отраслевых сферах — «профессиональных писателей» в том смысле слова, который вкладывается в термин *writer* в английских названиях профессий *technical writer* (**разработчик технической документации**) или *medical writer* (**специалист по медицинской коммуникации**). В настоящее время в стране не готовятся специалисты по профессиональной коммуникации ни в той, ни в другой сфере, что резко расходится с международным опытом. Должны быть созданы образовательные стандарты для соответствующих направлений (или профилей) подготовки — на основе изучения международного опыта — и начат прием на соответствующие подразделения (кафедры) либо медицинских вузов (факультетов) и вузов (факультетов), готовящих инженерных и компьютерных специалистов, либо филологических факультетов университетов. В качестве пионеров в этой области должны быть выбраны лучшие вузы РФ, способные за короткое время организовать обучение по новому направлению (профилю) с высоким качеством. Программа обучения и учебно-методические комплексы дисциплин должны быть разработаны междисциплинарными коллективами, включающими лингвистов и представителей конкретной специальности. Разработчики программ и преподаватели должны иметь возможность сами получить обучение (повышение квалификации) за ру-

бежом, поскольку, как уже было сказано, в РФ в настоящий момент система подготовки подобных профессионалов отсутствует.

Сказанное не означает, что в стране нет *medical writing*-а и *technical writing*-а как таковых, ведь тексты пишутся и документы циркулируют. Это значит, что они имеют определенное качество, которое распространяется и на оригинальные тексты, и на переводные.

Несколько примеров такого «качества». Специалист-компьютерщик дает определения понятий для того, чтобы объяснить читателю, что такое информация и как с ней работать <http://ivbeg.livejournal.com/140957.html> (пунктуация автора сохранена):

Целостность — это характеристика форм представления объектов наличие которой определяется существованием формы в которой присутствует полное описание всех смысловых атрибутов данного информационного объекта;

Юзабилити (удобство) — это совокупность дизайнерских и технических решений по обеспечению простоты, экономии времени, минимизации ошибок и иных действий направленных на комфортную работу пользователей с информацией;

Основной информационный объект — информационный объект являющийся ключевым в рамках информационной модели и который не может быть упрощён до атрибутов других объектов этой модели.

Из определений ясно одно — так работать с информацией нельзя. Только в том случае, если деятельность пишущего действительно направлена на минимизацию... действий, направленных на комфортную работу пользователей с информацией.

И не очень верится, что фирма, обещающая «локализацию принтовых (!) материалов» следующим образом: *В случае выбора заказчиком этого вида локализации, переводится весь текст игры — меню, всплывающие подсказки, статистика, игровые диалоги, online help, а также все печатные материалы,* — способна хоть что-нибудь локализовать последовательно и квалифицированно.

Так – нельзя. Но нигде не учат, как нужно. Особенно остро проблема стоит в таких морально, эмоционально и юридически чувствительных и одновременно технически сложных сферах, как медицина. На Западе эта сфера неплохо обеспечена как учебниками и пособиями (см., например, [Iles 2003; Taylor 2011; Matthews 2007; Fearing, Sparrow 1989]), так и

журналами типа <http://techcomm.stc.org> , <http://www.jaonlinejournal.com>). У нас практические издания такого рода концентрируются в сфере деловой, бизнес-коммуникации.

Анализ содержания подобных учебников, периодических изданий, научных статей и преподающихся в иностранных университетах дисциплин показывает, что решить проблему в рамках отдельных курсов «Русского языка и культуры речи» или «Профессиональной риторики» невозможно: слишком велик объем материала. Так, например, в Чикагском университете (<https://grahamschool.uchicago.edu>) в цикл дисциплин «Медицинское письмо», помимо курсов собственно медицинского письма и редактирования разного уровня (от начального до продвинутого), входят «Interpreting and Reporting Biostatistics», «MEDLINE and Beyond: Medical Research Databases», «Writing in the Medical Science», «Designing and Editing Tables and Graphs».

Дело, однако, не только в сугубо прикладных моментах. Возможно, корень проблемы в том, что русистами (при наличии значительного количества исследовательских работ по терминологии и некоторым другим частным аспектам научно-технической и шире — профессиональной коммуникации) еще недостаточно осознана коммуникативная специфика «технического письма» в соотношении с другими видами речевой деятельности. А без этого нельзя понять, как и чему учить. Оппозиция (и это имеет практические следствия) проходит не только по отраслевому признаку, разграничивая, скажем, тексты естественных и гуманитарных наук и отделяя те и другие вместе от произведений художественной литературы. Оппозиция имеет статус институциональный, определяющий отношение автора к результату его деятельности и внешним факторам, эту деятельность обуславливающим (ограничивающим). Именно об этом идет речь в статье [Neel 1992] под красноречивым названием «Dichotomy, Consubstantiality, Technical Writing, Literary Theory: The Double Orthodox Curse».

Что же это за «двойное ортодоксальное проклятие»? Статья открывается «портретами» двух ситуаций письма: «технический писатель», редактирующий многостраничный документ, и университетский ученый, размышляющий над новой книгой. С позиций двух разных концепций соотношения письма и мышления, которые унаследованы нами еще с античных времен («классической» и «софистической»), автор пытается

понять, насколько различны описанные ситуации, насколько «функциональное письмо» в «четко структурированной ситуации» противопоставлено «творческому», разворачивающемуся в ситуации более свободной. «Технический писатель» — это не просто человек, наученный писать на определенные («технические») темы, это человек, приученный работать в определенных условиях: «The process control and its computerization have already been invented. The system already works. While the writer must make frequent decisions about order and emphasis as well as about what the reader already knows, «topic» and «focus» are rigidly controlled. Company guidelines, which are embedded in a host publishing system that includes a required seven-level markup language, largely determine what the final document will look like. The task analysis and usability testing stages in the company's standard documentation procedure give the writer both a rigidly determined mandate and a clear evaluation of the text's successes and failures. Because much of the former documentation survives and the writer has insufficient time to rewrite it, the syntactic style has already been set, leaving little room for significant modification. A company editor will read the final text to ensure that it looks and sounds like other company publications» [Neel 1992: 310]. С этой точки зрения специалист, пишущий «на медицинские темы» в фармацевтической фирме или государственном агентстве здравоохранения, отличается от академического ученого, пишущего «на медицинские темы», больше, чем от аналогичного специалиста в компьютерной или строительной фирме. В соответствии с этим должна строиться и программа обучения.

Следует заметить, что в случае появления специалистов по технической и медицинской коммуникации ими будут востребованы индексы читабельности и соответствующие исследования сложности оригинальных и переводных текстов в профессиональных сферах. В первое время придется довольствоваться данными зарубежных специалистов. [Jabbari, Saghari 2011] приводят значительный, но, безусловно, неполный список исследований читабельности в области медицины, осуществленных в разных странах мира в последние годы: «Freda et al. (1999) decided to evaluate whether ACOG's (American College of Obstetricians and Gynecologists) patient education pamphlets comply with the recommended readability level for health education materials intended for the general public. They used four different formulas — the Fry graph, the Flesch formula, Gun-

ning's Fog formula, and McLaughlin's SMOG formula — to evaluate these texts. Roger E. Alexander (2000) assessed the readability of dental educational materials using a computer-based program that assigns a reading level of understanding on the basis of the Flesch-Kincaid Formula. John K. Curtis and Salleh Hassan (2002) decided to assess the readability level of bilingual annual reports. In this study, the reading ease of different language versions of narrative disclosures within corporate annual reports was evaluated using Flesch and Yang formulas for Hong Kong and Flesch and Yunus formulas for Malaysia. Forbis et al. (2002) decided to evaluate the readability of the written asthma management plans (WAMPs). They used Flesch grade level, Dale-Chall, Powers-Sumner-Kearl, FOG, SMOG, and FORCAST formulas to analyze 10 WAMPs (they included 7 from the national guidelines, 1 from the World Health Organization, and 2 local ones). King et al. (2003) evaluated the readability level of mental health internet brochures for children and adolescents by means of SMOG formula. Rachel E. Myers and Felisha Shepard-White (2004) decided to assess the readability level Psychotropic Medication Handouts using the SMOG formula and the Readability Assessment Instrument (RAIN). Professor John C. Hall (2005) began to assess the readability level of original articles in medical journals using the Flesch Formulas. Hendrickson et al. (2006) examined the content and general readability of pediatric oral health education materials for parents of young children by means of three formulas — Flesch-Kincaid grade level, Flesch Reading Ease, and SMOG grade level. Christopher et al. (2007) began to evaluate the readability of consent forms using four readability formulas — the Flesch Reading Ease Score (FRES), the Flesch-Kincaid Grade Level Index (FKGL), the Fog Index, and the Fry Graph. Reinhold et al. (2008) assessed the readability level of the printed materials which are about dementia and related diseases by the order of International Psycho-geriatric Association. In this study, the readability level of 118 various brochures on dementia and related disorders were assessed by means of the SMOG readability index grade». Бросается в глаза, что эти исследования касались самых различных жанров медицинских текстов и проводились с использованием разных доступных индексов, в том числе созданных для других языков, помимо английского (индекс читаемости для китайского языка см. в [Yang 1971], для малайского — в [Yunus 1982]).

В качестве следующего (или параллельного) шага предлагается государственная поддержка создания организаций (союзов, сообществ) специалистов в разных областях профессиональной коммуникации. Таких организаций в развитых странах насчитываются десятки, а национальные организации объединяются в международные. Список можно посмотреть на <http://www.indoition.com/links-professional-organizations-technical-communication.htm>.

Изучение зарубежного опыта и здесь имеет важнейшее значение. В качестве примера подобных организаций могут рассматриваться:

— Society for Technical Communication (STC) <http://www.stc.org> — базирующаяся в США международная организация, объединяющая специалистов в областях, некоторые из которых не имеют даже общепринятого обозначения по-русски (Technical writing, Content development, Indexing и под.);

— Council of Science Editors (CSE) — также базирующаяся в США организация, объединяющая научных редакторов из разных стран мира под лозунгом «CSE: Education, Ethics, and Evidence for Editors»;

— The IEEE Professional Communication Society — международная организация, разрабатывающая стандарты в области технической и инженерной коммуникации;

— American Medical Writers Association <http://www.amwa.org> — Американская ассоциация специалистов по медицинской коммуникации (создателей медицинских текстов), объединяющая более 5600 членов в США, Канаде и 30 других странах и существующая с 1940 года;

— European Medical Writers Association <http://www.emwa.org> — аналогичное сообщество в Европе;

— WAME <http://www.wame.org> — существующая с 1995 г. мировая организация редакторов рецензируемых медицинских журналов (в нее входят более 1900 членов, представляющих более 1000 журналов из 92 стран);

— Association of British Science Writers (ABSW) <http://www.absw.org.uk> — ассоциация британских редакторов, журналистов и других авторов текстов, пишущих о науке и в сфере науки (существует с 1947 года).

Все эти объединения являются общественными, проводят конференции, публикуют журналы и в целом ведут активную работу по совершенствованию профессиональной коммуникации — разумеется, прежде

всего на английском языке. В нашей стране такая практика отсутствует. Представляется целесообразным на первых порах оказать государственную поддержку конституированию подобных профессиональных ассоциаций и обеспечить им финансирование за счет специально выделенных грантов.

Литература

- Богословская И. В. Научно-популярный текст: сложность понимания. Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. М., 2001.
- Богословская И. В. Специфика понимания текста смешанного типа и формализация его сложности. Дис. на соискание уч. степени доктора филол. наук. Уфа, 2014.
- Зильберглейт М. А., Шпаковский Ю. Ф., Невдах М. М. Повышение качества учебной литературы // Труды БГТУ. № 9, 2012. С. 89 — 92.
- Золотухина Т. О. Психолого-педагогические условия оптимизации понимания учебных текстов студентами-психологами. Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. психол. наук. Курск, 2009.
- Калинина Н. А. Лингвистическая экспертиза законопроектов: опыт, проблемы и перспективы. М., 1997. .
- Калинина Н. А. Лингвистическая экспертиза законопроектов в Государственной Думе // Подготовка и принятие законов в правовом государстве. Материалы межд. семинара 28 — 29 апреля 1997 г. М., 1998. С. 44 — 58.
- Криони Н. К., Никин А. Д., Филиппова А. В. Автоматизированная система анализа сложности учебных текстов // Вестник УГАТУ Т. 11, №1 (28), 2008. С. 101 — 107.
- Кутузов А. Б. Методики определения сложности текста в рамках переводческого анализа // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Нижний Новгород, НГЛУ, 2009 г.
- Мацковский М. С. Применение формул читабельности для получения некоторых количественных характеристик семантической информации // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1969. № 6. С. 3–7.
- Мацковский М. С. Проблема понимания читателями печатных текстов (Социологический анализ). Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. философ. наук, М., 1973.
- Мацковский М. С. Проблемы читабельности печатного материала // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. М., 1976. С. 126–142.

- Майер Р. В. Определение уровня абстрактности, сложности и информативности различных тем школьного учебника физики // Стандарты и мониторинг в образовании, 2013. Т. 6. Вып. 1. С. 19 — 26.
- Майер Р. В. Метод оценки физической сложности тем школьного курса физики // Концепт, 2014. № 8 .
- Микк Я. А. Понятность учебного текста и связи в нем. // Советская педагогика и школа. Тарту, 1970, вып. 2. С. 5 — 72.
- Микк Я. А. Методика измерения трудности текста. Вопросы психологии, 1975, №3. С. 147 — 155.
- Микк Я. А. Факторы, определяющие время прочтения слова в связанном тексте // Вопросы психологии, 1979, №3, С. 125–128.
- Микк Я. А. Оптимизация сложности учебного текста. М., 1981.
- Микк, Я. А. О проверке эффективности повышения понятности учебного текста // Проблемы школьного учебника. Вып. 9. М., 1986. С. 141 — 152 .
- Некрасова Т. П. Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык. Дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. М., 2012.
- Невдах М. М. Разработка метода автоматизированной оценки сложности учебных текстов для высшей школы <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/55774/1/38.pdf> С. 239 — 243.
- Оборнева И. В. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров. Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. педагог. наук. М., 2006 .
- Половова Л. В. Техничко-юридические дефекты законодательных текстов как основания интерпретационной практики // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2 т. Т. 1 / Под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2001. С. 395 — 422 .
- Попова Я. И., Шишкевич Е. В. Стандартизация учебной литературы средней школы по критерию удобочитаемости // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 12, том 6, 2010. С. 142 — 147.
- Пушкина Е. С. Теоретико-экспериментальное исследование структурно-семантических параметров текста. Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. Кемерово, 2004.
- Тихомиров Ю. А. Как готовить законы. М., 1992.
- Филиппова А. В. Управление качеством учебных материалов на основе анализа трудности понимания учебных текстов. Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. техн. наук. Уфа, 2010.
- Чухвичев Д. В. Логика, стиль и язык закона. <http://www.lawmix.ru/comm/1996/>.

- Adu-Gyamfi Kwaku, Cheetham Meredith R. Assessing the Difficulty of Mathematical Translations: Synthesizing the Literature and Novel Findings // *International Electronic Journal of Mathematics Education*; Oct 2011, Vol. 6. Issue 3. Pp. 113 — 133.
- Chall J. S., Dale, E. *Readability Revisited — The New Dale-Chall Readability Formula*. Cambridge: Brookline Books, 1995.
- Coleman M., Liau T. L. A computer readability formula designed for machine scoring. *Journal of Applied Psychology*, 60, 1975. 283–284.
- Dyvik H. *The Interaction Between Text Difficulty and Translation Accuracy // Out of Corpora: Studies in Honour of Stig Johansson*. Rodopi, 1999.
- Fearing Bertie E., Sparrow W. Keats. *Technical Writing: Theory and Practice*. New York, 1989.
- Fry E. B. Fry's readability graph: Clarifications, validity, and extension to level 17 // *Journal of Reading*, 21, 1977. Pp. 242–252.
- Fry E. B. Readability formulas: Maligned but valid // *Journal of Reading*, 32, 1989. Pp. 292–297.
- Jabbari Ali Akbar, Saghari Nazanin. A Comparison between the Difficulty Level (Readability) of English Medical Texts and Their Persian Translations // *International Journal of English Linguistics* Vol. 1, No. 1. March 2011. Pp. 37 — 45.
- Kincaid J. P., Fishburne R. P., Rogers R. L., & Chissom B. S. Derivation of New Readability Formulas (Automated Readability Index, Fog Count, and Flesch Reading Ease formula) for Navy Enlisted Personnel. Research Branch Report, 1975. Pp. 8 — 75. Chief of Naval Technical Training: Naval Air Station Memphis.
- Landauer Thomas K., Dumais Susan T. A Solution to Plato's Problem: The Latent Semantic Analysis Theory of Acquisition, Induction, and Representation of Knowledge // *Psychological Review*, 1997. Vol. 1M. No. 2, 211–240.
- Landauer Thomas K.. Pearson's Text Complexity Measure. <http://www.impact-information.com/PearsonsTextComplexity.pdf>.
- Iles Robert L. *Guidebook to Better Medical Writing*, 2003.
- Matthews Janice R. *Successful Scientific Writing: A Step-by-Step Guide for the Biological and Medical Sciences*, 2007.
- Neel J. Dichotomy, Consubstantiality, Technical Writing, Literary Theory: The Double Orthodox Curse // *Journal of Advanced Composition*. Vol. 12 № 2, Fall 1992. Pp. 305–220.
- Pasternak M., Rico C. *Tax interpretation, planning, and avoidance: some linguistic analysis*. Jerusalem, 2008.
- Riplinger G. A. *New Age Bible Versions*. Monroe Falls, Ohio, A. V. Publications, 1993.
- ROLAND Rechtsschutz-Versicherungs-AG, ROLAND Rechtsreport 2014. Köln, 2014.

Taylor Robert B. Medical Writing: A Guide for Clinicians, Educators, and Researchers, 2011 .

Shou-jung Yang. A Readability Formula for Chinese Language. Dissertation. University of Wisconsin, Madison, 1971.

Yunus Khadijah, Rohani Md. An Assessment Of Structural Variables In Malay: A Readability Formula. University of Miami, 1982.

«Recommendations ... on preservation and expansion of scope of Russian in the Russian Federation»: to project results

M. Yu. Sidorova (Russia, Moscow), sidorovadoma@mail.ru

Keywords: functioning of Russian, “Recommendations ...”, state policy.

Summary: In article the characteristic of the “Development of Recommendations in the field of a State Policy about Preservation and Expansion of Scope of Russian in Subjects of the Russian Federation” project is given.

Иерейская проза на уроках РКИ: постановка проблемы

*Е. В. Суровцева (Россия, Москва), surovceva-ekaterina@yandex.ru
Е. В. Полищук (Россия, Москва), elenapolishchuk@mail.ru*

Ключевые слова: иерейская проза, русский как иностранный, современная русская литература.

Аннотация: Авторами статьи предлагается ввести в курс преподавания русского языка как иностранного тексты из современной русской литературы, принадлежащие к иерейской прозе; на конкретных примерах описываются проблемы, с которыми сталкивается преподаватель при комментировании таких текстов. Ведётся работа над составлением книги для чтения с комментариями, в которую войдёт ряд произведений данного литературного направления.

В настоящее время в рамках современной русской православной прозы, уже привлёкшей внимание исследователей [Леонов, Корепанова 2011], активно работают священники. Некоторые критики даже заговорили о феномене иерейской прозы [Каплан 2010]. По мнению критика, выделение этого направления связано отнюдь не с «профессиональной» принадлежностью авторов (действительно, мы же не объединяем, например, Чехова, Вересаева и Булгакова во «врачебную прозу»), но в первую очередь, с особым взглядом их на жизнь: «... для “иерейской прозы” характерно стремление высветлить в душе героя доброе начало, которое связывает его с Богом. Потому-то даже чисто светский сюжет здесь всё равно подаётся в духовной перспективе» [Каплан 2010].

Авторы данной статьи в настоящий момент работают над составлением сборника для учащихся, занимающихся русским языком как иностранным и владеющим им в объёме ТРКИ-2 и ТРКИ-3. В сборник планируется включение целого ряда рассказов, написанных в 2000-х годах и относящихся к иерейской прозе. Произведения невелики по объёму, что делает их удобными для анализа на уроке, интересны своими взятymi из жизни общечеловеческими сюжетами, написаны прекрасным современным русским языком, в силу чего они являются незаменимым подспорьем для всех изучающих русский язык. В ряде рассказов употребляется лексика, относящаяся к религиозной сфере и церковной жизни (*причастие, чётки, просфора, митрополит, алтарник* и многие другие).

На наш взгляд, её изучение также необходимо, так как она входит в состав так называемой *возрождённой лексики* [Андрейченко 2006; Суровцева 2011], то есть лексики, изгнанной из языка в советское время по идеологическим соображениям и возвращенной в употребление в современной России⁹. Кроме того, изучение этих рассказов поможет осознать преемственность традиций в современной русской литературе и культуре. Данное пособие, разумеется, не может претендовать на полноту. В него вошли только некоторые образцы жанра рассказа. За рамками нашей работы остались не только многие другие тесты данного жанра, но и тексты иных жанров. За рамками нашей работы остались не только многие другие тесты данного жанра, но и тексты иных жанров. Например, повести и исторические романы протоиерея Николая (Агафонова) («Повесть золотой луны», «Иоанн Дамаскин», «Адамант земли Русской»), повести священника Ярослава (Шипова), повести протоиерея Александра (Торика) о Флавиане («Флавиан», «Флавиан. Восхождение», «Флавиан. Жизнь продолжается»), повесть «Год на сельском приходе» протоиерея Саввы Михалевича, роман «Свет Преображения. Записки провинциального священника», «Народные песни» священника Сергея (Круглова) и многие, многие другие тексты самых разных авторов и жанров.

Сборник, по нашему мнению, должен состоять из нескольких разделов, каждый из которых включает произведения одного автора. В начале каждого раздела должна даваться краткая биографическая справка об авторе, затем — тексты рассказов с информацией о том, по какому изданию приводится текст, и с комментариями. Для нашего сборника мы отобрали следующих авторов (числом 10): архимандрит Тихон (Шевкунов), протоиерей Николай Агафонов, протоиерей Андрей Ткачёв, священник Ярослав Шипов, священник Александр Дьяченко, протоиерей Александр (Авдюгин), протоиерей Владимир Гофман, священник Сергей Круглов, священник Михаил (Шполянский), протоиерей Николай (Толстиков). Точный состав, количество и объём текстов находится в стадии разработки.

Так как сборник адресован учащимся, хорошо владеющим русским языком, мы приняли решение свести **лингвистический комментарий** к минимуму и прокомментировать лишь те слова, которых может не быть в доступных иностранцам словарях. Обязательно будут прокомментированы следующие языковые трудности:

⁹ Конечно, к возрождённой лексике относятся слова не только из религиозной, но и из политической, экономической и других сфер жизни.

1. цитаты из молитв (молитва «Царице моя Преблагая...» упоминается в рассказе протоиерея Николая (Агафонова) «Молитва алтарника»; в рассказе протоиерея Владимира Гофмана «Цыганская свадьба» видим строчки из молитвы: «Рождество Твоё, Христе Боже наш...», «...Возсия миру свет разума...», «...В нём бо звездам служащи, звездою учахуся...» и др.), а также русские правила ссылок на Священное Писание — так, в тексте священника Сергея Круглова «Разлука не вечна» читаем: «Нет горя на земле горше, чем горе матери, потерявшей ребёнка: Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет (Иер 31: 15).» (разъяснения требует не только сама цитата, но и отсылка к Книге);
2. славянизмы (*помавание* в значении *плавное движение* из «Мелочей приходской жизни» священника Михаила Шполянского; *глаголати* в значении *произносит, говорит* из «В больничной палате» священника Сергея Круглова);
3. фонетическая передача украинизмов («Нэ знаю. Плачу над ным всю нич, чоґо вин зминувся» из рассказа священника Александра Авдюгина «Перепутали»);
4. разговорные слова (*чѐ* в значении *что*, *въезжать* в значении *соображать* — рассказ «Лебедь, или Вечер Сен-Санса» протоиерея Андрея (Ткачёва; *здрасьте* вместо *здравствуйте* — рассказ священника Ярослава Шипова «Доктор философии»; *припереться* в значении *прийти* — рассказ протоиерея Владимира Гофмана «Орёл или решка»).

Кроме того, должны быть прокомментированы сложные случаи игры слов — например, игра с разным значением слова *площадь* в рассказе «Площадь мужа» священника Михаила (Шполянского). Также в «Мелочах приходской жизни» священника Михаила Шполянского есть раздел «Храни Веру православную!», в котором обыгрывается созвучие слова *вера* и женского имени *Вера*.

Кроме лингвистического также будут подробно даны **исторический и культурологический комментарий**. Так, надо разъяснить учащимся, какой вклад в русскую культуру сделал С. Бондарчук, о котором идёт речь в рассказе «Об одной христианской кончине» архимандрита Тихона (Шевкунова). Пристального комментирования требует такая важная

для Православия тема, как почитание икон, отсутствующее в католицизме и протестантизме. Так, в рассказе протоиерея Николая (Агафонова) «Молитва алтарника» упоминается икона Божьей Матери «Скоропослушница».

Отдельная тема для разговора с учащимися — *интертекстуальные отсылки* к известным для русского читателя текстам (литературным — их большинство — и иным). Приведём ряд примеров. Анализируя рассказ протоиерея Александра (Авдюгина) «Дед Щукарь и философия жизни», необходимо пояснить, кто такой дед Щукарь и дать краткие сведения о романе М. Шолохова «Поднятая целина». Название рассказа того же автора «Альпинистка моя, скалолазка моя» представляет собой цитату их песни В. Высоцкого «Скалолазка». В рассказе протоиерея Владимира Гофмана «Персиковый сад» читаем: «... я ... под гитару могла спеть не только оруджавские или митяевские песни, но и “Радость моя, наступает пора покаянная...”» (учащимся необходимо разъяснить, кто такие Б. Оруджава и О. Митяев, а также указать на то, что приведённая цитата — текст песни иеромонаха Романа, о личности которого также следует рассказать. В этом же рассказе цитируются, кроме иеромонаха Романа, также Б. Пастернак, М. Цветаева и Б. Оруджава). Священник Александр Авдюгин в рассказе «Лучшая песня о любви (Аленький цветочек)» упоминает сказку С. Аксакова «Аленький цветочек» — в данном случае необходимо рассказать об Аксакове и о его талантливом семействе, оставившем глубокий след в истории русской культуры, а также указать на бытование сходного сюжета в западноевропейской литературе. Отметим, что интертекстуальные отсылки могут быть и к зарубежной литературе — так, один из разделов «Мелочи приходской жизни» священника Михаила (Шполянского) озаглавлен как «Сон в пасхальную ночь» — это отсылка к «Сну в летнюю ночь» У. Шекспира, а протоиерей Владимир Гофман в «Персиковом саду» цитирует Ван Вэя, китайского поэта, живописца и каллиграфа VIII века.

В рассказе священника Михаила (Шполянского) «Мелочи приходской жизни» есть раздел «Синий туман похож на обман» — это цитата из песни популярного певца и композитора В. Добрынина. В рассказе «Совершенно достоверная история» протоиерея Андрея (Ткачёва) читаем: «Вопросы свистели, “как пули у виска” в известной песне Рождественского из фильма про Штирлица». Соответственно, необходима хотя

бы краткая информация о романе Ю. Семёнова «Семнадцать мгновений весны» и о ставшей классической экранизации произведения (режиссёр Т. Лиознова), в которой и звучит упомянутая песня в исполнении И. Кобзона.

Хочется надеяться, что прочтение рассказов, вошедших в наш сборник, поможет в освоении русского языка и постижении русской культуры и привлечёт внимание к такому интереснейшему феномену, как иерейская проза.

Литература

Андрейченко Е. В. Возрождённая лексика русского языка в пространстве и времени культурного контекста // Болгарская русистика. София, 2006. № 3 — 4. С. 46 — 53.

Каплан В. Иерейская проза // Фома. 2010. № 1 (81).

Леонов И. С., Корепанова В. А. Поэтика православной прозы XXI века. М.: Ярославль: Ремдер, 2011.

Суровцева Е. В. О возрождённой лексике в русском языке конца XX — начала XXI века (на материале российских православных журналов) // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. Коллективная монография. Под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект, 2011. С. 313 — 320.

Priests' prose at lessons of Russian as a foreign language: statement of problem

*E. V. Surovtseva (Russia, Moscow), surovtseva-ekaterina@yandex.ru,
E. V. Polishchuk (Russia, Moscow), elenapolishchuk@mail.ru*

Keywords: priests' prose, Russian as foreign language, modern Russian literature.

Summary: Authors of the article bring forward the idea to include texts of the so-called priests' prose into the process of teaching Russian as a foreign language. Concrete examples of texts and proposed linguostylistic, historical and hypertextual commentaries are analysed.

Формирование концепта «Европа»

О. Е. Фролова (Россия, Москва), olga_frolova@list.ru

Ключевые слова: концептосфера, концепт «Европа», формирование концепта.

Аннотация: Формирование концепта сопровождается изменением сочетаемости: прилагательное выступает как атрибут существительных с метасемантикой и с абстрактными именами. Для русского концепта *Европа* важна связь с мышлением, образованием, цивилизацией и культурой. Формирование концепта Европа происходит в первой половине XIX в.

Изучение концептосферы того или иного языка непростая задача не только по материалу, но и по методологии исследования [Александрова 2009; Аскольдов-Алексеев 1928; Демьянков 2001; Кубрякова 1996; Лихачев 1993; Попова 2002; Степанов 2001]. Трудности заключаются в сложном взаимодействии синхронии и диахронии, выборе состава концептов, определении ключевых понятий и их иерархии. Адекватную интерпретацию концепта можно получить, только принимая во внимание изменения семантики языковых единиц [Поликарпов 2013]. Опора на базы данных и корпуса позволяет облегчить поиск, однако ставит перед исследователем новые проблемы: необходимость учета социолингвистических, функционально-стилистических и дискурсивных факторов [Крюкова, Поликарпов 1989].

Мы намереваемся проследить формирование концепта «Европа» в русском языке. Материал был получен при выборках из Национального корпуса русского языка (общий объем 85996 документов, 19362746 предложений, 229968798 слов) (далее — НКРЯ). Мы исходили из предположения, что формирование концепта должно отражаться на изменении сочетаемости прилагательного *европейский* с существительными, т. е. семантика концепта будет кристаллизоваться при появлении в речи словосочетаний с абстрактными существительными, атрибутам которых выступает наше прилагательное. Разумеется, НКРЯ позволяет сделать выводы только относительно того материала, который был загружен в эту базу данных, поэтому выводы, к которым мы приходим на основании анализа корпусного материала, не претендуют на окончательность.

Мы задали три подкорпуса НКРЯ, определяющие формирование российской государственности и изменения системы хозяйствования и социально-экономических условий жизни людей: а) 1700–1800, б) 1800–1861 и в) 1861–1917. Выбор именно таких временных границ был продиктован тем, что на протяжении XVIII в. после реформ Петра I развитие России было ориентировано на Европу, что проявилось во всех сферах жизни. В первой половине XIX в. формируется русский литературный язык, период романтизма связан с осмыслением места русской культуры в культуре Европы и в то же время с осознанием русской этничности, в дискуссиях западников и славянофилов обсуждаются проблемы национального духовного своеобразия. Вторая половина XIX – вершина развития русской литературы, освобождение крестьян от крепостной зависимости, реформа образования, изменение судопроизводства и местного управления.

Первый поисковый запрос касался употребления прилагательного *европейский* по каждому из заданных подкорпусов¹⁰. В первом подкорпусе (объем 1296 документов, 219844 предложения, 3783029 слов) поиск дает 80 документов и 228 вхождений со словом *европейский*. Интересующее нас прилагательное сочетается с именами: *земли, народы, державы, государства, дворы, министры, товары, купцы, чума*.

Во втором подкорпусе (объем 1586 документов, 1249701 предложение, 17888192 слова) прилагательное *европейский* встречается в 270 документах и 1544 вхождениях. Как и в первом подкорпусе, здесь обнаруживаются словосочетания с существительными *город, народ, салон, язык, знаменитость*.

Наконец, в третьем подкорпусе (28098 документов, 4077378 предложений, 50752038 слов) мы сталкиваемся как с резким ростом текстового материала, так и с увеличением количества словосочетаний с прилагательным *европейский*: 1106 документов, 4820 вхождений. И в этот период по-прежнему прослеживается тенденция употребления прилагательного *европейский* с конкретными существительными: *державы, писатель, двор, улица, дом, тротуар, столица, делегация*.

Говоря о функционально-стилистической и жанровой неоднородности анализируемых подкорпусов, отметим отличающиеся по денота-

¹⁰ Здесь и далее обращение к материалам НКРЯ 1 октября 2014 г.

тивной «прикрепленности» путевые записки о поездках в европейские и азиатские страны, а также исторические сочинения.

Жанр путевых заметок показателен тем, что в нем довольно часто реализуется оппозиция *свое/ чужое*. Кроме того, в рамках текстов данного жанра чрезвычайно важно визуальное восприятие, поскольку путешественник описывает свои впечатления, обращая внимание на сходства с привычным устройством жизни и отличия от него.

Наша гипотеза заключается в том, что формирование концепта *европеизм* должно опираться на выработку и осознание характера наднациональной общности, объединенной несколькими признаками.

В выделенных подкорпусах мы проанализировали частотность словосочетаний с прилагательным *европейский* нескольких существительных, называющих совокупность признаков, позволяющих идентифицировать объект: *вкус, дух, лад, манер, манера, образ, образец, порядок, стиль*, а также абстрактного существительного *мысль* и модусного по семантике устойчивого словосочетания *точка зрения*.

Поисковые запросы в этом случае формировались как поиск контекста прилагательного *европейский* и существительного с интервалом от 1 до 3 слов между ними.

Можем сказать, что для подкорпуса 1700–1800 ни одна из единиц не встречается с интересующим нас прилагательным. Исключение составляет слово *образец*. Семантика данного существительного предполагает эталонность. «Словарь Академии Российской» так объясняет его значение: «вид какой-либо вещи, по которому делать, выбирать что-нибудь можно» [САР-1; 4: 589].

(1) *Потому что китайцы начинают ткать с лучшим вкусом, то есть: по даваемым им **Европейским образцам**, и сей торг может в нынешнее время нарочито распространиться.* [А.Н. Радищев. [Письмо о китайском торге] (1792)] (НКРЯ).

(2) *Долго исполняла правило сие Англия, представившаяся между **европейскими** государствами совершенным **образцом** не только в торговле и прилежании, но преимущественно и в земледелии.* [Н.И. Новиков. О торговле вообще (1783)] (НКРЯ)

Из найденных нами примеров, датированных XVIII в., показателен первый, т. к. именно в нем товару, сделанному в Китае, противопоставляется аналогичный произведенный в одной из стран Европейской части

света. Второй пример, напротив, выделяет английские товары как лучшие среди европейских.

Для периода 1800–1861 в НКРЯ обнаруживается 5 документов и 9 вхождений с прилагательным *европейский* и существительным *образец*.

(3) *Сломал деревянный дворец Годунова, он велел построить для себя большой деревянный же дом на европейский образец над Москвою-рекою, в тылу других царских палат, и украсил его богато изящно.* [Ф.В. Булгарин. Димитрий Самозванец (1830)] (НКРЯ).

В качестве *образца* могут быть взяты костюм, архитектура, производство каких либо предметов, устройство флота или армии, законодательства и т. д.

(4) *Иностранные корабельные мастера помогли царевичу завести также потешный флот из судов, построенных по европейским образцам.* [Д.И. Иловайский. Краткие очерки русской истории (1860)] (НКРЯ).

Для периода 1861 — 1917 наблюдается значительный рост употреблений: 19 документов и 22 вхождения. Показательно, что многие из примеров также принадлежат жанру путевых заметок и описывают разные стороны европеизации восточных стран. Появление существительного *подражание* свидетельствует о разности статусов участников и о вторичности подражателя.

(5) *Поэтому он предостерегает Китайцев от попыток подражания европейским народам в создании представительного правления и организации военных сил по европейскому образцу.* [Неизвестный. О «Письме к Китайцу» Л. Н. Толстого (1906.12.05) // «Новое время», 1906] (НКРЯ).

Особенность устройства европейского быта, культуры, поведения отмечается в текстах первой половины XIX в. Именно в этот период НКРЯ фиксирует словосочетания с прилагательным *европейский*.

Во втором подкорпусе для существительного *вкус* 6 документов и 6 вхождений, *дух* — 4 документа и 4 вхождения, *лад* — 4 документа и 8 вхождений, *манер* — 7 документов и 8 вхождений, *манера* — 7 документов и 8 вхождений, *мысль* — 5 документов и 5 вхождений, *образ* — 6 документов и 6 вхождений, *порядок* — 3 документа и 4 вхождения, *стиль* — 1 документ и 1 вхождение, *точка зрения* — 1 документ и 1 вхождение. Как видим, данные существительные с метасемантикой дают приблизительно одинаковое число употреблений для одного периода.

Во второй половине XIX в. ситуация с употреблением прилагательного *европейский* несколько меняется: *вкус* — 9 документов и 9 вхождений, *дух* — 9 документов и 10 вхождений, *лад* — 22 документа и 24 вхождения, *манер* — 7 документов и 7 вхождений, *манера* — 7 документов и 7 вхождений, *мысль* — 33 документа и 39 вхождений, *образ* — 6 документов и 6 вхождений, *порядок* — 19 документов и 33 вхождения, *стиль* — 8 документов и 10 вхождений, *толчка зрения* — 8 документов и 19 вхождений. Два слова — *лад* и *мысль* — выделяются по частотности.

Употребление существительного *лад* демонстрирует широкий диапазон сочетаемости в текстах разных жанров.

(6) *Лжедмитрий гулял по Москве без всякой свиты; навещал иностранных художников и ремесленников; присутствовал при отливке и пробе медных орудий; принимал личное участие в воинских маневрах, обучая войска ратному делу на европейский лад; в минуты запальчивости бивал бояр из собственных рук; щедро награждал ученых и артистов, на что обижались чиновники...* [П.П. Каратыгин. Временщики и фаворитки 16, 17 и 18 столетий. Книга третья (1871)] (НКРЯ).

(7) *Крестьяне не просто освобождаются на европейский лад, а получают землю, и все это без всякой борьбы, без всякого сопротивления с какой бы то ни было стороны и без каких-либо партий, кроме разве некоторых хуродливых и ничтожных претензий на партию, представляемых газетою «Весть».* [Н. Я. Данилевский. Россия и Европа (1869)]. (НКРЯ).

(8) *Между тем итальянская живопись вошла почти во все православные русские храмы со времён преобразования России на европейский лад.* [Епископ Игнатий (Брянчанинов). Понятие о ереси и расколе (1850 — 1866)] (НКРЯ).

Возможно, большая употребительность существительного *лад* по сравнению с близким по семантике *образец* объясняется тем, что конструкция «предлог *на* + прилагательное *европейский* + существительное *лад*» чаще всего распространяет глагольный предикат. Словосочетание *европейский образец* демонстрирует большее разнообразие конструкций и, как показывает материал НКРЯ, может употребляться как с предлогом *по* в дательном падеже, с предлогом *на* в винительном падеже, заполняет одну из валентностей глагольного предиката, или в форме родительного падежа подчиняется существительному: *шелкомотальня европейского*

образца, шляпы европейского образца. Конструкция на европейский образец сейчас воспринимается как устаревшая.

Атрибутивное словосочетание *европейская мысль* обнаруживает самую большую частотность во второй половине XIX в. как в специальных философских сочинениях, так и в публицистике.

(9) *И в самом деле, развитие **европейской мысли** в XIX столетии шло таким образом, что едва успел померкнуть идеал политический, как на смену ему тотчас же выдвинулся социальный идеал: если политические реформы не принесли ожидаемого блаженства, то его надо ждать от более радикального общественного переворота.* [П.И. Новгородцев. Об общественном идеале. Глава I. (1917 — 1921)]

(10) *Европейские порядки обличены **европейской же мыслью** во всем своем объеме.* [Г.И. Успенский. Из разговоров с приятелями (1882)] (НКРЯ).

(11) *Теперь же **европейская мысль** поклоняется человеку, потому только, что он человек.* [К.Н. Леонтьев. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года (1880)] (НКРЯ).

(12) *Восставая против науки и вообще против так называемого прогресса, Л.Н-ч не может, однако, отрицать, что, например, усовершенствованные способы сообщения, ускоренный обмен мыслей между народами, распространение знаний и просвещения способствуют сближению между людьми; уже теперь просвещенные китайцы, персы, индусы читают произведения Л. Н. Толстого, как они приобщаются и вообще к **европейской мысли**, а в будущем в этом общении просвещенных личностей лежит, несомненно, залог и более тесного духовного сближения между народами.* [Д. Н. Анучин. Несколько часов в Ясной Поляне (1908)] (НКРЯ).

Формирование концепта должно было неким образом преодолеть языковые различия. В этом смысле нам представляется важным проследить появление словосочетания *европейская литература* с существительным в формах единственного числа. НКРЯ дает 92 примера и 126 вхождений. Наиболее ранние контексты из обнаруженных в НКРЯ принадлежат А. С. Пушкину и Ф. Булгарину.

(13) *Кстати, о моей бедной сказке (писанной, будучи мимоходом, самым трезвым и благопристойным образом) — подняли против меня*

всю классическую древность и всю **европейскую литературу!** [[А. С. Пушкин. Опровержение на критики (1830)] (НКРЯ).

(14) *Трагедия основанная, как выше сказано, на народной грузинской сказке, если б была так окончена, как начата, составила бы украшение не только одной русской, но и всей **европейской литературы.*** [Ф.В. Булгарин. Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове (1830)] (НКРЯ).

Выбор определяемого слова в атрибутивном словосочетании — это и попытка сформулировать интегральное начало, которое обеспечивает единство Европы. В этом качестве выступают существительные *культура* и *цивилизация*. В период 1700–1800 в НКРЯ словосочетания с именами *культура* и *цивилизация* не отмечены. В подкорпусе 1800–1861 г. встречаются 3 текста и 5 вхождений со словами *европейская культура*. Самое раннее по НКРЯ относится к 1842 г.

(15) *Случалось, что сами они в более зрелые годы ужасались своей беспочвенности и, разыскивая выход из нее, обращались опять уже к готовым рамкам и формам высшей **европейской культуры.*** [П.А. Висковатый (Висковатов). Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова (1842)] (НКРЯ).

(16) *Петр Великий завоеванием балтийских берегов уничтожил внешнюю преграду к сближению с **европейскою культурою**, а своими преобразованиями он перенес в Россию начала этой культуры.* [Д.И. Иловайский. Краткие очерки русской истории (1860)] (НКРЯ).

Пример 16 принадлежит историческому научному дискурсу. Что касается оценки она может быть и положительной, и отрицательной.

Для третьего подкорпуса словосочетание *европейская культура* встречается в 57 документах и 105 вхождениях.

Существительное *цивилизация* с определяющим прилагательным *европейская* в НКРЯ встречается чаще, чем *культура*: для второго подкорпуса — 15 документов и 30 вхождений, для третьего — 76 документов и 177 вхождений.

(17) *Почему все русские, культурась в Европе, даже министры, даже с императрицы [начиная], всегда примыкали к тому слою европейцев, который был либерален (к левой стороне) и сам отрицал свою же культуру? Не сказала ли в этом русская душа, которой **европейская культура** была всегда, с самого Петра, ненавистна и сказывалась бессозна-*

тельно даже чуждою русской душе? Мало того, те, которые были наиболее русские чутъем. Вот почему мы и примкнули к революционерам, желавшим свое же разрушить. Об России же заключили по ошибке, тогда как в России мы естественно должны бы были стать, напротив, консерваторами, ибо порядок русский был иной и обратно противоположный, но мы сочли одинаково варварским. [Ф.М. Достоевский. Записные книжки (1850 — 1881)] (НКРЯ).

(18) Эта общность религии, принятой западными народами, условила возможность единой **европейской цивилизации**. [Т.Н. Грановский. Лекции по истории позднего средневековья (1849 — 1850)] (НКРЯ)

(19) Несмотря на расколы и реформации, западная цивилизация сохранила при всех разнообразных народных цивилизациях нечто общее, общую **европейскую цивилизацию**, в которую каждый из этих народов принес свою дань. [Т.Н. Грановский. Лекции по истории позднего средневековья (1849 — 1850)] (НКРЯ).

При этом употребительность слова *цивилизация*, которое в несколько ином написании *сивилизация* встречается еще в дневнике А. С. Пушкина 1833–35 гг. в XIX в. семантизировалось иначе, чем в настоящее время: «буквально значит: гражданственность. В общем смысле принимается за развитие общественного порядка и гражданских прав, в частном же за процесс образованности и самосознания человеческих прав и гражданских обязанностей» (Толль 1863 — 1864: т. 3, с. 969).

В толковании существительного *цивилизация* актуализовалась сема приобретенного знания, или образованности. Уже во втором подкорпусе встречается выражение *европейски образованный*. В третьем подкорпусе 15 документов и 16 вхождений с таким словосочетанием.

(20) Все приемы его показывают человека **европейски образованного**. [А.В. Никитенко. Дневник. Том 1 (1826 — 1855)] (НКРЯ)

В первой половине XIX в. встречается и словосочетание с абстрактным существительным, причем раньше, чем с прилагательным. .

(21) Это переносит Вас мысленно в исторический мир и напоминает обыкновения двух царствований, разделенных между собою чертою **европейской образованности**: царствования царя Алексея Михайловича и императора Петра Великого. [Ф.В. Булгарин. Прогулка по тротуару Невского проспекта (1824)] (НКРЯ).

(22) *Европейская образованность* началась феодальными отношениями, аристократией и ее обычаями, законами, идеями ее исамым чувством, которое тогда в ней господствовало. [А.И. Тургенев. Дневники (1825 — 1826)] (НКРЯ).

Подведем итоги. Формирование концепта сопровождается изменением сочетаемости: прилагательное выступает как атрибут существительных с метасемантикой и с абстрактными именами. Для русского концепта *Европа* важна связь с мышлением, образованием, цивилизацией (понимаемой как гражданственность) и культурой. Формирование концепта Европа, насколько мы можем судить по материалам НКРЯ, происходит в первой половине XIX в.

Литература

- Александрова О. В. К вопросу о концепте и концептуальном анализе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой. М., 2009. С. 169 — 177.
- Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Вып. 2. Л., 1928. С. 28 — 44.
- Демьянков В. З. *Понятие и концепт* в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии №4 2001. С. 35 — 46
- Крюкова О. С., Поликарпов А. А. О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // Ученые записки Тартуского университета. Серия: Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текста. Том. 872. Тарту, 1989. С. 111 — 125.
- Кубрякова Е. С. Концепт // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90 — 93.
- Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии наук. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52, № 1. С. 3 — 9.
- Поликарпов А. А. Модель жизненного цикла знака: к теоретическим основаниям исторической лексикологии и дериватологии // Славянская лексикография: коллективная монография. М., 2013. С. 679 — 702.
- Попова З. Д. Методы и приемы исследования концептов // Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002. С. 96 — 189.
- САР-1 — Словарь Академии Российской. Т. 1 — 6. СПб., 1789 — 1794.
- Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2. М., 2001.
- Толль Ф. Г. Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний (справочный энциклопедический лексикон) Т. 1 — 3. СПб., 1863 — 1864.
- Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.

Formation of a concept «Europe»

O.E. Frolova (Russia, Moscow), olga_frolova@list.ru

Keywords: kontseptosfer, concept «Europe», formation of concept.

Summary: Formation of concept is followed by compatibility change: the adjective acts as attribute of nouns with metasemantics and with abstract names. Europe is important for the Russian concept communication with thinking, education, civilization and culture. Formation of concept *Europe* happens in the first half of the XIX century.

Грамматика семантики¹

Л. О. Чернейко (Россия, Москва), avollis@mail.ru

Ключевые слова: грамматика, семантика, прагматика, конвенциональная образность, проективный смысл

Аннотация: В данной работе предлагается расширение термина «грамматика» для включения его в уровень лексической семантики. В пределах этой теоретической структуры грамматическая правильность отношений между языковыми единицами определена не только логическими системами семантических маркеров, как типично для структурной семантики, но прежде всего символикой проективных значений (отображений) абстрактных предприятий, которые определяют обычные образы для слов, которые обозначают соответствующие понятия.

Надо научиться сводить каждое явление к его ряду, синтагматическому или ассоциативному, и согласовывать всё содержание грамматики с ее двумя естественными осями.
Ф. де Соссюр.

Структура словаря и грамматика лишь в общих чертах намечают контуры реальной структуры, образуемой языком в процессе непрерывного прорастаний выражении из одних сфер применения в другие.
Г.-Г. Гадамер.

1.1. В лингвистической аксиоматике центральное место занимают три постулата: 1. Будучи универсальной формой отображения и репрезентации мира, а также способом его «переживания», язык в своей целостности и его «конкретные языковые сущности не даны нам непосредственно в наблюдении» [Соссюр 1977: 142]. Единственной эмпирической реальностью, данной в руки лингвисту, является речь, а все концепции устройства языка, выводимые из ее анализа, представляют собою гипотетические конструкции, отражающие определенную точку

¹ В основе статьи лежит доклад, прочитанный 18 марта 2014 г. на пленарном заседании У конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность».

зрения исследователя и/или научного направления. 2. В речи нет отдельно ни грамматики, ни фонетики, ни семантики, но есть говорящий со своей языковой компетенцией и коммуникативной интенцией. А все выделенные в речи единицы языка, демонстрирующие его иерархическую структуру, — результат измерения речи с помощью такого инструмента, как уровень, о котором Э. Бенвенист писал как об «основном понятии для определения процедуры анализа», считая его инструментом анализа языка для выделения «элементов на основе связывающих их отношений» [Бенвенист 1974: 129]. 3. К числу базовых методологических лингвистических положений можно отнести те, которые сформулированы Ф. де Соссюром и Э. Бенвенистом и сводятся к тому, что «в лингвистике точка зрения создает объект» [Соссюр 1977: 46] и что «реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого объект определяют» [Бенвенист 1974: 129].

1.2. Термин «грамматика», подобно таким терминам, как «фонема», «лексема», «денотат», отображает различия в понимании стоящего за ним объекта, а семантическая «биография» термина во многом определяется географией лингвистических учений. Соссюр отмечал: между морфологией, синтаксисом и лексикологией «не может быть никаких заранее начертанных границ» » [Соссюр 1977: 169]. Многие ученые, как отечественные, так и зарубежные, сходятся во мнении, что если под грамматикой понимать набор правил, по которым соединяются слова и фразы для выражения значений, то такого набора грамматика как наука не выявила [Кравченко 2008, Лангаккер 1992]. Что же касается языкового поведения единиц, взятого в когнитивном аспекте, то его изучение требует переосмысления традиционного понимания грамматики, которая «в своем сложившемся виде пока не является грамматикой естественного языка» [Кравченко 2008: 36].

1.3. Выработанное в недрах отечественной академии наук определение термина «грамматика» представлено в «Русской грамматике-80» (РГ), в ЛЭСе, в энциклопедии «Русский язык», а также во множестве отечественных монографий и учебников. Различаясь в деталях, эти определения отражают совпадение теоретического взгляда на экстенционал термина, которым охватываются все уровни языка за исключением лексико-семантического: это словообразование, морфология, синтаксис. И если «Грамматика-80» включает фонетику (фонологию), то только

потому, что содержащиеся в ней сведения «необходимы в разделах, посвященных морфологии, словообразованию и синтаксису» [РГ 1980: 3]. В ЛЭСе (автор статьи «Грамматика» Н. Ю. Шведова) первое значение термина формулируется предельно широко («строй языка») и здесь же сужается: «Грамматикой называется вся несобственно звуковая и нелексическая организация языка, представленная в его грамматических категориях, грамматических единицах и грамматических формах», которые и составляют «строевую основу языка». Без этой основы «не могут быть созданы слова (со всеми их формами) и их сочленения, предложения (шире — высказывания) и их сочленения» [ЛЭС 1990: 113].

Предлагаемое «академическое» понимание грамматики, не оставляющее лексике шанса стать объектом грамматического описания, тем не менее включает в круг своего рассмотрения «синтагматические отношения слова, характерные для его функционирования в сообщении», которые объективируются «в системе языка как внутреннее свойство слова» и «являются основой для построения словосочетания» [Там же]. По логике автора, такой параметр лексической единицы, как его синтагматика, проходит по департаменту «нелексическая, т. е. грамматическая, организация языка», и имеет отношение к его строю, а сама лексика не имеет, хотя в синтагматике лексической единицы проявляется ее парадигматика, т. е. место в лексико-семантической парадигме. Как отмечает Е. В. Падучева (и к чему склоняются многие лингвисты, например [Кустова 2001], изучающие лексико-семантическую сочетаемость), «языковое поведение слова (сочетаемость, неполнота грамматической парадигмы и проч.) в существенной степени предопределено его значением» [Падучева 2004: 13].

Семантический анализ теста лингвистической статьи ЛЭСа, как и любого другого текста, дает возможность реконструировать тот мировоззренческий фундамент, на котором строится научное здание. Этот фундамент — «сборная модель языка» и ориентация на говорящего. Между тем а) «грамматические» рассуждения о механизмах текстопорождения имеют характер неверифицируемого знания (гипотезы); б) в речи нет отдельно ни грамматики, ни фонетики, ни семантики, о чем писал В. фон Гумбольдт («Расчленение языка на слова и правила — это лишь мертвый продукт научного анализа» [Гумбольдт 1984: 70]), а уровень, как уже отмечалось выше, не более чем инструмент описания языка, адекватность применения которого подтверждается фактами язы-

ка, но не позволяет, тем не менее, признавать за ним статус ни языковой онтологии, ни эпистемологической универсальности («Основным понятием для определения процедуры анализа будет понятие уровня», цель анализа состоит в выделении «элементов на основе связывающих их отношений» [Бенвенист 1974: 129]), а сама речь — не что иное, как коммуникативное поведение; в) в первоначальном понимании термина грамматика совпадает с наукой о языковых формах вообще, а не только о тех, которые современная наука считает грамматическими.

2.1. Сопоставление базовых положений концепций А. М. Пешковского и Р. Лангакера (или Лэнекера) позволяет выстроить аргументацию, раздвигающую установленные традицией границы грамматики, и ввести в качестве ее законного объекта единицы семантического уровня языка. Как считает Р. Лангаккер, «“автономия” грамматики является основным догматом современной теоретической ортодоксии», однако «неспособность предсказать точное количество членов дистрибутивных классов» [Лангаккер 1992: 38] не дает возможности признать грамматику автономной.

Не соглашаясь с пониманием языка как «алгоритмизированной системы» (языковые выражения «не составляют алгоритмически исчислимого множества») и отстаивая «коммуникативную» модель языковой структуры, в которой лексика, морфология и синтаксис образуют «континуум символических структур», Лангаккер считает, что грамматикой охватываются все факты языка при условии, что они имеют статус конвенциональных единиц, составляющих его «символические ресурсы», в которые входит и грамматическая форма как «конвенциональная модель» структурирования содержания.

Против догмата “автономии” грамматики ученый направляет свои главные аргументы: 1. Лексика, морфология и синтаксис образуют континуум символических структур, лишь произвольно разделяемых на отдельные компоненты грамматики; 2. Грамматика не автономный уровень языковой структуры, а «реестр символических ресурсов» языка, которым принадлежит и грамматическая форма («конвенциональная модель» структурирования содержания = схема, налагающая ограничения на содержание при соединении простых символических выражений в сложные); 3. Лексические единицы характеризуются внутренней, «символической сложностью» и различаются по степени членимости этой сложности, т. е. по возможности выделять в их содержании «более мелкие

символические единицы»: «чем больше схематичность символической единицы, тем больше вероятность того, что она попадет в традиционно-признанную сферу грамматики» [Лангакер 1992: 34].

Как «схемы, так и их воплощения включаются в грамматику языка при условии, что они имеют статус конвенциональных единиц» [Лангакер 1992: 38], среди которых важное место занимает конвенциональная образность, охватывающая а) альтернативные способы ментального конструирования (концептуализации) одной и той же ситуации (*стакан полупустой — стакан наполовину полный*) и б) «траекторию композиции» языкового выражения как простого (символически сложное слово), так и сложного (предложение). Базовыми для понимания лексической семантики (и в частности ее несвободной сочетаемости) как объекта грамматики являются два положения концепции Лангакера: понятие «конвенциональная образность» и идея членения символического содержания слова.

2.2. А. М. Пешковский в статьях «Литературной энциклопедии» [Пешковский 1925] сформулировал принципы лингвистического анализа, которыми он руководствовался в своей научной деятельности. Главные из них — разграничение терминов «слово-член» (слово в речи) и «слово-тип» (слово в языке), за которыми стоят две различные психо-лингвистические сущности: «отдельный психо-физиологический акт членения речи» и «ассоциативная группа представлений, обособившаяся в уме говорящего» [Пешковский 1925: 823–824]. Справедливо полагая, что «слово определяется из предложения», а не предложение составляется из слов, ученый предлагал «разборную» модель языка, согласно которой «внешнее членение речи» есть результат не «сложения представлений», а «расчленения» первоначально цельного «зародыша» мысли», выраженного в слове.

Понимание грамматики, предложенное А. М. Пешковским, имеет прямое отношение и к лексической семантике: «Грамматика начинается только там, где не только звуки, но и значение слова признается нецельным, разложимым, расщепленным на отдельные элементы» — «части значения слова» [Пешковский 1959: 76]. Но еще более широким является определение грамматики как «науки, которая устанавливает самое членение слова» [Там же] и, шире, «речи-мысли» [Там же: 124], тогда как «естественные речевые представления текут слитно» [Там же: 123]. Оно наметило перспективу такого членения значения слова, которое

в структурной семантике получило название «компонентный анализ», вернув к жизни достижения европейской аналитической мысли 13 века (каталонский теолог Раймунд Луллий^{2*}), а может быть, и самого Платона.

Выделяемые в содержании слова семантические компоненты (маркёры, ДСП) являются воплощением складывающихся между единицами того или иного лексико-семантического множества семантических отношений и позволяют объяснить особенности их синтагматики. А высокая степень членимости («схематичности») лексического содержания языковой единицы по-новому высвечивала лингвофилософскую проблему формы, о которой размышляли многие исследователи, включая и тех, чьи концепции уже были освещены (ср.: «непригнанность определения грамматики к определению формы» у Фортунатова [Пешковский 1959: 86], «термин “форма” возник как образное выражение для того факта сознания, в силу которого в ряде слов что-то нам представляется главным, субстанциальным, существенным, а что-то другое — добавочным, акцидентальным, случайным» [Там же: 88]; «единственно разумное определение “формы” отождествляет ее с фонологическим полюсом языковых единиц» [Лангаккер 1992: 39]).

3.1. Концепция грамматики А. М. Пешковского и Р. Лангаккера (членимость содержания и конвенциональная образность) позволяет подойти с грамматических позиций к анализу и объяснению особого рода словосочетаний, в которых реализуется так называемое «связанное» значение слова (*горький*: ОПЫТ, УПРЕК, ИСТИНА, РАЗОЧАРОВАНИЕ — *сладкий*: СОН, УЛЫБКА, СЛОВО, ГРЕЗЫ; *искать/найти*: ПРАВДУ, ИСТИНУ, КОМПРОМИСС, ОПОРУ — *потерять* ВЕРУ, ПОКОЙ, ТЕРПЕНИЕ, СОВЕСТЬ). Структурная семантика квалифицировала глагольную сочетаемость непредметных субстантивов как поверхностную (лексическую, узуальную), сосредоточив внимание на глаголах, воплощающих при произвольно выбранных субстантивах определенный глубинный смысл-параметр из списка ЛФ-параметров (это модель «Смысл-Текст» [Мельчук, Жолковский 1984]).

На этой модели основан и метод описания несвободной сочетаемости непредметных имен через систему исчислимых глубинных смыслов (ЛФ-параметров) в проекте «Словаря глагольной сочетаемости не-² См.: Чернейко Н. Г. Философия Рамона Люля // Каталонская культура: вчера и сегодня. М., 1997.

предметных имен» [Бирюк и др.: <http://dict.ruslang.ru>]), сфокусированный на глаголах: так, например, параметр *Исcep* (начинаться) при имени СКАНДАЛ-субъекте воплотится в глаголе *разразиться*, при имени ССОРА — *вспыхнуть*, при имени ДРАКА — *завязаться*. Однако фокусом лингвистического описания может стать и само непредметное имя. Именно тогда открывается перспектива моделирования концептуализации фрагментов непредметной (метафизической, умопостигаемой, идеальной) действительности, из которых и складывается языковая картина мира (имя ВРЕМЯ как субъект действия сочетается с глаголами физического действия, как, например, *разрушить*, *стирать*, *ломать*, *проглатывать* и многими другими, в которых воплощается глубинный параметр *Liq*, и не только с глаголами этой группы: *Время, прежде чем убить, лечит, и надежней не найти средства* — А. Королев. Вокруг да около). Следует отметить, что чем более абстрактным значением обладает глагол, тем меньше его роль в создании конвенциональной образности, тем более он «строевой» (ЗНАЧЕНИЕ *придавать* — ВНИМАНИЕ *уделять* — МЕСТО *отводить*).

Представители коммуникативно-функционального (КФГ) направления лингвистики (прежде всего М. В. Всеволодова и ее ученики), понимая язык как единую работающую структуру, термином «грамматика» предлагают охватить все факты, где обнаруживается действие языкового механизма [Всеволодова 2011]. Современная теория словосочетания, разработанная в рамках КФГ, определяет описательным предикатам (ОП) типа *дать совет* (*советовать*) особый статус, отличающий их и от создаваемых по грамматическим моделям свободных сочетаний (*дать книгу*), и от воспроизводимых фразеологических единиц (*дать дуба*). О необходимости приводить в соответствие структуры и смыслы, разграничивая синтаксически единые словосочетания по их «материальным» значениям, т. е. на семантической основе, говорил А. М. Пешковский (глагол *дать* в синтагмах *хлеб, пощечину, знак, урок, время, идею* [Пешковский 1959: 93]). Этот ряд можно продолжить асимметричным сочетанием: *дать сдачу* (в кассе и в драке).

КФГ, как отмечает М. В. Всеволодова, ведет активный поиск «правил образования и функционирования» описательных предикатов [Всеволодова 2011: 76]. Один из видов описательных предикатов (экспликаторы) представляет собой развертку глагола, которая квалифицируется

как альтернативный способ грамматического оформления информации в предложении. При этом исследователи отмечают, что далеко не все глаголы с соответствующими грамматическими параметрами имеют своим синтаксическим коррелятом описательный предикат, объяснение чему кроется, как представляется, в семантике «неразвертываемых» глаголов (в качестве примера «языковой неуклюжести» развертки глагола *укусить* А. М. Пешковский приводит *учинить укушение*). Кроме того, в языке много таких словосочетаний, которые по своей формальной структуре аналогичны дескрипциям-экспликаторам (ОП-1 с разными экспликаторами): это сочетания глагола с синтаксически зависимым, но семантически главным абстрактным существительным.

3.2. За многими абстрактными именами-субstantивами (АИ) стоят значимые для культуры духовные сущности (ценности). Ими, как считал И. Кант, социум «измеряет»^{3*} действительность («ключевые слова, «культурные концепты»). Ж. Деррида назвал *дар, веру, смерть, дружбу, справедливость* «невозможными для опыта», «неразрешимыми» предметами [Деррида 2000]. Но размышление об этих не возможных для эмпирического опыта предметах требует их овеществления, наглядности^{4**}, что достигается проекцией абстракций на предметы физического мира. По этой причине абстрактные субstantивы практически не имеют своих собственных предикатов и обрастают в ходе речевой деятельности предикатами вторичными — в основном это глаголы физического действия и дескриптивные прилагательные в их переносных связанных значениях: *отстоять истину в споре* (не=*отспорить*), *дать свободу* (не=*освободить*).

Существенное отличие «связанных» сочетаний непредметного имени с глаголом (*проглотить обиду*) от описательных предикатов (*нанести обиду=обидеть*) состоит **в их грамматической безальтернативности** — в синтагматической необходимости при передаче модусов невидимой **сущности соединяться** ее имени с «вторичными» глаголами и прилагательными.

³ Ср.: «Подобно «истине», не являющейся именем характеристики утверждений, «свобода» является не именем характеристики действий, но именем измерения, в котором действия могут получить ту или иную оценку» [Остин 2006: 205].

⁴ Ср.: «Представить чистое рассудочное понятие как мыслимое в связи с предметом возможного опыта — значит придать ему объективную реальность и вообще изобразить его» [Кант 1963–1966: 202–203].

тельными, фиксирующими эмпирический опыт. Если в лингвистическом описании словосочетания сфокусироваться не на глаголе, являющемся семантической функцией от имени, а на абстрактном имени, задающем топик суждения, то в его «фразеологическую парадигму» (термин В.Г.Гака [Гак 1968]) попадут члены достаточно хорошо изученных и расклассифицированных описательных предикатов. Некоторые из них находятся с сочетаниями-«проекциями» в отношениях пересечения (например, ОП-1 с экспликаторами *звучать, вводить, вселять, осыпать, погружаться, впадать*).

3.3. «Вещный» портрет абстракций неоднороден и противоречив: *свалка свободы, тиски свободы, хрупкий организм свободы, свобода безысходности, свобода не в подым* (А. Солженицын); *уважать свободу, дать свободу, вернуть свободу, нарушить свободу, лишить свободы, ограничить свободу, купить свободу, расхлебывать свободу; когда налетела свобода, почувствовали удушье; На человека возложена свобода* (Л. Баткин); *Но мы получили главное — свободу. Сегодня все пользуются её плодами.* Анализ сочетаемости имени СВОБОДА позволяет обнаружить те семантико-прагматические элементы его содержания, которые В. А. Успенский назвал «вещными коннотациями абстрактных существительных» [Успенский 1979] и традиция обнаружения которых восходит к работам И. А. Бодуэна де Куртенэ. Возникает закономерный вопрос: что направляет «поверхностную сочетаемость» абстрактных субстантивов, если отбросить пресловутую узуальность, которая ответом «так сложилось/принято» ничего не объясняет? Прототипом «вещного» портрета абстрактной сущности является не что иное, как сложившаяся в социуме «конвенциональная образность» стоящего за именем абстрактного феномена, дающая представление о различии в оценке и понимании свободы в разных культурах.

Диалоги, разворачивающиеся вокруг свободы, далеко не всегда направляются логикой мышления, рациональностью: В. Непомнящий: *Иерархия — это структурированность, это живое дело. А свобода — это ряска на болоте, безграничная такая, никакой структуры, сплошное гниение.* — А. Архангельский: *Единственное, с чем я не согласен, так это с тем, что свобода — болото. Свобода — это не болото. Свобода — это ветер* (А. Архангельский. «Тем временем»). Приведенный диалог является типичным образцом спора вокруг метафоры, кото-

рый присущ не только публицистической (*Этот музей — настоящий плавильный котел для современной моды* (ТВ 5.02.07) и художественной сферам, но и речи «строгой», научной, например: *Что же, жанр проповеди — это саркофаг?* — *Нет, этот жанр — плавильный котел* (диалог на защите кандидатской диссертации). Проанализированный материал диалогов разных типов речи (обыденной, публицистической, художественной и даже научной) показывает, что метафорика абстрактных сущностей является текстопорождающим фактором.

По Г. Гадамеру, этот диалог следует квалифицировать как герменевтический [Гадамер 1991], подлинный, поскольку именно в этом диалоге его участники если и не причастны единому смыслу, то причастны единой вещи, обретающей в диалоге свой язык, в котором себя обнаруживает сложившаяся традиция ее оречевления. Если же применить к подобным диалогам классификацию типов аргументации С. И. Поварнина, то совершенно очевидно, что они не вписываются в базовую дихотомию споров «из-за истинности мысли», «из-за доказательства», потому что в них нет ни того, ни другого, а относятся к разряду «недоказуемых тезисов» [Поварнин 1996: 38], к той его части, в которую входит «чувствуемое», образ, то неверифицируемое знание-представление о вещах умозрительных, истинная суть которых неведома и научному сознанию.

Бесспорный факт обязательной, а не факультативной символичности абстрактных сущностей и, соответственно, содержания имен этих сущностей, обуславливающей их сочетаемость и объясняющий её, является достаточным аргументом для «грамматикализации» этого объекта. Что касается обязательности проективного смысла [Чернейко 2009] и регулярности формы, его выражающей, то следует признать, что проективные смыслы абстрактной сущности относятся к обязательным (по причине отсутствия в сущностях наглядности) и регулярным (поскольку имеют специфическую форму своего выражения — вторичные предикаты, противопоставленные их буквальным значениям) языковым содержаниям.

Следует отметить, что означающим любого актуализированного значения асимметричного знака является синтагма — минимальный контекст, позволяющий идентифицировать значение, в том числе буквальное: *мелкий* — (параметрический ЛСВ) КАМЕШЕК/БИСЕР, РУЧЕЙ/ЛУЖА; (экономический ЛСВ) ХОЗЯЙСТВО/БИЗНЕС; (этический ЛСВ) НАТУРА/ДУША. В. Г. Гак считал глагол-«сателлит» абстрактного имени

в проективных сочетаниях аналогом аффикса в словообразовательной парадигме [Гак 1968]. Но если глагол — аналог аффикса, то имя — аналог корня, но корня, скорее, связанного, чем свободного. А фразеологическая парадигма АИ является тогда аналогом словообразовательной парадигмы (совокупностью кодериватов: ОБИДУ-объект *забывают, не стуют, лелеют, глотают*; ОБИДА-субъект *душит, захлестывает, подкапывает к горлу, перехватывает дух, застилает глаза*).

4.1. У всего нашего опыта языковое измерение: у физического категоризация (с разной глубиной таксономии одного семантического пространства в разных языках), у метафизического — концептуализация (с разными проективными смыслами одной абстрактной сущности). Содержание слова не исчерпывается логикой постижения мира, поскольку логика и вырастает из символики (мифологии как дологической формы мышления), и обрастает ею в процессе освоения умопостигаемого мира. Широкое определение А. М. Пешковским грамматики как науки, которая устанавливает членение не только слова, но и «речи-мысли», наметило перспективу «компонентного анализа» не только логического содержания слова, но и его символики, мифологии в широком смысле термина

Свободная сочетаемость слова регулируется синтаксическими правилами и логикой отношения между означенными фрагментами внеязыковой действительности. Сочетаемость несвободная (но не фразеологическая, а связанная) направляется сложившейся в языковых практиках социума имплицитной образностью абстрактной сущности. Эта образность, как было сказано, семантически (семантико-прагматически) обязательна, что обусловлено невозможностью вовлечения метафизического в эмпирический опыт без его проекций на элементы эмпирического опыта, и регулярна, что обусловлено противопоставлением любого предиката, взятого в его вторичной функции (в функции «вторичного предиката» при АИ), его буквальному значению, с актантов которого и считаются проективные смыслы абстрактной сущности (подробно методика изложена в [Чернейко 1997, 2007; Башкатова, Чернейко 2008; Бухтоярова 2010], хотя именно обязательность как параметр грамматического значения признается многими лингвистами основным. И именно обязательность проективного смысла стоящей за АИ сущности добавляет лексико-грамматической категории «абстрактные субстантивы» грамматичности.

Если принять во внимание тот факт, что означающим ЛСВ многозначного слова является та минимальная синтагма, в которой это значение актуализируется, то налицо противопоставление фигурального (символического) значения вторичных предикатов как функционально-семантического класса единиц языка их буквальным значениям, с которыми она находится в отношениях дополнительного распределения. И как не существует «родовых парадигм», а существуют «родовые классы», так не существует парадигмы вторичных предикатов, но существует их класс, обеспечивающий функционирование абстрактных имен в речи.

М. Я. Дымарский считает коннексию и иннексию двумя «базовыми принципами организации языковых структур» [Дымарский 2007]. Если эти принципы как базовые для языка распространить на словосочетание, то следует признать, что свободная сочетаемость субстантива с его предикатами есть проявление коннексии, а связанная — иннексии, где налицо семантическая притирка его элементов. Проведенные исследования текстов разных жанров, включая философские и лингвистические, подтверждают тезис Р. Лангаккера о «схематичности символических содержаний». Открытым остается вопрос, как их выявлять и описывать?

4.2. Ассоциативный ореол умопостигаемых сущностей, имена которых терминологически квалифицируются и как «ключевые слова», и как «культурные концепты», может и должен стать объектом грамматического описания. Объективные причины следующие: 1. В современной разговорной речи метафорика абстрактных сущностей является текстопорождающей, а грамматика традиционно нацелена на объяснение правил текстопорождения. 2. Модель ассоциативного ореола абстрактной сущности (resp. содержания ее имени) представляет собой членимое пространство, точнее, пространство, объединяющее выделенные при анализе сочетаемости ее имени проективные смыслы, входящие в зону «конвенциональной образности». 3. Высокая степень повторяемости проективных смыслов в лексико-семантической сочетаемости разных АИ с предикатами позволяет квалифицировать их как лингвистический инструмент описания. Повторяемость проективных смыслов феноменов, которые направляют сочетаемость их имен (глагольную и атрибутивную, а также с пространственными предлогами), дает ключ к обнаружению механизма возникновения несвободной (связанной) сочетае-

мости слова и к росту конкретности ассоциативного ореола абстрактной сущности за счет ее образных проективных смыслов.

К выдвинутой А. А. Поликарповым и подтвержденной им и его учениками гипотезе о тенденции к повышению степени относительной абстрактности каждого последующего значения слова в сравнении с «материнским» в его «жизненном цикле» [Поликарпов 2013] можно добавить гипотезу о росте (за счет увеличения проективных смыслов-образов) конкретизации ассоциативного пространства абстрактного имени, за которым стоит культурно значимая (нравственно-психологически) сущность,

Единицей измерения формы ассоциативного ореола АИ может служить термин «проективный смысл», который в противоположность термину «коннотация» (и даже «вещная коннотация» — В. А. Успенский) является инструментальным термином активной грамматики. Он ориентирован на моделирование конвенциональной образности ассоциативного (символического, мифологического) пространства абстрактной сущности, обуславливающей синтагматику ее имени (сочетаемость с глаголами, прилагательными, а также с пространственными предлогами). Проективные смыслы — это мера отношений между невидимыми сущностями, а также ассоциативным ореолом содержания имен, их называющих. В этом термине снято противопоставление образов логических и чувственных.

Метод выявления проективных смыслов абстрактной сущности состоит: а) в анализе актантной структуры буквального значения сочетающихся с ее именем «вторичных» глаголов, что позволяет составить список имплицитных метафор; б) в обобщении проективных смыслов в «лексикоды» (термин У. Эко) на собственно семантической основе (разграничение прагматики и семантики в этом случае не релевантно); 3) в сопоставлении лексикодов для обнаружения их повторяемости, что обуславливает возможность схематического представления символического пространства в зависимости от степени его членимости. Таким образом, повторяемость проективных смыслов в ассоциативном пространстве содержания разных имен дает возможность членения этих пространств, позволяющего говорить об их форме, а о проективных смыслах — как о мере ассоциативных отношений между ними.

В дополнение к таким хорошо изученным дескрипциям, как описательные предикаты с экспликатором (*оказать помощь, сделать шаг*),

можно ввести особый класс синтагм с абстрактным именем, синтаксически аналогичных как словосочетанию (*проглотить обиду*), так и предикативной конструкции (*обстоятельства складываются, события разворачиваются*), под названием, например, словосочетаний-проекций, которое указывает и на специфику фрагмента действительности, стоящего за семантически главным элементом словосочетания, и на способ его символизации в русском языке.

Схематичность символического пространства АИ по-новому высвечивает и лингвофилософскую проблему языковой формы. Поскольку проективные смыслы и их инварианты (лексикоды) напрямую связаны с правилами построения словосочетаний с абстрактным субстантивом, постольку их дальнейшее изучение внесет вклад и в грамматику словосочетания, и в философию грамматики, расширив границы ее объекта введением тех фактов, которые традиционная грамматика не считала научными, но в которых, тем не менее, обнаруживается действие языкового механизма.

Выводы. Ассоциативный ореол умопостигаемых сущностей, имена которых терминологически квалифицируются и как «ключевые слова», и как «культурные концепты», может и должен стать объектом грамматического описания. Объективные причины следующие: 1. В современной разговорной речи метафорика абстрактных сущностей является текстопорождающей, а грамматика традиционно нацелена на объяснение правил текстопорождения. 2. Модель ассоциативного ореола абстрактной сущности (resp. содержания ее имени) представляет собой членимое пространство, точнее, пространство, объединяющее выделенные при анализе сочетаемости ее имени проективные смыслы, входящие в зону «конвенциональной образности». 3. Высокая степень повторяемости проективных смыслов в лексико-семантической сочетаемости разных АИ с предикатами позволяет квалифицировать их как лингвистический инструмент описания. Повторяемость проективных смыслов феноменов, которые направляют сочетаемость их имен (глагольную и атрибутивную, а также сочетаемость с пространственными предлогами), дает ключ к обнаружению механизма возникновения несвободной (связанной) сочетаемости слова и к объяснению роста конкретности ассоциативного ореола абстрактной сущности за счет ее образных проективных смыслов. Что касается лексикографической практики, то вы-

деленные динамические модели внутрисловных переносов позволили Е. В. Падучевой говорить о «грамматике словаря» [Падучева 2004: 15], но, конечно, словаря не как лексикографического труда, а как лексической системы языка, которую лексикографический труд призван адекватно фиксировать. Создание словаря сочетаемости АИ на базе не художественных текстов, а тех, которые отражают основу нашего языкового бытия в повседневности, в еще большей степени помогло бы прояснению особенностей как нашей ментальности, так и нашей повседневности.

Литература

- Башкатова Д. А., Чернейко Л. О. Философско-лингвистический аспект изучения моды // Филологические науки. № 2. 2008.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бирюк О. Л., Гусев В. Ю., Калинина Е. Ю. Словарь глагольной сочетаемости не-предметных имен. <http://dict.ruslang.ru>.
- Бодуэн де Куртэнэ И. А. Языкознание, или лингвистика XIX в. // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. Т. 2. М., 1963.
- Бухтоярова Г. Ю. Отображение феноменов болезнь и здоровье в русской языковой картине мира. АКД. М., 2010.
- Всеволодова М. В. Язык: языковые универсалии и языковая специфика // Грамматика разноструктурных языков: сборник научных статей к юбилею профессора В. Ю. Копрова. — Воронеж: «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011.
- Гадамер Г.-Г. Язык и понимание. Неспособность к разговору // Актуальность прекрасного. М., 1991.
- Гак В. Г. Проблема лексико-грамматической организации предложения. Д.Д. М., 1968.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Деррида Ж. О грамматологии. М., «Ad Marginem», 2000.
- Дымарский М. Я. Коннексия и иннексия: базовые принципы организации языковых структур // Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб., 2007.
- Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. М., 1963–1966.
- Кравченко А. В. Наука, здравый смысл и понятие грамматики: к постановке проблемы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 10. Владикавказ, 2008.
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы семантической деривации. АДД. М., 2001.
- Лангаккер Р. У. Когнитивная грамматика. М., ИНИОН, 1992.
- Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). М., 1990.

- Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь. Вена, 1984.
- Остин Дж. Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006.
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Пешковский А. М. Слово. Слово отдельное // Литературная энциклопедия. В 2 томах. Т. 2. М.-Л., 1925.
- Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959.
- Поликарпов А. А. Модель жизненного цикла знака: к теоретическим основаниям исторической лексикологии и дериватологии // Славянская лексикография. Международная коллективная монография. Ред. М. И. Чернышева. М., 2013.
- Русская грамматика (РГ). Т. 1. М., 1980.
- Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семантика и информатика. Вып. 35. М., 1997.
- Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Чернейко Л. О. Новые объекты и инструменты лингвистики в свете старых понятий // Лингвистическая полифония. Сборник в честь Р. К. Потаповой. М., 2007.
- Чернейко Л. О. Лингвистическая релевантность понятия «концепт» // Текст. Структура и семантика: доклады XI международной конференции». Т. 1. М., 2009.
- Чернейко Н. Г. Философия Рамона Люля // Каталонская культура: вчера и сегодня. М., 1997.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.

Grammar of semantics

L. O. Cherneyko (Russia, Moscow), avollis@mail.ru

Keywords: grammar, semantics, pragmatics, conventional figurativeness, projective sense/

Summary: In the present paper the term «grammar» is proposed to be broadened to include the level of lexical semantics. Within this theoretical framework the grammaticality of relations between language units is determined not only by logical systems of semantic markers as is typical of structural semantics but primarily by the symbolism of the projective meanings (mappings) of abstract entities that define conventional imagery for the words which denote respective concepts.

Двувидовые глаголы в аспекте парадигматики

Т. В. Шмелева (Россия, Нижний Новгород), szmiel@mail.ru

Ключевые слова: двувидовые глаголы, парадигматика.

Аннотация: В статье анализируются двувидовые глаголы в аспекте парадигматики. Ставятся вопросы, насколько актуальна двувидовость глагола для современной языковой практики и какое парадигматическое толкование может получить этот разряд лексики.

Когда уходит человек, знакомый тебе лично, долго перебираешь эпизоды, общие для вас, пытаешься угадать в них что-то важное и объясняющее. Зная Толю Поликарпова со своего студенчества, вспоминаю какие-то обрывочные разговоры на бегу. Почему-то помнится, что как-то так же на бегу он хорошо отозвался о сборничке про парадигматику, которую мы издали в Красноярске [Парадигматика 1987]. И как будто в продолжение этого нашего обмена репликами предлагаю в сборник его памяти рассуждения о двувидовых глаголах в парадигматическом аспекте.

Эти глаголы обычно упоминаются в грамматических описаниях, учебниках и справочниках как явление, нехарактерное для глагольной системы — с иллюстрацией в виде нескольких примеров типа *женить*, *казнить* или *организовать*, *регулировать*, *госпитализировать* [Грамматика 1980: 591; Современный 1981: 311; Современный 1982: 218 — 219; Современный 1999: 487 — 489; Русский 2001: 594 — 595; Современный 2014: 216; Краткий 1995: 205; Матвеева 2010: 54].

В ряде учебников указывается на то, что «некоторые двувидовые глаголы переходят в разряд парных» за счет образования префиксальных форм типа *заночевать* и суффиксальных типа *конфисковывать*; что объясняется «общим стремлением языка к разграничению и четкому выражению видовых значений» [Современный 1982: 219].

Отмеченное в начале 1980-х гг. [Современный 1982: 219], в начале текущего столетия оно представлено в ряду «старых процессов» [Гловинская 2008: 189 — 193], то есть продолжающих сохранять актуаль-

ность; при этом примеры датируются самым началом века, самые поздние — 2004 годом. Сейчас, спустя еще 10 лет, стоит поставить вопросы, насколько актуальна двувидовость глагола для современной языковой практики и какое парадигматическое толкование может получить этот разряд лексики.

Прежде всего необходимо отметить безусловную активность двувидовых глаголов в медиасфере, и это побуждает их рассмотрение с позиций медиастилистики, что мне уже приходилось делать [Шмелева 2014]. По мнению многих лингвистов, эти глаголы пополняются, актуализируются (*позиционировать, монетизировать, люстрировать*) [Андросюк 2010], и без них обходится редкий медийный текст политической, культурной, научной, производственной, спортивной тематики. Так, в статье «НЕ НАДО **ИНИЦИИРОВАТЬ** БАНКРОТСТВО РФС И ЗАНИМАТЬСЯ ИНТРИГАМИ» (Т. Гансеев // Известия. 2014. 30 окт.) встречаем предложения: *Президент РФС Николай Толстых подвел итоги заседания исполкома и **раскритиковал** действия главы «Телеспорта»; Министерством спорта готовится законопроект, который позволит **регулировать** количество легионеров в летних видах; Президент РФС **прокомментировал** ситуацию с президентом ЦСКА Евгением Гинером, который позволил себе ряд некорректных высказываний во время летнего заседания исполкома. Могу только с сожалением **констатировать**, что Евгений Леннорович не выполнил свое обещание, данное на заседании комитета по этике: принести извинения исполкому.* Подтверждением их активности служит и регулярное использование в заголовках медийных текстов; помимо приведенного выше, см. заголовки «Известий»: «ЕСЛИ РЕГИОНЫ ПРОЯВЯТ ИНИЦИАТИВУ, БОЛЬШОЙ ТЕАТР ГОТОВ **ГАСТРОЛИРОВАТЬ**» (2014. 20 окт.); ЗАПАД **БЛОКИРУЕТ РАБОТУ** РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ (2014. 30 окт.).

Активность этих глаголов стимулирует их лингвистическое исследование в разных аспектах. Так, установлен их значительный объем — порядка 1400 единиц [Горобец 2009], и эти данные можно сопоставить с количественной характеристикой двувидовых глаголов в [Современный 1999], где указывается такой состав глаголов: 3 глагола на *-ать*; 5 — на *-ить*; почти 20 с приставками типа *воздействовать*; 700 глаголов на *-овать*, *-ировать*, *-изировать* [Там же: 489]. Данные расходятся почти двукратно, однако осторожность не позволяет с легкостью заключить,

что так же увеличился объем этой группы глаголов, возможно, здесь проявляется различие методик подсчетов. Вместе с тем значительность объема этой группы не вызывает сомнений.

Вызывает разногласия трактовки двувидовых глаголов. То их представляют как «глаголы, видовое значение которых в большей части форм специальными формальными показателями не выражено»: *обещать, исследовать, командировать, госпитализировать* [Грамматика 1980: 591]; то точка зрения сводится к тому, что они обладают особым вневидовым значением [Добрушина 2009: 150]; а то их считают парами омонимичных слов, например, *обещать* НСВ и *обещать* СВ [Горобец 2008]. Лингвисты обращают внимание на аналогии двувидовости с другими грамматическими явлениями — например, существительные общего рода или числовое значение несклоняемых существительных [Современный 1981: 311], падежные формы существительных III склонения [Современный 1999: 487]; связывают его с аналитизмом [Гловинская 2008: 192].

Но как бы ни трактовать видовые пары — как грамматические или как словообразовательные — их нельзя не признавать парадигмами, и отсутствие таких парадигм в столь значительном массиве глагольной лексики — факт, странный для русской лексики, пронизанной сложными парадигматическими связями. Отсутствие парадигмы остается неестественным состоянием для русского языка, хотя и получает историческое объяснение: одни глаголы образовались до формирования видовой парадигмы, другие заимствованы из языков, которым на неизвестна. Отсутствие видовой парадигмы составляет трудность для говорящего и пишущего по-русски, привыкшего легко оперировать в тексте видовыми значениями и так же легко получать необходимые формы.

Именно с этим связана отмечаемая лингвистами тенденция в использовании двувидовых глаголов — преодоление двувидовости, которая реализуется как приобретение одновидовости, как *стяжать* или *профанировать* [Гловинская 2008: 190] или образование дериватов — как префиксальных, так и суффиксальных [Современный 1982: 218 — 219; Современный 1999: 489; Гловинская 2008: 190 — 191].

При этом в [Современный 1999: 489] отмечается, что из 700 заимствованных глаголов 100 обладают такими парадигматическими способностями. По подсчетам Е. А. Горобец, 7,3% двувидовых глаголов образуют суффиксальные дериваты типа *демобилизовывать, нормализовывать,*

модернизовывать; а 11,7% — префиксальные дериваты типа *набальзамировать*, *забальзамировать*, *затранскрибировать*, *расклассифицировать* [Горобец 2008]. Если перевести эти относительные данные в абсолютные, получим 266 единиц (19% от 1400).

Такие префиксальные перфективы активные в современной медиасфере. При этом если в [Гловинская 2008: 192] приводятся примеры, преимущественно из спонтанной радишной речи («Эхо Москвы»), что создает впечатление явления, имеющего узкую сферу бытования, то я могу привести массу примеров из газетных и интернет текстов: *Программа «Социальная сеть», ориентированная на молодую сетевую публику, обсуждала грядущую амнистию и пыталась вместе с фигурантами самых громких политических процессов спрогнозировать, кто под эту амнистию попадет* (Новая газета. 2013. 19 дек.); *Федеральная антимонопольная служба среагировала на многочисленные жалобы россиян о повышении цен в магазинах... А корреспонденты «РГ» также зафиксировали еще и рост стоимости свинины и говядины* (Российская газета. 2014. 11 сент.); *Верно ли мое ощущение, что ваша фигура как бы саккумулировала громадную претензию провинции к Москве?* (Российская газета. 2014. 17 янв.); *Валерий Гергиев в течение нынешнего августа даст три симфонических концерта и продирижирует оперой «Троянцы» Гектора Берлиоза* (Российская газета. 2014. 13 авг.); *Да, я не вижу реакции партнеров, но я ведь могу их себе нафантазировать.* (Известия. 2014. 4 сент.); *Хороший учитель подкорректирует и плохой учебник* (Лит. газета. 2014. 27 авг. — 2 сент.); *Запад решил откорректировать взаимоотношения с Россией* (Д. Абзалов // Лента.ру. 2014. 31 окт.). *В палату регионов от Уфы откомандируют спикера местного парламента* (Известия 2013. 13 сент.). Наряду с журналистами их используют и авторы комментариев: *«Промониторил»* (Известия. 2014. 22 сент.); *отлюстрирует* (Газета.ру. 2014. 25 сент.); *Инновации Стива Джобса делалаишь совершенно другими людьми и компаниями. Мысль заключалась в том, что бы скопировать и разклеамировать* (BFM. 2014. 3 нояб.) и др.

Суффиксальные имперфективы встречаются реже, но их тоже можно привести: *Эрнст уже арестовывали в августе 2012 года во время слушаний по делу о «колорадском стрелке» Джеймсе Холмсе* (Русский репортер. 2014. №15); *Наше кино существует за счет государства, а у го-*

сударства есть потребность — реализовывать государственные идеи (Огонек. 2014. 19 мая); *Организовывая концерты для группы, многое становится понятным* (Российская газета. 2014. 22 апр.).

Симптоматично, что подобные формы используются и в заголовках медиатекстов, что говорит об их легитимности для авторов и редакторов: **АМЕРИКАНЦЫ СПРОЕКТИРУЮТ НОВЫЙ ЗИЛ** (Известия 2013. 13 сент.); **ЭКСПЕРТЫ СПРОГНОЗИРОВАЛИ ПОБЕДУ ДЕЙСТВУЮЩИХ ВЛАСТЕЙ В РЕГИОНАХ** (Лента.ру. 2014. 14 сент.); **ВЭБ ДОКАПИТАЛИЗИРУЮТ ЗА СЧЕТ ФОНДА НАЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ** (Известия. 2014. 23 сент.); **«КРАСНОДАР» «УПАКОВЫВАЮТ» ДЛЯ ИНВЕСТОРОВ** (о футбольном клубе — Известия. 2014. 17 сент.).

Располагая подобными фактами, представляется возможным охарактеризовать двувидовые глаголы как лексику с *просыпающейся парадигматичностью*.

Конечно, это «просыпание» нельзя считать явлением последнего десятилетия. Так, приведенный выше перфектив *продиржировать* производит впечатление новейшего, однако Национальный корпус русского языка фиксирует 34 таких примера, самые ранние — из А. Мариенгофа: *его сын, красавец, лицеист, приехавший по просьбе отца из Петербурга продиржировать мазуркой* (Бритый человек, 1929); и П. И. Чайковского: *продиржировал несколько симфоний Бетховена* (переписка, 1879). При этом нельзя не заметить, что авторы текстов — музыканты или имеющие прямое отношение к музыке.

В [Гловинская 2008: 192] со ссылкой на Н. С. Авилову приводится список глаголов, которые в XVIII и XIX веках имели дериваты типа *заатаковать, окритиковать, проманкировать*, но затем утратили их, что связывают с тенденцией к аналитизму. В связи с этим можно считать, что для нашего времени характерно образование таких дериватов «в пику» этой тенденции? Принимая во внимание эти факты, можно сказать, что видовая парадигматичность может то угасать, то снова активизироваться, и мы сейчас можем наблюдать именно такой процесс. При этом просыпающаяся парадигматичность не означает абсолютной регулярности семантики дериватов, как это убедительно показано по отношению к перфективу *покрестить* [Добрушина 2009].

Кроме того, нельзя не сказать, что деривационная парадигма двувидовых глаголов не ограничивается видовой парой: в медиасфере активно функционируют образованные от них причастия, главным образом страдательные; отглагольные существительные и даже наречия. Примеры всех этих форм можно привести из текста авторской колонки А. Наймана в «Новой газете» (2014. 17 сент.): *Всегда найдутся дезоринтированные, отчаявшиеся единицы; картинки были расфокусированы; урегулирование их берет на себя государство; сознание его занять чем-то контролированно отвлеченным*. Разумеется, такого рода примеры можно найти и в других медиатекстах, что еще раз подтверждаем факт наибольшей свободы и креативности языка медиасферы. В рамках мемориальной статьи нельзя не упомянуть тот факт, что фиксации и исследованию фактов языка этой сферы отдал большое время и немалые силы А. А. Поликарпов как заведующий Лабораторией общей и компьютерной лексикологии и лексикографии.

Литература

- Андросюк Н. В. «Новые» двувидовые глаголы // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20 — 23 марта 2010 г.): Труды и материалы / Сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 817 — 818.
- Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Наука, 2008. С. 187 — 267.
- Горобец Е. А. Двувидовые глаголы в современном русском языке: проблемы статуса и классификации: Дис... канд. филол. наук. Казань, 2008. Режим доступа: http://discollection.ru/article/13102008_gorobec_elena_anatol_evna_77785/3 (дата обращения: 09.09.2014).
- Горобец Е. А. Дувидовые глаголы: количественный состав // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2009. №2. В 3-х ч. Ч. II. С. 37 — 40; Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2009_2-2_15.pdf (дата обращения: 10.09.2014).
- Грамматика русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т.1. М.: Наука, 1980. 783 с.
- Добрушина Е. Р. *Крестить* или *покрестить*: в поисках причин победы узуса над нормой // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, соколекты, современные речевые жанры. Материалы

- международной конференции 19 — 21 июня 2009 года / Под ред. О. В. Фокиной. М. — Ярославль: Ремдер, 2009. С. 147 — 151.
- Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П. А. Леканта. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1995.
- Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону, 2010.
- Русский язык: учебник для студ. высш. учеб заведений / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия, 2001.
- Системный анализ значимых единиц русского языка. Парадигматика в лексике и словообразовании. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987.
- Современный русский язык: учебник для вузов / под ред. В. А. Белошапковой. — М.: Высшая школа, 1981.
- Современный русский язык: учебник / Под ред. П. А. Леканта. М.: Высшая школа, 1982.
- Современный русский язык: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Л. А. Новикова. СПб.: Изд-во «Лань», 1999.
- Современный русский язык / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб: Питер, 2014.
- Шмелева Т. В. Двувидовые глаголы с позиций медиастилистики (в печати)

Bi-aspectual verbs in aspect of paradigmatics

T.V. Shmelyova (Russia, Nizhny Novgorod), szmiel@mail.ru

Keywords: bi-aspectual verbs, paradigmatics.

Summary: In article bi-aspectual verbs in aspect of paradigmatics are analyzed. Questions are raised, how actual for modern language practice bi-aspectual verbs are and what paradigmatic interpretation can receive this category of lexicon.

Основные даты и события жизни Анатолия Анатольевича Поликарпова

01.03.1944 — 05.09.2014 гг.

А. О. Поликарпова

Родился Анатолий Анатольевич Поликарпов **01.03.1944** г. в городе Камышин Волгоградской (Сталинградской) области в семье военного и учительницы. **В школьные годы (1951–1961 гг.)** Толя был общительным, успешным и спортивным мальчиком. На родительских собраниях классная руководительница неизменно спрашивала его маму, Нину Ивановну, как она воспитывает сына. Проблем с поведением и учебой у него никогда не было. В старших классах он был чемпионом Москвы среди юниоров по тройным прыжкам и прыжкам в высоту. Любовь к спорту сохранилась у него на всю жизнь. Вплоть до его последней тяжелой болезни (2013 — 2014 гг.) он практически ни дня не проводил без движения. Это были и регулярные пробежки, и футбол, и баскетбол. Когда силы у него были на исходе, мы гуляли с ним по нашему парку в Раменках.

После школы Толя решил попробовать себя в рабочих специальностях. Почему было принято такое решение в семье, где отец, Анатолий Антонович Поликарпов, был успешным военным, непонятно. Вероятно, его природная любознательность повела его туда, где трудились люди иного склада ума и души. В это время он много писал и читал. Это были философские зарисовки о жизни, о ее смысле и цели.

С августа 1961 г. по июль 1962 г. он работал слесарем на Заводе им. Владимира Ильича, а **с октября 1962 г. по июнь 1963 г.** преподавал английский язык в восьмилетней школе № 180.

В июле 1963 г. поступил на романо-германское (вечернее) отделение филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по специальности английский язык и литература.

31 октября 1963 г. его призвали в ряды Советской Армии, где он прослужил три года — до **25 августа 1966 г.** Но даже в Армии Толя никогда не расставался с книгой: по свидетельству его ближайшего друга

и товарища по службе, Александра Пожарского, у Толи под кроватью всегда лежал рюкзак, туго набитый книгами. Руководство его роты, зная увлеченность своего солдата знаниями, делало скидку, позволяя ему неуставное содержание рюкзака в неполюженном месте. Надо сказать, что и Толя отвечал на такое отношение начальства сторицей: вместе со своим другом они регулярно выпускали стенгазету, размещая там интересный и злободневный материал.

10 октября 1966 г. по собственному желанию Толя был переведен на дневное отделение русского языка и литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

На первом курсе мы с Толей ни разу не встречались: часть зачетов и экзаменов ему были перезачтены с доармейской учебы, к тому же к этому времени он добился для себя индивидуального расписания и мог сам выбирать предметы для изучения. В то время это было большой редкостью, но ему поверили!

Наше первое, чисто визуальное знакомство с Толей состоялось в начале второго курса «на морковке», в сентябре 1967 года, по-моему, в Можайском районе Подмосквья. Мы сидели в столовой и периодически бросали взгляды друг на друга. И это было не случайно: и ему, и мне по отдельности наши однокурсники говорили, что есть такая хорошая девочка/такой хороший мальчик — совершенно свободные и очень подходящие друг другу. Но мы не были настроены на романтику: Толя в это время обдумывал очередную научную проблему (они у него всегда просто роились в голове!), а я, домашняя девочка, пыталась адаптироваться к условиям жизни, лишенной привычного тепла и уюта. Но эти взгляды оставили след в наших душах, потому что по приезде в Москву Толя пригласил меня на первое свидание — под мозаичным панно В. И. Ленина на станции метро «Библиотека имени Ленина». Меня почему-то не удивили ни причина этой встречи, озвученная им по телефону: «У вас нет общественной работы на факультете, и я хотел бы поговорить о нагрузке для вас», — ни тем более место встречи, которое явно не подходило для делового свидания. Я просто пошла...

Через некоторое время после нашего знакомства, когда стало понятно, что никто, кроме друг друга, нам уже не нужен, Толя очень серьезно (мне даже тогда показалось, что это было несколько преувеличенно),

сказал мне: «Ты должна знать: я тебя очень люблю, но науку я люблю больше». Тогда я подумала, что в этой фразе больше от оригинальности содержания, от молодого максимализма, чем правды по сути. Но скоро я поняла, что это очень глубоко продуманная правда, которую Толя не мог скрыть от меня в тот период, когда решалась судьба наших отношений. Наука для него была самой жизнью, самой религией и целью его существования... Он всегда шел в науке своим путем и всегда отстаивал свою правду, свое право на собственное видение и, пробираясь через тернии научных перипетий, добивался желаемых результатов.

Те же верность и любовь были присущи ему и в семейных отношениях...

На третьем курсе мы поженились, а на четвертом у нас родился сын Дмитрий.

В июне 1971 г. Толя успешно защитил дипломную работу («Situational Determination of Colloquial Speech Syntax») на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ и был рекомендован в аспирантуру.

2 августа 1971 г., по окончании МГУ, он был принят на должность младшего научного сотрудника филологического факультета.

Во время учебы и работы в МГУ Толя всегда вел большую общественную работу: он был комсоргом, а потом парторгом нашего курса.

С ноября 1972 г. по ноябрь 1975 г. он учился в очной аспирантуре филологического факультета. В 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Факторы и закономерности аналитизации языкового строя» (10.02.21) / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1976, под руководством профессора филологического факультета МГУ Л. В. Златоустовой. («Factors and Regularities of Analiticity Development in Language»).

В декабре 1975 г. переведен на должность преподавателя кафедры структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

25 июля 1976 года решением Совета по общему и структурному языкознанию МГУ ему присуждена ученая степень Кандидата филологических наук.

В **феврале 1977 г.** переведен на должность старшего преподавателя кафедры структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

В **1977–1978 гг.** получил научный грант IREX (The International Exchanges Board for Senior Scholars) для проведения научных исследований в США (Стэнфордский университет, Калифорния, отделение лингвистики). Эта поездка была серьезным шагом на пути к дальнейшей научной деятельности Толи.

В **1980 г.** у нас родилась дочь Виктория.

В **1981 г.** под его руководством создается Группа общей и прикладной лексикологии, помещение под которую Толя находит в соседнем подъезде нашего дома в Ясенево, потеснив Правление ЖСК «Университет». Он был горд своим детищем, дневал там и ночевал и с восторгом говорил: «Представляешь, какое это счастье: я делаю любимую работу, а за это еще платят деньги!». Он был абсолютным бесребреником, деньги его совершенно не интересовали, а наука была смыслом его существования. Это был период самоотверженной и безудержной работы всего коллектива Группы: О.В. Кукушкиной, В. Федотова, Ю. Крылова, Савчук, Л. Колодяжной, В. Курлова, А. М. Карапетянца, Долинского, Обуховой, А. Малова и др. За более чем десятилетний период существования группы, с 1981 по 1992 гг., ее сотрудниками были проведены следующие серьезные научные исследования:

— разработка теоретических оснований системного (в т. ч. системно-квантитативного) анализа языка [Поликарпов, 1981; 1981a; 1984; 1986a; 1986b; 1987; 1988; 1989; 1990; 1991; Борода, Поликарпов, 1984; 1987; 1988; Boroda, Polikarpov, 1988; Каримова, 1989; 1990; Каримова, Поликарпов, 1988; 1989; Крылов, Поликарпов 1990; Поликарпов, Тулдава, 1989; Савчук, 1990; 1992];

— проведение серии исследований по системной организации лексики, в том числе в форме создания и анализа корпусов текстов и словарных баз данных (БД) [Поликарпов, 1981; 1987; 1988; 1989; 1990; 1991; 1992; Поликарпова, Поликарпов, 1986; Поликарпов, Бушуева, 1985.; 1988; 1988a; Сафронова, 1986; Обухова, 1986; Поликарпов, Крюкова, 1988; Борода, Поликарпов, 1984; 1988b; Boroda, Polikarpov, 1988; Колодяжная, Поликарпов, Хотько, 1986; Колодяжная, Поликарпов, 1992; Малов, 1988; Каримова, 1989; 1990; Карапетянц, Обухова, Поликарпов,

1988; Долинский, 1988; 1990; Ахмеджанов и др., 1989; Каримова, Поликарпов, 1989; 1990; Савчук, 1990; Курлов, Поликарпов, 1991; Кустова, Поликарпов, 1991];

— анализ принципов и оснований прикладной лингвистики [Златоустова и др., 1989; Поликарпов, 1989; 1990; Поликарпов, Тулдава, 1990a];

— разработка и реализация начального варианта автоматизированной лексикографической системы [Поликарпов, Федотов, 1986];

— разработка методик сбора и анализа ошибок иностранцев в русской речи (серия работ 1985–1991 гг. по государственному заказу — руководитель А. А. Поликарпов, отв. исполнитель О. В. Кукушкина);

— активное участие лаборатории в создании и организации работы общесоюзной межвузовской проблемной группы «Текст как объект междисциплинарных исследований» (совместно с Тартуским университетом и Тбилисской консерваторией; в т. ч., проведение общесоюзных конференций и семинаров [KASOT-1986; PLAAT, 1988; APKL, 1990; EVKMIY, 1991; Борода, Долинский, 1986; Борода, Поликарпов, 1988b; Поликарпов, Тулдава, 1990b]).

Близкое соседство с научной лабораторией, конечно же, в какой-то степени упрощало жизнь Толи: не надо было каждый день ездить на перекладных (троллейбус — метро с пересадкой — троллейбус) в Университет, но усложняло нашу семейную жизнь. С присущей Толе щедростью и заботой о ближнем он оставлял ночевать у нас дома засидевшихся до ночи сотрудников, студентов и дипломников, делал с ними утреннюю пробежку в Битцевский парк, чуть ли не насильно кормил их на нашей кухне. А когда люди, смущенные таким натиском, отказывались, он говорил: «Садись! У нас так не принято!». Когда спустя какое-то время я отважилась на протест против такого явного вторжения в нашу личную жизнь, Толя стал носить еду в лабораторию, и ему было невдомек, что порой он оставлял нас без обеда — ведь этого требовала наука!

Это можно было воспринимать с какими угодно эмоциями, и, поверьте, эмоций было хоть отбавляй, но главное, надо было понять огромную душу Толи, в которой помещалось очень многое, неподвластное многим другим людям. С прискорбием хочу сказать, что и мне, молодой маме двух детей, не всегда были понятны мотивы его поступков. Но я, как женщина, защищала свой дом и детей, а он, как Мужчина, как Уче-

ный, как Революционер, защищал вечное, духовное — то, что должно остаться и останется после его смерти...

Страсть Толи к науке сопровождалась его страстью к книгам. Книжки покупались всегда, но особенно в день зарплаты: тогда книги приносились домой сумками! Он даже оговорил себе отдельную сумму с каждой зарплаты на покупку книг — 10 процентов. Читал он их всегда с карандашом или ручкой в руках, делая пометки на полях. Книжки у нас были везде: в гостиной, холле, в так называемой «темной комнате» — помещении, образовавшемся на стыке двух соседних подъездов при закруглении дома (это известный ЖСК «Университет», где мы приобрели квартиру в 1980 году), и, конечно, в его кабинете все стены были увешаны полками с книгами. Такую глубокую, искреннюю любовь к книге как неисчерпаемому источнику знаний Толя привил и своим детям — Дмитрию и Виктории. Дети пошли по папиным стопам: Дима закончил историко-филологический факультет ИСАА МГУ, Вита — филологический факультет МГУ. Толя обладал поистине энциклопедическими знаниями: практически на любой вопрос из разных областей он знал ответ. Его пытливый ум всегда и везде, ежедневно и ежечасно был в процессе работы. Сопоставляя факты, сравнивая, оценивая, анализируя, он Толя выдвигал неожиданные и поразительные гипотезы об устройстве мира и языка.

В октябре 1983 г. Толя был переведен на избранную по конкурсу и утвержденную должность доцента кафедры общего, сравнительно-исторического и прикладного языкознания филологического факультета МГУ.

27 февраля 1985 г. решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР ему присвоено ученое звание Доцента по кафедре общего, сравнительно-исторического и прикладного языкознания филологического факультета МГУ.

В 1992 г. на филологическом факультете МГУ им была создана и начала работать под его руководством Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии (подробно о Лаборатории см на сайте <http://www.philol.msu.ru/~lex/>).

В 1994–1995 гг. он получил грант американского фонда Фулбрайт (Fulbright) для научной работы и преподавания в университетах США (Стэндфордский университет, отделение славистики). В эту поезд-

ку Толя смог взять не только меня, но и дочку (сын в это время уже работал).

В **1998 г.** он защитил докторскую диссертацию «Циклические процессы в формировании лексической системы: моделирование и эксперимент» (“Cyclic Processes in Formation of Lexical System: Modeling and Experimental Studies”). (См. об основных положениях диссертации на сайте Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии по адресу: <http://www.philol.msu.ru/~lex/>).

21 мая 1999 г. решением Государственного высшего аттестационного комитета Российской Федерации Толе была присуждена ученая степень Доктора филологических наук.

В **апреле 2003 г.** он был переведен на должность профессора кафедры русского языка филологического факультета МГУ.

Летом 2011 г. Толя был приглашен в Гейдельбергский университет, в Институт славистики, (Германия) в рамках программы межвузовского обмена для преподавателей высших учебных заведений и исследований для совместной разработки проекта историко-этимологической базы данных славянских языков.

В 2012 — 2013 гг. он получил грант международной европейской научной программы ERANET-MUNDUS для преподавания и научной работы в Барселонском университете (Испания). В Барселоне Толя много работал, хотя, вероятно, был уже очень болен.

На протяжении многих лет (март 2004 — март 2014) вместе со своими коллегами из Лаборатории он готовил и проводил Международные конгрессы исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность».

Состав Оргкомитета

Председатель Оргкомитета Конгресса — ректор МГУ академик

РАН Виктор Антонович Садовничий

Заместитель Председателя Оргкомитета, Председатель Программного Комитета — декан филологического факультета МГУ, зав. кафедрой русского языка, профессор **Марина Леонтьевна Ремнева**

Заместитель Председателя Оргкомитета — зав. лабораторией общей и компьютерной лексикологии и лексикографии профессор **Анатолий Анатольевич Поликарпов**

Ученый секретарь Оргкомитета — канд. филол. наук **Суровцева Екатерина Владимировна**

Ответственный секретарь Оргкомитета по компьютерно-информационным вопросам — **Александр Александрович Варламов**

Ими подготовлено четыре из пяти Конгрессов: 2-ой — 18–21 марта 2004 г., 3-ий — 20 — 23 марта 2007 г., 4-ый — 20 — 23 марта 2010 г., 5-ый — 18 — 21 марта 2014 г. Все Конгрессы проходили с неизменным успехом и добрыми отзывами участников. Последний, пятый Конгресс, он готовил и проводил, будучи уже тяжело больным. Но все, как всегда, что он делал, было на высшем уровне.

В июле 2014 г. на Ученом Совете филологического факультета было принято решение о представлении Толи к почетному званию Заслуженного профессора МГУ. Окончательное решение принимается в Ученом совете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Но Толя его не дождался... Его жизнь прервалась 5 сентября 2014 г. в 3 часа 15 минут.

Но он не верил в свою смерть, никогда не говорил об этом, очень мужественно переносил все выпавшие на его долю испытания, практически до конца приезжал на факультет и сидел за компьютером, и даже за два дня до кончины он перенес дату своей встречи с коллегами именно на эти два дня. Мужество его и нас, его близких, заставляло верить в лучший исход, и, когда на вопрос собеседника о самочувствии он отвечал: «Ничего, прорвемся!» — казалось, что так оно и случится! Незадолго до кончины он сказал: «Мы с тобой прожили красивую жизнь, вырастили чудесных детей, и в этом самое большое наше счастье!». И добавил: «Я без тебя — ничто!». Но это были именно те слова, которые хотела сказать и сказала ему я: «А я без тебя — ничто!». До самого своего конца он признавался в своей любви и благодарности мне и детям, которых безмерно любил и гордился ими.

На похоронах Толи было много его друзей и коллег, было произнесено много добрых слов в его адрес. Толю не вернешь, но память о нем останется в душах людей, веривших в него и понимавших вселенскую широту его души.

Вот только некоторые из откликов на смерть Толи.

Словохотов Юрий Леонидович, профессор МГУ, доктор химических наук: «Я познакомился с Анатолием Анатольевичем лишь несколько

месяцев назад и очень высоко ценил его высочайшую эрудицию, человеческое обаяние и тот энтузиазм, с которым он включился в деятельность семинара. Его безвременная кончина — тяжелый удар для «физики общества» в МГУ*. Вклад Анатолия Анатольевича в это новое для России междисциплинарное направление определяется мировым уровнем его работ по математической лингвистике, в которых он, впервые в нашей стране, исследовал историю языковых символов инструментами филолога и физика

Примите мои глубокие соболезнования.
С глубоким уважением и скорбью,
Юрий Словохотов».

*Методы точных наук в исследовании общества, Ю.Л. Словохотов. Химический факультет МГУ, кафедра физической химии, Институт элементоорганических соединений РАН. slov@phys.chem.msu.ru. Новая дисциплина: физика общества.

Ассоциация исследователей российского общества.

Скорбим. Помним.

«Печальное событие — ушел из жизни замечательный человек, большой друг Ассоциации, известный ученый, доктор филологических наук, профессор Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Анатолий Анатольевич Поликарпов. На протяжении многих лет совместно с АИРО-XXI им был произведен комплекс исследований проблемы авторства литературных текстов, включая «Тихий Дон» Шолохова, произведений Крюкова, Родионова, Серафимовича. Результаты публиковались в сборнике «Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок». На филологическом факультете МГУ совместными усилиями создан сайт «Тихий Дон». Нерешенная загадка русской литературы XX века. Тексты. Материалы. Исследования».

Выражаем искренние соболезнования родным и близким».

Толя был неравнодушным человеком во всем. Он любил природу и поэтому вместе с другими активистами района активно участвовал в борьбе с незаконной застройкой парка в Раменках, где он жил последние четыре года своей жизни. Совет этого движения тоже выражает соболезнования по поводу его кончины.

In memoriam

Координационный Совет движения «За Раменский парк!» с прискорбием сообщает о кончине одного из первых участников нашего движения «За Раменский парк!», доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка МГУ им.М.В.Ломоносова Поликарпова Анатолия Анатольевича. Студенты и аспиранты филологического факультета МГУ помнят и знают его как блестящего лектора. А для нас он был боевым товарищем, который не жалел своего времени для борьбы против планов по незаконной застройке парка. Последний год он тяжело болел, неизлечимый недуг подтачивал его силы. Но назло болезни выходил на прогулку в наш Раменский парк. Мы помним Анатолия Анатольевича и выражаем соболезнования его супруге, сыну и дочери.

Многочисленные коллеги и друзья Толи писали о тяжести утраты для них лично и для российской науки в связи с его уходом. Вот что пишет в своем письме к нам друг, соратник и соавтор Толи **Василий Васильевич Поддубный** (Томский государственный университет, факультет информатики, кафедра прикладной информатики, профессор, доктор технических наук):

«Нет слов, чтобы выразить пустоту, образовавшуюся после ухода Анатолия Анатольевича... Какие у нас были планы, какие замыслы! Не могу поверить,

что его больше нет... Вот вижу его лицо, улыбку, слышу его голос... И не могу сдержать слез...

Закончил подготовку к печати полного текста нашего с ним доклада на QUALICO-2014 в Оломоуце и отправил его в Италию для публикации в трудах конференции. В конце ноября пройдет конференция в Анжеро-Судженске, в трудах которой на русском языке будет напечатана наша с Анатолием Анатольевичем большая статья, английский вариант которой будет опубликован в специальном сборнике издательством Springer. На днях закончилась переписка с издательством по корректировке статьи. Как Вы, наверно, знаете, на филфаке МГУ готовится сборник научных статей, посвященный памяти Анатолия Анатольевича. Я тоже послал туда большую статью с результатами, о которых не успел ему рассказать...».

Толя очень любил людей, уважал своих коллег, заботился о подчиненных, по-отечески относился к студентам, дипломникам и аспирантам, его поистине энциклопедические знания в любой области поражали. Его огромная душа вмещала так много...

... Забыть его невозможно, восполнить утрату некем — можно только смириться...

22.10.2014 г.

Испания. Монтсеррат, май 2013 г.

Конференция «Грамматика и языковой корпус 2012». — Grammar and Corpora 2012: 4th International Conference, ноябрь 2012 г. Доклад “Regularities of word-Formation in a System Theory of Language Evolution” — Anatoly A. Polikarpov (Moscow State University, Barcelona University).

На отдыхе в Подмосковье. И, как всегда, за работой

С внучкой на отдыхе в Подмосковье

С дочерью, сыном и внуком на отдыхе в Подмоскowie

**Библиография основных работ сотрудников лаборатории,
аспирантов и студентов
(в том числе упомянутых в статье)**

- Ахмеджанов М.С., Королев Е.И., Поликарпов А.А., Тройнова Т.Г. Дистрибутивно-статистический анализ лексики // Актуальные проблемы прикладной лингвистики. М.: Изд.-во МГУ, 1989. С. 97 – 108.
- Богданов В.В., Крюкова О.С., Поликарпов А.А. Хронологический морфемно-словообразовательный словарь русского языка: создание базы данных и ее системно-квантитативный анализ // Вопросы общего, сравнительно-исторического, сопоставительного языкознания. Вып.2. М.: Московский лицей, 1998. С.172 – 184.
- Борода М.Г., Поликарпов А.А. Закон Ципфа – Мандельброта и единицы различных уровней организаций текста. Тарту: Изд.-во Тартуского университета, Тарту, 1984. С. 35 – 60.
- Бушуева О.В., Поликарпов А.А. К вопросу о статическом анализе соотношения многозначности и контекстуальных признаков слов // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту: Изд.-во Тартуского университета, 1988. С.137 – 145.
- Бушуева О.В., Поликарпов А.А. Опыт построения контекстуального словаря и анализ его устройства // Теоретические и практические проблемы прикладной лингвистики. М.: Изд.-во МГУ, 1988. С. 40 – 65.
- Виноградова В.Б., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А., Савчук С.О. Компьютерный корпус текстов русских газет конца 20 – го века: создание, категоризация, автоматизированный анализ языковых особенностей // «Русский язык: исторические судьбы и современность». Международный конгресс русистов-исследователей. Москва, филологический ф.-т МГУ им. М.В.Ломоносова 13 – 16 марта 2001 г. Труды и материалы. М.: Изд.-во Моск. ун.-та, 2001. С. 398
- Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М.: URSS, 2013. 304 с.
- Каримова Г.О., Поликарпов А.А. Принципы выделения гиперлексемы как единицы лексической системы языка // Деривационные типы и гнезда в синхронии и диахронии. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 158 – 168.
- Колодяжная Л.И., Поликарпов А.А. Исследование системных параметров лексики на основе компьютерной версии синонимического словаря // Труды ма-

- шинного фонда русского языка. Том 2. Ин – т русского языка РАН. М., 1992. С. 3 – 15.
- Колодяжная Л.И., Поликарпов А.А. Системно – количественное исследование русской синонимии // Альманах «Говор». Ч.1. Д. Сыктывкар: Сыктывк. гос. университет, 1997.
- Колодяжная Л.И., Хотько Е.А., Поликарпов А.А. Принципы создания машинной версии словаря синонимов и исследование количественных характеристик его структуры // Техническое и алгоритмическое обеспечение информационно-преобразовательных систем. Рязань: Рязанский радиотехнический институт, 1986. С. 132 – 137.
- Кукушкина О.В. Основные типы речевых неудач в русской письменной речи. М.: Изд.-во МГУ, 1998.
- Кукушкина О.В. Словарная база данных «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка // Альманах «Говор». Часть 1. Д. Сыктывкар: Сыктывк. гос. университет, 1997. С. 35 – 40.
- Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. DicTUM – 1 – A System for Dictionary – Text Universal Manipulations and Analysis // XI International Conference «History and Computing», Moscow, Moscow State University, August 20 – 24 1996. Pp.50 – 52.
- Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Частотные и распределительные характеристики русских предлогов и синтаксис, с ними связанных (по «Ядерному компьютерному корпусу текстов русских газет конца XX – ого века») // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 47. М.: МАКС Пресс, том 47, 2013. С. 341 – 362.
- Кукушкина О.В., Суровцева Е.В., Рюдигер Д.Ю., Лапонина Л.В. Частотный грамматико – семантический словарь языка художественных произведений А.П.Чехова (с электронным приложением) / Под общей редакцией А.А.Поликарпова. М.: МАКС Пресс, 2012. 571 с.
- Поддубный В.В., Поликарпов А.А. Вывод закона синхронного полисемического распределения языковых знаков на основе диссипативной стохастической динамической модели эволюции знаковых ансамблей // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании: Материалы VII Междунар. науч. конф. М.: “Добросвет”, Изд.-во “КДУ”, 2011. С. 182 – 190.
- Поддубный В.В., Поликарпов А.А. Диссипативная стохастическая динамическая модель развития языковых знаков // КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ 2011 Т. 2 № 1 С. 3 – 24.
- Поликарпов А.А. On the Model of Word Life Cycle // Koehler, R., Rieger, B. (eds.) Contributions to Quantitative Linguistics. Dordrecht: Kluwer, 1993. Pp. 53 – 66.
- Поликарпов А.А. Анализ становления терминоведения как научная проблема // Русский филологический вестник. Т. 81. Вып. 1. М.: Московский лицей, 1996. С.105 – 113.

- Поликарпов А.А. Дискуссия о машинном фонде русского языка (выступление) // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М.: Наука, 1986. С. 211 – 213.
- Поликарпов А.А. Закономерности жизненного цикла слова и эволюция языка. Статьи 1, 2. // Русский филологический вестник. Тома 79, 80. М.: Моск. лицей, 1994 – 1995.
- Поликарпов А.А. Закономерности образования новых слов: моделирование процесса и его экспериментальное исследование // Язык. Глагол. Предложение. К 70 – летию Георгия Георгиевича Сильницкого. Смоленск, 2000. С. 211 – 227.
- Поликарпов А.А. Лексическая полисемия в эволюционном аспекте // *Linguistica – 1990* (Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis, No 911). Тарту: Изд.-во Тартуского университета, 1990. С. 76 – 86.
- Поликарпов А.А. О понятии «коммуникативная ситуация» // Методологические проблемы социальной лингвистики. М.: Изд.-во МГУ, 1986. С. 108 – 129.
- Поликарпов А.А. Полисемия: системно – количественные аспекты // *Количественная лингвистика и автоматический анализ текстов*. Тарту, 1987 С. 135 – 154. (Уч. зап. Тартуского гос. ун.-та. Вып. 774).
- Поликарпов А.А. Проблемы и перспективы автоматизации лексикологического и лексикографического анализа с помощью ЭВМ // *Использование ЭВМ в лингвистических исследованиях*. Киев: Наукова думка, 1990. С. 167 – 180.
- Поликарпов А.А. Проблемы количественно – системного исследования лексики. (Rec. ad op.: Ю.А.Тулдава «Проблемы и методы количественно – системного исследования лексики». Таллин, 1987) // *Количественная лингвистика и автоматический анализ текста*. Тарту: Изд.-во Тартуского университета, 1989. С. 143 – 151.
- Поликарпов А.А. Системно – количественный анализ лексической полисемии китайского языка во взаимосвязи со структурными и стилистическими характеристиками слов // *Вестник Смоленского государственного университета*, № 4 (8). Смоленск: Изд.-во Смоленского университета, 2009а. С. 133 – 152.
- Поликарпов А.А. Системно-количественный подход в лингвистике // *Научные школы в лингвистике*. Смоленск, 2007.
- Поликарпов А.А. Теоретические проблемы прикладной лексикологии // *Вестник МГУ*. Сер. 9. Филология. 1989. № 5. С. 64 – 74.
- Поликарпов А.А. Универсальные, типологические, локально – смысловые и частнолингвистические факторы исторической сменяемости знаковых единиц // VIII Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (Москва, 23 – 24 сентября 2009 г.): тезисы и доклады. М.: КлючС, 2009. С. 125 – 141.
- Поликарпов А.А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент. М., 2001.

- Поликарпов А.А. Элементы теоретической социолингвистики. М.: Изд. МГУ, 1979. 163 стр.
- Поликарпов А.А., Крюкова О.С. О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1989 (Уч. зап. Тартуского ун.-та. Вып. 872).
- Поликарпов А.А., Крюкова О.С. О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту: Изд.-во Тартуского университета, 1989. С. 111 – 125.
- Поликарпов А.А., Курлов В.Я. Стилистика, семантика, грамматика: опыт анализа системных взаимосвязей (По данным толкового словаря) // Вопросы языкознания. № 1. 1994. С. 62 – 75.
- Поликарпов А.А., Поддубный В.В., Кукушкина О.В., Кубарев А.И., Варламов А.А., Суровцева Е.В., Пирятинская Е.Ф. Комплексная тексто – аналитическая система «СтилеАнализатор – 2», основанная на Web – технологиях: разработка, наполнение данными и тестирование на прикладных задачах // Сайт лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии, 2014.
- Поликарпов А.А., Тулдава Ю.А. Волновая теория как одно из направлений квантитативной лингвистики текста (обзор – рецензия работ Ю.К.Крылова) // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту: Изд.-во Тартуского университета, 1989. С. 162 – 169.
- Поликарпов А.А. Закономерности активного и пассивного знания и незнания лексической системы русского языка московскими студентами // «Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный анализ. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвящённой юбилею заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических языка, профессора Л.Г.Бабенко 29.09 – 1.19.2011 г. Екатеринбург, Россия. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011.
- Поликарпова А.О., Поликарпов А.А. Опыт изучения уровня и характера индивидуального знания русской лексики // Квантитативные аспекты системной организации текста: Материалы Межвуз. семинара. Тбилиси, 1987.
- Савчук Л.О. Системные соотношения словаря общества и словаря индивида (с точки зрения активного и пассивного словарного запаса). Автореф. канд. дисс. М.,1997.
- Суровцева Е.В. Словарь тем писателя как разновидность идеографических словарей. На материале художественной прозы и драматургии А.П.Чехова (К постановке проблемы) // Acta Linguistica. София: Eurasia Academic Publishers, 2010. Том 4. № 2. С. 122 – 135.
- Суровцева Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Использование «Словаря языка Пушкина» в создаваемом корпусе пушкинских текстов // Авторская

- лексикография и история слов. Материалы Международной научной конференции к 50-летию выхода в свет словаря языка Пушкина. 2013. С. 30 – 38.
- Федотов В.В., Поликарпов А.А. Принципы и функции лексикографической АСНИ «Слово» // Техническое и алгоритмическое обеспечение информационно – преобразовательных систем. Рязань: Изд.-во Рязанского радиотехнического института, 1986. С. 137 – 141.
- Boroda M.G., A.A. Polikarpov. The Zipf – Mandelbrot’s Law and Units of Different Text Levels // Boroda M.G. (ed.) Musicometrica 1. Brockmeyer, 1988. Pp. 97 – 128.
- Polikarpov A.A. Towards the Foundations of Menzerath’s Law (On the Functional Dependence of Affix Length on their Positional Number within Words) // Peter Grzybek (ed.). Contributions to the Science of Text and Language. Word Length Studies and Related Issues. Dordrecht: Springer, 2006. Pp. 215 – 240.
- Polikarpov A.A. Asymmetric dualism of a language sign: on the mechanism of establishing harmony between polysemy and synonymy in natural language signs // Abstracts from Qualico – 2009 (Quantitative Linguistics Conference: «Text and Language: Structures, Functions, Interrelations», Graz, Austria, September 17-20 2009). Graz, Graz University, 2009.
- Polikarpov Anatoliy A. Some Factors and Regularities of Analytic/Synthetic Development of Language System. A paper presented at the Workshop on Language Typology within the XIII International Conference on Historical Linguistics, 10 – 17 August 1997, Duesseldorf, Heinrich-Heine-Universitaet.
- Polikarpov Anatoliy A. Chronological Morphemic and Word – Formational Dictionary of Russian: Some System Regularities for Morphemic Structures and Units // Proceedings of the 4-th International Conference on Formal Description of Slavic Languages. Leipzig, 2000.
- Polikarpov Anatoliy A. Cognitive Modeling of Language Evolution // Site «HumLang» (<http://www.philol.msu.ru/~humlang/>). М., 2001.
- Polikarpov Anatoliy A. Major Tendences in Micro – and Macro – Dynamics of Natural Language Lexical System. A paper presented at the Round Table discussion on the problem «Regularities in Natural Language Dynamics» at Qualico – 97, Chair of the round table discussion: Sheila Embleton.
- Polikarpov Anatoliy A. Semasiological and Word – formational Processes in Natural Language Lexical Evolution. A paper presented at Qualico – 97.
- Polikarpov, A.A. 2004. Cognitive Mechanisms for Emergence of some Regularities of Human Language Evolution // Text Processing and Cognitive Technologies. № 9. 2004 (The VII-th International Conference “Cognitive Modeling in Linguistics. Proceedings”). Moscow – Varna, 2004. Pp. 10 – 20.

Оглавление

<i>О. В. Кукушкина</i> «Жизненный цикл» Анатолия Анатольевича Поликарпова.....	4
<i>С. Н. Андреев</i> Корреляции равноуровневых признаков в главах «Евгения Онегина».....	6
<i>А. А. Антонова, Е. А. Ильюшина, А. В. Прохоров</i> Латентно-семантический анализ в задачах автоматической группировки лексических единиц.....	21
<i>С. И. Воробей</i> Анализ системных зависимостей стилистических, полисемических и частеречных характеристик лексики.....	32
<i>М. В. Всеволодова</i> Парадигматика как один из параметров грамматики.....	47
<i>И. В. Галактионова</i> Установление значений и денотатов языковых выражений как задача лингвистической экспертизы.....	80
<i>Jadranka Gvozdanić</i> A peculiarity of Russian verbal prefixation in a Slavic perspective.....	100
<i>Н. И. Голубева-Монаткина, Л. Л. Шестакова</i> Об опыте изучения староэмигрантской русской речи с помощью автоматизированной системы «Диктум».....	108
<i>А. А. Загнитко</i> Диагностирование семантических отношений в компьютерно-лексикографической практике.....	120
<i>А. В. Зубов</i> Информационная структура словаря для порождения русских поэтических текстов.....	136
<i>Д. А. Иванова</i> Синонимия лексических единиц русского языка в системной взаимосвязи.....	145
<i>Г. О. Каримова</i> Лексическое и грамматическое в слове.....	165

<i>А. Н. Качалкин</i>	
А. А. Поликарпов в его отношении к традициям и будущему русской лексикографии.....	179
<i>И. Б. Качинская</i>	
«Архангельский областной словарь»: электронные перспективы.....	190
<i>Е. В. Клобуков</i>	
Отражение графических заимствований в словарях русского языка.....	199
<i>Л. И. Колодяжная</i>	
Вспоминая Анатолия Анатольевича Поликарпова.....	218
<i>М. И. Конюшкевич</i>	
Предложные сочетания с конфирмативной семантикой в русском и белорусском языках.....	224
<i>В. В. Красных</i>	
Эталон vs. прототип: взгляд филолога.....	241
<i>О. В. Кукушкина, А. А. Варламов, Е. В. Суровцева, Е. Ф. Пирятинская</i>	
Анализ словарного знания: гипотезы и результаты.....	262
<i>С. В. Лесников</i>	
Анализ парадигматических отношений лингвистической терминосистемы.....	269
<i>Е. А. Нефедова</i>	
Об отношениях синонимии в морфосемантическом поле однокоренных слов.....	280
<i>Е. Н. Никитина</i>	
Родительный объектный и категория посессивности.....	291
<i>Н. К. Онипенко</i>	
Лицо, личность, одушевленность с позиции русистики.....	303
<i>Ф. И. Панков</i>	
Грамматические особенности языковых единиц в контексте учебной лексикографической практики.....	321
<i>Е. В. Петрухина</i>	
О модели жизненного цикла.....	340

<i>В. В. Поддубный, А. И. Кубарев, К. А. Михалёва</i> Сравнительный анализ эффективности распознавания авторского стиля текстов деревом решений.....	361
<i>Александр Пожарский</i> Газета «НАША 15-Я».....	384
<i>Поликарпов А. А., Поддубный В. В.</i> От теоретико-лингвистических представлений о протекании жизненного цикла языкового знака.....	391
<i>А. А. Поликарпов, Марк Руис-Соррилья Крусате</i> Трёхчастная типология толковых словарей С. И. Ожегова в системной пер- спективе.....	432
<i>Е. В. Полищук, Е. В. Суровцева</i> К проблематике анализа истории замысла и истории создания крупного литературного произведения.....	462
<i>О. Г. Ревзина</i> Спортивные текстовые онлайн-трансляции в аспекте стилистики.....	469
<i>И. В. Ружижский</i> Об идиоглосном статусе лексем ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ и ОБЩЕЧЕЛО- ВЕЧЕСКИЙ в текстах Ф. М. Достоевского.....	498
<i>М. Ю. Сидорова</i> «Рекомендации... по сохранению и расширению сферы применения рус- ского языка в РФ»: к итогам проекта.....	511
<i>Е. В. Суровцева, Е. В. Полищук</i> Иерейская проза на уроках РКИ: постановка проблемы.....	536
<i>О. Е. Фролова</i> Формирование концепта «Европа».....	541
<i>Л. О. Чернейко</i> Грамматика семантики.....	551
<i>Т. В. Шмелева</i> Двувидовые глаголы в аспекте парадигматики.....	567
<i>А. О. Поликарпова</i> Основные даты и события жизни Анатолия Анатольевича Поликарпова.....	574

Электронное научное издание

Памяти
Анатолия Анатольевича Поликарпова

Сборник научных статей

Все материалы публикуются в авторской редакции

Зав. отделом *Е. Г. Домогацкая*
edit@philol.msu.ru

Редактор: *М. Л. Ремнева*

Составитель: *Е. В. Суровцева*

Оригинал-макет: *А. А. Варламов*

Подписано в печать 25.08.2015.
Формат 60 x 90 / 16. Гарнитура Times.
Усл. п. л. 37,5. Тираж 100 экз.

Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.
Тел.: (495) 629-50-91, факс: (495) 697-66-71
E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru